Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт всеобщей истории Российской академии наук

На правах рукописи

Смирнов Святослав Викторович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ДИНАСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ СЕЛЕВКИДОВ В ЗЕРКАЛЕ ЦАРСКОЙ ИКОНОГРАФИИ

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН
Иванчик Аскольд Игоревич

Москва, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ ЦАРСКАЯ ИКОНОГАРФИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	39
§ 1.1. Корпус иконографических источников и проблемы их интерпретации	40
§ 1.1.1. Монеты	40
§ 1.1.2. Печати	68
§ 1.1.3. Весовые гири	88
§ 1.1.4. Прочие источники	100
§ 1.2. Царская иконография в визуальном пространстве эпохи эллинизма	108
§ 1.2.1. Монетная иконография: экономика, идеология, идентичности?	109
§ 1.2.2. Царская иконография и царская идеология Селевкидов	131
§ 1.2.3. Царская иконография в социокультурном контексте. Функции царской иконографии	142
§ 1.3. Иконография в фокусе количественного анализа	151
§ 1.3.1. Количественный анализ монет из драгоценных металлов	152
§ 1.3.2. Проблема выборки: об одной гипотезе П. Иоссифа	174
ГЛАВА 2. ЦАРСКИЙ МОНЕТНЫЙ ПОРТРЕТ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА	200
§ 2.1. Incerta omnia et ambigua: типология царских портретов эпохи эллинизма	200
§ 2.1.1. Божественные атрибуты: рога, астральные и солярные символы	201
§ 2.1.2. Символы власти и атрибуты полководца: диадема, шлем, кавсия	215

§ 2.1.3. «Шкуры» животных: лев, слон, орел, бык	224
§ 2.1.4. Бороды	230
§ 2.1.5. Парные портреты	240
§ 2.1.6. Женский портрет	246
§ 2.2. Царский портрет и царская идеология	252
§ 2.2.1. Портрет как государственный символ	253
§ 2.2.2. Портрет царя: образы, стили, художественный канон	263
ГЛАВА 3. ОТ СЕЛЕВКА I ДО СЕЛЕВКА IV (312–175 ГГ. ДО Н.Э.)	276
§ 3.1. Формирование государства Селевкидов и становление царской иконографии при Селевке I	277
§ 3.1.1. «Неизвестный в шлеме» – первый селевкидский монетный тип	277
§ 3.1.2. Якорь – династический символ Селевкидов?	290
§ 3.2. Антиох I и Антиох II: формирование иконографической модели	302
§ 3.2.1. «Зевс на троне» и «Аполлон на омфале» – генезис и эволюция двух главных монетных типов государства Селевкидов	302
§ 3.2.2. Селевкидская монетная чеканка в Бактрии: иконография соправительства	312
§ 3.3. Селевк II и Антиох Гиеракс: «война братьев» в зеркале монетной иконографии	323
§ 3.3.1. Монетная серия «Антиоха спасителя» и династический конфликт 246 г. до н.э.	325
§ 3.3.2. Монетный тип «стоящий Аполлон» – первая смена иконографической модели	334
§ 3.4. Антиох III – унификация монетных типов	340
§ 3.4.1. Ахей и Молон – иконография первых селевкидских узурпаторов	341

§ 3.4.2. Монетная иконография Антиоха III	353
ГЛАВА 4. ОТ АНТИОХА IV ДО ДЕМЕТРИЯ II (175–126 ГГ. ДО Н.Э.)	363
§ 4.1. Монетная иконография Антиох IV	364
§ 4.1.1. Царская иконография и денежная реформа Антиоха IV. Вторая смена иконографической модели	368
§ 4.1.2. Праздники в Дафне: новая династическая идентичность и ее иконографическая модель	383
§ 4.2. От Деметрия I до Александра I	390
§ 4.2.1. Монетная иконография узурпатора Тимарха в контексте кросс-культурных традиций Ближнего Востока и Средней Азии	391
§ 4.2.2. Царская иконография Деметрия I – третья смена иконографической модели	401
§ 4.2.3. Александр I и иконография династического противостояния	415
§ 4.3. Антиох VI и Диодот Трифон – новые иконографические идентичности	427
§ 4.3.1. Антиох VI – новые иконографические сюжеты как признак политической дестабилизации	427
§ 4.3.2. Шлем Диодота Трифона	436
§ 4.4. Антиох VII и Деметрий II – попытка стабилизации	445
§ 4.4.1. Иконография монет Антиоха VII – четвертая смена иконографической модели	445
§ 4.4.2. Деметрий II – две иконографические модели?	458
§ 4.4.3. Между Селевкидами и Парфией: иконография монет Селевкии на Тигре в середине II в. до н.э.	469
ГЛАВА 5. ОТ АЛЕКСАНДРА II ДО АНТИОХА XIII (126–64 ГГ. ДО Н.Э.)	486
§ 5.1. От Александра II до Антиоха IX	488

§ 5.1.1. Монетная иконография Александра II	488
§ 5.1.2. Клеопатра Тея и Антиох VIII: иконография соправительства	494
§ 5.1.3. Антиох VIII и Антиох IX: иконография династического противостояния и пятая смена иконографической модели	504
§ 5.2. От Селевка VI до Антиоха XIII	516
§ 5.2.1. Иконография монет Селевка VI, Антиоха X, Антиоха XI, Антиоха XII и Деметрия III: усугубление политического кризиса и последняя смена иконографической модели?	518
§ 5.2.2. Иконография монет Антиоха XIII и Филиппа Филадельфа: на пути к римскому протекторату	527
ГЛАВА 6. ПОСЛЕ СЕЛЕВКИДОВ. РЕЦЕПЦИЯ СЕЛЕВКИДСКОЙ ИКОНОГРАФИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ	534
§ 6.1. Подражания и имитации	534
§ 6.1.1. Подражания селевкидским монетам в Средней Азии	536
§ 6.1.2. Каппадокийские имитации монет Антиоха VII. Коммагенские имитации монет Деметрия I	546
§ 6.2. Рецепция	553
§ 6.2.1. Позднеантичные мозаики об основании двух полисов Сирии и монетная иконография Селевкидов	554
§ 6.2.2. Селевкидские иконографические мотивы в монетной иконографии ближневосточных государств II в. до н.э. – XII в. н.э.	569
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	576
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	584
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	587
ПРИЛОЖЕНИЕ	643

Введение

Актуальность темы. Настоящее исследование посвящено репрезентации событий политической истории, династической идеологии, а также отдельных институтов ближневосточной монархии Селевкидов конца IV – середины I в. до н.э. в памятниках царской иконографии. В рамках данного исследования под царской иконографией понимается комплекс тем, сюжетов и мотивов, а также особая система знаков, символов, художественных образов и стилей, связанных с официальной идеологией и отражающих ключевые идеологические установки царской власти и правящей династии Селевкидов, которые зафиксированы в памятниках визуальной культуры государственного происхождения. Корпус памятников царской иконографии включает четыре главные категории источников: монеты (царские выпуски золотых, серебряных и бронзовых номиналов), печати, принадлежавшие уполномоченным царским чиновникам, царские весовые гири и монетные надчеканки.

Актуальность темы определяется несколькими обстоятельствами. Исследования, посвященные политической и институциональной истории, а также проблемам царской идеологии государства Селевкидов, традиционно строятся на материалах письменных источников, преимущественно греко-римской литературной традиции. Между тем письменную традицию нельзя назвать наиболее релевантным источником применительно к данной теме по ряду причин. Прежде всего, это фрагментарность представленного материала и неполнота описаний. Исключая сочинение александрийского интеллектуала II в. н.э. Аппиана «Сирика», в котором в краткой форме представлен обзор политической истории Селевкидов, не сохранилось ни одного труда (в существовании таковых сомневаться не приходится), полностью посвященного истории династии Селевкидов. Информация о Селевкидах представлена в памятниках античной традиции в виде отдельных упоминаний, зачастую разрозненных и помещенных в более общий контекст. Важно отметить и жанровое разнообразие произведений, в которых сохранились сообщения об истории Селевкидов, это: исторические сочинения, речи, географические и военные трактаты,

памятники литературы, философские труды. Большинство письменных источников, которыми располагает исследователь, относятся к периоду позднего эллинизма и римской империи. Такое состояние письменной традиции стало причиной того, что современные исследования по истории Селевкидов все чаще строятся на междисциплинарном изучении различных групп источников: письменных, клинописных, археологических, эпиграфических и нумизматических.

Памятники царской иконографии обладают большим исследовательским потенциалом. Корпус этих источников представляет собой комплексный материал, состоящий из нескольких категорий, что обогащает исследование аналогиями и позволяет проводить сопоставительный анализ материала. Памятники царской иконографии – редкий для истории государства Селевкидов пример источника, хронологически совпадающего с отраженными в нем событиями и явлениями. Данные источники имеют весьма точную датировку, что также важно и значимо для исследований по истории древнего мира в целом. Материалы царской иконографии охватывают весь период истории государства Селевкидов. Особым преимуществом этих источников является их массовость, позволяющая использовать методы количественного исследования.

Памятники царской иконографии неоднократно оказывались в поле зрения исследователей, однако, в большинстве случаев в качестве дополнительного исследовательского материала. Нечасто они становились предметом специального исследования и ни разу не использовались комплексно в качестве основного источника по политической и институциональной истории государства Селевкидов. Корпус памятников царской иконографии Селевкидов является относительно новым источниковым материалом. Базовые каталоги монет и печатей Селевкидов были обновлены и дополнены в начале 2000-х, каталог весовых гирь был сформирован только в 2023 году, а каталога селевкидских надчеканок все еще не существует. Последние годы отмечены притоком новых экземпляров, в том числе хранящихся в российских музейных собраниях,

которые до недавнего времени оставались неопубликованными. В данном исследовании используются материалы (включая ранее неопубликованные) нескольких российских музейных собраний, которые были собраны и обработаны в ходе работы над каталогом монет государства Селевкидов из музейного фонда РФ.

Таким образом, **объектом исследования** является корпус памятников царской иконографии (монеты, печати, весовые гири, надчеканки), под которой понимается комплекс тем, сюжетов и мотивов, а также особая система знаков, символов, художественных образов и стилей, репрезентирующих ключевые идеологические постулаты царской власти и правящей династии.

Предметом исследования являются события политической истории ближневосточной монархии Селевкидов конца IV – начала I в. до н.э., а также идеология династии Селевкидов, представленные в памятниках царской иконографии.

Цель исследования заключается в изучении событий политической истории и династической идеологии ближневосточной монархии Селевкидов конца IV – начала I в. до н.э. на материалах корпуса памятников царской иконографии.

Для реализации поставленной цели обозначены следующие **задачи**:

- сформировать теоретико-методологическую базу исследования: охарактеризовать основные группы памятников царской иконографии, выявить ключевые проблемы и особенности их интерпретации, определить аналитические подходы и методологическую рамку исследования;

- опередить перспективы изучения памятников царской иконографии Селевкидов как идеологических агентов, инструментов пропаганды, участников процессов, связанных с культурной памятью, политическим и культурным самоопределением;

- разработать типологию царских монетных портретов эпохи эллинизма и определить взаимосвязь между царским портретом и царской идеологией;

- проследить эволюцию царской идеологии Селевкидов на примере смены ключевого монетного типа;

на материалах памятников царской иконографии:

- продемонстрировать процесс формирования династической идентичности Селевкидов в начале III в. до н.э.;

- проанализировать идеологические модели селевкидских узурпаторов;

- охарактеризовать династическую идеологию периода политического кризиса середины III в. до н.э.;

- рассмотреть процесс складывания новой династической идентичности Селевкидов в 160-е годы до н.э.;

- комплексно рассмотреть обстоятельства династического противостояния II в. до н.э. и его идеологическое выражение;

- проследить процесс территориального распада, ослабления центральной власти, усиления роли региональных элит в государстве Селевкидов во второй половине II в. до н.э.;

- продемонстрировать формы подражаний и рецепции монетной иконографии Селевкидов в монетном деле государств Ближнего Востока III–XII в.

Хронологические рамки исследования определяются периодом правления династии Селевкидов и временем их монетной чеканки, что в целом соответствует единому временному промежутку от 312 до 64 г. до н.э. В особых случаях исследование выходит за рамки данного периода – там, где требуется представить более широкий исследовательский контекст (формирование денежной системы эллинистических государств), а также при исследовании проблем рецепции селевкидской иконографии в культурах Ближнего Востока III–XII в.

Методология исследования. Комплексность рассматриваемого материала, специфика используемых источников и широта поставленной научной задачи предполагают проведение исследования на стыке нескольких исследовательских полей: истории, нумизматики, археологии, что подразумевает использование общих и специальных методов этих дисциплин.

Методологически работа опирается на современные достижения различных гуманитарных дисциплин и носит междисциплинарный характер. Выбор набора методов определяется особенностями анализируемых источников и зависит от конкретной исследовательской ситуации.

В основе исследовательского подхода в диссертационном исследовании находится принцип контекстуального изучения иконографического материала с учетом функциональной природы ее носителя. Контекстуальный подход или «правило контекстов» как основной принцип работы с античной монетной иконографией был сформулирован американским нумизматом Н. Элкинсом в работе «Coins, context, and its iconographic approach for the 21st century»[1]. Суть подхода заключается в изучении памятников царской иконографии (прежде всего, монет) как объектов двойного функционального предназначения, изначально выполнявших собственные экономические функции, дополнительно игравших роль носителей официальных изображений. Двойная природа этих объектов создает определенные условия, при которых изучение иконографии возможно только с учетом сферы использования носителя: экономической, идеологической, культурной, что подразумевает применение методов различных дисциплин, таких как история, нумизматика, археология, историческая антропология и искусствоведение.

Также основу исследовательского инструментария составляет комплекс методов современного исторического исследования: историко-динамический метод, предполагающий комплексный анализ изменений исторических процессов, историко-системный метод, который позволяет изучать объекты и явления прошлого как целостные исторические системы. Отдельное место отводится иконографическому методу, который, используя широкий круг аналогий, представляет репрезентацию политических событий и идеологии.

[1] *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century // Coin in Context I. New perspectives for the interpretation of coin find / H.-M. von Kaenel, F. Kemmers (eds.). Mainz am Rhein, 2009. P. 25–46.

Большое значение для изучения идеологического потенциала изображения имеют концепции культурной и исторической памяти в древности.

Ввиду специфики исследуемого материала, особое место в исследовании занимают специальные методы нумизматики. Среди них выделяются два ключевых: метод сличения штемпелей и анализ монетных кладов. Результаты штемпельного анализа дают представления об объемах монетной эмиссии, а также хронологической последовательности монетной чеканки, эволюции монетного типа[2]. Результаты штемпельного анализа позволяют определить периоды монетной чеканки, которые могут быть соотнесены с событиями политической истории. Исследование штемпелей требует репрезентативной выборки материала, включающей музейные собрания, частные коллекции, материалы археологии и интернет-аукционов. В современной нумизматике, кроме сличения штемпелей с целью выявления штемпельных пар, принято выделять несколько уровней штемпельного анализа: meta die analysis (количественные исследования объемов эмиссий, основанные на штемпельном анализе), inter die analysis (изучение штемпельных связей, групп, основанные на так называемом die identity), intra-die analysis (восстановление динамики монетной чеканки)[3]. Типология и анализ кладов, картография кладовых и некладовых находок демонстрируют территории и модели обращения монет в хронлогической динамике[4]. Анализ кладов и археологических находок показывает уровень распространенности монетных типов, а типология археологических находок подчеркивает условия бытования и использования монеты. Также в работе использованы дополнительные методы нумизматического исследования: стилистический, типологический, метрологический анализы, а также анализ состава монетного металла.

[2] *Göbl R.* Antike Numismatik. München, 1978. S. 220–222; *Alföldy M.* Antike Numismatik. Main am Rhein, 1978. S. 47–48; *Fischer-Bossert W.* Hermeneutik griechischer Münzbilder // Jahrbuch für Numismatik und Geldeschichte. 2019. 69. S. 6.

[3] *Glenn S.* Money and Power in Hellenistic Bactria. New York, 2020. P. 17–21.

[4] *Fischer-Bossert W.* Hermeneutik griechischer Münzbilder. S. 6–7.

В диссертационном исследовании применяются методы количественных исследований, которые позволяют установить объемы монетных эмиссий, проследить изменения монетной иконографии, а также определить степень репрезентативности выборки материала.

Источниковая база исследования сформирована в соответствии с формулировкой объекта и предмета исследования, а также поставленной целью и задачами. Она состоит из нескольких категорий источников: иконографические, материалы античной литературной традиции, археологические, эпиграфические, клинописные тексты.

Ключевой группой источников является *корпус памятников царской иконографии*, который включает: *монеты*, *печати*, *весовые гири*, *надчеканки*. Данная группа источников обладает высоким информационно-исследовательским потенциалом. Основной особенностью этих источников является их хронологическая синхронность с исследуемыми событиями и процессами. В отличие от литературной традиции, материалы которой традиционно формируют источниковую основу в исследованиях по истории эллинистических монархий, памятники царской иконографии можно назвать «источниками-современниками». Другой особенностью этих источников является официальный характер их происхождения, что отделяет их от других известных в древности памятников визуальной культуры: фрески, мозаики, памятники пластики, глиптики и торевтики. Весьма важно учитывать и двойную природу или двойное предназначение памятников царской иконографии. Будучи носителями официальных изображений, все они имели практическое предназначение. Изображение на этих предметах является не столько агентом информации, сколько знаком официального статуса предмета, хотя информативность этого знака остается достаточно высокой. Таким образом, монеты, печати, гири и надчеканки выступают одновременно как памятники иконографии, так и объекты материальной культуры, имевшие конкретное хозяйственно-бытовое предназначение.

Монеты государства Селевкидов являются важнейшим историческим источником не только в исследованиях, посвященных царской иконографии, но и во всех исследованиях по истории государства Селевкидов в целом. Все цари династии Селевкидов, а также узурпаторы чеканили монеты различных номиналов на нескольких работающих одновременно монетных дворах, а объемы монетных эмиссий были столь велики, что Селевкиды наряду с династией Птолемеев по количеству выпущенных монет и объемам выпусков занимали лидирующее положение среди всех эллинистических государств. Понимание монеты как продукта массового производства позволяет вписать отдельные памятники в широкий нумизматический контекст, что является ключевым условием использования монеты в качестве исторического источника, в том числе для изучения политической истории и монетной иконографии. Напротив, для релевантного нумизматического исследования, будь то история денежного обращения или анализ монетной иконографии, важна репрезентативная выборка материала. Для корректной интерпретации данных нумизматики важно учитывать территорию и время обращения монеты, объемы эмиссии, способ ее изготовления, метрологические параметры, а также скорость обращения монеты и контекст ее находок.

Вторым по значимости источником в иконографическом корпусе являются *печати*, а точнее оттиски печатей, дошедшие до нас в большом количестве в составе нескольких археологических комплексов. Имеющейся в распоряжении исследователя материал можно разделить на несколько категорий в зависимости от происхождения. Прежде всего, это архивы печатей, которые представляют собой археологические комплексы. Материалы архивов являются наиболее значимым источником, поскольку кроме самих печатей располагают богатым археологическим контекстом, позволяющим делать выводы о характере комплекса, времени существования, функциональном предназначении помещений архива. Среди крупнейших архивов селевкидских печатей можно назвать два крупных: Селевкию на Тигре, Урук, а также серию менее значимых: Дура-Европос, Джебел-Халид, Тель-Кедеш, Скифополь.

Дополнительно в исследовании используются материалы печатей династии Птолемеев из Эдфу и Неос Пафоса. В другую группу входят одиночные находки печатей, сделанные в ходе археологических раскопок. Такие материалы не всегда информативны для исследования документооборота и делопроизводства, однако, для общей выборки материала и изучения царской иконографии имеют такое же значение, что и материалы архивов. Третью группу составляют материалы, полученные из открытых источников, в частности, интернет-аукционов, где в последнее время сильно возрос интерес к этим артефактам. Происхождение, а иногда и подлинность отдельных экземпляров вызывают сомнения, однако, использование данной категории материала как дополнительного иконографического источника приемлемо.

Следующей категорией памятников царской иконографии являются *весовые гири*. Данный тип источников является относительно редким – на сегодняшний день известен 21 экземпляр царских весовых гирь государства Селевкидов, большая часть из которых относится к правлению поздних Селевкидов (II–I вв. до н.э.). Царские гири имеют не только изображение, но и легенду, в которой содержится царская титулатура. Область применения царских гирь остается предметом споров, однако, отличие весового торгового царского стандарта от современного ему полисного подразумевает функциональную обособленность этих весовых знаков. К сожалению, ни одна из известных царских гирь не происходит из археологического контекста. Наиболее полный корпус царских гирь Селевкидов представлен в базе онлайн проекта Pondera.com.[5]

Четвертую категорию иконографических источников представляют *монетные надчеканки* – клейма, нанесенные на монету с целью ее валидации. Надчеканки являются важным источником по истории денежного обращения. Контрмаркирование в определенных случаях санкционировалось центральными властями, а изображения на клеймах демонстрировали официальную символику. Важно различать селевкидские надчеканки на селевкидских

[5] https://pondera.uclouvain.be

монетах, и селевкидские надчеканки на иностранных монетах. Причины нанесения надчеканки на бронзовые монеты могли быть разнообразными: административными, налоговыми, политическими, военными, в то время как надчеканка на серебряной монете всегда была знаком валидации, интегрирующим данное платежное средство в общее обращение селевкидских монет. Дополнительными иконографическими источниками выступают: керамические монеты, штемпельные пробы и прочие монетовидные предметы, а также геммы, бюсты и статуи, мозаики.

Кроме корпуса памятников царской иконографии в диссертационном исследовании использованы данные других категорий источников. Для изучения политической истории большое значение имеют материалы *античной литературной традиции*. События политической истории государства Селевкидов представлены в трудах ряда античных авторов: Аппиана Александрийского «Сирика», Диодора Сицилийского «Историческая библиотека», эпитоме сочинения Помпея Трога «Филиппика», переданного в работе Юстина, Полибия «История», Афинея «Пир мудрецов», в сочинениях Иосифа Флавия «Иудейские древности» и «Иудейская война», в работах Порфирия, Страбона, Плутарха, Тита Ливия. История государства Селевкидов крайне неравномерно освещена в сочинениях античных авторов. Дополнительной проблемой являются большие временные зазоры между временем написания сочинения и описываемыми в нем событиями. За исключением Полибия, ни один из названных авторов не был свидетелем описываемых им событий. Тем не мнее реконструкция политической истории державы Селевкидов невозможна без использования данных письменной традиции и во многом строится именно на них. Особое значение в рамках диссертационного исследования имеют проблемы, которые относительно полно освещены в литературной традиции: династическое самоопределение Селевкидов, культурно-политическая идентичность жителей сирийского Тетраполиса, а также проблема формирования культурно-эстетического контекста появления царского монетного портрета эпохи эллинизма.

Для исследования династической идеологии и самоопределения Селевкидов большое значение имеют сообщения Аппиана, Павсания, Диодора и Юстина о божественном происхождении династии, которые формируют цикл легенд и сообщений, получивший в историографии название «Роман о Селевке». В данных сообщениях нашли отражение основные установки династической идеологии Селевкидов, что также находит подтверждение в монетной иконографии.

Важны и материалы позднеантичной традиции об основании городов сирийского Тетраполиса, сохранившиеся в трудах Иоанна Малалы и Либания. Оба этих повествования восходят к трудам более раннего историка II в. н.э. Павсания Антиохийского, чье сочинение, в свою очередь, строилось на городском фольклоре. В данных легендах об основании полисов хорошо прослеживаются модели полисного самоопределения. Сюжеты, связанные с основанием Тетраполиса впоследствии появляются и на монетах, а также представлены на недавно обнаруженных мозаиках. В рамках группы письменных источников особе место занимает философско-эстетическое наследие Аристотеля и перипатетиков.

Материалы *эпиграфики* содержат сведения о социально-экономической истории и административном устройстве государства Селевкидов, а также царском культе. Уникальным эпиграфическим свидетельством является упоминание печати царицы Лаодики с изображением якоря, что является редчайшим свидетельством использования изображения якоря в качестве персонального знака.

В качестве источника по политической и экономической истории ранних Селевкидов (до сер. II в. до н.э.) в работе также используются данные *клинописных документов* Вавилонии. Клинописные документы являются важнейшим источником по экономической истории Вавилонии эллинистического периода. В этих текстах (астрономические дневники, хроники, частные документы) содержатся не только сообщения о событиях политической истории,

но и упоминаются цены на товары, денежные суммы, а также сами монеты в контексте их повседневного использования.

Степень изученности проблемы. В историографии эллинизма памятники царской иконографии (прежде всего, нумизматики) традиционно рассматриваются как важнейший источник для изучения различных политических и идеологических процессов. Монетное дело Селевкидов не исключение – оно дает богатейший материал для исследования. Начиная с самых ранних работ, посвященных истории державы Селевкидов, монеты привлекались в качестве одного из наиболее важных источников. В историографии заявленной темы выделяются три ключевых направления, которые определяются самостоятельным комплексом исследовательских задач. 1. Систематизация и каталогизация материала. 2. Изучение носителя изображения в экономическом, административном, хозяйственном и прочих контекстах. Данное направление включает: исследования в области монетного дела и денежного обращения, изучение функций печатей, статуса их владельца, а также историю формирования и функционирования царских и полисных архивов, метрологические исследования. 3. Изучение царской иконографии в политическом и социокультурном контекстах. Первые два направления являются вспомогательными, хотя и формируют необходимую исследовательскую базу. Компактное разделение всей историографии предопределяет необходимость описания степени изученности проблемы в рамках выделенных направлений.

Первое направление является хронологически наиболее ранним. Традиционно сбор и систематизацию материала принято считать начальным этапом изучения монетного дела. Первые работы, посвященные анализу монет Селевкидов, появились еще в XVII в. Среди них – история династии Селевкидов «Seleucidarum imperium, sive historia regum Syriae ad fidem numismatum accommodate», написанная Ж. Фуа-Вайяном и опубликованная им в Париже в 1681 г.[6] Несмотря на описательный характер работы, примечательно, что одним из

[6] *Foy-Vaillant J.* Seleucidarum imperium, sive historia regum Syriae ad fidem numismatum accommodate. Lutetia Parisiorum, 1681.

главных источников автора в вопросах хронологии, а также титулатуры стали памятники нумизматики. Не обошел вниманием историю монетного дела Селевкидов и «отец нумизматики» И.-И. Эккель. В его фундаментальной работе «Doctrina nummorum veterum», посвященной классификации всего известного на конец XVIII в. материала по античной нумизматике, монетному делу Селевкидов уделена внушительная глава[7]. Как и в работах предшественников селевкидский материал И.-И. Эккеля был систематизирован по хронологическому принципу.

Однако, несмотря на ранний интерес к классификации селевкидских монет, первые специальные работы, посвященные монетному делу Селевкидов, появились только во второй половине XIX в. По мере накопления материала возникла необходимость общей каталогизации селевкидских монет. Так появились каталоги П. Гарднера[8] и Э. Бабелона[9], в основу которых легли крупнейшие коллекции Британского музея и Кабинета монет и медалей Национальной библиотеки Франции. Одной из первых попыток обобщения и анализа селевкидского нумизматического материала стала фундаментальная работа Э.Т. Ньюэлла[10]. Его работы отличались не только содержательностью и масштабом исследования, но и глубоким историческим, иконографическим и статистическим анализом собранного материала. Данные издание на долгие десятилетия стали основным ориентиром для поколений историков и нумизматов. В последующие несколько десятилетий интерес к селевкидской нумизматике продолжал неуклонно расти. Причиной тому стали находки новых монетных типов, сделанные в ходе археологических раскопок памятников Ближнего Востока и Средней Азии. Изучением этих находок занимались десятки исследователей, относившихся к различным научным школам. Итогом работы

---

[7] *Eckhel J.H.* Doctrina Nummorum Veterum. Vol. III. Vindobonae, 1792.

[8] *Gardner P.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of Greek Coins. The Seleucid Kings of Syria. London, 1878.

[9] *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. Paris, 1890.

[10] *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1938; *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1941.

стала публикация каталогов коллекций отдельных музеев, а также частных коллекций[11].

Важным событием для селевкидской нумизматики стала публикация двухтомного каталога «Seleucid Coins» под редакцией А. Хутона, К. Лорбер[12]. Этот всеобъемлющий труд на данный момент является наиболее полным собранием селевкидских монет. Главным достоинством этого издания является хронологический и географический охват материала. Именно широта поставленной задачи позволила создать первый в историографии полный каталог типов, серий и эмиссий монет Селевкидов. Каталог А. Хутона и К. Лорбер стал необходимой базой для всех исследований, посвященных монетному делу Селевкидов, и вызвал новую волну интереса к данной проблеме.

Однако, несмотря на фундаментальность каталога А. Хутона и К. Лорбер, процесс накопления материала продолжается и уже сейчас каталог «Seleucid Coins» нуждается в обновлении и дополнении, что признали и сами авторы, опубликовав в качестве приложения ко второму тому небольшой каталог дополнений. Первым проектом, призванным дополнить каталог «Seleucid Coins» стала онлайн база данных Seleucid Coins Addenda System[13], которая, впрочем, быстро уступила место более основательному проекту Nomisma.org, на основе которого была разработана онлайн база данных Seleucid Coins online[14]. Появление этого амбициозного проекта, который ставит своей задачей не столько дополнение каталога А. Хутона и К. Лорбер, сколько создание глобальной базы селевкидсикх монет, является не только новым этапом в процессе обобщения и каталогизации нумизматического материала, но и открывает широкие перспективы для специальных исследований по монетному делу Селевкидов, включая, штемпельный и метрологический анализ.

[11] Coins of the Seleucid Empire. From the Collection of Arthur Houghton. A. Houghton (ed.). New York, 1983; Sylloge Nummorum Graecorum. Israel I. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins. A. Houghton, A. Spaer, C. Lorber (eds.). Jerusalem–London, 1998.

[12] *Houghton A., Lorber C., Kritt B.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. I. Lancaster-London, 2002; *Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. II. Lancaster-London, 2008.

[13] https://seleucidaddenda.wordpress.com

[14] https://numismatics.org/sco/

Материалы каталога А. Хутона и К. Лорбер, дополненные базой данный Seleucid Coins Online[15], легли в основу выборки материала, использованного в диссертационном исследовании.

При всей основательности проекта «Seleucid Coins online» стоит обратить внимание на слабое знакомство авторов с селевкидскими монетами, хранящимися в коллекциях музеев Российской Федерации и стран бывшего СССР. Между тем российские музеи содержат богатые собрания эллинистических монет, в том числе, и селевкидских. Коллекция селевкидских монет Государственного Эрмитажа была опубликована еще в 1911 г. В. Фойгтом[16], который использовал в качестве каталога-определителя издание Э. Бабелона. В середине 1980-х годов вопросом публикации каталога монет государства Селевкидов из музейных собраний СССР заинтересовался нумизмат и археолог В.К. Голенко. В своей публикации раннеселевкидских монет из собрания Государственного исторического музея он отмечал важность и высокую научную значимость подобного издания. Работа исследователя над каталогом продолжилась до начала 1990-х гг. и нашла отражение в ряде публикаций[17]. Результаты работы В.К. Голенко были представлены в кандидатской диссертации «Монетное дело и денежное обращение в раннеселевкидском государстве», защищенной в Институте археологии АН СССР в 1990 г. В 1993 и 1995 гг. исследование В.К. Голенко было опубликовано на английском языке в виде приложения к журналу Mesopotamia[18].

---

[15] https://numismatics.org/sco/

[16] *Voigt W.V.* Die Seleucidenmünzen der Kaiselichen Ermitage zu St.-Petersburg: Bestimmt, Geordnet und Beschrieben // Journal International d'Archéologie. 1911. T. XIII. P. 131–177.

[17] *Голенко В.К.* Монеты ранних Селевкидов в собрании Государственного исторического музея // ВДИ. 1985. № 1. С. 47–56; *Голенко В.К.* Редкая медная монета Антиоха III в собрании государственного Эрмитажа // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 14–17.

[18] *Golenko V.K.* Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. I. The Reign of Seleucus I // Mesopotamia. 1993. Vol. XXVIII. P. 71–161; *Golenko V.K.* Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. II. The Reigns of Antiochus I and Antiochus II (280–261 and 261–246 BC). III. The Reigns of Seleucus II, Antiochus Hierax and Seleucus III. IV. The Reign of Antiochus III (223–287 BC) // Mesopotamia. 1995. Vol. XXX. P. 51–203.

В 2024 году был опубликован первый том сводного каталога монет государства Селевкидов из российских музейных собраний, который был создан в рамках проекта «Монеты государства Селевкидов. Российские собрания», реализованного совместно Институтом всеобщей истории РАН и Государственным историческим музеем в 2017–2024 гг.[19] В данном каталоге были опубликованы селевкидские монеты из 19 музейных собраний России, включая собрание Государственного исторического музея (Москва), Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва), а также ряда региональных музеев. Данное издание позволило обобщить материал российских музейных собраний, которые до того публиковались только частично[20], дополнив общий корпус материалов по монетному делу Селевкидов новыми экземплярами, а также примерами новых серий и эмиссий.

Параллельно с обработкой и каталогизацией нумизматического материала происходила систематизация и других источников: оттисков селевкидских печатей и весовых гирь. Публикация оттисков печатей стала возможна после раскопок Селевкии на Тигре, проведенных в конце 1920-х – 1930-х годах экспедицией Йельского университета, а в 1960–1970-х итальянской миссией из университета Турина. Материалы йельских раскопок были представлены в серии отдельных публикаций Р. МакДауэлла[21] и М.И. Ростовцева[22], а

[19] *Смирнов С.В., Захаров Е.В.* Монеты государства Селевкидов из российских коллекций. Каталог и исследование. Музейные собрания. Т. 1. М., 2024.

[20] *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2017. № 3. С. 720–751; *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Монеты государства Селевкидов из собрания Ивановского областного краеведческого музея // ВДИ. 2018. № 4. С. 959–969; *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Новые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2020. № 1. С. 150–170; *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Новые бронзовые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2021. № 4. С. 981–1014.

[21] *McDowell R.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.

[22] *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions // Yale Classical Studies. 1932. P. 3–114.

итальянских в работах В. Мессина[23] и А. Инверницци[24]. Особое значение имеют обобщающие каталоги селевкидских оттисков печатей из Селевкии на Тигре (под редакций А. Инверницци)[25] и Урука (под редакцией Г. Линдстрём)[26], а также каталог эллинистических гемм, собранный Д. Плантзосом[27]. В отечественной историографии публикации селевкидских печатей из собрания Государственного Эрмитажа посвящена работа А.Б. Никитина и В.А. Гаибова[28]. Царские весовые гири Селевкидов наиболее полно представлены в публикациях П. Вайса и К. Элинга[29].

Сбор и систематизация материала послужили необходимой базой для исследований по *второму направлению* в историографии проблемы – изучению истории монетного дела и денежного обращения Селевкидов, а также исследованию особенностей функционального предназначения царских печатей и гирь. История монетного дела и денежного обращения на эллинистическом Востоке уже на протяжении более ста лет остаются наиболее приоритетным направлением в нумизматике эпохи эллинизма и, по выражению М.И. Ростовцева, pium desiderium для поколений специалистов-нумизматов. Развитию этого направления способствует не только пополнение корпуса известных источников и каталогизация материала, но и археологические открытия. На сегодняшний день можно выделить несколько направлений в рамках исследований истории монетного дела и денежного обращения Селевкидов: изучение монет в археологическом контексте, изучение монетных кладов,

---

[23] *Messina V.* Seleucia al Tigri. L'edificio degli archivi. Lo scavo e le fasi architettoniche. Firenze, 2006.

[24] *Инверницци А.* Селевкия на Тигре, греческая метрополия в Азии // ВДИ. 1990. 2. С. 174–186.

[25] Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi / A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.

[26] *Lindström G.* Uruk. Siegelabdrücke auf hellenistischen Tonbullen und Tontaflen. Mainz am Rhein, 2003.

[27] *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxford, 1999.

[28] *Никитин А.Б., Гаибов В.А.* Селевкидские буллы в Эрмитаже // Hyanis. Труды Отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1. 2019. С. 119–141.

[29] *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige // Chiron. 2006. 36. S. 369–378; *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige II // Chiron. 2007. 37. S. 495–500.

исследования, посвященные штемпельному анализу, общие теоретические проблемы денежного обращения.

Впервые история денежного обращения в державе Селевкидов стала предметом специального исследования еще в 1920-е годы. Одним из наиболее заметных специалистов-нумизматов этого времени Э.Т. Ньюэллом были опубликованы несколько работ, посвященных монетному делу отдельных селевкидских полисов Антиохии на Оронте,[30] Ака-Птолемаиды, Дамаска[31] и Тира[32]. Серию работ по монетному делу Селевкидов посвятил А. Сейриг – ведущий специалист своего времени по истории и археологии древнего Восточного Средиземноморья[33]. Данные исследования позволили представить картину локального монетного дела и денежного обращения в отдельных регионах. Однако привлечение материала из музейных и частных собраний, который не всегда имел надежное археологическое происхождение, ограничивало результаты этих исследований. В 1939 году вышла первая работа, посвященная обзору денежного обращения Селевкидов и Атталидов, представленная М.И. Ростовцевым, где впервые были комплексно проанализированы кладовые находки и результаты археологических исследований[34]. В 1940–1950-е были опубликованы результаты археологических исследований Антиохии на Оронте[35], Селевкии на Тигре[36], и Дура-Европос[37], куда был включен и нумизматический материал.

---

[30] *Newell E.T.* Seleucid Mint of Antioch // AJN. 1917.

[31] *Newell E.T.* The Late Seleucid Mints in Ake-Ptolemais and Damascus // Numismatic Notes and Monographs. 1939. P. 1–107.

[32] *Newell E.*T. The first Seleucid coinage of Tyre. New York, 1921.

[33] *Seyrig H.* Antiquités syriennes // Syria. 1939. 4. P. 296–301; *Seyrig H.* Notes on Syrian Coins // American Numismatic Society Numismatic Notes and Monoraphs. 1950. P. 1–35; *Seyrig H.* Antiquités syriennes // Syria. 1958. 3–4. P. 193–196.

[34] *Rostovtzeff M.* Some remarks on the monetary and commercial policy of the Seleucids and Attalids // Anatolian Studies presented to William Helburn Buckler / W. Calder (ed.). Manchester, 1939. P. 277–298.

[35] *Waage D.* Antioch-on-the-Orontes. Vol. VI. Princeton, 1952.

[36] *McDowell R.* Coins from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935.

[37] *Bellinger A.R.* The Excavations at Dura Europos: Final Report VI, The Coins. New Haven: Yale University Press, 1949.

Начало масштабных археологических работ, проводимых на Ближнем Востоке и в Средней Азии 1960–1980-е годы, а также публикация музейных и частных собраний, открыли новый этап изучения монетного дела Селевкидов. Результаты археологических исследований способствовали не только пополнению корпуса источников новым материалом, но и сделали возможным более детальное изучение особенностей денежного обращения на эллинистическом Востоке. Начиная с 1960-х годов монеты Селевкидов, происходящие из археологических раскопок, стали публиковаться регулярно. Среди наиболее крупных комплексных публикаций селевкидских монет, обнаруженных на археологических памятниках, стоит назвать каталог Ж. Ле Ридера, в котором были собраны материалы археологических работ в Сузах[38], а также работу П. Бернара – каталог монет из раскопок Ай-Ханума[39]. В 1980–2020-х годах были опубликованы десятки работ, содержащих селевкидский нумизматический материал. Зачастую эти работы представляют собой общие публикации нумизматического материала, либо отчеты о проведенных археологических исследованиях, в то время как обобщающие публикации все еще остаются редкостью. Среди последних работ, посвященных анализу монетного дела Селевкидов по результатам археологических исследований, стоит выделить работы П. Иоссифа[40], Ф. Дюира[41], К. Нойманн[42]. Анализ археологического контекста монетной находки вызывает в последнее время в историографии

[38] *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes (Mémoires de la mission archéologique en Iran, t. XXXVIII). P., 1965.

[39] *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum, IV, Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne, Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 28. P., 1985.

[40] *Iossif P.* Using Site Finds as Basis for Statistical Analyses of the Seleucid Numismatic Production and Circulation. An Introduction to the Method // Les monnaies de fouille du monde grec (VIe-Ier s. a.C.). Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjean (eds.). Bordeaux, 2016. P. 263–296.

[41] *Duyrat F.* Wealth and Warfare: The Archaeology of Money in Ancient Syria. Numismatic studies 34. New York, 2016.

[42] *Neumann K.* Antioch in Syria. A History from Coins (300 BCE – 450 CE). Cambridge, 2021.

многочисленные методологические дискуссии. В работах Ф. де Каллатая[43] и П. Иоссифа[44] рассматривается проблема информативности археологического контекста, типология монетных находок, а также возможности и перспективы изучения археологической выборки нумизматического материала.

В качестве особого направления в истории изучения денежного обращения выделяется исследование монетных кладов и работы, посвященные штемпельному анализу. В 1973 году М. Томсон, О. Мёркхольмом и К. Крааем был издан фундаментальный каталог греческих монетных кладов, который стал базой для всех исследований по древнегреческому денежному обращению[45]. Начиная с 1980-х годов материалы этого каталога регулярно дополняются новыми данными, которые публикуются как в специальном издании Coin Hoards, так и в отдельных работах[46]. В 2010 году в десятом томе Coin Hoards была опубликована серия исследований, посвященных кладам селевкидских монет[47]. Кроме археологических кладов в издание вошли и так называемые «коммерческие» клады – нумизматические комплексы, представленные на аукционах, которые, не имея археологического происхождения, оказались в поле зрения исследователей. Данная категория кладов получила особое внимание ввиду особенностей методики работы с данным типом материалов. В 2023 году на базе проекта Nomisma.org была запущена онлайн база данных Coin Hoards, которая аккумулирует материалы всех кладов древнегреческих монет[48]. На данный момент известно о существовании 283 кладов селевкидских

---

[43] *de Callataÿ F.* De quoi les monnaies grecques trouvées en fouilles sont-elles le reflet? Propos diachroniques de méthode // Les monnaies de fouille du monde grec (VI-I s. a. C.). Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjen (eds.). Bordeaux, 2016. P. 239–261.

[44] *Iossif P.* Using Site Finds as Basis for Statistical Analyses of the Seleucid Numismatic Production and Circulation. An Introduction to the Method // Les monnaies de fouille du monde grec (VIe-Ier s. a.C.). Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjean (eds.). Bordeaux, 2016. P. 263–296.

[45] An Inventory of Greek Coin Hoards / M. Thompson, O. Mørkholm, C. Kraay. New York, 1973.

[46] *Davesne A., Le Rider G.* Le trésor de Meydancikkale. Gülnar II. P., 1989.

[47] Coin Hoards. Vol. X: Greek Hoards / O. Hoover, A. Meadows, U. Wartenberg. New York, 2010.

[48] http://www.coinhoards.org

монет, что является относительно небольшой, с учетом широкой хронологии и географии материала, но важной базой для исследования.

Работы, посвященные штемпельному анализу как монетных эмиссией отельных правителей династии, так и целых монетных дворов, представляют собой важное направление в изучении монетного дела Селевкидов. Наиболее полное штемпельное исследование монетного дела Селевкидов было проведено Ж. Ле Ридером на материалах монетного двора Антиохии на Оронте времени от Селевка I до Антиоха V[49]. Также подробно была изучена работа монетных дворов Ака-Птолемаиды и Аскалона[50], Экбатан[51], Суз[52], Ай-Ханума[53]. Штемпельный анализ продукции остальных монетных мастерских был проведен только частично. Среди работ, посвященных штемпельному анализу,

[49] *Le Rider G.* Antioche de Syrie sous les Séleucides. Corpus des monnaies d'or et d'argent, I: de Séleucos I à Antiochos V, c. 300–161 (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XIX). Paris, 1999. Вторая часть этого корпуса (от Деметрия I до Антиоха XIII), анонсированная А. Хутоном и О. Хувером, так и не увидела свет.

[50] *Voulgaridis G.* Les ateliers monétaires de Ptolémaïs-Akko et d'Ascalon sous la domination séleucide. PhD thesis. Strasbougr, 2000.

[51] *Boillet P.-Y.* Ecbatane et la Médie d'Alexandre aux Arsacides (c. 331 a.C. - c. 224 p.C.). Histoire monétaire et économique. PhD dissertation. Bordeaux, 2009.

[52] *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. Lancaster, 1997; *Новиков С.В.* Юго-Западный Иран в античное время. М., 1989. С. 85–96.

[53] *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. Lancaster, 2016.

выделяются исследования К. Элинга[54], А. Хутона[55], К. Лорбер[56], Л. Марест-Каффи[57], О. Мёркхольма[58], Д. Швая[59] и Л. Тейлор[60].

Большой вклад в изучение истории денежного обращения Селевкидов внесли советские исследователи. Традиционно изучение денежного обращения Селевкидов в советской историографии было сосредоточено на трех регионах: Средняя Азия, Закавказье и Северное Причерноморье. Советскими исследователями были опубликованы несколько кладов, включающих монеты Селевкидов и происходящих с территории Закавказья (И.А. Бабаев, С.М. Казиев, С.А. Дадшева, Х.А. Мушегян)[61] и Северного Кавказа (В.П. Дазгурова)[62]. Также монеты Селевкидов были опубликованы в числе нумизматических

---

[54] *Ehling K.* Eine seleukidische Münzstätte in Areia (Artakoana/Alexandreia) // SNR. 1997. S. 29–39.

[55] *Houghton A.* The Seleucid Mint of Mallus and the Cult Figure of Athena Magarsia // Studies in Honor of Leo Mildenberg / A. Houghton, S. Hurter et al. (eds.). Wetteren, 1984. P. 91–110; *Houghton A.* The Elephants of Nisibis // American Numismatic Society Museum Notes. 1986. P. 107–124; *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I: A Seleucid Mint at Beroea // SNR. 1987. P. 79–84; *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Seleucia on the Calycadnus // Numismatic Studies in Memory of C.M. Kraay and O. Mørkholm / G. Le Rider, K. Jenkins, N. Waggoner, U. Westermark (eds.). Louvain-la-Neuve, 1989. P. 79–98; *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Soli // NC. 1989. P. 15–32; *Houghton A.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Antioch and Tarsus // SNR. 1993. P. 87–106; *Houghton A., Müseler W.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Damascus // Schweizur Münzblätter. 1990. P. 57–62; *Hoover O., Houghton A., Veselý P.* The Silver Mint of Damascus under Demetrius III and Antiochus XII (97/6 – 83/2 BC) // AJN. 2008. P. 305–336.

[56] *Iossif P., Lorber C.* Marduk and the Lion // Liber amicorum Tony Hackens / Ed. by G. Moucharte et al. (Numismatica Lovaniensia, 20). Louvain-la-Neuve, 2007. P. 345–363; *Lorber C.* Die Study of the Antioch Tetradrachms of Antiochus VII Euergetes // NC. 2016. 176. P. 21–82;

[57] *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revisited // AJN. 2016. P. 1–63.

[58] *Mørkholm O.* The Seleucid Mint at Antioch on the Persian Gulf // American Numismatic Society Museum Notes. 1970. P. 31–44.

[59] *Schwei D.* The Reactions of Mint Workers to the Tumultuous Second Reign of Demetrius II Nicator // AJN. 2016. P. 65–104.

[60] *Taylor L.* From Triparadeisos to Ipsos. Seleukos I Nikator's uncertain mint 6A in Babylonia // AJN. 2015. Vol. 27. P. 41–97; *Taylor L.* Susa Mint: 311–301 // KOINON. The International Journal of Classical Numismatic Studies. 2020. P. 18–42.

[61] *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. 1971. Т. IX. С. 16–32; *Дадашева С.А.* Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ. 1976. № 4. С. 79–88; *Мушегян Х.А.* Монетные клады Армении. Т. 1. Ереван, 1973.

[62] *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов) / Отв. за вып. В.Г. Котович. Махачкала, 1975. С. 63–65; *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. Р.М. Магомедов. Махачкала, 1978. С. 29–40.

находок, сделанных в Средней Азии (Э.В Ртвеладзе, Е.В. Зеймаль)[63]. Отдельно стоит отметить дискуссию о возможных контактах державы Селевкидов и античных государств Северного Причерноморья (П.О. Карышковский, С.П. Потоцкий)[64]. В постсоветский период проблемы обращения монет Селевкидов также получили определенное исследовательское внимание[65].

Систематизация материала, исследование археологических находок и монетных кладов, а также результаты штемпельного анализа создали хорошую почву для теоретических исследований в области монетной политики,

---

[63] *Зеймаль Е.В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192–214; *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад: каталог выставки. Л., 1979; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983; *Зеймаль Е.В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 61–80; *Ртвеладзе Э.В.* Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987; *Ртвеладзе Э.В.* Селевкидские монеты Кампыртепа // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 2. С. 47–49; *Zeymal E.V.* Coins from the excavations of Takht–i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road. Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayma on his 65th birthday / Ed. by K. Tanabe, J. Cribb and H. Wang (Silk Road Art and Archaeology. Special Volume). Kamakura, 1997. P. 89–110.

[64] *Карышковский П.О.* Из истории отношений Селевкидского государства с Северо-Западным Причерноморьем // Палестинский сборник. 1962. Вып. 9 (72). С. 105–114; *Потоцкий С.П.* Сирийская серебряная монета Антиоха IV Епифана из клада монет на Украине // Палестниский сборник. 1958. Вып. 3 (66). С. 71–74.

[65] Средняя Азия: *Горин А.Н.* Некоторые проблемы истории и нумизматики Северной Бактрии в свете новых открытий (по материалам монетных находок крепости Узундара) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 252–341; *Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н.* Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 2011. № 4. С. 180–210; *Атаходжаев А.Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н.э. // Scripta Antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Т. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / Отв. ред. М.Д. Бухарин. М., 2013. С. 243–279; *Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х.* Об античных археологических горизонтах Сангиртепа (по поводу находки монеты Антиоха I) // Археология Узбекистана. 2014. № 2 (9). С. 87–98.

Закавказье: *Голенко В.К.* Материалы Кабалинского клада в свете формирования денежного обращения в Кавказской Албании // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 210–224.

Северный Кавказ: *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997; *Гаджиев М.С.* Шаракунский клад (Дагестан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М., 1999. С. 152–160. Также см. новейшие исследования: *Балахванцев А.С., Гаджиев М.С.* Находки селевкидских и птолемеевских монет в Дагестане и проблема Каспийского водного пути // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 4. С. 230–240; *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Клад селевкидсикх бронзовых монет из Южного Дагестана // ВДИ. 2024. № 1. С. 131–148.

Северное Причерноморье: *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* К вопросу об обращении селевкидских монет в Северном Причерноморье // Российская археология. 2022. № 1. С. 67–77.

монетизации, денежного обращения, периодизации монетного дела в государстве Селевкидов, а также для количественных исследований. Этим проблемам посвятили свои работы несколько поколений лучших специалистов по античной нумизматике. Как уже было отмечено, первой обобщающей работой стало исследование М.И. Ростовцева, опубликованное в 1939 году, однако, накопление материала, а также богатые археологические открытия и результаты штемпельного анализа создали почву для новых работ по данной проблеме. Концептуальное осмысление монетного дела Селевкидов было представлено в работах О. Мёркхольма[66] и Ж. Ле Ридера[67]. Большое внимание в этих работах уделялось проблемам эволюции весового стандарта, составу денежного обращения и доле монетного импорта в монетном обращении Селевкидов, функционированию монетных дворов и динамике монетного производства. Будучи специалистами-нумизматами широкого профиля, оба автора рассматривали денежное обращение в государстве Селевкидов как часть глобального экономического процесса монетизации эллинистического Востока и формирования новых экономических, политических и институциональных практик в эллинистических монархиях III–I вв. до н.э. Особый вклад в концептуальное осмысление монетного дела Селевкидов внес А. Хутон, которому принадлежит единственная на сегодняшний день хронология денежной политики Селевкидов[68]. Отдельным теоретическим вопросам денежного обращения посвящены

[66] *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C. // Ancient Coins from the Greco-Roman World. The Nickle Numismatic Papers / W. Haeckel, R. Sullivan (eds.). Waterloo, 1984. P. 93–113; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 1991.

[67] *Le Rider G.* Les alexandres d'argent en Asie Mineure et dans l'orient séleucide au IIIe siècle av. J.-C. (c. 275- c. 225). Remarques sur le système monétaire des Séleucides et des Ptolémées // Journal des Savants. 1986. P. 14–32; *Le Rider G.* Les voyage des monnaies d'argent, principalement dans le royaume Séleucide // Anatolia Antiqua. Esli Anadolu. 1991. P. 209–215; *Le Rider G.* La politique monétaire des Séleucides en Coelé Syrie et en Phénicie après 200. Réflexions sur les monnaies d'argent lagides et sur les monnaies d'argent seleucides à l'aigle // BCH. 1995. P. 391–404.

[68] *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy of the 2nd c. B.C. Reflections on the Monetization of the Seleucid Economy // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 49–79.

недавние работы П. Иоссифа и К. Лорбер[69], Ф. Дюира[70], М. Апергиса[71], О. Хувера[72], А. Мидоуса[73]. В отечественной историографии проблемам денежного обращения в государстве Селевкидов посвятил свои работы В.К. Голенко, который, в частности, исследовал феномен монетно-весового дуализма в период становления монетного дела Селевкидов при Селевке I[74].

На современном этапе изучения монетного дела Селевкидов все больше внимания уделяется проблемам количественного исследования материала. Использование методов математической статистики, которые стали широко применяться в нумизматических исследованиях с 1970-х годов, позволило не только подсчитать объемы монетных эмиссий, но и более предметно описать динамику монетного производства, выявив неравномерность монетной чеканки, определить скорость «движения» монет и социальную детерминированность монетных номиналов, установить связь между активными фазами монетной чеканкой и военными кампаниями, определить экономический потенциал отдельных государств. На сегодняшний день результаты количественных исследований имеют широкий спектр применения: от исследований по экономической и политической истории, до изучения религии и истории

[69] *Iossif P., Lorber C.* Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply in the Seleucid and Ptolemaic Empires // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 191–230.

[70] *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide (Syrie, Phénicie, Mésopotamie, Iran) // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 381–424.

[71] *Aperghis G.G.* The Seleukid Royal Economy. Cambridge, 2004.

[72] *Hoover O. Ceci n'est pas l'autonomie.* The coinage of Seleucid Phoenicia as royal and civic power discourse // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 485–508.

[73] *Meadows A.* The spread of coins in the Hellenistic world // Explaining Monetary and Financial Innovation: A Historical Analysis / P. Bernholz, R. Vaubel (eds.). Heidelberg, 2014. P. 169–195.

[74] *Голенко В.К.* Монетно-весовой дуализм Селевка I // ВДИ. 1991. № 1. С. 100–117.

повседневности. В рамках данной темы особое значение имеют работы Ф. де Каллатая[75] и П. Иоссифа[76].

Изучение царских печатей, включая типологию, было предпринято в уже упоминавшихся работах Г. Линдстрём и А. Инверницци. Однако до 2010-х годов данная проблема оставалась практически без внимания в историографии. В последнее время ей посвящено несколько работ, авторы которых открыли дискуссию о критериях типологии печатей (царские и частные), а также связи между типом печати и статусом документа. Среди авторов этой дискуссии стоит назвать Л. Марест[77], Т. Шрайбера[78] и Дж. Хикс[79].

Третье направление в историографии, обозначенное как исследование царской иконографии в политическом и социокультурном контекстах, появилось сравнительно недавно. Несмотря на то, что изображение на монете еще со времени эпохи Ренессанса привлекало внимание собирателей и авторов специальных работ, первые научные работы, посвященные монетной иконографии, относятся только ко второй половине XIX в. Изучение же монетной

[75] *de Callataÿ F.* Recueil quantitatif des émissions monétaires hellénistiques. Wetteren, 1997; *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities to Promote Coinage? // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics. Studies in Honor of G.M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin – Boston, 2020. P. 561–573.

[76] *Iossif P.* Seleucid Religion Through Coins: Is It Possible to Quantify 'Iconography' and 'Religion'? // Quantifying monetary supplies in Graeco-Roman times / F. de Callataÿ (ed.). Bari, 2011. P. 213–249; *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids: 'monetary' pantheon vs. 'glyptic' pantheon // Mythos. 2014. P. 35–53; *Iossif P.* Power is Money? A Quantitative Approach of the Coin Production of the Late Seleucids. Metal Numismatic Production Seen Through Hoard Data. A Quantitative Perspective // Les derniers Séleucides et leur territoire. Actes du colloque international organisé à Nancy les 20 -22 novembre 2019 (Études nancéennes d'histoire grecque 4) / In C. Feyel, L. Graslin (eds.). Nancy-Paris, 2021. P. 53–82.

[77] *Marest L.* Patterns of Use of Royal Portraits in Hellenistic Archives // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 163–178.

[78] *Schreiber T.* In Namen des Königs? Überlegungen zur Bedeutung und Funktion hellenistischer Siehel mit Herrscherporträts // Gesiegelt, Versiegelt, Entsiegelt. Studien zum Siegel(n) als Kulturtechnik von der Antike bis zum frühen Mittelalter / J. Auenmüller, N. Moustakis (hrsg.). Münster, 2022. S. 153–210; *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Untersuchung auf Grundlage quantitativer und qualitativer Merkmale von Siegelabdrücken aus Archivkontexten. Paderborn, 2023.

[79] *Hicks J.* Hollow archives: Bullae as a source for understanding administrative structures in the Seleukid Empire. PhD Thesis. London, 2016.

иконографии Селевкидов начинается только в 1960-е годы и достигает своего пика только ближе к концу XX века.

Раньше всего в поле зрения исследователей оказался монетный портрет. Первой работой, посвященной специальному изучению изображений на селевкидских монетах, стали две статьи Г. Макдональда, опубликованные в начале XX века. Впрочем, в этих работах приводится лишь общий обзор «портретной галереи» селевкидских царей, а какой-либо анализ материала отсутствует. После этого царский портрет Селевкидов долгие десятилетия оставался без исследователей. К нему опосредованно обращались авторы общих работ по истории монетного портрета. Начиная с 1980-х к проблеме царского портрета (включая монетный) стали обращаться специалисты-искусствоведы. В 1980-1990-е вышло несколько как общих, так и специальных работ Дж. Поллитта[80], Б. Смита[81], Р. Фляйшера[82], А. Хутона[83], посвященных эллинистическим и селевкидским портретам. А. Инверницци отдельно исследовал портреты Селевкидов на печатях[84]. В 2000-е в историографии большое значение приобрела проблема зарождения портрета, в том числе и монетного. Этому вопросу посвящены работы Дж. Кролла[85] и А.А. Трофимовой[86]. В современной историографии большое внимание уделяется проблемам нарративности монетного

[80] *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986.

[81] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. Oxford, 1989.

[82] *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. Porträts seleukidischer Könige // Akten des XIII. Internationalen Kongress für klassische Archäologie, Berlin 1988. Mainz, 1990. S. 33–36; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Bd. I. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein, 1991; *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins // Aspects of Hellenistic Kingship / P. Bilde (ed.). Aarchus, 1996. P. 28–40.

[83] *Houghton A.* A Colossal Head in Antakya and the Portraits of Seleucus I // Antike Kunst. 1986. P. 52–62; *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I: A Seleucid Mint at Beroea // SNR. 1987. P. 79–84; *Houghton A.* The double portrait coins of Alexander I Balas and Cleopatra Thea // SNR. 1988. P. 85–95.

[84] *Invernizzi A.* Portraits of the Seleucid Kings on the Sealing from Seleucia-on-the-Tigris: A Reassessment // Bulletin of the Asia Institute. 1998. P. 105–112.

[85] *Kroll J.* The Emergence of Ruler Portraiture on Early Hellenistic Coins // Early Hellenistic Portraiture. Image, Style, Context / P. Schultz, R. von den Hoff (eds.). Cambridge, 2007. P. 113–122.

[86] *Трофимова А.А.* Существовал ли портрет в античном мире? К проблеме жанра // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб, 2017. С. 39–50.

портрета (Дж. Ма)[87], социальным функциям портрета (М. Майер[88], К. Шиди[89], Ш. Агер и К. Хардиман[90]), стилям и образам царского портрета (М. Ковач[91], Д. Свенсон[92], А.А. Трофимова[93]). В обобщающей работе, посвященной 400-летию истории изучения эллинистического портрета, большое внимание уделяется типологии царских портретов[94].

Начиная с середины 1990-х отдельные сюжеты, связанные с изучением монетной иконографии Селевкидов, становится предметом специальных работ. О. Хувер[95] и А. Хутон[96] провели анализ иконографии монетной серии с «неизвестным в шлеме». Широкому кругу проблем монетной иконографии Селевкидов посвятил свои работы П. Иоссиф: династические культы и их

[87] *Ma J.* Lire les portrait hellénistique: pistes // Bilder der Macht. Das grichische Porträt und seine Verwendung in der Antiken Welt / D. Boschung, F. Queyrel (Hrsg.). Paderborn, 2017. P. 49–64.

[88] *Meyer M.* Frauen für Kriesen: Die raren Münzbildnisse der Seleukidinenn // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 264–267.

[89] *Sheedy K.* Magically back to life: Some Thoughts on Ancient Coins and the Study of Hellenistic Royal Portraits // K. Sheedy (ed.). Alexander and the Hellenistic Kingdoms. The Westmoreland Collection. Ancient Coins in Australian Collections. Vol. 1. Sydney, 2007. P. 11–16.

[90] *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits: Where Are They? // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coskun, A. McAuley (eds.). Stuttgart, 2016. P. 143–172.

[91] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. Die Bildnisse Alexanders des Grossen und die *Imitatio Alexandri*. Rahden, 2022.

[92] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen, Frankfurt am Main, 1995.

[93] *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эллинизма. СПб., 2012.

[94] Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020.

[95] *Hoover O.* Never Mind the Bullocks: Taurine Imagery as a Multicultural Expression of Royal and Divine Power under Seleukos I Nikator // More than Men, less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship / P. Iossif, A. Chankowski, C. Lorber (eds.). Leuven, 2011. P. 197–228.

[96] *Houghton A., Stewart A.* The Equestrian Portrait of Alexander the Great on a New Tetradrachm of Seleucus I // SNR. 1999. P. 27–35.

репрезентация на монетах[97], культ Гелиоса и солярная символика на монетах (совместно с К. Лорбер)[98], исследование отдельных портретных атрибутов[99].

Несмотря на продолжительную историю изучения монетной иконографии Селевкидов, одной из ключевых проблем на современном этапе остается вопрос идеологической функции монетного изображения. В данном случае особое место занимают работы К. Эриксона[100], в которых автор предлагает рассматривать иконографию Селевкидов как результат намеренного синтеза двух культур: греческой и негреческой, под последней подразумевается широкий спектр различных восточных культур. Формирование «универсальной» иконографии, по мнению К. Эриксона, а также ряда других специалистов (Н. Райта, П. Уитли), было частью централизованной политики формирования позитивного образа царской власти в среде культурно разнообразных групп подданых, используемого в целях государственной пропаганды. Такой подход, предполагавший поиск ориентализирующего синтеза в эллинистической культуре, был весьма характерен для историографии 2000–2010-х годов, однако, в последнее время все чаще подвергается критике ввиду преувеличения идеологической роли и политической агентности монетного изображения в древности. Последнее обстоятельство стало причиной концептуального переосмысления роли монетного изображения в политической, экономической и

---

[97] *Iossif P.* Apollo Toxotes and the Seleukids: Comme un air de famille // More than Men, less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Conference organized by the Belgian School at Athens, 1-2 November 2007 / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Studia Hellenistica 51. Leuven, 2011. P. 229–291.

[98] *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios in the Seleucid East // Topoi. Occident-Orient. 2008/2009. P. 19–42; *Iossif P., Lorber C.* Celestial Imagery on the Eastern Coinage of Antiochus IV // Mesopotamia. 2009. P. 129–146.

[99] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards // L'Antiquité Classique. 2009. P. 87–115; *Iossif P., Lorber C.* Alexander Elephant Headdress on Seleucid Coinage // NC. 2022. P. 63–85.

[100] *Erickson K.* Apollo-Nabû: The Babylonian Policy of Antiochus I // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Weisbaden, 2011. P. 75–90; *Erickson K.* Zeus to Apollo and Back Again: Shifts in Seleucid Policy and Iconography // Art in the Round: New Approaches to Ancient Coin Iconography / N.T. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 97–108; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. London – New York, 2019; *Erickson K.* Royal Propaganda and Creation of Royal Status for Seleukos I // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 33–60.

повседневной жизни обществ эпохи эллинизма. В недавних работах Н. Эклинса[101] и Ф. де Каллатая[102] была высказана идея о вторичности идеологической роли монетной иконографии и первичности использования монетного изображения, как основного (ключевой тип), так и дополнительных (дифференты, монограммы, даты и пр.), в экономических и технических целях, связанных с особенностью монетного производства.

Как показывает анализ степени изученности проблемы, несмотря на продолжительную историю изучения монетного дела Селевкидов и серьезный научный задел, в историографии имеется ряд тематических и методологических зазоров, а также отсутствует обобщающее исследование, политической истории и династической идеологии Селевкидов, представленное на материалах памятников царской иконографии Селевкидов. Данное исследование, которое подразумевает не только комплексный анализ материалов различных носителей изображения, но и изучение монетной иконографии на стыке сразу нескольких исследовательских полей позволит представить оригинальный взгляд на отдельные события политической истории, а также проследить эволюцию визуальной репрезентации династической идеологии Селевкидов в III–I вв. до н.э.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые на основе широкой источниковой базы, включая ранее неопубликованный материал, а также с учетом современных методик работы с нумизматическим материалом, представлено комплексное исследование репрезентации событий политической истории и династической идеологии эллинистического

---

[101] *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century // Coin in Context I. New perspectives for the interpretation of coin find / H.-M. von Kaenel, F. Kemmers (eds.). Mainz am Rhein, 2009. P. 25–46; *Elkins N.* Money, Art and Representation: A Look at the Roman World // A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019. P. 105–121.

[102] *de Callataÿ F.* Greek Coin Types in Context: A Short State of the Arts // Pharos. 2016. 1. P. 115–141; *de Callataÿ F.* L'iconographie des monnaies grecques: brève historiographie et présentation des principales problématiques // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liege, 2018. P. 29–56; *de Callataÿ F.* Money and its Ideas. State Control and Military Expenses // A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019. P. 43–61.

государства Селевкидов конца IV – начала I в. до н.э. в памятниках царской иконографии. В работе впервые системно представлен корпус источников царской иконографии Селевкидов, продемонстрированы основные аналитические методики работы с данной категорией источников, рассмотрены проблемы информационной и идеологической агентности памятников царской иконографии Селевкидов.

Практическая значимость. Основные выводы и положения диссертационного исследования могут быть использованы для написания обобщающих в том числе научно-популярных и учебных работ и разработке общих и специальных курсов по античной нумизматике и истории Восточного Средиземноморья в эпоху эллинизма.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Памятники царской иконографии представляют собой корпус источников (монеты, печати, весовые гири, надчеканки), обладающий высоким исследовательским потенциалом. Данные источники имеют ряд особенностей, выделяющих их из общей массы иконографического материала, а также предопределяющие использование особого комплекса аналитических подходов и методик при работе с ними. К таким особенностям относятся: государственное происхождение, функциональное предназначение (экономическое, административное) носителя изображения, контроль государства за обращением и использованием носителей, точная датировка памятника. Ключевым памятником царской иконографии являются монеты.
2. Главная функция монетной иконографии в эллинистический период – выработать экономическое доверие к монете, чтобы избежать падения ее меновой стоимости ниже номинальной. В рамках данного подхода монетное изображение рассматривается, прежде всего, как инструмент экономической политики. Низкий уровень монетизации экономики, а также ограниченные объемы и нерегулярность монетного производства, неравномерность распространения монеты на территории государства Селевкидов, большие объемы монетного импорта, находящегося в обращении, низкие темпы движения

монеты показывают ограниченные возможности монеты как агента распространения информации, что исключает использование монетного изображения как инструмента государственной пропаганды.

3. Изображение на монетах, печатях, весовых гирях и надчеканках связано с царской идеологией, ввиду своего официального статуса. Царская иконография является отражением культурно-политической и идеологической идентичности эмитента. В данном контексте основной категорией царской иконографии является ключевой монетный тип тетрадрахм – доминирующее на протяжении всего правления одного или нескольких правителей сочетание изображений лицевой и оборотной сторон монеты. Резкая смена ключевого монетного типа могла подорвать экономическое доверие к монете, поэтому чаще всего предопределялась идеологическими причинами. Динамика смены ключевого монетного типа демонстрирует изменения в идеологии Селевкидов.
4. Царский портрет в эллинистический период являлся официальным символом государства. В таком качестве он тиражировался на монетах и печатях, характеризуя персональный характер царской власти. Официальный царский портрет эпохи эллинизма представлял собой композитный публичный образ монарха, который формировался в соответствии с эстетическими, идеологическими, политическими и мировоззренческими установками, а также как результат кросс-культурных коммуникаций. Царский портрет типологически и стилистически обладал особым идеологическим символизмом.
5. Появление в период правления второго царя династии Селевкидов Антиоха I монетного тип «Аполлон на омфале» является отражением процесса формирования династической идентичности Селевкидов. В правление этого царя наблюдаются и другие признаки данного процесса: появление династического летосчисления, оформление царского династического культа, становление института соправительства, формирование территориального центра власти Селевкидов в Северной Сирии в городах, носящих имена членов

династии. Связь между ключевым монетным типом и династическим самоопределением показывает пример временной замены типа «Аполлон на омфале» на тип «стоящий Аполлон» в период первого династического кризиса середины III в. до н.э., а также неселевкидский символизм монетной иконографии узурпаторов: Молона и Ахея.

6. Смена ключевого монетного типа «Аполлон на омфале» на тип «Зевс Никефор» в правление царя Антиоха IV является отражением трансформации династической идентичности Селевкидов и изменений идеологической парадигмы, вызванных начавшейся борьбой за власть между Антиохом IV и потомками Селевка IV.
7. Политический кризис и раскол династии Селевкидов, а также процесс ослабления центральной власти, усиления роли локальных элит и территориального распада государства Селевкидов во второй половине II в. до н.э. нашел отражение в трех последовательных сменах ключевого монетного типа (при Деметрии I, Антиохе VII, Антиохе VIII), строгом разделении иконографии между противоборствующими сторонами («война изображений»), проникновении в корпус царской иконографии локальных сюжетов и стилей. Иконография узурпатора Трифона, а также зависимого от него царя Антиоха VI демонстрирует разрыв с идеологией Селевкидов и попытку построения собственной идеологической модели, основанной на воинском и македонском самоопределении правителя и союзных ему военных элит.
8. Царская иконография Селевкидов на протяжении всего периода существования династии испытывала влияние иконографических традиций Птолемеев. В период с середины II в. до н.э. по начало I в. до н.э. это влияние достигает своего максимума, что выражалось в различных формах заимствований, как иконографических (особенности царского портрета, сюжеты и стили), так и метрологических (появление птолемеевских монетных номиналов, использование в южных регионах двойной весовой нормы). Причиной этого влияния является активное вмешательство государства Птолемеев во внутренние дела государства Селевкидов.

Апробация материалов исследования. Диссертационное исследование подготовлено в Отделе сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. Основные положения и предварительные результаты исследования были опубликованы в виде трех монографий, а также серии статей в ведущих отечественных и зарубежных журналах и разделов в коллективных монографиях. Также отдельные положения и тезисы данного исследования были представлены на научных конференциях, организованных различными российскими научными центрами, включая: ИВИ РАН, ИВ РАН, ИА РАН, ИИЕТ РАН, МГУ, РГГУ, СПбГУ, Саратовский государственный университет, Государственный исторический музей, Государственный Эрмитаж, Ивановский областной музей краеведения, а также на зарубежных конференциях (Польша, Канада, Греция, Сербия, Бельгия).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Глава 1. Теоретико-методологическая основа исследования. Эллинистическая царская иконография как исторический источник

Памятники царской иконографии представляют собой однородный корпус материалов, состоящий из четырех главных носителей изображений: *монеты*, *печати*, *весовые гири*, *надчеканки*, а также серии дополнительных объектов, чье определение как памятников царской иконографии, либо научный потенциал которых в рамках данного исследования остаются дискуссионными. Несмотря на общий официальный характер изображений, помещенных на перечисленных категориях носителей, каждый из них выполнял собственные экономические и хозяйственно-документальные функции. Это обстоятельство подразумевает существование различных условий и контекстов (социальных, культурных) бытования изображения, а также различных способов и механизмов передачи информации для каждого из носителей. Именно поэтому задача данной главы – дать характеристику каждой из групп памятников корпуса царской иконографии (параграф 1.1.), определить научный потенциал памятников царской иконографии как исторического источника (параграфы 1.2. и 1.3.).

1.1. Корпус иконографических источников и проблемы их интерпретации

1.1.1. Монеты

Ключевым источником в исследованиях, посвященных проблемам царской иконографии эпохи эллинизма, являются монеты. Главная причина этого заключается в особом статусе, которым обладала монета в древности. Будучи основным массовым носителем официальной иконографии, выпуск которого был санкционирован и находился под контролем центральной власти,

монетное изображение являлось отражением государственной идеологии[103]. Монетное изображение представляло собой визуальную репрезентацию сложной системы культурных связей, институциональных отношений, политических и эстетических традиций, в центре которых находился ключевой институт эллинистического государства – институт царской власти. Именно образ царской власти, персонифицированной в фигуре монарха, является основным объектом репрезентации изображений царских монетных выпусков.

В данном исследовании монеты также являются основным источником. Монеты играют важную роль поскольку являются редким для истории Селевкидов источником-современником, появление которого с уверенностью можно отнести инициативе центральной власти. Другой особенностью этого источника является упомянутая массовость: все цари династии Селевкидов, а также узурпаторы чеканили монеты различных номиналов на нескольких функционирующих одновременно монетных дворах, а объемы монетных эмиссий были столь велики, что Селевкиды вместе с династией Птолемеев по количеству выпущенных монет и объемам выпусков занимали лидирующее положение среди всех эллинистических государств. Прежде чем перейти к общей характеристике иконографии как исторического источника, стоит привести обзор монетного дела эпохи эллинизма.

Монетное дело эпохи эллинизма: общий обзор

Период эллинизма (323–30 гг. до н.э.) стал новым этапом развития монетного дела античности. События второй половины IV – первой половины III вв. до н.э., связанные с установлением македонской гегемонии на Балканах и утратой греческими полисами политической самостоятельности, завоевательными походами Александра, падением Персидской империи и образованием системы эллинистических государств, оказали исключительное влияние на

[103] См.: *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1986. P. 25; *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. Oxford, 1989. P. 12–14.

политическое, социально-экономическое и культурное развитие цивилизаций классической античности и древнего Ближнего Востока. Эти изменения затронули и монетное дело, которое, в условиях новой политической и экономической реальности, получило особенный вектор развития[104].

Беспрецедентные по своему размаху военные кампании Александра Македонского требовали серьезных денежных вложений, поэтому довольно скоро после вторжения на территорию Персидской империи было организовано масштабное производство монеты. Александр старался конвертировать в монету практически все персидское серебро и золото, которое было захвачено им в царских сокровищницах[105]. Объемы монетных эмиссий Александра не знали равных вплоть до эпохи Римской империи. Количественный анализ материала показывает, что за 16 лет правления на монетных дворах Александра для изготовления тетрадрахм были использованы более 1800 штемпелей лицевой стороны. Для сравнения, за 135 лет монетного производства в Афинах со 180 по 45 г. до н.э. использовались только 1290 штемпелей, а на Родосе за 150 лет (340–190 гг. до н.э.) – всего 388. Конкурировать с объемами монетных выпусков Александра могли только *диадохи*, которые за 42 года с момента его смерти отчеканили колоссальное количество монет от его имени, которое было произведено при помощи 3000 штемпелей[106].

---

[104] В одной из наиболее известных работ, посвященных феномену «перехода» от цивилизаций классической античности и древнего Ближнего Востока к системе эллинистических государств, П. Бриан посвятил отдельный раздел «переходу» в монетном деле от Ахеменидов к Александру. См.: *Briant P.* L'Asie mineur en transition // La transition entre l'empire achéménide at les royaumes hellénistiques / P. Briant, F. Joannès (eds.). Paris, 2006. P. 312–314; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 1991. P. 41–54.

[105] О монетном деле Александра см.: *Price M.J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philipp Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. Zurich, 1991; *Le Rider G.* Alexander the Great. Coinage, Finances, and Policy. Philadelphia, 2007; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 23, 44–54; *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages: From Alexander to Mithradates // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 178–179; *Erickson K.* Finance and Coinage // A Cambridge Companion to Alexander the Great / D. Ogden (ed.). Cambridge, 2024. P. 273–289.

[106] *de Callataÿ F.* Les trésors achéménides et les monnayages d'Alexandre: espèces immobilisées et espèces circulantes? // RÉA. 1989. 2. P. 259–274; *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages. P. 179. См: *Holt F.L.* The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World. Oxford, 2016.

Монеты Александра Великого в раннеэллинистический период стали международным средством обмена. Статеры Филиппа II и Александра вытеснили, например, электровые монеты Кизика, служившие в V–IV вв. до н.э. международной валютой в Северном Причерноморье и регионе Западной Малой Азии. Тетрадрахмы Александра очень быстро приобрели характер универсального платежного средства на всем пространстве от Индии до Балкан, о чем свидетельствуют многочисленные клады этих монет, а также большое количество варварских подражаний им[107], а также проникали на территорию к западу от Балкан – Южную Италию и Сицилию. Монеты Александра стали иконографическим эталоном для последующих выпусков эллинистических монархов, которые соответствовали общей модели – на лицевой стороне помещался портрет правителя, на оборотной – божество (рис. 1). Унифицировалась и монетная легенда[108]. Обязательными ее элементами стали царский титул и имя правителя, а с середины II в. до н.э. божественные эпитеты.

Смерть Александра в 323 г. до н.э. в Вавилоне стала началом продолжительных войн диадохов, которые довольно быстро превратились в войну «всех против всех». В 305 г. до н.э. Антигон и Деметрий Полиоркет, а вслед за ними и некоторые другие диадохи, приняли царский титул. Масштабные войны требовали и больших затрат, что провоцировало рост объема денежных эмиссий.

Одной из особенностей монетного дела еще в период раннего эллинизма стало повсеместное распространение царской чеканки золотых, серебряных и бронзовых монет, выпускавшихся от имени монарха. В Македонии такие монеты появились задолго до Александра Великого, а после его смерти их продолжили чеканить диадохи и их потомки. Они выпускали монеты как от имени Александра, используя его традиционные монетные типы: «Геракл/Зевс» (рис.

---

[107] *Le Rider G., de Callataÿ F.* Les Séleucides et les Ptolémées. L'héritage monétaire et financier d'Alexandre le Grand. Monaco, 2006. P. 71–99; *Newell E.T.* Alexander Hoards II. Demanhur, 1905. New York, 1923; *Thomson M.* The Cavalla Hoard (IGCH 450) // American Numismatic Society Museum Notes. 1981. P. 33–49; *Le Rider G.* Alexander the Great. P. 73–239.

[108] П. Тонманн обозначил это единство весового стандарта и стиля как new numismatic 'koine'. *Thonemann P.* The Hellenistic World. Using Coins as Sources. Cambridge, 2015. P. 17–23.

2) для *тетрадрахм* и «Афина/Ника» (рис. 3) для *статеров*, так и от собственного имени с оригинальными иконографическими сюжетами. Необходимость продолжения чеканки монеты от имени Александра (вплоть до начала II в. до н.э.) была продиктована не столько идеологическими причинами, сколько стремлением интегрировать новые выпуски в огромную массу монет Александра, пользовавшихся доверием у населения[109].

Степень монетизации экономики эллинистического мира стала более высокой, чем раньше, о чем свидетельствует неизвестный последователь Аристотеля, автор трактата «Экономика»[110]. Увеличение объемов монетного производства в эллинистический период было связано с интенсификацией торговых контактов, активной строительной политикой эллинистических монархов, но прежде всего с постоянными и масштабными войнами. Именно военные расходы, которые включали, прежде всего, выплаты наемникам и траты на содержание войска, требовали от эллинистических владык увеличивать объемы монетных эмиссий.

Другой заметной тенденцией в эллинистическом монетном деле является увеличение количества эмитентов – лиц, выпускавших монету. В классический период выпуск монет осуществлялся главным образом греческими полисами и отдельными монархиями (например, Македонией и Персидской державой). При Филиппе II и Александре Великом Македония стала одним из ключевых центров монетного производства. Для диадохов выпуск монеты был

---

[109] *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages. P. 180. См. противоположенное мнение: *Wheatley P., Dann C.* Coinage as propaganda. Alexander and his Successors // Alexander the Great and Propaganda / J. Walsh, E. Baynham (eds.). London, 2021. P. 162–198.

[110] При всей неоднозначности мнений в историографии относительно степени монетизации эллинистических экономик, отметим, что уровень, и что более существенно, география монетизации в эллинистический период по сравнению с эпохой классики была существенно более обширной. В монетное производство включаются те регионы, которые, как, например, Египет, никогда не знали своей монеты. См.: *Meadows A.* The Spread of Coins in the Hellenistic World // Explaining Monetary and Financial Innovation: A Historical Analysis / P. Bernholz, R. Vaubel (eds.). Heidelberg, 2014. P. 169–195; *Reger G.* The Economy // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine (ed.). Oxford, 2003. P. 347–349; *van der Spek R.* The Hellenistic Near East // The Economic History of the Greco-Roman World / W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge, 2008. P. 416; *de Callataÿ F.* Money and its Ideas. State Control and Military Expenses // A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019. P. 52–57.

важным признаком самостоятельности и независимости, что также привело к увеличению числа эмитентов и центров монетного производства. В III–II вв. до н.э. их количество увеличилось за счет начавших чеканку (преимущественно, бронзовой монеты) полисов Ближнего Востока, а также новых государственных образований, адаптировавших в своих целях (не всегда связанных с экономикой) выпуск монеты: Греко-Бактрия, Парфия, Каппадокия, Пергам, Понт. При этом в эллинистических государствах одновременно могло функционировать до нескольких десятков монетных дворов.

Одной из особенностей эллинистической монетной чеканки также было существенное расширение географии монетного производства. В классический период монетная чеканка была сосредоточена главным образом в Западной Малой Азии, на Балканах, в Северном Причерноморье, Великой Греции и незначительно присутствовала в Карфагене и Финикии. В эллинистическом мире чеканка монеты осуществлялась на территории практически всей ойкумены, включая самые отдаленные территории не знавшие до того монеты вовсе: Бактрию и Согдиану, Египет, Персиду и Индию. В процесс производства монеты оказалась вовлечена и варварская периферия, где обильно чеканились подражания наиболее популярным монетам, что свидетельствует об экономической и культурной интеграции этих территорий в пространство эллинистической цивилизации. Зачастую история некоторых государств и династий эллинистического Востока известна только благодаря монетам. Для истории Греко-Бактрии, индо-греческих, индо-парфянских и индо-скифских царств, а также во многом Парфии, Харакены и Персиды ввиду лакунарности и лаконичности литературной традиции данные нумизматики становятся ключевым и нередко единственным источником.

В эллинистическом монетном деле сочетались две системы денежного обращения: «открытые» и «закрытые» или эпихорические[111]. Модель «открытой» системы основывалась на аттическом монетно-весовом стандарте с драхмой весом 4,36 г Данная традиция восходила к Филиппу II и Александру

[111] *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 115–124.

Великому, которые использовали аттическую весовую систему для чеканки своих монет. «Открытые» денежные системы, активно включенные в мировую экономику эллинизма, использовались Селевкидами, Антигонидами, Греко-Бактрией, а также некоторыми полисами. Использование международного весового стандарта способствовало совместному обращению монет, выпущенных на разных монетных дворах. Как показывают данные монетных кладов, доля царских монет в обращении была не столь высокой и зачастую такие монеты могли замещаться полисными выпусками. Начиная со II в. до н.э., аттический весовой стандарт стал постепенно редуцироваться, теряя вес монеты, но при этом сохраняя номинальную стоимость, как минимум на территории того государства, где она была произведена, что привело к оформлению нескольких «закрытых» денежных систем, преимущественно на территории Малой Азии. Классической иллюстрацией этого служат серебряные монеты эллинистического Пергама с изображением коробки со змеями – «кистофоры», которые при весе в 12,6 г признавались полноценными тетрадрахмами аттической системы. После ликвидации Пергамского царства монеты такого типа выпускались и полисами Малой Азии и долгое время были основной валютой римской провинции Азия. Вместе с «кистофорами» во II–I вв. до н.э. на эллинистическом востоке выпускались и некоторые другие монеты, выполнявшие роль международных денег. В Каппадокии это были тетрадрахмы Антиоха VII. В римской провинции Сирия были продолжены выпуски тетрадрахм последнего селевкидского правителя Филиппа II, так называемые «Филиппы Филадельфы», которые чеканились еще около 50 лет после падения державы Селевкидов.

Наиболее раннем примером «закрытых» системы денежного обращения служит монетное дело эллинистического Египта. Изначально здесь чеканились серебряные тетрадрахмы аттического стандарта весом 17,2 г. Однако после 305 г. до н.э. Птолемей I понизил вес тетрадрахм до 15,4 г, а после 294 г. до н.э. – до 14,2 г. При этом принудительно осуществлялся равноценный обмен тетрадрахм птолемеевского и аттического веса, что приносило

государству большую прибыль. «Закрытая» система денежного обращения позволила создать в эллинистическом Египте разнообразную линейку номиналов, благодаря которой монеты, изготовленные из разных металлов, могли обмениваться между собой по установленному курсу. Так, египетский номинал золотых монет *мнаэйон* обменивался на одну мину серебра, то есть 100 драхм.

Монетное изображение в период эллинизма характеризуется идеологизацией. Оно представляет собой сложный мифопоэтический код или, своего рода, зашифрованный нарратив, сведенный до нескольких ключевых фигур и атрибутов. Человек классической и эллинистической эпохи в силу культурного контекста мог воспринимать художественный нарратив как принцип построения изобразительного повествования и считывать воспроизводимый им код. Стоит обратить внимание на, казалось бы, банальный факт – монета всегда демонстрирует нам два изображения: на лицевой и на оборотной стороне. Эти изображения, несмотря на возможно разные сюжеты и даже художественное исполнение, вне всяких сомнений, представляют собой единый визуальный комплекс, нарративное пространство, имеющее строгую последовательность – сначала лицевая сторона, затем оборотная. Связь изображений двух монетных сторон, существует даже на этапе изготовления монеты. С точки зрения визуальной антропологии, эти изображения объединены общим внутренним сценарием, слиты в единое повествование. В практике эллинистической монетной чеканки на лицевой стороне преимущественно помещался портрет правителя, а на оборотной – какой-то сюжет, главными компонентами которого были династические символы, изображение божеств и их атрибутов, сцены царского триумфа. И портрет на лицевой стороне, и изображение божества на оборотной были составными частями единого визуального пространства.

С начала III в. до н.э. на царских монетах появляются портреты правителей, часто снабженные божественными атрибутами (рога, лучевая корона, шкура льва). Появление царского портрета обозначает идеологический

поворот и подчеркивает персональный характер эллинистической монархии. Обязательной частью монетной легенды стала божественная титулатура[112]. Для полисов монетное изображение также имело важное идеологическое значение. На монетах городов традиционно изображались боги-покровители, местные символы, сюжеты, связанные с полисной мифологией. Монетные изображения являются единственным источником для исследований по идеологии большинства полисов Ближнего Востока.

Монетное дело Селевкидов: общий обзор

Монетное дело государства Селевкидов (312–64 гг. до н.э.) имеет ряд особенностей, отличающих его от монетной чеканки остальных эллинистических государств. Прежде всего, что оно служит классическим примером «открытой» денежной системы. Несмотря на адаптацию локальных (персидских и вавилонских) весовых норм и традиций, характерную для раннего этапа монетного дела Селевкидов и приведшую к появлению так называемого монетно-весового дуализма[113] (точнее, триализм), монета в государстве Селевкидов чеканилась по аттическому стандарту. Это позволяло интегрировать в денежное обращение большое количество иностранных монет, отчеканенных по данному весовому стандарту, в первую очередь, монеты, выпущенные от имени Александра[114]. Как показывают материалы кладовых находок, в III в. до

[112] *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 30–31.

[113] *Голенко В.К.* Монетно-весовой дуализм Селевка I // ВДИ. 1996. 1. С. 100–117. См.: *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy of the 2nd c. B.C. Reflections on the Monetization of the Seleucid Economy // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 49; *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C. // Ancient Coins from the Greco-Roman World. The Nickle Numismatic Papers / W. Haeckel, R. Sullivan (eds.). Waterloo, 1984. P. 93–113; *Howgego Ch.* Ancient History from Coins. London – New York, 1995. P. 51–52.

[114] *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 55–62; *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 17–23; *Trundle M., de Lisle C.* Coinage and the Creation of the Seleukid Kingdom // Culture and Ideology under the Seleukids / E. Anangostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin-Boston, 2022. P. 63–66; *Houghton A.* The Seleucids // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 236.

н.э. большая часть монет, обращавшихся в западных регионах государства Селевкидов, состояла из монет, выпущенных за его пределами[115].

Денежная система Селевкидов была выстроена на двух уровнях[116]. С одной стороны, выпуск монет из драгоценных металлов, а также использование иностранной монеты позволили создать крепкую финансовую систему, способную обеспечивать масштабные государственные военные и градостроительные программы. С другой – практически не прекращающиеся локальные выпуски бронзовой монеты, имевшей лишь номинальную стоимость и ограниченное обращение, обеспечивали повседневные экономические нужды.

Важной особенностью монетного дела Селевкидов является большое количество монетных дворов. Всего за всю историю монетной чеканки существовало более ста селевкидских монетных мастерских, что существенно больше, чем в любом другом эллинистическом государстве[117]. Однако большинство из них были, скорее, временными, и создавались для решения конкретных задач, зачастую связанных с военными кампаниями. Одновременно же на территории государства Селевкидов функционировало полтора десятка монетных дворов, что, впрочем, было обусловлено колоссальными размерами территории державы, простиравшейся от Геллеспонта до Индии. Монетные дворы располагались в ключевых городах державы и должны были обеспечивать монетой отдельные регионы. К сожалению, у нас нет никакой информации о работе монетных дворов в государстве Селевкидов[118]. Также мы ничего

---

[115] *Le Rider G.* Les alexandres d'argent en Asie Mineure et dans l'orient séleucide au IIIe siècle av. J.-C. (c. 275- c. 225). Remarques sur le système monétaire des Séleucides et des Ptolémées // Journal des Savants. 1986. P. 14–32; *Duyrat F.* Wealth and Warfare: The Archaeology of Money in Ancient Syria. Numismatic studies 34. New York, 2016; *Neumann K.* Antioch in Syria. A History from Coins (3000 BCE – 450 CE). Cambridge, 2021. P. 69–78.

[116] *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 49–79; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. London – New York, 2019. P. 12–13.

[117] *Houghton A.* The Seleucids. P. 235–238; См. также *Trundle M., de Lisle C.* Coinage and the Creation. P. 61–63; *Aperghis G.G.* The Seleukid Royal Economy. Cambridge, 2004. P. 214–216; *Iossif P., Lorber C.* Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply in the Seleucid and Ptolemaic Empires // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 192.

[118] Информация о работе монетных дворов даже в материковой Греции в классический период крайне скудна. См. *Flament Ch.* Contribution à l'étude des ateliers monétaires

не знаем об административных механизмах, с помощью которых регулировалась работа монетных мастерских[119].

Обильная монетная чеканка Селевкидов привела к повышению уровня монетизации экономики даже в отдаленных восточных областях[120]. Примером этого может служить большое количество варварских подражаний монетам Селевкидов, известных на территории Средней Азии и Закавказья. Тем не менее несмотря на сравнительно большие объемы эмиссий, монета не была единственным видом денег: в качестве платежного средства и средства накопления продолжали использоваться весовой драгоценный металл и ювелирные изделия. Монетное производство никогда не было регулярным, чеканка осуществлялась эпизодически, подчас с большими перерывами. При этом, монетные эмиссии были строго предопределены конкретной необходимостью, например, выплатами жалования воинам.

Всего можно выделить пять этапов монетной чеканки в государстве Селевкидов[121].

---

grecs. Étude comparée des conditions de fabrication de la monnaie à Athènes, dans le Péloponnèse et dans le royaume de Macédoine à l'époque classique. Louvain-la-Neuve, 2010.

[119] В данном случае наш единственный источник – это монограммы и обозначения монетных дворов (дифференты), которые, если и не были напрямую связаны с конкретными магистратами монетного двора, то очевидно относятся к лицам, отвечавшим за какой-то этап (или весь процесс целиком) монетного производства. Использование control linkage – сопоставление монетных дифферентов, является важным инструментом в нумизматическом исследовании. См.: *Houghton A.* The Seleucids. P. 243–248. См. также спекулятивные предположения К. Эриксона и М. Апергиса о царских чиновниках, которые могли курировать работу монетных дворов. *Erickson K.* The Early Seleukids. P. 10; *Aperghis G.G.* The Seleukid Royal Economy. P. 280, 284.

[120] Все же не стоит преувеличивать степень этой монетизации. Нет сомнений в том, что уровень монетизации вырос по сравнению с предыдущим периодом, хотя в монету конвертировалось только около 1/150 всех доходов Селевкидов. *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities to Promote Coinage? // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics. Studies in Honor of G.M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin – Boston, 2020. P. 569. См. также подробное исследование, посвященное этому вопросу: *Duyrat F.* Wealth and Warfare.

[121] Здесь мы следуем концепции А. Хутона о пяти этапах эволюции денежной политики Селевкидов, которые, на наш взгляд, совпадают с ключевыми этапами истории монетного дела и денежного обращения у Селевкидов. См.: *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 49–79. Существуют и альтернативные хронологические модели монетной/денежной истории государства Селевкидов. Н. Райт выделяет три этапа, делая акцент на выборе Селевкидами доминирующего монетного типа (по сути, смене иконографической модели): первый этап 312–175 гг. до н.э., второй – 175–121 гг. до н.э. и третий – 121–64 гг. до

Первый этап относится к периоду формирования государства в конце IV – первой четверти III вв. до н.э. Характерными особенностями монетного производства этого периода являются: упомянутый монетно-весовой дуализм, который сменяет стандартизация монетно-весовой номенклатуры, принятая к началу III в. до н.э. Наблюдается существенная разница в монетном производстве между монетными дворами западной части державы, которая была хорошо знакома с монетой, и восточной, где монета впервые массово появляется только при Селевкидах. При этом, объемы выпуска восточных дворов значительно превосходят западные. С самого начала Селевкиды унаследовали от

н.э. *Wright N.* Seleucid Royal Cult, Indigenous Religious Traditions, and Radiate Crowns: The Numismatic Evidence // Mediterranean Archaeology. 2005. 18. P. 68; *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. Gods and Crossroads (301-64 BC). PhD Thesis. 2010, Sydney. В данном случае Н. Райт смещает акцент с экономического фактора – производство денег, на культурно-идеологический – выбор монетной иконографии, что, на наш взгляд, не до конца обосновано и весьма спорно. Несмотря на то, что данная хронология, в целом, нашла поддержку в историографии, она все же имеет ряд условностей. В частности, в основу этой хронологии положена исключительно иконография тетрадрахм, без учета бронзовых номиналов и материалов остального корпуса царской иконографии. Такая периодизация игнорирует другие критерии: эволюцию царского портрета, а также события политической истории и истории денежного обращения в государстве Селевкидов. Хронологическое разделение всего монетного дела Селевкидов на «ранних» (312–187 гг. до н.э.) и «поздних» (187–64 гг. до н.э.), принятое в работах Э. Ньюэлла, В.К. Голенко, А. Хутона и К. Лорбер, также является до определенной степени условным и базируется только на традиционном признании исторического значения Апамейского договора 187 г. до н.э. как политического события, разделившего историю государства Селевкидов на «до» и «после». В данном контексте иллюстративной является работа О. Мёркхольма с весьма тенденциозным названием «The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C.» – *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C. P. 93–113. Существенным дополнением к хронологическому критерию разделения на этапы всей денежной политики Селевкидов является географический, о котором пишут П. Иоссиф и К. Лорбер, отмечая, что изменения в организации монетного производства, начавшиеся в первой половине II в. до н.э., затронули только работу западных монетных мастерских. *Iossif P., Lorber C.* Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply. P. 209–210.

Нам представляется, что монетное дело, включая выбор иконографической модели, – весьма традиционная сфера, которая развивалась в соответствии с целым комплексом экономических, политических и культурных факторов, не всегда совпадавших с политической ситуацией в государстве. Периоды кризиса могли быть отмечены обильными монетными эмиссиями, а годы мирного существования полным отсутствием монетной чеканки. Для того, чтобы примирить принятую хронологию, базирующуюся на политической истории, с исторической динамикой монетного производства Селевкидов, а также ключевыми иконографическими переменами при выборе доминирующего монетного типа, в рамках данной работы мы не предлагаем принципиально новой хронологии, но делаем попытку совместить «монетную», «иконографическую» и «историческую» хронологии, взяв за основу более традиционную «историческую».

Александра «открытую» денежную систему, что привело к доминированию иностранной монеты, о чем свидетельствуют материалы многочисленных монетных кладов. Первые монеты государства были выпущены Селевком I еще до принятия им царского титула. Будучи сатрапом Вавилона в 320–315 гг. до н.э., он отчеканил несколько серий статеров и тетрадрахм от имени наследника Александра – царя Филиппа Арридея. Уже после воцарения в Вавилоне он стал выпускать монеты как от своего имени, так и от имени Александра. При Селевке появляются и первые иконографически самобытные монетные типы.

Второй этап относится к 270–220-м годам до н.э. На данном этапе прекращаются экономические выпуски золотых монет. Все еще доминирует иностранное серебро, которое поступает из различных регионов, прежде всего, монеты, отчеканенные от имени Александра[122]. Это обеспечивается наличием в обращении большого количества монет Александра, активной монетной чеканкой соседей и сокращением количества монетных дворов.

При наследнике царя Селевка I Антиохе I впервые на монетах государства появляется изображение Аполлона, сидящего на омфале. Впоследствии этот иконографический тип станет одним из наиболее распространенных типов селевкидских монет. В III в. до н.э. объемы монетного производства постепенно стали снижаться, что было вызвано чередой внутренних конфликтов, а также насыщением экономики монетой, выпушенной в предыдущие десятилетия.

Третий этап относится ко времени правления Антиоха III (223–187 гг. до н.э.). Правление этого царя стоит особняком и для монетного производства, и для денежной политики. При Антиохе III резко увеличивается количество монетных дворов – с 19 до 35, а общее число эмиссий тетрадрахм вырастает до 300. Именно в этот период масштабы монетной чеканки Селевкидов достигают своего исторического максимума. При этом происходит невероятная

[122] Это подтверждается данными монетных кладов. Монеты Александра присутствуют в изобилии почти во всех кладах вместе с селевкидскими монетами, но уже не формируют отдельные комплексы. *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide (Syrie, Phénicie, Mésopotamie, Iran) // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 291.

унификация монетного типа, неизвестная ранее. Все это является отражением хорошо скоординированной денежной политики. Антиох III известен своими многочисленными военными кампаниями, включавшими поход на восток, две войны с Египтом и военное противостояние с Римом. После поражения Антиоха III в войне с Римом и заключения Апамейского договора в 187 г. до н.э. выпуск монеты сократился.

Существенные изменения в монетном деле наблюдаются на **четвертом этапе** (180–150-е годы до н.э.). Этот этап характеризуется последующей систематизацией производства тетрадрахм, появлением новой доминирующей иностранной монеты в денежном обращении Сирии (новые посмертные выпуски монет Александра, афинские и малоазийские стефанофоры, а также кистофоры), снижение весового стандарта и изменение лигатуры сплава монеты, увеличение объемов производства бронзовых монет и платежное сближение бронзовых номиналов и мелких фракций серебра, а также коллапс в административном секторе государства Селевкидов, что привело к утрате части контроля за производством монеты.

При Антиохе IV была проведена масштабная денежная реформа, включавшая ряд преобразований. Одним из ключевых мероприятий стала редукция весового стандарта. Вес тетрадрахмы – основного номинала в монетном деле Селевкидов – снизился с 17 до 16,6 г, что позволило Антиоху IV извлечь дополнительные средства для погашения контрибуции, установленной Апамейским договором. Помимо этого, около десятка полисов Малой Азии, Сирии и Финикии получили право выпуска автономной бронзовой монеты. Также была предпринята попытка унификации системы бронзовых номиналов (по аналогии с египетской). Для этого на трех монетных дворах (Селевкия на Тигре, Нисибис, монетный двор Самарии) была выпущена серия бронзовых монет с обозначением номинала. Изменения наблюдаются и в работе центрального монетного двора в Антиохии на Оронте. Основным типом тетрадрахм, отчеканенных на этом монетном дворе, стал тип «Зевс Никефор», который не

использовался Селевкидами более ста лет с начала III в. до н.э. Тогда же время на монетах впервые появились божественные эпитеты царя.

Последний, **пятый этап** охватывает вторую половину II в. – 64 г. до н.э. Это время заката государства Селевкидов и его монетного дела. После гибели Антиоха IV в восточном походе в государстве Селевкидов началась череда внутренних конфликтов, что привело к упадку и краху державы. Политическое угасание династии Селевкидов нашло отражение в монетном деле. Данный этап характеризуется увеличением доли недрагоценного метала в лигатуре тетрадрахм, резким снижением весового стандарта, что привело к складыванию в государстве Селевкидов «закрытой» денежной системы, а также резкому уменьшению количества монетных мастерских. К началу I в. до н.э. весовой стандарт претерпел существенные изменения. Средний вес тетрадрахм снизился до 15,4 г, а количество серебра в них уменьшилось до 60 %.

Монетные выпуски правителей второй половины II в. до н.э. характеризуются иконографическим разнообразием, в котором просматривается постоянный поиск идеологической основы для правления того или иного царя. Так, две противоборствующие династические группы использовали монетную иконографию для легитимации своей власти. Наследники Селевка IV чеканили монеты с типом «Аполлон на омфале», а наследники Антиоха IV – «Зевс Никефор». К концу II в. до н.э. монетная иконография Селевкидов все сильнее испытывает влияние соседних регионов: Киликии, Сирии и Финикии, в результате чего на монетах появляются заимствованные сюжеты, не характерные для монетного дела Селевкидов.

К началу I в. до н.э. денежная система государства Селевкидов становится все более замкнутой, что хорошо видно на примере монетных кладов этого времени, из которых полностью исчезают иностранные монеты[123]. Селевкиды продолжили практику снижения весового стандарта, который уже никак не соответствовал весовым нормам соседних государств. Это

[123] *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l’Orient séleucide. P. 394.

обстоятельство привело к окончательному обособлению денежной системы Селевкидов и значительно расшатало финансовую систему государства.

Последними монетами Селевкидов стали тетрадрахмы, отчеканенные от имени царя Филиппа I уже после его смерти в 83 г. до н.э. Этот правитель начала I в. до н.э. не был выдающимся политическим деятелем и вынужден был покинуть престол, уступив его армянскому царю Тиграну II. Однако уже после падения государства Селевкидов в 64 г. до н.э. римские власти, установившие контроль над регионом, продолжили чеканить монеты Филиппа, что сделало их одними из самых распространенных в Сирии на рубеже эр.

Проблемы терминологии

Прежде чем охарактеризовать ключевые подходы в работе с нумизматическим материалом и главные проблемы интерпретации монеты как носителя царской иконографии стоит рассмотреть вопросы терминологии. В первую очередь необходимо обратить внимание на то, что вся нумизматическая терминология, будучи современным эпистемологическим конструктом, не всегда обладает четкой теоретической организацией и единством структуры[124]. К сожалению, в современной античной нумизматике нет полноценного устоявшегося категориального аппарата, что приводит к появлению ряда терминологических противоречий. Фактически, исследователь сталкивается с парадоксальной ситуацией, с одной стороны, существует набор базовых терминов («монетный штемпель», «монетная легенда»), с другой же, терминология монетной иконографии и классификации не имеет строгого категориального единства[125]. Остается признать, что ситуация с терминологией в античной нумизматике настолько запутанная, что в историографии даже нет единого определения

[124] *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century // Coin in Context I. New perspectives for the interpretation of coin find / H.-M. von Kaenel, F. Kemmers (eds.). Mainz am Rhein, 2009. P. 31.

[125] *de Callataÿ F.* Problèmes de terminologie en numismatique Grecque: la classification en périodes, séries, classes, émissions, etc. // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillographie. 2013. P. 1–32.

такого базового понятия как «монетной тип». Для того чтобы не нарушить терминологическую структуру исследования важно определиться с основными понятиями в самом его начале. Разумеется, мы не будем рассматривать базовые понятия, которые, несмотря на широту использования, все же имеют более или менее принятую трактовку. Речь пойдет о некоторых специальных категориях, которые принципиальны для исследования царской иконографии, терминологическая трактовка которых напрямую связана с методами, использованными в данном исследовании.

Ключевым термином всей работы является «монетный тип». Определение «монетного типа» связано с монетным изображением. В литературе можно встретить две трактовки «монетного типа»: как изображения одной из сторон монеты, либо как сочетания этих изображений. В рамках первой трактовки часто подчеркивается разделение изображений сторон, что породило такие понятия, как «тип лицевой стороны» и «тип оборонной стороны». По своей сути оба эти понятия тождественны общепринятой категории «изображения» одной из сторон. Такое понимание монетного типа характерно для исследователей середины XX века, которые унаследовали от предшественников упрощенную схему типологизации монетного материала, упускающую многочисленные детали, что нередко приводило к путанице[126]. По мнению Ф. де Каллатая[127], понятие «тип» для классификации монет впервые было использовано Э. Ньюэллом, который, публикуя клад монет Александра из Деманура распределил их по категориям, обозначенным как «тип»[128]. В основу данного распределения были положены особенности иконографии, в частности обозначения монетных дворов, в интерпретации Э. Ньюэлла – знаки магистратов. Такое

[126] Среди исследователей, использовавших такие понятия как «тип лицевой стороны» или «тип оборотной стороны», мы встречаем целый ряд крупных нумизматов. См., например: *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.-Л., 1950. С. 56; *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C. P. 99–101. Р. Гёбл использовал сразу два варианта понятия «тип»: *Seiten*typ для определения типа одной из сторон (AV-Typ, Rev-typ) и *Münz*type для обозначения комбинации типов сторон. *Göbl R.* Antike Numismatik. München, 1978. S. 42–43.

[127] *de Callataÿ F.* Problèmes de terminologie en numismatique Grecque. P. 13.

[128] *Newell E.T.* Alexander Hoards II. Demanhur.

определение «типа», впрочем, весьма условно относится к иконографической трактовке «монетного типа». Более близкое определение дано в работе Г. фон Фритце, посвященной монетам Кизика, где весь материал распределен по типам, в зависимости от изображения[129].

Современное понимание «монетного типа» как *неразрывного сочетания* изображений лицевой и оборотной сторон, напротив, подразумевает выделение деталей изображения как определяющих факторов классификации. Такое понимание «монетного типа» является ключевым для нашего исследования, поскольку подчеркивает семиотическое единство изображений лицевой и оборотной сторон монеты. Данная трактовка понятия «монетный тип» позволяет представить единый нарратив изображения, помещенного сразу на двух сторонах монеты, что является основой всей принятой в исследовании интерпретации.

Определение категории «монетного типа» как семиотического единства двух сторон монеты рождает проблему описания/определения и интерпретации монетного изображения. В данном случае стоит вспомнить небольшую, но весьма важную для истории изучения монетной иконографии работу Ж. Ле Ридера «Code pour l'analyse des monnaies», написанную им в эпоху ранних попыток кодификации данных для формирования первых баз данных[130]. В данной работе, которую предпочтительнее называть руководством, приводится детальная инструкция по классификации и кодированию информации о монетах и монетных изображениях. Каждая монета кодируется по определенному набору параметров, относящихся к трем группам: иконографическая (описание изображения монеты), монетная (описание физических параметров)[131] и историческая (контекст, включая хронологию). Описание монетного изображения, которому Ле Ридер отводит основное внимание, включает несколько разделов. Прежде всего, это *субъект*, то есть центральный агент изображения,

[129] *von Fritze H.* Die Elektronprägung von Kyzikos: eine chronologische Studie // Nomisma. 1912. S. 1–38.

[130] *Le Rider G.* Code pour l'analyse des monnaies. Paris, 1975.

[131] Physiologie der Münze в терминологии Р. Гёбля.

совершающий действие, если такое предусмотрено (правитель, герой, фигура, предмет). Далее, *объект* – второй агент изображения, в отношении которого происходит действие. Затем, *аппозиция* – дополнительные элементы изображения, которые могут окружать центральных агентов: ветви, животные и прочее. Очень важным для описания являются определения места положения, ориентации в пространстве, конкретного способа действия и атрибутов. В целом, такая схема используется при описании и классификации монетных изображений в современной историографии. Близкую (более упрощенную) схему использовали создатели проекта Lexicon Iconographicum Numismaticae Classicae et Mediae Aetatis (LIN)[132]. В данном исследовании при описании монетного изображения, его интерпретации, а также распределения изображений на категории мы используем схему, предложенную Ж. Ле Ридером, а также способ описания, выработанный представителями Американского нумизматического общества, в частности, А. Хутоном и К. Лорбер.

Принципиальное внимание также отводится такой категории как «ключевой монетный тип», под которым мы пониманием доминирующий монетный тип крупных серебряных номиналов (прежде всего, тетрадрахм), который являлся наиболее тиражируемым монетным изображением в рамках монетного дела одного или нескольких правителей. Устойчивость использования «ключевого монетного типа» показывает не только идеологическую преемственность, но сохранение иконографической модели, что имело определенные экономические предпосылки. Напротив, смена «ключевого монетного

[132] *Caltabiano M.* Image as Word and Decoding Coin Images. The Lexicon Iconographicum Numismaticae Classicae et Mediae Aetatis (LIN) // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liege, 2018. P. 77–97; *Caltabiano M., Salamone G., Puglisi M., Carroccio B., Sisalli B., Celesti A., Nucita A.* DIANA: an Approach to Coin Iconography According to Time and Space Through Digital Maps // Proceedings of Digital Heritage International Congress, Marseille, France, Oct. 28 – Nov. 1, 2013. Marseille, 2011. P. 413–416. *Puglisi M.* An Iconographic Approach to Coins through the DIANA Atlas: The Case Study of the Subject 'Shell' on Greek Coins // Art in the Round. New Approaches to Ancient Coin Iconography / N. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 69–88.

типа» отражала не только изменение идеологического курса, но и влекла за собой серьезные экономические последствия[133].

Следующей группой терминов, обсуждение которых имеет большое значение для данного исследования, являются понятия, определяющие категории иерархической классификации монетной номенклатуры. Как показало исследование Ф. де Каллатая, отсутствие терминологического единства в этом вопросе вызывает серьезные проблемы при классификации отдельных групп монет. Базовым в данном случае являются понятия «монетной серии» и «монетного выпуска». Зачастую к ним добавляется и понятие «монетной группы», которое в нашем случае не имеет большого значения. Итак, как же можно определить «монетную серию» и «монетный выпуск»? По мнению Ф. де Каллатая, понятие «серия», если рассматривать его как последовательность объектов (монет) одного вида (типа), весьма близко понятию «периода», то есть определяется хронологически. Говоря о термине «выпуск» или «эмиссия», Ф. де Каллатай справедливо отмечает, что трактовка этого термина, предложенная представителями австрийской школы К. Пинком и Р. Гёблем[134], как «всего денежного производства, являющегося результатом официального и преднамеренного действия эмиссионного органа» не является подходящим для реалий античной нумизматики. Такое определение подразумевает централизованную систему монетного производства и существование особых распоряжений о выпуске монеты, которые дошли до нас от эпохи античности в единичных экземплярах. Вместо этого большинство исследователей классифицируют «монетные выпуски» как монеты с общим типом и общим номиналом, но с

[133] Наше определение «ключевого монетного типа» несколько расходится с определением Р. Гёбля, который выделял Grundtypus для монет одной серии. При этом, для определения «ключевого монетного типа» Р. Гёбль также обращался к понятиям «тип лицевой стороны» и «тип оборотной стороны». *Göbl R.* Antike Numismatik. S. 43. Такое понимание «ключевого монетного типа» больше опирается на общую иконографическую схему монетного изображения.

[134] Австрийская нумизматическая школа, или «школа Aufbau», названная так по заглавию программной работы Р. Гёбля «Aufbau der Münzprägung des Sasanidenstaates» во второй половине XX в., была одним из главных академических объединений, специализировавшихся на проблемах (включая теоретические) античной нумизматики. См.: *Wolters R.* Die Wiener Schule und der ‘Aufbau’ // Numismatische Zeitschrift. 2005. 113–114. S. 95–106.

разными дифферентами оборотной стороны, что подразумевает и их административную дифференциацию[135].

Оба этих определения, ввиду весьма отрывочных и зачастую недостаточных знаний о хронологии монетных выпусков, нуждаются в корректировке, во всяком случае в рамках данного исследования. Более продуктивным, на наш взгляд, является трактовка и «монетной серии», и «монетного выпуска» с учетом понятия «монетный тип». При этом, для определения понятия «монетный выпуск» важно учитывать наличие дифферентов оборотной стороны монеты, а для определения понятия «монетная серия» – хронологическую последовательность выпусков. Таким образом, можно определить, что «монетная серия» – это последовательный выпуск монет конкретного монетного типа и номинала на определенном монетном дворе, а «монетный выпуск» – это эмиссия определенного монетного типа и номинала на конкретном монетном дворе в рамках одной монетной серии, которая определяется уникальным дифферентом (или набором дифферентов) оборотной стороны монеты.

Определение термина «монетный выпуск» требует и качественной характеристики следующего термина – «дифферент». Под дифферентами мы понимаем монограммы и обозначения монетного двора[136], присутствующие в поле оборотной стороны монеты. Такие дифференты появляются системно именно в период эллинизма и представляют собой, наряду с датами, техническую маркировку. Что именно означали эти символы, кому они принадлежали, для чего они наносились на монету – все эти вопросы остаются без определенного ответа. В любом случае, мы должны отметить, что монограммы – это знак, сформированный при помощи букв греческого алфавита, а обозначения монетного двора – это символы, представленные в виде отдельного изображения (голова лошади, амфора и т.д.). Интерпретация дифферентов на

---

[135] *Lorber C., Houghton A.* Cappadocian Tetradrachms in the Name of Antiochus VII // NC. 2006. 166. P. 49–97; *Kovalenko S.* Die spätklassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. Berlin, 2008. См. также: *Alföldy M.* Antike Numismatik. Main am Rhein, 1978. S. 54–55.

[136] О дифферентах и их значениях см.: *de Callataÿ F.* Control Marks on Hellenistic Royal Coinages: Use, and Evolution towards Simplification? // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillographie. 2012. P. 39–62.

сегодняшний день практически невозможна ввиду недостаточной изученности этой проблемы и отсутствия необходимого количества материалов для сравнительного анализа. Любые попытки увидеть в монограмме конкретное имя, либо как-то интерпретировать знак монетного двора сталкиваются с большим количеством допущений и условностей, поэтому в данном исследовании мы будем избегать таких попыток.

Монеты государства Селевкидов представляют собой большой массив источников. На сегодняшний день можно говорить о более чем 2 тысячах монетных эмиссий Селевкидов. Главным ориентиром в селевкидской нумизматике является каталог А. Хутона и К. Лорбер[137], продолжающий исследования предыдущих поколений исследователей, прежде всего Э. Бабелона[138] и Э. Ньюэлла[139], которым принадлежат первые попытки систематизации материала. Примечательно, что в основе структуры каталога Хутона и Лорбер находится не монетный тип, а монетный выпуск. Это обстоятельство сделало каталог Хутона и Лорбер не просто определителем монетных типов, но важным исследовательским инструментом, позволяющим использовать полученные данные в том числе и для количественных исследований. Именно материалы данного каталога, являющегося на сегодняшний день лучшим корпусом селевкидских монет, дополненные базой данный Seleucid Coins Online (SCO)[140], легли о основу нашего исследования. Особый интерес представляет и международный проект Nomisma.org., который ставит своей целью создание беспрецедентной по своим масштабам и научным задачам базы данных древнегреческих и римских монет, а также монетных кладов. В проект включены десятки ведущих нумизматических институций, музеев и частных собраний. Ключевым принципом является распределенное партнерство – единственный на

[137] *Houghton A., Lorber C., Kritt B.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. I. Lancaster-London, 2002; *Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. II. Lancaster-London, 2008.

[138] *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P. 1890.

[139] *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1938; *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York, 1941.

[140] https://numismatics.org/sco/

сегодняшний день возможный вариант реализации подобного рода проектов. Конечной целью Nomisma.org. является формирование базы аналитического материала (количество штемпелей, метрологические переменные и т.д.), основанного на глобальной выборке.

Метод

Монета – уникальный исторический источник, являющийся частью духовной, политической и материальной культуры одновременно. Монетное изображение и монетная легенда являются важнейшим политическим идентификатором. В то же время монетное изображение является произведением искусства, делая монету предметом статусного потребления. Платежный потенциал монеты является признаком экономической власти[141]. Понимание этой гетерогенной природы монеты требует от исследователя особого подхода к ее изучению. Как было заявлено ранее, научный потенциал монетного изображения лучше всего раскрывается в исследовании, проведенном на методологическом стыке нескольких дисциплин: нумизматики, археологии, истории и искусствоведения. Принцип сочетания методов этих дисциплин изложен в «правиле контекстов» Н. Элкинса, по мнению которого, каждая монета, в независимости от того, исследуется ли проблема денежного обращения или монетной иконографии должна рассматриваться с учетом всего спектра контекстов[142]. Данный подход, рассматривающий монету как уникальный объект, находящийся одновременно в нескольких исследовательских измерениях, представляется весьма перспективным, позволяющим избежать некоторые методологические ловушки. Остановимся на нем подробнее.

[141] *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings: From Persia to Rome // Imaginary Kings: Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome / O. Hekster, R. Fowler (eds.). Stuttgart, 2005. P. 25. См. также *Trundle M., de Lisle C.* Coinage and the Creation. P. 67.

[142] *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach. P. 30-43. О необходимых контекстах для исследования иконографии (не только монетной) см.: *Iossif P., van de Put W.* Greek Iconographies: Meandering Paths to Understanding Images // Pharos. 2016. 1. P. 2–6.

Изучение монеты как исторического источника невозможно без понимания экономической роли монеты. Возможности монетного изображения как агента идеологии и инструмента «интеграционной» пропаганды зависят от ряда факторов, которые непосредственно связаны с экономическими функциями монеты, в первую очередь, зоны обращения и объемов эмиссии. Не стоит забывать, что новые монетные выпуски не замещали, а только пополняли общую массу обращавшихся ко времени их чеканки монет, поэтому большая часть новой денежной массы достаточно быстро «растворялась» среди уже имевшихся в обращении монет. Другим важным показателем является скорость движения денежных средств. Ввиду отсутствия централизованной системы денежного производства и государственного контроля за обращением денег[143], монеты совершали непредсказуемые с точки зрения географии и хронологии перемещения[144]. В кладовых находках конца эллинистической эпохи нередко можно обнаружить монеты десятков центров монетного производства, с хронологическим диапазоном чеканки в 150–200 лет. В данном случае большое значение имеет типология монетных кладов. Как показало исследование этого вопроса, проведенное П. Иоссифом, через 100 лет после чеканки, около 87% бронзовых и 77% серебряных монет все еще оставались на территории региона чеканки[145]. Еще одним показателем является взаимосвязь изображения и номинала монеты. Исследование Ф. Дюира показывает, что в эллинистической Сирии основной монетой была тетрадрахма, в то время как золотые номиналы использовались крайне редко[146]. Как это было отмечено, иконография монет из драгоценных металлов и бронзовых номиналов

[143] *de Callataÿ F.* Money and its Ideas. P. 57–61.

[144] *Le Rider G.* Les voyage des monnaies d'argent, principalement dans le royaume Séleucide // Anatolia Antiqua. Esli Anadolu. 1991. P. 209–215.

[145] *Foldvari P., Iossif P., van Leeuwen B.* Coin Diffusion Patterns in the Seleucid Empire: A Statistical Analysis // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. P. 1–8; *van Leeuwen B., Iossif P., Foldvari P.* The introduction of coinage in the Seleucid Empire and the Euro in the European Union: a comparison of stock and velocity // Money, currency and crisis: in search of trust, 2000 BC to AD 2000 / R. van der Spek, B. van Leeuwen, J. van Zanden (eds.). Oxon – New York, 2018. P. 149–164.

[146] *Duyrat F.* Wealth and Warfare; *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide. P. 399.

демонстрируют две разные иконографические модели, зачастую не связанные между собой, ввиду чего любые сравнительные исследования иконографии монет разных номиналов должны сопровождаться строгим обоснованием. Наконец, большое значение для определения идеологического потенциала монетного типа имеют особенности изготовления монеты, в частности, случаи перечеканок. Перечеканенная монета является ценным источником по хронологии выпусков, а также свидетельствует о недостатке монетного сырья и ограниченном времени на изготовление новой партии монет. В целом, перечеканка (вместо переплавки) указывает на стремление эмитента сэкономить на производстве монеты ввиду недостатка ресурсов.

Для понимания идеологического потенциала монетного изображения важно учитывать последовательность ввода монетной массы в обращение. Кратко, схема ввода новой партии монет выглядела следующим образом. Монету выпускало государство, которое обладало на это монопольным правом. Выпуск монеты был детерминированным, то есть предназначался для какой-то разовой акции, чаще всего, выплаты воинам. Никаких глобальных экономических задач для выпуска монеты не ставилось. Таким образом, первыми держателями монеты преимущественно становились воины[147]. Далее, монета поступала в руки «широких слоев населения». В некоторых случаях выпуск монеты был связан с крупным строительством или закупками, но и в этом случае первым потребителем монеты становится узкая социальная группа. Таким образом, потребителям второго порядка, под которым можно понимать широкие слои населения, монета поступает опосредованно. Это утверждение верно для монет крупных серебряных номиналов. Для мелких фракций серебра и бронзовых монет ситуация, как ни странно, схожая. Как показывают данные монетных кладов, драхмы выступали главным средством выплат наемникам, о чем свидетельствуют и материалы монетного дела диадохов, и выпуски эллинистической Каппадокии. Бронзовые монеты служили платой воинам

[147] *de Callataÿ F.* Money and its Ideas. P. 46–51.

гарнизонов[148]. Эта формула социального движения монеты получила в историографии название «noble issuers, humble users».

Изучение монетной иконографии невозможно без применения ключевых методов нумизматического исследования. Результаты штемпельного анализа дают представления об объемах монетной эмиссии, а также хронологической последовательности монетного производства, эволюции монетного типа[149]. Штемпельный анализ показывает периоды монетной чеканки, которые могут быт соотнесены с событиями политической истории, что также может быть релевантным для иконографического анализа. Исследование штемпелей требует репрезентативной выборки материала, включающей музейные собрания, частные коллекции, материалы археологии и интернет-аукционов, о чем будет подробно сказано в разделе 1.3.2. В современной нумизматике принято выделять несколько уровней штемпельного анализа: meta die analysis (количественные исследования объемов эмиссий, основанные на штемпельном анализе), inter die analysis (изучение штемпельных связей, групп, основанные на так называемом die identity), intra-die analysis (восстановление динамики монетной чеканки)[150]. Анализ кладов, картография кладовых и некладовых находок демонстрируют зону обращения монет в географической и хронологической перспективах[151]. Анализ кладов и археологических находок показывает степень распространенности монетных типов, демонстрирует популярность

---

[148] *Shearer J.* The specific and the ambiguous: what can we say of royal ideology of bronze coin types of the earliest Seleucid kings? // JAH. 2023. 1. P. 78.

[149] См. дискуссию о важности каталогов штемпелей: *von Kaenel H.M.* Stempelkatalog versus Sammlungskatalog. Die Diskussion um das Konzept des Corpus Nummorum 1885/86 // Proceedings of the 12th International Numismatic Congress / B. Kluge, B. Weisser (eds.), Berlin 2000. S. 104–108. См. также *Göbl R.* Antike Numismatik. S. 220–222; *Alföldy M.* Antike Numismatik. S. 47–48; *Fischer-Bossert W.* Hermeneutik griechischer Münzbilder // Jahrbuch für Numismatik und Geldeschichte. 2019. 69. S. 6. Существует даже весьма экзотическая дискуссия о зависимости между количеством монетных штемпелей лицевой стороны и численностью населения области, в которой производились монеты. Г. Апергис полагает, что в эллинистической Сирии на 1 млн. населения использовался 1 штемпель (*Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. P. 237–238), П. Иоссиф, напротив, отмечает, что 3 (*Iossif P.* Seleucid 'Eagles' from Tyre and Sidon: Preliminary Results of a Die-Study // Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress, Glasgow 2009. Glasgow, 2011 / N. Holmes (ed.). P. 227).

[150] *Glenn S.* Money and Power in Hellenistic Bactria. New York, 2020. P. 17–21.

[151] *Fischer-Bossert W.* Hermeneutik griechischer Münzbilder. S. 6–7.

определенных типов. К исследованию важно подключать результаты различных количественных анализов, которые позволят представить более полную картину объемов монетных эмиссий и монетного обращения. Как отмечает Н. Элкинс, «большинство исследователей склонны изучать монеты, заняв сторону выпускающего органа, и задаваться вопросами о «намерениях» и «мотивах» при выборе монетного изображения, в то время как монеты из археологического контекста могут рассказать нам о том, кто был их целевой аудиторией»[152].

Монетная иконография как часть художественной культуры эпохи требует исследования монеты в искусствоведческом контексте. На монетах нередко изображались памятники скульптуры и архитектуры. Многие из них не дошли до наших дней, что делает монетное изображение чрезвычайно востребованным источником. С другой стороны, стилистически близкие памятники позволяют определить время и регион создания скульптуры и памятника архитектуры в миниатюре[153]. Особое внимание нужно уделить стилистике монетного портрета, которую возможно исследовать только с использованием широкого круга аналогий, привлекая в качестве источника не только сами монеты, но и другие произведения искусства. Эволюция стиля монетного портрета отражает не только глобальные тенденции в искусстве, но является и зеркалом идеологии. Портреты эллинистических монархов нередко были выполнены в соответствии с каноном своих предшественников.

Изучение монетной иконографии ка предмета искусства требует применения специальных методов. Ключевым является иконографический метод или метод иконографических аналогий. Данный метод является единственным

---

[152] *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach. P. 43. См.: *de Callataÿ F.* De quoi les monnaies grecques trouvées en fouilles sont-elles le reflet? Propos diachroniques de méthode // Les monnaies de fouille du monde grec (VI–I s. a. C.) Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjen (eds.). Bordeaux, 2016. P. 239–261; Numismatic Archaeology. Archaeological Numismatics / K. Sheedy, Ch. Papageorgiadou-Banis. Oxford, 1997.

[153] *Зограф А.Н.* Эволюция монетного типа и статуи на монетах // Труды Отделения искусствознания научно-исследовательского института искусств и археологии РАНИОН. Т. I. 1926; *Lacroix L.* Copies des statues sur les monnaies des Séleucides // BCH. 1949. P. 163–175; *Elkins N.* Monuments in Miniature. Architecture on Roman Coinage. New York, 2015.

доступным при работе с изображениями на античных монетах и других памятников царской иконографии, а использование иконологического метода, ввиду массовости материала, а также отсутствия контекста изготовления изображения, стоит признать недоступным[154].

Перечисленные подходы формируют методологическую основу данного исследования при работе с корпусом царской иконографии, демонстрируя универсальный характер монетной иконографии как исторического источника. Иконография царских монетных выпусков является отражением царской идеологии, прежде всего, той политической идентичности, которая конструировалась при дворе. К сожалению, ввиду фрагментарности письменных источников, царская идеология Селевкидов также остается весьма проблемным предметом исследования.

Как уже отмечалось в данном разделе, для определенного круга исследователей характерно безапелляционное понимание монетного изображения как безусловного идеологического инструмента и важнейшего средства пропаганды в эллинистических монархиях. В таких исследованиях монетное (и любое другое) изображение «обезличено» и лишено всякого источникового контекста. Без внимания остается функциональное предназначение монеты как экономическо-административной категории, особенностей ее обращения и производства. Изображения рассматриваются отдельно от номинала монеты, а ряд дополнительных технических элементов монетного изображения (даты, монограммы, обозначения монетного двора) получают искаженную и неаргументированную интерпретацию. Изучение феномена идеологии монетного изображения, на наш взгляд, возможно только с учетом всей полноты

[154] Иконологический метод Э. Панофского, ввиду обозначенных осложнений, связанных с отсутствием письменных источников, сохранивших информацию о контексте и процессе создания изображения, не может использоваться даже в ограниченном, урезанном формате, или только эпизодически, с определенными оговорками. Также при работе с конкретными изображениями мог бы использоваться так называемый «метод пазла» Сальваторе Сеттиса, который позволяет провести детальную деконструкцию изображения, что также, в силу обозначенных причин, не применимо в большинстве случаев. *Панофский Э.* Этюды по иконологии. СПб, 2009. 23–44. *Сеттис С.* «Гроза» Джорджоне и ее толкование. Художник, заказчики, сюжет. М., 2023.

нумизматического, археологического, искусствоведческого и исторического контекстов конкретного монетного типа.

1.1.2. Печати

Вторым по значимости источником в корпусе памятников царской иконографии являются печати, а точнее оттиски печатей, дошедшие до нас в большом количестве в составе нескольких археологических комплексов. Традиция скрепления документов специальным инструментом (печатью), который оставлял на глиняной заготовке специальный знак была хорошо известна как в классической Греции, так и на древнем Востоке. Еще в древности царская печать (σφραγίς) была одним из символов власти и атрибутов правящего монарха. В цикле легенд о кончине Александра особое место занимает эпизод с передачей им царской печати своему политическому наследнику – Пердикке, символизировавшей переход власти. В государстве Ахеменидов царская печать также имела важное идеологическое значение. В эллинистический период практика использования печатей получила новое развитие и была широко распространена в эллинистических государствах[155].

Существование царской печати, которая использовалась царскими чиновниками у Селевкидов в официальном делопроизводстве для защиты от фальсификации договоров, писем, торговых контрактов и прочих документов зафиксировано в литературной традиции[156], материалах эпиграфики[157],

---

[155] См.: *Marest L.* Patterns of Use of Royal Portraits in Hellenistic Archives // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 164–165. См. также: *Plantzos D.* "For good ye are and bad, and like to coins": Why Bother with Seal-impressions // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? Proceedings of the International Conference Organized by the Belgian and French Schools at Athens, 26–28 September 2012 / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liège, 2018. P. 481–490; *Gross R.* Hellenistic Royal Iconography in Glyptics. PhD thesis. New Jersey, 2008. P. 13–16.

[156] Iust. XV. 4. 5; App. *Syr*. 56.

[157] Печать царицы Лаодики упоминается в недавно опубликованной надписи из храма Асклепия на острове Кос. *Bosnakis D., Hallof K.* Alte und neue Inschriften aus Kos VI // Chiron. 2020. S. 315.

клинописных документах эллинистической Вавилонии[158]. Разумеется, существование такой печати хорошо известно и в материальной культуре. Однако чаще исследователь, взявший на себя ответственность работы с селевкидскими печатями, оказывается в весьма затруднительном положении, поскольку выделить царскую печать из всего массива оттисков (σφράγισμα или ἀποσφράγισμα), которые формируют состав археологических комплексов с печатями, весьма затруднительно. Это влечет за собой и более значимую для нашего исследования проблему: поскольку архивы печатей содержат оттиски как официальных, так и частных печатей, велик риск ошибочной атрибуции иконографического материала. Во избежание этого необходимо провести строгую классификацию всего имеющегося материала на основании как иконографических, так и технических характеристик (метрологических параметров оттиска, типологии печати).

Стоит отметить, что имеющейся в нашем распоряжении материал можно разделить на несколько категорий в зависимости от происхождения. Прежде всего, это архивы печатей[159], которые представляют собой относительно полно исследованные археологические комплексы. Материалы архивов являются наиболее значимым источником, поскольку кроме самих печатей располагают богатым археологическим контекстом, позволяющим делать аргументированные выводы о характере комплекса, времени его существования, функциональном предназначении помещений архива. В другую группу входят

---

[158] *Wallenfels R.* Seleucid Babylonian “Official” and “Private” Seals Reconsidered: A Seleucid Archival Tablet in the Collection of the Mackenzie Art Gallery, Regina // Journal of Ancient Near Eastern History. 2015. 2. P. 55–89.

[159] Под архивами печатей мы понимаем, прежде всего, закрытые археологические комплексы, содержащие массивы оттисков печатей, накапливавшиеся в одном месте на протяжении продолжительного времени. Разумеется, данные архивы исторически были хранилищами документов, составленных на папирусе и скрепленных глиняной печатью/печатями. Такие архивы были централизованной институцией и располагались в специальных хранилищах, что наглядно показывают материалы археологии. Стоит отметить, что в древней Греции существовало несколько терминов для обозначения архива документов: ἀρχεῖον, δημόσιον, γραμματοφυλάκιον, γραφεῖον. В эллинистическом Египте архивы назывались βιβλιοθήκαι. Как именно назывались архивы документов в государстве Селевкидов неизвестно, однако, судя по тому, что на серии селевкидских печатей мы встречаем обозначение должности чиновника – βιβλιοφυλάξ – «глава архива», то возможно предположить, что архив мог именоваться, как и в Египте, βιβλιοθήκη.

одиночные находки печатей, сделанные в ходе археологических раскопок. Такие материалы не всегда информативны для исследования документооборота и делопроизводства, однако для исследований по царской иконографии имеют большое значение. Третью группу составляют материалы, полученные из открытых источников, в частности, интернет-аукционов, где в последнее время сильно возрос интерес к этим артефактам. Разумеется, происхождение, а иногда и подлинность отдельных экземпляров вызывают вопросы, однако, использование данной категории материала как дополнительного иконографического источника вполне приемлемо. Дополнительную сложность в работе с оттисками печатей создает разрозненность материала. Некоторые архивы печатей оказались распределены по разным музейным и частным собраниям. При этом, не все они были опубликованы, либо опубликованы корректно. Стоит отметить, что первые публикации селевкидских оттисков печатей были осуществлены еще в 1930-х, когда исследователей больше интересовал не археологический контекст данных находок, но скорее тексты надписей и изображения. Это определяло и формат публикаций, где не всегда имелось точное описание предметов. Более того, некоторые предметы по непонятным причинам исчезали из коллекций. Именно поэтому в публикациях отдельных архивов до сих пор наблюдается путаница[160].

Технология запечатывания реконструируется по остаткам папируса на некоторых экземплярах и каналам с веревкой, которой прошивался документ. По сути, интересующие нас оттиски печатей сохранились на двух типах носителей: на одиночных фрагментах глины, скреплявших документ, и на так называемых буллах, по форме напоминающих кольцо для салфетки или манжет/воротник[161]. В случае с одиночной печатью папирус прошивался нитью, которой

[160] Этой проблеме посвящен целый раздел в диссертации Дж. Хикс. См. *Hicks J.* Hollow archives: Bullae as a source for understanding administrative structures in the Seleukid Empire. PhD Thesis. London, 2016. P. 66–71.

[161] Вслед за Т. Шрайбером отметим, что в исследованиях, посвященных эллинистическим печатям, существует определенная терминологическая путаница. Так, например, термин «булла» может применяться как к оттискам на глиняных кольцах, так и в отношении отдельных плоских печатей.

затем несколько раз оборачивали документ и продевали через накладную глиняную заготовку. После на этой заготовке ставилась печать (рис. 4). На задней стенке таких оттисков сохранились отпечатки волокон папируса, которые образовывались в результате надавливания глиняной заготовки на документ при запечатывании. В случае с буллами сверток папируса продевали через глиняное кольцо, несколько раз обматывали нитью, которой предварительно прошивали сам документ, а после на заготовку наносились печати (рис. 5). Ключевым отличием этих двух типов печатей является наличие только одного оттиска на накладной печати и нескольких на булле[162]. Само существование двух различных способов запечатывания говорит и о различиях в характере документов. Действительно, судя по набору оттисков на буллах можно предположить, что чаще всего таким способом запечатывали документы, имеющие отношение к торговым операциям, там, где требовалось заключение сделки между несколькими сторонами с участием царского чиновника/чиновников. Напротив, накладная печать с одним оттиском, как правило большим по своему размеру, чем ординарный оттиск на частном контракте, ставилась на документах, имеющих статус официального распоряжения, указа или послания, включая международную документацию[163]. До нас дошли и некоторые оттиски печатей, сделанные на глиняных табличках вместе с текстом документа, что в единичных случаях позволяет идентифицировать царскую печать.

Итак, начнем с общей характеристики архивов печатей, которые расположим в порядке значимости для нашего исследования.

Селевкия на Тигре

Пожалуй, из всех известных архивов печатей самым многочисленным корпусом не только государства Селевкидов, но и всего эллинистического мира является архив печатей Селевкии на Тигре. Важно уточнить, что из

[162] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Untersuchung auf Grundlage quantitativer und qualitativer Merkmale von Siegelabdrücken aus Archivkontexten. Paderborn, 2023. S. 24–36.

[163] Здесь стоит вспомнить уже упоминавшееся письмо царицы Лаодики в Асклепейон на о. Кос. Из архива печатей Селевкии на Тигре также известны несколько оттисков, принадлежавших различным эллинистическим монархам. Seleucia La1-3; Ca1; Pn 1; Ba 1; Dh 1.

Селевкии на Тигре происходят два архива. Первый – это архив печатей, располагавшейся в частном доме, в так называемом квартале G6. Данный архив (точнее, два архивных комплекса A и B) был исследован в ходе раскопок Мичиганского университета в первой половине XX века и представляет собой частный архив документов. В публикации Р. МакДауэлла этот комплекс материалов получил громкое название архив «большого дома» (‘Great House’)[164]. Изначально предполагалось, что оба архива принадлежали одной семье, однако, как позднее отметил К. Хопкинс, четко выделить границы строения не удалось, что осложняет интерпретацию данного комплекса как единого[165]. Всего архив A содержит 83 предмета, включая буллы, которые составляют более трех четвертей материала, и оттиски накладных печатей. Судя по имеющемуся материалу, архив A существовал с 229/228 по 150 годы до н.э. В архиве B был обнаружен 81 артефакт, из которых также больше половины составляли буллы[166]. Он датируется периодом между 188/187 и 153/152 годами до н.э.[167] Дополнительно 39 оттисков были подняты в слое грунта и имеют лишь условную привязку к кварталу G6. Среди печатей различимы экземпляры с портретами царей, с упоминанием должностей библиофилака и хреофилака, частные, а также налоговые (налог с продажи раба, соли), принадлежащие полисным магистратам. Оба архива, представляли собой комнаты с деревянными полками, на которых хранились документы. Архивы погибли в результате пожара, в слое которого были обнаружены оттиски печатей, временами вперемешку с остатками древесины и гвоздями.

---

[164] *McDowell R.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1935. P. 11–24. Стоит отметить, что качество полевых исследований памятника, проведенного американскими специалистами, весьма низкое. В отчетной публикации Р. МакДауэлла не приведена стратиграфия объекта, планы строений имеют некоторые неточности. Атрибуция некоторых оттисков выполнена без привлечения аналогий и страдает тенденциозностью. Так, в частности, несколько печатей с изображением мужского бюста в кавсии, были определены Р. МакДауэллом как изображавшие узурпатора Тимарха лишь на том основании, что на своих монетах он изображался в шлеме, который наряду с кавсией Р. МакДауэлл посчитал персональным символом полководца.

[165] *Hopkins C.* Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1972. P. 11–12.

[166] *Hicks J.* Hollow archives. P. 79–82.

[167] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 42–45.

Второй архив, происходящий из Селевкии на Тигре – это городское хранилище документов, представлявшее собой массивное сооружение, имевшее государственный статус. Данный архив был исследован в 1960–1970-х годах итальянской миссией[168]. Полноценные археологические раскопки позволили установить, что архив состоял из двух модулей, располагавшихся в деловом центре полиса рядом с агорой и стоей. Оба здания были разделены на комнаты, соединенные между собой открытым проходом. Датировать комплекс позволяет имеющийся корпус печатей. Можно предположить, что здание архива было воздвигнуто в середине III в. до н.э. и уничтожено в период перехода власти в городе к парфянам. Самая поздняя печать, зафиксированная в архиве, принадлежит Деметрию II и относится к периоду краткого возвращения города под власть Селевкидов в 129 г. до н.э. Данный архив представляет собой богатейший исследовательский материал. Всего в нем было обнаружено более 30 тысяч оттисков, сделанных более чем 6300 печатями. Как и в случае с частным архивом квартала G6, печати также хранились на специальных стеллажах, о чем свидетельствуют находки гвоздей вместе с оттисками печатей. Около половины обнаруженных оттисков (14 тысяч) принадлежат налоговым печатям. Имеются оттиски печатей чиновников, а также печатей с портретами царей и многочисленных частных печатей. Корпус оттисков печатей из Селевкии на Тигре был опубликован в 2004 году А. Инверницци[169].

Урук

Относительно большой архив печатей происходит из эллинистического Урука (Орхой). Имеющейся в распоряжении материал был открыт в результате систематических археологических раскопок, начатых в 1912 году, а также

---

[168] *Инверницци А.* Селевкия на Тигре, греческая метрополия в Азии // ВДИ. 1990. 2. С. 179–182; *Invernizzi A.* Gli archivi pubblici di Seleucia sul Tigri // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 131–143; *Messina V.* Seleucia al Tigri. L'edificio degli archivi. Lo scavo e le fasi architettoniche. Firenze, 2006; *Messina V.* Hellenistic Sealings in Context: The City Archive of Seleucia-on-the-Tigris // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 149–162.

[169] Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi. I-III / A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.

коммерческих приобретений[170]. Большая часть печатей происходит из отдельных помещений храмов Бит-Реш и Иригал. Как и в случае с архивами Селевкии на Тигре, архивы Урука были построены в середине III в. до н.э. и продолжили свое существование вплоть до первых лет парфянской власти в 140-х годах до н.э. Отличительной особенностью архивов Урука является то, что кроме глиняных колец и накладных печатей, в хранилище были обнаружены клинописные таблички, которые позволяют определить содержание документов. Так, в архивах хранились разнообразные документы: литературные произведения, обрядовые записи, юридические документы, астрономические и математические тексты. Многообразие помещений, в которых были обнаружены печати и таблички, позволило Г. Линдстрём предположить, что некоторые из них служили для хранения особых типов документов: царских указов, частных документов, ритуальных текстов. Из-за грабительских раскопок и, как следствие, разрозненности материала, который на данный момент хранится в различных музейных и частных коллекциях, подсчет точного количества оттисков печатей из Урука представляет большую проблему. По подсчетам Дж. Хикс, из Урука происходят около 1100 артефактов, имеющих оттиски печатей, большая часть из которых – это буллы и только 62 одиночные печати. В каталоге Г. Линдстрём представлены 634 артефакта, имеющих оттиски печатей, и 61 табличка с 1452 оттисками, которые были сделаны 1219 печатями[171]. В публикации коллекции Йельского университета Р. Уалленфелса представлены 1523 оттиска с 1100 печатей на 154 табличках[172]. Небольшая коллекция оттисков печатей из селевкидского Урука (шесть булл) хранится в

[170] *Lindström G.* Uruk. Siegelabdrücke auf hellenistischen Tonbullen und Tontaflen. Mainz am Rhein, 2003. S. 65–66; *Oelsner J.* Sielung und Archivierung von Dokumenten im Hellenistischen Babylonien // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 101–112.

[171] *Lindström G.* Uruk. S. 42. Впрочем, как отметил Т. Шрайбер, данные каталога Г. Линдстрём весьма запутанные и не всегда соответствуют заявленному в предисловии количеству. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 50–51.

[172] *Wallenfels R.* Uruk. Hellenistic Seal Impressions in the Yale Babylonian Collection. I. Cuneiform Tablets. Mainz, 1994. См. предшествующую публикацию М.И. Ростовцева – *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions // Yale Classical Studies. 1932. P. 3–114.

собрании Королевского музея истории и искусства в Брюсселе[173]. В собрании Государственного Эрмитажа хранятся 15 булл из Урука, опубликованные А.Б. Никитиным и В.А. Гаибовым[174]. Из данной коллекции наиболее интересной является экземпляр ДВ 19114, на котором имеются два оттиска официальных печатей чиновников, на одном из которых сохранилась дата 119 СЭ = 194 г. до н.э. В архивах Урука сохранились оттиски налоговых печатей, печатей официальных чиновников с упоминанием их должностей, а также печатей с портретами царей и многочисленных частных печатей.

Вавилон, Ниппур, Ларса

Отдельные находки селевкидских оттисков печатей известны на территории Вавилона, Ниппура и Ларсы. Как и в Уруке, здесь часто использовались буллы. Контекст этих находок (некоторые из них были сделаны случайно) не позволяет выявить признаков хранилища и больше напоминает частные архивы. Из Вавилона происходят пять глиняных булл и несколько булл из битума, которые не были опубликованы. Шесть булл были обнаружены в Ниппуре. Два оттиска печати на одной из булл принадлежат чиновникам и датируются 163/162 г. до н.э. Три буллы происходят из Ларсы.

Дура-Европос

Архив из Дура-Европос не столь многочисленный как архивы Селевкии на Тигре и Урука, но имеет ряд весьма специфических особенностей, делающих материалы, происходящими из этого полиса, весьма ценным историческим источником. Здесь в некоторых случаях кроме оттиска печати, помещавшегося на документе, фрагментарно сохранился и сам текст, нанесенный на пергамент. Известны несколько селевкидских юридических документов с упоминанием должностей чиновников, в частности, хреофилака. Вместе с упоминанием хреофилака в текстах упоминается и хреофилакион, где, вероятно, и хранились документы. Помещение хреофилакиона удалось локализовать в

[173] *Hameeuw H, van Overmeire S.* The Seleucid bullae from Uruk in the Royal Museums of Art and History, Brussels // Mesopotamia. 59. 2014. P. 113–142.

[174] *Никитин А.Б., Гаибов В.А.* Селевкидские буллы в Эрмитаже // Hyranis. Труды Отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1. 2019. С. 119–141.

квартале G3. На данном месте хреофилакион существовал с конца II в. до н.э. Археологами было реконструировано хранилище хреофилакиона и система хранения документов в специальных ящиках. Некоторые ящики имели надписи и были снабжены монограммой ΧΡ, в которой можно увидеть либо название должности «хреофилак», либо институцию «хреофилакион»[175]. К слову, хорошо известны и оттиски печатей с той же монограммой, но уже, вероятно, раннего римского времени (I–II в. н.э.), которые нередко появляются на коммерческих аукционах. Происхождение таких артефактов остается неизвестным (рис. 6).

Джебел Халид

Несколько экземпляров оттисков печатей происходят из небольшого поселения на берегу Евфрата Джебел Халид. Три отдельные печати происходят из так называемого «дворца правителя», где, вероятно, располагался и государственный архив. Дополнительно один оттиск был обнаружен в неустановленном контексте у главных ворот. Все оттиски были выполнены печатями официальных чиновников.

Тель-Кедеш

Небольшой компактный архив оттисков печатей происходит из израильского города Тель-Кедеш. Комплекс был обнаружен в входе археологических раскопок 1990–2000-х годов. К сожалению, определить дату основания архива крайне сложно, ввиду того что помещение, где располагался архив, было выстроено на фундаментах более ранних построек ахеменидского времени. Вероятно, около 144 г. до н.э. в период конфликта Деметрия II с Ионатаном Маккавеем здание было заброшено и перестало выполнять административные функции. Самый поздний из датированных оттисков печатей относится к 148 г. до н.э., что позволяет предположить, что архив функционировал в первой половине II в. до н.э. – с момента установления власти Селевкидов над Палестиной в 200 г. до н.э. и до 140-х годов до н.э. Дополнительную датировку может дать комплекс родосских амфор, обнаруженный в том же помещении,

[175] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 53–54.

который датируется 170–145 годами до н.э.[176] Всего из Тель-Кедеша происходят 2048 оттисков, сделанных 1293 печатями. Среди оттисков, обнаруженных в Тель-Кедеше, большую часть занимают частные печати. Есть несколько оттисков с изображением якоря.

Скифополь

Небольшой архив оттисков печатей (99 экземпляров) был обнаружен в жилом доме при раскопках Скифополя[177]. Принято считать, что данный архив принадлежал частному лицу, которым мог быть царский чиновник или крупный торговец. Архив датируется 128–108 гг. до н.э. Проведенный петрологический анализ глины показал, что большая часть оттисков происходит из Скифополя, но есть и импорт из долины Оронта, Греции и Кипра.

Марисса

К середине II в. до н.э. относится и архив из Мариссы, обнаруженный только в 2018 году и пока целиком не опубликованный. Всего комплекс насчитывает 1027 оттисков. Принадлежность архива остается неопределенной. Обилие частных печатей может свидетельствовать о частном использовании данного хранилища. Однако в данном архиве содержатся и печати с «монограммой хреофилака».

Остальные архивы печатей хотя и имеют косвенное отношение к данному исследованию, но дополняют его ценнейшей информацией. Речь идет об архивах, располагавшихся за пределами государства Селевкидов. Одним из таких является архив птолемеевских оттисков печатей из *Эдфу*. К сожалению, данный комплекс не имеет археологического контекста и разделен на две части, одна из которых находится в Торонто, другая в Амстердаме. Отсутствие контекста не позволяет установить ни точное время существования архива, ни его место. Более того, есть вероятность того, что перед нами несколько архивов, либо какая-то часть более крупного хранилища. Однако для исследований

[176] *Hicks J.* Hollow archives. P. 90.

[177] *Mazor G., Atrash W.* The sealings // Hellenistic Nysa-Scythopolis. The Amphora Stamps and Sealings from Tel Itzabba, Bet She'an IV / G. Mazor, W. Atrash, G. Finkielstejn (eds.). Jerusalem, 2018.

в области иконографии, при том, что аналогичный птолемеевский материал крайне редок, данный архив представляет большую научную ценность. Всего данный комплекс содержит более 600 оттисков печатей. Похожим архивным комплексом является архив из *Неос Пафоса* на Кипре[178]. Здесь были обнаружены 11 тысяч оттисков печатей, которые формировали часть городского архива. На основании анализа портретов правителей, представленных на печатях, архив датируется серединой II – концом I вв. до н.э. Также для текущего исследования интерес представляют материалы архивов *Делоса* и *Каллиполя*, где также известны находки селевкидских оттисков печатей.

Ключевой проблемой при работе с иконографией оттисков печатей (корректнее, самих печатей)[179] является проблема типологии имеющегося материала. Весь массив опубликованных печатей включает не только государственные печати, принадлежащие официальным царским лицам, но и большое количество полисных печатей (например, налоговых), а также частных печатей, которые не имеют к предмету данного исследования прямого отношения. Стоит обратить внимание на один терминологический нюанс. В историографии определение «частной» печати строится по принципу «от противного» и чаще под «частной» печатью понимается все многообразие не-«официальных» печатей. Однако кому принадлежали эти печати, только ли частным лицам, как полагает Г. Линдстрём[180]? Более того, определение «официальной» печати строится исключительно на авторских, не всегда аргументированных, представлениях о визуальной репрезентации официального символа или знака. Действительно, на некоторых печатях помещается указание должности

---

[178] *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts auf Siegelabdrücken aus Paphos (Paphos IV B). Wiesbaden, 2015.

[179] В тех частях нашего исследования, где речь будет идти об иконографии термины «оттиск печати» и «печать» будут употребляться в качестве синонимов, поскольку очевидно, что предметом исследования являются именно изображения, нанесенные на саму печать, а не дошедшие до нас отпечатки этих изображений. Случаи, когда это будет принципиально, например, при интерпретации данных количественного анализа, будут оговорены отдельно.

[180] *Lindström G.* Uruk. S. 15; *Wallenfels R.* Private seals and sealing practices at hellenistic Uruk // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 113–123.

(царского или полисного) чиновника. На других отмечен вид налога, которым облагается сделка, что также подразумевает официальное (полисное) происхождение печати. Однако как быть в том случае, если на печати нет никакого текста, но помещен портрет правителя, либо символ, который относят к символам власти, проводя аналогии с монетными изображениями? Итак, первой задачей, которая стоит перед исследователем, – выделить из общего массива материала группу официальных печатей, отделив ее от частных, а затем разделить оставшиеся печати на две категории – принадлежавшие полисным магистратам и царским чиновникам. Именно последние интересуют нас в данной работе в первую очередь, поскольку могут (иногда косвенно) являться отражением царской идеологии. Сгруппировать материал возможно, используя два параметра: технический и иконографический.

В своей работе Т. Шрайбер выделил частные печати по группе признаков, которая включает: размеры оттиска, вогнутость поверхности и общее количество известных оттисков одной печати. Анализ материалов из архива Селевкии на Тигре показывает, что частные печати были заметно меньше официальных, обладали характерной выпуклой поверхностью, оставлявшей вогнутый отпечаток и чаще известны по одиночным оттискам[181]. Иконографически наиболее частым сюжетом частной печати было изображение богов и героев, мужские и женские портреты, изображение воинов, театральных масок, животных, фантастических существ, отдельных знаков и монограмм. Большую группу составляют печати с локальной вавилонской иконографией[182]. Несмотря на свою многочисленность (группа частных печатей существенно больше, чем группа официальных), она не столь значима для нашего исследования. Согласиться с утверждением Т. Шрайбера, что иконография частных печатей плохо коррелирует с иконографией монет сложно. Дело в том, что иконография монет, как и иконография печатей, имела общегосударственный

[181] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 248. См. отдельно раздел по количественным исследованиям S. 213–225.

[182] Подробнее см. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 251–274.

и локальный варианты. Действительно, иконография частных печатей не соответствовала иконографии крупных золотых и серебряных номиналов, которые отражали официальную царскую идеологию. Напротив, иконография выпусков локальной бронзы хорошо соотносится с иконографическим корпусом частных печатей.

Интересующую же нас группа официальных печатей также подразделяется на две категории: условно, полисные и царские оттиски, т.е. печати, принадлежавшие полисным и царским официальным лицам. К полисным относятся налоговые печати. Оттиски данных печатей представляют собой вдавленный прямоугольник с короткой надписью. В зависимости от вида сделки, а соответственно и вида взимаемого налога, надпись могла быть следующей Σελευκείας/ Ὄρχων ἁλικῆς (ἀνδραποδικῆς, καταγφραιοῦ, σιτικῆς, τριακοστῆς) ἀτελῶν/ἐπιτελῶν (рис. 8)[183]. Также из Урука происходит печать с налогом на плавание по Евфрату – πλοίων Εὐφρατοῦ и указанием личного имени, что свидетельствует о передачи сбора этого налога на откуп. Особый интерес вызывает печать с надписью Σελευκείας ἁλικῆς βασίλισης οἴκου ἐπιτελῶν. Эта печать до сих пор остается без интерпретаций. Между тем, стоит отметить, что, судя по всему, речь здесь идет о так называемом личном царском землевладении или царском домене[184].

Важной особенностью данной группы печатей является помещенная в тексте дата, что позволяет датировать не только саму печать, но и буллу с другими печатями целиком. Оттисков с указанием соляного налога значительно больше, чем остальных – их общее количество превышает 14 тысяч. Любопытно, что вместе с текстом в поле печати размещались символы: якорь, половина якоря, шапки Диоскуров, фигура Ники, голова мужчины (царя?), монограммы. Все эти символы выступают в качестве официальной полисной

[183] *Mollo P.* Il problema dell'ἁλική Seleucide alla luce dei materiali degli archivi di Seleucia sul Tigri // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 145–156.

[184] *Hicks J.* Hollow archives. P. 42; *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 124.

иконографии. Аналогии этому можно встретить и на других носителях. Якорь, шапки Диоскуров, Нику, мужскую голову нередко можно встретить на бронзовых монетах, надчеканках, весовых гирях, производство и использование которых также находилось в введении полисных властей. В историографии нередко символы на налоговых печатях трактуются как царские[185], однако, на наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с полисной символикой.

Следующую группу составляют печати, которые принадлежали царским чиновникам. По размеру такие печати больше частных, иногда дополнялись надписи (легендами), имеют иконографическое сходство с крупными монетными номиналами, качество изображения таких печатей значительно лучше, также они известны по нескольким оттискам. Говоря об этих печатях, мы предполагаем, что их обладателями были чиновники царской администрации. Экземпляров непосредственно царской печати в нашем распоряжении нет. Литературная традиция сохранила упоминание якоря как символа Селевкидов, который использовался для царской печати, но одно это упоминание не позволяет нам видеть во всех оттисках печатей с якорем именно царскую печать, как невозможно все монеты или весовые гири с изображением якоря по умолчанию считать царскими и даже селевкидскими. По сути, в нашем распоряжении имеется один документ, который сообщает о «царской печати», – клинописная табличка, текст которой представляет собой договор купли-продажи раба. В данном тексте упоминается «печать царя», которой скреплен документ. В поле таблички действительно присутствует печать, по своим размерам больше остальных, с изображением якоря и лошади (рис. 7), что хорошо соотносится царской иконографией Антиоха I, ко времени которого относится данный документ. Тем не менее полагать, что царь Антиох лично скрепил данный договор опрометчиво. По всей вероятности, царский чиновник использовал не саму личную царскую печать, а печать с официальной царской символикой как знак законности его полномочий.

[185] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 134.

Отдельную группу печатей представляют оттиски с обозначением должности чиновника. Данные печати также можно считать официальными не только принимая во внимание надпись, но и из-за увеличенного размера, заметно выдающегося на фоне частных печатей. Одним из часто встречающихся символов был якорь. На печатях якорь встречается как вместе с надписью, например, на экземпляре SU 18 (рис. 10), так и без нее. Также якорь может изображаться отдельно, мом как часть композиции, например, в центре круга (с надписью хреофилака)[186] (рис. 11), либо в сочетании с протомой рогатой лошади[187]. Сюда же стоит добавить, уже упомянутую печать с изображением четвероного животного (лошади) и якоря с клинописной таблички с указанием «печать царя» (рис. 12). Печати с изображением якоря встречаются и за пределами. державы Селевкидов, в частности, в Каллиполе и на Делосе, что может означать использование данного символа на международном уровне. Более того, печати с изображением якоря никогда не встречаются на буллах, то есть использовались отдельно от остальных печатей, что предполагает особый статус документа, который они скрепляли: вероятно, царские указы, письма и т.п. Все это в совокупности с материалами других источников позволяют видеть в якоре государственный символ Селевкидов, главный знаковый выразитель их власти[188]. Однако ряд обстоятельств, включая практически полное отсутствие изображения якоря на крупных серебряных и золотых номиналах серьезно усложняют эту интерпретацию. Впрочем, проблема изображения якоря в структуре царской иконографии Селевкидов будет рассмотрена в отдельном параграфе.

Важно отметить, что кроме якоря упоминание должностей официальных чиновников встречается в сочетании и с другими изображениями, которые редко обозначаются как «государственный символ». Так, упоминание

[186] *Lindström G.* Uruk. S. 40.

[187] *Lindström G.* Uruk. S. 38.

[188] *Schreiber T.* In Namen des Königs? Überlegungen zur Bedeutung und Funktion hellenistischer Siehel mit Herrscherporträts // Gesiegelt, Versiegelt, Entsiegelt. Studien zum Siegel(n) als Kulturtechnik von der Antike bis zum frühen Mittelalter / J. Auenmüller, N. Moustakis (hrsg.). Münster, 2022. S. 157–158.

хреофилака (чиновника из архива) встречается в сочетании с портретом царя (Селевк I, Селевк II, Антиох III (?), Антиох IV). Такие печати использовались на протяжении нескольких десятилетий – печать с изображением Селевка I использовалась с 240-х по 212 год до н.э., о чем говорят даты на печатях соляного налога, размещенных на тех же буллах, что и печать хреофилака (рис. 13)[189]. В данном контексте весьма интересен оттиск печати с портретом Деметрия I и монограммой, в которой Т. Шрайбер предлагает видеть зашифрованное обозначение хреофилака (рис. 14)[190]. Таким образом, печать хреофилака могла включать как полное указание должности, так и ее сокращенное обозначение в виде монограммы[191].

Кроме портрета царя обозначение должности хреофилака встречается совместно с изображениями богов. Из материалов Урука известны печати с изображением Аполлона, опирающегося на треножник и держащего лук и стрелу, либо просто стрелу (рис. 15). Данный сюжет встречается на монетах Селевка II, однако такие печати встречаются и в более поздний период. Также известно изображение головы Аполлона. Довольно часто встречается изображение Афины, опирающейся на копье и щит. В некоторых вариантах этого сюжета Афина держит Нику. Печать с Афиной Никефорой относится к 146 г. до н.э. Примечательно, что данное изображение Афины не соответствует изображениям на монетах, в частности, присутствует существенная разница в пропорциях[192]. Весьма нетипичным является изображение Афины на три четверти

---

[189] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 148.

[190] *Schreiber T.* In Namen des Königs? S. 167; *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 151. Отметим, что мы не является сторонником любых попыток чтения каких-либо монограмм, однако, в данном случае большое количество аналогий, а также археологические находки граффити с данной монограммой в хранилищах документов in situ, скорее, являются аргументом в пользу версии Т. Шрайбера. См. также материал о хреофилакионе из Дура-Европос: *Leriche P.* Le Chreophylakeion de Doura-Europos et la mise en place du plan hippodamien de la ville // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 157–169; *Coqueugniot G.* Archival Practices of the ‘Chreophylakes’ at Dura-Europos // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 179–192.

[191] Кроме обозначения должности хреофилака в виде монограмм встречается и обозначение в виду двух букв Х-Р. См. Sol Numismatik. Auc. XIX, lot. 834.

[192] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 155–156.

со щитом и копьем на плече. Данное изображение не встречается на монетах, хотя изображение головы Афины на три четверти известно на монетах Антиоха III. Также на печатях хреофилака встречается Ника с венком, богиня Никефора, сидящая на троне, напоминающая сюжет бронзовых монет периода правления Антиоха IV, а также фигура обожествленного правителя с рогами, опирающегося на копье. Примечательно, что на некоторых печатях из Урука встречается указание полисной общины (χρεοφυλακικὸς Ὄρχων), в то время как в Селевкии на печатях хреофилака топоним отсутствует. Такие печати с обозначением полисной общины, очевидно, принадлежали полисным магистратам. Использование для таких печатей официальных селевкидских изображений: якоря, Аполлона, богини Никефоры, Ники, скорее говорит о влиянии царской иконографии. Также не исключено, что полномочия царского хреофилака Селевкии распространялись и на Урук, чего не было в обратном случае.

Известно и пять печатей с упоминанием библиофилака – также чиновника архива, полномочия которого, впрочем, чаще связывают с операциями с царской землей. Единственно известным изображением, встречающимся на печатях библиофилака, является треножник. Такие оттиски известны из Селевкии и Урука (рис. 16).

Следующей группой официальных печатей, является комплекс оттисков с изображениями правителей. В историографии проблема атрибуции печатей с царским портретом как официальных не решается однозначно. Относительно недавно были опубликованы две работы Л. Марест[193] и Т. Шрайбера[194] специально посвященные данной проблеме. Удивительно, что, используя один и тот же материал для исследования и одинаковый набор методов, авторы приходят к противоположным результатам. Т. Шрайбер обращает внимание на общие физические (диаметр, обработка поверхности) и стилистические особенности печатей с портретами царей и печатей с якорем и обозначением

[193] *Marest L.* Patterns of Use. P. 163–178
[194] *Schreiber T.* In Namen des Königs? S. 153–210.

чиновников[195]. Отсутствие надписей с именами чиновников на печатях с портретами Т. Шрайбер объясняет не только отличительными физическими особенностями, но и узнаваемостью печати, что формировало устойчивую ассоциацию между изображением царского портрета и официальным характером печати. Не последнюю роль в конструировании такой ассоциации могли играть монеты[196], которые с течением времени стали неотъемлемой частью повседневности жителей Селевкии на Тигре и эллинистического Урука. Напротив, Л. Марест предложила вписать печати с царскими портретами в широкий археологический и социокультурный контексты. Проведя детальный количественный анализ материалов архива Селевкии на Тигре, она пришла к выводу, что большинство печатей принадлежали частным лицам. Эти печати могли использоваться при заключении частных сделок, что подтверждается и исследованиями Т. Шрайбера. Однако общий вывод об использовании частными лицами печатей с портретом царя остается слабоаргументированным. По мнению Л. Марест, эллинистические монархи всячески способствовали распространению печатей с собственными портретами среди своих приближенных и в целом представителей элит, тем самым монополизируя сферу визуального и распространяя свой образ[197].

Использование портрета правителя в качестве официального символа в сочетании с указанием должности чиновника подчеркивает экстраординарный характер такого типа изображения даже в том случае, если отсутствует прямое указание на официальный характер данной печати. Стоит отметить, что портрет был неотъемлемым атрибутом всех монет крупных номиналов, а также встречается на надчеканках[198]. Из литературной традиции (Polyb. XV. 31.9;

---

[195] *Schreiber T.* In Namen des Königs? S.176

[196] А. Инверницци особо подчеркивал связь между распространением практики запечатывания документов в Селевкии на Тигре и увеличением объемов монетной чеканки в контексте развития искусства резчиков гемм и монетных штемпелей. См.: *Invernizzi A.* Portraits of the Seleucid Kings on the Sealing from Seleucia-on-the-Tigris: A Reassessment // Bulletin of the Asia Institute. 1998. P. 105–106.

[197] *Marest L.* Patterns of Use. P. 177–178.

[198] Проблемам царского портрета как символа государственной власти в данном исследовании посвящена глава 2.

Athen. V. 212d-e) известно о высоком статусе лиц, обладавшим кольцом с царским портретом. Кольцами с портретами царей могли поощряться высшие военные и политические лица государства, а также посланники, выполнявшие дипломатические функции. Ими же снабжались и царские чиновники[199]. Впрочем, такие кольца несли частные печати, не обладавшие государственным статусом. Аргументом же в пользу того, что печать с портретом правителя выступала в качестве официальной стоит считать печать с головой правителя в профиль на клинописной табличке из музея МакКензи[200], где в тексте упомянута «печать царя». В ряде оттисков, помещенных на ребре таблички, данный оттиск располагается в центре и выглядит заметно больше остальных, что визуально выделяет его, подчеркивая официальный статус (рис. 17). Также важно отметить, что оттиски печатей с портретами правителей заметно больше остальных[201]. Среди печатей с портретами селевкидских царей мы обнаруживаем настоящую портретную галерею, где встречаются не только большинство царей государства Селевкидов, но неожиданно появляются парные портреты, божественные атрибуты и образы, которые не известны по материалам других источников.

Одной из ключевых проблем при работе с изображениями на печатях является проблема их соответствия изображениям на монетах. Стоит задаться вопросом – насколько корректным и релевантным в принципе будет такое сравнение? Стоит ли в принципе ожидать, что изображения на монетах и печатях будут следовать общей парадигме? Как мы уже отмечали, едва ли

---

[199] *Gross R.* Hellenistic Royal Iconography in Glyptics. P. 15.

[200] *Wallenfels R.* Seleucid Babylonian “Official” and “Private” Seals Reconsidered: A Seleucid Archival Tablet in the Collection of the Mackenzie Art Gallery, Regina // Journal of Ancient Near Eastern History. 2015. 2. P. 55–89. Ср. похожий документ из собрания Британского музея (BM inv. no. 11.4408).

[201] *Schreiber T.* In Namen des Königs? S. 174. Несмотря на то, что в данном случае печать с портретом использовалась в сфере частного права, Т. Шрайбер настаивает на ее официальном характере, во всяком случае в какой-то период времени, после чего печать могла из официальной стать частной. Произойти это могло после смерти Антиоха IV, который, как считается, изображен на печати, как раз ко времени заключения договора. См. аналогичные примеры частного использования печатей с портретом царя из птолемеевского Египта, в особенности из Элефантины. *Schreiber T.* In Namen des Königs? S. 186–203; *Marest L.* Patterns of Use. P. 166–173.

сплошное сравнение монет и печатей, не подразделяя весь комплекс монет на группы (золотые, серебряные, бронзовые), а печатей на официальные и частные, выглядит корректным, поскольку монеты и печати имели разное предназначение и несравнимо разные объемы производства. Тем не менее в особых случаях такое сопоставление возможно. Сюжетно многие частные печати из Селевкии на Тигре аналогичны выпускам полисной (или муниципальной) бронзовой монеты, которые были инициированы после прихода к власти парфян[202]. С другой стороны, иконографическое сопоставление корпуса монет и печатей из Селевкии, предпринятое П. Иоссифом, не принесло больших результатов из-за объединения частных и части официальных печатей в единый комплекс[203].

В историографии проблема соответствия изображений монет и печатей не решается однозначно. Как отмечали Г. Линдстрём и Т. Шрайбер[204], изображения на печатях и монетах, несмотря на общие иконографические сюжеты, имеют ряд стилистических различий, связанных в том числе особенностями технологии изготовления изображения. Р. Фляйшер, напротив, подчеркивает зависимость царских портретов на геммах от монетных портретов, а также существование общего канона царского портрета для изображений на монетах и печатях[205]. Нет сомнений и в том, что большое влияние на стилистику портрета оказывала локальная традиция, что позволяет проводить параллель только между печатями и монетами одного региона и значительно сужает источниковую базу. Сюжетно иконография печатей совпадает с монетной, но стоит отметить некоторые нюансы. Как мы уже отмечали, изображение якоря, зафиксированное на официальных печатях, не появляется в качестве

---

[202] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. Les monnaies séleucides et parthes. Florence, 1998.

[203] *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids: ‘monetary’ pantheon vs. ‘glyptic’ pantheon // Mythos. 2014. P. 35–53.

[204] *Lindström G.* Uruk. S. 49-51; *Schreiber T.* In Namen des Königs? S.176. См.: *Gross R.* Hellenistic Royal Iconography in Glyptics. P. 37.

[205] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Bd. I. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein, 1991. S. 119; *Fleischer R.* Portraits of Hellenistic Rulers on Bullae // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 324–325.

самостоятельного изображения на монетах крупных номиналов в период существования архивов в Селевкии или Уруке (середина III – середина II вв. до н.э.). Напротив, это изображение часто тиражировалось на мелких бронзовых номиналах, демонстрируя, скорее, полисную, а не царскую иконографию. Локальность якоря как символа подтверждает и появление этого изображения уже после падения власти Селевкидов в Селевкии на полисных монетных выпусках[206]. Изображение Афины Никефоры, треножника, Аполлона, а тем более царского портрета встречается на монетах всех номиналов, но, прежде всего, на монетах крупных серебряных номиналов, что вне всяких сомнений подчеркивает официальный характер портрета правителя.

1.1.3. Весовые гири

Анализ царских весовых гирь в контексте метрологических и иконографических исследований монетного дела государства Селевкидов не часто становится предметом внимания специалистов. Причиной этого стоит признать разрозненность и малочисленность известных экземпляров, большая часть которых остается неопубликованной[207]. Между тем, в последнее время наметились перспективы изучения этого ценнейшего исследовательского материала, прежде всего, благодаря публикации новых экземпляров селевкидских весовых гирь, а также появлению комплексной онлайн базы данных античных и византийских весовых гирь Pondera.org, ввиду чего в распоряжении исследователей оказался уникальный комплекс источников, способных уточнить

[206] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 20. P. 21.

[207] Наиболее комплексно царские весовые гири Селевкидов рассмотрены в работах А. Сейрига (*Seyrig H.* Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie // Bulletin du Musée de Beyrouth. 1946-1948. 8. P. 37–79), П. Вайса и К. Элинга (*Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige // Chiron. 2006. 36. S. 369–378; *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige II // Chiron. 2007. 37. S. 495–500), Ш. Дуайяна (*Doyen C.* Le système monétaire et ponderal d'Antiochos IV // Le projet politique d'Antiochos IV. Actes des journées d'études francoallemandes. Nancy, 17–19 juin 2013 / C. Feyel, L. Graslin-Thomé (eds.). Nancy-Paris, 2014. P. 261–299) а также Г. Финкельштейна (*Finkielsztejn G.* The Weight Standards of the Hellenistic Levant I. The Evidence of the Syrian Scale Weights // Israel Numismatic Research. 2014. 9. P. 61–94), однако, с привлечением меньшего количества материала.

наши знания как об эллинистической царской экономике, так и о визуальной репрезентации царской идеологии Селевкидов.

Царские весовые гири выделяются из общей массы весовых знаков, использовавшихся частными лицами и полисными чиновниками, по ряду признаков. В первую очередь – легенда, которая содержит имя царя, его титул и божественные эпитеты. Как и на монетах, на царских гирях божественные эпитеты правителя появляются не ранее царствования Антиоха IV, что подчеркивает идеологическое единство этих двух категорий источников. Однако, стоит признать, что в нашем распоряжении имеется недостаточное количество материала, относящегося к ранним Селевкидам, что, в свою очередь, ограничивает возможности исследования. На данный момент известен 21 экземпляр царских весовых гирь государства Селевкидов[208]. Большая часть из них относится к правлению поздних Селевкидов – II–I вв. до н.э. Другим отличительным признаком является метрология царских гирь. Общий метрологический обзор материала показывает, что основой весовой системы Селевкидов была царская мина. Известны более тяжелые гири – весом две мины, а также фракции мины – ½ мины (гемимина), ¼ мины (тетартон) и 1/8 мины. Несмотря на использование одних и тех же весовых номиналов для царских и полисных гирь, их весовой стандарт был разным. Согласно исследованию Г. Финкельштейна, полисный весовой стандарт был основан на сикле весом 10 г для «легкой» мины и 12 г для «тяжелой» мины. Стандарт царских гирь был основан на сикле весом в 13,3 г.[209]

[208] См. каталог в конце данного раздела.
[209] *Finkielsztejn G.* The Weight Standards of the Hellenistic Levant I. P. 80.

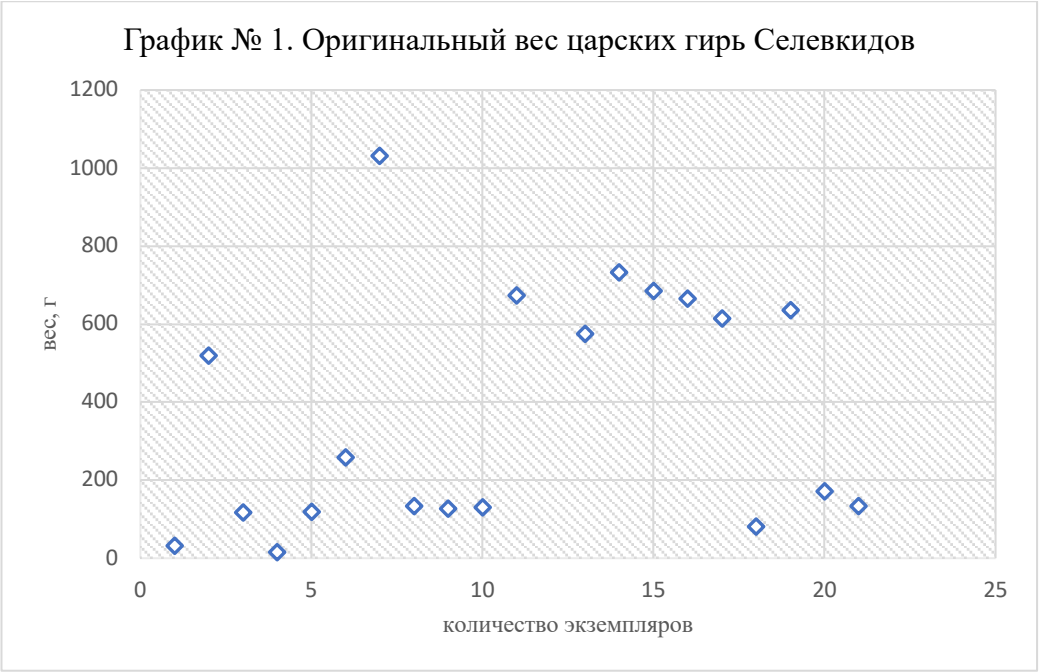

График № 1. Оригинальный вес царских гирь Селевкидов

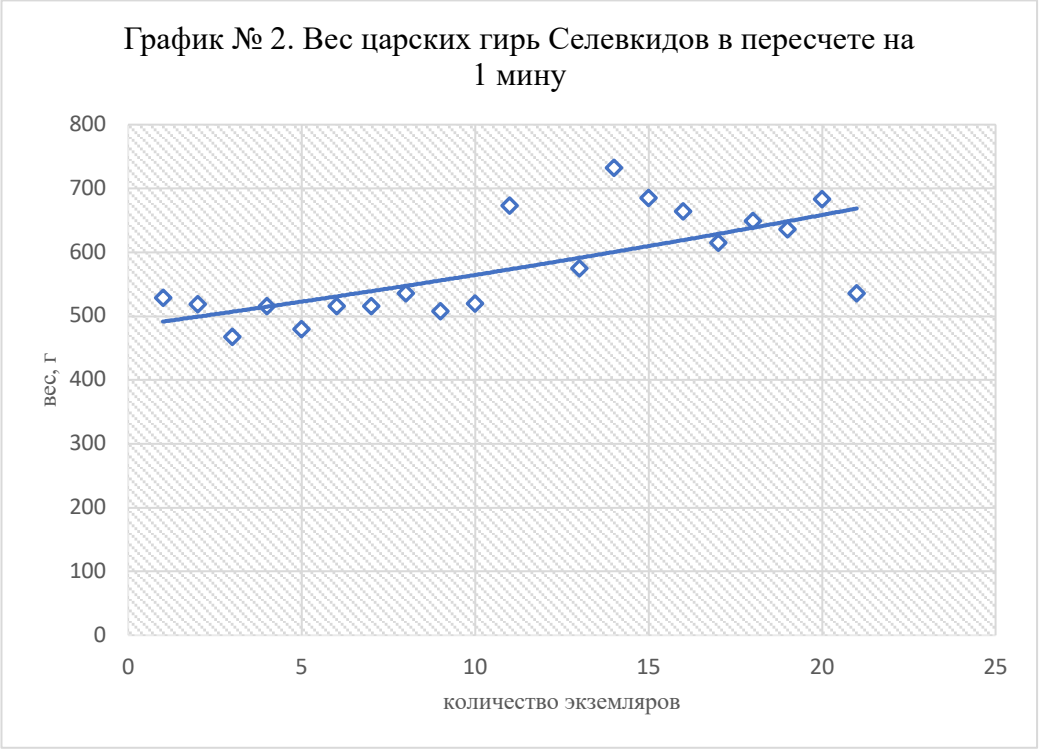

График № 2. Вес царских гирь Селевкидов в пересчете на 1 мину

Метрологический анализ демонстрирует изменение весового стандарта царской мины в конце II в. до н.э. в среднем с 514 г до 635 г, как это показано на графике №2, что отражает общую тенденцию увеличения торгового весового стандарта как в регионе сирийского Тетраполиса, так и во всем

Восточном Средиземноморье в целом[210]. Увеличение торгового весового стандарта в этот период сопровождалось редукцией аттической весовой нормы серебряных номиналов монетного двора Антиохии на Оронте. Это обстоятельство позволяет более точно датировать экземпляры № 3 и № 20, легенда которых не дает исчерпывающей информации об эмитенте. Экземпляр № 20, согласно легенде, имеет только самую общую атрибуцию и относится к правлению «царя Антиоха». Однако вес данного экземпляра соответствует мине весом 684 г., что позволяет отнести его к поздним Селевкидам. Похожая ситуация обстоит и с экземпляром № 3, который также относится к неизвестному «царю Антиоху». Судя по весу данного экземпляра, он соответствует мине в 468 г. и должен относиться к ранним Селевкидам. А. Сейриг и авторы проекта Pondera.org относят его к правлению Антиоха IV, что слабо соотносится с весом мины двух других экземпляров этого правителя, даже несмотря на то, что экземпляр № 3 сильно изношен.

Экземпляр № 14 заметно тяжелее остальных – это гиря весом в одну мину 733 г., что несколько выбивается из предложенной схемы (рис. 18). Однако стоит обратить внимание на то, что данная гиря модифицировалась в процессе использования, о чем свидетельствуют многочисленные деформации – запилы, отверстие (оно, впрочем, могло быть проделано для скрепления нескольких гирь), но самое существенное – металлическая вставка, вмонтированная в проделанное отверстие в левом нижнем углу гири. Судя по всему, эта вставка увеличивает вес гири. Вероятно, данная гиря была вторично использована и модифицирована для соответствия другому весовому стандарту, возможно, не царскому, а полисному. Примеры антиохийских весовых гирь эквивалентных одной мине весом более 700 г хорошо известны[211].

---

[210] *Finkielsztejn G.* The Weight Standards of the Hellenistic Levant I. P. 71. В конце II века до н.э. вес афинской торговой мины увеличился со 138 драхм до 150 драхм, т.е. с 600 г до 652 г. Весовые гири полисов сирийского Тетраполиса также демонстрируют повышение весового стандарта – 510 г (легкая мина) и 550 г (тяжелая мина) в середине II в. до н.э. и 600 г и 650 г соответственно в конце II в. до н.э.

[211] Pondera 3557, 3750.

Большой интерес вызывают два экзагия. Экземпляр № 1 (рис. 19) был изготовлен при помощи штемпеля тетрадрахмы Антиоха I из Селевкии на Тигре[212], а экземпляр № 4 (рис. 20) представляет собой обрубленную по краям бронзовую монету Антиоха IV так называемой «египтизированной» серии[213]. Примечательно, что экземпляр № 1 весом в 1/16 мины или одну октодрахму соответствует мине в 529.6 г – эквивалент 128 драхмам весом 4,11 г, либо 121 аттической драхме весом в 4,36 г. Данный экземпляр (вес – 33,1 г) равен четырем сиклям весом 8,2 г. Экземпляр № 4 соответствует 1/32 мине с весом 516.16 г, которая также может быть эквивалентна 128 драхмам весом около 4 г, либо 118 аттическим драхмам. Данный экземпляр (вес – 16,13 г) равен двум сиклям весом в 8,1 г. Учитывая неопределенный характер обоих предметов, отсутствие точных данных об их происхождении, а также возможность принадлежности частным лицам, а не официальным чиновникам, у нас нет уверенности в полном соответствии этих экзагий официальным весовым нормам, хотя общий вес предметов коррелирует со стандартом легкой мины, принятым в городах сирийского Тетраполиса в середине II века до н.э. Стоит также учитывать, что вес торговой мины мог отличаться от монетного-весового стандарта и быть больше, как это было в Афинах архаического и классического времени[214], однако, в случае со стандартом серебряных номиналов при Антиохе I и Антиохе IV усредненный вес одной драхмы варьировался от 4,1 до 4,25 г, что подтверждает предположение об использовании мины эквивалентной 128 драхмам.

Отдельного внимания заслуживают легенды, помещенные на гирях. Структура легенды на гирях образована по той же схеме, что и на монетах – это имя царя и его титул, а также (в некоторых случаях) божественные эпитеты в форме *Genetivus singularis*. Обозначение номинала всегда указано в

[212] SC 379.3c

[213] SC 1414

[214] *Kroll J.* Reconstructing the Chronology of Athenian Balance Weights on the ‘Solonian’ Trade Standard // Pondera antiqua et midiaevalia I / C. Doyen, L. Willocx (eds.). Louvain, 2020. P. 47–72.

Nomimativus. В некоторых случаях указаны имена агораномов. Всего известно пять таких гирь, которые относятся к рубежу II–I вв. до н.э. Вместе с именами агораномов появляются и даты. Появление имени агоранома в тексте легенды гири может быть свидетельством ее полисной принадлежности, однако, на известных полисных экземплярах имя агоранома сопровождается упоминанием полисной общины[215] либо указанием δημόσιον[216]. Г. Финкельштейн полагает, что указанный в легенде агораном был ответственным за выпуск гирь[217]. Иконография царских гирь с упоминанием имени агоранома стандарта – это изображение якоря, которое также встречается как на царских гирях без упоминания агоранома, так и на полисных гирях.

Уникален экземпляр №9 (рис. 21) с легендой ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Упоминание царского титула в форме причастия настоящего времени родительного падежа (βασελεύοντος) не встречается на селевкидских монетах[218], однако известно в эллинистической нумизматике, скорее, для коммеморативных выпусков. Наиболее подходящий пример – памятная серия тетрадрахм греко-бактрийского царя Агафокла[219]. В целом, легенды всех весовых гирь повторяют божественную титулатуру, размещенную в легендах монет. Единственным случаем расхождения являются гири Антиоха VIII, в легендах которых Антиох назван φιλομήτορ, в то время как на монетах встречается только ἐπιφανής. Тем не менее эпитет Антиоха VIII φιλομήτορ зафиксирован в одной посвятительной делосской надписи 110/9 года до н.э.[220] Почему же на

---

[215] Pondera 3573

[216] Pondera 3589

[217] *Finkielsztejn G.* Témoignages sur les agoranomes du Levant à l'époque hellénistique // Agoranomes et édiles Institutions des marchés antiques / L. Capdetrey, C. Hasenohr (eds.). Bordeaux, 2012. P. 146.

[218] Не так давно в поле зрения ученых оказалась группа из четырех уникальных статеров типа Александра, отчеканенных от имени царей Селевка и Антиоха (Roma Numismatics Ltd. Auc. XXII. 7-8 Oct. 2021. Lot. 420; Roma Numismatics Ltd. Auc. XXV. 22-23 Spt. 2022. Lot. 503; CNG. Auc. 117. Lot. 263; CNG. Auc. 120. Lot. 415). Легенда двух из них содержит уникальную формулу ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΟΧΟΥ, что является первым подобным случаем, зафиксированным в селевкидской нумизматике. Однако, коммерческое происхождение данных экземпляров вызывает ряд сомнений в аутентичности материала, который еще предстоит изучить подробно.

[219] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. Paris 1993. P. 177.

[220] IDelos 1551.

всех известных весовых гирях появляется именно этот эпитет? Можно сделать два предположения: либо все эти гири относятся ко времени жизни Клеопатры Теи – матери Антиоха VIII – до 121 года до н.э., что представляется маловероятным. Либо прославление матери Антиоха VIII Клеопатры Теи было идеологическим компонентом политики царя в сирийском Тетраполисе, где, судя по всему, и использовались рассматриваемые весовые гири. Другим случаем расхождения божественных эпитетов легенды гирь и монет являются гири Антиоха IV. Две из трех (№№ 2 и 4) содержат эпитеты θεὸς ἐπιφανής, что позволяет датировать их коротким промежутком времени (171–168 годы до н.э.), когда эпитеты θεὸς ἐπιφανής уже появились на монетах, но еще до того как они были дополнены в 168 г. до н.э. третьим эпитетом – νικηφόρος. Однако, как показывает случай с гирями Антиоха VIII, полное соответствие монетных легенд и легенд гирь необязательно.

Из 21 гири три имеют «ошибки» в легенде. В легенде гири № 18 (рис. 22) в имени царя пропущена *йота* – «ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΟΧΟΥ». Такая ошибка типична и встречается на монетах[221]. В легенде гири № 15 допущено инверсивное искажение буквы *ню*, что также можно встретить на монетах. В легенде гири № 20 (рис. 23) присутствует более серьезный инверсивный брак. Первое слово легенды ΒΑΣΙΛΕΩΣ написано обычным способом, второе же, имя царя, ΑΝΤΙΟΧΟΥ инверсивно. Объяснить такое сочетание можно только технологическим браком, допущенным при изготовлении гири. Иными словами, при изготовлении формы для отливки гири мастер написал царский титул ΣΩΞΕΛΙΣΑΒ инверсивно, а само имя царя без изменений ΑΝΤΙΟΧΟΥ. В итоге, легенда гири получила такую замысловатую форму.

Одной из ключевых проблем, возникающих при работе с царскими весовыми гирями, является вопрос об их функциональном предназначении. Разделение гирь на царские и полисные очевидно подразумевает различные меновые или торговые операции, выполнявшиеся при помощи этих

[221] SC 2135

инструментов, по аналогии с использованием различных весовых стандартов, например торговой мины и монетно-весового стандарта. Можно предположить, что использование царских гирь было как-то связано с царским двором. Такие гири могли использоваться при снабжении царского двора. Легенда экземпляра № 9 содержит слово ΡΩΠΙΚΟΝ – «для мелких товаров», подразумевая, что гиря использовалась для каких-то мелких торговых операций. Вес этой гири соответствует ¼ мины – тетартону.

С другой стороны, царские гири могли использоваться официальными лицами, ответственными за поставку товаров из царского домена или царской земли[222]. Близкий пример деловой активности, связанной с товарами царского домена, демонстрирует архив печатей Селевкии на Тигре, где среди множества оттисков разнообразных печатей сохранилось два с упоминанием «хозяйства/дома царицы»[223]. Эта печать принадлежала официальному должностному лицу Селевкии, контролировавшему операции с солью. На печати располагалась надпись «соль Селевкии. [Из] хозяйства царицы прибыла». Использование официальной печати, скреплявшей документ (договор сделки), является свидетельством регулярности данной практики, как и в случае с использованием царских гирь. Схожим образом чиновнику могли принадлежать и весовые гири. В легенде пяти из 21 царских весовых гирь упоминается имя агораномa, который был полисным магистратом[224]. Более того, шесть гирь имеют дату, что подразумевает именные выпуски и регулярные перевыпуски гирь. Однако и имена агораномов, и даты указаны не на всех гирях. Говорит ли это о различных сферах и случаях использования данных весовых инструментов? Ответ на этот вопрос остается открытым. В целом, ввиду немногочисленности имеющегося материала, проблема функционального предназначения царских гирь на сегодняшний день не исчерпана.

---

[222] О доходах с царской земли см.: *Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. P. 137-147; *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–126 avant J.–C.). Rennes, 2007. P. 139–147.

[223] Seleucia. Alk 25 A-B.

[224] *Gatier P.-L.* Poids et vie civique du Proche-Orient hellénistique et romain // DHA. 2014. Suppl. 12. P. 145.

Примечательно, что, судя по имеющемуся материалу, наиболее устойчивым изображением царских весовых гирь является якорь – династический символ Селевкидов, который, впрочем, не был распространенным сюжетом селевкидских монет[225]. Изображение якоря помещается на 14 из 21 известных гирь, однако, если исключить два экзагия, пропорция распространенности этого сюжета станет большей. Действительно, изображение якоря, который античные авторы практически единогласно считали эмблемой селевкидского царского дома, известно из различных источников, встречается оно и на весовых гирях, но крайне редко на монетах. Примечательно, что в случае с некоторыми царями изображение якоря никогда не встречается на монетах, однако, известно только на весовых гирях, что может свидетельствовать о влиянии иконографии Тетраполиса, для которой якорь был весьма характерным изображением (рис. 24)[226].

Данное сюжетное расхождение между иконографией монет и гирь не единственное. Хорошим примером этого является гиря Антиоха IV (рис. 25) с изображением Ники, несущей венок. Мнение П. Вайса и К. Элинга, что данное изображение является символом победы Антиоха в войне с Египтом, а сама гиря была изготовлена к праздникам в Дафне 166 года до н.э.[227], выглядит весьма спекулятивным. Данный сюжет никогда не встречается на серебряных и золотых монетах Антиоха IV, но, напротив, встречается на бронзовых. Так, известны монетные серии с Никой, выпускавшиеся в Малле[228], Александрии на Иссе[229], Нисибисе (Антиохии в Мигдонии)[230]. Во всех трех случаях использовался один и тот же иконографический сюжет, помещенный и на гире. В случае с Нисибисом данная монетная серия была выпущена от имени полиса,

[225] Подробнее этот сюжет рассмотрен в разделе 3.1.1.

[226] *Gatier P.-L.* Poids et vie civique. P. 143.

[227] *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige. S. 376–377. См. *Finkielsztejn G.* Témoignages sur les agoranomes du Levant. P. 146.

[228] SC 1381–1383

[229] SC 1391

[230] SC 1503

что подчеркивает особый статус изображения, по всей вероятности, идеологически близкого полисным элитам.

Редким случаем полного соответствия иконографии гирь и монет является материал, относящийся к правлению узурпатора Трифона. И на единственной известной гире (рис. 26), и на монетах крупных номиналов располагается изображение парадного шлема Трифона[231]. К слову, это изображение многократно тиражируется на монетах всех номиналов Трифона и практически не имеет альтернатив. Нет сомнений, что именно данное изображение являлось ключевым визуальным конструктом идеологии узурпатора и служило символом его власти. С другой стороны, локальность обращения монет Трифона, ограниченная регионом сирийского Тетраполиса, подчеркивает столь очевидную иконографическую близость его монет и гирь. Другим примером иконографической близости изображений монет и гирь является экземпляр №7, относящийся к правлению Деметрия I (рис. 27). Изображенный на нем рог изобилия также достаточно часто воспроизводился на монетах этого правителя[232]. Однако, стоит обратить внимание на то, что монетный тип «рог изобилия» чеканился на монетном дворе Антиохии на Оронте только на монетах мелких серебряных номиналов, что определяет повседневное и локальное использование монет данного типа.

Стоит признать, что все отмеченные проблемы и перспективы изучения царских весовых гирь Селевкидов во многом обусловлены ограниченностью выборки. Нет никакой уверенности в том, что публикация нового материала не внесет коррективы в сделанные выводы. И все же, важно отметить, что анализ иконографии и метрологии весовых гирь возможен только в контексте более масштабного исследования с привлечением нумизматического материала, а близость иконографических сюжетов и общность монетно-весовой парадигмы демонстрирует связь этих двух категорий источников. Не менее важной задачей в исследованиях, посвященных весовым гирям, представляется

[231] Тетрадрахмы – SC 2030, драхмы – 2038, бронзовые номиналы – SC 2034–2040.
[232] SC 1642

определение региона их производства и функционирования. На сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что большинство (если не все) известных нам царских селевкидских весовых гирь были произведены в городах сирийского Тетраполиса, о чем, в частности, свидетельствует наличие общих иконографических сюжетов у царских и полисных гирь. Такая выборка демонстрируют относительно локальный вариант весовой и иконографической традиции. Публикация нового материала, в особенности из других регионов селевкидской державы, позволит существенно дополнить эту картину.

Каталог

№	Правитель (дата)	Описание	Вес	Библиография
1	Антиох I? (281-261 гг. до н.э.)	Л.с. Аполлона, сидящий на омфале. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ О.с. в центре круг с семью расходящимися лучами.	33.1 г 1/16 мины	Pondera 12845; Leu Numismatik 2020, lot 1992.
2	Антиох IV (171-168 гг. до н.э.)	Л.с. Ника, идущая влево. Справа и слева звезды. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов.	519 г 1 мина	Pondera 3591; Weiß and Ehling 2006, 376-377.
3	Антиох IV? (175-164 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ Неразличимо О.с. нет изображения	117 г ¼ мины	Pondera 12074.
4	Антиох IV (171-168 гг. до н.э.)	Л.с. Голова Исиды, право. О.с. Орел, вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ	16.13 г 1/32 мины	Pondera 3745; SNG Greece 7, 1056.
5	Антиох IV (171-168 гг. до н.э.)	Л.с. Звезда. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. сетка ромбов.	120 г ¼ мины	Pondera 12802; Leu Numismatik 2022A, lot 4100.
6	Деметрий I (161-150 гг. до н.э.)	Л.с. Посейдон, справа, якорь, слева. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΗΜΙΜΝΟΥΝ	258 г ½ мины	Finkielsztejn 2014, nos. 44.

		О.с. повреждена.		
7	Деметрий I (161-150 гг. до н.э.)	Л.с. Рог изобилия. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΔΙΜΝΟΥΝ О.с. повреждена	1032 г 2 мины	Pondera 3556; Finkiel-sztejn 2014, nos. 45.
8	Деметрий I (160/159 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ Дата: ΓΝΡ О.с. нет изображения	134 г ¼ мины	Finkiel-sztejn 2014, nos. 46.; Pondera 3539
9	Александр I или II (150-145 или 126-123 гг. до н.э.)	Л.с. Щит с якорем. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. дельфин. Легенда: ΡΩΠΙΚΟΝ	127 г ¼ мины	Pondera 12849; Auction Nomos 2020, lot 268.
10	Диодот Трифон (142-138 гг. до н.э.)	Л.с. Шлем. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΡΥΦΩΝΟΣ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. сетка ромбов	130 г ¼ мины	Pondera 3600.
11	Антиох VIII (125-95 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов	674 г 1 мина	Pondera 3521; Finkiel-sztejn 2014, nos. 47.
12	Антиох VIII (125-95 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов	? 1 мина	Pondera 3526; Weiß and Ehling 2007, 496-499.
13	Антиох VIII (125-95 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов	575 г 1 мина	Pondera 14243; Leu Numismatik 2020D, lot 905.
14	Антиох VIII (121-97 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΝΤΙΟΧΟΥ – ΦΙΛΟ[ΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ] / ΑΓΟΡΑΝΟ[ΜΟΥΝΤΟΣ] / ΠΟΛΕΜΟΥ ΕΤΟΥΣ О.с. сетка ромбов	733 г 1 мина	Pondera 14434; Leu Numismatik 2021M, lot 4059.
15	Антиох VIII (121-97 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΙΤΙΟΧΟΥ – ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΕΤΟΥΣ Σ – ΜΙΑ ΑΓΟΡΑΙΟΜΟΙ/ΤΟΣ ΣΑΤΥΡΟΥ О.с. сетка ромбов.	686 г 1 мина	Pondera 14846; Leu Numismatik 2021D, lot 3947.
16	Селевк VI (95/4 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ	665 г 1 мина	Pondera 3527; Finkiel-sztejn 2014, nos. 48; Weiß and

		О.с. сетка ромбов. Легенда: ΕΤΟΥΣ ΗΙΣ ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΜΝΑ		Ehling 2006, 369-378.
17	Антиох X (93/2 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΣΕΒΟΥΣ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ О.с. нет изображения Легенда: ΕΤΟΥΣ ΚΣ ΑΓΟΡΑΝΟΜΟΥΝΤΟΣ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΜΝΑ	615 г 1 мина	Finkielsztejn 2014, nos. 49; Weiß and Ehling 2007, 497-498.
18	Антиох X? (95-83 гг. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΟΧΟΥ (sic!) О.с. сетка ромбов.	81.2 г 1/8 мины	Pondera 12807.
19	Антиох X (95/4 г. до н.э.)	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΣΕΒΟΥΣ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ О.с. Легенда: ΕΤΟVΣ ΑΚΣ / ΑΓΟΡΑΝΟΜΟVΝΤΟΣ / ΑΝΤΙΓΟΝΟV / ΜΝΑ	636 г	Pondera 14824; New York Sale Auction 54, lot 76.
20	Антиох	Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ О.с. сетка ромбов	171.72 г ¼ мины	Pondera 14410; Leu Numismatik 2021F, lot 2600.
21	???	Л.с. Якорь. Легенда: не просматривается О.с. сетка ромбов?	134 г ¼ мины	Ronesans auction 12. Lot. 658

1.1.4. Прочие источники

Кроме трех главных категорий источников по царской иконографии Селевкидов (монет, печатей и весовых гирь) косвенное значение имеют и материалы других носителей визуальной информации, среди которых стоит выделить нумизматические источники, а именно, надчеканки, керамические монеты, монетовидные предметы и штемпельные пробы, а также произведения глиптики, пластики и мозаики. Последние, впрочем, используются только в качестве дополнительного материала, поскольку, во-первых, в своей массе являются произведениями более позднего времени, чаще изготовленными уже после заката династии Селевкидов, а во-вторых, будучи заказами частных лиц,

либо полисных общин, не имеют прямого отношения к официальной царской иконографии[233].

Надчеканки

Надчеканки или контрмарки – клейма, нанесенные на монету чаще с целью ее валидации, являются важным источником, прежде всего, по истории денежного обращения. Однако данные клейма могут быть небезынтересны и для исследования царской иконографии, поскольку контрмаркирование в определенных случаях санкционировалось центральными властями, а изображения на клеймах демонстрировали официальную символику[234]. Стоит отметить, что, как и в случае с монетами, которые мы подразделяем на две категории (золотые и серебряные номиналы и бронзовые номиналы), стоит различать и те надчеканки, которые наносились на серебряные монеты и бронзовые. Более того, весьма важно различать селевкидские надчеканки на селевкидских монетах, и селевкидские надчеканки на иностранных монетах. Причины нанесения надчеканки на бронзовые монеты могли быть разнообразными: административными, налоговыми, политическими, военными, в то время как надчеканка на серебряной монете всегда была знаком валидации, интегрирующим данное платежное средство в общее обращение селевкидских монет. По всей вероятности, надчеканка серебряных монет сопровождалась взиманием

[233] Классическим примером является собрание знаменитой виллы Папирусов, расположенной вблизи Геркуланума и уничтоженной извержением Везувия в 79 г. до н.э. Кроме большой частной библиотеки на территории виллы были обнаружены около восьми десятков бюстов, некоторые из которых были атрибутированы как бюсты эллинистических правителей, в частности, Селевка I и Антиоха IV. Были ли эти бюсты копиями, изготовленными по греческим оригиналам, и что представляли собой греческие оригиналы, остается загадкой. О бюстах Селевка I в пластике сохранились два сообщения Плиния с именами скульпторов: Аристодема (HN. 34. 86) и Браксида (HN. 34. 73), а также ныне утраченная надпись из Рима, как считается, с пьедестала статуи царя Селевка (IG XIV 1206), которая была изготовлена Лисиппом (вероятно, кем-то из его учеников). Однако едва ли бюст из «виллы папирусов» можно отождествить с каким-то из перечисленных объектов. *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. A Comparative Approach to Portrait Concepts // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P.166.

[234] *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 19.

налога. Стоит отметить, что открытая денежная система Селевкидов позволяла интегрировать чужие монеты, отчеканенные по аттической монетно-весовой системе, просто надчеканивая их, в то время как, скажем, «закрытая» система в Египте всегда предписывала перечеканку чужой монеты, либо использование ее в качестве сырья для производства собственной.

Как и в случаи с печатями, важно отличать те надчеканки, которые были поставлены по официальному поручению центральной власти и демонстрируют официальные символы власти и надчеканки, которые были санкционированы локальной властью: чиновниками локальной администрации либо полисными властями. Определить статус надчеканки весьма проблематично. Стоит признать, что надчеканка серебряных монет (ввиду статуса самой монеты) инициировалась центральной властью. Надчеканка же бронзовых монет могла быть инициирована и локальной администрацией. Сопоставительный анализ изображений надчеканок с материалами других визуальных источников показывает, что для царских надчеканок использовались устойчивые символы, зафиксированные на монетах, печатях и гирях. Напротив, надчеканки в виде монограмм принадлежали, скорее всего, локальным властям. Определить локальное происхождение надчеканки помогает и сравнительный иконографический анализ локального изобразительного материала.

Примечательно, что в отличие от бронзовых монет, которые надчеканивались часто, Селевкиды не надчеканивали свои собственные серебряные монеты. Тем не менее большое количество селевкидских надчеканок мы встречаем на иностранных монетах. При этом, отсутствие устойчивой традиции контрмаркирования серебряных монет придает особую значимость используемым символам, а каждый случай надчеканки серебряной монеты можно связать с финансовым кризисом, который испытывало государство. Надчеканки в форме якоря мы встречаем на посмертных сериях монет Александра, отчеканенных во второй четверти II в. до н.э. некоторыми городами юга Малой

Азии, включая, Фаселис, Перге, Аспенд, Магид и Сиде (рис. 29)[235]. Эти массовые надчеканки связывают с политическим кризисов 175 г. до н.э., убийством Селевка IV и приходом к власти царицы Лаодики и ее сына Антиоха. Нужно отметить, что надчеканка с изображением якоря использовалась довольно часто, можно сказать, чаще остальных. Вместе с якорем для надчеканивания этих выпусков из Сиде и Перге использовалось и изображение Гелиоса (рис. 30), которое ассоциируют с фигурой Гелиодора, придворного вельможи, инициировавшего заговор против Селевка IV и де-факто управлявшего государством Селевкидов несколько месяцев, до свержения его Антиохом IV[236]. С иконографической точки зрения, важно отметить, что комплекс надчеканок дает несколько новых вариантов изображения якоря. На монетах Фаселиса встречается надчеканка в виде якоря, дополненного восьмилучевой звездой. В других случаях встречается изображение якоря с добавлением монограммы. Как отмечалось в предыдущих разделах, корпус изображений якоря на разных носителях включает некоторое количество атрибутов, которыми дополнялось изображение якоря: голова рогатой лошади, голубь, шапки Диоскуров, рог изобилия, звезда. Материалы надчеканок дополняют этот ряд. Еще одной селевкидской надчеканкой, появляющейся на иностранных серебряных монетах, является изображение шлема с рогом (рис. 31). Характерные черты изображения позволяют идентифицировать данный знак как «шлем Трифона», который чеканился на монетах узурпатора Диодота Трифона[237]. Примечательно, что иконографическая модель Трифона была строгой и однообразной – парадный шлем, украшенный рогом горного козла, тиражировался на монетах всех номиналов Трифона, гирях и надчеканках и, безо всяких сомнений, был

[235] *Metcalf W.E.* A Late Second-Century Hoard of Posthumous Alexanders // SNR. 1994. P. 19–53; *Meadows A.* Civic Countermarks on the Silver Coinage of Asia Minor in the 2nd Century B.C. // Proceedings of the Second International Congress on the History of Money and Numismatics in the Mediterranean World 5-7 Jan. 2017 / O. Tekin (ed.). Antalya, 2018; *Mattingly H.* The second century B.C. Seleucid countermarks: anchor and Helios head // Numismaticà e Antiquita Classiche. 1998. 27. P. 237–243.

[236] *Le Rider G.* Les alexandres d'argent en Asie Mineure. P. 34.

[237] *Houghton A.* Four Seleucid Notes. 4. Countermarks of Tryphon: Comments on the Circulation of Currency in Northern Syria ca. 150-140 BC // AJN. 1993–1994. P. 59–68.

символом его власти, что позволяет видеть и в остальных надчеканках, нанесенных на серебряные монеты, исключительно царскую иконографию. Стоит отметить, что именно эта последовательность и единообразие в выборе иконографического сюжета узурпатора Диодота Трифона позволяет выявить идеологическую связь изображений всех носителей: монет, весовых гирь, надчеканок. Таким образом все перечисленные материалы могут представлять собой единый корпус царской иконографии. К сожалению, нет никаких данных о печатях Трифона, но, по всей вероятности, они просто не сохранились до наших дней.

Более богатый материал представлен на бронзовых монетах. На бронзовых монетах надчеканки появляются довольно рано, начиная с Селевка I. Как правило положение надчеканки на поверхности монеты случайно, однако, в некоторых случаях наблюдается системность в расположении надчеканки в конкретном фиксированном месте на монете. Как и в случае с серебряными монетами, самым популярным изображением надчеканок на бронзовых монетах является якорь. При этом изображение якоря более характерно для надчеканок ранних Селевкидов. В более поздний период с середины II в. до н.э. оно встречается реже. Якорь служил и для надчеканки собственных монет, и для маркирования иностранных монет. Так, во время похода Антиоха IV в Египет якорем надчеканивались птолемеевские бронзовые монеты, выпущенные на Кипре (рис. 32). Еще одним изображением на надчеканках, связанным с корпусом царской иконографии Селевкидов, стоит признать голову (в некоторых случаях рогатой) лошади. Надчеканки с лошадиной головой встречаются довольно часто в сочетании с надчеканкой с якорем. Надчеканкой с изображением головы лошади маркированы монеты Ахея (рис. 33). Окончательно установить по чьей инициативе были нанесены эти надчеканки: самого Ахея либо Антиоха III весьма затруднительно, однако, само использование данного символа для легитимации платежного средства показывает его важное идеологическое значение. При Антиохе III использовалась и надчеканка с изображением головы слона, что трактуется как военная символика, связанная с

восточным походом. Нередко селевкидские бронзовые монеты надчеканивались другими государствами: Египет (орел), Родос (голова Гелиоса), Пергам (лук). В качестве изображения на царских надчеканках использовалась и пальмовая ветвь. Такой надчеканкой помечались монеты Александра Балы, произведенные в Апамее на Оронте. О. Хувер полагает, что инициировал это контрмаркирование Деметрий II[238]. Еще одним символом, изображавшемся на надчеканках, была Ника. Надчеканки с ее изображением появляются на монетах на монетах Селевка III и Тимарха. О. Хувер полагает, что данные надчеканки принадлежали узурпаторам: в первом случае Молону, во втором – самому Тимарху. Несмотря на очевидную аналогию, данное предположение не имеет доказательств. Тем не менее использование изображения Ники в качестве символа царской иконографии подтверждается и материалами монет, печатей и весовых гирь. Таким образом, материалы надчеканок позволяют с еще большей уверенностью утверждать, что изображение Ники было одним из элементов царской иконографии Селевкидов.

Керамические монеты

Весьма специфическим источником по изучению царской иконографии Селевкидов являются так называемые керамические монеты из Селевкии на Тигре. Отметим сразу, что сами по себе керамические монеты, будучи копией оригинальных монет и изготовленные теми же инструментами, не дают принципиально новой информации о царской иконографии у Селевкидов, однако, сам факт использования официальных символов власти даже в таком экзотическом случае как керамические монеты демонстрирует степень укорененности официальной символики в повседневное визуальное пространство.

Керамические монеты Селевкидов – уникальный феномен, до сих пор не получивший окончательного объяснения. В ходе раскопок Селевкии на Тигре,

[238] *Hoover O.* Quasi-municipal coinage in Seleucid Apamea: Countermarks and counterrevolution // SNR. 2001. 21–34.

проводимых университетом Мичигана, при участии музеев Толедо и Кливленда, с 1927 по 1932 годы на участке G6, было обнаружено 19 глиняных дисков, с отпечатанными на обеих сторонах изображениями (рис. 34)[239]. Диаметр этих дисков, варьирующийся в диапазоне от 23 до 32 мм, а также характерная иконография изображения и сохранившиеся на некоторых экземплярах монограммы позволили сделать предположение, что данные диски представляли собой глиняные копии тетрадрахм государства Селевкидов. Кроме этих 19 «глиняных монет» известен один экземпляр, хранящийся в собрании Американского нумизматического общества, который предположительно также происходит из Селевкии на Тигре[240]. Несмотря на то, что рассматриваемые предметы уже достаточно давно известны науке, их происхождение и функциональное предназначение до сих пор являются предметом дискуссии. Среди исследователей нет и единства в вопросе терминологии для обозначения этих дисков (clay coins, terracotta coins, tokens, coin models).

Стоит заметить, что находки «глиняных монет» известны на Ближнем Востоке[241] и в Великой Греции, однако в селевкидском контексте данные монеты уникальны. Нет никаких сомнений, что изображение наносилось на глиняные диски примерно таким же образом, как и на обычные монеты, с использованием двух штемпелей. Обращает на себя внимание и тот факт, что из 20 известных экземпляров 6 относятся к правлению Селевка I, 9 – Антиоха I, 2 – Селевка II, 1 – Антиоха III, 1 – Антиоха IV и 1 – не определен. Такая хронологическая широта гипотетически может свидетельствовать о существовании устойчивой практики изготовления «глиняных монет».

О предназначении и функциях «глиняных монет» выдвигались различные версии. Одни исследователи склонны видеть в них реальные деньги, выпускаемые в кризисные для государства периоды[242], другие же полагают, что

---

[239] *McDowell R.* Stamped and inscribed objects from Seleucia on the Tigris. P. 241–250.

[240] ANS 1944.100.44991

[241] *Milne J.G.* Local Currencies of East Syria under the Roman Empire // Ancient Egypt. 1934. P. 24–25.

[242] *Milne J.G.* Local Currencies of East Syria. P. 24–25.

данные диски выступали в роле токенов, чего-то наподобие римских тессер – жетонов для присутствия на каких-то общественных мероприятиях или получения определенных продуктов питания[243].

Стоит признать, что по внешнему виду рассматриваемые «глиняные монеты» обладают всеми характеристиками эллинистической монеты: изображение помещено с обеих сторон, на оборотной стороне отчетливо читается легенда, в некоторых случаях даже видны монограммы, собственно говоря, сами диски были оттиснуты монетными штемпелями. Тем не менее, самой большой проблемой при идентификации этих предметов как формы денег является материал, из которого они изготовлены, что исключает функцию их накопления как денежных средств. Примечательно, что для изготовления «глиняных монет» были использованы штемпели тетрадрахм. Чрезвычайные выпуски монет из свинца хорошо известны в селевкидской практике, например, из раскопок Старой Нисы или Тира. Однако, едва ли можно допустить, что даже в случаях нехватки металла, правительство готово было приравнять серебряную тетрадрахму к «глиняной монете». Обычно в случаях нехватки металла выпускались свинцовые суррогаты, которые были эквиваленты бронзовым.

В данном контексте наиболее вероятным предназначением «глиняных монет» представляется их функция в качестве токенов, условного платежного средства. Главной особенностью этих токенов стоит признать их внешнее сходство с реальной монетой, а также материал изготовления. Традиционно в античности токены имели характерные отличия от монеты (отсутствие легенды, особенности иконографии) и изготавливались из недрагоценных металлов. Объяснением изготовления данных токенов из глины можно считать культурный компонент региона, где глина использовалась повсеместно, даже в качестве материала для письма.

Пожалуй, наиболее любопытным объектом из всех известных керамических монет является экземпляр, опубликованный Р. МакДауэллом с

[243] *McDowell R.* Stamped and inscribed objects. P. 241-250; *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. P. 98.

изображением портрета правителя в кавсии (рис. 35). На оборотной стороне изображена мужская фигура, опирающаяся на колонну. Справа и слева от фигуры в две строки расположена легенда, которая не подлежит прочтению ввиду плохой детализации текста, либо схематичности самой легенды. Примечательно, что данный тип не имеет никаких прототипов в селевкидской иконографии. Р. МакДауэлл отметил сходство портретного изображения с портретами царей Греко-Бактрии и идентифицировал данного правителя как Тимарха. Стоит отметить, что такая интерпретация имеет слабую аргументацию. Изображения Тимарха известны только по его монетам, где он представлен либо в шлеме, либо в царской диадеме. Напротив, изображение селевкидских правителей в кавсии хорошо известны на бронзовых монетах и печатях. Тем не менее представленный тип данной керамической монеты неизвестен для монет, изготовленных из металлов.

1.2. Царская иконография в визуальном пространстве эпохи эллинизма

Из всего комплекса источников царской иконографии, который был представлен в разделе 1.1., предметом нашего непосредственного исследования в данном параграфе является в первую очередь монетная иконография. Такой выбор очевиден – изображения на монетах составляют большую часть корпуса памятников царской иконографии. Монеты, в отличие от печатей и весовых гирь, имели достаточно широкое хождение. Они были доступны не только представителям различных социальных групп, но и большему количеству держателей: от царских вельмож и военачальников, до воинов и ремесленников, при условии их участия в денежных отношениях. Чеканка монеты у Селевкидов полностью контролировалась государством[244]. В эллинистической монархии именно царь обладал jus monetae – монопольным правом на выпуск монеты, которое в более поздний период назовут «монетной регалией». Это

[244] *Aperghis G.* The Royal Seleukid Economy. P. 213–244.

право царя на выпуск монеты, с одной стороны, и тотальный контроль за монетным производством, с другой, создали в историографии тенденцию отождествлять выпуск монеты с политической независимостью[245], ввиду чего монетная иконография, которая мыслилась как объективное отражение идеологии власти, стала восприниматься как инструмент пропаганды, основной, а подчас и единственной, площадки для трансляции главных политических высказываний. Современная историография ставит оба утверждения под сомнение, подчеркивая необходимость интерпретации монетного изображения в самых широких контекстах[246]. Говоря о значимости этих контекстов, в неразрывной методологической связи с которыми пребывает объект нашего исследования – монетная иконография, уместно вспомнить метафору знаменитого Аби Варбурга, который сопоставлял связь образа и культуры с жизненно необходимой связью Антея и Геи[247]. Все это позволяет нам еще раз обратиться к базовым методологическим проблемам изучения монетной иконографии в контексте монетного дела периода эллинизма.

1.2.1. Монетная иконография: экономика, идеология, идентичности

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных теоретических вопросов, связанных с определением монетной иконографии, еще раз приведем

---

[245] Так называемый «закон Сейрига». См.: *Meadows A.* Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World // Money and its Uses in the Ancient Greek World / A. Meadows, K. Shipton (eds.). Oxford, 2001. P. 56; *Hoover O. Ceci n'est pas l'autonomie.* The coinage of Seleucid Phoenicia as royal and civic power discourse // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 485–508. См. противоположную точку зрения: *Howgego Ch.* Ancient History from Coins. P. 40–42; *Dodd R.* Coinage and Conflict: The Manipulation of Seleucid Political Imagery. PhD thesis. University of Glasgow, 2009. P. 14.

[246] См. общую дискуссию: *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century. P. 25–46; *Elkins N.* Money, Art and Representation: A Look at the Roman World //A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019. P. 105–121; *Krmnicek S., Elkins N.* Dinosaurs, Cocks, and Coins: An Introduction to 'Art in the Round' // Art in the Round. New Approaches to Ancient Coin Iconography / N. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 7–17.

[247] *Винд Э.* Концепция науки о культуре (Kulturwissenschaft) Аби Варбурга и ее значение для эстетики // Мир образов. Образы мира. Антология исследований визуальной культуры / Н.Н. Мазур (сост.). С. 36. Прим. V.

концептуальное понимание термина «царская иконография», используемое для данной работы. Итак, под *царской иконографией* мы понимаем комплекс тем, сюжетов и мотивов, а также особую систему знаков, символов, художественных образов и стилей, связанных с царской идеологией и являющихся репрезентацией ключевых идеологических постулатов царской власти и правящей династии, которые зафиксированы в корпусе памятников визуальной культуры государственного происхождения. В данном исследовании под идеологией мы понимаем процесс культурно-политического диалога, одной из сторон которого выступает государство. Именно государство демонстрирует официальный вариант царской идеологии, выраженной в иконографии. Однако оформление и идеологии, и иконографии происходит при участии социальных и культурных ожиданий со стороны подданых[248].

Мир человека древности был наполнен различными визуальными образами, воплощенными в статуях божеств, героев и царей, фресках храмов, надгробных рельефах, расписной керамике, предметах торевтики и глиптики, которые окружали жителя греческого полиса, независимо от того, был ли этот полис древним центром греческой культуры или был основан наследниками Александра на просторах Азии. Визуальная культура была частью жизни не только жителей полисов. Население сельской периферии, кочевые народы и прочие жители отдаленных уголков ойкумены также имели собственные представления о визуальном, воплощенные в различных формах искусства. Визуальное было мировоззренческой основой созерцательной по своей природе греческой культуры[249]. В массе предметов с изображениями, носителей визуальной информации свое место находят и монеты, которые также являются неотъемлемым атрибутом жизни любого полиса. С началом эллинистической

[248] *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 21–24. Дж. Ма искусно описывает эти ожидания, используя образ солдата армии Селевкидов, который видел царя лишь на монетах. *Ma J.* Le roi et ses images: essai sur les représentations du pouvoir monarchique dans le monde hellénistique // Des rois au prince. Pratiques du pouvoir monarchique dans l'Orient hellénistique et romain (IV siècle avant J.C. – II siècle après J.C.) / I. Savalli-Lestrade, I. Cogitor (eds.). Grenoble, 2010. P. 147–164.

[249] О визуальном в греческой культуре см.: *Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М., 1981. С. 24.

эпохи и многократно возросшем производством и использованием монеты, роль и значение монет как носителя изображения в новом формирующемся культурно-политическом ландшафте увеличивается. Монеты отличались от остальных носителей изображений более тесной связью с государством и его идеологией. В то же время монеты не переставали выполнять известные экономические функции, являясь средством накопления, платежа и меры стоимости, поэтому их выпуск был предопределен прежде всего экономическими целями.

Функциональная природа монетного изображения в античности, достаточно остро обсуждается в историографии, разделив исследователей на два лагеря: специалистов, склонных трактовать монетное изображение как инструмент идеологии и пропаганды[250] и специалистов, которые чаще рассматривают монету вместе с ее изображением как экономическую категорию[251]. С обеих сторон существуют как крайности, для которых характерен методологический нигилизм, так и пограничные исследования, авторы которых стремятся (не всегда успешно) примирить обе стороны.

Главная задача монетной иконографии, как ее сформулировал в одной из своих последних работ, посвященных новейшим тенденциям в исследованиях иконографии античных монет, Ф. де Каллатай – создать экономическое доверие к монете у населения тех регионов, где она находилась в

---

[250] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 6–8; *Erickson K.* Royal Propaganda and Creation of Royal Status for Seleukos I // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 33–60; *Trundle M., de Lisle C.* Coinage and the Creation. P. 66–70; *Nawotka K.* Seleucus I and the Origin of the Seleucid Dynastic Ideology // Scripta Classica Israelica. 2017. P. 31–44; *Hunter D.* The Influence of Seleukid Coinage upon the Bithynian and Pontic Monarchies to the Reign of Mithridates VI // Culture and Ideology under the Seleukids. Unfraiming a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 269–296.

[251] Р. Гёбль утверждал, что идеологическая функция изображения, которое можно классифицировать как монетный тип, вторична по отношению к практико-производственной функции монетного типа, который служит для технического разграничения монетных выпусков. *Göbl R.* Antike Numismatik. S. 43–44. См.: *Noreña C.* Coins and Communication // The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World / M. Peachin (ed.). 2011, Oxford. P. 248–268.

обращении[252]. Но отчего возникает необходимость легитимации монеты как средства платежа с использованием таких сложных инструментов как визуальный язык монетного изображения? Более того, утверждение Ф. де Каллатая справедливо только в частных случаях. Действительно, в античности существовали инвариантные монетные типы, которые десятилетиями, а то и столетиями, не менялись внешне[253]. Яркий пример – монетная чеканка классических Афин[254]. Напротив, монеты Кизика, Митилены и Фокеи демонстрируют большое иконографическое разнообразие. Только для Кизика известно более 300 различных монетных типов[255]. Для монетного дела эллинистических монархий характерна одна более или менее устойчивая иконографическая модель: на лицевой стороне портрет правителя, на оборотной божество и легенда. Такая модель, даже при различных визуальных модуляциях, все же демонстрирует единую, выработанную схему, ассоциировавшуюся с официальным характером выпуска. В некоторых случаях изображение оборотной стороны от правителя к правителю не менялось. Селевкиды в III в. до н.э. чеканили изображение Аполлона, сидящего на омфале (все, за исключением Селевка II), а Птолемеи изображение орла. Однако, такая типологическая устойчивость характерна скорее для тетрадрахм и реже для монет мелких серебряных номиналов. Иконография золотых монет демонстрирует чуть большую вариативность и даже отступление от общей иконографической модели. На лицевой стороне

[252] *de Callataÿ F.* Greek Coin Types in Context: A Short State of the Arts // Pharos. 2016. 1. P. 128.

[253] См.: *Boehringer Ch.* Immobilisierte Münztypen // Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14 – 17 avril 2010 / Th. Faucher, M.-Ch. Marcellesi, O. Picard (eds.). Athens – Paris, 2011. S. 15–25. Однотипные монетные серии всегда взывают проблемы и путаницу при проведении стилистического анализа. В контексте этой проблемы В. Фишер-Боссерт предлагает выделять «стандартизацию монетного изображения» (Standardisierung des Münzbildnes) и «неподвижность монетных типов» (Immobilisierung von Münztypen). См.: *Fischer-Bossert W.* Hermeneutik griechischer Münzbilder. S. 7.

[254] Монетный тип «голова Афины/сова» использовался для афинских тетрадрахм на протяжении архаического и классического периодов, на протяжении более, чем 200 лет, а если принять во внимание определение «монетного типа» Р. Гёбля, то можно утверждать, что данный монетный тип чеканился и в период эллинизма.

[255] *von Fritze H.* Die Elektronprägung von Kyzikos. S. 1–38.

золотых монет могут появляться изображения божеств[256], на них впервые появляются божественные эпитеты[257], для золотых монет не редки исключительные номиналы[258].

Совершенно по-другому обстоит дело с бронзовыми монетами, иконография которых изобилует десятками и даже сотнями различных сюжетов, никак не связанных с иконографией монет из драгоценных металлов и не соответствующих визуальной модели серебряных монет[259]. Здесь даже нет единого правила, что на лицевой стороне всегда изображается царский портрет. Сюжеты оборотной стороны также весьма разнообразны, менее устойчивы и не всегда поддаются однозначной интерпретации. Пожалуй, единственным, что может связывать визуальную схему монет из разных металлов – это наличие легенды на оборотной стороне, что также не всегда являлось обязательным правилом. Можно ли таким образом считать утверждение Ф. де Каллатая ошибочным или, по крайне мере, не полностью раскрывающим суть ключевой задачи монетной иконографии в древности? На наш взгляд, нет, но для этого требуется отдельное пояснение.

Как известно, в древности монета (чаще серебряная) обладала тремя разными видами стоимости: металлической (или внутренней), нарицательной (или номинальной) и торговой (меновой)[260]. Каждый из этих видов стоимости отражал те стратегии использования монеты как средства платежа, которые существовали в древности. Прежде всего, стоимость монеты в древности определялась стоимостью металла, из которого она была изготовлена. Однако

---

[256] См. серия золотых номиналов Деметрия I из Антиохии (SC 1629–1623)

[257] Речь идет о знаменитой монетной серии Птолемея II «ΑΔΕΛΦΩΝ ΘΕΩΝ» (CPE 307–319), которая датируется не позднее 272 г. до н.э.

[258] Например, мнаэйон, пентеконтадрахма, известные в птолемеевском Египте. См.: *Lorber C.* The Coinage of Ptolemies // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 215. Оба номинала упоминаются в хозяйственном документе середины III в. до н.э. P.Cair.Zen.59022. Также исключительный номинал золотой монеты Евкратида эквивалентен 20 статерам. См.: *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes. P. 202.

[259] *Iossif P., Lorber C.* Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply. P. 193–194.

[260] *Schaps D.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor, 2004. P. 30–31. См. также: *Кнапп Г.Ф.* Государственная теория денег. М., 2024. С. 15.

государство с самого начала монетной чеканки закладывало в конечную стоимость чеканной монеты надбавку, так называемую переоценку. В сумму этой переоценки входили расходы государства на производство монеты, ее транспортировку, плату чиновникам, а также налог – доход самого государства. Именно поэтому чеканная монета всегда стоила дороже нечеканного металла. В классический период переоценка могла составлять от 5% стоимости металла, в эллинистический период эта цифра доходила до 20%. Государство поддерживало курс собственной монеты и старалось отделить свою монету от чужеземной, которую могли принудительно обменивать по стоимости металла. Так происходило в птолемеевском Египте, где «закрытая» денежная система с локальным монетно-весовым стандартом предполагала хождение только собственных монет. Иностранная же монета становилась сырьем для изготовления египетской[261]. В государстве Селевкидов до конца II в. до н.э. ситуация была иная: вместе с селевкидскими здесь обращались и иные монеты, отчеканенные по общему аттическому монетно-весовому стандарту. Однако, из-за большой территории и десятков монетных дворов, рассеянных на всем пространстве державы, сохранять доверие населения к собственной монете можно было только сохраняя единый монетный тип. В рамках этого утверждения мы можем предположить, что любая смена монетной иконографии была не просто идеологическим высказыванием, но существенным риском того, что монета может вызвать подозрения у населения и оцениваться только по стоимости весового металла, то есть на пятую часть дешевле ее нарицательной стоимости.

В случае с бронзовой монетной можно предположить следующее. Как отметила Дж. Ширер, в отличие от серебряной монеты, стоимость которой так или иначе не могла упасть ниже номинальной стоимости металла, внутренняя

[261] См. упоминание об этом в птолемеевском папирусе середины III в. до н.э. P.Cair.Zen.59021. См.: *Le Rider G.* Sur un passage du papyrus de Zénon 59021 // Commerce et artisanat dans l'Alexandrie hellénistique et romaine / J.-Y. Empereur (ed.). Paris, 1998. P. 203–207; *Panagopoulou K.* Gold in Ptolemaic Egypt: Exchange Practices in Light of P.Cair.Zen. I 59021 // ZPE. 2016. P. 179–190.

стоимость бронзовой монеты практически ровнялась нулю[262]. Сам фидуциарный характер бронзовой монетной чеканки предполагал, что стоимость монеты как средства платежа будет строго установлена государством. Бронзовая монета полностью зависела от государства и за его пределами теряла платежную функцию. Такие монеты, как правило, обращались вблизи от места их производства[263]. Таким образом, для государства не было необходимости поддерживать доверие населения к бронзовым номиналам, поскольку оно само назначало их условную стоимость. Именно поэтому иконография бронзовых монет не имела легитимирующей задачи и демонстрирует большое сюжетное разнообразие. Иконография бронзовых выпусков наиболее полно отражает идеологическую повестку (скорее, на региональном уровне), а также демонстрирует культурно-политические коды, характерные для самоопределения эмитента.

Рассмотрим еще одну частную проблему. Как будет показано в разделе 1.3.1., в монетном деле Селевкидов иконографические сюжеты мелких серебряных номиналов очень хорошо коррелируют с сюжетами тетрадрахм до середины II в. до н.э., после чего корреляция между ними существенно снижается. Объяснить такое явление также можно в рамках предложенного подхода. В середине II в. до н.э. в Восточном Средиземноморье происходят существенные экономические изменения, повлекшие облегчение аттического весового стандарта и начало «порчи» монеты. С началом выпуска афинских тетрадрахм «нового стиля» или афинских «стефанофоров», весовой стандарт аттической тетрадрахмы снижается. Как считает П. Тонманн[264], новые афинские тетрадрахмы выпускались по облегченному аттическому стандарту весом 16,8 г, что соответствовало среднему весу тетрадрахм Александра, которые все еще находились в обращении и к началу II в. до н.э. потеряли 2–3% от своего изначального веса. Для сбалансирования этой разницы был введен облегченный

[262] *Shearer J.* The specific and the ambiguous. P. 78.

[263] *Houghton A.* The Seleucids. P. 239–240; *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 62–65; *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C. P. 97.

[264] *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 125.

аттический стандарт, который изначально был адоптирован не всеми центрами, ориентированными на аттическую монетно-весовую систему. Вес аттической драхмы, таким образом, снизился с 4,3 г до 3,6 г. Судя по всему, стоимость бронзовой монеты осталась неизменной, что привело к резкому увеличению объемов эмиссий бронзы[265]. Однако, если эквивалент между тетрадрахмой и бронзовой монетой был слишком диспропорционален, то мелкое серебро уже весьма хорошо разменивалось на бронзовую монету, что привело к платежному сближению мелких серебряных номиналов и бронзы. В отдельных эллинистических государствах уже существовал опыт прямого обмена бронзовых монет на серебряные, например, в Египте, где недостаток серебра привел к достаточно раннему (середина III в. до н.э.) появлению крупных бронзовых номиналов, в частности, монет весом 72 г, которые при рацио серебра и бронзы 1:20 обменивались на одну птолемеевскую драхму[266]. Показательно, что в конце III в. до н.э. в Гортине на Крите был издан специальный декрет, предписывающий использовать бронзовые номиналы наравне с серебряными номиналами младше драхмы[267]. Таким образом, сюжетное разнообразие мелких серебряных номиналов и бронзовых монет после середины II в. до н.э. можно объяснить именно отсутствием необходимости со стороны государства поддерживать единую иконографию мелких серебряных монет. В конце II в. до н.э. это стало экономически нецелесообразным и Селевкиды перестали выпускать мелкую серебряную монету вовсе.

---

[265] Об увеличении объемов выпуска бронзы в контексте денежной политики Селевкидов II в. до н.э. см.: *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 62–65.

[266] *Lorber C.* The Coinage of Ptolemies. P. 216; *Lorber C.* Large Ptolemaic Bronzes in Third-Century Egyptian Hoards // AJN. 2000. P. 78–80.

[267] Syll^3. 525: [τάδ’ ἔϝαδε τ]ᾶι [πόλι] ψαφίδδονσι τρια[κατίων π]αριόντων – **νομίσματι χρῆτ[θα]ι τῶι καυχῶι τῶι ἔθηκαν ἁ πόλις· τὸδ δ’ ὀδελὸνς μὴ δέκετθαι τὸνς ἀργυρίος**. αἰ δέ τις δέκοιτο ἢ τὸ νόμισμα μὴ λείοι δέκετθαι ἢ καρπῶ ὠνίοι, ἀποτεισεῖ ἀργύρω πέντε στατῆρανς. «Вот решение города, за которое отдали голоса триста граждан. Использовать бронзовую монету, утвержденную городом, и не принимать серебряные оболы. Если кто-нибудь примет серебряные оболы и откажется принимать бронзовую монету или использует обмен, должен будет заплатить пять серебряных статеров». См.: *Jackson A.E.* The Bronze Coinage of Gortyn // NC. 11. 1971. P. 37–51.

Со времени появления первых монет изображение на них, безо всяких сомнений, было связано с идеологией и культурно-политической идентичностью эмитента. Хорошо известно, что изображения на архаических и классических монетах представляли собой городские символы, связанные с божествами-покровителями полиса. На монетах Трезена изображался трезубец в честь Посейдона, который был особо чтимым божеством города (Plut. *Thes.* VI. 1). На монетах Кирены изображался сильфий в честь первого царя Батта – основателя города, которому цветок сильфия был подарен местными жителями (Schol. Aristoth. Plut. 924–295). Подобным образом символами полисов можно считать статую Афины Полиады, голова которой украшала монеты классических Афин, а также изображение тунца, который вписан в иконографию всех монет Кизика. Изображения некоторых монет порой становились нарицательными именами для самих монет – коринфские стартеры часто именовали «жеребцами», афинские монеты «совами», а эгинские «черепахами». В некоторых случаях изображение на монете могло быть фиксацией и каких-то достижений эмитента, имело памятный характер. В одном из фрагментов, приписываемых Аристотелю, речь идет о монетах тирана Регия и Мессины Анаксилая, на лицевой стороне которых было размещено изображения колесницы с мулами, а на оборотной бегущий заяц. Автор фрагмента трактует изображение следующим образом: изображение колесницы с мулами символизирует победу Анаксилая в этом состязании на Олимпийских играх в 480 г. до н.э., а изображение кролика тем, что этих животных до Анаксилая не было на Сицилии, но в его время их активно стали завозить на остров.

В эллинистический период государственным символом становится портрет правителя, который заключал в себе сложный символический набор представлений о царской власти. По всей вероятности, именно в это время на монетах появляются сюжеты, так или иначе связанные с царской идеологией. При этом, весь комплекс визуальных инструментов (включая, стили, мотивы и сюжеты), использовавшихся для создания монетного изображения, был сфокусирован на конструировании образа царя и его власти. Часто на

эллинистических монетах встречаются династические символы, либо изображения богов-покровителей. Иногда (в особенности, на золотых монетах) иконография действительно становилась инструментом коммеморации и легитимации.

По-настоящему политические сюжеты на монетах появляются только в Риме после 139 г. до н.э. – известного электорального закона Lex Gabinia, после которого монетные магистраты, назначавшимся на эту должность на один год, стали самостоятельно выбирать монетное изображение[268]. С этого времени каждый магистрат старался выбрать изображение, связанное с его gens, чтобы повлиять на текущую политическую повестку и добавить больше очков кандидатам из его семьи. Такая политизация монетного изображения сохранилась и в период гражданских войн в Риме[269]. В период империи изображение на монете также не утратило политического характера и использовалось для демонстрации идеалов империи и власти императора.

Ввиду отсутствия релевантного материала, относящегося к эпохе эллинизма, в рамках данной проблемы уместным будет обратиться к мнению специалистов по монетному делу Римской империи – наиболее репрезентативному с точки зрения представленности материала и наиболее разработанному разделу античной нумизматики. Весьма ценна для нашего исследования позиция Н. Элкинса, одного из ведущих специалистов в области монетной иконографии. Рассуждая о проблемах использования монетной иконографии как инструмента пропаганды в Римской империи Н. Элкинс отмечет: «весьма спорно, что иконография римских монет создавалась с целью убеждать или навязывать зрителю особенную точку зрения, как это делает пропаганда. Напротив, изображения на монете могли просто усиливать позитивные ожидания от знатных республиканских фамилий или от императора, которые уже

[268] *Yarrow L.* The Roman Republic to 49 BC. Using Coins as Sources. Cambridge, 2021. P. 192–197. К. Норенья относит начало «политизации» монетных изображений в республиканском Риме с выпуска монетной серии Тиберия Ветурия 137 г. до н.э. *Noreña C.* Coins and Communication. P. 252.

[269] *Franchi E.* Media and Technology: Mediatic Frameworks of Memories in Ancient Times // A Cultural History of Memory in Antiquity / B. Dignas (ed.). 2022. P. 63–64.

витали в мире текстов и речей, отражались в искусстве и архитектуре»[270]. Объясняя связь идеологии и иконографии римских монет, Н. Элкинс опирается на рассуждения К. Нореньи о двух типах пропаганды: «агитационной» и «интеграционной»[271]. В отличие от «агитационной» пропаганды, «интеграционная» не ставит своей целью изменить общественное мнение, но скорее подкрепить его. «Интеграционная» пропаганда часто используется правительством для создания позитивного образа власти. Применительно к реалиям Римской империи случаи «агитационной» пропаганды довольно редки и уступают по частоте использования «интеграционной», которая, прежде всего, транслировала имперские идеалы, что легитимировало императорскую власть. Эта трансляция требовала продолжительного распространения, что весьма удачно обеспечивали монеты. Сам термин «пропаганда» Н. Элкинс считает неудачным и приводящим к неверному пониманию изначального замысла монетного изображения. Большинство монументов Римской империи не было воздвигнуто по указу императора, но инициировано и воздвигнуто Сенатом и народом Рима в честь императора[272]. Зачастую существует связь между риторикой и идеологией, которая видна в общественных монументах, государственных рельефах, монетной иконографии, современной хвалебной поэзии и панегириках[273]. Императора, таким образом, можно считать первым зрителем/получателем монетного изображения, а не столько лицом, ответственным за его выбор. Подобный взгляд на взаимосвязь иконографии и идеологии разделяет и другой специалист по римской нумизматике Р. Дункан-Джонс. Проведя количественные исследования пропорции эмиссий императорских монет Траяна, он

---

[270] *Elkins N.* Money, Art and Representation. P. 110. См. также: *Wolters R.* The Julio-Claudians // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 342; *Levick B.* Propaganda and the Imperial Coinage // Antichthon. 1982. P. 104–116.

[271] *Noreña C.* Imperial Ideals in the Roman West. Cambridge, 2011. P. 18. См. также *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 16–17.

[272] *Elkins N.* Money, Art and Representation. P. 112; *Faust S.* Image and Authority. Imperial Art and Authority: Rome // The Oxford Handbook of Roman Imagery and Iconography / L. Cline, N. Elkins (eds.). Oxford, 2022. P. 114.

[273] Исследование сочинений придворных селевкидских поэтов и прозаиков показывает общие модели саморепрзентации власти с римскими. См.: *Visscher M.* Beyond Alexandria. Literature and Empire in the Seleucid World. Oxford, 2016.

показал, что монеты не использовались для передачи политических или исторических посланий. Напротив, изображения реверса были исключительно функциональны и предназначались для внутреннего контроля за эмиссиями со стороны монетного двора[274].

Но если монетная иконография не является инструментом «агитационной» пропаганды (во всяком случае не *всегда* признается таковым), тогда как можно интерпретировать изображения, помещенные на монетах? На наш взгляд, монетное изображение, безусловно, связано с идеологией эмитента, является ее отражением, но, по понятным причинам, не может представить всю идеологическую модель целиком. Более продуктивным будет видеть в монетном изображении отражение культурно-политической идентичности выпускающего ее лица.

Проиллюстрируем этот тезис двумя примерами, но прежде заметим, что из всей массы селевкидской иконографии сложно выделить образ или сюжет, который действительно демонстрирует политическую репрезентацию. Именно поэтому хороший материал дают случаи политического кризиса или смены внутриполитической парадигмы, когда новые политические агенты получают доступ к источникам визуальной репрезентации своей власти и политической идентичности. Первый пример – это полисные выпуски, которые

---

[274] *Duncan-Jones R.* Implications of Roman Coinage: Debates and Differences // Klio. 2005. P. 459–487. Ср. *Levick B.* Propaganda and the Imperial Coinage. P. 104-–16; *Beckmann M.* Trajan and Hadrian // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 415. Дж. Крибб в одной из статей своей фундаментальной серии «Money as Metaphor», обращается к этой проблеме и также отмечает некорректность использования термина «пропаганда» для обозначения информативной функции монеты в древнем Риме. *Cribb J.* Money as Metaphor 4a // NC. 2009. P. 500–503. Б. Войтек полагает, что изображения на республиканских денариях заключали в себе сложный визуальный код, разгадка которого была доступна только узкой социальной прослойке римского населения, что исключало любую массовую передачу информации. См.: *Woytek B.* Coin Iconography and Social Practice in the Roman Republic // The Oxford Handbook of Roman Imagery and Iconography / L. Cline, N. Elkins (eds.). Oxford, 2022. P. 332–334. Здесь же можно вспомнить пример из монетного дела поздней империи. В 214 г. н.э. в монетной чеканке Рима появился новый номинал антониниан. Примечательной иконографической особенностью этого номинала стало изображение императора в лучевой короне. По всей вероятности, лучевая корона не имела какого-то глубокого идеологического прочтения, но служила отличительным признаком, позволявшим различать номиналы. См. эту же идею у Р. Гёбля – *Göbl R.* Antike Numismatik. S. 213.

наряду с царскими были составным элементом монетного дела эллинистических государств. Начиная с середины II в. до н.э. полисы Сирии, Финикии, Месопотамии чеканили собственные бронзовые монеты с локальной иконографией. Здесь мы не обнаружим сюжетов, связанных с центральной царской властью, напротив, полисная иконография демонстрирует особенный набор символов, отражающих уникальную культурную идентичность: культовые статуи, изображение локальных божеств, иллюстрации мифов об основании полисов, в более поздний (римский) период архитектурных построек. Так или иначе, монетные изображения полисных выпусков можно рассматривать как отражение политической и культурной идентичности элит полиса-эмитента[275]. В настоящем исследовании иконография полисных выпусков не является основным предметом исследования и выполняет роль дополнительного источника. Другой пример – это узурпаторы. За весь период истории государства Селевкидов четырежды царская власть оспаривалась узурпаторами. Иконография их монет, а также гирь, показывает разрыв с иконографическими традициями Селевкидов и демонстрацию новых иконографических образов, что, несомненно, было отражением их политической и идеологической идентичности[276].

В случае с царскими выпусками, дело обстоит несколько сложнее, хотя и здесь монетное изображение, на наш взгляд, представляет, скорее, не зеркало текущей политической повестки, а отражение политической идентичности той части властных групп, включая самого царя, членов его семьи, а также придворных элит, которые играли в эллинистических монархиях ведущую политическую роль.

Говоря о государстве как монетном эмитенте в широком смысле, мы неизбежно приходим к вопросу, на который современная историография, к

---

[275] Подробнее об этом см. Coin and Identity in Roman Provinces / Ch. Howgego, V. Heuhert, A. Burnett (eds.). Oxford, 2005. В особенности статью К. Бутчера, посвященную римской Сирии.

[276] *Chrubasik B.* Power and Politics // A Cultural History of Memory in Antiquity / B. Dignas (ed.). 2022. P. 31.

сожалению, не может дать однозначного ответа: кто в эллинистических монархиях был ответственен за выбор монетного изображения? Кому принадлежала инициатива и право формирования монетного типа? Несмотря на некоторые спекуляции[277], опять же обратимся к римским примерам. Н. Элкинс подчеркивает, что в римской Республике чиновниками, отвечавшими за выпуск монеты и выбор монетного изображения (monetales) были младшие представители аристократических семей, которые только начинали cursus honorum[278]. Вероятно, выбор монетного изображения был исключительно техническим явлением, необходимым, прежде всего, для удобства работы монетной мастерской. Различные монетные типы, ежегодно появлявшиеся в монетном деле поздней Республики, позволяли отличить одну эмиссию от другой. Эту же функцию выполняли имена монетных чиновников или даты, которые помещались на позднеэллинистических монетах. Мы не можем исключать, что выбор монетного изображения, как и сам процесс монетного производства в древности, не нашедший буквально никакого отражения в литературной традиции, был исключительно техническим процессом, никак не соответствующим статусу царя и его окружения. Применительно к реалиям эпохи эллинизма уместно вспомнить фрагмент из второй книги «Экономики» псевдо-Аристотеля ([Artis.] *Oec.* II. 1345b), где речь идет о различных «секторах» экономики и ключевых задачах каждого из них: «Итак, во-первых, рассмотрим царскую, возможность ее безгранична, но она имеет четыре вида: она связана с монетой, вывозом, ввозом, расходами. Говоря о монете, я имею в виду, какую и когда (дорогую или дешевую) следует делать». Все остальные девять раз, когда в тексте второй главы встречается монета, она упоминается исключительно в экономическом контексте. Согласно автору «Экономики», царя (как и любого эмитента), в первую очередь, беспокоит качество и количество отчеканенной монеты, но не ее изображение.

[277] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 10–11.
[278] *Elkins N.* Money, Art and Representation. P. 116.

В данном контексте не лишним будет вспомнить слова византийского императора и монаха Иоанна VI Кантакузина из его сочинения «Диалог с евреем» (I. 2), который так охарактеризовал изобаржение на византийских монетах Христа и Богоматери: «О монетах ведь и сам ты, уж конечно, знаешь, – что на одних из них отчеканены образы Христа, на других – Его матери или кого-нибудь из святых. Но нас мало, а вернее сказать, никак не занимает их почитание. Ибо не для почитания прообразов было придумано делать их отпечатки на серебре или на золоте. Мы их наносим как своего рода знак достоинства монеты, а кроме того, чтобы показать, что монета принадлежит христианам. Потому, и на землю их при случае бросая, предавая огню и переплавке, истирая, разламывая, а при сделках и торговых операциях передавая в руки нечестивых, мы не смущаемся». Как кажется, этот отрывок как нельзя лучше иллюстрирует прагматическое отношение к монете, а также роль монетного изображения как культурного и политического идентификатора эмитента.

Однако не будем обесценивать значение монетного изображения как исторического источника. Несмотря на экономическую функцию монеты, иконография монет была предметом выбора[279]. Опираясь на примеры из монетного дела Римской империи, предположим, что ключевую роль в выборе монетного изображения или построении иконографической модели, использовавшейся для монет, как и в создании идеологического образа правителя, в целом, играло «придворное общество» – политические и военные элиты[280]. В эллинистических монархиях «придворное общество» было связано с управлением, войском, внешней политикой, взаимоотношениями с локальными элитами. Такие политические и административные группы как царский двор, друзья, родственники, составлявшие «придворное общество», регулярно

[279] *Elkins N.* Money, Art and Representation. P. 117–120; *Hekster O.* Coins and Messages. Audience and Targeting on Coins of Different Denominations? // The Representation and Perception of Roman Imperial Power / L. de Bois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols (eds.). Amsterdam, 2003. P. 20–35.

[280] Здесь мы согласны с мнением К. Эриксона, который, впрочем, никак не аргументирует вывод о том, что монетная иконография находилась в зоне ответственности окружения царя. *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 11.

появляются в окружении монарха в описании древних авторов. Исследования «придворного общества» показывают колоссальное влияние его членов на фигуру монарха. Мы можем предположить, что царская идеология формировалась именно в кругах придворного общества, отражая как политические реалии эпохи, так и культурно-политические идентичности самих членов этого придворного общества или его отдельных групп. Опыт изучения других памятников художественной культуры, в частности, гемм и статуй, показывает вовлеченность в этот процесс придворных элит[281]. Однотипность царских портретах на монетах и печатях свидетельствуют о системности и контроле над производством изображений. Монетное изображение и печать, будучи официальными, исходя из особенностей самого носителя, сохранили наиболее официальный вариант портрета царя, который мог быть создан в кругах «придворного общества» или группы приближенных[282].

***

Возможности использования монетного изображения как средства «агитационной» пропаганды могут быть поставлены под сомнение, если детально проанализировать особенности обращения монеты (включая регион обращения) и объемы эмиссии. Использование монетного изображения как инструмента такой пропаганды подразумевает его высокую агентность, т.е. массовость и доступность носителя информации для той социальной группы, которой она была адресована[283]. Для того, чтобы определить, могли ли отдельные монетные типы Селевкидов, служить инструментом пропаганды, мы

[281] См.: *Gross R.* Hellenistic Royal Iconography in Glyptics. P. 2–3, 11–19.

[282] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 28–30.

[283] Зачастую массовость монетного производства, относительно продолжительный период и большая зона обращения монеты становятся поводом для определения монетного изображения как средства пропаганды. См.: *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 146; *Hunter D.* The Influence of Seleukid Coinage. P. 270. Однако, как это показано в разделе 1.1.1., такой подход не учитывает ни реальные объемы эмиссий, ни данные монетных кладов, которые показывают территорию обращения монеты и денежный контекст, в котором находились исследуемые монеты.

обратимся к наиболее неординарным, с точки зрения иконографии, монетным эмиссиям, которые визуально отличаются от общей массы обращавшейся монеты. Такие монетные типы в историографии трактуются как монеты, обладающие особой идеологической нагрузкой. Оговоримся, что далее речь пойдет только о монетных типах крупных серебряных номиналов – тетрадрахм – самых распространенных номиналов драгоценных монет эпохи эллинизма.

Для нашего исследования важно определить ареал обращения этих монет, а также объемы эмиссий, чтобы провести сопоставительный анализ с монетами других типов, обращавшихся с ними в одно и то же время. Это позволит определить место данных монет в системе денежного обращения. Дополнительно мы обратимся к данным кладовых находок, с помощью которых можно судить о зоне обращения, а также к данным количественного анализа монетных выпусков, которые будут представлены в разделе 1.3. Для релевантности исследования возьмем несколько монетных типов разных периодов: 1. «неизвестный в шлеме» Селевка I, 2. «голова рогатой лошади» Антиоха I, 3. монеты серии «Антиоха спасителя», 4. монетная серия Антиоха IV «Аполлон Кифаред». Все указанные монетные типы имеют существенное отличие от современного им нумизматического материала. Они уникальны в своем использовании и никогда не реплицировались после[284].

Монетный тип «неизвестный в шлеме» (рис. 36)[285] – первый самостоятельный монетный тип Селевкидов, которому довольно часто приписывается особая «пропагандистская» функция, прежде всего, из-за уникальности иконографии, а также исторических обстоятельств чеканки[286]. Монеты этого типа чеканились, как это будет рассмотрено в разделе 3.1.1., только на одном монетном дворе – в Сузах. Объемы эмиссий, если судить по доле, которую

[284] Подробно каждый из этих монетных типов будет рассмотрен в соответствующих разделах данного исследования. Текущей задачей ставится продемонстрировать то, как особенности денежного обращения влияют на идеологическую агентность монетного изображения.

[285] SC 173

[286] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 43–46; *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revisited // AJN. 2016. P. 14–16.

занимали выпуски тетрадрахм этого типа от общего количества эмиссий, занимают 3.89 %. Недавнее штемпельное исследование Л. Марест-Каффи показывает, что для чеканки тетрадрахм этого типа всего было использовано 26 штемпелей лицевой стороны[287]. Если учитывать, что данный монетный тип чеканился на протяжении нескольких лет, предположительно с 301 по 295 годы до н.э., то в среднем в год для чеканки этого типа использовалось 4.3. штемпеля лицевой стороны. Для сравнения, для монет типа Александра в период с 332 по 290 годы до н.э. в год использовалось около 71 штемпеля, для выпусков Лисимаха с 297 по 281 годы до н.э. – 28 штемпелей, а для выпусков Деметрия Полиоркета в 306-287 годов до н.э. – 12[288]. Комплекс кладовых находок показывает, что монеты данного типа имели относительно локальное обращение – в пределах Сузианы и Персиды, иногда достигая Месопотамии и Мидии, однако, никогда не покидая (разумеется, массово) пределов восточных областей. В целом, в монетных кладах восточных сатрапий конца IV – начала III в. до н.э. преобладают монеты типа Александра (70% всех кладов), в особенности, если речь идет о Сузах, где и производились монеты типа «неизвестный в шлеме»[289]. Это обстоятельство позволяет утверждать, что место, которое занимали монеты типа «неизвестный в шлеме» в денежном обращении восточных сатрапий было весьма скромным. Таким образом, выпуск монет этого типа представляется частным региональным явлением, что существенно усложняет его интерпретацию как важного идеологического инструмента, использовавшегося в процессе формирования власти Селевкидов, пусть даже только на территории восточных областей державы.

Следующий монетный тип – «голова рогатой лошади» (рис. 37) несколько отличается от предыдущего. Изображение головы рогатой лошади известно еще на монетах Селевка I, однако, как это показано в разделе 3.2.2., данное изображение можно рассматривать как персональный символ второго

[287] *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revisited. P. 1–63.
[288] *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages. P. 177.
[289] *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient. P. 396.

правителя династии Антиоха I. Появление этого изображения на крупных серебряных номиналах связано с установлением власти Антиоха I в Средней Азии, что также расценивается как важный элемент пропаганды наследника в регионе[290]. Данный монетный тип чеканился на нескольких монетных дворах, включая, Ай-Ханум[291], что потенциально расширяло географию обращения монет данной серии. К сожалению, данные монеты редко встречаются в кладах[292]. Штемпельное исследование монет данной группы Б. Критта показывает, что для изготовления этой серии использовалось 11 штемпелей лицевой стороны, что, в целом, может свидетельствовать об относительно больших объемах монетной эмиссии[293], однако, нет сомнений в том, что монетный тип «голова рогатой лошади» не был массовым явлением. Серия тетрадрахм этого типа была дополнена в Ай-Хануме серией золотых статеров, для чеканки которых использовалось три штемпеля лицевой стороны (рис. 38). Изображение рогатой лошади эпизодически появляется еще при Селевке I на бронзовых номиналах различных монетных дворов (рис. 39). При Антиохе I это изображение тиражируется на печатях (рис. 12), а также надчеканках (рис. 40), а во второй половине III в. до н.э. исчезает вовсе. География распространения этого изображения, учитывая весь комплекс источников, весьма широка, однако, в случае с монетами золотых и серебряных номиналов, эта монета никак не конкурирует с центральным типом «Аполлон на омфале» и занимает лишь 5.6 % от общего объема монетных эмиссий. Учитывая обстоятельства появления и хронологическую динамику использования данного типа, можно предположить, что «голова рогатой лошади» была скорее персональным символом

[290] См. *Wojcikowsky R.* The Horned Horse and Bow on Bronze Coins of Antiochus I Soter from Europos (Dura) in the Context of Early Seleucid Royal Ideology // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. 2020. P. 119–141; *Wojcikowsky R.* The Horned Horse on the Coinage of Seleucus I Nicator. The Iconography of Power // Studies in Ancient Art and Civilization. 2021. P. 123–143.

[291] SC 426–434

[292] Единственный пример – «Амударьинский клад» (IGCH 1822), который, по всей вероятности, не является единым кладовым комплексом. *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад: каталог выставки. Л., 1979.

[293] *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. Lancaster, 2016. P. 108–113.

Антиоха I, выступавшим в качестве его династического знака, не рассчитанного на массовое тиражирование.

Другая монетная серия, так называемый выпуск «Антиоха спасителя» (рис. 41)[294], исторические обстоятельства появления которой рассматриваются в разделе 3.3.1., является одной из самых идеологизированных монетных эмиссий, выпущенной в период борьбы двух политических партий за престол. Серия имеет очевидный мемориальный характер и должна была, как кажется, демонстрировать связь Селевка II, выпустившего ее, с Антиохом I, который в монетной легенде был обозначен как «спаситель». Тетрадрахмы этой серии нередко встречаются в кладах. При том, что география кладов этой серии внушительная, большинство случаев тезаврации данных монет относится к региону запада и юга Малой Азии и Сирии. Несколько монет было обнаружено в Месопотамии, один экземпляр, предположительно, происходит из Сузианы. Штемпельный анализ этой серии, проведенный Ж. Ле Ридером[295], выявил всего четыре штемпеля лицевой стороны, что изначально подразумевало весьма ограниченные объемы эмиссии.

Серия тетрадрахм Антиоха IV с изображением Аполлона Кифареда (рис. 42)[296] была выпущена специально для праздников в Дафне, которые ознаменовали победу в войне над Египтом. Эта победа была отмечена целой серией «особых» монетных эмиссий. Забегая вперед, отметим, что из всех таких эмиссий, лишь выпуски бронзовых монет можно считать массовыми, которые могли выступать инструментами для царской пропаганды, хотя политический характер этих серий остается сомнительным. В историографии, впрочем, никогда не возникало сомнений в локальности обращения монет типа «Аполлон Кифаред»[297]. Действительно, доля выпусков этой серии не превышает и 1 % от общего объема эмиссий, а количество известных экземпляров не более десяти.

---

[294] SC 640–641

[295] *Le Rider G.* Antioche de Syrie sous les Séleucides. Corus des monnaies d’or et d’argent. Paris, 1999. P. 74–75.

[296] SC 1401

[297] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 228.

В кладах такая монета встречается только единожды, а для чеканки всей эмиссии использовался лишь один штемпель лицевой стороны[298]. Все это говорит нам не просто о локальном характере эмиссии, но о довольно кратковременном эпизоде чеканки монет данного типа и об их весьма точечном идеологическом предназначении.

Все рассмотренные монетные типы, несмотря на общую идеологизацию, едва ли можно считать эффективным инструментом царской пропаганды, направленной на сколь-нибудь широкие слои населения и транслировавшей политические идеи на уровне государства, ввиду ограниченности их объемов и локального характера обращения. Очевидно, что небольшие объемы монетных выпусков, незначительная доля от общей массы выпускаемой монеты, локальное обращение, а также технические особенности монетного производства (среди таких серий нередки перечеканки) демонстрируют весьма ограниченный идеологический потенциал данных монет как средства пропаганды. Не говоря уже о том, что к моменту чеканки таких монет в обращении уже находились монеты предыдущих правителей, которые обращались ни одно десятилетие после их смерти, а также монеты других государств, которые, благодаря «открытой» денежной системе, относительно свободно обращались на территории государства Селевкидов. Таким образом, данные монетные типы быстро «растворялись» среди множества других монет, что снижает их идеологическую агентность. Золотые и серебряные монеты могли, согласно закону Коперника-Грешема, быстро выходить из обращения и оседать в сбережениях частных лиц, что также уменьшало представленность данных монет в общей денежной массе. В целом, не стоит преувеличивать роль монеты в экономике эллинистических государств, поскольку монета была далеко не единственной формой денег и даже в монетизированных обществах не могла вытеснить остальные деньги. Для повседневной пропаганды у власти был более эффективный инструмент – бронзовые номиналы. Чеканка бронзовой монеты в эллинистический период осуществлялась куда чаще, чем серебряной. Бронзовые

[298] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 217–218.

монеты относительно быстро изнашивались и требовали регулярного обновления, что позволяло варьировать иконографию этих монет в зависимости от политической повестки.

Основываясь на полученных данных, можно утверждать, что весь корпус монетной иконографии тетрадрахм состоит из двух категорий монетных типов – ключевых и второстепенных. Задача первых, исходя из понимания монетной иконографии в формулировке Ф. де Каллатая, заключается в поддержании доверия населения к выпускаемой монете и создании стабильной денежной системы. Вторые, которые существенно отличаются иконографически, могли быть отражением актуальной идеологической повестки. Впрочем, выпуск бронзовой монеты, в особенности при поздних Селевкидов, находился в ведении полисных властей.

Количественный анализ монетных выпусков показывает, что доля ключевого монетного типа от общего числа эмиссий составляет значительную часть. В период чеканки монетного типа «неизвестный в шлеме» ключевым типом остается тип Александра, а на момент выпуска серии «Антиоха спасителя» тип «Аполлон на омфале», который позже сменяет «стоящий Аполлон». Однако данным выпускам нельзя полностью отказать в идеологической функции. Локальный характер обращения и незначительные объемы этих эмиссий свидетельствует, на наш взгляд, о детерминированности этих монетных серий. По всей вероятности, такие монеты имели более сложный круг потребителей, нежели монеты с ключевым типом. Вероятно, как и в случае с римскими императорами, ключевым потребителем этой монеты мог быть сам царь и ближайшие члены династии. Монеты гармонично дополняли образ царя, подчеркнутый культовыми изображениями и поэтическими сочинениями. Кроме царя, первыми держателями этих монет становились политические и военные элиты.

Таким образом, каждый из рассмотренных монетных типов мог иметь собственные исторические обстоятельства появления и свою группу держателей. В случае с типом «неизвестный в шлеме» это могли быть воины, по каким-

то причинам оказавшиеся в Сузиане. Монеты «Антиоха спасителя» могли предназначаться для воинов и царского двора молодого Селевка II, а монеты типа «Аполлон Кифаред» для высокопоставленных гостей праздников в Дафне. Особняком, на наш взгляд, стоят монеты Антиоха I с головой «рогатой лошади». Эти монеты, судя по количеству штемпелей и монетных дворов, а также появлению этого сюжета на различных носителях, выступали как региональный эквивалент основному монетному типу.

1.2.2. Царская иконография и царская идеология Селевкидов

Говоря о взаимосвязи царской идеологии и царской иконографии, мы придерживаемся того утверждения, что монетное изображение, не использовалось в качестве инструмента «агитационной» пропаганды. Вместе с тем, стоит признать, что материалы царской иконографии, связанные с кругом философско-политических идей и династических ценностей, являются одним из лучших источников по царской идеологии Селевкидов.

Царская идеология Селевкидов – безо всяких сомнений одна из самых дискуссионных тем в историографии. Данная тема является хорошим показателем превалирующей историографической тенденции. Впервые проблемы царской идеологии у Селевкидов были концептуализированы в 1960–1970-е годы. В системе царской идеологии была выделена так называемая «царская мифология» (Royal Seleucid Mythology) – комплекс легенд, сказаний, зафиксированных древними авторами, а также одиночных реплик, цитат, анекдотов, и прочих видов нарратива, либо приписываемых правителям династии Селевкидов, либо повествующих о них самих. Эта категория нарратива, доминирующая в сообщениях древних авторах о царях династии Селевкидов, стала ключевым историческим источником для большинства исследователей, занимающихся этой проблемой. Понятие Royal Seleucid Mythology было введено в

научный оборот Р. Хадли[299], однако сама проблема и, как ни странно, даже какое-то ее научное описание (а, в некотором роде, и решение) в историографии существовали еще до появления самого понятия, хотя, конечно же, стоит признать, что предмет исследования определялся скорее интуитивно. Тогда же применительно к царской идеологии стал активно использоваться термин «пропаганда». Royal Seleucid Mythology стала востребованной исследовательской темой, которую принято изучать на стыке истории и исторической антропологии. Анализ и исследование этого явления за последние годы достигли такой степени проработки, что сейчас с уверенностью можно из всего комплекса выделить отдельные группы повествований[300]. Так, например, принято выделять Early Seleucid Mythology – легенды, посвященные первому правителю династии Селевку I, его рождению и службе Александру. Также выделяется «Роман о Селевке», куда относятся все пророчества и предсказания будущей власти Селевка I. Особняком стоит цикл историй об основании Селевком крупнейших городов его державы, что, по мнению П. Космина, было частью идеологии территориализации власти Селевкидов[301]. Большой исследовательский интерес вызывает цикл с условным названием «Роман об Антиохе и Стратонике», в котором описывается появление института соправительства, а также подчеркивается господство Селевкидов над восточными областями державы. К Seleucid Mythology относятся серия легенд об Антиохе III, целый ряд историй о безрассудном поведении Антиоха IV и более поздних Селевкидов: Александра I и Антиоха VII. В целом, появление всех этих легенд изначально интерпретировалось как оформление царской идеологии.

---

[299] См., например: *Hadley R.A.* Hieronymus of Cardia and early Seleucid mythology // Historia 1969. P. 142–152; *Hadley R.* Royal propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. 1974. P. 50–65.

[300] См.: *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. I. Seleukos' Leben und die Entwiklung seiner Machtposition. Leuven, 1986; *Primo A.* La storiografia sui Seleucidi da Megastene a Eusebio di Cesarea. Pisa, 2009; *Ogden D.* Seleucid Dynastic Foundation Myths: Antioch and Seleuceia-in-Pieria // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Wiesbaden, 2011, 149–160; *Ogden D.* The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge, 2017.

[301] *Kosmin P.J.* The Land of the Elephant Kings: Space, Territory, and Ideology in the Seleucid Empire. Cambridge, 2014.

В середине 1980-х в исследованиях царской идеологии Селевкидов, как и всего восточного эллинизма, произошел поворот, связанный с оформлением новой историографической модели эллинизма, в основе которой находился так называемый «восточный фактор», а именно наследие восточных (негреческих) традиций в формировании и эволюции институтов государств эллинистического Ближнего Востока. Ключевым для данного этапа историографии стало исследование А. Курт и С. Шервин-Уайт, посвященное проблемам «эллинизации» в селевкидской Вавилонии[302], которое заложило фундамент для оформления концепций «вавилоноцентризма»[303], «иранизма»[304] и «персианизма»[305] в государстве Селевкидов. Модель царской идеологии, включая институт царской власти, также была пересмотрена с учетом влияния «восточного фактора». Особое место в царской идеологии стало отводиться локальным элитам и отношениям между ними и центральной властью[306]. Превалирующей идеей стало представление о сотрудничестве центральной власти с местными элитами, а также о целенаправленной адаптации различных восточных институтов эллинистическими царскими династиями.

В последние несколько лет можно наблюдать оформление нового концептуального взгляда на историю и институты государства Селевкидов. Он связан с отходом от позитивистской модели и распространением постструктуралистского «плюралистичного подхода» (pluralistic approach) или

---

[302] Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (eds.). London, 1987; *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approaches to the Seleucid Empire. Berkeley–Los Angeles, 1993.

[303] Из всего многообразия работ, посвященных данной теме, можно выделить публикации Р. ван дер Спека и Т. Бойи. См.: *Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven, 2004; *van der Spek R.* The Babylonian City // Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (eds.). London, 1987. P. 57–74; *van der Spek R.* The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // BiOr. 1993. P. 92–101.

[304] *Plischke S.* Die Seleukiden und Iran: Die seleukidische Herrschaftspolitik in den östlichen Satrapien. Wiesbadem, 2013.

[305] См. сборник статьей Persianism in Antiquity / R. Strootman, M. Versluys (eds.). Stuttgart, 2017.

[306] *Boiy T., Mittag P.F.* Die locale Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige / B. Dreyer, P.F. Mittag (Hrsg.). Berlin, 2011. S. 105–131.

«полифонического подхода» (polyphonic approach), сочетающего элементы микроистории и глобальной истории. В исследовательском фокусе находятся контексты и историко-культурные обстоятельства, сопровождающие предмет исследования: «глобальное» и «локальное», «греческое» и «негреческое»[307]. Примечательно, что данный подход делает акцент на индивидуальности и самобытности каждого явления, погружая его в гущу глобальных контекстов. В рамках данного подхода, приверженцы которого склонны смещать исследовательский фокус в поле когнитивного, идеология понимается как система ментальных структур – языки, концепции, категории, образы и системы репрезентации, которые используют различные социальные группы.

Разумеется, изучение царской иконографии как явления, связанного с царской идеологией, также находилось в русле преобладающих историографических тенденций[308]. Изначально в царской иконографии было принято видеть отражение Royal Seleucid Mythology, то есть конструирование образа династии и царя, которое являлось частью государственной пропаганды. В более поздний период царская иконография рассматривалась как иллюстрация влияния «восточного фактора» на царскую идеологию, а монетное изображение интерпретировалось в контексте ближневосточных культур. На современном этапе в царской иконографии принято видеть набор политических и культурных идентичностей, характерных для царя и его окружения[309].

---

[307] Лучше всего выбор данного подхода описан в предисловии к большому коллективному изданию «Культура и идеология Селевкидов». См.: *Anagnostou-Laoutides E., Pfeiffer S.* Introduction. Un-Framing Seleukid Ideology // Culture and Ideology under the Seleukids. Unfraiming a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 6–8. Напротив, приверженность более традиционному подходу все же демонстрируют авторы также недавно опубликованного тома «Селевкидская идеология». Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023.

[308] В качестве примера можно вспомнить две работы с близким сюжетом и даже заглавием, а также подходом к изучению иконографии: *Hadley R.* Seleucus, Dionysos, or Alexander // NC. 1974. P. 9–13 и *Erickson K.* Seleucus I, Zeus and Alexander // Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds / L. Mitchell, Ch. Melville (eds.). Leiden, 2013. P. 109–127. Единственное отличие этих работ заключается в подходе.

[309] См.: Coin and Identity in Roman Provinces / Ch. Howgego, V. Heuhert, A. Burnett (eds.). Oxford, 2005; A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019; Thrace – Local Coinage and Regional Identity / U. Peter, V. Stolba (eds.). Berlin, 2021.

В памятниках иконографии нашли отражение процессы, которые были непосредственно связаны с царской идеологией Селевкидов: институционализация царской власти и формирование династической идентичности в 280–260-е гг. до н.э., династические противостояние в 240-е г. до н.э., большой династический раскол середины II в. до н.э., территориальный распад государства Селевкидов и усиление роли локальных элит во II в. до н.э., династический кризис I в. до н.э. и утрата Селевкидами политической самостоятельности, а также отдельные институты: царская власть и соправительство, царский культ, восточные походы, династические браки, эпизоды интронизации и легитимации, включая незаконных правителей и узурпаторов. Примечательно, что некоторые события политической истории, наоборот, никак не представлены в памятниках царской иконографии. Это «красноречивое молчание» заслуживает особого внимания. Так, памятники иконографии никак не отражают войны с Египтом, Римом и Парфией (исключая общие воинские мотивы). Правление Антиоха III, продолжительное и богатое событиями политической истории, отличается консервативной унификацией монетной иконографии, однообразием стиля и формы изображения. При нем 95% всех тетрадрахм выпускались по одному типу «Аполлон на омфале». Это обстоятельство еще раз заставляет задуматься над проблемой использования визуальных памятников как средства пропаганды.

Особый исследовательский интерес взывают смены ключевого монетного типа (иконографической модели). Как уже было отмечено в предыдущем разделе, устойчивость монетной иконографии была определена доверием населения к монетам определенного типа. Смена ключевого монетного типа тетрадрахм могла спровоцировать падение меновой стоимости монеты ниже номинальной, что было весьма болезненным для государства. Таким образом, стоимость монеты зависела в том числе и от доверия со стороны населения, а смена ключевого монетного типа имела не столько экономические, сколько

идеологические предпосылки и отражала определенный идеологический курс[310].

Рассмотрим несколько примеров. Монетная иконография отражает процесс идеологического оформления династической идентичности Селевкидов, который нашел отражение в литературной традиции. Начало чеканки монет типа «Аполлон на омфале» сопровождается оформлением династической идеологии, с которой связан комплекс легенд о происхождении основателя династии Селевка I от Аполлона. Другим примером служит существовавшая в III в. до н.э. у Селевкидов практика мемориальных монетных выпусков нового царя с портретом своего предшественника. В рамках этой традиции Антиох I выпустил серию тетрадрахм с портретом обожествленного Селевка I (рис. 43)[311], Антиох II с портретом Антиоха I (рис. 44)[312], Антиох Гиеракс с портретом Антиоха I (рис. 45)[313]. Позже эта традиция прервалась, однако, первые три поколения была весьма устойчивой. Такая коммеморативная практика, вместе с традицией летосчисления от начала правления основателя династии, формированием династической мифологии, учреждением и функционированием института соправительства, использованием ограниченного набора династических имен (Селевк и Антиох), а также наименование основанных городов в честь членов династии являются компонентами единого процесса формирования династической идеологии. Использование одного монетного типа всеми царями III в. до н.э. свидетельствует об устойчивости этой идеологической парадигмы[314].

---

[310] Классический пример – это появление первых монетных типов диадохов, которые, продолжая чеканить монеты по типу Александра из исключительно экономических соображений, постепенно и в несравненно меньших объемах вводили собственные монетные типы, которые изначально имели только локальное обращение. Селевк I – типы: «неизвестный в шлеме», «слоновая колесница», Деметрий Полиоркет – типы: «Посейдон», «Ника/Посейдон».

[311] SC 323

[312] SC 482

[313] SC 848

[314] *Chrubasik B.* Power and Politics P. 21–22.

В середине II в. до н.э. в государстве Селевкидов произошел очередной династический кризис. От предыдущих он отличался своими масштабами и последствиями. Начиная со 164 г. до н.э. каждый приходящий к власти правитель обязательно отмечал свою принадлежность к одной из двух династических ветвей: потомки Селевка IV, либо потомки Антиоха IV. Это разделение на противоборствующие группы нашло яркое отражение в монетной иконографии. Представители каждой из двух династических групп всячески подчеркивали свою приверженность иконографии своих предков. При этом, резкая смена монетных типов, практически неизвестная для монетного дела III и начала II вв. до н.э., стала практически нормой для каждого нового царя. Этому способствовали внешние факторы: редукция аттического весового стандарта, начало порчи монеты, а также увеличение объемов выпуска бронзовой монеты. Все это неизбежно вело к трансформации денежной системы Селевкидов и переходу от «открытой» к «закрытой» системе, в рамках которой вариативность иконографических типов могла быть явлением регулярным и не влекла серьезных экономических последствий, что наблюдается с середины III в. до н.э. в эллинистическом Египте.

Известны и более ранние случаи, когда династический раскол или династический компромисс находили отражение в монетной иконографии. Противостояние двух братьев: Селевка II и Антиоха Гиеракса, описанное в разделах 3.3.1. и 3.3.2., сопровождалось разделением иконографии ключевого монетного типа. На тетрадрахмах Антиоха Гиеракса изображался традиционный Аполлон, сидящий на омфале (рис. 46)[315], а на монетах Селевка II Аполлон, опирающийся на треножник (рис. 47)[316]. Примечательно, что сын Селевка II Селевк III в качестве компромисса отчеканил несколько монетных серий с изображением Аполлона, сидящего на омфале и опирающегося на треножник (рис. 75)[317].

[315] SC 877
[316] SC 689
[317] SC 916

Особой сферой применения царской иконографии в системе царской идеологии является культ царя. Изображения обожествленных правителей на селевкидских монетах встречаются довольно рано. Первой монетной серией с изображением обожествленного царя стоит считать мемориальный выпуск тетрадрахм Антиоха I с портретом Селевка I с рогами (рис. 43). Оформление культа Селевка I при Антиохе I подтверждается и сообщением Аппиана (*Syr*. 63). Стоит отметить, что мемориальный характер первого монетного выпуска с изображением обожествленного правителя также известен в монетном деле Птолемеев. Таким образом, обе династии и Селевкиды, и Птолемеи изначально следовали общей модели использования монетного изображения для формирования культа правителя – обожествление предков-основателей династии.

Визуальный язык изображений (Bildshprache) эллинистических монет (как ключевых типов, так и дополнительных) в историографии чаще рассматривается как средство «интеграционной» пропаганды, ключевой задачей которой, согласно К. Норенья, являлась демонстрация стабильности текущего правления[318]. В большинстве случаев иконография золотых и крупных серебряных номиналов является визуальным воплощением идеалов царской власти. Особое выражение это находит в царских портретах. Изображения царей в образе полководца, в образе Александра (imitatio Alexandri), с божественными атрибутами, в окружении роскоши (τρυφή) транслируют ключевые идеалы эллинистической монархии. Нет сомнений и в том, что изображение богов-покровителей династии Селевкидов: Аполлона и Зевса также указывало на определенные династические идеалы. Появление изображения Аполлона, сидящего на омфале, совпало с оформлением культа царя Селевка I, а также официальной династической идеологии, частью которой стал культа Аполлона. В

[318] *Messina V.* Aspects of Seleucid Iconography and Kingship // With Alexander in India and Central Asia. Moving East and Back to West / C. Antonetti, P. Biagi (eds.). Oxford – Philadelphia, 2017. P. 17–34; О связи царской идеологии Селевкидов и «интеграционной» пропаганды см.: *Wenghofer R., Coskun A.* Introduction: The Dialectics of Seleukid Ideology // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 14–15.

данном контексте допустимо полагать, что монетный тип «Аполлон на омфале» был частью формирующейся идеологии династии Селевкидов. Мы не можем исключить того, что, как и в случае с императорами Рима, Антиох I, при котором впервые появляется данный монетный тип, выступал первым зрителем этой новой монетной иконографии, уместно и удачно вписывавшейся в обширный круг атрибутов новой династической идеологии, включавшей литературные сочинения, предметы изобразительного искусства и архитектуры[319].

Особой категорией источников по данной проблеме являются бронзовые номиналы. Как уже было отмечено в предыдущем разделе, иконография бронзовых монет более динамично отражала идеологическую повестку, нежели иконография монет из драгоценных металлов, в силу особенностей обращения и платежных функций. Иконография бронзовых выпусков могла использоваться как инструмент «интеграционной» пропаганды, но, как и в случае с дополнительными выпусками тетрадрахм, была строго таргетирована, имела локальное значение. Вероятно, ввиду того, что бронзовые монеты быстро выходили из обращения, иконография этих монет была ориентирована на местные события, имевшие не столько глобальное, сколько локальное значение. В редких случаях изображения на бронзовых монетах можно рассматривать как точечное обращение к какой-то группе населения (воины, жители полиса) или трансляцию знакомы для этой группы образов и знаков (вооружение, статуи божеств).

Приведем несколько примеров. Для иконографии и, очевидно, для идеологии молодого селевкидского царя середины II в. до н.э. Антоха VI ключевое значение имела ассоциация правителя с Дионисом. В официальной титулатуре этот правитель именовался «Антиох царь Дионис Эпифан» (рис. 48)[320]. Однако дионисийский символизм в иконографии крупных серебряных номиналов

[319] Аппиан сообщает о храме Селевка I (App. *Syr*. 63). Также об архитектурных постройках в Антиохии сообщает Иоанн Малала (Malal. VIII. 11–14).

[320] SC 2000

имел, скорее, второстепенное значение. Кроме эпитета «Дионис» в легенде и венка, опоясывающего изображение оборотной стороны, в который были вплетены листья плюща, изображения не имеют никаких дионисийских элементов. Напротив, иконография бронзовых выпусков, а также выпусков мелкого серебра (гемидрахма и диобол), которые к этому времени уже сравнялись по своим платежным функциям с бронзовыми монетами, изобилует дионисийскими мотивами. Монетные дворы Антиохии на Оронте и Апамеи выпускали эмиссии типа «голова Антиоха VI/пантера» (рис. 49)[321], «голова Антиоха VI/тирс» (рис. 50)[322], «голова Антиоха VI/слон» (рис. 51)[323], «голова Антиоха VI/пантера» (для бронзовых монет) (рис. 52)[324], «голова Антиоха VI/Дионис» (рис. 53)[325], «голова Антиоха VI/канфар» (рис. 54)[326], «передняя часть пантеры/легенда в плющевом венке» (рис. 55)[327]. Никто из правителей династии Селевкидов не использовал дионисийскую символику так часто, как это делал Антиох VI. При этом видно, что в случае с серебряными тетрадрахмами и драхмами дионисийский символизм не был ключевым, в то время как на бронзовых монетах он явно доминирует. Точных данных о группах получателей этих монет нет, однако, учитывая то, что часть продукции была отчеканена на монетном дворе Апамеи на Оронте, который работал неравномерно и был связан с военной базой Селевкидов, расположенной в этом полисе, можно предположить, что она предназначалась для воинов, включая гарнизон, который нередко получал жалование именно бронзовой монетой. Популярность культа Диониса в воинской среде не раз отмечалась в историографии. Примечательно, что на автономных выпусках бронзовой монеты Апамеи даже через сто лет после правления Антиоха VI доминировали дионисийские сюжеты[328].

[321] SC 2004
[322] SC 2005
[323] SC 2006
[324] SC 2007
[325] SC 2014, 2016
[326] SC 2015, 2017
[327] SC 2019
[328] *Hoover O.* Handbook of Syrian Coins. Lancaster – London, 2009. P. 303–306.

Обратимся теперь к другим носителям царской иконографии. На печатях царских чиновников, насколько это можно судить по сохранившемуся материалу из Селевкии на Тигре и Урука, помещались изображения, аналогичные тем, что встречаются на монетах: треножник, якорь, изображения божеств[329]. Однако, несмотря на то что изображения на официальных печатях, как и на монетах, определенно несли идеологическую нагрузку, аудитория получателей этой информации была слишком узка для того, чтобы рассматривать печать как инструмент «интеграционной» и тем более «агитационной» пропаганды. По своей природе оттиски печатей не имели столь публичного обращения, как монеты, и чаще складировались вместе с документами в архивах. Как видно, изображение якоря, использовалось на печатях, скреплявших документы международного характера. Находки на Делосе[330], из Калиполя[331] и Скифополя[332], а также упоминание печати Лаодики с якорем в надписи с острова Кос[333], подтверждают это утверждение. Но в данном случае речь идет о единичных документах.

Отдельные идеологические символы можно встретить и на изображениях на весовых гирях. Здесь также встречаются изображения якоря и других селевкидских символов. Однако и эти изображения нельзя считать инструментом пропаганды. Такие гири не выпускались массово и предназначались для операций, связанных с царским доменом либо хозяйством царского дворца. Иконография же полисных гирь была связана с локальной идеологией. На гирях сирийского Тетраполиса помещались изображения слона, зебу, треножника, якоря, которые были частью символического пространства полисов.

---

[329] *Hicks J.* Hollow archives. P. 207

[330] *Boussac M.-F.* Sceaux publics, Apollon, Helios, Arternis, Hecate. Les Sceaux de Délos I. Paris, 1992. P. 15 N. SP8.

[331] *Pantos P.* Τα σφραγίσματα της αιτωλικής Καλλιπόλεως. Athens, 1985. P. 116–119. N. 94

[332] *Mazor G., Atrash W.* The sealings. P. 162

[333] παρὰ Λαοδίκης ἔχουσαν ἐπίσαμον ἄνκυραν. См.: *Bosnakis D., Hallof K.* Alte und neue Inschriften aus Kos VI // Chiron. 2020. S. 293–295.

1.2.3. Царская иконография в социокультурном контексте. Функции царской иконографии

«Представим себе селевкидского военачальника в 191 г. до н.э. в армии Антиоха III накануне кровавого разгрома при Фермопилах. Безо всякого преувеличения можно предположить, что наш герой, находясь на царской службе, провел какое-то время в Месопотамии, городах Северной Сирии и Малой Азии: «кочевой образ жизни» командиров не удивителен. В материковой Греции, будучи в свите Антиоха, он повидал такие города, как Деметриада, Фивы, Халкида, Херонея, Стратос, а также панэллинское святилище в Дельфах; до того он мог побывать на Делосе (где упоминания об Антиохе III и Лаодике III являются первыми свидетельствами о контактах острова с Селевкидами). За свою карьеру наш селевкидский командир сталкивался со множеством царских изображений. Возможно, он любовался или даже щеголял геммами с портретом царя…, позже рассматривал оттиски чиновничьих печатей с царским изображением. В его руках побывали монеты с царским профилем: небольшие бронзовые с портретом царя (и множеством разнообразных мотивов на реверсе), тетрадрахмы практически одного типа (профиль царя, на реверсе Аполлон со стрелой на омфале), даже золотые октодрахмы; возможно он принимал участие в работе царского монетного двора или руководил транспортировкой или сбором больших денежных сумм для административных или военных нужд. Изображение царя он также встречал на венцах с медальонами, которые носят жрецы царского культа; и если были святилища, то он мог видеть культовые статуи царя, царицы и их предков. Такие культовые статуи также привлекали его внимание в святилищах Селевка I, расположенные в центре основанных им городов. Эти статуи были из мрамора и больше, чем в натуральную величину, Селевк изображался с идеальными чертами лица и большими глазами, а бычьи рога указывали на его божественность. В других случаях изображения царя были небольшие: он скакал верхом на небольшой бронзовой лошади, или ехал задумчивый и в доспехах, или опирал свое

обнаженное бронзовое тело лисипповских пропорций на копье – такие статуэтки встречаются в частном контексте… Более впечатляющими были статуи в натуральную величину или больше, которые наш герой видел в городах (на площадях, в гимнасиях) и святилищах: культовые статуи целиком из мрамора или выполненные в технике акролита, почетные – из бронзы… Наконец, наш герой должен был видеть изображения других царей: сперва на монетах, которые в большом количестве обращались в Малой Азии и Сирии: монеты Антигонидов, даже старые монеты Деметрия Полиоркета, монеты Лисимаха, монеты Атталидов».

Эта пространная цитата из работы Джона Ма «Царь и его изображения»[334] не только прекрасно погружает в ту визуальную среду, в которой пребывал обыватель (пусть и не рядовой) начала II в. до н.э., но также хорошо демонстрирует разнообразие социокультурных контекстов, в которых одновременно могли находиться царские изображения[335]. Они могли быть инкорпорированы в частную религиозную жизнь и бытовать, никогда не появляясь в публичном поле. Примером этого являются изображения селевкидских царей на многочисленных резных камнях, которые имели частный характер и не были предназначены для широкой демонстрации. Изображения царя могли украшать городские пространства, посещаемые сотнями людей ежедневно и изначально быть частью перформативного дискурса городских элит[336]. Чаще всего это были статуи, которые располагались не только в городах государства Селевкидов, но и за его пределами[337]. Статуи царей не обязательно

[334] *Ma J.* Le roi et ses images. P. 147–164.

[335] В русле исследований почетных статуй, Дж. Ма подчеркивает значимость так называемой «реляционной модели» прочтения портрета, основу которой составляет триада «изображение-текст-контекст». *Ma J.* Lire les portrait hellénistique: pistes // Bilder der Macht. Das grichische Porträt und seine Verwendung in der Antiken Welt / D. Boschung, F. Queyrel (Hrsg.). Paderborn, 2017. P. 52–55, 62.

[336] См. большую работу Дж. Ма. *Ma J.* Statues and Cities. Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World. Oxford, 2013. См. подобный пример Афин. *Dillon S.* Ancient Greek Portrait Sculpture. Contexts, Subjects and Styles. Cambridge, 2006. P. 101–106.

[337] Сообщения о статуях Селевкидов в Афинах сохранилось в повествовании Павсания. Статуи Селевка I: работы Барксида (Plin. *HN.* 34.19.73), работы Аристодема (Plin. *HN.* 34.19.86). Конная статуя Антиоха I (I.Ilion 32). Дополнительно см.: *Lorber C.* Honoring the King in the Seleukid and Ptolemaic Empires. Part. II // Electrum. 2023. P. 103–191.

возводились по распоряжению центральной власти. Как правило они устанавливались от имени демоса[338] или отдельных профессиональных групп (например, воинов)[339], а также частных лиц. Р. Смит выделяет три категории царских портретов в контексте их использования: 1. портреты «монетного типа» (‘coin type’ portraits), которые были основаны на строго выверенной портретной типологии; 2. «типовые» портреты (‘type’ portraits), которые также характеризуются определенной проработанной типологией, но не встречающейся на монетах; 3. «нетиповые» портреты (‘non-type’ portraits), для которых не была характерна какая-либо типологическая модель[340].

Официальный характер имели изображения на монетах, а также на царских печатях, где помещался портрет царя. Серебряные монеты Селевкидов всегда обращались совместно с монетами других центров, прежде всего, малоазийских. Вместе с царскими бронзовыми монетами в обращении находились и полисные выпуски, иконография которых демонстрировала свой набор символов и знаков, отличный от царского. В самом начале полисной монетной чеканки в середине II в. до н.э. царская и полисная иконография совмещались в пространстве одной монеты. На лицевой стороне таких монет помещался царский портрет, а на оборотной изображение локального божества.

Наряду с царскими печатями в одной среде бытования мы встречаем сотни оттисков частных печатей и печатей, возможно, принадлежавших профессиональным коллективам. Иконография таких печатей наполнена локальными символами и выполнена в особой стилистике. На буллах (и, вероятно, на табличках) царские печати соседствовали с частными. Вместе с царскими весовыми гирями мы обнаруживаем полисные гири, которые использовались на одном и том же рынке вместе с царскими. Иконография этих гирь близка царской: этот те же якорь[341], слон[342], рог изобилия[343]. Выделить из общей массы

[338] Например, OGIS 215.
[339] Статуя Селевка I. OGIS 211.
[340] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 28–30.
[341] Pondera 18305
[342] Pondera 3496
[343] Pondera 12819

монет, оттисков печатей и гирь памятники царской иконографии не вызывает большого труда. Атрибутировать такие памятники как царские позволяет легенда и царский портрет.

Стоит также обратить внимание на корреляцию между изображениями различных визуальных носителей. Возьмем для сравнения ключевые изображения на серебряных и бронзовых монетах, изображения на царских печатях и весовых гирях Селевкидов и представим их в виде таблицы.

изображение	гири	печати	монеты AR	монеты AE
якорь	68%	23%	<1%	<1%
звезда	5%	–	–	<1%
идущая Ника	5%	–	11%	2%
рог изобилия	5%	–	3,5%	<1%
треножник	–	7%	1%	4%
портрет царя	–	67%	98%	87%
Аполлон на омфале	–	–	29%	12%

Из данных приведенной таблицы видно, что нет критерия, по которому все четыре группы источников показывали бы высокую корреляцию. Пожалуй, единственным таким изображением является царский портрет, который, впрочем, никогда не появляется на царских гирях, что может объясняться влиянием полисной иконографии. Напротив, изображение якоря, характерное для гирь и печатей, крайне редко встречается на монетах. Объяснить это сюжетное расхождение можно спецификой носителя и его использования. По всей видимости, в отличие от монет, которые демонстрировали государственную символику (царский портрет был символом государства), якорь был династическим символом, персонализированным для каждого члена династии[344]. Именно этим можно объяснить находки печатей с якорем за пределами государства Селевкидов. Царские гири, которые могли использоваться для

[344] Анализу иконографии этого символа посвящен раздел 3.1.2

личного царского (династического) хозяйства также были связаны не с государством, а с династией.

Таким образом, можно выделить четыре типа контекстов происхождения, предназначения и бытования изображений: царский, династический, полисный и частный. В историографии данная проблема многоплановости и универсальности иконографии рассматривается преимущественно в рамках исследования целевой аудитории, для которой предназначались монетные изображения[345], однако, нам она представляется гораздо более широкой и включает проблему выбора монетного изображения, контекста бытования, а также социальной агентности монеты. Проблема социального контекста изображения определяет не только его функции, но и доступность языка изображения для понимания его различными социальными группами. Как отмечает Ф. де Каллатай, разница в сюжетах между монетами и геммами показывает разрыв между публичным и частным полями: некоторые изображения гемм, изготавливавшиеся по индивидуальному заказу и требовавшие особого подхода, не встречаются на монетах, где представлены более доступные и общие символы[346]. Более того, говоря о целевой аудитории изображения (прежде всего, монетного) стоит различать ее потребителей первого порядка, которыми чаще были воины, и второго – более широкие массы. В своем сравнительном исследовании иконографии монет и печатей Селевкии на Тигре П. Иоссиф показывает, что разные визуальные носители (media) были предназначены для различных аудиторий и определились социальным и бытовым контекстами изображений[347]. Ровно также иконография различных монетных номиналов была ориентирована на разных держателей. В целом, как показывает анализ

[345] См: *de Callataÿ F.* L'iconographie des monnaies grecques: brève historiographie et présentation des principales problématiques // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liege, 2018. P. 45.

[346] *de Callataÿ F.* Greek Coin Types in Context. P. 130.

[347] *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids. P. 35–53. Ср. *Messina V.* Different media to different subjects? Royal propaganda and iconography in Seleucid Babylonia // Proceedings of the Third International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Paris, 2002 / J.C. Margueron, P. de Miroschedji, J.P. Thalmann (eds.). Winona Lake, 2004.

денежного обращения в государстве Селевкидов, основанный на анализе монетных кладов, использование монеты было связано с экономической и административной жизнью полисов. Таким образом, монета была полностью городским феноменом[348].

К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством информации о том, как менялись функции иконографии в зависимости от социального контекста ее использования или целевой аудитории. Все, что у нас есть – это несколько примеров, которые показывают, что такое распределение все же было. В эллинистический период монетные эмиссии часто приурочивались к крупным военным кампаниям – как предстоящим, так и завершенным[349]. Это обстоятельство напрямую влияло на иконографическое содержание, где доминировала военная символика. Иконография военных кампаний демонстрирует отдельные воинские культы (Афины, Ники, Диониса), воинские символы и предметы вооружения (щит, копье), также конструирует образ царя-полководца, изображая его в шлеме или кавсии и с бородой – символом полководческого обета. Во время восточного похода Антиоха III монетные дворы, которые находились на пути следования его армии, отчеканили несколько серий бронзовых монет с изображением слона, всадника, лошади. Также стоит вспомнить и серии серебряных драхм со слоном. Воинская символика присутствует и на монетах, предназначавшихся для выплат гарнизонам. Селевкидский гарнизон Иерусалимской крепости (Акра), согласно археологическим исследованиям, в результате которых было обнаружено большое скопление однотипных монет Антиоха III, получал жалование монетами с изображением македонского щита и слона[350]. Изображение македонского шлема с рогом на монетах Диодота Трифона было, по всей видимости, не только изображением реального артефакта, но и символом культурной идентичности потомков

[348] *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide. P. 412.

[349] Хороший пример этого монетные выпуски Митритада VI. Все выпуски были датированы, что позволяет проследить закономерности в увеличении и снижении объемов монетного производства в зависимости от военной кампании. См. *de Callataÿ F.* Money and its Ideas. P. 46–48.

[350] *Iossif P.* Using Site Finds as Basis for Statistical Analyses. P. 277, 296.

македонских колонистов, которые составляли костяк верной узурпатору Трифону армии.

Среди целевых групп первых держателей монеты или лиц, ответственных за выбор изображения, судя по всему, были и представители местного негреческого населения. Локальные сюжеты на монетах Селевкидов появляются достаточно поздно, в середине II в. до н.э., но довольно прочно занимают место на бронзовых номиналах и мелком серебре, а иногда встречаются и на тетрадрахмах. Такие локальные сюжеты строго ограничены регионом чеканки и являются отражением локальных идентичностей. Изображение алтаря Сандана и самого Сандана на рогатом льве встречается на монетах из Северной Сирии, изображение статуи Афины Магарсии из Киликии, орла из Финикии. Примечательна иконографическая устойчивость данных мотивов. Уже в период Римской империи на провинциальных бронзовых монетах, отчеканенных в этих регионах, также встречаются данные изображения.

Царская иконография выполняла определенные идеологические функции, столь значимые для конструирования образа царя и его власти. Одной из наиболее важных функций изображения в эллинистическом мире была практика коммеморации того или иного исторического события посредствам выпуска специальной коммеморативной эмиссии. Такие выпуски как правило были распространенным явлением при вступлении правителя на престол, в некоторых случаях они осуществлялись после успешной военной кампании. Появление коммеморативных выпусков является отражением процессов культурной и исторической памяти. Как правило иконография монет формировала особый вид исторической памяти, связанный с конструированием династической идентичности (построение родословной, создание мифов о появлении династии и ее божественных прародителях)[351]. Полноценное исследование исторической памяти, передаваемой через монетную иконографию, не входит в задачи данного исследования. Не исключая того, что монеты могли выступать

[351] *Franchi E.* Media and Technology. P. 63–64.

социальными агентами образов исторической памяти, мы все же ограничим наше исследование несколькими примерами[352].

Одними из самых известных коммеморативных выпусков являются серия золотых номиналов Птолемея II, выпущенная в честь своих родителей и с их портретами (рис. 56)[353], серия греко-бактрийского царя Евкратида с портретами его родителей (рис. 57)[354], а также известная серия Агафокла I с условным названием ‘pedigree coinage’, на монетах которой были запечатлены шесть предшественников Агафокла, включая, Александра Великого[355]. Наиболее ранним примером коммеморации в монетном деле Селевкидов стала практика выпуска новым правителем серии монет с портретом своего предшественника, о которой мы говорили в разделе 1.2.2. Такая практика существовала в III в. до н.э., по позднее была нарушена. В середине II в. до н.э. к ней попытался вернуться Александр I, который выпустил серию монет с портретом Антиоха IV, которого он объявлял своим отцом. И все же коммеморация была редким явлением. Появление в монетном деле эллинистических монархий, в том числе Селевкидов, неординарных монетных номиналов, нельзя считать признаком коммеморации, как полагалось ранее[356].

Другой функцией царской иконографии была легитимация власти. Отдельные серии монет выпускались как правило в начале правления нового царя, как и в случае с коммеморативными эмиссиями. Необходимость в легитимации власти возникла в период династического кризиса середины II в. до н.э. и сохранялась до конца существования династии. Чаще всего легитимность нового правителя связывалась с его династической принадлежностью.

---

[352] *Gell A.* Art and Agency. An Anthropological Theory. Oxford, 1998. P. 16–19; *Whitley J.* Agency in Greek Art // A Companion to Greek Art / T. Smith, D. Plantzos (eds.). Malden, 2018. P. 579–595.

[353] CPE 307–319

[354] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes. P. 209.

[355] См.: *Holt F.L.* The So-Called ‘Pedigree Coins’ of the Bactrian Greek // Ancient Coins of Greco-Roman World. The Nickle Numismatic Papers. 1984. P. 69–91; *Kritt B.* New Discoveries in Bactrian Numismatics. Lancaster, 2015. P. 79–89.

[356] Пожалуй, наилучшим образом это показано на примере афинских декадрахм. См.: *Fischer-Bossert W.* The Athenian Decadrachm. New York, 2008.

Функции легитимации выполняли парные портреты, на которых новый царь изображался с представительницами династии (мать, жена), чья связь с правящим домом не подлежала сомнению. Такие портреты встречаются на монетах Деметрия I, Александра I и Антиоха VIII, которые выпускались к моменту интронизации. Важным фактором легитимации был выбор монетного типа. Для демонстрации родственной связи Антиох V, Александр I и Александр II выбрали тип «Зевс Никефор», который чеканился на монетах их династического предка Антиоха IV. В некоторых случаях, легитимация заключалась в использовании династических символов. К примеру, Деметрий II в период первого своего правления на короткое время вернул в царскую монетную иконографию изображение якоря, что демонстрировало его приверженность династическим символам. Селевкидские узурпаторы также использовали для легитимации своей власти иконографию. Отказ от селевкидской иконографии и демонстрация собственных символов власти не всегда находят идеологическое обоснование данных изображений. Исключение, составляет лишь Диодот Трифон, чей шлем, изображенный на монетах, был очевидным символом полководческой власти. Чаще всего необходимый образ царя создавался при помощи царского портрета, что, впрочем, не исключало сопровождения портрета дополнительным изображением на оборотной стороне.

Итак, царская иконография неотделима от контекста бытования ее носителя. Социальная агентность этих носителей, их способность к передаче информации, заложенной в изображение, не была одинаковой, что предопределяло выбор сюжета, если он предназначался для конкретной аудитории, а вместе с тем и идеологизацию изображения. Используя функции коммеморации и легитимации, посредством иконографии конструировался особый образ правителя и его власти, первым и главным «потребителем» которого был, прежде всего, сам монарх и его окружение.

1.3. Иконография в фокусе количественного анализа

Одной из наиболее заметных тенденций в исследованиях по античной нумизматике последних десятилетий является использование количественных методов. Появление такого интереса к новым подходам обязано стремительному накоплению материала, вызванному массовой цифровизацией и диджитализацией нумизматики как науки, что позволило создавать новые исследовательские инструменты – большие базы данных и существенно увеличить выборку материала. В работах, посвященных монетному делу государства Селевкидов, использование количественных методов появилось сравнительно недавно, однако, уже дало первые и весьма любопытные результаты, вызвавшие большой исследовательский интерес[357]. Стоит отметить, что использование количественных методов представляет собой не всегда ординарный опыт для консервативных гуманитарных наук, что становиться поводом для полемики вокруг возможностей подобного рода подходов. В связи с этим важно отметить, что результаты количественных исследований никогда не дадут исчерпывающий ответ на фундаментальные вопросы нумизматики (объемы выпуска, оригинальное количество штемпелей и т.д.)[358], но лишь призваны

[357] Прежде всего, см. работы П. Иоссифа. *Iossif P.* Seleucid Religion Through Coins: Is It Possible to Quantify 'Iconography' and 'Religion'? // Quantifying monetary supplies in Graeco-Roman times / F. de Callataÿ (ed.). Bari, 2011. P. 213–249; *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids: P. 35–53; *Iossif P.* Using Site Finds as Basis for Statistical Analyses of the Seleucid Numismatic Production and Circulation. An Introduction to the Method // Les monnaies de fouille du monde grec (VIe-Ier s. a.C.). Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjean (eds.). Bordeaux, 2016. P. 263–296. См. также *de Callataÿ F.* Recueil quantitatif des émissions monétaires hellénistiques. Wetteren, 1997; *de Callataÿ F.* De quoi les monnaies grecques trouvées en fouilles sont-elles le reflet? P. 239–262. Особое значение для исследования, проведенного в данном параграфе, имеет значение работа Г.А. Федорова-Давыдова. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. М., 1987.

[358] См. работы: *de Callataÿ F.* À propos du volume des émissions monétaires dans l'Antiquité // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillographie. 1984. P. 37–48; *de Callataÿ F.* Calculating Ancient Coin Production: Seeking a Balance // NC. 1995. P. 289–312; *Esty W.W.* How to estimate the original number of dies and the coverage of a sample // NC. 2006. 166. P. 359–364; *Esty W.W.* The Geometric Model for Estimating the Number of Dies // Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times / F. de Callataÿ (ed.) / Bari, 2011. P. 43–58.

подчеркнуть определенную зависимость и тенденцию, которую выражает доступный материал.

Достаточно специфической областью применения количественных методов в античной нумизматике являются исследования в области иконографии. Несмотря на, казалось бы, относительные перспективы использования данных методов в этой области, количественные исследования селевкидской иконографии демонстрируют большие результаты. Удачным примером этого стоит признать работу П. Иоссифа, посвященную анализу иконографии оттисков печатей селевкидского времени из Селевкии на Тигре[359]. Особой заслугой П. Иоссифа является создание баз данных селевкидских монет, обнаруженных в ходе раскопок поселений (Seleucid Excavations Database – SED) и обнаруженных в составе кладов (Seleucid Hoard Database – SHD). Эти базы данных используются в качестве главного ориентира при сравнительном количественном анализе[360].

1.3.1. Количественный анализ монет из драгоценных металлов

Исследование, проведенное в данном разделе, представляет собой опыт сплошного количественного анализа монетной иконографии государства Селевкидов и ставит своей задачей, во-первых, поиск ключевого монетного типа из общей массы монетных типов, во-вторых, демонстрацию возможностей данного инструмента в рамках изучения монетной иконографии. Необходимость проведения количественного исследования в рамках данной задачи обусловлена субъективностью категорий «популярность» или «распространенность» иконографического типа, которыми часто пользуются исследователи. Нет никаких сомнений, что в государстве Селевкидов одни монетные типы были более популярны и распространены, чем другие. Такая популярность могла быть продиктована различными историческими, идеологическими и

[359] *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids. P. 35–53.
[360] *Iossif P.* Using Site Finds. P. 263–296.

культурными факторами, однако, ее наличие не вызывает сомнений. Важным аспектом данной проблемы является историческая динамика этой «популярности», т.е. изменения в использовании конкретного монетного типа в хронологической перспективе. Анализ такой динамики, случаи континуитета и дисконтинуитета в использовании конкретного монетного типа позволяют по-новому интерпретировать некоторые события истории государства Селевкидов, а также дают богатый исследовательский материал для изучения феномена царской эллинистической идеологии.

Методологическая основа исследования нуждается в дополнительном комментарии. В задачи предлагаемой работы не входит определение объемов выпуска или оригинального количества штемпелей конкретной эмиссии. Такое исследование, безо всяких сомнений важное и нужное для эллинистической нумизматики, представляет собой отдельную задачу в рамках более масштабного проекта[361], в то время как данная работа полностью сфокусирована на монетной иконографии. Весь исследуемый материал разбит на три группы, в зависимости от металла и номинала монеты: *золотые монеты*, *тетрадрахмы* и *мелкие серебряные номиналы*. Такое разделение определено различным идеологическим потенциалом изображений, социальной агентностью каждого из номиналов, а также их целевой аудиторией. Монеты, изготовленные из медных сплавов (бронзовые монеты), требуют, ввиду большого иконографического разнообразия и идеологической специфики, отдельного детального изучения и не рассматриваются в рамках данной работы.

В качестве основной единицы подсчета был выбран монетный выпуск. Стоит обратить внимание на одно обстоятельство – подсчеты, построенные на монетных выпусках, не представят исчерпывающей картины «популярности»

[361] Такой проект (Die Study Database) осуществляется франко-бельгийской группой исследователей на базе проекта Silver. https://silver.kbr.be/Seleucid_Dynasty_(312-63_BC). Важно отметить, что любые штемпельные исследования возможны только при формировании базы данных. Опорной базой селевкидских монет на сегодняшний день является Seleucid Coins Online (https://numismatics.org/sco/), которая выполнена в рамках проекта Nomisma.org. по формированию распределенной базы данных эллинистических и римских монет. Важной частью данного проекта является база данных кладовых находок Coin Hoards (http://coinhoards.org).

и «распространенности» того или иного иконографического сюжета[362]. Лучшей счетной единицей в данном случае стала бы сама монета, т.е. изначальное количество всех отчеканенных монет, генеральная совокупность которых дала бы наиболее релевантный результат. Однако количество выпущенных монет нам, разумеется, не известно. Второй по значимости единицей подсчета стоит признать количество штемпелей лицевой стороны, использованных при чеканке. Несмотря на то, что на данный момент нет точного представления о том, какое количество монет можно отчеканить одним штемпелем лицевой стороны и использовались ли эти штемпели одинаково продолжительно, либо срок службы каждого зависел от случайных факторов[363], зная общее количество используемых штемпелей можно сделать определенные выводы об относительных объемах монетных серий и выпусков. Но и этот материал не доступен для современного исследования, либо требует колоссальных усилий для сплошного штемпельного анализа всех эмиссий. Таким образом, наиболее доступной единицей подсчета остается монетный выпуск, т.е. эмиссия монеты конкретного типа и номинала, выпущенная на определенном монетном дворе и имеющая уникальное сочетание дифферентов – монограмм и обозначений монетного двора[364].

---

[362] См. справедливое замечание А. Хутона. *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 52. О дополнительных критериях иконографического анализа см.: *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach. P. 25–46.

[363] *Faucher T., Téreygeol F., Brousseau L., Arles A.* À la recherche des ateliers monétaires grecs: l'apport de l'expérimentation // Revue Numismatique. 2009. P. 43–80.

[364] Мы придерживаемся распределения всего материала на типы, номиналы, серии и выпуски, предложенного А. Хутоном и К. Лорбер в их работе Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Данная схема представляется весьма удачной по организации материала и стала общепринятой в селевкидской нумизматике. См., например, онлайн базы данных селевкидских монет, организованные по этому принципу – Seleucid Coins Online. Стоит обратить внимание на то, что в данном исследовании нет смысла учитывать расчет среднегодового количества выпусков, поскольку задачей работы является не подсчет объемов монетного выпуска, а только проблема частотности и периодичности использования того или иного монетного типа. В этом случае проблема популярности монетного типа и проблема объемов монетных выпусков решаются по-разному. Так же важно учитывать, что в нашем случае среднегодовой показатель является ненадежным инструментом. Во-первых, использование среднегодового показателя изначально подразумевает равномерное и ежегодное производство монеты, что совершенно не характерно для античности. Во-вторых, среднегодовой показатель не учитывает важный субъективный фактор – правление большинства царей династии Селевкидов прерывалось внезапно и трагически, поэтому нет никаких

Основой количественного анализа материала стала созданная нами база данных монетных типов, включающая три группы номиналов – золотые монеты, тетрадрахмы и мелкие серебряные номиналы. Монетные типы в базе были распределены хронологически (по правителям), что позволило проследить определенные тенденции в их использовании. Более того, распределение по номиналам позволило определить корреляцию между монетами разных номиналов с одним и тем же монетным типом. Итак, рассмотрим все три обозначенные группы монет в контексте проблемы «распространенности» и «популярности» монетных типов.

Золотые номиналы

Анализ иконографии золотых монет показывает, что чеканка золота на протяжении всей истории династии (исключая правление Селевка I) была эпизодической и неравномерной. Идеологизация таких выпусков была достаточно высокой.

оснований полагать, что если бы правление, скажем, Селевка III продлилось дольше, чем два с половиной года, то высокие темпы чеканки, характерные для его правления, сохранились бы и дальше.

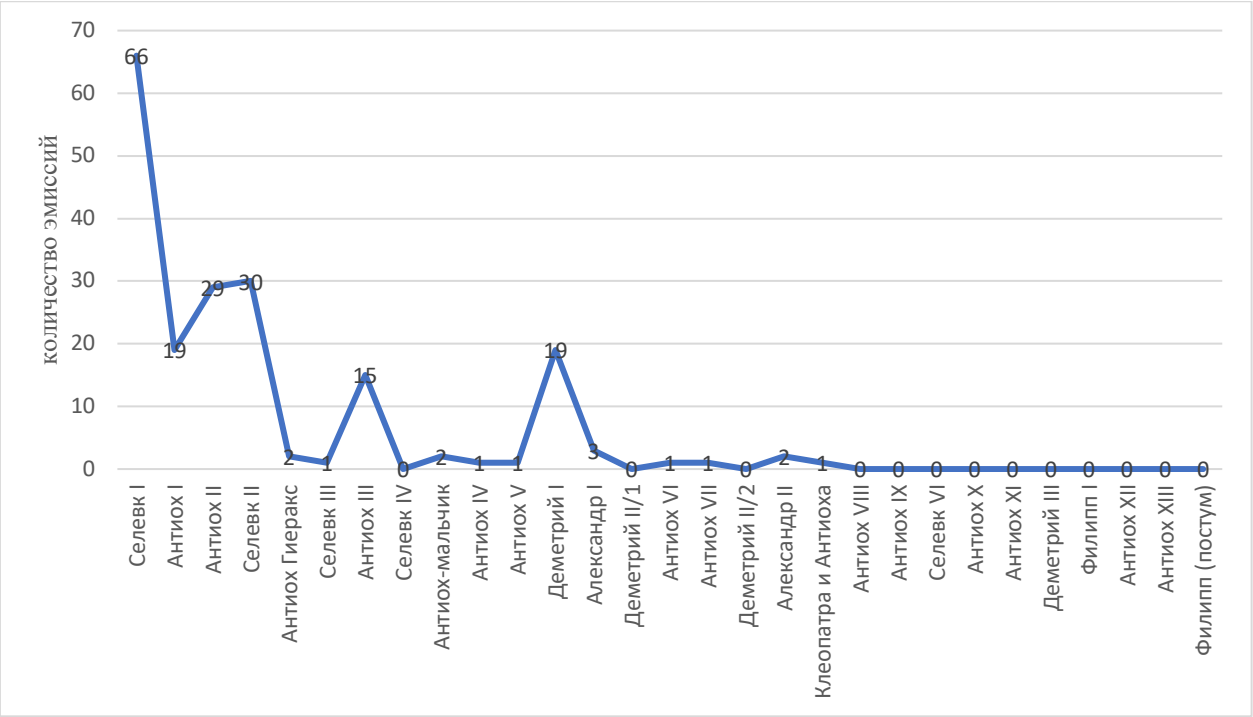

График 1.1. Распределение эмиссий золотых монет

Первые золотые монеты Селевкидов продолжали копировать тип, инициированный Александром – «Афина/Ника» (рис. 3). К этому типу относятся 95% всех выпусков золотой монеты Селевка I, оставшиеся 5% выпусков золотых монет относятся к локальному иконографическому типу – «бига слонов» (рис. 58), который характерен для восточных монетных дворов Суз и Ай-Ханума. Такая популярность типа «Афина/Ника» была продиктована высоким доверием к монетам Александра, что интегрировало новые выпуски в обращение золота Александра и позволяло селевкидским статерам этого типа проникать даже в такие отдаленные районы, как Фракия, Закавказье и Северное Причерноморье. В правление Антиоха I чеканятся уже три типа золотых статеров. К типу «Афина/Ника» относится только 21% всех эмиссий, а наиболее популярным иконографическим типом золотых монет становится «Аполлон на омфале» – 47% (рис. 59), который был введен в качестве главного монетного типа и для тетрадрахм. Третий тип – «голова рогатой лошади» (рис. 38) – представляет собой локальный иконографический сюжет, распространенный только на территории Средней Азии, однако, на его долю приходится 32% всех выпусков золотой монеты Антиоха I. Похожая ситуация наблюдается и при Антиохе

II, впрочем, число типов золотых монет здесь доходит до пяти. Тип «Афина/Ника» используется для 31% выпусков, «Аполлон на омфале» для 45% (рис. 60).

При Селевке II происходят кардинальные изменения – появляется новый монетный тип «стоящий Аполлон», который полностью вытесняет традиционные монетные типы; к нему относится 93% выпусков золотой монеты Селевка II (рис. 61). В то же время такой тип, как «Аполлон на омфале» не используется вовсе, а количество монетных эмиссий типа «Афина/Ника» сокращается до 3%. При Антиохе III тип «Аполлон на омфале» был восстановлен. Несмотря на ограниченное количество эмиссий, этот монетный тип используется для 73% выпусков, а два других типа – «слон» (рис. 62) и «Афина/Ника» занимают примерно по 13%. При Деметрии I, последнем правителе, чье правление отмечено последовательными выпусками золотой монеты, наблюдается большое иконографическое разнообразие типов золотых монет. Наиболее распространенным монетным типом становится принципиально новый – «Тюхе/рог изобилия» (рис. 63) (42% эмиссий). Так же значительна доля выпусков с типом «Аполлон на омфале» – 21%. Оставшиеся четыре монетных типа представляют собой нерегулярные выпуски.

Среди всех типов золотых монет государства Селевкидов лишь три имеют продолжительную историю использования. Первый тип – «Афина/Ника» использовался для чеканки золотой монеты первыми семью правителями государства Селевкидов: от Селевка I до Антиоха III. Как уже было отмечено, этот монетный тип, идентичный типу золотых статеров Александра, чеканился ранними Селевкидами, как и многими диадохами, для интеграции собственной монеты в обращение монет Александра. Нет сомнений, что со временем необходимость в этом спадала, что отразилось на количестве монетных выпусков данного типа, однако, факт того, что Селевкиды на протяжении всего III в. до н.э. продолжали чеканить монеты этого типа говорит о том, что обращение монет типа Александра все еще было весьма значительным. Популярность этого монетного типа не была постоянной. Как показано

на графике № 2.1, наибольшее распространение этот сюжет получил при Селевке I – 95%. При Селевке III и Антиохе Гиераксе тип «Афина/Ника» занимает 100% всех выпусков, хотя стоит обратить внимание на то, что эмиссии золотой монеты этих правителей единичны. Последний раз тип «Афина/Ника» встречается на монетах Антиоха III, после чего исчезает.

Второй монетный тип – «Аполлон на омфале» использовался для золотых монет шести правителей, но нерегулярно с продолжительными перерывами (график № 3.1). Данный монетный тип впервые появляется на золотых и серебряных монетах Антиоха I. При Антиохе I и Антиохе II монеты типа «Аполлон на омфале» занимают чуть меньше половины всех выпусков золотой монеты. При Селевке II этот монетный тип был замещен новым типом «стоящий Аполлон». При Антиохе III тип «Аполлон на омфале» был восстановлен и занял 73% выпусков. В дальнейшем он использовался эпизодически, очевидно, для легитимации власти правителя. Так, обе эмиссии золотой монеты Антиоха, сына Селевка IV, были отмечены этим типом. Подобным образом поступил и Александр Бала, выпустивший одну эмиссию золотых статеров данного типа. Исключением стоит признать серию статеров Деметрия I с типом «Аполлон на омфале», выпущенных, по всей вероятности, не столько в идеологических, сколько в экономических интересах.

Третий монетный тип золотых монет, регулярно использовавшийся Селевкидами – «Зевс Никефор» (график № 4.1). Несмотря на то, что он встречается на тетрадрахмах Селевка I и Антиоха I, тем не менее, он не использовался для чеканки золотой монеты до Антиоха IV. Тип «Зевс Никефор» появляется на золотых монетах только четырех правителей: Антиоха IV, Антиоха V, Александра I и Александра II. Появление Зевса Никефора на монетах Антиоха IV объясняется новым иконографическим поворотом, отражавшим трансформацию царской идеологии у Селевкидов в середине II в. до н.э. Для Антиоха V, Александра I и Александра II, ощущавших свое непрочное положение на престоле, чеканка типа «Зевс Никефор» была возможностью легитимировать свою власть, возводя ее к Антиоху IV.

График № 2.1

График № 3.1

График № 4.1

Остальные, менее устойчивые типы золотых монет, представляли собой либо варианты локальной иконографии, либо иконографические сюжеты, отражающие конкретное политическое событие – союз с Египтом (портрет Клеопатры на монетах Александра Балы (рис. 64), военная победа в восточном походе (колесница на золотых статерах Антиоха VII (рис. 65). Эпизоды преемственности и разрыва с существующей иконографической традицией демонстрируют трансформацию идеологической модели, причиной которой могут быть как конкретные исторические события (военный поход, борьба за власть), так и более масштабные процессы (династический раскол). Количественный анализ выпусков золотой монеты демонстрирует смену официальной иконографии при Антиохе I, Селевке II и Антиохе IV, что, впрочем, хорошо и более наглядно показывает анализ изображений тетрадрахм.

Тетрадрахмы

В отличие от золотых монет, которые выпускались редко и предназначались для политической элиты и царского окружения, выпуски тетрадрахм представляли собой более регулярную и масштабную чеканку, которая была ориентирована на более широкие социальные группы, в первую очередь,

войско и чиновников царской администрации. Крупные номиналы серебряных монет выполняли роль жалования воинам и администрации, пожертвований в храмы, участвовали в межрегиональной торговле, достаточно быстро покидая место своей чеканки и достигая отдаленных областей эллинистического мира, что также предопределяло особую идеологическую агентность иконографии этих монет.

При Селевке I выпускались тетрадрахмы восьми типов, но большая часть эмиссий относится к трем – «Зевс Аэтофор» (51%), «слоновая колесница» (25%) и «Зевс Никефор» (13%). Использование монетного типа Александра «Зевс Аэтофор» (рис. 2), а также типа «Зевс Никефор», который являлся его иконографической модификацией, было определено экономическими причинами, также как и использование типа «Афина/Ника» в золотой чеканке. По той же причине была продолжена чеканка и «львиных статеров» – монет с изображением льва и Баала на троне, отчеканенных по локальному весовому стандарту[365] (рис. 66). Выпуски «львиных статеров» занимают не боле 6% от общего числа эмиссий и предназначались для локального обращения в восточных сатрапиях государства Селевкидов.

В правление Антиоха I происходят значительные иконографические изменения, связанные с появлением нового монетного типа «Аполлон на омфале» (рис. 43). Его появление ознаменовало иконографический и, по всей вероятности, идеологический поворот в государстве Селевкидов. Впоследствии этот тип станет наиболее тиражируемым типом ранних Селевкидов. Этот монетный тип уже при Антиохе I стал наиболее распространенным и занял 48% выпусков, при том, продолжался выпуск монет типа «Зевс Аэтофор» (36%) и типа «Зевс Никефор» (2%). Остальные монетные типы относятся к локальной иконографии и обращались в регионах их чеканки.

[365] *Голенко В.К.* Монетно-весовой дуализм Селевка I. С. 100–117; *Nicolet-Pierre H.* Argent et or frappés en Babylonie. P. 285–305; *Iossif P., Lorber C.* Marduk and the Lion. P. 345–363.

Похожую тенденцию можно наблюдать и в монетном деле Антиоха II. Тип «Аполлон на омфале» занимает 69% выпусков тетрадрахм, а доля монет с типом «Зевс Аэтофор» сокращается до 9%. Доля выпусков тетрадрахм локальных типов также значительна – «Геракл сидя» – 12% (рис. 67), «Зевс с молнией» – 10% (рис. 68). Ситуация меняется в правление Селевка II с появлением нового типа «стоящий Аполлон» (рис. 47), что полностью повторяет ситуацию с чеканкой золотых монет и отражает общую тенденцию в селевкидскиой иконографии. Так, новый монетный тип «стоящий Аполлон» занимает 95% всех выпусков тетрадрахм Селевка II, в то время как остальные 7% распределяются между двумя типами «Аполлон на омфале» – 4% и «Зевс Аэтофор» – 3%. При Селевке III ситуация несколько нивелируется – типы «Аполон на омфале» и «стоящий Аполлон» сосуществуют, правда доля первого составляет 64%, а доля второго только 12%. Заметно увеличивается доля типа «Зевс Аэтофор» – 17%. Однако, уже при Антиохе III ситуация опять меняется и доминирующим монетным типом опять становится «Аполлон на омфале» – 96%. Такое доминирование одного монетного типа при Антиохе III является свидетельством необходимости сохранения нарицательной стоимости монеты в условиях проведения масштабных военных кампаний.

Серьезные изменения в иконографии происходят при Антиохе IV, который увеличивает долю монет типа «Зевс Никефор» – 37% (рис. 69), хотя наиболее распространенным типом все же остается «Аполлон на омфале». Новые изменения происходят в правление Деметрия I, который заменяет тип «Зевс Никефор» на принципиально новый для Селевкидов тип «Тюхе на троне» (рис. 70). Доля выпусков этого монетного типа при Деметрии I составляет 74%. Династический раскол и борьба между двумя линиями – наследниками Антиоха IV и наследниками Деметрия I хорошо иллюстрируется иконографией тетрадрахм. Так, наследники Антиоха IV предпочитали чеканить монету с типом «Зевс Никефор», наследники Деметрия I с типом «Тюхе на троне». Ситуация меняется в период царствования Деметрия II, который использует оба варианта иконографии. Заметной тенденцией иконографии

тетрадрахм поздних Селевкидов становится распространение типов «Зевс Никефор», который становится доминирующим типом для Антиоха X, Антиоха XI, Антиоха XIII и Филиппа I, а также типа «Афина Никефора» (рис. 71), который занимает существенную долю в эмиссиях тетрадрахм Антиоха VII, Антиоха IX и Селевка VI. Другой важной тенденцией монетной иконографии поздних Селевкидов является появление и распространение большого количества локальных монетных типов. Типы «орел» (рис. 72), «Афина Магарсия» (рис. 73) и «алтарь Сандана» (рис. 74), несмотря на локальный характер иконографии и привязку к конкретному региону чеканки, занимают до 35% от общего числа выпусков при поздних Селевкидах.

Несмотря на обилие монетных типов селевкидских тетрадрахм (всего 35 типов), только семь из них имеют продолжительную историю чеканки: «Зевс Никефор», «Аполлон на омфале», «Зевс Аэтофор», «Афина Никефора», «Афина Магарсия», «орел», «алтарь Сандана». Однако, последние три стоит считать локальными типами, имевшими региональное хождение и идеологическое значение. В то же время первые четыре типа имели общегосударственное значение, чеканились на нескольких монетных дворах и выступали ключевым элементом династического самоопределения.

Самую длительную историю использования демонстрирует тип «Зевс Никефор». Впервые он появляется на монетах основателя династии Селевка I вместе с типом «Зевс Аэтофор», обозначая стилистическую и, как кажется, идеологическую близость типу Александра. Несмотря на немногочисленность выпусков, тип «Зевс Никефор» все же занимает третье место среди монетных типов, использованных Селевком I. Антиох I, однако, значительно сокращает количество выпусков данного типа до трех (2,8%), а, при Антиохе II, этот монетный тип исчезает вовсе.

При Антиохе IV данный тип был возрожден в модифицированном виде – вместо головы Александра в образе юного Геракла на лицевой стороне, теперь здесь появляется портрет селевкидского правителя. Появление типа «Зевс Никефор» было наглядным отражением официальной царской

идеологии, в русле которой Антиох IV представал в качестве победителя и носил эпитет «Никефор», появившийся на его монетах после египетской кампании. Эта связь между образом царя Антиоха IV и монетным типом «Зевс Никефор» прочно закрепилась в царской идеологии Селевкидов. Как и в случае с чеканкой золотой монеты, наследники престола по линии Антиоха IV – Антиох V и Александр I сохранили приверженность данному типу, подчеркивая преемственность Антиоху IV. Остается вопросом почему этот монетный тип не использовался для выпусков тетрадрахм Антиоха VI? Ответ может заключаться в идеологической несамостоятельности малолетнего царя Антиоха, который находился под влиянием полководца и узурпатора Диодота Трифона. Так, 80% всех выпусков тетрадрахм Антиоха VI занимает тип «всадники Диоскуры» (рис. 48) – точно такой же, какой будет помещаться на тетрадрахмах самого Трифона, после его прихода к власти.

Напротив, политические противники представителей династической линии Антиоха IV, наследники царя Деметрия I, предпочитали выбирать иные иконографические сюжеты. Исключение составляет только второе царствование Деметрия II, который использовал тип «Зевс Никефор» для своих тетрадрахм и мелких серебряных номиналов. Однако нет оснований полагать, что царь Деметрий II подчеркивал свою преемственность именно Антиоху IV, а не первым Селевкидам, которые также использовали этот монетный тип. Во всяком случае младший сын Деметрия I Антиох VII не использовал тип «Зевс Никефор» вовсе, а старший сын Деметрия I Деметрий II чеканил монеты с изображением Зевса Никефора только во время своего второго правления. Их наследники: сын Антиоха VII Антиох IX, сын Деметрия II Антиох VIII и его внуки Селевк VI и Деметрий III использовали этот тип лишь эпизодически, отдавая предпочтение другим монетным типам, подчас не связанным с идеологией династии. Тем не менее к I в. до н э. тип «Зевс Никефор» становится основным типом селевкидских тетрадрахм. Его популярность и распространенность оказались настолько велики, что римская администрация провинции Сирия уже после исчезновения государства Селевкидов адоптировала его для

выпуска посмертных монет царя Филиппа I, а некоторые сирийские полисы заимствовали его для выпуска собственной бронзовой монеты.

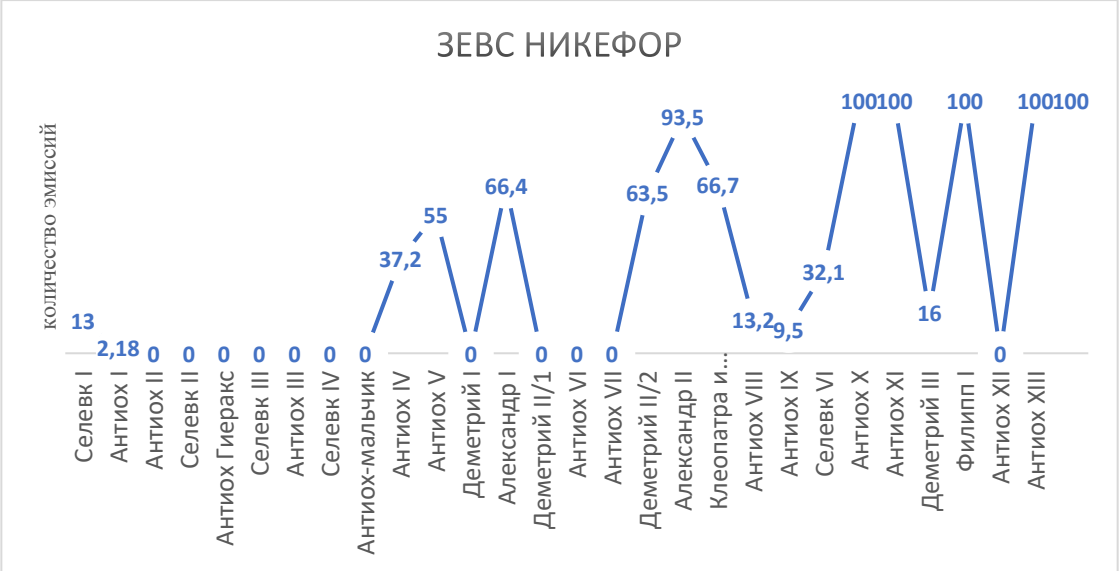

График № 5.1

Одним из наиболее узнаваемых селевкидских монетных типов является «Аполлон на омфале». В отличие от большинства других монетных типов он напрямую ассоциируется с династией Селевкидов, хотя и не являлся иконографическим новаторством. Появление типа «Аполлон на омфале» относится к правлению царя Антиоха I. Тип «Аполлон на омфале» получил широкое распространение при наследнике Антиоха I Антиохе II, который, судя по иконографии его монет, продолжил идеологическую линию своего отца.

С приходом к власти Селевка II монетный тип «Аполлон на омфале» практически исчезает и занимает лишь 4% от общего количества выпусков. Примечательно, что этот монетный тип вытесняется новым типом – «стоящий Аполлон», который тиражируется на монетах разных номиналов. Такая резкая смена монетного типа была вызвана какими-то изменениями в царской идеологии Селевка II, связанными, как кажется, с разрывом или модификацией идеологической модели его предшественников. Обстоятельства прихода к власти Селевка II, сопровождавшиеся заговором, организованным его матерью царицей Лаодикой против отца – царя Антиоха II, в результате которого последний погиб, а также начавшаяся война с Египтом после убийства второй

жены Антиоха II Береники, сестры египетского правителя Птолемея III, позволяют предположить, что молодой правитель государства Селевкидов Селевк II, будучи под сильным влиянием своей матери, действительно находился в поиске новой идеологии и нового визуального выражения своей власти. Новый символ должен был семиотически соответствовать общей династической логике, однако отличаться от предыдущего типа «Аполлон на омфале». Н тетрадрахмах соперника Селевка II по династической борьбе – Антиоха Гиеракса, монетный тип «Аполлон на омфале» занимает 98% выпусков. Очевидно, разделение монетных типов между двумя противниками – Селевк чеканил тип «стоящий Аполлон», а Антиох «Аполлон на омфале».

При Селевке III чеканятся оба этих типа, хотя вариант с Аполлоном на омфале более распространен – 64%. Примечательно также увеличение количества выпусков тетрадрахм типа «Зевс Аэтофор» – 16%, что заметно больше, чем у предыдущих трех правителей. Уникальным случаем комбинирования двух типов с Аполлоном является появление нового монетного типа «Аполлон, сидящий на омфале и треножник» (рис. 75). Этот иконографический композит объединяет центральный элемент типа «Аполлон на омфале» – фигуру сидящего на омфале Аполлона, держащего в правой руке стрелу, а левой опирающегося на лук с изображением треножника, который в свою очередь является доминантным атрибутом Аполлона типа «стоящий Аполлон».

В конце III – начале II веков до н.э. при Антиохе III и Селевке IV тип «Аполлон на омфале» вновь становится главным типом селевкидских тетрадрахм. Как уже было отмечено, ситуация несколько меняется с ростом популярности типа «Зевс Никефор» при Антиохе IV. При поздних Селевкидах количество выпусков этого монетного типа постепенно сокращается, демонстрируя утрату его идеологического значения: при Антиохе V – 36%, при Деметрии I – 21%, при Александре I – 7,5%, в первое царствование Деметрия II – 49%. Рост популярности типа «Аполлон на омфале» в период первого царствования Деметрия II объясняется поисками новой идеологической модели и обращением к иконографии ранних Селевкидов. Собственно говоря, этот период

селевкидской истории стал последним эпизодом чеканки этого монетного типа. Исчезновение типа «Аполлон на омфале» было вызвано окончательной утратой им идеологического символизма. Вместо «Аполлона на омфале» доминирующим типом становится «Зевс Никефор», параллельно с этим большое значение приобретают локальные типы, занимающие все больше пространства в селевкидской иконографии.

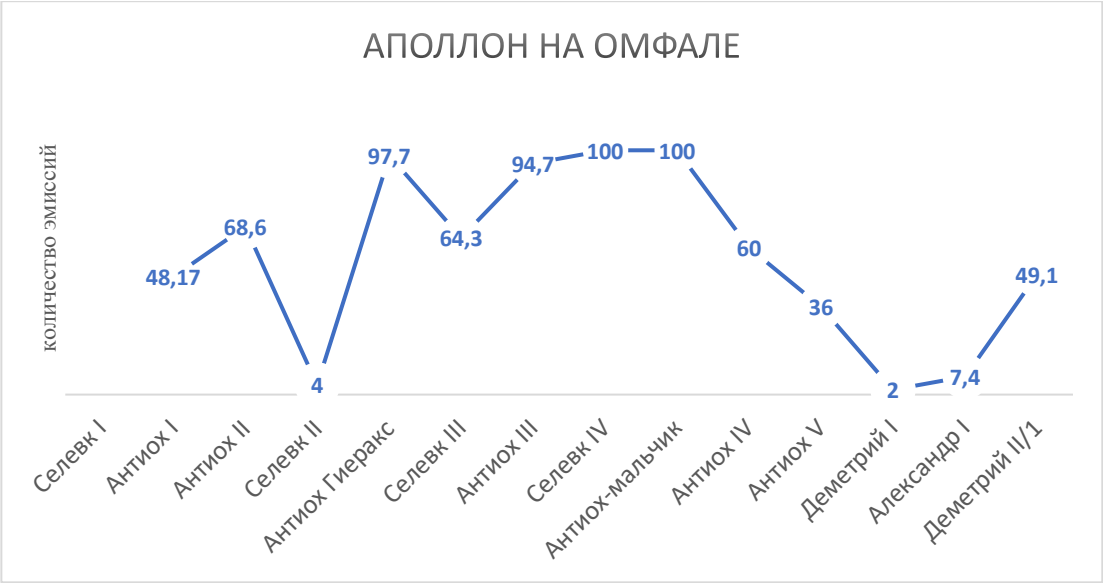

График № 6.1

Другим заметным селевкидским типом тетрадрахм являлся «Зевс Аэтофор». Тетрадрахмы этого типа чеканились семью царями династии Селевкидов. Судьба этого монетного типа отчасти повторяет судьбу типа золотых статеров «Афина/Ника». Главной причиной его появления была необходимость интеграции первых селевкидских монет в широкое денежное обращение бывшей империи Александра и формирующихся эллинистических государств. Начиная с Селевка I, когда выпуски тетрадрахм с типом «Зевс Аэтофор» занимали более 51% от общего числа, популярность его постепенно пропадала. Исключение составляет лишь правление Селевка III, которое представляло собой иконографический компромисс. Последний выпуск тетрадрахм с типом «Зевс Аэтофор» относится к правлению Антиоха III.

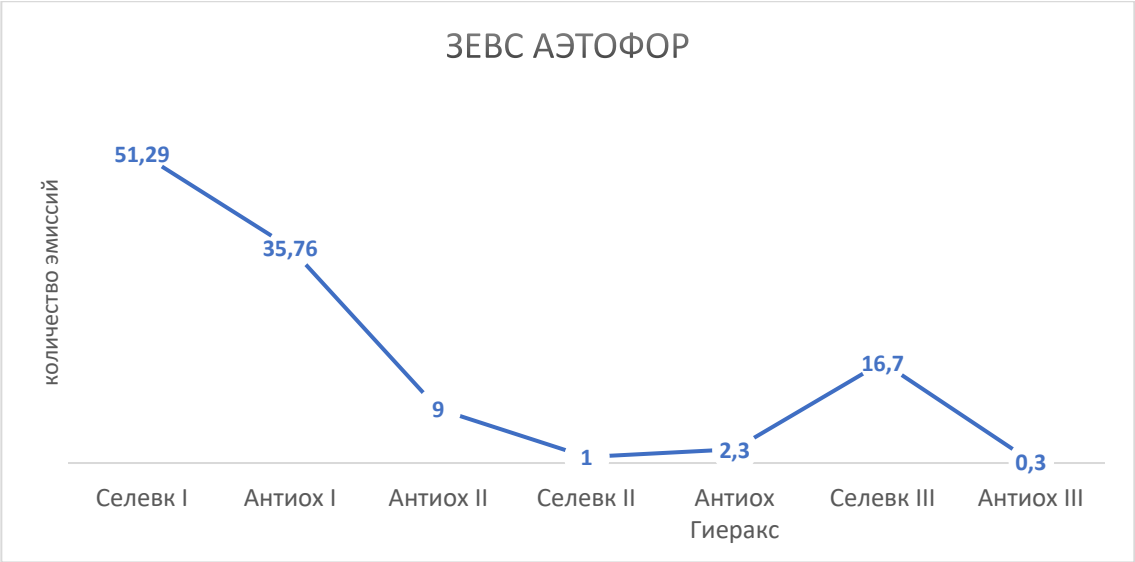

График № 7.1

Последним типом селевкидских тетрадрахм, имеющим относительно продолжительную историю чеканки, является тип «Афина Никефора». Впервые он появляется на тетрадрахмах Александра I и Деметрия II, впрочем, занимая лишь 2,4 % и 5,7% соответственно от общей доли выпусков тетрадрахм. Настоящий всплеск популярности типа «Афина Никефора» приходится на правление Антиоха VII. Такое неожиданное тиражирование данного типа представляется отражением новых тенденций в идеологии этого правителя. Далее, после небольшого перерыва, данный тип появляется на монетах Антиоха VIII (11,5%), Антиох IX (65%) и Селевка VI (64%). Важно заметить, что все перечисленные правители представляют собой одну из династических групп, боровшихся за престол в конце II – начале I до н.э. Чеканка тетрадрахм типа «Афина Никефора» в противовес монетному типу политического противника «Зевс Никефор» является ярким примером использования монетной иконографии в идеологических целях. Исчезновение того монетного типа связано с поражением наследников Антиоха VII, однако, многочисленные каппадокийские подражания монетам Антиоха VII с Афиной Никефорой, а также заимствования типа «Афина Никефора» для собственных монет сделали этот монетный тип одним из наиболее распространенных в Малой Азии I века до н.э.

График № 8.1

Количественный анализ выпусков тетрадрахм позволяет выявить не только наиболее популярные монетные типы, но и проследить последовательность их использования в монетной чеканке. Стоит подчеркнуть важность монетных типов тетрадрахм как источника по исследованию царской идеологии, поскольку объемы выпусков монет этого номинала были наиболее многочисленными и более распространенными по сравнению со всеми остальными.

Мелкие серебряные номиналы

Отмеченные тенденции в монетной иконографии прослеживаются и на примере серебряных монет мелких номиналов. В данном случае в эту группу были включены все младшие серебряные номиналы: драхмы, гемидрахмы, оболы и гемиоболы. Основанием для этого являются особенности обращения мелкой серебряной монеты, предполагающие ее повседневное использование и локальное хождение. В отличие от тетрадрахм данные монеты не выпускались в больших количествах и предназначались для иного круга держателей.

Ключевым монетным типом мелких серебряных номиналов монет Селевка I является тип «Зевс Аэтофор» – тот же тип, что и в больших количествах

тиражировался на тетрадрахмах этого правителя. Доля выпусков этого типа велика (57%), что указывает на большое экономическое значение монет данного типа. Вторым по популярности монетным типом была «слоновая колесница» (24%), что коррелирует с той долей выпусков, которую этот тип занимает на тетрадрахмах. Весьма примечательно, что 10% от общего числа выпусков занимает тип «Ника и трофей», что не соответствует доле, занимаемой этим типом на тетрадрахмах (4%). Напротив, весьма распространенный тип тетрадрахм «Зевс Никефор» (13%), крайне редко появляется на мелких серебряных монетах (2%).

При Антиохе I большую часть всех выпусков мелких серебряных номиналов занимают два типа – «Аполлон на омфале» (33%) и «голова рогатой лошади» (60%). Если появление типа с Аполлоном не вызывает удивления, поскольку он известен и на тетрадрахмах, и на золотых монетах, то появление типа с рогатой лошадью представляет особый интерес. Безусловно, тип «голова рогатой лошади» является продуктом локальной иконографии и чеканился в основном на монетных дворах Средней Азии. Однако, использование символики данного изображения выходит далеко за пределы региона, что позволяет говорить о его адаптации в качестве государственного символа при ранних Селевкидах. Большое количество выпусков мелкого серебра на монетных дворах Средней Азии сохранилось и при Антиохе II, что сказалось и на распределении монетных типов. Тип «Зевс с молнией», чеканившийся в Средней Азии, занимает 33% от общего числа эмиссий, а тип «Аполлон на омфале» – 66%. Как хорошо видно на материале золотых монет и тетрадрахм, при Селевке II появляется новый монетный тип – «стоящий Аполлон». Этот же тип превалирует и на мелком серебре, однако, в двух версиях: канонической – «голова Селевка/стоящий Аполлон» (52%) и несколько видоизмененной, не встречающейся на тетрадрахмах, но известной на золотых монетах – «Афина/Аполлон» (39%).

Начиная с правления Антиоха Гиеракса, редкие эмиссии мелких серебряных номиналов в основном соответствовали типу «Аполлон на омфале».

Исключения представляют собой лишь монеты мелких серебряных номиналов Антиоха III, где типу «Аполлон на омфале» соответствует 77% всех выпусков, а 20% относятся к типу «слон». Весьма примечательным является появление на мелком серебре Антиоха V типа «Зевс Никефор» (28%), который встречался до того только на монетах Селевка I и в очень незначительных количествах – 2%. Можно ли трактовать данный эпизод как идеологический маневр царя Антиоха, не совсем ясно. Судя по иконографии монет других номиналов, царская идеология совсем юного царя Антиоха выглядит незамысловатой.

При Деметрии I иконография мелких серебряных номиналов приобретает типологическое разнообразие. Основными типами этого правителя являются «Тюхе» (12%), «рог изобилия» (рис. 76) (30%) и «Аполлон на омфале» (54 %), что лишь отчасти повторяет ситуацию с выбором типов для тетрадрахм, где тип «Аполлон на омфале» занимает только 2%, а «Тюхе» 74%. Особый интерес вызывает появление на мелких серебряных монетах типа «стоящий Аполлон», который последовательно чеканят Деметрий I, Александр I, Деметрий II и Антиох VI. В случае с обозначенными правителями тип «стоящий Аполлон» используется только для мелкого серебра. Интерпретировать возрождение данного типа как изменения идеологического курса, как кажется, избыточно, поскольку символика данного типа к середине II века до н.э., т.е. через сто лет после его первого появления, была уже если не утрачена целиком, то существенно трансформирована и исключала идеологическое прочтение данного типа, заложенное Селевком II.

Особенностью иконографии мелких серебряных монет поздних Селевкидов является постепенное увеличение количества выпусков с локальными монетными типами. Подобную тенденцию мы отмечали и для выпусков тетрадрахм. Три наиболее популярных типа – это «орел» (финикийское влияние), «Афина Магарсия» и «алтарь Сандана» (килликикйское влияние). Двумя другими также достаточно популярными типами у поздних Селевкидов являлись «Ника» и «Тюхе». Тип с Тюхе появился немного ранее при Деметрии I, дублируя иконографию его тетрадрахм, и последовательно чеканился всеми его

наследниками: Деметрием II, Антиохом VII, Антиохом VIII и Антиохом IX. Как вариант этого типа ими же использовался тип «рог изобилия» – атрибут Тюхе. Другой тип «Ника» (рис. 77) появился при Антиохе VII как отражение его военных побед и чеканился вплоть до Деметрия III.

Итак, стоит признать, что иконография мелких серебряных монет не демонстрирует какой-либо устойчивости монетного типа. Более того, именно типы мелкого серебра менялись чаще, чем типы золотых монет и тетрадрахм. Тем не менее мы все же можем выделить несколько случаев более или менее устойчивой практики использования одного и того же монетного типа. Так, наиболее устойчивым стоит считать тип «Аполлон на омфале».

Данный монетный тип использовался дольше всех остальных типов мелких серебряных номиналов, к тому же тип «Аполлон на омфале» на мелком серебре чеканился даже дольше, чем на тетрадрахмах. Как указано на графике № 9, популярность этого типа была далеко неравномерной, однако, стоит признать, что в отличие от тетрадрахм присутствие данного типа на мелком серебре демонстрирует определенную устойчивость. Как и в случае с тетрадрахмами, тип «Аполлон на омфале» мелких серебряных монет появляется при Антиохе I, не имея, впрочем, лидирующее положение. Большую популярность этот тип получает при Антиохе II и уже занимает более 60% всех выпусков мелкого серебра. При Селевке II этот тип практически пропадает, что наблюдается на всем остальном материале, а при Антиохе Гиераксе, напротив, занимает ключевое положение. В целом, никаких противоречий между использованием этого типа на тетрадрахмах и мелком серебре у ранних Селевкидов нет. Ситуация несколько меняется при Селевке III, когда тип «Аполлон на омфале» на мелком серебре занимает все 100% выпусков, в то время как на тетрадрахмах он присутствует только на 64% выпусков. Подобное повторяется уже при Антиохе IV – «Аполлон на омфале» занимает 95% выпусков мелкого серебра и только 60% тетрадрахм.

Исчезновение данного типа происходит мгновенно, можно сказать на подъеме его популярности – при Антиохе VI «Аполлон на омфале» занимает

71% всех выпусков мелкого серебра. Однако, уже Антиох VII резко прекращает чеканку каких бы то ни было монет данного типа. В контексте данного наблюдения стоит обратить внимание на, казалось бы, не столь важную деталь – вместе с типом «Аполлон на омфале» исчезает и другой тип - «стоящий Аполлон». После смерти Селевка II, данный тип практически сразу исчезает, но в середине II века до н.э. неожиданно появляется вновь, но только на мелком серебре и только в виде очень лимитированных выпусков – его чеканят Деметрий I, Александр Бала, Деметрий II и Антиох VI. Дать определенный ответ на вопрос о причинах появления/возрождения этого типа не представляется возможным, однако едва ли его стоит считать осознанным идеологическим шагом. Тем не менее тип «стоящий Аполлон» исчезает ровно тогда же, когда и тип «Аполлон на омфале» и более никогда не появляется на селевкидском серебре. Исчезновение типа «Аполлон на омфале», как и в случае с тетрадрахмами, проходило параллельно с формированием целого набора новых монетных типов, которых можно отнести к локальной иконографии. Это – «орел», «Афина Магарсия» и «алтарь Сандна». Все эти три типа имеют устойчивую историю чеканки при поздних Селевкидах.

График № 9.1

На графике № 10.1 представлена корреляция между типами тетрадрахм и мелких серебряных номиналов. Данное распределение показывает высокий коэффициент корреляции при ранних Селевкидах и низкий при поздних. Объяснением этого, как было показано в разделе 1.1.1., можно считать сближение платежной способности мелких серебряных номиналов с бронзовыми во II в. до н.э., что привело к девальвации изначальной функции монетной иконографии и, как следствие, вариативности монетного изображения мелких номиналов серебра. Примечательным является показатель высокой корреляции при Деметрии II, при чем в период обоих его правлений, что подчеркивает внимание эмитента к выбору монетного изображения.

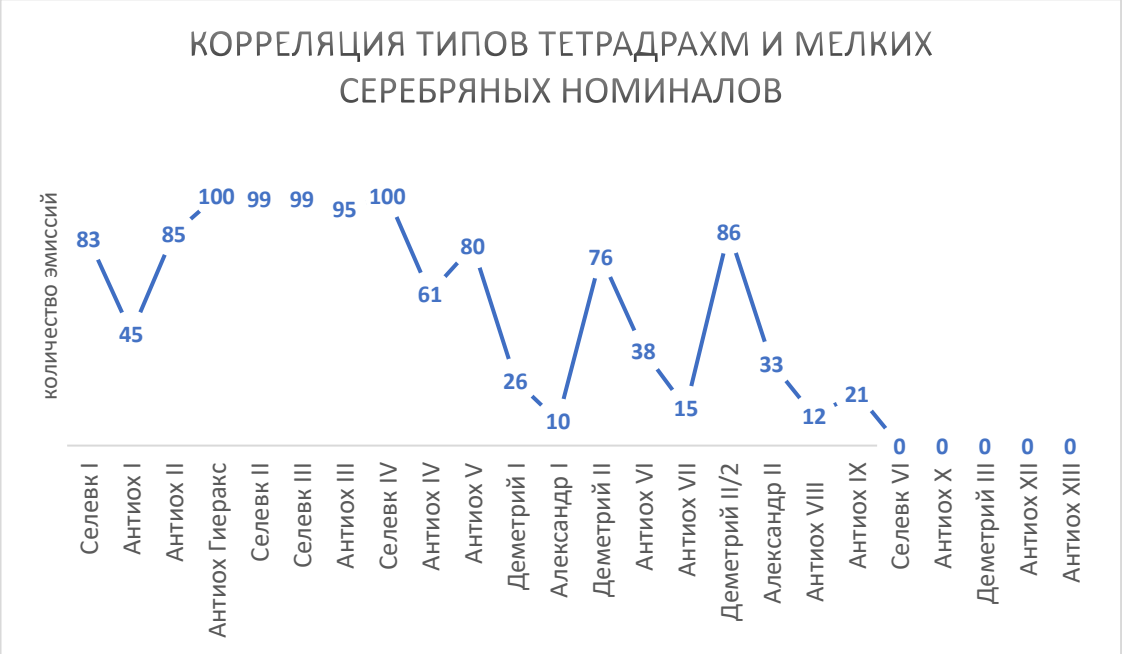

График № 10.1

1.3.2. Проблема выборки: об одной гипотезе П. Иоссифа

Одной из главных проблем для проведения количественного исследования является проблема выборки, от репрезентативности которой зависят результаты исследования. Данная проблема применительно к таким

неординарным областям статистического исследования, как археология или нумизматика, где знания о генеральной совокупности никогда не будут исчерпывающими, не имеет однозначного решения. В данном разделе предлагается обратиться к проблеме выборки материала в контексте его происхождения, что позволяет уточнить наши представления о значимости количественного и качественного критериев выборки.

В одной из своих недавних работ, посвященной проблемам количественного анализа в изучении денежного обращения государства Селевкидов, П. Иоссиф высказал весьма любопытную идею о прямой зависимости между общим количеством известных на сегодняшний день экземпляров бронзовых селевкидских монет и общим объемом их выпуска в древности[366]. Для проверки этой гипотезы им была собрана крупная база данных, включающая все известные некладовые находки селевкидских монет, обнаруженные в археологическом контексте (Seleucid Excavations Database – SED). Полученный материал был распределен хронологически по правителям, что позволило выявить определенную хронологическую зависимость объемов выпусков. Далее, подобным образом были проанализированы материалы пяти крупнейших нумизматических собраний – Американского нумизматического общества (ANS), Британского музея (BM), Берлинского музея (Berlin), Кабинета монет и медалей Национальной библиотеки Франции (BNF) и крупнейшего частного собрания селевкидских монет – коллекции Арнольда Спеера (SNG Spaer). Полученные данные продемонстрировали идентичную либо очень близкую зависимость той, которая была получена на материалах SED.

Главной особенностью подбора материала для данного исследования стала работа с крупнейшими нумизматическими собраниями, которые, по мнению П. Иоссифа, являются наиболее релевантным источником. Однако стоит заметить, что количественный показатель (количество единиц хранения), как кажется, не является определяющим условием. Напротив, необходимым условием является наличие случайной выборки материала, то есть одинаковой

[366] *Iossif P.* Using Site Finds. P. 263–296.

возможности для всех элементов генеральной совокупности оказаться включенным в выборку[367]. К сожалению, в распоряжении специалистов-нумизматов выборка материала не всегда обладает «случайностью», при том, что сама генеральная совокупность представляет собой лишь абстрактную величину. Стоит признать, что с точки зрения математической статистики, пожалуй, никакая нумизматическая выборка не будет признана случайной. Факторы, оказавшие влияние на формирование выборки (собрания или коллекции), определены географическими, эстетическими, хронологическими, политическими и прочими обстоятельствами. Тем не менее из трех видов монетной выборки: частные коллекции, археологический материал и музейные собрания, именно последний представляет собой, пожалуй, наиболее релевантный материал для количественного исследования с точки зрения «случайности» формирования выборки. В отличие от большинства частных коллекций, мировые музейные собрания формируются на протяжении многих десятилетий, а процесс их пополнения сопряжен с большим количеством субъективных факторов и ситуаций. В собрании музеев могут оказаться и компактные частные коллекции, и археологические находки, и случайные экземпляры, происхождение которых, зачастую, остается неизвестным. Такую выборку считают «естественной». Напротив, археологические находки представляют собой только локальную выборку (своего рода срез информации), а частные коллекции зависят от субъективных предпочтений их владельца. Корреляция между эти тремя видами выборки (археологическая, музейные собрания и частные коллекции), представленная в работе П. Иоссифа, демонстрирует некоторые девиации SED и частной коллекции А. Спеера, что хорошо иллюстрирует данный тезис.

В нашей недавней работе мы показали, что релевантной выборкой материала могут обладать не только крупные музейные и частные собрания, но и относительно небольшие коллекции, что было продемонстрировано на

[367] О значимости случайной выборки в количественных исследованиях по археологии см. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. С. 15.

примере собрания селевкидских монет Государственного исторического музея[368]. Для этого исследования важнейшим обстоятельством являлся тот факт, что собрание селевкидских монет ГИМ представляло собой случайную выборку, поскольку большая часть всех бронзовых монет, была определена только в ходе работы над проектом публикации каталога селевкидских монет из музейных собраний РФ, что подразумевает, в большинстве случаев, их случайное попадание в музейную коллекцию, а не специальный подбор. Из 320 бронзовых монет государства Селевкидов определение (не всегда точное) имела только треть.

Результаты количественного анализа материала из собрания ГИМ подтвердили выводы П. Иоссифа на примере относительно небольшой коллекции. Как показано на графике (график 1.1.1.), анализ материала из собрания ГИМ демонстрирует зависимость объемов выпуска бронзовых монет, близкую той, которая была получена в исследовании П. Иоссифа с использованием материалов наиболее крупных собраний селевкидских бронзовых монет. Единственным случаем девиации стоит называть малочисленность монет Деметрия II. Более того, сравнительный анализ материалов ГИМ с материалами других коллекций показывает относительно высокий коэффициент корреляции, что подчеркивает общие количественные тенденции, характерные для этих коллекций (график 2.1.1.). На следующем графике (график 3.1.1) объединены зависимости, демонстрирующие состав музейных коллекций, с зависимостью, представленной в виде гистограммы, иллюстрирующей материалы SED. Обращает на себя внимание большой выброс, приходящийся на правление Антиоха III, который, впрочем, объясняется не столько продолжительностью правления или большими объемами чеканки, сколько конкретными археологическими обстоятельствами обнаружения большого числа бронзовых монет этого царя в Иерусалиме.

[368] *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Новые бронзовые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2021. № 4. С. 981–1014.

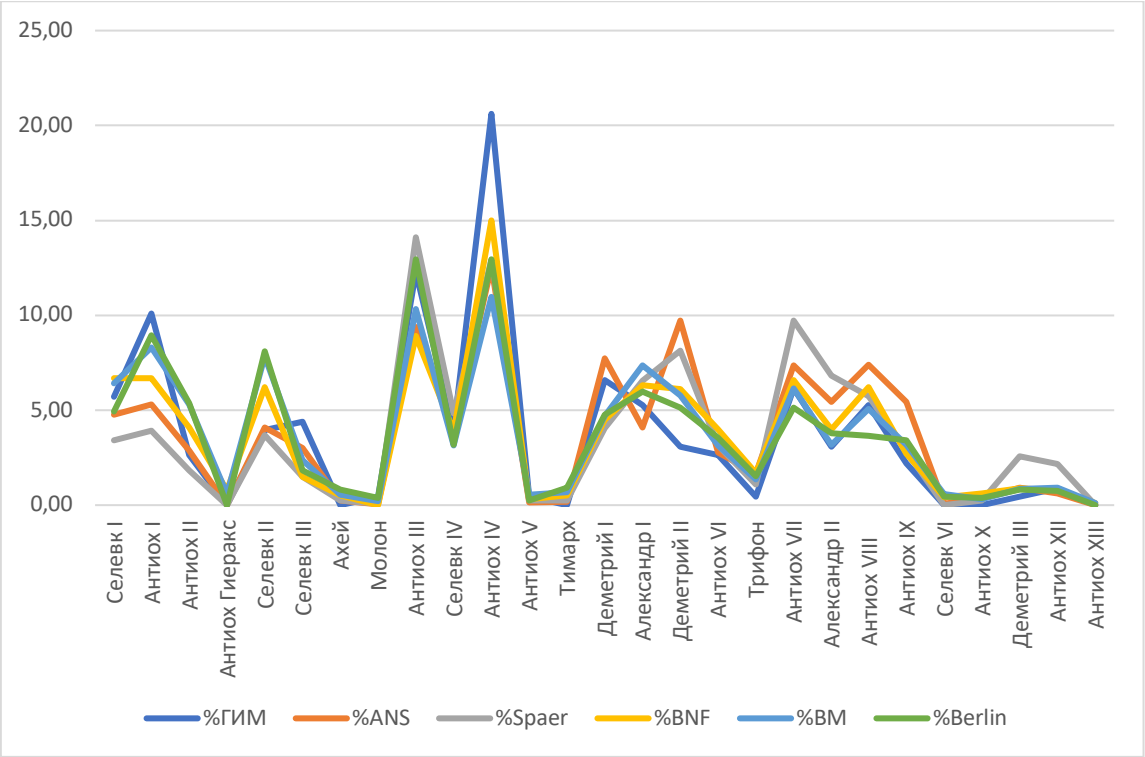
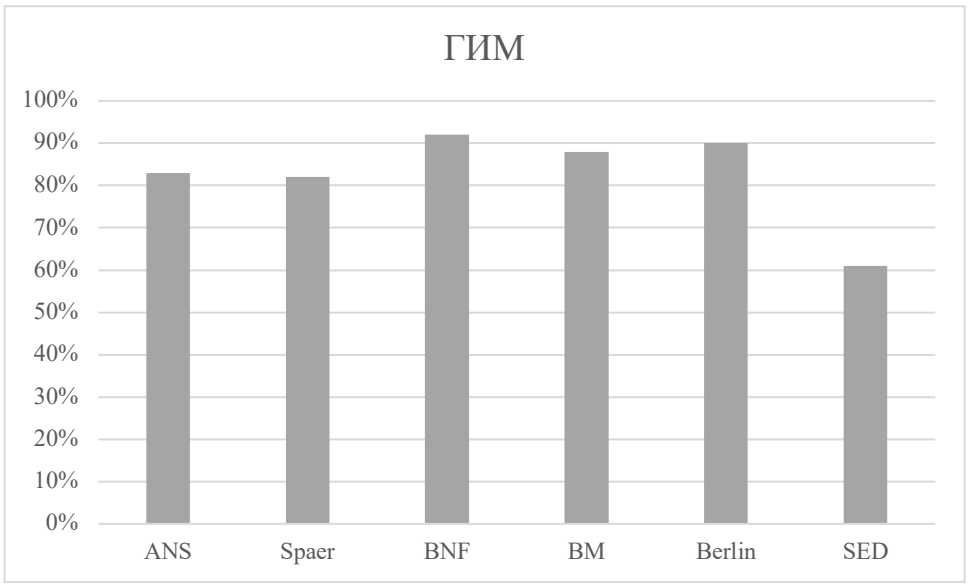

График 1.1.1

	ANS	Spaer	BNF	BM	Berlin	SED
ГИМ	83%	82%	92%	88%	90%	61%

График 2.1.1

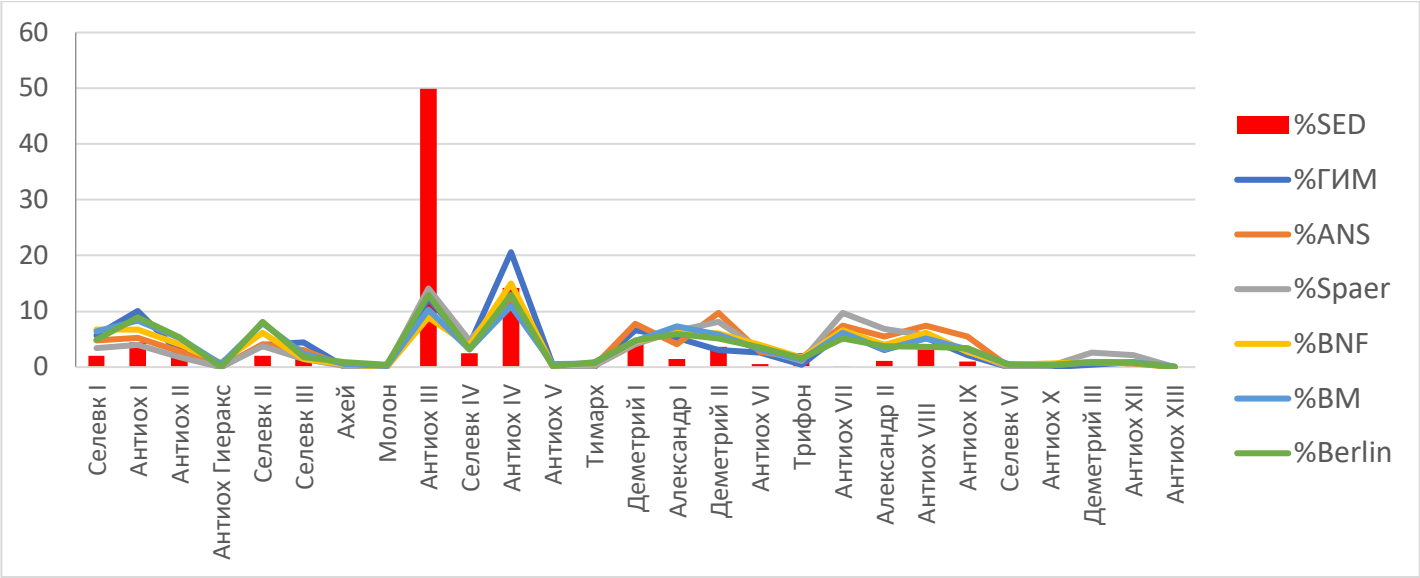

График 3.1.1

Результаты проекта публикации селевкидских монет из российских музейных собраний, полученные в 2022 году, позволяют провести новую проверку гипотезы П. Иоссифа. Целью этого проекта стала публикация каталога селевкидских монет, хранящихся в музейных и частных собраниях РФ. За несколько лет работы были исследованы коллекции 19 музеев, включая собрания Государственного Эрмитажа, ГМИИ им. А.С. Пушкина, ГИМ, а также ряда региональных музеев. Большая часть материала никогда не была опубликована (а в некоторых случаях и атрибутирована), что придало проекту особую актуальность. Ключевым принципом работы стало изучение всего собрания античных монет, хранящихся в музейном собрании. В результате такой «сплошной» проработки материала были определены десятки селевкидских монет, не имевших в составе собрания необходимой атрибуции. Результатом проекта стало создание единой базы данных селевкидских монет из музейных собраний РФ.

Одним из преимуществ собранного материала является высокая степень случайности выборки, что делает ее весьма репрезентативной для количественного анализа. При этом можно использовать материалы как отдельных музеев, так и всей базы данных в целом. Стоит отметить, что история формирования музейных коллекций, включенных в базу данных, демонстрирует

разнообразие источников формирования этих собраний – археологические раскопки, частные собрания, формировавшиеся в свою очередь из отдельных приобретений, в том числе в регионах исторического бытования монеты, таможенных конфискатов, случаев отдельной сдачи и покупки. Примечательно, что большинство собраний имеет продолжительную историю формирования. Таким образом, созданная база данных представляет собой весьма релевантный инструмент как для верификации теории П. Иоссифа, так и для количественного исследования в целом.

В собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина хранится 172 бронзовые монеты Селевкидов. Распределив этот комплекс хронологически, можно наблюдать ту же тенденцию, что прослеживается и на материалах из собрания ГИМ, а также ведущих музейных коллекций. Заметной особенностью собрания ГМИИ является относительно высокая доля монет Антиоха I и Антиоха II, а также небольшое количество монет Антиоха VIII, что не столь характерно для остальных собраний. Тем не менее, учитывая схожую тенденцию, можно утверждать, что количественный анализ материала ГМИИ также подтверждает теорию П. Иоссифа о корреляции между количеством известных бронзовых селевкидских монет, распределенных хронологически, и оригинальными объемами выпуска. Результаты анализа продемонстрированы на графике (график 4.1.1). Здесь же все хронологическое распределение экземпляров селевкидских монет объединено с материалами SED. Установленный коэффициент корреляции между собранием ГМИИ и материалами других коллекций не столь высок, как в случае с ГИМом, но также показывает высокой уровень (график 5.1.1).

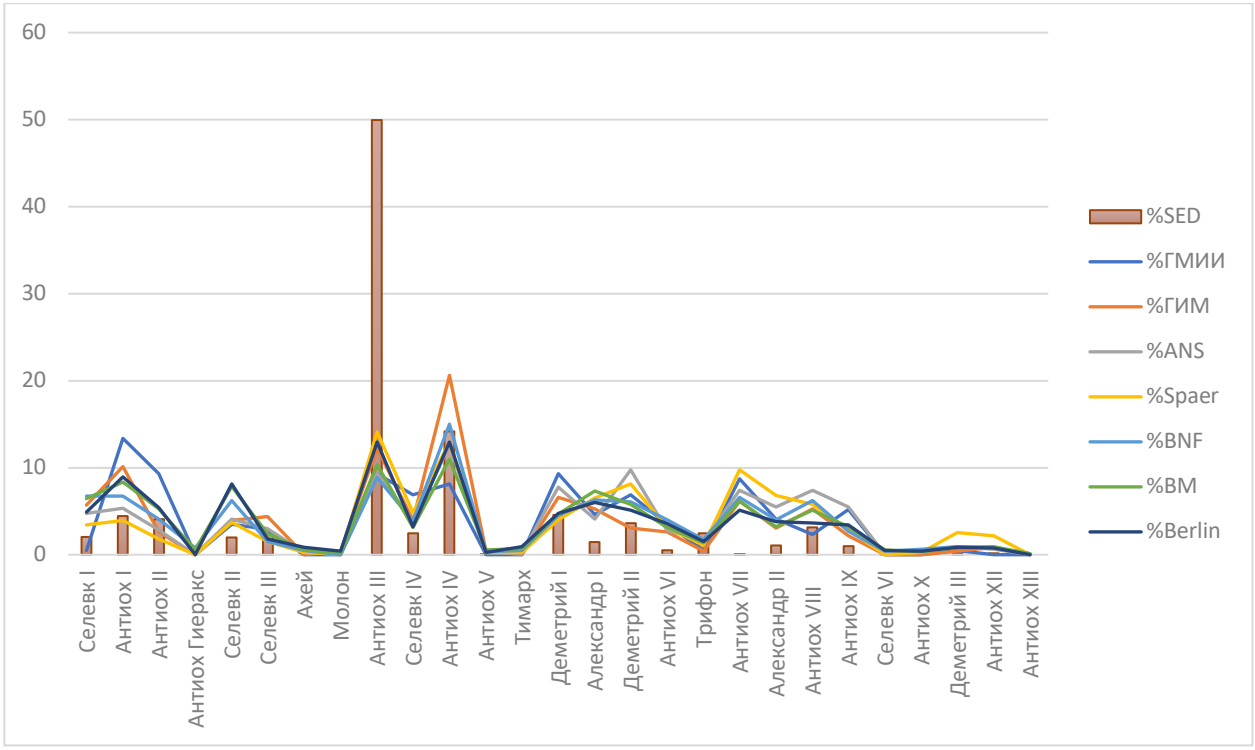
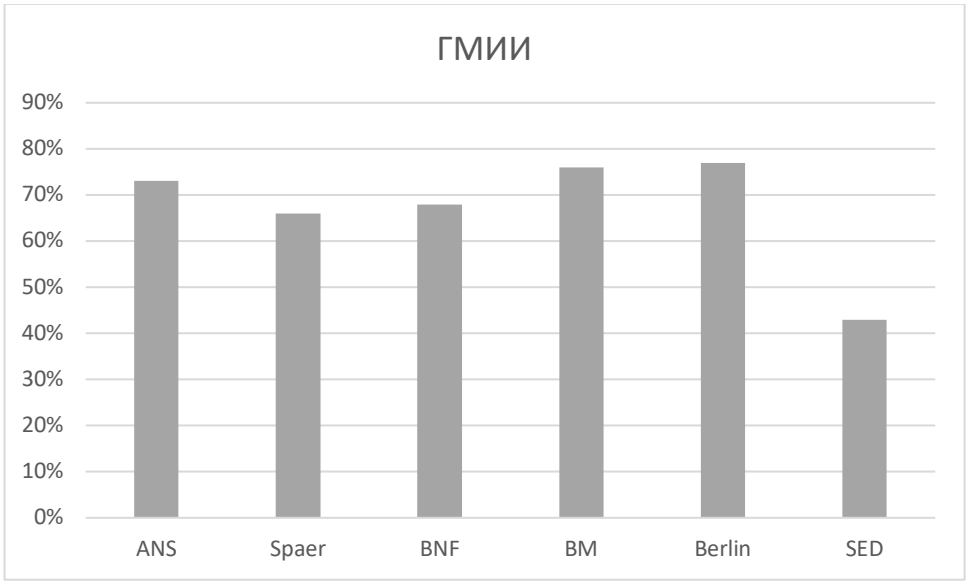

График 4.1.1

	ANS	Spaer	BNF	BM	Berlin	SED
ГМИИ	73%	66%	68%	76%	77%	43%

График 5.1.1

Похожие результаты показывает и анализ материалов самого крупного собрания селевкидских монет в России – коллекции Государственного Эрмитажа. В собрании Эрмитажа хранится 759 бронзовых селевкидских монет, что

делает выборку материала количественно более репрезентативной. Более того, коллекция Эрмитажа представляет собой самую старую среди всех российских, формировавшуюся на протяжении длительного периода времени. Хронологический ряд материалов из Эрмитажа представлен на графике 6.1.1

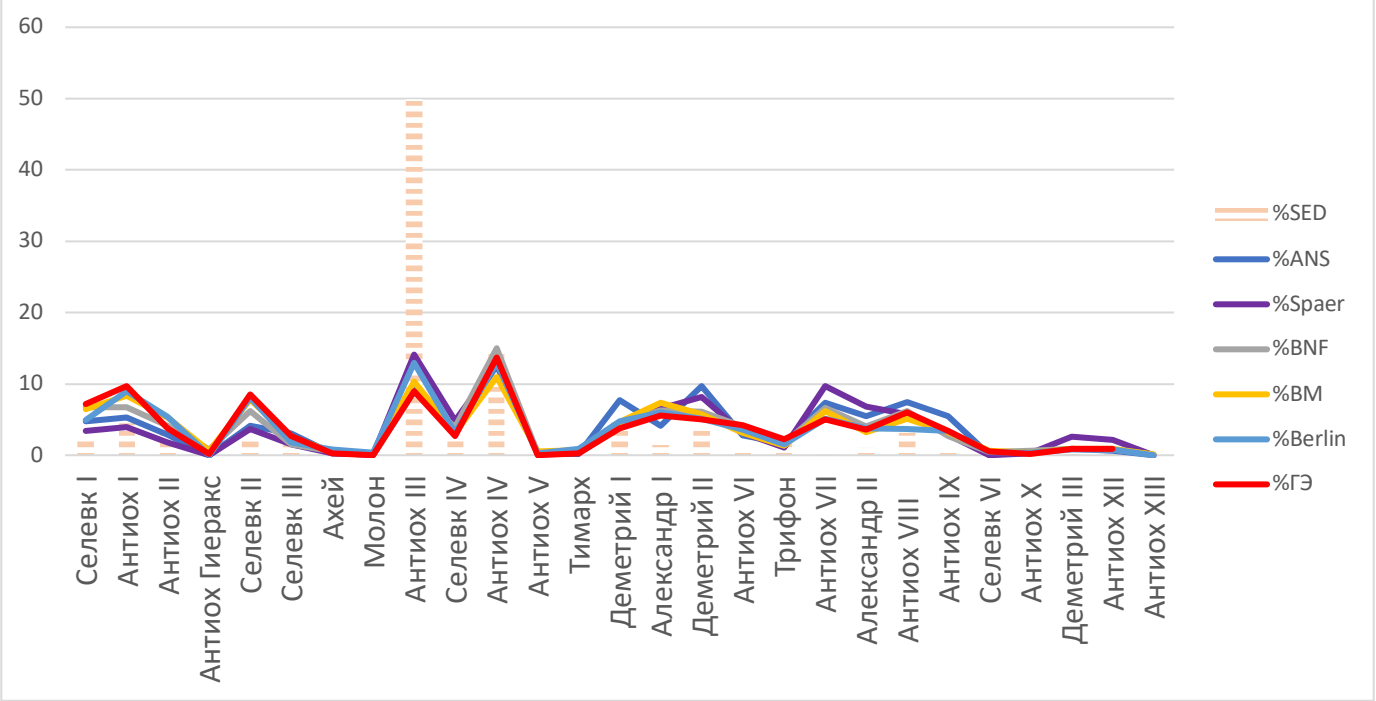
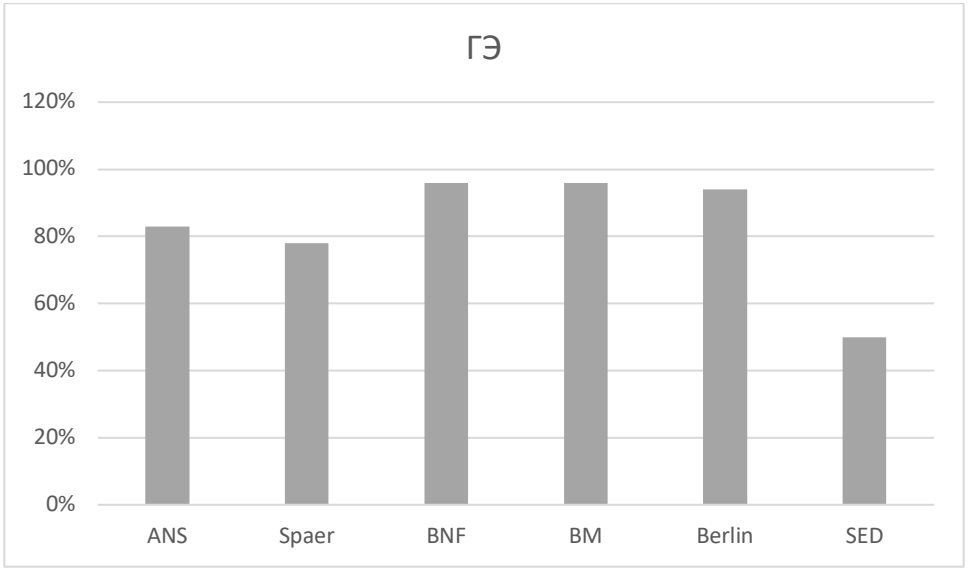

График 6.1.1

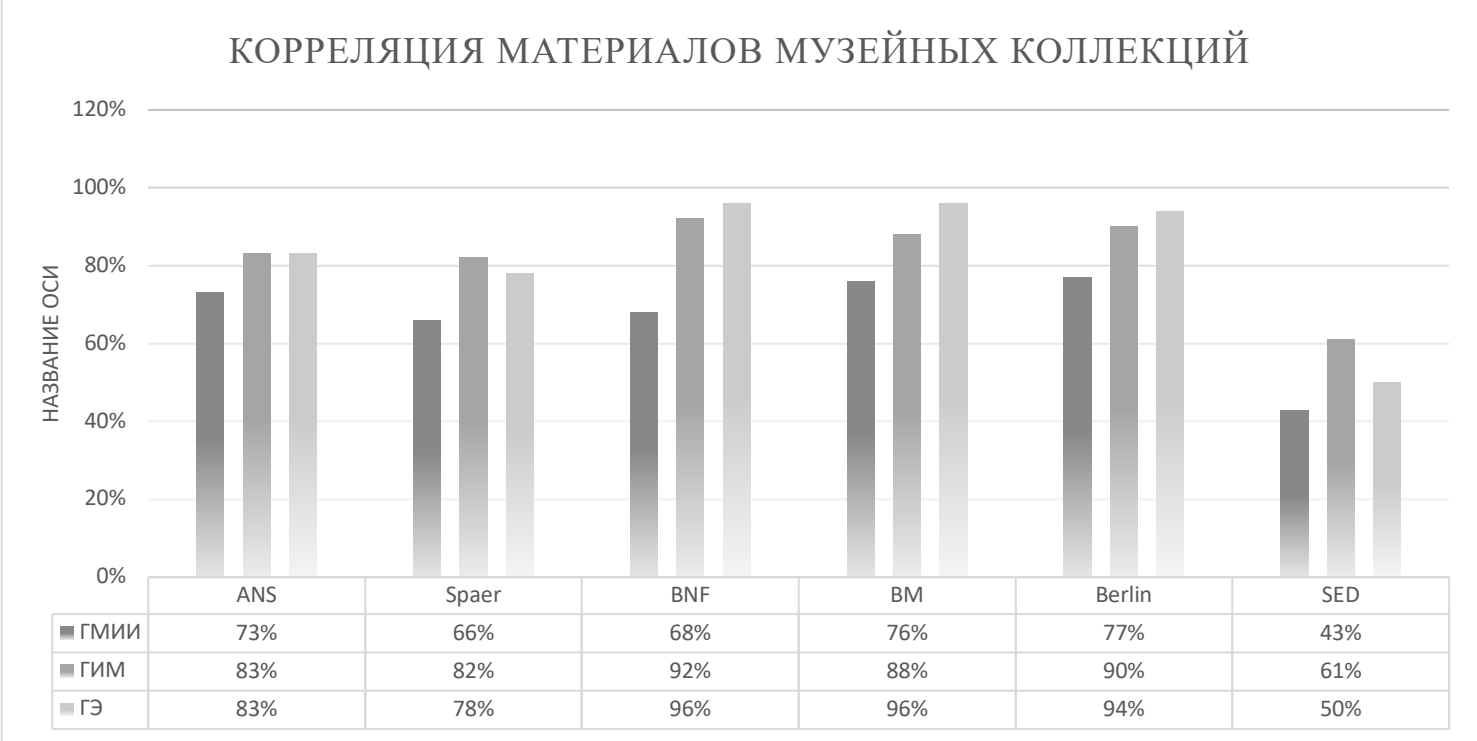
Как показано на графике, хронологический ряд материалов Эрмитажа практически полностью соответствует данным ведущих собраний. Это подтверждает и корреляционный анализ (график 7.1.1). Примечательно, что материалы Эрмитажа показывают самую высокую корреляцию с мировыми музейными собраниями.

	ANS	Spaer	BNF	BM	Berlin	SED
ГЭ	83%	78%	96%	96%	94%	50%

График 7.1.1

В целом, корреляция между ведущими мировыми музейными собраниями, коллекцией А. Спеера и SED может быть представлена в виде следующей гистограммы.

	ANS	**Spaer**	**BNF**	**BM**	**Berlin**	**SED**
ГМИИ	73%	66%	68%	76%	77%	43%
ГИМ	83%	82%	92%	88%	90%	61%
ГЭ	83%	78%	96%	96%	94%	50%

График 8.1.1

Исходя из полученных данных можно сделать несколько выводов. Прежде всего, обращает на себя внимание низкая корреляция между материалами российских музеев и SED. Во всех трех случаях она является самой низкой, оставаясь, в целом, в пределах среднего уровня по шкале Чаддока. Как уже было отмечено, эта особенность наблюдается применительно ко всем собраниям селевкидских монет. Ключевой причиной столь невысокого показателя корреляции является аномально высокая доля монет Антиоха III в SED,

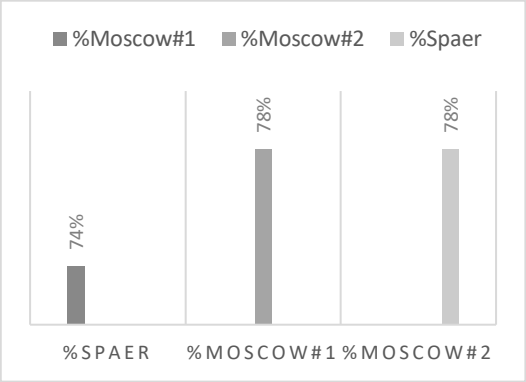
которая по большей части включает однотипные монеты этого правителя, обнаруженные в больших количествах при раскопках Иерусалимской цитадели. Второй заметной особенностью является относительно невысокий показатель корреляции российских музейных собраний с коллекцией А. Спеера, что также должно быть объяснено особенностями коллекции. Собрание А. Спеера включает около 2 тысяч бронзовых монет Селевкидов, однако, поскольку владелец коллекции проживал в Израиле и пополнял свое собрание, прежде всего, из ближневосточных источников, выборка приобрела особый вид. И все же, невысокий уровень корреляции мог быть определен не только особенностями формирования коллекции, но и типом выборки, то есть спецификой, присущей именно частным собраниям, для которых характерен эстетический критерий подбора материала.

Для того, чтобы проверить это утверждение привлечем к нашему анализу материалы двух частных коллекций селевкидских монет. Эти коллекции принадлежат двум частным коллекционерам из Москвы, формировались на протяжении около десяти-двадцати лет. Первая коллекция («Московская 1») содержит 262 экземпляра, вторая («Московская 2») менее многочисленна – 164 экземпляра. Хронологическое распределение материала этих коллекций и собрания А. Спеера можно визуализировать следующим образом (гарфик 9.1.1).

График 9.1.1

На представленном графике можно заметить, что все три вариационных ряда, в целом, повторяют одну и ту же тенденцию, характерную для генеральной совокупности. Однако имеются и некоторые девиации. Так, весьма заметно, что в двух случаях коллекции «Московская 1» и «Московская 2» повторяют общую тенденцию, которая не свойственна для собрания А. Спеера – речь идет о меньшем количестве монет Александра I и Деметрия II, а также о большем количестве монет Антиоха VIII и Антиоха IX. Объяснить это можно только общим источником пополнения этих коллекций, который действительно располагал значительной выборкой материала, относящегося к поздним Селевкидам. Напротив, значительно большее количество монет Деметрия III и Антиоха XII из собрания А. Спеера можно также объяснить доступностью этого материала для владельца. Примечательным «выбросом» в вариационном ряду коллекции «Московская 1» является большая доля монет Селевка III, нехарактерная ни для одной из рассматриваемых коллекций. Этот эпизод также объясняется особенностями пополнения материала – часть собрания составляет часть клада, включавшего некоторое количество мелких бронзовых номиналов Селевка I. Показатель корреляции между этими собраниями высокий.

	%Spaer	%Moscow#1	%Moscow#2
%Moscow#1	74%		
%Moscow#2		78%	
%Spaer			78%

График 10.1.1

Корреляция всех трех частных коллекций с музейными собраниями РФ показывает, впрочем, что типологически обе коллекции «Московская 1» и «Московская 2» ближе к выборке SED, что, в целом, не лишено оснований, поскольку определенную часть этих собраний составляет археологический материал (график 11.1.1).

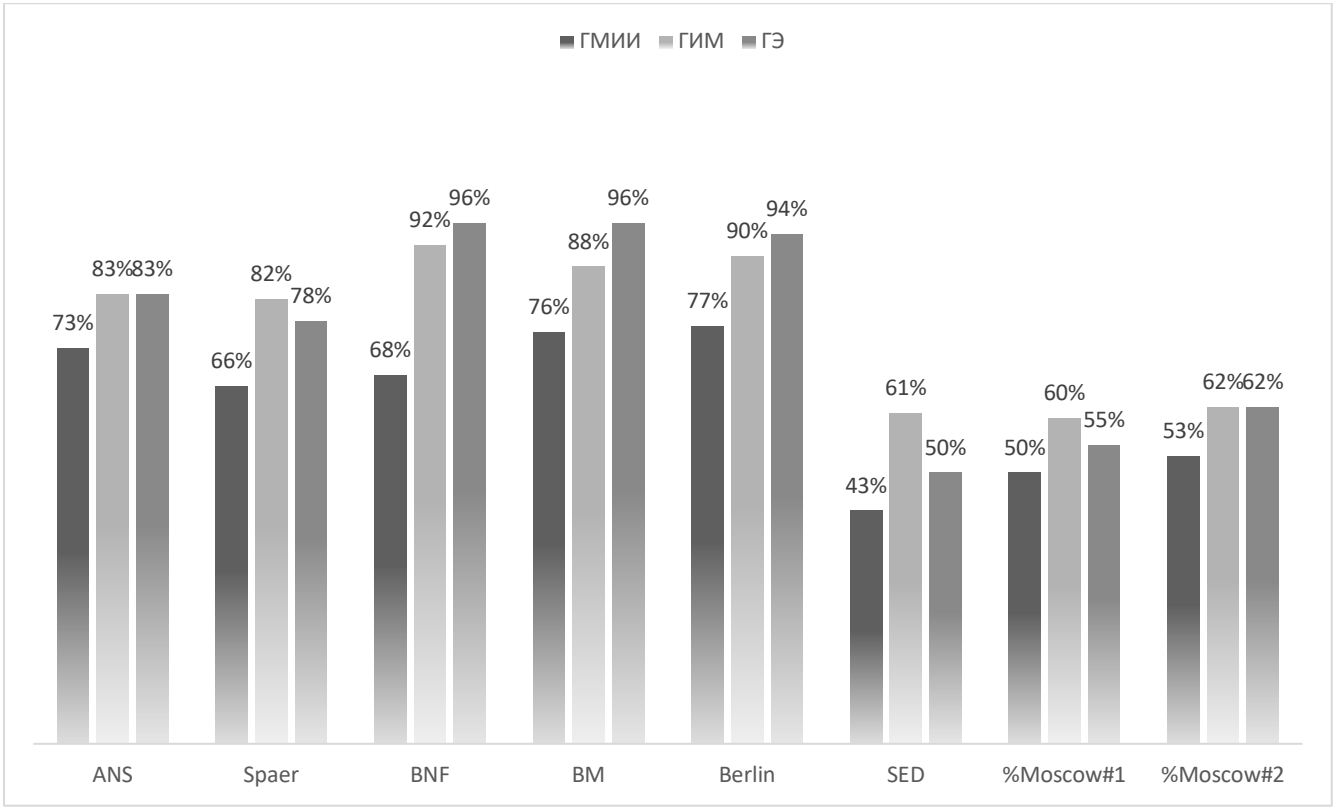

Рис. 11.1.1

Итак, материалы российских музейных собраний и двух частных коллекций демонстрируют тот же процесс, отражающий какое-то состояние генеральной совокупности, что было продемонстрировано и в исследовании П. Иоссифа. Таким образом, привлечение нового материала подтверждает нулевую гипотезу о прямой зависимости между общим количеством известных экземпляров бронзовых селевкидских монет и общим объемом их выпуска в древности. Впрочем, собранный массив материала позволяет провести дополнительные статистические исследования и представить более конкретные результаты.

Одной из возможностей, которые предоставляет собранный материал, является проведение более детального разведочного анализа данных (EDA – Exploratory Data Analysis), то есть двухмерного анализа данных. Начнем с кластерного анализа, то есть разбивки всего материала на группы (кластеры) в зависимости от корреляции между каждой парой признаков. В качестве объекта анализа возьмем количество монет, выраженное в долях, каждая из которых относится к тому или иному правителю в составе конкретной коллекции. Таким образом получим три группы признаков – значение доли (в процентах), принадлежность к коллекции и атрибуция правителю. В итоге, при невысоком пороге мы получаем достаточно гармоничное разделение на три кластера: ранний (зеленый), средний (красный) и поздний (синий)[369] (график 12.1.1). Если интерпретировать полученные результаты с точки зрения хронологического распределения, то можно заметить, что каждый кластер характеризует отдельный период монетной чеканки Селевкидов, выраженный в количественном значении. Зеленый кластер соответствует ранней чеканке (от Селевка I до Антиоха III), синий поздней (от Деметрия I до Антиоха XII), а красный времени правления Антиоха III и Антиоха IV. Стоит обратить внимание, что синий и зеленый кластеры визуально образуют геометрически ровные хорошо центрированные фигуры, в то время как красный демонстрирует достаточно сложную

[369] Все двухмерные анализы и визуализация результатов выполнены в программе SPSS Statistics.

структуру облака. Вероятной причиной этого является большая разница между значениями доли монет этих правителей в разных коллекциях. В то же время данные кластерного анализа хорошо коррелируют с материалами хронологического распределения всех одиннадцати рассматриваемых коллекций. Особенно заметна эта корреляция именно на примере красного кластера, где доли монет Антиоха III и Антиоха IV образуют два «пика», которые, впрочем, очерчиваются только в самых общих чертах. Но даже в таком виде материалы кластерного анализа показывают существенное отличие (прежде всего, количественное) монетной чеканки этих двух правителей от всех остальных. Эти данные хорошо подтверждают и наши выводы об увеличении объемов монетной чеканки в период правления Антиоха III и Антиоха IV, вызванные как увеличением количества монетных дворов, так и передачей права чеканки бронзовой монеты отдельным полисам.

Если же интерпретировать полученные результаты с точки зрения репрезентативности рассматриваемых коллекций, то важно отметить, что результаты кластерного анализа показывают наличие объектов из всех трех обозначенных групп во всех одиннадцати коллекциях. Это обстоятельство еще раз доказывает, что материалы всех этих собраний, независимо от количества экземпляров, отражают одно и то же изменение генеральной совокупности. Таким образом и нулевая гипотеза П. Иоссифа о прямой зависимости между оригинальными объемами монетных эмиссий и имеющихся в распоряжении исследователей экземпляров, и наше предположение о репрезентативности собраний с количественно небольшой выборкой получают новую аргументацию.

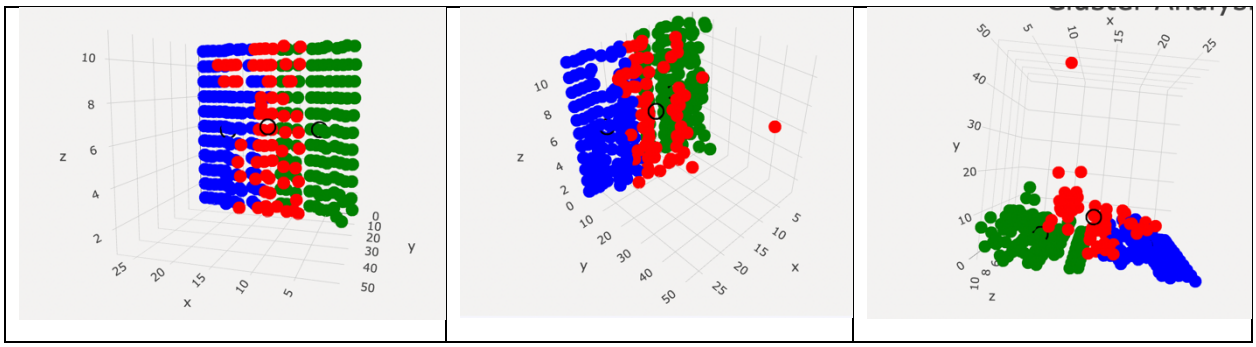

График 12.1.1

Кроме кластерного анализа имеющийся в распоряжении материал позволяет заново провести корреляционный анализ. Его результаты (коэффициент корреляции Пирсона в процентном соотношении) можно представить в виде следующей матрицы (график 13.1.1).

	ГМИИ	ГИМ	ГЭ	ANS	Spaer	BNF	BM	Berlin	SED	%Moscow#1	%Moscow#2
ГМИИ	100%	69%	69%	73%	66%	68%	76%	77%	43%	50%	53%
ГИМ	69%	100%	90%	83%	82%	92%	88%	90%	61%	60%	62%
ГЭ	69%	90%	100%	83%	78%	96%	96%	94%	50%	56%	62%
ANS	73%	83%	83%	100%	90%	90%	85%	84%	68%	70%	89%
Spaer	66%	82%	78%	90%	100%	88%	84%	84%	79%	74%	78%
BNF	68%	92%	96%	90%	88%	100%	95%	93%	69%	58%	68%
BM	76%	88%	96%	85%	84%	95%	100%	97%	72%	61%	61%
Berlin	77%	90%	94%	84%	84%	93%	97%	100%	81%	64%	62%
SED	43%	61%	50%	68%	79%	69%	72%	81%	100%	75%	41%
%Moscow#1	50%	60%	56%	70%	74%	58%	61%	64%	75%	100%	78%
%Moscow#2	53%	62%	62%	89%	78%	68%	61%	62%	41%	78%	100%

График 13.1.1

Данные корреляционного анализа показывают, что несмотря на то, что хронологический ряд всех коллекций демонстрирует общий процесс, показатели корреляции между собраниями существенно разнятся. Самым простым объяснением этого может быть неравномерная в количественном отношении выборка материалов. Действительно, мы привлекаем к анализу разнообразные собрания, количественно отличающиеся друг от друга. Все российские коллекции (даже коллекция ГЭ) уступают собраниям ANS, BNF, Berlin и BM по

количеству экземпляров. Однако, на наш взгляд, дисбаланс корреляции заключается не только и не столько в объеме выборки (хотя нет сомнений, что количество материала имеет важнейшее значение). Стоит вспомнить, что П. Иосиф в своей работе также привлекает собрания с разным количеством экземпляров. SED включает более 8000 монет, в то время как музейные собрания и коллекция А. Спеера содержат в среднем около 2000 экземпляров. Более того, материалы ГИМ хорошо показывают, что количественная выборка не является определяющим фактором, влияющим на корреляцию. Более того, вариационные ряды всех коллекций согласуются друг с другом по ключевым параметрам.

Как кажется, объяснить столь разнообразные показатели корреляции возможно, учитывая типологию представленных коллекций (музейные, частные, археологическая выборка) и, как следствие, факторы, оказавшие влияние на формирование этих собраний.

Попробуем аргументировать это предположение. Для этого распределим весь материал на несколько групп. Так, положив в основу коэффициент корреляции по шкале Чеддока, можно выделить три группы. В первую группу отнесем показатели очень высокой корреляции – 80–100%, далее, высокой и средней – 60–80%, и низкой – менее 60%. Полученное разделение требует детальной интерпретации. Прежде всего, отметим, что выбранные нами в качестве критерия интервалы не должны иметь строгих границ и вполне допустимо вариативное расширение этих интервалов на 2–3%, поскольку количественная выборка в некоторых случаях недостаточна репрезентативна, при этом даже сравнительно небольшое пополнение коллекции может повлиять на конечный показатель. Это обстоятельство необходимо учитывать при распределении значений корреляции на группы.

Стоит обратить внимание, что к первой группе относятся почти исключительно музейные собрания. Так, шесть музейных коллекций соотносятся между собой, показывая очень высокий коэффициент корреляции. В то же самое время наиболее слабую корреляцию с остальными коллекциями

демонстрирует SED, что не вызывает особых противоречий и уже не раз обсуждалось в данной работе. Средний показатель корреляции демонстрируют две московские частные коллекции, которые также хорошо соотносятся с коллекцией А. Спеера. Следуя этому распределению, можно предположить, что каждая из выделенных групп отражает искомый комплекс факторов, оказавших влияние на формирование того или иного собрания, что определяет особый тип выборки. Условно можем обозначить их как: музейную, коллекционерскую и археологическую. Музейная выборка определяется: продолжительность формирования собрания, разнообразием источников, высокой степенью случайности, а также принципом недублетности. Коллекционерская выборка также связана с принципом недублетности (в чем-то даже более, чем музейная), но также с эстетическими предпочтениями владельца коллекции, его финансовыми возможностями, непродолжительным периодом формирования. Археологическая выборка ограничена группой географических, политических и хронологических факторов.

Такое подразделение на три группы кажется нам вполне уместным, однако, на первый взгляд, предложенная схема имеет ряд неточностей. Так, в эту схему не укладываются материалы ГМИИ. Действительно, будучи музейной коллекцией, собрание ГМИИ демонстрирует средний уровень корреляции с музейными собраниями и низкий с SED, а также с частными собраниями. Действительно, коэффициент корреляции материалов ГМИИ и BM и Berlin достаточно высокий и при пополнении коллекций может вырасти, однако, корреляция с материалами остальных музейных собраний все же остается на среднем уровне. Тем не менее это несоответствие объясняется, скорее, не количеством экземпляров в выборке, сколько тем обстоятельством, что большая часть собрания селевкидских монет из ГМИИ, по сути, была сформирована из частной коллекции В.В. Розанова.

Однако, почему в таком случае коллекция ГМИИ относительно плохо коррелирует с другими частными собраниями? Обратим внимание на один важный факт. Все три частных собрания, представленные в выборке,

представляют собой коллекции, сформированные уже в период активного изучения монетного дела Селевкидов. Так, коллекция А. Спеера, формировавшаяся во второй половине XX века, во многом испытывала влияние селевкидской нумизматики как науки, которая сложился к этому времени. Особое место в данном случае занимали работы, в основу которых были положены результаты работ с собраниями ANS и BNF. Именно с этими собраниями коллекция А. Спеера показывает наибольший показатель корреляции. Таким образом, принцип широкого охвата материала привел к сближению принципов формирования коллекции А. Спеера с музейными. К слову, по похожему принципу были сформированы и коллекции «Московская 1» и «Московская 2», которые также показывают высокую корреляцию с ANS и собранием А. Спеера – коллекции, которые легли в основу каталога А. Хутона и К. Лорбер. Еще одной причиной такой корреляции между «Московская 1» и «Московская 2» и коллекцией А. Спеера является близкие источники пополнения, которые включают археологический материал. При этом коллекция «Московская 1» коррелирует с SED на 75%, а «Московская 2» лишь на 41%, что может объясняться слишком большой диспропорцией выборки – 164 экземпляра против более 8 000. Этим же обстоятельством, вероятно, объясняется и общее впечатление некоторой искусственности в показателях корреляции собрания «Московская 2». Напротив, общая низкая корреляция между «Московская 1», «Московская 2» и остальными коллекциями роднит их с SED.

Имеющаяся корреляционная матрица позволяет провести на ее основе факторный анализ данных и выделить факторные нагрузки, которые показывают степень влияния фактора на признак. Итак, в нашем распоряжении существует 11 переменных (то есть коллекций), которые предположительно можно сгруппировать, поскольку, как мы считаем, за ними стоит меньшее число латентных переменных. Таким образом, в нашем распоряжении есть 11 коллекций, 27 правителей, к которым относятся монеты и само количество монет, выраженное долями в процентах. В результате выделения факторов методом главных компонент получаем наличие одного фактора, с показателем

дисперсии более 76%. При этом матрица компонентов наглядно демонстрирует, какие компоненты (коллекции) больше всего коррелируют с фактором и обусловлены этим фактором, отражая, таким образом, влияние этого фактора на различные собрания (таблица 14.1.1). Отметим, что и матрица компонентов, и таблица общностей демонстрируют в точности то же распределение на три группы, что и корреляционная матрица. Так, крупнейшие музейные собрания и коллекция А. Спеера коррелируют с фактором более, чем на 90%, частные собрания «Московская 1», «Московская 2» и ГМИИ более на 76-78%, а SED на 69%.

Интерпретировать результаты факторного анализа можно следующим образом. Факторный анализ призван структурировать типологическое разнообразие признаков, которое в нашем случае весьма ограничено. Выделение, таким образом, единственного фактора не вызывает удивления. Этим фактором (точнее, факторной нагрузкой) стоит признать *случайность выборки*, с которой формировалась та или иная коллекция. Исходя из этого можно заключить, что фактор случайной выборки более характерен для музейных собраний и частных коллекций, менее всего он характерен для археологической выборки, которая есть в нашем распоряжении.

Объясненная совокупная дисперсия

	Начальные собственные значения			Извлечение суммы квадратов нагрузок		
Компонент	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	8,455	76,865	76,865	8,455	76,865	76,865
2	,971	8,824	85,689			
3	,657	5,977	91,666			
4	,425	3,860	95,526			
5	,189	1,722	97,247			
6	,135	1,230	98,478			
7	,087	,789	99,267			
8	,051	,464	99,730			
9	,015	,133	99,864			
10	,010	,088	99,951			
11	,005	,049	100,000			

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Матрица компонентов[a]

	Компонент 1
ГМИИ	,780
ГИМ	,923
ГЭ	,926
ANS	,935
Spaer	,930
BNF	,949
BM	,949
Berlin	,959
SED	,699
Moscow#1	,766
Moscow#2	,774

Факторный анализ

Общности

	Начальная	Извлечение
ГМИИ	1,000	,609
ГИМ	1,000	,852
ГЭ	1,000	,858
ANS	1,000	,874
Spaer	1,000	,866
BNF	1,000	,900
BM	1,000	,901
Berlin	1,000	,920
SED	1,000	,488
Moscow#1	1,000	,587
Moscow#2	1,000	,600

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Таблица 14.1.1

Нет никаких сомнений, что наше предположение о факторах формирования нумизматических собраний, влияющих на показатель корреляции между ними, является только гипотезой. Для более качественной аргументации этой версии необходимо привлечь к исследованию еще большие объемы материала. Однако, даже использованные материалы показывают, что формирование выборки – одно из наиболее важных условий релевантного количественного исследования, является важнейшим фактором репрезентативности коллекции. В качестве примера такой репрезентативности уместно еще раз вспомнить коллекцию селевкидских бронзовых монет из ГИМа. При сравнительно небольшом количестве экземпляров это собрание представляет собой, пожалуй, максимально возможный вариант случайной выборки, поскольку большая часть монет была атрибутирована только в ходе специального исследования и попадала в музей без атрибуции.

Наибольшей «случайностью» и репрезентативностью обладают именно музейные выборки. Продолжительный период их формирования, разнообразие источников их пополнения, делают именно музейные выборки наиболее репрезентативными для количественных исследований. Уступают музейным собраниям частные, которые во многом формируются исходя из личных

вкусов их владельца, а также невольно «конкурируют» с музейными собраниями. Археологическая выборка представляется нам наименее случайной. Несмотря на то, что именно археологический материал демонстрирует картину денежного обращения в древности, шанс для всех элементов генеральной совокупности попасть в такую выборку минимален. Археологическая выборка строго ограничена географией и временем существования памятника. В заключении стоит отметить, что все три выборки связаны между собой. В конечном счете археологическая выборка нередко становится источником пополнения частных и музейных коллекций, а частные собрания полностью или частично попадают в музей.

***

Подведем итоги первой главы. Корпус памятников царской иконографии состоит из четырех категорий источников (монеты, печати, весовые гири, надчеканки) и обладает набором характеристик, отличающих его от всего массива визуальных источников. Прежде всего, это официальное происхождение носителя изображения. Все перечисленные памятники появляются с санкции государства, которое контролирует их обращение. Вторая особенность – это функциональная природа носителя. Монеты, печати, гири и надчеканки выполняли ряд экономических, контрольных и административных функций, а изображение на данных предметах является знаком их государственного статуса. Следующая особенность памятников царской иконографии – это их относительно точная датировка, строгая хронологическая атрибуция. В некоторых случаях можно говорить о точных датах (если дата присутствует на самом предмете), в остальных же датировочным инструментом служат указания на годы правления, либо археологический контекст.

Перечисленные особенности формируют круг подходов к изучению данных памятников как исторических источников. Двойная природа позволяет определить контекст бытования и использования монет, печатей и гирь, что

помогает выявить пути и модели распространения визуальной информации, принципы ее распределения в зависимости от носителя. Массовость исследуемого материала (прежде всего, монет) также позволяет изучать хронологическую и географическую динамику изменения ключевых типов, аргументированно говорить о «распространенности» и «популярности» того или иного монетного типа.

Из всего корпуса памятников царской иконографии основным являются монеты. Ключевым условием привлечения монеты в качестве исторического источника, в том числе для изучения политической истории и монетной иконографии, является понимание монеты как продукта массового производства, что позволяет отойти от анализа отдельных памятников, без учета нумизматического контекста. Напротив, для релевантного нумизматического исследования, будь то история денежного обращения или анализ монетной иконографии, важна репрезентативная выборка материала. Для корректной интерпретации данных нумизматики важно учитывать территорию и время обращения монеты, объемы эмиссии, способ ее изготовления, метрологические параметры, а также скорость обращения монеты и контекст ее находок. Все эти данные можно получить, используя полный набор нумизматических методов: штемпельный анализ, анализ кладов, анализ археологических находок монет с учетом классификации находки. Важное место среди методов нумизматического исследования имеют количественные методы, с помощью которых можно сформировать представление об оригинальных объемах монетной эмиссии. В целом, использование монеты в качестве исторического источника возможно только с учетом различных областей использования монеты: экономической, идеологической, культурной, что подразумевает применение методов различных дисциплин.

Основная проблема при работе с селевкидскими печатями как историческим источником – это типологическая систематизация материала и выделение категории официальных печатей, которые принадлежали царским чиновникам. Такая атрибуция возможна благодаря анализу технических

характеристик оттисков, а также анализу иконографии. Как и в случае с монетами, при изучении печатей важное значение приобретает археологический контекст ее находки. Печати могут происходить из официального городского архива, либо из частных домашних архивов. Как и в случае с крупными серебряными номиналами, изображения на печатях также демонстрируют как локальные, так и общегосударственные символы.

Группа весовых гирь весьма немногочисленна. Функциональное предназначение этих предметов остается до конца не ясным, однако наличие легенды с упоминанием имени и титулатуры царя, а также особый весовой стандарт, подтверждают их официальный характер. Дополнительные трудности создает отсутствие археологического происхождения у всех известных экземпляров. Особенности иконографии гирь и в некоторых случаях титулатуры являются существенным дополнением к материалам монет и печатей.

Перечисленные особенности памятников царской иконографии как исторического источника, а также круг аналитических подходов и методик позволяют обратиться к вопросу о связи царской иконографии и царской идеологии Селевкидов. Главная функция монетной иконографии – выработать экономическое доверие к монете. В древности каждая монета обладала тремя видами стоимости: внутренней (стоимость металла, из которого она была изготовлена), номинальной (установленной государством) и меновой (реальной). Отсутствие доверия к монете приводило к падению ее меновой стоимости от номинальной до внутренней, что создавало проблемы для эмитента. Постоянство монетного изображения создавало необходимые условия для поддержания номинальной стоимости монеты. В рамках данного подхода монетное изображение рассматривается, прежде всего, как экономический инструмент, что исключает использование его в качестве средства пропаганды. Анализ экономической ситуации в Восточном Средиземноморье, связанной с уровнем распространения монеты, а также участия монеты в экономических операциях, позывает низкую степень монетизации, а анализ объемов монетных эмиссий и темпов монетного производства, а также скорости движения

денежных средств и зон денежного обращения показывает ограниченные возможности монеты как агента распространения информации. Тем не менее монетное изображение было связано с царской идеологией, ввиду своего официального статуса. Иконография бронзовых монет, которые не имели металлической стоимости, не выполняла задачи выработки доверия и более отчетливо показывает связь с идеологией. Бронзовая монета отличается большим разнообразием иконографических тем и сюжетов, их регулярным обновлением и большей доступностью. Степень агентности иконографии определяется и социокультурным контекстом бытования памятника, в зависимости от которого выделяются четыре категории изображений: государственные, династические, полисные и частные. К корпусу царской иконографии относятся первые две. Монетное изображение было отражением культурно-политической и идеологической идентичности эмитента, под которым мы понимаем не только монарха, имя которого указано в монетной легенде, но и правящие элиты (двор, армия, царская семья), которые были причастны к формированию внешнего вида монеты.

Количественный анализ монетных эмиссий позволяет определить «иконографические приоритеты» конкретного правителя, выделить и проследить историю наиболее устойчивых монетных типов. Устойчивость использования и резкая смена монетного типа, в особенности, если речь идет о продолжительной истории чеканки отражают изменения идеологического курса. Сопоставление типов золотых монет, тетрадрахм и мелких серебряных номиналов позволяет выделить ряд трансформаций иконографической модели, связанных со сменой ключевого монетного типа. Лучше всего это процесс просматривается на типах тетрадрахм, в то время как иконография золотых монет и мелкого серебра играет, скорее, вспомогательную роль. Всего в истории государства Селевкидов наблюдается пять смен иконографической модели, которые приходятся на правления: Селевка II, Антиоха IV, Деметрия I, Антиоха VII, Антиоха VIII.

Глава 2. Царский монетный портрет эпохи эллинизма

Неотъемлемым компонентом иконографии царских монет был портрет царя. Во всех случаях, когда он помещался на монете, портрет занимал лицевую, символически основную, сторону монеты. Царский монетный портрет – новаторство эпохи эллинизма и зеркало царской идеологии. Язык портрета, использовавший нюансы стиля, физиогномических особенностей и дополнительных атрибутов, был не менее значим, чем язык изображения оборотной стороны монеты. Он показывал царскую идеологию «лицом», формируя публичный образ монарха. В главе 2 данного исследования рассматривается типология царских портретов на монетах (2.1.). Отдельный параграф (2.2.) посвящен исследованию стилей и канона царского портрета и идеологической функции царского портрета.

2.1. Incerta omnia et ambigua: типология царских монетных портретов эпохи эллинизма

«Incerta omnia et ambigua» – такой фразой «отец античной нумизматики» И.-И. Эккель охарактеризовал «портретную галерею» Селевкидов[370], что как нельзя лучше актуализирует проблему классификации и типологии царского эллинистического портрета. Многообразие форм и разновидностей царского монетного портрета позволило создать универсальный набор визуальных инструментов, с помощью которых стало возможным выбрать подходящий для конкретного исторического контекста образ. С помощью портрета могли транслироваться идеи легитимности и преемственности, портрет подчеркивал силу политических союзов и выражал благосклонность определенному кругу подданых. Будучи главным символом власти, ключевым инструментом ее персонификации, портрет, прежде всего, монетный, играл структурообразующую

[370] *Eckhel J.H.* Doctrina Numorum Veterum. Vol. III. Vindobonae, 1792. P. 209.

роль в системе визуальной репрезентации царской власти. Именно поэтому, на наш взгляд, важнейшей задачей при работе с царским портретом как элементом царской иконографии является его типологическая характеристика.

2.3.1. Божественные атрибуты: рога, астральные и солярные символы

Как отмечал Дж. Кролл в своей работе, посвященной появлению монетного портрета в период раннего эллинизма, становление портретного жанра было частью формировавшегося культа правителя и отражало запрос на божественность новых эллинистических монархов[371]. Первые портреты, точнее сказать изображения с индивидуальными портретными чертами, представляли собой образы героев, в которых представали Александр и диадохи. Образ Александра оказался связан с изображением юного Геракла в львиной шкуре. Появлению этого образа способствовала не только монетная чеканка самого Александра, но и предшествовавшая Александру чеканка Аргеадов с изображением Геракла в львиной шкуре. Однако несмотря на то, что на монетах Александра изображался именно Геракл, уже в период эллинизма портрет Александра стал дополняться львиной шкурой[372]. Не исключением были и Селевкиды. Первое изображение с портретными чертами появляется на монетах Селевка I. Посмертный портрет Селевка, который чеканится уже на монетах его сына-наследника Антиоха I, также несет признаки обожествления. В более поздний период портрет использовался как важнейший инструмент демонстрации царского культа: хорошо известны портреты Митридата VI в образе молодого Диониса или Антиоха IV в образе Аполлона. Портрет обожествленного правителя дополнялся определенным набором атрибутов.

---

[371] *Kroll J.* The Emergence of Ruler Portraiture. P. 121.

[372] Именно в образе юного Геракла в львиной шкуре Александр был представлен на коммеморативной серии тетрадрахм греко-бактрийского царя Агафокла, так он был запечатлен на печатях из Селевкии на Тигре, многочисленных геммах, памятных сериях бронзовых монетах из Берои, где в римское время существовал культ Александра и знаменитых медальонах из Абукира, времени императора Каракалы (рис. 78). *Dahmen K.* The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins. London – New York, 2016. P. 42.

Рога

В 57 книге своего сочинения «Syriaca» Аппиан приводит крайне важное свидетельство о культе царя Селевка I – «телом он был крепок и велик; рассказывают, что при одном жертвоприношении Александром дикого быка, както вырвавшегося из пут, он один задержал и голыми руками поверг его на землю; в воспоминание этого на его статуях всегда изображаются рога». Упоминание рогов, которыми украшали статуи Селевка находит подтверждение в самых разнообразных источниках. Прежде всего, это коммеморативные выпуски тетрадрахм, не раз уже упоминавшиеся в данном исследовании, отчеканенные от имени Антиоха I. Эти выпуски представляли обожествленного царя Селевка, культ которого был установлен Антиохом I в Селевкии в Пиерии (App. *Syr.* 63). Изображения Селевка с рогами встречаются на оттисках печатей (рис. 119)[373], которые также относятся к периоду после смерти Селевка. Наконец, на недавно открытых мозаиках из Апамеи, которые относятся к еще более позднему времени – концу III в. н.э., царь Селевк также изображен с рогами (рис. 120)[374]. Почему именно рога являются божественным атрибутом, характерным для изображений Селевка и в чем заключается семантика этого символа в данном контексте?

Стоит обратить внимание на то, что Селевк был не единственным правителем эпохи раннего эллинизма, чьи изображения были украшены

[373] Seleucia. Se 2(A), Se 2(B). В приведенных примерах наличие рогов у изображения Селевка бесспорно. В других случаях интерпретация изображения как «статуя Селевка с рогами» вызывает серьезные сомнения.

[374] *Olszewski M.T., Saad H.* Pella-Apamée sur l'Oronte et ses héros fondateurs à la lumière d'une source historique inconnue une mosaïque d'Apamée // Héros fondateurs et indentités communautaires dans l'Antiquité entre mythe, rite et politique / M. Castiglioni, R. Carboni et al. (eds.). Perugia, 2018. P. 365–408; *Olszewski M.T.* Memory and Ideology of the First Successors of Alexander the Great as inscribed on Roman Mosaics from Apameia of Syria // Culture and Ideology under the Seleukids. Unframing a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 97–127.

рогами[375]. Рога известны на монетных портретах Деметрия Полиоркета (рис. 121)[376]. Здесь одни трактуются как один из символов Посейдона, поскольку Деметрий был известен, прежде всего, своей морской победой над Птолемеем при Саламине Кипрском, после чего он и его отец Антигон Одноглазый приняли царские титулы. Иконография монет Деметрия действительно пестрит морской тематикой: нос корабля, Посейдон с трезубцем, афластон. Однако использовать такую трактовку в случае с Селевком, кажется весьма сомнительным. Диодор (XIX. 68. 2–4) упоминает, что некоторое время Селевк служил при Птолемее навархом, а символ Селевка – якорь, несомненно должен взывать к морской символике. Тем не менее ни одна легенда, связанная с образом царя Селевка, не содержит даже намека на какие-то успехи Селевка-флотоводца, не оставляя морскому символизму места в конструировании образа царя Селевка. Как же в таком случае можно объяснить появление рогов на портретах обожествленного Селевка?

Аппиан не единственный автор, который сообщает о рогах, украшавших статуи Селевка. Легенду о жертвоприношении быка и о рогах на изображениях Селевка передает Суда (s.v. Σέλευκος). Псевдо-Каллисфен (2. 28), описывая скульптурную группу у восточных ворот Александрии, отмечает, что статую Селевка можно опознать по наличию рогов. Либаний (*Orat.* 11. 92) отмечает, что рога на статуях Селевка появились как признак почитания Селевком культа Ио, могила которой была расположена в окрестностях Антиохии. Примечательно, что во всех случаях ключевым элементом нарратива является иконография быка (taurine imagery). Бык выступает в качестве ключевого объекта в легенде о жертвоприношении Александра, где Селевк изображен в образе героя, удерживающего быка.

Изображение быка отсутствует на серебряных монетах Селевка. Бычьи рога, украшающие шлем так называемого «неизвестного в шлеме» (рис. 36) –

[375] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen, Frankfurt am Main, 1995. S. 40–46.

[376] *Newell E.* The Coinage of Demetrius Poliorcetes. London, 1927. № 90.

героя, чей образ представляет композит изображений Диониса, Геракла, Александра и Селевка, нельзя отождествлять с рогами, украшавшими статуи самого Селевка, как этого делает О. Хувер[377]. Во-первых, здесь представлены два разных персонажа, либо Селевк в двух различных образах, а, во-вторых, в одном случае рога украшают шлем, что создает принципиальной иной иконографический топос – «рогатый шлем», тогда как в другом случае рогами украшена голова царя. Как убедительно показал в своих работах А. Хутон и сам же О. Хувер, рогатый шлем был самостоятельным символом, хорошо известным на Ближнем Востоке, который также мог использоваться Селевком для легитимации власти, в том числе и через связь с Александром[378].

На бронзовых монетах Селевка изображение бодающего быка встречается довольно часто. Серии бронзовых монет с быком чеканились в Антиохии на Оронте (рис. 122)[379], Селевкии на Тигре[380], в Сузах[381]. Согласно подсчетам Дж. Ширер, в которых, впрочем, есть методологическая шероховатость и неточность, изображение быка на оборотной стороне бронзовых монет Селевка I в различных иконографических вариантах занимало около 35% от общего числа всех бронзовых эмиссий, что, действительно, существенно, если учитывать, что изображение якоря занимало 24% выпусков, а слона 13%[382]. Появление быка именно на бронзовых монетах и отсутствие этого сюжета на серебряных номиналах свидетельствует, скорее, в пользу того, что получателями данных монет были рядовые воины, мелкие торговцы и ремесленники[383].

---

[377] *Hoover O.* Never Mind the Bullocks: Taurine Imagery as a Multicultural Expression of Royal and Divine Power under Seleukos I Nikator // More than Men, less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship / P. Iossif, A. Chankowski, C. Lorber (eds.). Leuven, 2011. P. 198.

[378] *Hoover O.* The Identity of the Helmeted Head on the ‘Victory’ Coinage of Susa // SNR. 2002. 81. P. 51–60; *Houghton A.* Notes on the Early Seleucid Victory Coinage of ‘Persepolis’ // SNR. 1980. 59. P. 5–14; *Marest-Caffey L.* Seleukos I’s Victory Coinage of Susa Revised: A Die Study and Commentary // AJN. 2016. P. 1–63.

[379] SC 24

[380] SC 151

[381] SC 191

[382] *Shearer J.* The specific and the ambiguous. P. 83–89.

[383] *Iossif P.* Les “cornes” des Séleucides: vers une divinisation “discrete” // Cahiers des études anciennes. 2012. 49. P. 50.

Иными словами, наименее обеспеченные слои населения. Однако стоит вспомнить высказанный ранее тезис о том, что бронзовые монеты, отмеченные только условной стоимостью металла, нуждались в большей поддержке центральной власти, чем монеты из драгоценных металлов, в результате чего изображения именно бронзовых монет были больше связаны с актуальной царской/династической/полисной идеологией.

В историографии существует несколько объяснений такой популярности изображения быка на бронзовых монетах Селевка и, в целом, использования сюжетных мотивов, связанных с иконографией быка. По мнению О. Хувера, появление изображений с рогами и, в целом, иконографии быка продиктовано попытками Селевка создать образ легитимного правителя в глазах представителей различных культур (вавилонской, иранской, сирийской), где культ быка пользовался особой популярностью[384]. Несмотря на универсальность данного объяснения, стоит отметить, что культ быка действительно был одним из самых почитаемых на Ближнем Востоке, однако, в той же степени в какой он почитался у иранцев, вавилонян и сирийцев, также мы обнаруживаем его в Египте, Индии и на Крите, что ни в коем случае не означало, что украшая свои статуи рогами, Селевк (либо уже кто-то из его наследников) обращался к представителям этих культур. Вероятно, появление быка и его отдельных атрибутов действительно было следствием почитания этого животного многими народами державы Селевкидов, однако, задача представить быка как универсальный образ не ставилась изначально.

Согласно следующей точки зрения, изображения быка связано прежде всего с историей Аппиана, которая легитимирует власть Селевка через посредничество с Александром[385]. П. Иоссиф уделяет большое внимание самому акту жертвоприношения, подчеркивая особый культовый статус этого явления[386].

---

[384] *Hoover O.* Never Mind the Bullocks. P. 217–218; Ср. *Troncoso V.A.* The Zoology of Kingship: From Alexander the Great to the Epigoni (335 – c. 250 BC) // Anabasis. 2014. P. 61–64.

[385] *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 59.

[386] *Iossif P.* Les “cornes” des Séleucides. P. 45–68.

Изображение быков на монетах Селевка имеет ряд стилистических особенностей, позволяющих определить их как жертвенных. Здесь же стоит вспомнить барельеф из Бейрута с изображением сцены жертвоприношения, где мужской персонаж, держащий на привязи жертвенного быка, был определен А. Сейригом как Селевк (рис. 123)[387]. Роль Селевка как укротителя жертвенного быка, по мнению П. Иоссифа, создавала образ богоизбранности власти Селевка.

В некоторых случаях в иконографии быка видят более глубокий символизм, который связан с силой и мужеством[388]. Опираясь на эту точку зрения, Д. Огден склонен видеть здесь связь с Гераклом[389], которая имела сразу в несколько проявлений: связь между легендами о рождении Геракла и Селевка (как и о рождении Александра), связь жертвенного быка Александра, удержанного Селевком и укрощение Гераклом критского быка (как и укрощение/приручение Александром Буцефала), связь между основанием Антиохии Селевком и основанием полиса, существовавшего на месте Антиохии Гераклидами, связь между Гераклом и Антиохом в легендах об основании Дафны и Апамеи. В целом, такая связь между Селевком и Гераклом подчеркивает статусность культа Геракла, который был особо чтим при основателе династии и постепенно отошел на второй план в более поздний период[390]. Эта связь легендарного Селевка с легендарным Гераклом существовала и в период поздней античности. На упомянутых мозаиках из Апамеи в сцене основания Антиохии рядом с царями-основателями Селевком и Антиохом изображен Геракл.

Большинство известных нам изображений Селевка с рогами, либо упоминаний о них происходят из Сирии[391]. Действительно, в Сирии был весьма популярен культ быка. На бронзовых монетах Селевкидов из Антиохии на

---

[387] *Seyrig H.* Scène historique sur un chapiteau du Musée de Beyrouth // RÉA. 1940. P. 340–344.

[388] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 41.

[389] *Ogden D.* Seleucus and the Typology of Heracles // Culture and Ideology under the Seleukids. Unfraiming a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 77–96; *Erickson K.* The Early Seleukids. P. 52.

[390] *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. S. 6–12.

[391] Попытки связать сообщение Аппиана с Селевкией на Тигре. *Iossif P.* Les “cornes” des Séleucides. P. 140.

Оронте бык появляется неоднократно. На автономных выпусках и эмиссиях периода римского правления из Антиохии мы также обнаруживаем изображение быка (рис. 124)[392]. Бык встречается и на весовых гирях Антиохии (рис. 125)[393]. Античная традиция сохранила любопытный эпизод из жизни позднеантичной Антиохии. В период правления Юлиана Отступника в городе произошла замена монетного типа (вероятно, полисной чеканки) с изображения святого на изображение быка, чтимого местным населением[394]. Таким образом, Антиохия (шире, Сирия) демонстрирует хороший пример существования домакедонского культа быка[395], который хорошо интегрировался в общую мифологическую картину власти Селевка. Однако, едва ли существование локального культа в Сирии стало причиной появления традиции изображать Селевка с рогами на монетах крупных серебряных номиналов даже в отдаленных от Сирии регионах.

Примечательно, что все изображения Селевка I с рогами, а также упоминания о них в литературной традиции относятся ко времени после смерти царя Селевка. Это позволяет предположить, что официальная иконография обожествленного Селевка, как, впрочем, и остальной официальный нарратив об основателе династии начали складываться при наследнике Антиохе в рамках формирования династического самоопределения Селевкидов. Наследники Селевка I лишь изредка чеканили на своих бронзовых монетах быка. При Селевке II бык вновь появляется на монетах. На бронзовых выпусках (правда, в меньшем количестве) появляется изображение жертвенного быка, а на отдельных эмиссиях бронзовых монет портрет Селевка, украшенный рогами. В более поздний период такие портреты с рогами чеканили Антиох III и Деметрий I[396]. Во всех случаях рога выступали атрибутом божественности правителя.

---

[392] RIC VIII. 216–218.

[393] Pondera 3509

[394] Socr. Schol. *Eccl*. 3. 17; *Elkins N.* Money, Art and Representation. P. 108.

[395] Н. Райт склонен отождествлять рога на портретах Селевкидов с культом Зевса-Баала. *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 120–121.

[396] В рамках данной работы мы не рассматриваем бронзовые выпуски Антиоха III из Суз (SC 1222), Деметрия II из Дамаска (SC 2180), а также Селевка VI из Антиохии (SC 2408) как примеры иконографии портрета с рогами. В некоторых случаях появления «рога»

Астральные и солярные символы: звезды и лучевая корона

На некоторых портретах селевкидских правителей можно встретить астральные/солярные символы, которые также являются божественными атрибутами. Звездами были украшены шапки Диоскуров на монетах Селевка II[397] и Антиоха VI[398], звезду держит Зевс Ураний на монетах Антиоха VIII[399], а также две звезды появляются рядом со статуей Афины Магарсии на монетах того же правителя[400]. Известны также надчеканки с изображением якоря, дополненного звездой. Здесь же уместно вспомнить и о весовых гирях Антиоха IV. На одной из них изображена Ника, по бокам которой расположены звезды[401], на второй только шестилучевая звезда[402]. Традиционно в селевкидском контексте звезды ассоциировались с культом Диоскуров[403]. Однако, согласно мнению целого ряда исследователей[404], звезда, дополняющая царский портрет демонстрирует связь не с каким-то конкретным божеством, но является общим символом божественности царя. Такое дополнение царских портретов Селевкидов звездами встречается крайне редко. Большинство известных примеров относится к правлению Антиоха IV[405].

является повреждением штемпеля, в других же авторской интерпретацией, не подкрепленной достаточными аргументами. См.: *Fischer Th.* The Horn of Demetrius II, Seleucid King in Syria // Coins & Antiquities. 1976. 53. P. 7–12; *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 120–121.

[397] SC 756

[398] SC 2000

[399] SC 2298

[400] SC 2290

[401] Pondera 3591

[402] Pondera 16395

[403] *Kyrieleis H.* Theoi horatoi. S. 65. Исключением можно считать лишь серию золотых статеров Антиоха II из Бактрии. SC 617.

[404] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 42; *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes. S. 135–136; *Kyrieleis H.* Theoi horatoi. S. 65–67; *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios. P. 32.

[405] Печать из Селевкии на Тигре с изображением бюста Антиоха IV (Seleucia. Se 40), на которой, по мнению А. Инверницци перед царем расположена звезда, на наш взгляд, не может быть привлечена для исследования (рис. 126). Сохранность известного оттиска данной печати не позволяет утверждать, что здесь имеется изображение звезды. Действительно, стилистически портрет Антиоха на данной печати весьма близок (если не является копией) портрета Антиоха на тетрадрахмах из Ака-Птолемаиды (SC 1472). Более любопытным кажется присутствие на печати изображение пальмовой ветви, расположенной за

Впервые портрет царя, украшенный звездой, появляется на серия бронзовых монет из Селевкии на Тигре с изображением богини Никефоры (вероятно, репрезентация какого-то локального, либо синкретического божества), датированной около 173/2 г. до н.э. (рис. 107)[406]. После звезда над головой царя Антиоха в диадеме появляется на тетрадрахмах из Ака-Птолемаиды (рис. 108)[407] около 170–168 г. до н.э. Звезда над портретом царя известна на эмиссии тетрадрахм из Селевкии в Пиерии (рис. 109)[408], а также на серии бронзовых монет из Тира (рис. 110)[409], которая датируется 169/8 и 168/7 годами до н.э. Наконец, в монетной чеканке Антиохии на Оронте портрет Антиоха IV также был украшен звездой, которая, впрочем, располагается не над головой правителя, а на концах лент диадемы (рис. 111)[410]. Похожий иконографический прием известен и на монетах Ака-Птолемаиды (рис. 112)[411]. Около 169 г. до н.э. в Антиохии на Оронте вместо звезд на лентах диадемы впервые появляется портрет правителя в лучевой короне (рис. 113)[412], что считается эволюцией солярного символизма. Примером такой эволюции является группа монет, получившая в историографии наименование ‘celestial silver group’[413]. Данная группа включает серию серебряных монет разных номиналов типа «Аполлон на омфале» и демонстрирует два варианта царского портрета – со звездой над головой (рис. 114)[414] и в лучевой короне (рис. 115)[415]. Локализация монетного

спиной царя. Такое же изображение пальмовой ветви, в качестве обозначения монетного двора, присутствует на той же серии тетрадрахм из Ака-Птолемаиды (SC 1474). Подобный художественный прием мы можем обнаружить и на печатях Селевка IV в лучевой короне (!), где за затылком также расположена пальмовая ветвь (Seleucia. Se 30). Птолемеевских примеров царского портрета, допиленного звездой/звездами, значительно больше. *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts auf Siegelabdrücken aus Paphos (Paphos IV B). Wiesbaden, 2015. C 29, 62, E 1, 24, F 11, G 3, L 1, 151.

[406] SC 1513

[407] SC 1472

[408] SC 1424

[409] SC 1463

[410] SC 1394–1397, 1400, 1403–1404

[411] SC 1474–1476

[412] SC 1405–1406

[413] *Iossif P., Lorber C.* Celestial Imagery on the Eastern Coinage of Antiochus IV // Mesopotamia. 2009. P. 135.

[414] SC 1517–1518

[415] SC 1519–1522

двора, на котором были отчеканены эти монеты, является предметом дискуссии. Данные выпуски относили к производству Антиохии на Персидском заливе[416], Суз[417], Селевкии на Тигре[418]. А. Хутон и К. Лорбер, не разделяя ни одну из версий, определили возможным регионом чеканки либо Мидию, либо Персиду, что частично подтверждается и кладовыми находками[419]. Портрет Антиоха IV на монетах данной серии имеет некоторые стилистические параллели с печатями из архивов Селевкии на Тигре и Урука. Так, портрет Антиоха IV со звездой представлен в виде драпированного бюста, а не головы правителя, что само по себе является редким художественным приемом как для Селевкидов в целом, так и для Антиоха IV в частности. Однако на печатях из Селевкии на Тигре и Урука (рис. 116)[420] встречается именно такой вариант царского портрета. Более того, на печатях из Урука Антиох представлен в лучевой короне. Весьма любопытно, что появление лучевой короны является более поздним вариантом развития царского портрета по отношению к портрету со звездой. Хорошим примером тому является вторая серия бронзовых монет из Селевкии на Тигре с изображением сидящей богини Никефоры (рис. 117)[421]. В отличие от первой серии, изображение звезд над головой царя и богини было заменено на портрет Антиоха в лучевой короне. Похожая ситуация наблюдается и в иконографии бронзовых выпусков Тира, где портрет со звездой сменяет портрет в лучевой короне. При этом, как отмечают П. Иоссиф и К. Лорбер, происходит упрощение легенды, исключение божественной эпиклезы.

---

[416] *Mørkholm O.* The Seleucid Mint at Antioch on the Persian Gulf // American Numismatic Society Museum Notes. 1970. P. 31–32.

[417] *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes (Mémoires de la mission archéologique en Iran, t. XXXVIII). P., 1965. P. 62–63.

[418] *Iossif P., Lorber C.* Celestial Imagery. P. 135.

[419] Две тетрадрахмы со звездой над головой были обнаружены в составе клада из Сузианы (IGCH 1805), одна драхма с портретом в лучевой короне происходит из клада в Персиде (IGCH 1806), который включает большое количество драхм, произведенных в Мидии. Остальные экземпляры имеют коммерческое происхождение и были приобретены либо в Тегеране, либо в целом на территории современного Ирана. *Houghton A., Lorber C.* Seleucid coins. Vol. II. P. 108.

[420] *Lindström G.* Uruk. № 242-1.

[421] SC 1508

Солярная иконография на монетах Антиоха IV традиционно в историографии интерпретируется как декларация божественности (эпифании) самого Антиоха[422]. По мнению П. Иоссифа и К. Лорбер, сам по себе мотив портрета со звездой может быть интерпретирован как двухэтапный процесс. Первый этап совпадает с принятием в 171 г. до н.э. Антиохом эпитета θεὸς ἐπιφανής и появлением портрета со звездой. На данном этапе и изображение, и легенда демонстрируют исключительно божественность царя Антиоха, его эпифанию. Второй этап совпадает с появлением портрета в лучевой короне и представляет Антиоха в образе солярного божества. Стоит отметить, что процесс, обозначенный П. Иоссифом и К. Лорбер как двухэтапный, по всей вероятности имел некий нулевой этап, на котором, как показывает материал из Антиохии на Оронте, и, отчасти, Ака-Птолемаиды, портрет не был снабжен никакими божественными атрибутами, но тем не менее, с художественной точки зрения, имел более реалистичные черты лица и элементы ювенильности.

Одной из ключевых проблем в интерпретации звезды как символа является отождествление ее с солнцем. К. Лорбер и П. Иоссиф полагают, что звезды на портретах Антиоха IV, лучевая корона, а также изображения головы Гелиоса, известные на выпусках серии «Аполлон на омфале» Селевкии на Тигре[423], представляют собой единое символическое пространство, связанное с культом синкретического солярного божества[424]. К этому ряду аналогий стоит добавить и весовую гирю Антиоха IV, на которой изображены две звезды. Весьма соблазнительно отождествить и надчеканку с изображением якоря и звезды с Антиохом, однако, на это нет прямых указаний. Все

---

[422] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 42; *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes: Eine politische Biographie, Berlin, 2006. S. 136; *Kyrieleis H.* Theoi horatoi. Sternsymbolik hellenistischer Herrscherbildnisse // Studien zur Klassischen Archäologie. Festschrift F Hiler. Saarbrücken, 1986. S. 55–72; *Iossif P., Lorber C.* Celestial Imagery. P. 11. См. *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios in the Seleucid East // Topoi. Occident-Orient. 2008/2009. P. 19–42 – обзор ближневосточной иконографии звезды как символа божественности и эпифании.

[423] SC 1505

[424] *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios. P. 26–29. Ф. Мучиоли связывал появление звезд с первым именем Антиоха IV – Митридат. *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 2013. P. 294.

представленные материалы позволили высказать предположение о существовании культа Антиоха-Гелиоса[425]. В птолемеевском контексте П. Иоссиф и К. Лорбер также видят в лучевой короне, которая появляется здесь значительно ранее, отсылки к культу солярного божества, правда имевшего локальный характер[426].

Портрет царя Антиоха IV в лучевой короне встречается на монетах, отчеканенных на различных монетных дворах, включая Селевкию на Тигре[427], Экбатаны[428], Ака-Птолемаиду[429]. Такой же портрет мы встречаем и на печатях из Урука[430]. Однако первое изображение селевкидского правителя в лучевой короне относится к периоду правления Антиоха III – фрагмент печати из Селевкии на Тигре с изображением юноши в лучевой короне, которого принято отождествлять с молодым наследником – Селевком IV (рис. 127)[431]. Более того, известны две серии бронзовых монет Селевка IV из Селевкии на Тигре с изображением головы Гелиоса в лучевой короне на лицевой стороне[432]. Это позволило предположить, что еще в начале II в. до н.э. культ Гелиоса приобрел для Селевкидов особое значение. В историографии существует мнение, что появление культа Гелиоса в царской иконографии Селевкидов было результатом политической активности Гелиодора, наиболее влиятельного вельможи Селевка IV. Данное утверждение основывается на серии селевкидских надчеканок с изображением головы Гелиоса на монетах Сиде и Аспенда ассоциируется именно с активностью Гелиодора (рис. 30)[433], чего, очевидно, недостаточно для подобных выводов. Как видно из последующих событий политической истории, свержение Гелиодора Антиохом IV в 175 г. до н.э., никак не

---

[425] *Bunge J.G.* Antiochos Helios: Methoden und Ergebnisse der Reichspolitik Antiochos' IV. Epiphanes von Syrien im Spiegel seiner Münzen // Historia. 1975. 24. S. 164–188.

[426] *Iossif P., Lorber C.* The Rays of the Ptolemies // RN. 2012. P. 197–224.

[427] SC1508

[428] SC 1535

[429] SC 1479

[430] *Lindström G.* Uruk. № 242-1.

[431] Seleucia. Se 30-31. *Messina V.* «Presto sarò re»: Seleuco IV come Helios sulle cretule da Seleucia al Tigri // Parthica. 2001. 3. P. 9–23, *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios. P. 26.

[432] SC 1336–1337

[433] *Metcalf W.E.* A Late Second-Century Hoard. P. 19–53.

сказалось на репрезентации культа Гелиоса в царской иконографии Селевкидов, напротив, солярная символика в царской иконографии Антиоха IV получила новое развитие.

По мнению К. Лорбер и П. Иоссифа, культ Гелиоса в данном контексте был частью синкретического культа Аполлона[434]. Одним из атрибутов этого культа была звезда. На серии золотых статеров «Аполлон на омфале» Антиоха II из Ай-Ханума рядом с божеством изображается звезда как символ божественной легитимации власти царя[435]. Такой культ синкретического солнечного божества был весьма удобен и своей культурной универсальностью, поскольку удачно монтировался с ближневосточными религиозными преставлениями о солярных божествах[436]. Н. Райт полагает, что в контексте сирийских культурно-религиозных представлений появление лучевой короны было знаком совершенного ритуального брака царя с богиней Атаргатис, что подчеркивало божественность царя[437].

Можно найти и другие объяснения появлению лучевой короны в царской иконографии Селевкидов. Портрет правителя в лучевой короне впервые известен на монетах Птолемея IV (рис. 128)[438] во второй половине III в. до н.э. и вполне может быть прототипом лучевой короны Селевка IV и Антиоха IV. Направление лучей этой короны (строго вертикальное, а не расходящиеся в стороны) на ранних портретах Антиоха IV совпадает с портретами Птолемея IV. Однако, несмотря на это, утверждать, что Селевкиды заимствуют здесь общую концепцию, а не просто атрибут как таковой, не приходится. С другой стороны, как отмечает С. Люке, и у Селевкидов, и у Птолемеев все цари, чьи

[434] *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios. P. 32–33.

[435] SC 616

[436] Ср. *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 19; *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 72.

[437] *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 79.

[438] CPE 887; Изображения Птолемеев в лучевой короне встречаются и на печатях (рис. 129). См.: *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts. C 3, 25, 30. Особый интерес представляет экземпляр C 29 с изображение Птолемея VIII, где кроме лучевой короны портрет дополняет звезда.

портреты дополнялись лучевой короной, носили эпитет «Эпифан». В данном случае лучевая корона может рассматриваться как визуализация эпитета[439].

В качестве еще одного объяснения происхождения лучевой короны можно вспомнить и образ Александра-Гелиоса, известный по памятникам пластики и глиптики[440]. Широко представлены бюсты и камеи с изображением Александра в лучевой короне[441]. Все эти памятники датируются периодом позднего эллинизма – после середины II в. до н.э.[442], однако, допустимо, что сам культ оформился ранее. Возможно, что такая связь с Александром была определяющей для появления лучевой короны на монетах эллинистических правителей. Особо стоит вспомнить и изображение Александра-космократора на стенке сосуда из Амиса, относящееся ко II в. до н.э. (рис. 130)[443]. В данном случае голова Александра украшена головным убором с изображением солнца, луны и трех дисков со звездами[444]. Лучевая корона как портретный элемент образа Александра может символизировать апофеоз – божественное просветление, переход от человеческого к божественному[445].

К сожалению, определить точное происхождение и семантику астральных и солярных символов, которыми дополнены портреты Селевкидов (кроме связи с божественной природой), однозначно невозможно. Лучевая корона стала одним из наиболее распространенных атрибутов царских портретов Селевкидов и продолжала использоваться после падения Селевкидов. Астральная/солярная иконография Селевкидов была заимствована парфянами и царями Харракены, на монетах которых также портрет правителя украшался изображением звезды. В римский период лучевая корона часто появляется как

---

[439] *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 298.

[440] *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. С. 195–201.

[441] *Васильева Т.М.* Александр в образе Гелиоса. С. 142.

[442] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 20. Иконография этих изображений близка иконографии солярного божества на монетах Веспасиана RIC 689

[443] См. *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 46.

[444] *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. С. 202; *Zolotnikova O.* Visual Evidence for the Cult of Antiochus IV // Numismatica e antichità classiche. 2002. P. 248–249.

[445] *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. P. 32; *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 51.

атрибут императорского портрета. Наиболее заметными в данном случае являются выпуски ауреусов Калигулы, на лицевой стороне которых изображена головы Калигулы, а на оборотной обожествленного Августа в диадеме, лучевой короне, дополненная двумя звездами (рис. 86а)[446]. Гипотеза К. Лорбер и П. Иоссифа о существовании культа Аполлона-Гелиоса на селевкидском Востоке в образе которого изображался Антиох IV выглядит весьма убедительной, в особенности в контексте эллинистического синкретического отождествления Аполлона с Гелиосом[447]. Однако, к сожалению, это предположение строится на узком круге иконографических аналогий и весьма уязвимой теории использования Селевкидами универсальных культов синкретических божеств для проведения централизованной религиозной политики, в рамках которой нужно было выработать универсальный символизм для объедения всех главных религий, составляющих «единое» тело державы Селевкидов.

2.3.2. Символы власти и атрибуты полководца: диадема, шлем, кавсия

Среди типологического разнообразия царских портретов можно выделить отдельную группу изображений, дополненных различными атрибутами, которые формируют образ царя и полководца. Такие портреты являются весьма распространенными и чаще остальных встречаются на монетах и печатях.

Диадема

Наиболее распространенным атрибутом царского портрета была диадема. Царские портреты в диадеме встречаются повсеместном в царской иконографии, а также на изображениях, принадлежавших частным лицам и заказанных полисными властями. Диадему можно считать ключевым

[446] RIC. Caligula 1

[447] *Наумова Е.С.* Аполлон и Гелиос в греческом мире: к проблеме отождествления богов в античной мифологии и религии. М., 2024. С. 173.

иконографическим элементом, служащим для атрибуции царского портрета. По сообщению древних авторов диадема была основным символом царской власти, наряду со скипетром, никогда не дополнявшим царский монетный портрет, и пурпурной хламидой. Древнегреческое слово διάδημα происходит от глагола διαδέω (повязывать вокруг). В контексте эллинистического изобразительного искусства понятие диадема употребляется исключительно для обозначения царской диадемы, хотя в классический период оно могло обозначать просто головную повязку[448].

Р. Смит выделяет несколько разновидностей царской диадемы. На монетах эллинистических царей чаще встречается так называемая «плоская» диадема. Она представляет собой ленту белой ткани, повязанную на затылке[449]. Два конца этой диадемы располагаются на спиной. На монетах и печатях эти ленты диадемы могли изображаться произвольно, чаще их расположение (ровно за спиной, развиваются за спиной, один конец располагается на плече, другой лежит ровно) зависело от мастера резчика штемпеля, который, судя по всему, ориентировался на существующий стилистический стандарт. В некоторых случаях края лент диадемы были орнаментированы, однако, чаще на монетах эта деталь опускалась. Второй разновидностью диадемы была «скрученная» диадема. Примеры царского портрета с такой диадемой единичны: это бюст Антиоха III из Лувра (рис. 87), портреты Птолемея III и Птолемея XII, портрет Селевка I на монетах Филетера (рис. 87а).

Как символ эллинистической царской власти диадема имеет довольно сложное происхождение. Диодор (XVII. 77. 6) и Курций Руф (VI. 6. 1) сообщают, что Александр заимствовал диадему у Ахеменидов, хотя античные авторы в целом упоминают царскую диадему Александра в самом широком контексте. Согласно мнению М. Хааке, диадема у Ахеменидов не была особым царским знаком или символом власти. Даже при Александре и диадохах диадема не имела ритуального и/или легитимирующего значения, не

[448] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 34.
[449] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 34.

представляла собой ни корону, ни какой-то связанный с ней ритуал, а также не подразумевала какой-то претензии на определенную территорию и не обладала юридическим статусом[450]. Впервые Александр надел диадему после победы при Гавгамелах, хотя это был, скорее, эфемерный жест. Р. Смит полагал, что диадема, известная также у персов и мидян, была персональным символом власти Александра и подчеркивала его статус как «царя Азии»[451], т.е. ко времени Александра уже имела статус знака царской власти. Примечательно, что изображения Александра в диадеме редки[452]. Свой символический статус диадема приобрела, вероятно, сразу после смерти Александра, а может быть и еще позже – при втором поколении эллинистических монархов. В традиции «романа о Селевке» сохранилось сообщение о царской диадеме, оброненной Александром и поднятой Селевком, что понималось античными авторами как знак передачи власти. Курций Руф также упоминает эпизод о диадохах, обнаруживших после смерти Александра трон царя с лежащей на нем диадемой (Curt. X. 6. 1). Для диадохов принятие царского титула также было символически связано с возложением диадемы. В период эллинизма диадема получила несколько иную трактовку. Плиний (*HN*. VII. 191) и Диодор (IV. 4. 4), передавая слова неизвестного эллинистического автора, отмечат, что диадема

---

[450] *Haake M.* Diadem und *basileus*. Überlegungen zu einer insignie und einem titel in hellenistischer Zeit // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 294, 302.

[451] См.: *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 35; *Fredricksmeyer E.A.* The Origin of Alexander's Royal Insignia // Transactions of the American Philological Association. 1997. P. 109. В целом, попытка обнаружить более глубокие восточные корни эллинистической диадемы не принесла особых результатов. Царский головной убор в виде повязки (kuluku) был известен в Новоассирийский период, однако, всегда изображался вместе с тиарой (agu). Утверждать о преемственности практики использования этого символа власти у ассирийцев и персов не приходится, ввиду отсутствия точных иконографических параллелей. См. *Novak M.* Diadem und Königtum im alten Orient // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 9–34. В современной историографии принято считать, что диадема не была частью обязательного набора символов ближневосточного правителя.

[452] См. *Dahmen K.* Alexander und das Diadem. Die archäologische und numismatische Perspektive // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 281–282.

впервые была изобретена Дионисом как символ его побед на востоке, чему последовали и эллинистические цари[453]. Такая трактовка, очевидно, возникла на фоне возросшей популярности культа Диониса в эллинистический период в воинской среде, а также особого почитания Диониса Александром[454].

Разновидностью царской диадемы, которая встречается в том числе и на портретах селевкидских царей является крылатая диадема. В селевкидском монетном деле она появляется только на портретах Антиоха Гиеракса, и ее интерпретация традиционно вызывает ряд сложностей (рис. 46)[455]. В более широком эллинистическом контексте крылатая диадема встречается на монетах царей Македонии, Египта и Вифинии. По мнению Р. Смита, крылатая диадема обладала локальным символизмом и имела индивидуальное значение для каждого случая в отдельности. В Египте она была связана с синкретическим Гермесос-Тотом. У македонских царей крылатая диадема ассоциировалась с Персеем, считавшемся прародителем династии[456]. Р. Додд предположила, что крылатая диадема Антиоха не была связана с его прозвищем «Гиеракс», т.е. «ястреб», но имела локальное (полисное) прочтение, и должна интерпретироваться в контексте культурно-религиозной жизни Лампсака (культ Пегаса), который чеканил монеты с портретом в крылатой диадеме[457]. Крылатая диадема встречается на монетах Прусия II. Анализируя иконографию монет этого правителя, Н. Кей предложил рассматривать крылатую диадему как два отдельных изображения: царская диадема и крылья, однако, это не добавляет ничего существенного к пониманию данного символа[458]. Стоит обратить внимание на то,

---

[453] См. *Haake M.* Diadem und *basileus.* S. 297–298. О диадеме Александра на монетах Птолемея I как атрибуте Диониса см.: *Smith R.R.R.* Diadems, Royal Hairstyles, and the Berlin Attalos // Art of the Hellenistic Kingdom. From Pergamon to Rome / S. Hemingway, K. Karoglou (eds.). New York, 2019. P. 75.

[454] См. *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. С. 160.

[455] Хорошим примером этого является обзор С. Люке, в котором автор перечисляет все известные примеры изображений с крылатой диадемой, но не приводит ни одного объяснения ее семантики. *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild. S. 298–299.

[456] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 34.

[457] *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 76–82.

[458] *Kaye N.* The Silver Tetradrachms of Prousias II of Bithynia // AJN. 2013. P. 24–25.

что крылатая диадема встречается и на римских республиканских денариях Квинта Тита 90 г. до н.э.[459], где изображен Приап в крылатой диадеме. Однако в данном случае речь действительно идет о локальном символизме данного атрибута.

Крылатая диадема – единственный атрибут, которым дополнен портрет Антиоха Гиеракса и единственная особенность его иконографии. Во всем остальном иконография портрета и единственного типа его монет – Аполлона на омфале – не имеет существенных отличий. При этом, ни о каких союзах Антиоха Гиеракса с Македонией или Вифинией нам неизвестно. Учитывая то обстоятельство, что монеты Антиоха Гиеракса с крылатой диадемой чеканились на монетных дворах Западной Малой Азии, нельзя исключать, что появление крылатой диадемы было проявлением какой-то локальной иконографической традиции[460].

Шлем

Отельным типом царского эллинистического портрета является портрет в шлеме. Нередко портрет дополнялся доспехами и оружием. Такое использование военных символов не вызывает удивления. Как это было отмечено еще Э. Бикерманом, царская власть эллинистических монархов покоилась на образе правителя как удачливого полководца[461]. Именно поэтому воинская символика, присущая изображениям эллинистических монархов, включая портретный жанр, была неотъемлемой частью царской иконографии. Чаще остальных эллинистических монархов в шлемах изображались правители Греко-Бактрии и индо-греческих государств. Они изображались либо в образе дорифора (копьеносца), либо просто в широкополом шлеме и кирасе (рис. 90). Вероятно, тот же образ полководца использовал и весьма загадочный правитель Пенджаба Софит, изображавшийся на своих монетах исключительно в шлеме

[459] *Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambridge, 1975. № 341/1.

[460] Ср. *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 70; *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 123–124.

[461] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. С. 16.

(рис. 152). Известны и изображения царей в кавсии – головном уборе воинов, о чем речь пойдет ниже.

У Селевкидов изображение правителя в шлеме встречается не так часто и имело особое символическое значение. Изображение героизированного синкретического персонажа в шлеме украшает лицевую сторону самой первой серии монет Селевка I (рис. 36). Наследники Селевка I никогда не помещали на серебряные монеты свое изображение в шлеме. Напротив, портрет селевкидского царя в шлеме чаще помещался на бронзовых монетах. Такие выпуски бронзы с портретом в шлеме были весьма локальны и предназначались для воинов, которым демонстрировался царь-полководец. По всей видимости, такие эмиссии были вызваны какими-то внешнеполитическими обстоятельствами и декларировали военные амбиции монарха. Хорошо известны изображения в шлеме Александра I (рис. 131)[462], вероятно, в период апогея внутреннего конфликта с Деметрием II. В 139 г. до н.э. в Селевкии на Тигре, которая ненадолго была отвоевана у парфян, была отчеканена серия бронзовых монет с портретом Деметрия II в шлеме (рис. 94а). Очевидно, что особая политическая ситуация и необходимое военное сплочение стали поводом для использования такого визуального образа как портрет царя в шлеме.

Шлем является неотъемлемой часть иконографии селевкидских узурпаторов Тимарха и Трифона. Детальному анализу иконографии этих правителей посвящены отдельные разделы настоящего исследования: Тимараха – 4.2.1, Трифона – 4.3.2. Здесь же отметим, что на тетрадрахмах Тимарх изображен в шлеме (рис. 97а)[463], что, безусловно, подчеркивало полководческий характер его власти, поскольку сам Тимарх был правителем/стратегом «верхних сатрапий». В случае с Трифоном речь идет не о портрете, но об изображении уникального парадного шлема, которое тиражировалось на монетах всех номиналов, гирях и надчеканках узурпатора (рис. 98, 26, 31)[464]. Учитывая социальное

[462] SC 1790
[463] SC 1588, 1589
[464] SC 2031

происхождение Диодота Трифона – полководец и командующий конницей, появление шлема как символа его персональной власти не вызывает удивления.

Отдельно стоит отметить, что портреты селевкидских правителей в шлеме появляются только на монетах. В корпусе печатей есть мужские портреты в шлеме, однако их атрибуция, зачастую ввиду плохой сохранности оттиска и, как следствие, отсутствия следов изображения диадемы, невозможна[465].

Типологически шлемы на селевкидских монетах разнообразны. На монетах Селевка I изображен аттический шлем, на монетах Александра I – беотийский. Деметрий II также носит беотийский шлем, но несколько иного вида. Шлем Тимарха классифицируется как бактрийский вариант беотийского. В целом, несмотря на типологические различия, пожалуй, только шлем Диодота Трифона можно считать единственным примером, когда детализация артефакта имела принципиальное значение. В остальных случаях шлем выступал как символ, нежели воспроизведение реального предмета.

Кавсия

Воинский головной убор – кавсия в сочетании с диадемой также встречается на портретах эллинистических правителей, в том числе и Селевкидов. Кавсия представляла собой берет с широкими полями. Известны многочисленные изображения кавсии на фресках и мозаиках, а также упоминания в литературной традиции. Происхождение кавсии стало одной из самых дискуссионных проблем в истории изучения этого головного убора. Как полагал Б. Кингсли, кавсия происходила из северо-западной Индии и была заимствована македонскими воинами во время походов Александра[466]. Версия Б. Кингсли

[465] Именно поэтому атрибуция серии оттисков с мужским портретом в беотийском шлеме, который А. Инверницци отождествлял с Тимархом, вызывает сомнения. Seleucia. Se 44–46.

[466] *Kingsley B.M.* The Cap that Survived Alexander // American Journal of Archaeology. 1981. P. 39–46; *Kingsley B.M.* The Kausia Diadematophoros // American Journal of Archaeology. 1984. P. 66–68.

вызвала горячую дискуссию и критику. В современной историографии родиной кавсии чаще принято считать Балканы, либо, конкретно Македонию[467].

Будучи головным убором македонского происхождения, кавсия также является атрибутом образа Александра[468]. По мнению Е. Янссена, в эллинистической иконографии кавсия выступает символом македонских традиций и преемственности Александру. Несмотря на вероятную региональную семантику, распространенная по всему эллинистическому миру кавсия имела строго македонский символизм. Она могла быть важным легитимирующим символом для определенной социокультурной группы, прежде всего, той части войска, которая ассоциировала себя с македонскими воинами-колонистами, некогда переселившимися на Восток. Использование таких македонских символов в царской иконографии хорошо известны во II в. до н.э. Эта группа потомков македонских колонистов представляла собой весьма привилегированную часть войска, что требовало особого отношения к ней со стороны царской власти.

Портреты царя в кавсии встречается на монетах и печатях различных эллинистических правителей, включая Селевкидов. Хорошо известны монетные портреты в кавсии греко-бактрийских царей (рис. 90)[469] и портреты в кавсии на печатях Птолемеев[470]. Подобно портретам в шлеме, атрибуция портрета в кавсии как царского возможна только при наличии диадемы, что порой бывает весьма затруднительно, ввиду плохой сохранности экземпляров[471]. Простое наличие кавсии не дет оснований рассматривать портретное изображение как

---

[467] *Fredricksmeyer E.A.* Alexander the Great and the Macedonian Kausia // Transactions of the American Philological Association. 1986. P. 215–227; *Fredricksmeyer E.A.* 1994. The Kausia: Macedonian or Indian? // Ventures into Greek History / Worthington I. (ed.). Oxford – New York. P. 135–158; *Никоноров В.П.* Македонская кавсия на индо-иранском пограничье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб, 2019. С. 130–136; *Janssen E.* Die Kausia. Symbolik und Funktion der makedonischen Kleidung. PhD thesis. Göttingen, 2007. S. 43–45.

[468] *Janssen E.* Die Kausia. S. 244. Плутарх (*Ant*. 54) называет кавсию, повязанною диадемой, атрибутом преемников Александра.

[469] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. P. 183, 188.

[470] *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts. № E1.

[471] *Janssen E.* Die Kausia. S. 88.

царское, поскольку ни кавсия, ни шлем как таковые не были символами царской власти.

В монетном деле Селевкидов портрет в кавсии встречается только на бронзовых выпусках и довольно редко. Известен выпуск бронзовых монет Селевка II в кавсии из Суз (рис. 133)[472]. Иконография портрета правителя на монетах этой серии крайне нехарактерна для Селевкидов – правитель изображен не только в кавсии с диадемой, но и с длинной бородой. Судя по всему, кавсия появляется на этих монетах по той же причине, что и шлем на портретах Александра I и Деметрия II, а именно, как отражение событий военной кампании, в данном случае, против парфян. Изображение Селевка с длинной бородой, символизировавшей данный царем военный обет, (что будет рассмотрено в специальном разделе) – дополнительный атрибут, связывающий кавсию с визуальной репрезентацией военных амбиций царя.

Несмотря на уникальность представленных бронзовых монет, сохранность известных экземпляров не позволяет рассмотреть тип кавсии и остальные атрибуты царского костюма. Заполнить эти пробелы позволяет серия оттисков царской печати из Селевкии на Тигре с изображением Деметрия II (рис. 134)[473]. На данных оттисках Деметрий II изображен в кавсии, с длинной бородой (!), в диадеме, а также македонском плаще, что дополняет царский образ.

Последним и весьма неоднозначным памятником, на котором селевкидский царь изображен в кавсии является уже упоминавшаяся керамическая монета из Селевкии на Тигре (рис. 35). На лицевой стороне этой «монеты» помещен портрет правителя в кавсии и диадеме, что подчеркивает царский статус изображаемого. На оборотной стороне изображена стоящая мужская фигура со скрещенными ногами, опирающаяся на колонну. Легенда не читается,

---

[472] SC 797–798

[473] Seleucia. Se 48. Деметрий II был единственным селевкидским правителем, чье изображение в кавсии сохранилось на оттиске печати. Попытка А. Пантоса отождествить с Антиохом III фрагментарное изображение правителя в кавсии на оттиске печати из Каллиполя строится на весьма вольной реконструкции. См.: *Pantos A.* Porträtsiegel in Kallipolis. Einege methodologische Bemerkungen // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 187.

однако, отчетливо размещается в две строки справа от фигуры и в две строки слева. Р. МакДауэлл, ввиду военного атрибута, которым снабжен портрет, отождествил его с узурпатором Тимархом, который изображался в шлеме. Е. Янссен предположил, что фигура на оборотной стороне – это изображение Аполлона. Легенда в четыре строки не позволяет соотнести данный портрет с Тимархом, легенда монет которого содержала только три слова, поэтому Е. Янссен предположил, что данный портрет принадлежит Антиоху IV или Деметрию II. Одна из его интерпретации предполагает иконографическую близость портрета данного правителя и греко-бактрийского царя Антимаха, однако, не известно ни об одном случае заимствования селевкидскими правителями иконографии греко-бактрийских царей. К сожалению, стоит признать, что на сегодняшний день любая интерпретация данного портрета остается неполноценной, прежде всего, ввиду отсутствия аналогий.

2.3.3. «Шкуры» животных: лев, слон, орел, бык

Следующая группа царских портретов характеризуется атрибутом в виде головного убора с головой животного[474]. В эллинистический период известны пять разновидностей такого головного убора: с головой льва, слона, орла, быка и волка. Впрочем, последний появляется только на бронзовых монетах Амиса времени Митритада VI и никогда в селевкидском контексте, поэтому он не рассматривается в рамках текущего исследования. Появление такого головного убора символизирует трофей, добытый в результате победы. Другим объяснением можно считать более архаическое понимание костюма из шкуры животного как облачения, связанного с ритуальными практиками.

Лев

[474] Обозначение данной разновидности головного убора в историографии никак не унифицировано: скальп (scalp), шкура (skin), головной убор в виде головы такого-то животного (coiffie de), трофей (exuvie). В данном исследовании мы придерживаемся условного обозначения «шкура».

Шкура льва является самым ранним вариантом головного убора с головой животного. Изначально головной убор в виде шкуры льва был характерен для иконографии Геракла[475]. В таком виде Геракл появляется на монетах (рис. 135), геммах и в пластике. Изображение головы юного Геракла в львиной шкуре было и главным сюжетом для лицевой стороны тетрадрахм Александра. Эта не совсем типичная для иконографии Геракла ювенильность, больше присущая художественному образу Александра, стала причиной дискуссий об атрибуции данного персонажа. Действительно, различить кто именно представлен на монете: юный Геракл, либо Александр в образе юного Геракла, практически невозможно. В современной историографии все же принято считать, что на монетах Александра помещалось изображение Геракла – прародителя рода Аргеадов[476]. Хорошо известные скульптурные изображения Александра в львиной шкуре также относятся к более позднему времени[477]. Таким образом, нельзя утверждать, что образ Геракла в львиной шкуре был заимствован самим Александром, учитывая, что прижизненных изображений Александра в таком головном уборе не сохранилось[478]. Пожалуй, наиболее ранним примером изображения Александра в львиной шкуре, является так называемый «сидонский саркофаг», на котором Александр действительно облачен в шлем напоминающий львиный скальп (рис. 136).

Уже в эпоху эллинизма портрет в львиной шкуре истолковывали как портрет Александра. На серии коммеморативных монет греко-бактрийского царя Агафокла легенда, помещенная вместе с портретом молодого юноши в львиной шкуре, гласила ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΟΥ ΦΙΛΙΠΠΟΥ (рис. 137)[479]. Такой вариант портрета Александра стал одним из наиболее устойчивых визуальных репрезентаций образа царя. Он многократно тиражировался на монетах

[475] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 100.

[476] *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages. P. 178.

[477] *Kühnen A.* Die *imitatio Alexandri* als politisches Instrument; *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. С. 126–130.

[478] Впрочем, Р. Смит предполагал, что такой образ появился еще при жизни Александра. *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 40; *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S.100.

[479] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. Ag. 21-22.

эллинистических правителей и даже нашел место в монетной чеканке римского времени.

У Селевкидов портрет царя в львиной шкуре появляется только на бронзовых монетах[480]. При этом, в отличие от портретов с головным убором в виде головы другого животного – слона, портрет в львиной шкуре появляется поздно, в середине II в. до н.э., что также может быть аргументом в пользу более позднего оформления данного варианта портретного образа Александра. К тому же, портреты с изображением головы Геракла в львиной шкуре на монетах первых Селевкидов встречаются часто.

Первым селевкидским правителем, поместившим на монету свой портрет в шкуре льва, был Александр I (рис. 89b). Данный портрет занимал лицевую сторону двух эмиссий, отчеканенных в Антиохии на Оронте и Апамее. Появление царского портрета в львиной шкуре на монетах Александра I, судя по всему, является составным компонентом более комплексного образа царя, который был основан на подражании Александру Великому. Будучи незаконным правителем государства Селевкидов, Александр намеренно взял себе имя великого завоевателя. Более того, портрет Александра I имеет ряд художественных особенностей, характерных для портрета Александра, в частности, ювенильность и анастоле[481]. Похожее подражание Александру встречается и в портретах другого селевкидского правителя с именем Александр – Александра II, также незаконного царя, называвшего себя сыном Александра I. Некоторые выпуски его бронзовых монет повторяют шаблон Александра I: на лицевой стороне изображен портрет царя в львиной шкуре, на оборотной легенда «царя Александра». Вероятно, и для Александра II образ Александра Великого был важным инструментом легитимации власти.

Особняком стоит третий случай использования Селевкидами портрета в львиной шкуре. Речь идет о серии бронзовых монет из Селевкии на Тигре (рис.

[480] Напротив, в эллинистическом Египте такой портрет не встречается на монетах, но известен один экземпляр оттиска печати с портретом Птолемея XV в львиной шкуре. *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts. L 266.

[481] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 61.

94d)[482]. В данном случае причины, по которым портрет в львиной шкуре царя Деметрия II был размещен на относительно скромной по своим объемам и ограниченной по ареалу обращения монетной эмиссии, вызывают некоторое удивление. В отличие от двух Александров Деметрий не нуждался в легитимации своей власти, более того, к моменту выпуска данной монетной серии он уже правил на протяжении длительного времени. Однако для понимания причин появления портрета в львиной шкуре на этой монетной серии Деметрия II необходимо принимать во внимание исторический и нумизматический контексты. Как уже отмечалось ранее, в 139 г. до н.э., после недолгого отвоевания Селевкии на Тигре у парфян, Деметрий II выпускает здесь несколько серий монет, заметно отличавшихся от всей предыдущей монетной продукции этого царя. Среди прочего это четыре серии бронзовых монет с различными вариантами царского портрета: в диадеме, в шлеме, в шкуре льва и в шкуре слона. Все четыре представляют собой сильные визуальные триггеры, с характерной системой визуальных кодов. Диадема и шлем, как было показано ранее, были символами власти: царя и царя-полководца. Портрет в львиной шкуре имел безусловную отсылку к образу Александра. Портрет в львиной шкуре был частью образа Александра Великого – покорителя Востока (Индии). Если добавить к этому портрет Деметрия II в кавсии, известный по печатям, то полный комплект атрибутов, составлявших образ царя, будет завершен.

Слон

Одним из наиболее распространенных типов царского портрета в головном уборе в виде головы животного у Селевкидов является портрет в шкуре слона. Он появляется среди первых монетных серий Селевка I на золотых (рис.

[482] Р. Фляйшер также приводит гемму с изображением эллинистического царя, которого он идентифицирует как Деметрия II, в львиной шкуре и с эгидой на плечах. *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 66. Однако такая атрибуция кажется весьма условной. Правитель изображен с короткой бородой и усами, что не характерно для портретной иконографии Деметрия II, который изображался либо без бороды, либо с длинной бородой.

139)[483] и бронзовых номиналах (рис. 139a)[484]. Однако в образе правителя, облаченного в шкуру слона, представлен не Селевк, а Александр. Такая иконография Александра Великого была заимствована у Птолемея I, на монетах которого Александр впервые появляется в слоновьем скальпе[485].

Первым изображением селевкидского царя в слоновьей шкуре является оттиск печати с бюстом Антиоха IV из Урука (рис. 93)[486]. Данный оттиск, впрочем, имеет лишь одну аналогию с монетами Антиоха IV. На бронзовой монетной серии из Суз царь Антиох IV изображен в скальпе слона (рис. 139b)[487]. Данную иконографию Ж. Ле Ридер интерпретировал как внимание Антиоха к торговле с Индией[488], однако, практически полное отсутствие аналогий создает определенные трудности с интерпретаций данного портрета.

После Антиоха IV портреты селевкидских царей в шкуре слона стали появляться чаще. В этом образе были представлены Деметрий I[489], Деметрий II[490], Александр II (рис. 140)[491]. Для всех трех царей, в особенности для последнего, головной убор в виде головы слона имел прямую ассоциацию с Александром Великим и его восточными походами. Даже при том, что политические амбиции Селевкидов на востоке во второй половине II в. до н.э. уже были скромными, идея восточного похода – подвига Александра и основателей династии Селевкидов – была одним из ключевых элементов династической идеологии. Деметрий II чеканил монеты со своим портретом в слоновьем скальпе именно во время противостояния с Парфией. Примечательно, что портрет в слоновьем скальпе появляется только на восточных монетных дворах.

---

[483] SC 101
[484] SC 222
[485] См. обзорную работу *Ehling K.* Hellenistische König emit Elefantenexuvie // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 316–323.
[486] *Lindström G.* Uruk. № 94-1.
[487] SC 1533
[488] *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. P. 309–310.
[489] SC 1696
[490] SC 1989
[491] SC 2234

Исключение составляют только выпуски Александра II, который эксплуатировал общий набор атрибутов образа Александра Великого.

Интерпретация шкуры слона как атрибута царского портрета лежит на поверхности, как это отмечал Р. Смит[492]. Данный головной убор, используя прямую аналогию с образом Александра[493], создает образ царя-покорителя Востока, либо уже – Индии. В иконографии царей Греко-Бактрии и правителей Индо-греческих государства данный головной убор встречается очень часто. Шкура слона была неотъемлемым атрибутом греко-бактрийского царя Деметрия I Никатора, который совершил беспрецедентный поход вглубь Индии. Вероятно, в период эллинизма данный головной убор был связан и с культом Диониса, хотя изначально не был частью его иконографии.

Орел

Одной из наиболее необычных разновидностей царского портрета с головным убором в виде головы животного является портрет в головном уборе с головой орла. В царской иконографии Селевкидов известно одно изображение с подобным портретом Антиоха III – на оттиске печати из Селевкии на Тигре (рис. 141)[494]. Никаких аналогий из селевкидской иконографии этому портрету нет, однако, известна серия оттисков птолемеевских печатей с царским портретом в головном уборе с головой орла (рис. 142)[495]. По мнению Р. Смита для Птолемеев орел мог выступать в качестве династического символа[496], что закономерно, принимая во внимание особенности царской иконографии Птолемеев, однако, подобное объяснение не подходит для портрета Антиоха III. Учитывая, что головные уборы в виде голов животных, скорее всего, выполняют роль трофея, напоминающего о подвиге, едва ли стоит отождествлять такой головной убор с культом Зевса. При этом в царской

[492] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 41.
[493] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S.106–107.
[494] Seleucia. Se 17.
[495] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Ed 21, 62, 63, 64, 121.
[496] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 43. См. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 320.

иконографии орел практически не появляется, а на селевкидских монетах чаще выступает как локальный символ финикийских городов. Отсутствие прямых аналогий не позволяет дать сколь-нибудь полноценное объяснение данной символике в контексте царской иконографии.

Бык

Среди всего корпуса портретов Селевкидов со шкурами животных есть изображение царя в головном уборе в виде головы быка. Этот образ едва ли можно соотнести с царской иконографией, поскольку единственное известное изображение представлено на гемме (рис. 143). Правитель, которого обычно отождествляют с Деметрием II, представлен в весьма нехарактерном для Селевкидов ракурсе – со спины[497]. На голове – шкура быка, хорошо выделены уши, на плечах эгида. Интерпретация данного образа в контексте «бычьей иконографии» селевкидских портретов весьма соблазнительна, однако, атрибуция данного персонажа как Деметрия II, ввиду отсутствия аналогий, остается дискуссионной.

2.3.4. Бороды

Особым элементом знаково-иконической системы эллинистического царского портрета являются бороды и локоны (шире, элементы прически царя), что позволяет выделить портреты с бородой и стилистическими подвидами оформления прически, либо отдельных ее элементов, в обособленную группу портретов. Историография вопроса, связанного с общей семантикой бороды в портретном искусстве Древней Греции, проблемами терминологии и типологии, а также изображением бороды как социального, возрастного и культурного идентификатора (оппозиции грек-варвар или грек-римлянин)

[497] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Taf. 36, *b-c*; *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S.105.

обширна[498]. Мы оставим все эти проблемы за рамками нашего исследования, отметив, что в концепции царского портрета эпохи эллинизма борода не выступает ни признаком возраста, ни какого-то социального статуса. Из всех известных нам интерпретаций бороды как особого идентификатора стоит упомянуть версию Ш. Диллон о короткой бороде как признаке воинского статуса носившего ее мужчины[499]. Также можно вспомнить предложение А. Линферта интерпретировать бороду как символ страдания из-за смерти любимого человека или, в целом, личного несчастья[500]. Весьма любопытно и мнение А. Херманн, которая предложила интерпретировать бороду как признак «гераклейской выносливости в противоположность дионисийской трюфэ»[501].

Наиболее аргументированным объяснением, на наш взгляд, является гипотеза П. Иоссифа и К. Лорбер, которые предложили видеть в появлении бород вотивы – подношения во исполнение обета[502]. Знаменитая легенда, переданная Каллимахом, о царице Беренике, которая пожертвовала в храм Арсинои Афродиты свои волосы перед отправлением своего мужа Птолемея III на войну с Селевкидами, а придворный астроном называл в честь этого дара созвездие, известное в наши дни как «Волосы Вероники», является ярким примером такой практики.

Борода как часть царского портрета встречается редко, что вызвало в историографии большие споры относительно ее семантики, а также исторических обстоятельств появления такого рода портретов[503]. Однако, если бороды

---

[498] См. историографический обзор данной проблемы в исследовании царского портрета с бородой у Селевкидов. *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards // L'Antiquité Classique. 2009. P. 87–115.

[499] *Dillon S.* Ancient Greek Portrait Sculpture. P. 70. См. также версию Ф. Кеиреля о бороде как идентификаторе полководца, находящегося в военном походе. *Queyrel F.* Portraits princiers hellénistiques: chronique bibliographique // RA. 1990. P. 104.

[500] *Linfert A.* Bärtige Herrscher // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1976. S. 157–174.

[501] *Hermann A.A.* Hellenistic Portrait Head // The J. Paul Getty Museum Journal. 1993. P. 39.

[502] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 87–115.

[503] Разумеется, здесь не идет речь о тех иконографических традициях, где царский портрет с бородой был обязательным иконометрическим параметром, например, в Парфии или Элимаиде.

на царском портрете действительно в большинстве случаев можно отождествить с вотивом, то с прической царя, отдельными ее элементами, такими, как локоны-рога, анастоле и другие все обстоит куда сложнее. Типологически некоторые из элементов прически могут быть атрибутами обожествления, imitatio Alexandri и случаями заимствования других устоявшихся иконографических моделей.

Несмотря на превалирующую иконографическую традицию изображения эллинистического монарха безбородым, портреты с бородой хорошо известны. Прежде всего, важно сделать одно уточнение – не существует какого-то стилистического однообразия бород в царском портрете. Встречаются и короткие, и длинные бороды, также есть бороды на щеках, кудрявые бороды и прямые. Такая детальная типология особенно важна, если учитывать тот факт, что один правитель мог изображаться с различной бородой, что имело в каждом отдельном случае свои семантические особенности. В некоторых случаях можно даже проследить динамику роста этой бороды, что, очевидно, подчеркивалось особо и, как следствие, имело принципиальное значение для формирования образа монарха.

Наиболее важными для нашего исследования являются эпизоды, когда монарх традиционно изображается безбородым, но в какой-то момент в иконографии его портрета появляется борода. Таких случаев в селевкидской царской иконографии несколько. Почему же эти эпизоды так важны? Как и любые девиации, отступления от намеченной нормы, трансформации иконографического канона могут наглядно демонстрировать изменения царской идеологии. Однако в данном случае такие кратковременные отступления от эталона могут быть отражением каких-то конкретных политических событий, с которыми можно сопоставить данные монетные выпуски. Из римской истории известно, что Марк Антоний и Октавиан отпустили бороды после убийства Цезаря и носили их вплоть до победы над Брутом и Лонгином в битве при Филиппах[504].

[504] На своих монетах до битвы при Филиппах Марк Антоний и Октавиан изображены с бородами (RRC 496/1), после – уже без них (RRC 516/1).

Пожалуй, наиболее известным эпизодом, связанным с военным поражением и появлением бороды у полководца/командующего, является случай с легионами Вара. После поражения Вара Август дал обет устроить игры в честь Юпитера Капитолийского, если тот восстановит благосостояние государства, после чего Август отпустил бороду. По мнению П. Иоссифа и К. Лорбер, цепочка последовательных действий выглядит следующим образом: военное поражение – обет Юпитеру – отпускание бороды – восстановление государства[505]. Вероятно, в рамках этой же модели мы можем рассматривать и случаи эпизодического появления бород у селевкидских правителей.

Из всех царей государства Селевкидов лишь для двоих портрет с бородой является элементом устойчивой иконографии: Ахей (рис. 96а) и Деметрий II (второе правление) (рис. 215). Для всех остальных царей появление бороды на портретах может быть рассмотрено в рамках теории о вотивном характере этого символа. Однако, заметим, что Деметрий II изображается с бородой только во второй период своего правления и то не всегда – существует серия тетрадрахм Деметрия, относящаяся к его второму царствованию, но с изображением безбородого царя[506]. В случае с Ахеем, стоит сделать акцент на узурпаторском характере его власти и краткосрочном правлении, которое, по сути, представляло собой военное противостояние с Антиохом III. Таким образом, все случаи появления царского портрета с бородой у Селевкидов можно рассматривать вместе.

Наиболее заметным случаем появления бороды на царском портрете, который хорошо укладывается в объяснительную модель П. Иоссифа и К. Лорбер, является пример Селевка II. Следуя наблюдению Э. Ньюэлла, П. Иоссиф и К. Лорбер отмечают, что впервые портрет Селевка с бородой появляется на тетрадрахмах[507], драхмах[508] и бронзовых номиналах[509] из Нисибиса. Здесь

[505] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 94.
[506] SC 2188
[507] SC 749–750
[508] SC Ad. 180
[509] SC 759

представлен портрет с короткой и кудрявой бородой. Далее портрет с короткой бородой появляется на монетах из Суз[510]. Затем, портрет царя уже с длинной бородой появляется в Экбатанх[511]. После этого портрет царя с длинной бородой появляется на серии тетрадрахм, которую П. Иоссиф и К. Лорбер локализуют в Восточной Сирии или Месопотамии[512][513], а затем в районе Селевкиды – на монетном дворе ΕΔΛ[514], связанном с мастерской Антиохии, а также на «Неопределенном монетном дворе 37» в восточной Киликии (рис. 144)[515]. Полученная географическая картина чеканки портрета Селевка II с бородой хорошо накладывается на события политической истории, в частности поход Селевка II против парфян, а после вмешательства в конфликт Антиоха Гиеракса, выступившего из Малой Азии в Месопотамию, возвращение царя в Сирию. Однако, данная схема, при всей аргументации выводов авторов, нуждается в некоторых дополнениях, которые не столько опровергают версию о связи портрета с бородой с двумя крупными военными кампаниями Селевка II, сколько конкретизируют механизм отражения царской идеологии в портретном изображении.

Примечательно, что кроме портрета царя с короткой и длинной бородой хорошо известны портреты Селевка II с короткими и длинными бакенбардами, что также нетипично для его иконографии и может пониматься как начальная стадия исполнения обета – роста бороды. Портрет царя с короткими и длинными бакенбардами появляется на тетрадрахмах и драхмах сразу нескольких монетных дворов Западной Малой Азии[516], Киликии[517]. Такой тип портрета известен и на тетрадрахмах того же «Неопределенного монетного двора 37»[518],

[510] SC 788, 795–798
[511] SC 822–824
[512] SC Ad 161
[513] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 96.
[514] SC 711–712
[515] SC 685
[516] «Неопределенный монетный двор 34»: SC 643, Теос: SC 645-646, Смирна: SC 647, Магнезия на Сипиле: SC 651, Сарды: SC 654, Магнезия на Меандре: SC 669.
[517] «Неопределенный монетный двор 36»: SC 676, Тарс: SC 678.
[518] SC 680–681

которые относятся к первой серии, в отличие от второй, более поздней, на которой Селевк изображен уже с длинной бородой. Примечательно, что на выпусках золотых и серебряных монет из Антиохии[519] и Лаодикеи у моря[520] также чеканится портрет царя с бакенбардами. Далее, монетные дворы Месопотамии – «Неопределенные монетные дворы» № 40[521], 41[522], 42[523], 44[524] чеканят портрет Селевка с бакенбардами. После этого уже в Нисибисе впервые появляется портрет царя с короткой бородой. Казалось бы, все представленные нами примеры могут рассматриваться как начальный этап обета царя Селевка и просто дополнять версию П. Иоссифа и К. Лорбер, однако, в эту схему не укладывается еще один пример изображения царя с бакенбардами. Между Нисибисом и Экбатанами портрет Селевка, но не с бородой, а с длинными бакенбардами чеканится на монетах Селевкии на Тигре[525]. Также из Селевкии на Тигре происходит еще один портрет Селевка II, уже с длинной бородой, известный по оттиску печати (рис. 145)[526].

Как же можно объяснить такое разногласие селевкийских портретов с общей схемой? На наш взгляд идея, предложенная П. Иоссифом и К. Лорбер, отождествить портрет Селевка II с бородой с его военными походами является весьма аргументированной. Однако, в качестве отправной точки стоит принять самое начало правления Селевка II, которое было сопряжено с династическим кризисом 246 г. до н.э. и началом противостояния Селевка II и его брата Антиоха Гиеракса, продолжавшееся почти все правление Селевка II. Подробно эти события рассмотрены в разделе 3.3. Здесь же важно обратить внимание на то, что появление царского портрета с бакенбардами представляет собой одновременный акт трансформации традиционной иконографии царского портрета, инициированный, судя по всему, почти сразу же, после

[519] SC 701–704
[520] SC 717–719
[521] SC 726–727
[522] SC 729–730
[523] SC 731
[524] SC 742
[525] SC 764
[526] Seleucia. Se 10

вступления царя Селевка II на престол, вероятно, после поражения Селевка в войне с Птолемеем III в 241 г. до н.э. Такое тяжелое поражение, сопряженное с потерей важных территорий, включая Селевкию в Пиерии – морские ворота Антиохии на Оронте, вкупе с идущей войной с Антиохом Гиераксом и предстоящим походом в восточные сатрапии, которые незадолго до того отложились от Селевкидов, могло быть поводом для обета царя в обмен на волю божества вернуть стабильность в государстве. Таким образом, централизованное изменение портрета затронуло монетное дело главных мастерских государства Селевкидов, преимущественно на западе. Среди этих монетных дворов, очевидно, была и Селевкия на Тигре, где чеканилась серия тетрадрахм с портретом Селевка II с бакенбардами. Появление печати с портретом Селевка II с длинной бородой можно либо отнести к более позднему периоду (времени возвращения Селевка II из восточного похода), либо списать на то, что изображения на печатях не всегда столь же оперативно как изображения на монетах отражали актуальную политическую повестку.

Примечательно, что борода появляется и на портретах Антиоха Гиеракса, хотя и эпизодически. Фактически известны только два случая выпуска серии тетрадрахм Антиоха Гиеракса с бородой. В первом, речь идет о монетном дворе, располагавшемся во Фригии[527], где портрет Антиоха Гиеракса дополнен бакенбардами и короткой бородой. Второй случай – это серия тетрадрахм, отбитых на «Неопределенном монетном дворе 37» в Киликии[528], где позже была отчеканена серия тетрадрахм Селевка II с длинной бородой. П. Иоссиф и К. Лобрер полагают, что изначально появление бороды на портретах Антиоха Гиеракса было связано не с «войной братьев», но с неудачами Антиоха в противостоянии с Атталом I[529]. Однако здесь же П. Иоссиф и К. Лобрер допускают, что появление бороды было связано с попытками

[527] SC 902–903
[528] SC 914
[529] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 96.

Антиоха Гиеракса утвердиться в Западной Месопотамии или Восточной Сирии, что было частью его войны с Селевком II.

Как уже было отмечено, известен только один вариант портрета узурпатора Ахея – с бородой. При этом, нам сложно объяснить появление бороды на портретах Ахея. Возможно, дело в полководческом происхождении Ахея, который хоть и был родственником Антиоха III, но происходил из рода малоазийских наместников Селевкидов[530]. Добавим, что иконография его портрета также содержит элементы полководческого образа, в частности плащ, повязанный вокруг шеи как атрибут воина. С другой стороны, иконография монет Ахея близка иконографии македонских царей Филиппа V и Персея, включая изображение Афины Промахос и портрет с бородой. Таким образом, нельзя исключать двух вероятностей, что портрет Ахея с бородой появился как обет полководца, который вел постоянную войну, либо как копирование «македонского образа» царя-полководца[531].

Появляется царский портрет с бородой у Селевкидов и при Деметрии I. В самом начале его правления две монетные мастерские: Тарса[532] и Антиохии на Оронте (рис. 146)[533] отчеканили по одной эмиссии монет с царским портретом, дополненным бородой. Штемпельный анализ показывает, что появление и исчезновение бороды на портретах Деметрия были неожиданными и срочными, поскольку во всех случаях, бороду либо добавляли на существующее штемпельное изображение, либо в срочном порядке убирали с него, но нет ни одного штемпеля, на котором портрет с бородой был бы помещен изначально и просуществовал в неизменном виде до полной выработки ресурса штемпеля. П. Иоссиф и К. Лобрер предположили, что причиной появления портретов Деметрия I с бородой является восстание Тимарха[534]. С этим предположением стоит согласится, во много потому, что кроме данного восстания мы не знаем

[530] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 40; *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 83–84.

[531] Подробнее см. раздел 3.4.1.

[532] SC1614

[533] SC 1637a

[534] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 98.

иных военных противостояний в начале правления Деметрия I. Более того, свержение Тимарха стало важнейшим событием и для идеологии нового царя Деметрия, легитимность правления которого могла вызывать определенные вопросы, поскольку он не был прямым наследником двух предыдущих царей Антиоха IV и Антиоха V, а был сыном Селевка IV, убитого одним из своих приближенных. Свержение власти Тимарха, таким образом, было своеобразным актом восстановлением легитимного царя на престоле. После свержения Тимарха царь Деметрий получил прозвище «Сотер» (App. *Syr.* 67), а также выпустил серию коммеморативных монет с портретами самого себя и царицы Лаодики[535]. С другой стороны, отсутствие точной датировки эмиссий из Тарса и Антиохии допускает, что причиной появления портрета с бородой может быть начало противостояния Деметрия и Александра I, хотя в таком случае сложно объяснить быстрое исчезновение бороды, что не было связано с завершением этого противостояния.

Следующий монарх, чей портрет также дополняла борода, был Деметрий II. Хорошо известны портреты царя Деметрия II с бородой, отчеканенные во второй период его правления, после возвращения царя из парфянского плена, что также стало причиной многочисленных спекуляций[536]. Однако стоит обратить внимание, что портрет Деметрия с бородой появляется и ранее, уже в первый период его правления. На небольшой серии бронзовых монет из Нисибиса Деметрий изображен сначала без бороды, а после с короткой бородой, что, как и в предыдущих примерах, демонстрирует некую динамику образа. В. Мур полагал, что в Нисибисе располагался штаб армии Деметрия,

---

[535] SC 1687

[536] Появление бороды на монетах Деметрия II часто интерпретировали как символ парфянского плена или подражание Зевсу. *Eckhel J.H.* Doctrina Numorum Veterum. P. 230–231; *Mittag P.F.* Beim Barte des Demetrios: Überlegungen zur parthischen Gefangenschaft Demetrios' II // Klio. 2002. 84.2. S. 389–398. Ю. Вюнш указывает на стилистическую близость портретов с бородой Деметрия II и Митридата I (*Wünsch J.* Bärtige Seleukiden // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 280.), что, впрочем, может объясняться не намеренным заимствованием, как это полагает Ю. Вюнш, а тем, что оба портрета были выполнены греческими мастерами, принадлежавшими к одной художественной школе.

которая выдвинулась в поход против парфян[537]. Это обстоятельство дополнительно подчеркивает значимость бороды как символа в условиях военной кампании. После отвоевания Селевкии у Митридата I в 140 или 139 г. до н.э. Деметрий выпустил серию тетрадрахм с портретом с бородой[538]. Вероятно, к этому же времени относится серия из 17 оттисков, сделанная тремя печатями, на которых Деметрий изображен в кавсии и без нее, но во всех случаях с длинной бородой (рис. 134). Нет сомнений, что длинная борода, которая является неотъемлемым атрибутом его портретов второго периода правления, была своего рода продолжением того обета, который Деметрий дал в конце первого периода своего правления – освобождение своих территорий от парфян.

Династическая борьба поздних Селевкидов, разыгравшаяся в конце правления Антиоха VIII в конце II в. до н.э., отразилась и на символике царского портрета. Последовательно Антиох IX, Селевк VI, Антиох X, Антиох XI и Филипп I, Деметрий III, Антиох XII дополняли свой портрет бородой. Иконография монетных портретов этих правителей демонстрирует как безбородые портреты, так и изображения с бородой. Мы не станем в данном разделе приводить исторические обстоятельства появления портрета с бородой в каждом случае, лишь отметим, что это связано с династическим конфликтом царя с претендентом, который чаще всего становился новым царем[539].

Таким образом, появление портрета с бородой в царской иконографии Селевкидов имело важное символическое значение и было связано с обетом, данным царем перед ключевой военной кампанией. Борода как символ подчеркивала полководческий характер эллинистической царской власти и особый статус царя-полководца. Тем не менее не каждая военная кампания становилась причиной появления портрета с бородой и, соответственно, царского обета. Антиох III, который провел всю жизнь в постоянных войнах, никогда не изображался с бородой. Объяснить это можно лишь тем, что такой обет

[537] *Moore W.* The divine couple of Demetrius II Nicator, and his coinage at Nisibis // American Numismatic Society Museum Notes. 1986. P. 124–141.

[538] SC 1992

[539] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 99–104.

давался перед началом кампании по освобождению территорий, занятых врагом. Впрочем, как показывает история династической борьбы поздних Селевкидов, идеологическая интерпретация статуса конфликта могла зависеть от конкретных политических обстоятельств, в которых обычная для государства Селевкидов рубежа II–I вв. до н.э. борьба за власть, могла быть преподнесена как восстановление власти (в том числе, территориальной) легитимного царя и свержение узурпатора.

2.3.5. Парные портреты

Особой разновидностью эллинистического царского портрета является парный портрет. В царской эллинистической иконографии парный портрет впервые появляется на монетах Птолемея II – это известная серия золотых монет, получившая название по своей легенде ΘΕΩΝ ΑΔΕΛΦΩΝ (рис. 56)[540]. Данная коммеморативная серия изображает две пары портретов, размещенных на лицевой и на оборотной сторонах монеты. На лицевой стороне располагаются бюсты Птолемея II и Арсинои, на оборотной Птолемея I и Береники. Демонстрация царской супружеской пары представляет собой интерпретацию древнеегипетской иконографии и одновременно закладывает основу визуализации царского династического культа у Птолемеев[541]. Позже парный портрет был заимствован различными правителями эллинистических государств: Селевкидами, в Греко-Бактрии и индо-греческих государствах[542], Набатее[543], Понте, Фракии, Элимаиде, Армении[544]. При этом в каждом отдельном случае

[540] CPE 307–319.

[541] *Martin K.* Königin und Göttin. Zur Präsenz des Diadems auf hellenistischen Königinnen-münzen // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 398.

[542] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. P. 252.

[543] *Barkay R.* Coinage of the Nabateans. Jerusalem, 2019. № King 3.

[544] Тигран VI и его жена. См.: *Kovacs F.* Armenian Coinage in the Classical Period. Lancaster-London, 2016. № 200.

использование царского портрета было продиктовано конкретными историческими и политическими обстоятельствами.

Типология парных царских портретов включает парные мужские портреты и портреты мужчины и женщины. К. Мартин, исследуя феномен женского портрета на эллинистических монетах, предложила поставить в основу типологии статус царицы: жена или мать[545]. Таким образом, можно выделить группу портретов с парой супругов, либо парой мать и сын. Разделение парных портретов на две обозначенные группы характеризует два различных явления: легитимация (мужской и женский) и соправительство (мужской).

Парный портрет: мужчина и женщина

Всего известно шесть парных портретов, на которых представлены мужчина и женщина, и только один, на котором изображены два мужчины. Как было отмечено, впервые в эллинистическом мире женский царский портрет, как и парный мужской и женский портрет в целом, появляется в Египте на уже упоминавшейся серии монет с легендой ΑΔΕΛΦΩΝ ΘΕΩΝ, выпущенной Птолемеем II. Данная монетная серия включала монеты двух номиналов – мнаэйон (эквивалентный одной мине серебра)[546] и пентеконтадрахму (эквивалентную половине мины серебра)[547]. Как полагает К. Лорбер, именно эта серия с ее необычными золотыми номиналами была началом реформы номиналов монет из драгоценных металлов, инициированной Птолемеем II[548]. Это обстоятельство придавало особый статус изображению, помещенному на этих монетах. После этой серии женские портреты на птолемеевских монетах, как парные, так и одиночные стали практически регулярным явлением, вплоть до последнего правителя эллинистического Египта Клеопатры VII. Женские портреты цариц династии Птолемеев встречаются не только на монетах. Они в

[545] *Martin K.* Königin und Göttin. S. 399–400.
[546] CPE 313
[547] CPE 312
[548] *Lorber C.* Coins of the Ptolemaic Empire. Lancaster-London, 2018. P. 319.

больших количествах известны на геммах, где также повторяли монетное изображение[549].

Напротив, у Селевкидов царский женский портрет появляется гораздо позже. По мнению Ш. Агер и К. Хардимана первой селевкидской царицей, чье изображение дошло до наших дней была царица Лаодика IV, жена Селевка IV, а затем и его брата Антиоха IV (рис. 147)[550]. Речь идет о серии золотых октодрахм, отчеканенных около 175 г. до н.э. от имени царя Антиоха, сына Селевка IV и Лаодики IV, непродолжительно правившего сразу после смерти своего отца[551]. На лицевой стороне монет этой серии помещался парный портрет царя Антиоха и царицы Лаодики, которая выполняла функции регента при своем малолетнем сыне. Однако, все же стоит отметить, что данный портрет не является самым ранним в истории Селевкидов. В архиве оттисков печатей из Селевкии на Тигре есть несколько экземпляров с парным портретом царя и царицы, который отождествляют с Антиохом III и Лаодикой III (рис. 148)[552]. Таким образом, если данная атрибуция справедлива, в чем, собственно, не приходится сомневаться, поскольку портреты Антиоха III хорошо известны, именно Лаодика III, жена Антиоха III, является наиболее ранней селевкидской царицей, чей портрет дошел до нас. Стоит также отметить, что упоминание об изображениях царицы Лаодики сохранилось и в эпиграфических источниках. В тексте царского рескрипта 193 г. до н.э. об учреждении культа царицы Лаодики упоминается диадема с изображением царицы[553]. К сожалению, нам неизвестно ни то, кому принадлежала печать с изображением Антиоха и

[549] *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 47–52; *Plantzos D.* Femail Portrait Types from the Edfu Hoard of Clay Seal Impressions // Archives et sceaux du monde hellénistique / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1993. P. 307–313.

[550] *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits: Where Are They? // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coskun, A. McAuley (eds.). Stuttgart, 2016. P. 172.

[551] SC 1368

[552] Seleucia. Se 27-29. Этот портрет упоминает М. Майер. См.: *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 264.

[553] OGIS 224: καὶ ταῦτης καθίστασθαι [ἐν τ]οῖς αὐτοῖς τόποις ἀρχιερείας, αἳ φο [ρ]ήσουσιν στεφάνους χρυσοῦς ἔχοντας [εἰκόνας αὐ]τῆς. См. также: *Ma J.* Antiochus III and the Cities. № 37. См. подборку эпиграфического материала по теме: *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits. P. 151–153.

Лаодики, ни тем более, какой документ она скрепляла. Следуя общей практике использования царского портрета в качестве государственного символа, можно лишь допустить, что данная печать могла принадлежать царскому чиновнику, но это всего лишь предположение. На монетах портрет царицы Лаодики III неизвестен[554].

Со второй половины II в. до н.э. изображение цариц на селевкидских монетах встречается все чаще. При этом, парный портрет появляется на ранних монетных сериях в самом начале правления нового селевкидского царя и, по всей вероятности, выступает важным инструментом легитимации царской власти. Деметрий I начинает правление с серии золотых статеров[555] и тетрадрахм с портретами самого себя и царицы Лаодики V[556]. Примечательно, что монеты этой серии являются перечеканками монет Тимарха, что говорит о срочной необходимости выпуска новой монеты[557]. Александр I также начинает свое правление с выпуска монет с парным портретом – Александр и царица Клеопатра Теа[558]. Приход к власти Александра I, очевидно, незаконного правителя, был инициирован египетским царем Птолемеем VI, который выдал за муж за Александра свою дочь Клеопатру. Таким образом, союз Александра с Египтом играл важную роль в становлении его власти. Стоит отметить, что Клеопатра Теа была самой изображаемой царицей династии Селевкидов (рис. 149). Кроме обозначенных монетных выпусков, портрет Клеопатры Теи также

[554] Недавнюю атрибуцию портрета в шкуре слона на бронзовых выпусках Антиоха III из Суз (SC 1225) как женский портрет Лаодики III нельзя признать убедительной, прежде всего, в силу отсутствия портретных аналогий. См.: *Cole S.* Seleucid and Ptolemaic Imperial Iconography in the Syrian Wars (274-168 BCE): The Role of Dynastic Women // Iran and Transformation of Ancient Near Eastern History: the Seleucids (ca. 312-150 BCE) / T. Daryaee, R. Rollinger, M. Canepa (eds.). Wiesbaden, 2023. P. 72-–4.

[555] SC 1683

[556] SC 1686

[557] Парный портрет Деметрия и Лаодики известен также на печатях из Селевкии. Seleucia. Se 43.

[558] SC 1841

встречается на золотых[559] серебряных[560] и бронзовых[561] монетах периода ее соправительства с Антиохом VIII.

В отличие от всех типов портрета именно парный портрет имеет подчеркнутую идеологическую семантику, поскольку демонстрирует очевидные политические причины появления всей монетной серии с данным типом портрета. Семиотически парный портрет мужчины и женщины не представляет собой изображение двух субъектов, находящихся в одинаковой, равной художественной, а значит и знаковой позиции. Необходимость изобразить оба портрета приводит к тому, что художник-резчик как бы накладывает один портрет на другой, выделяя одного из них. Создаваемый визуальный эффект распределяет роли изображаемых: первый является более значимым, второй находится в тени первого. Однако, в данном случае речь идет не о распределении властных полномочий, но, скорее, об идеологическом статусе фигур. Клеопатра Теа, дважды появлявшаяся на парных портретах с Александром I и Антиохом VIII оба раза размещается на переднем плане, а ее партнер на заднем (рис. 92, 100)[562]. Однако, несмотря на политическую роль, которую играла царица Клеопатра в государстве Селевкидов, формальным носителем власти был ее царь. В случае с Александром I только он один является выпускающим лицом монеты с их парным портретом. При этом данная серия тетрадрахм[563] и бронзовых номиналов[564], выпущенных в Ака-Птолемаиде в память о браке Александра и Клеопатры, демонстрировали лояльность Александра Египту и, своего рода, союз с ним[565]. Об этом свидетельствует набор сюжетов оборотной стороны: орел, рог изобилия, знак Исиды – типичная для Птолемеев

[559] SC 2270
[560] SC 2259
[561] SC 2265
[562] Стоит отметить, что в случае с портретом Клеопатры и Александра I, известен бронзовый выпуск из Селевкии на Тигре (SC 1861), где портрет Александра находится на переднем плане. На парном портрете на выпусках тетрадрахм из Ака-Птолемаиды (SC 1841) бюст Александра, несмотря на то что расположен на заднем плане, искусственно увеличен.
[563] SC 1841
[564] SC 1843-1846
[565] *Houghton A.* The double portrait coins of Alexander I Balas and Cleopatra Thea // SNR. 1988. P. 92–93.

иконография. Более того, такое появление Клеопатры на переднем плане монет данной серии может иметь и исключительно художественное объяснение – портрет Клеопатры снабжен большим количеством атрибутов, чем портрет ее мужа: на голове царицы находится калаф и вуаль, а за плечом рог изобилия. По мнению А. Хутона, образ царицы Клеопатры здесь объединен с образом Тюхе[566].

Другим способом определения ролей изображенных персонажей является анализ монетной легенды. Не все парные портреты мужчины и женщины снабжены легендой от имени обоих изображенных. На монетах с портретами Деметрия I и Лаодики, а также Александра I и Клеопатры в тексте легенд упомянуты только цари-эмитенты. Данные монетные серии являются коммеморативными выпусками, посвященными интронизации царей. Такие царские портреты тиражировались на золотых номиналах, что само по себе было экстраординарным явлением в монетном деле поздних Селевкидов. И для Деметрия I и для Александра I важным легитимирующим инструментом была связь с царской династией: в первом случае, с Селевкидами, чтобы подчеркнуть свои претензии на престол[567], во втором – с Птолемеями, которые обеспечили приход к власти. Вероятно, подобным же образом можно интерпретировать и парный портрет Лаодики и Антиоха, сына Селевка IV, помещенный на нескольких монетных сериях, выпущенных сразу после гибели царя Селевка IV[568]. Власть нового, совсем юного царя нуждалась в поддержке, которую должна была обеспечить связь с династией. Кроме того, царица Лаодика могла выступать регентом и гарантом прав сына-царя на престол.

---

[566] *Houghton A.* The double portrait coins of Alexander I Balas and Cleopatra Thea. P. 93. См. *Martin K.* Königin und Göttin. S. 403.

[567] О функции легитимации парного портрета Деметрия и Ладодики см.: *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 413.

[568] *Le Rider G.* L'enfant-roi Antiochos et la reine Laodice // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1986. № 1. P. 410–415; *Meyer M.* Frauen für Kriesen: Die raren Münzbildnisse der Seleukidinenn // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 264–267.

Мужчины

Парный портрет Антиоха XI и Филиппа I[569] является уникальным, поскольку представляет двух царей, а не царицу-мать/царицу-супругу и царя. А. Хутон полагает, что образцом для данной иконографии двойного портрета послужила серия автономных тетрадрахм финикийского Триполиса, где на лицевой стороне в подобной стилистике изображены бюсты Диоскуров со звездами над их головами. Возможно, иконография Диоскуров была своего рода отражением этой соправительской власти двух братьев[570]. Стилистически портреты обоих правителей выполнены в едином ключе, оба их имени вынесены в монетную легенду.

Объяснить, чем было вызвано такое появление соправительского портрета, сложно, но можно допустить, что к концу правления династии идеология царской власти претерпела некую трансформацию в пользу большей институционализации соправительства. К слову, такая трансформация царской идеологии у Селевкидов происходит уже в период упадка, когда центральная власть оказалась слаба. Несмотря на то, что в государстве Селевкидов существовал институт соправительства, который выполнял ряд важных функций, и то, что уже при первых Селевкидах появляются монеты с легендой от имени двух монархов-соправителей[571], парный портрет, который запечатлел бы царей-соправителей появляется только на закате династии Селевкидов.

2.3.6. Женский портрет

Одной из разновидностей царского портрета в эллинистическом искусстве является женский портрет. За исключением искусства эллинистического

---

[569] См. *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I: A Seleucid Mint at Beroea // SNR. 1987. P. 79–84.

[570] *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I. P. 83

[571] Наиболее ранним примером легенды с упоминание двух царей являются соправительские выпуски Селевка и Антиоха в Средней Азии. См.: SC 277 – ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΙΟΧΟΥ.

Египта, одиночные портреты представительниц других эллинистических царских династий – невероятно редкое явление. Как и практически во всем эллинистическом мире, в государстве Селевкидов женские портреты появляются довольно поздно – начиная с рубежа III–II вв. до н.э. Но почему же царицы и представительницы царской династии, будучи весьма влиятельными политическими игроками, принимавшими подчас самостоятельные политические решения, способные круто изменить ситуацию в государстве, союзы с которыми выполняли ряд важнейших политических задач не удостоились того, чтобы их портреты хоть как-то фигурировали в системе царской иконографии?

В последнее время в историографии проблема женского портрета эпохи эллинизма, как и роли женщины в эллинистических династиях в целом, привлекает особое внимание исследователей[572]. В 2016 году в сборнике работ под общим названием «Женщины царского дома Селевкидов: появление, представительство и угасание института цариц в державе Селевкидов», под редакцией А. Чошкуна и А. МакОли, вышла статья Ш. Агер и К. Хардимана с броским названием «Женские портреты Селевкидов: где они?»[573]. В этой работе приводится общий обзор проблемы возникновения женского царского портрета у Селевкидов, включая детальный анализ эпиграфических, литературных и нумизматических источников. Ключевой вопрос всей работы можно сформулировать следующим образом – почему в отличие от Птолемеев, где женский царский портрет появляется (прежде всего, на монетах) относительно рано – в первой половине III в. до н.э., у Селевкидов он появляется только в середине II в. до н.э.? Однако, несмотря на столь фундаментальную постановку вопроса, к сожалению, никакого ответа на него Ш. Агер и К. Хардиман не дают, констатируя лишь, что селевкидская традиция женского портрета появилась позднее птолемеевской и, очевидно, под влиянием последней[574]. В 2020 году в

[572] *M. Mendoza, B. Antela-Bernandez* (eds.). Elite Women in Hellenistic History, Historiography, and Reception. Turnhout, 2024; *Erickson K.* Where are the Wives? Royal Women in Seleukid Cult Documents // Rome and the Seleukid East Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015 / A. Coskun and D. Engels (eds.). Brussels, 2019. P. 135–156.

[573] *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits: Where Are They? P. 143–172.

[574] *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits. P. 171–172.

сборнике статей с ярким названием «Портреты. 400 лет эллинистического портрета», вышедшего под редакцией А. Пангерла, была опубликована работа М. Майер «Женщины в период кризиса. Редкие монетные портреты селевкидских цариц». Главная идея М. Майер, как это следует из названия, – появление женского портрета исключительно в период политического кризиса, что было связано с необходимостью легитимации власти правителя мужчины[575].

Стоит согласиться с Ш. Агер и К. Хардиманом, что культы цариц, отправлявшиеся полисами и при царском дворе могли иметь существенные отличия, что, безо всяких сомнений, отражалось и на их визуальной репрезентации. Однако, озабоченность и досада, высказанная Ш. Агер и К. Хардиманом по поводу плохой сохранности статуй эллинистических цариц, которые могли бы стать хорошей базой для определения индивидуальных портретных черт, все же должны быть приняты с осторожностью. Портрет как жанр мог иметь реализацию в разных вариантах – пластика, глиптика, монеты, фрески, торевтика, мозаика. Однако каждый из этих вариантов портрета имел собственные каноны исполнения (прежде всего, с учетом особенностей материала), что предполагало индивидуальные инструменты нарратива. Стоит обратить внимание, что в отличие от работы М. Майер, статья Ш. Агер и К. Хардимана выполнена в дискурсе феминистского гиперкритицизма и, хотя само исследование, методы работы, выводы никак не окрашены какими-либо политическими или социальными предпочтениями авторов, общий посыл статьи о feminine invisibility и male-dominated visual propaganda весьма отчетлив, что, как кажется, несколько смещает общие акценты и уводит читателя от главной проблемы работы.

Хорошая репрезентативность и сохранность птолемеевского материала уже достаточно давно «заставила» исследователей воспринимать женский птолемеевский портрет в качестве эталонного. В результате, ни одно исследование, посвященное этой проблеме, не обходится без «обязательного»

[575] *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 263–275. См. тот же тезис у К. Мартин. *Martin K.* Königin und Göttin. S. 417.

сравнения с птолемеевским «эталоном». Впрочем, исследователи постепенно отходят от такого подхода. В заключении своей работы Ш. Агер и К. Хардиман задаются, казалось бы, риторическим, но наш взгляд весьма важным вопросом – «а возможно, что все обозначенное выше – это не проблема «невидимости» селевкидских цариц, а скорее, необычной «видимости» Птолемеевских?». Близкого мнения придерживается и М. Майер, которая полагает, что причиной такой неравномерной репрезентации изображений цариц между Селевкидами и Птолемеями были особенности и цели самой репрезентации[576].

Разумеется, ответ на рассматриваемый вопрос может заключаться в традиции вовлеченности цариц в политические процессы у Селевкидов и Птолемеев. Как было показано выше, любое появление женского портрета, даже в виде парного, связано с каким-то политическим кризисом. Говоря о женском портрете, мы преимущественно имеем дело с парным портретом, где царь и царица изображены вместе. Такие парные портреты встречаются куда чаще, чем одиночные женские портреты, которые, к слову, также известны в эллинистическом искусстве, в том числе, у Селевкидов. Парные портреты встречаются практически на всех носителях – геммах, монетах, печатях, в том время как одиночные чрезвычайно редки. Очевидно, что семиотически одиночный портрет и парный представляют собой два разных типа нарратива и должны рассматриваться как два самостоятельных подвида портретного искусства. Единственным индивидуальным женским портретом у Селевкидов стоит признать изображения Клеопатры Теи[577], что само по себе является, скорее, исключением, чем общим правилом. Напротив, для Птолемеев индивидуальные женские изображения были куда более распространенным явлением.

[576] *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 264.

[577] Это серия золотых статеров периода правления Александра I SC 1840, а также серия тетрадрахм периода регентства Клеопатры при Антиохе VIII – SC 2258. Серия бронзовых монет с изображением царицы Лаодики IV, которую также можно считать примером индивидуального женского портрета у Селевкидов, на наш взгляд, должна быть исключена, из-за ненадежной атрибуции самого изображения как портрета царицы. *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 267–269.

Иконография портретов Клеопатры Теи заметно выделяется не только среди селевкидских, но в целом, эллинистических женских портретов[578]. Более того, стоит признать, что несмотря на своего рода физиогномическую гомогенность, которая, по мнению Ш. Дилон, была характерна для раннеэллинистических женских портретов[579], изображения Клеопатры Теи снабжены набором атрибутов, придающих ее портерам индивидуальность. Прежде всего стоит отметить, что в селевкидском контексте особенно заметно египетское влияние. На серии тетрадрахм Александра I царица Клеопатра изображена в традиционном египетском облачении – с покрытой головой, калафом и рогом изобилия на спиной. Как отметил Р. Фляйшер, изображение голов Александра и Клеопатры не пропорциональны: голова Клеопатры находится на переднем плане, но, несмотря на это, уменьшена, вероятно, чтобы в общую композицию поместился калаф[580]. Следуя этому наблюдению, можно заключить, что такой египетский образ селевкидской царицы имел ключевое значение для прочтения всего сюжета лицевой стороны монет этой серии.

Именно в таком египетском образе Клеоптра Теа изображена и на «рельефе Архелая» (рис. 150)[581]. Серия тетрадрахм Клеопатры времени ее самостоятельного правления также иконографически близка птолемеевским изображениям и практически полностью копирует серию золотых монет царицы Арсинои. Как и на птолемеевских монетах, голова царицы порыта и украшена диадемой и венком, а на оборотной стороне помещается изображение двух рогов изобилия, дополненных лентами. Египетское влияние на царский женский портрет у Селевкидов не ограничивается только особенностями иконографии, но было определяющим для становления этого жанра в середине II в. до н.э.

[578] Подробнее о связи статуса царицы и иконографии ее портрета, в частности символике женской диадемы, смотри обстоятельный разбор К. Мартин. *Martin K.* Königin und Göttin. S. 397–423.

[579] *Dillon S.* Ancient Greek Portrait Sculpture. P. 64.

[580] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 76. Подробнее об иконографии Клеопатры Теи см. раздел 4.2.3.

[581] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 79.

Более ранние селевкидские женские царские портреты, как кажется, были менее зависимы от птолемеевского влияния.

Эллинистический царский женский портрет, будучи частным случаем портретного жанра, зарождался с учетом региональных иконографических особенностей. В Египте парный портрет царя и царицы (как и царский женский портрет, в целом) был частью догреческой традиции[582]. Вероятно, изначально женский портрет в птолемеевском Египте появляется как часть царского культа. У Селевкидов же женский портрет, точнее говоря, парный портрет царя и царицы с момента зарождения в конце III в. до н.э. выступал, скорее, как признак легитимации власти. Появление женских изображений у Селевкидов изначально не было заимствованием птолемеевской традиции, однако, со времени правления Клеопатры Теи жанр женского портрета претерпевает серьезные изменения. Иконография портретов этой правительницы практически полностью выдержана в египетском стиле[583], что было предопределено не только египетским происхождением самой царицы, но и влиянием Египта на внутриполитическую обстановку в державе Селевкидов того времени.

Таким образом, появление и развитие жанра женского царского портрета у Птолемеев и Селевкидов, а также, вероятно, у других эллинистических династий имело ряд индивидуальных особенностей и не представляло какого-либо глобального процесса. Женские портреты (как парные, так и индивидуальные) помещаются преимущественно на монетах из золота и серебра ограниченных серий, что, во-первых, с самого начала обозначает целевую аудиторию, а во-вторых, свидетельствует о несистематическом использовании изображения. Более того, женский портрет часто встречается на нехарактерных для монетно-весовой системы Селевкидов номиналах, что также предполагает локальный характер выпуска и лимит объемов эмиссии. По все вероятности, использование женского портрета в рамках царской идеологии было

[582] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 43; *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. P. 273.

[583] См. противоположное мнение: *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 81.

предопределено конкретными политическими причинами, а также локальной традицией, что будет продемонстрировано в нашем исследовании.

Учитывая все изложенное, мы должны признать случай с относительным многообразием примеров женского царского портрета у Птолемеев скорее исключением. Это ни в коем случае не означает, что царицы династии Птолемеев играли более заметную политическую роль, чем представительницы других царских династий. И, скорее всего, речь здесь идет не о социальной и идеологической «видимости» и «невидимости», как это полагают Ш. Агер и К. Хардиман. На наш взгляд, формирование визуального образа женщин царской династии было более сложным процессом и имело точечный и нерегулярный характер. В отличие от образов правителей, каждый из которых обязательно помещал свое изображением на монетах, женский портрет не был системным и определялся, скорее, локальной традицией и конкретными историческими обстоятельствами. Хорошим примером устойчивости этой традиции служит мозаика III в. н.э. из Апамеи, на которой представлена сцена основания полиса Апамеи на Оронте (рис. 151)[584]. Центральной фигурой всей композиции является Апама, жена Селевка I, в честь которой и был назван полис. Запечатленная на этой мозаике Апама в образе Тюхе – распорядительницы царской казны и ктиста полиса – часть образа, сохраненного локальной традицией, восходящей к полисным «легендам об основании».

2.2. Царский портрет и царская идеология

В данном параграфе речь пойдет о взаимосвязи царского портрета с царской идеологией. Для эллинистических государств портрет правителя на

[584] *Olszewski M.T., Saad H.* Pella-Apamée sur l'Oronte. P. 365–408. Здесь же стоит упомянуть известные мозаичные изображения Береники II из Тмуита. *Brown B.* Ptolemaic Paintings and Mosaics and the Alexandrian Style. Cambridge, 1957. Pl. XXXVIII-XLII; *Cole S.* Negotiating Identity through the Architecture and Interior Decoration of Elite Households in Ptolemaic Egypt // Arts. 2022. P. 19–23. Fig. *18-21*. См. также недавнюю работу, посвященную изучению иконографии этих мозаик в контексте сиро-египетского противостояния: *Cole S.* Seleucid and Ptolemaic Imperial Iconography. 51–65.

монете являлся и визуальным воплощением царской власти, и служил государственным символом. Царский портрет на монетах и печатях выполнялся в соответствии с определенным иконографическим каноном, где важное место занимал образ правителя. Идеологический аспект нарративности царского монетного портрета рассмотрен в разделе 2.2.1. Стилям и художественному канону царского монетного портрета посвящен раздел 2.2.2.

2.2.1. Портрет как государственный символ

В период эллинизма портрет правителя на монете становится символом государства[585]. В том же виде, в каком символы полисов появляются на монетах в классический период, также и изображения эллинистического правителя можно обнаружить на монетах, государственных печатях и надчеканках. В данном случае вполне очевиден и объясним этот переход – от полисного знака[586], демонстрировавшего какой-то определенный символ городской общины, к «портретной галерее» эллинистических монархов. Изображение царя как единственного носителя власти, ключевой чертой которой был индивидуальный характер, является визуальным воплощением власти конкретного монарха[587]. Как отмечал Э. Бикерман, индивидуальный характер царской власти в период эллинизма можно увидеть и в названии самих государств, которые чаще обозначались как «царство Селевка» или «царство Антиоха»[588]. Царский портрет, выполненный по определенному художественному канону, но снабженный набором индивидуальных черт, служит визуализацией этой власти царя Селевка или царя Антиоха. Согласно Р. Смиту, чье мнение стало для многих специалистов уже классическим, важнейшей функцией царского портрета

---

[585] *Howgego Ch.* Ancient History from Coins. P. 63–64; *Hunter D.* The Influence of Seleukid Coinage. P. 270.

[586] Об этих полисных символах на монетах сообщают различные источники. Приведем один пример использования официального знака полиса на различных носителях. Знак Родоса – цветок граната – использовался повсеместно на монетах и керамических клеймах.

[587] Подробнее о портретной визуализации царской власти в древности см.: *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 10–11.

[588] *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 5–9.

было не только создание узнаваемого образа царя, но портретное воплощение идеи царской власти[589]. В данном контексте можно вспомнить сообщение весьма экзотического для нашего исследования источника – «Исторических записок» китайского путешественника Сыма Цяня, который в конце II в. до н.э. посетил Среднюю Азию. Говоря о государстве Ансьи (Парфия) и о местных монетах, Сыма Цянь свидетельствует о распространенной практике в эллинистическом монетном деле – «на монетах изображено лицо парфянского государя. Когда государь умирает, сразу же выпускают монеты с лицом нового государя» (123. 203)[590]. Таким образом, власть и портрет царя в повествовании Сыма Цяня представляются единым целым.

Изображение царя в подавляющем большинстве случаев занимает лицевую сторону монет, выпущенных от имени эллинистического монарха. Это не является исключением и для Селевкидов. Для лицевой стороны золотых номиналов, тетрадрахм, мелких серебряных и бронзовых номиналов царский портрет является стандартным изображением. Примечательны эмиссии псевдо-автономной бронзы, выпускавшиеся начиная с середины II в. до н.э., городами Киликии, Сирии и Финикии. Изображения оборотной стороны таких выпусков представляют собой локальные сюжеты, не связанные с царской селевкидской иконографией. Более того, легенда таких монет не содержит ни имени царя, ни его титула, но только обозначение городской общины. Однако, царский портрет, размещенный на лицевой стороне, подчеркивает государственный статус данных выпусков. Анализ кладовых находок показывает, что такие монеты обращались вместе с царскими выпусками, что свидетельствует о том,

---

[589] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 1–2; Ср. *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 68; *Ma J.* Le roi et ses images. P. 151.

[590] Вопрос, как быстро изменение монетного портрета следовало за интронизацией нового правителя, остается проблемным местом в исследованиях монетного дела Селевкидов. Известны несколько случаев использования «портретного» штемпеля предыдущего правителя для чеканки монет его преемника. Все эти случаи относятся к концу III – середине II вв. до н.э. – времени наибольшей активности периферийных монетных дворов Селевкидов. В целом, использование старого «портретного» штемпеля объясняется именно периферийным расположением монетных дворов. См.: *Lannin M.* A Window into Seleucid Regional Mints: Reuse of Obverse Dies in the 3rd – 2nd Century BC // XV International Numismatic Congress. Taormina 2015. Proceedings / M. Caltabiano (ed.). Roma – Messina, 2017. P. 493–496.

что платежные возможности монет этих эмиссий были эквивалентны. Такая модель, композиционно состоявшая из царского портрета на лицевой стороне и сцены с локальным сюжетом на оборотной, подчеркивавшим локальную идентичность общины, выпускавшей эту монету, была заимствована для провинциальных выпусков бронзовых монет уже в период Римской империи[591].

Учитывая общую символику Селевкидов, здесь можно было бы возразить, что символом государства Селевкидов был вовсе не царский портрет, а изображение якоря. Действительно, упоминания якоря как селевкидского символа встречаются в литературной традиции и памятниках эпиграфики, якорь изображался на печатях, надчеканках и весовых гирях. Он встречается и на монетах, но крайне редко, что весьма удивительно, учитывая исключительные возможности монеты как агента распространения информации. Это обстоятельство позволяет усомниться в том, что якорь был именно тем символом или знаком, в который Селевкиды вкладывали символическое обозначение своей власти. К тому же характерный художественный канон, принятый практически во всех эллинистических государствах, где лицевую сторону монеты занимал именно портрет царя, предполагает, что царский портрет, а ни какое-то иное изображение признавалось официальным символом государства. Якорь же можно считать династическим символом, как изображение всадника у царей Вифинии, либо звезду у Митридата VI.

Один из вопросов, к которому стоит обратиться в контексте изучения царского портрета как государственного символа можно сформулировать следующим образом – в какой мере царский портрет является воплощением царской власти? Как отмечают Р. Фоулер и О. Хекстер, редакторы крупного издания, целиком посвященного проблемам взаимосвязи визуальной репрезентации монарха и власти в древности, монарх занимает уникальное положение в тех случаях, когда речь идет о демонстрации образа государственной власти,

[591] *Meadows A.* Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World. P. 61; *Howgego Ch.* Ancient History from Coins. P. 1.

поскольку он сам является государством[592]. Государство невидимо и нуждается в персонификации. В отличие от республиканских режимов, визуализация которых покоится на абстрактных категориях, монархия может быть визуализирована только через изображение самого царя. При этом, символы республики довольно быстро могут превратиться в «мертвые метафоры», в то время как каждый новый царь обновляет портретное изображение. Однако, несмотря на кочевой образ жизни эллинистического монарха, царь не может быть одновременно в двух местах. Если физическое присутствие монарха безоговорочно демонстрирует его власть, то что делать в отсутствие царя? Р. Фоулер и О. Хекстер указывают на существование «суррогатов» царского присутствия, которыми могут быть царские резиденции, представители местных властей (например, сатрапы). Цари могут присутствовать документально, издавая царские указы[593]. К этим же «суррогатам», заменителям царского присутствия, точнее присутствия царской власти, можно отнести все виды царских изображений, независимо от того, принадлежат ли они частной иконографии или официальной царской. Статуи правителей, монетные портреты, изображения на печатях создавали необходимый эффект присутствия власти. Напротив, восстания против царской власти оборачивались уничтожением царских портретов. В данном контексте показателен случай массовой порчи монет с портретом императора Калигулы. Как полагает Н. Элкинс, это уничтожение портрета было предпринято частными лицами[594].

Представления о царской власти и идеальном монархе в эллинистический период были основаны на нескольких ключевых компонентах царской идеологии, включая этический, божественный и военный. Представление о божественной природе царской власти нашло выражение в царском культе и получило окончательное оформление уже в III в. до н.э. Неслучайно появление первых царских портретов в государстве Селевкидов хронологически

[592] *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 9.
[593] *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 14.
[594] *Elkins N.* Money, Art and Representation. P. 109.

совпадает с оформлением царского культа, династического летоисчисления и династической мифологии. Этический компонент был связан с образом добродетели (филия, эвергетия). Полководческий характер царской власти предполагал и особый образ царя-полководца, а основополагающее понятие «земли, завоеванной копьем» признается главным правовым топосом территориального формирования эллинистических государств. Все эти три компонента нашли непосредственное отражение в царской титулатуре. Хорошо известны божественные эпитеты (Сотер, Эпифан, Теос), эпитеты, подчеркивающие царские добродетели (Эвергет, Дикай, Эвсеб), а также полководческие эпитеты (Никатор, Каллиник, Никефор)[595]. По наблюдению Р. Смита, в трактате философа неопифагорейца Диотогена «О царской власти» идеал внешности царя, включал все три перечисленные компонента: этический, военный и божественный[596]. Это хорошо согласуется с типологией царских портретов. Выделить образ «царя-благодетеля» в портретной галерее Селевкидов затруднительно. В историографии иногда примерами воплощения этого образа называются портреты Антиоха III (рис. 86), а также Антиоха I, Антиоха II и Селевка II (рис. 82). Из-за контраста с портретами диадохов, такие портреты демонстрируют менее энергичного и более умиротворенного правителя. Впрочем, такое суждение остается субъективным. Образ «царя-полководца» выражен

[595] Подробнее об эллинистической царской власти и образе идеального монарха см. *Walbank F.W.* Monarchies and Monarchic Ideas // Cambridge Ancient History. Vol. VII. Pt. 1. Cambridge, 1984. P. 76–119; *Billows R.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. L., 1995. P. 34–45; *Billows R.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkley–Los Angeles–Oxford, 1997; *Mehl A.* ΔΟΡΙΚΤΗΤΟΣ ΧΩΡΑ// Ancient Society 1980/1981. 11/12. S. 173–212.

[596] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 51. «… хороший царь должен стремиться к приличествующим положениям и состояниям, делая себя существом общественным и деловым… он достигнет этого, если... будет величественным и на вид, и на слух… будет добрым и по обхождению, и по внешности… величественность, являющаяся подражанием божеству, позволяет совершать дела, достойные восхищения и почитания… приближаться к богам не посредством высокомерия, а посредством благородства и непревзойденного величия добродетели, налагая на себя такой же подобающий и владычный вид – применительно и к внешнему облику, и к расчетам, и к помышлениям, и к характеру души, и к делам, и к движениям, и к положению тела, чтобы видящие его исправлялись, пораженные чувствами стыда, воздержанности и расположения к должному. Ибо созерцание хорошего царя должно не меньше флейты и созвучия изменить души созерцающих» (Diot. 71-72. = Stob. 61. Пер. И.Е. Сурикова).

более отчетливо. Наиболее известным примером являются портреты царей Греко-Бактрии (рис. 90), которые Р. Фляйшер назвал «царями-воинами»[597]. Изображения Селевкидов в шлеме также известны, правда и единичны, что, впрочем, не означает того, что полководческий аспект идеологии царской власти у Селевкидов уступал место другим концептам. Хорошо известны и портреты обожествленных селевкидсикх царей.

Связь царской идеологии и царской иконографии уже частично рассматривался в параграфе 1.2., поэтому в данном разделе мы сосредоточимся на взаимосвязи между царской идеологией и царским портретом. Нет сомнений в том, что царский портрет, будучи и государственным символом, и значимым компонентом царской иконографии был непосредственно связан с царской идеологией. Более того, можно предположить, что царский портрет менялся вместе с направлениями царской идеологии. Как и иконография изображения оборотной стороны, портрет мог использоваться как средство легитимации. Для формирования образа легитимного правителя необходимо учитывать социальные, политические и культурные ожидания различных групп общества. Это могут быть профессиональные и культурные сообщества, для которых были характерны разные представления об образе легитимного правителя. Более того, нередким было создание образа легитимного царя на основании уже существовавших образов, сформировавшихся при предшествующих монархах[598].

Наиболее показательной формой царского портрета, используемой для легитимации власти, являются уже рассмотренные парные портреты царей и цариц. При этом речь не идет о царях-соправителях. Примеры коммеморативных портретов также хорошо известны – это портреты Селевка I на монетах Антиоха I (рис. 43), портреты Антиоха I на монетах Антиоха II (рис. 44) и так далее. Прокламация каких-либо политических намерений – явление редкое

[597] *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins. P. 31; *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 58–59.

[598] *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 29.

для царского портрета. Тем не менее нередко еще до начала военного похода царский портрет дополнялся характерными атрибутами. Так, на печатях из Урука времени Антиоха IV встречается портрет царя Антиоха в головном уборе в виде головы слона (рис. 93), явно появившийся здесь еще до того, как царь Антиох отправился на восток (либо в ходе похода).

Царский портрет Антиоха IV менялся вместе с монетной легендой, что было отражением нового идеологического курса, презентовавшего новую модель династической идентичности. Изменения портрета заключались не только в появлении дополнительных атрибутов, в частности, звезд и лучевой короны, но и в изображении новых физиогномических деталей: кудрявых волос, анастоле и ювенильности изображения. Однако пример Антиоха IV, который в 173/2 г. до н.э. предпринял масштабную денежную реформу в государстве Селевкидов, на первый взгляд, слишком очевидный случай прямой зависимости между идеологическим курсом и иконографией царского портрета.

Другими примером взаимодействия между иконографией царского портрета и царской идеологией являются портреты селевкидских царей, появлявшиеся в период какого-либо военно-политического обострения, когда власть нуждалась в крепкой идеологической поддержке. Такие портреты, как и изображения оборотной стороны, были символичны для воинов – первополучателей монеты, именно поэтому портреты с воинскими атрибутами, выпускавшиеся в период военных походов, появляются на бронзовых монетах. Пожалуй, наиболее уместным будет вспомнить серию портретов, отчеканенных Деметрием II в Селевкии на Тигре в 140/139 г. до н.э. После захвата Селевкии Митридатом I Деметрий II выступил в поход и в 140/139 г. до н.э. на короткий период времени вернул себе город, где инициировал масштабную монетную чеканку. Среди монетных выпусков весьма примечательны четыре серии бронзовых монет одинакового номинала, судя по метрологическим параметрам, демонстрирующие четыре разных варианта царского портрета: в диадеме, в шлеме, в шкуре слона и в шкуре льва (рис. 94). В иконографии этих портретов были использованы главные визуальные образы царя-полководца, и

подражания Александру, в том числе, в образе покорителя востока (Индии). Вероятно, при обстоятельствах военного похода на бронзовых монетах Селевка II из Суз появляется портрет царя в кавсии.

Царский портрет, как и монетное изображение в целом, не использовался как инструмент царской пропаганды даже в период острых политических перемен. Портреты Антиоха III, который провел наибольшее количество войн среди всех царей династии Селевкидов, две из которых были походами на восток, на монетах дополнялись только диадемой. Объяснить такой иконографический консерватизм для выпусков серебряных монет можно довольно просто – поскольку главной задачей монетной иконографии была выработка доверия у населения к монете, то любые изменения в условиях политической нестабильности и учитывая масштабы государства могли привести к утрате доверия к монете со стороны населения. Однако бронзовая монета, которая полностью поддерживалась государством не зависела от выработанного доверия, поэтому однообразность портрета Антиоха III на бронзовых монетах выглядит частью выбранной политики.

В контексте данной проблемы весьма продуктивным представляется обратиться к проблеме портретов селевкидских узурпаторов и незаконных правителей. Как отметил Р. Фляйшер, иконографическая модель нелегитимных правителей строилась либо на адаптации иконографических традиций Селевкидов, либо на построении независимой иконографической модели[599]. Разумеется, частью этой иконографической модели был портрет, и он не всегда вторил общей иконографической программе, которой руководствовались при выборе изображения оборотной стороны. В случае с незаконными правителями (Александр I, Александр II) выбор иконографии зависел от их политических и династических претензий. Для узурпаторов (Молон, Ахей, Тимарх, Трифон) выбор иконографии представлял более сложный процесс, сопряженный с моделями легитимации. С точки зрения портретного жанра, изображения всех

[599] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 39.

четырех узурпаторов представляют собой разрыв с предшествующей иконографической традицией. Рассмотрим все четыре случая отдельно.

Портрет Молона, поднявшего восстание в «верхних сатрапиях» против молодого Антиоха III, на первый взгляд, не выглядит необычным (рис. 84 b). Он демонстрирует традиционную форму портрета эллинистического правителя в диадеме. Ленты диадемы развиваются за спиной, что косвенно может указывать на монетный двор Селевкии на Тигре как место чеканки данной монеты. Сюжет оборотной стороны «Ника, венчающая трофей» является отсылкой к первому селевкидскому монетному типу времени Селевка I. Несмотря на, казалось бы, традиционную для Селевкидов иконографию, портрет Молона имеет ряд иконографических новшеств. Хорошо заметен второй подбородок, чего не было прежде на портретах Селевкидов. Более того, полные щеки на портрете Молона делают его лицо более округлым. Две этих портретных особенности сближают портрет Молона с портретами его современника – Птолемея III (рис. 95)[600], в портретных изображениях которого наглядно выражалась идея царской трюфэ – богатства и изобилия[601]. Нельзя исключать Молона заимствовал образ трюфэ, чтобы подчеркнуть самобытный характер своей власти.

Портреты другого узурпатора конца III в. до н.э. Ахея также имеют ряд иконографических отличий (рис. 96). Прежде всего, наличие короткой бороды, которая появляется на всех портретах Ахея, а также воинского плаща, повязанного вокруг шеи. И борода, и плащ, без сомнения, являются воинскими символами, что создает образ царя-полководца. С другой стороны, и особенности портретной иконографии, и сюжет оборотной стороны – Афина Промахос, совпадают с иконографической моделью современника Ахея македонского царя Филиппа V. Однако, установить, что перед нами, какая-то идеологическая и политическая связь между Филиппом и Ахеем, либо простое

[600] CPE 759

[601] *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins. P. 36. О трюфэ Птолемеев см.: *Ager S.* The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // Antropologica. 2006. 2. P. 178.

копирование узнаваемой иконографии, весьма проблематично, особенно, если учитывать то, что случаи такого иконографического заимствования и стилистики портрета, и сюжетов оборотной стороны встречаются у других селевкидских узурпаторов.

Примером такого заимствования служат портреты узурпатора середины II в. до н.э. Тимарха (рис. 97), который поднял восстание в «верхних сатрапиях» против власти Деметрий I. Портреты Тимарха на бронзовых монетах соответствуют общему изобразительному канону эллинистического времени. Тимарх изображен в царской диадеме. Единственным стилистическим нюансом этих портретов является подчеркнутый возраст царя, что не характерно для портретов его предшественников Антиоха V и Антиоха IV, но характерно для поздних портретов Антиоха I. Портрет Тимарха на тетрадрахмах абсолютно стилистически не соответствует иконографической традиции Селевкидов. Здесь Тирмах изображен в бактрийском шлеме. Более того, на оборотной стороне этих тетрадрахм помещено изображение всадников Диоскуров, которое встречается на монетах греко-бактрийского царя Евкратида I. Если комплексно сравнить иконографию монет Тимарха и Евкратида, то можно заметить, что монеты Тимарха до деталей (включая легенду) копируют монеты Евкратида. Однако такое иконографическое совпадение вряд ли имеет какое-то политическое объяснение. Скорее всего, заимствование иконографии было экономически необходимо Тимарху, который старался интегрировать свои монеты в обращение монет Евкратида, пользовавшихся, судя по кладовым находкам, доверием у населения.

Портреты последнего селевкидского узурпатора середины II в. до н.э. – Трифона также, на первый взгляд, не имеют никаких отступлений от иконографической нормы (рис. 98). Трифон на всех монетах изображался только в диадеме. Однако и портрет Трифона имеет некоторые отличия от портретов его предшественников. В первую очередь, это анастоле, которое до Трифона появляется на портретах Деметрия I. Далее, это волосы на шее, также характерные для портретов Деметрия I. Однако наиболее существенным

новшеством стоит признать приоткрытый рот и развивающиеся волосы, что придает портрету особую динамичность. Стилистически такой портрет близок не только подражательному образу Александра, но портретам Митридата VI в образе «молодого Диониса»[602].

2.2.2. Портрет царя: образы, стили, художественный канон

Царский портрет эпохи эллинизма создавался в соответствии с определенным художественно-эстетическим каноном. К сожалению, дать его полное описание при текущем состоянии источников практически невозможно. Весьма емко канон царского портрета описал Р. Смит – «типичный царский портрет представляет царя молодым, полным сил, безбородым мужчиной в возрасте от двадцати до тридцати лет… Голова чуть приподнята…. Важное значение имеют волосы, в основном, кудрявые, относительно длинные. Линия диадемы формирует в верхней части прически своего рода венок. В чертах лица различима индивидуальность, но эта индивидуальность может быть принесена в жертву «идеализированной» внешности, то есть созданию образа в соответствии с иконографией молодого безбородого божества или героя. Внешность приведена в надлежащий порядок, а поверхность кожи представлена гладкой и ровной, морщины, рытвины, складки вокруг глаз и двойные подбородки почти повсеместно отсутствуют… Губы разделены, уши небольшого размера и не торчат»[603].

Одной из ключевых проблем в вопросах идентификации, атрибуции и интерпретации портрета является проблема «реализма», «натурализма» и «сходства» изображения, явления в художественной культуре, порожденные эстетической трансформацией раннего эллинизма. Весьма важно обратить внимание на тот факт, что для человека античности все эти художественные категории несомненно имели принципиально иное понимание, отличное от

[602] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 69.
[603] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 47.

современного, базирующегося на иных эстетических и культурных критериях[604]. Уместно вспомнить слова Ю.М. Лотмана о том, что проблему идентификации портрета рождает признание сходства в определенном социокультурном контексте[605]. Безо всяких сомнений можно утверждать, что едва ли «сходство» и «реализм» в античности соотносятся с современными представлениями, сформировавшимися под влиянием искусства эпохи реализма. В античности портрет не представлял собой «реальный» образ и не был своего рода копией реального индивида, хотя и имел определенные индивидуальные черты[606]. Как отметил Р. Смит, портретное искусство античности было основано на типизации конкретных «визуальных стереотипов», сформированных по определенным художественным канонам и отражавших не реальный объект, а тот образ, в котором он был запечатлен[607]. Царский портрет в памятниках царской иконографии строго каноничен, что показывают результаты сопоставительного анализа портретов на монетах и печатях[608]. Исходя из этого, наиболее приемлемым методом анализа царского портрета является стилистическая классификация.

Понимание тела правителя как социального явления помогает объяснить и феномен монетного портрета в древности. Концепция «двух тел короля» Э. Канторовича[609], которая активно обсуждается в среде специалистов-медиевистов, отмечает, что в правовой традиции средневековой Англии фигура короля воспринималась по-разному, как живой человек или как сакральная фигура. Два тела монарха: «тело политическое» (безусловно, сакральное и ритуальное)

---

[604] Подробнее об этих проблемах в контексте культурно-эстетических трансформаций, характерных для периода раннего эллинизма, см. обобщающую работу: *von den Hoff R.* Naturalism and Classicism. P. 49–62.

[605] *Лотман Ю.М.* Портрет // Лотман Ю.М. Об искусстве. Санкт-Петербург, 2005. С. 501.

[606] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 3. Ср. *Трофимова А.А.* Существовал ли портрет в античном мире? С. 40; *Onians J.* Art and Thought in the Hellenistic Age. P. 40–46; *Дорофеев Д.Ю., Савчук В.В., Светлов Р.В.* Иконография античных философов. С. 11–12, 14.

[607] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 33.

[608] *Fleischer R.* Portraits of Hellenistic Rulers on Bullae. P. 324–325.

[609] *Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М., 2015.

и «тело естественное» можно обнаружить в образах монетных портретов. «Тело политическое» можно наблюдать постоянно, в том числе, на монетах, где царь и государство объединены в общую форму. Здесь государь являет собой воплощение всего государства. «Тело естественное» скрыто. Согласно наблюдению Р. Фоулера и О. Хекстера, монарх древности появляется публично лишь при двух обстоятельствах: либо на поле боя, либо участвуя в каком-либо ритуале[610], в большинстве же случаев царь оставался «невидимым» для большинства своих подданых[611]. Мобильность царского двора у восточных монархов (включая, Ахеменидов, Селевкидов и парфян) приводила к постоянному передвижению царя по территории его державы[612]. В процессе этого передвижения царь принимал участие в различных публичных ритуалах, тем самым демонстрируя свое постоянное присутствие в публичном поле.

Р. фон ден Хофф предлагает видеть в царском портрете не фотографическую копию внешности[613], а скорее ‘public body’, то есть определенный конструкт царской идеологии, или, точнее, его визуальную репрезентацию. Р. фон ден Хофф раскрывает феномен царского эллинистического портрета через понятие ‘portrait concept’ – многокомпонентную систему взаимосвязанных элементов, объединявших портрет одного царя, всей царской семьи и всей династии в рамках одного изображения. ‘Portrait concept’ включает типологические, физиогномические, иконографические и мимические традиции в динамике цитирования и взаимосвязи с другими портретными изображениями. При этом, индивидуализация портрета может рассматриваться как часть

---

[610] *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 12–13.

[611] Здесь не лишним будет еще раз процитировать отрывок из работы Дж. Ма о царе и его изображениях. См.: *Ma J.* Le roi et ses images. P. 147–164. См. также пример публичного образа Александра, рассмотренный в работе *Kiilerich B.* The Public Image of Alexander the Great // Alexander the Great. Reality and Myth Analecta Inst. Danici Rom., suppl. 20. 1993. P. 83–92.

[612] *Kosmin P.* The Land if the Elephant Kings. P. 142–180.

[613] Для греков искусство было имитацией (μίμησις) реальности (Arist. *Poet*. I. 2). Однако, эта имитация воспринималась скорее как платоновская «имитация имитации». См.: *Plantzos D.* Alexander’s Gaze. P. 67; *Gombrich E.* Art and Illusion. A Study of Psychology of Pictorial Representation. L., 1984. P. 154–161. Об этом же: *Барт Р.* Риторика образа // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 297–298.

‘portrait concept’, но не исключает божественную и героическую идеализацию[614]. В этой индивидуализации портретных черт возможно усмотреть и персональную сторону царской власти[615], а упоминание о такой идеализации внешнего вида царя при изготовлении культовых статуй сохранилось в довольно пространном царском рескрипте Антиоха III и царицы Лаодики, адресованном гражданам Теоса[616].

С точки зрения понимания царского портрета как ‘public body’, ключевым стилистическим компонентом является возраст. В большинстве случаев возраст царя на портрете мог не соответствовать реальному возрасту правителя на момент чеканки монеты[617]. При этом, такие расхождения в возрасте известны как в случае со старыми правителями, так и в случае с молодыми. Антиох III и Антиох IV (рис. 69) на поздних портретах все еще выглядят как двадцатипятилетние юноши, в то время как обоим больше сорока. Напротив, Антиох V (рис. 80), девятилетний правитель, на монетах изображен двадцатилетним. Наиболее яркий пример – это портреты шестидесятипятилетнего Митридата VI, который также представлен молодым человеком в возрасте двадцати пяти лет. Таким образом, стоит признать существование специального «портретного» возраста, который соответствовал определенным культурным и идеологическим представлениям о силе и крепости царя. В то же время существует и некоторые исключения. Так, известны немногочисленные выпуски статеров Антиоха I с изображением старого монарха в конце его собственного

---

[614] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. A Comparative Approach to Portrait Concepts // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 165–190. Ср. *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. S. 35; *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxford, 1999. P. 42; *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 9–16.

[615] *Ma J.* Le roi et ses images. P. 151.

[616] SEG 41, 1003. τύχῃ ἀγαθῇ π[α]ραστῆσαι τῶι ἀγάλματ[ι] τοῦ Διονύσου ἀγάλματα μαρμάρινα ὡς κάλλιστ[α καὶ ἐ]ροπρεπέστατ[α] τοῦ τε βασιλέως Ἀντιόχου καὶ τῆς ἀδελφῆς αὐ[τ]οῦ [βα]σιλίσσης Λαο[δί]κης. *Ma J.* Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford, 2005. № 17. P. 308–311.

[617] Проблема демонстрации возраста и в целом внешнего вида монарха связана с представлениями о непосредственной связи здоровья монарха и благополучия государства. *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings. P. 10.

правления и в начале правления его преемника – Антиоха II (рис. 59). Нельзя исключать, что такие выпуски были необходимы для того, чтобы отличать старого царя Антиоха I от молодого Антиоха II.

Подобно возрасту, некоторые портретные черты также теряли свою индивидуальность и изображались в соответствии с каноническими представлениями о внешности царя. Как отмечал Р. Смит, сообразно определенному канону, физиогномические и портретные черты могли представлять элементы индивидуальности и реальной внешности, однако их задачей было создание, в первую очередь, образа царя, а затем изображение конкретного человека[618]. Зачастую внешность царя соответствовала иконографии божеств и героев, что создавало особый образ обожествленного монарха. Важное место в царском портрете занимает *пятетика*. Разумеется, использование такого приема как *патос* возможно скорее в пластике, чем в монетном портрете, однако, стоит иметь в виду, что на монетах изображаются безмятежные лица царей, представленные, за редким исключением, без динамики и эмоций.

Дж. Поллитт выделяет две стилистические разновидности царского эллинистического портрета. Первая из них соотносится с так называемым афинским «психологическим портретом», подчеркивает такие качества как умиротворенность, задумчивость, рассудительность. Классическим примером этого варианта является серия скульптурных портретов Демосфена (рис. 81)[619]. К этому же типу портретов относят изображения селевкидских правителей III в. до н.э.: от Антиоха I до Антиоха III, каждое из которых выполнено с большим набором индивидуальных черт, но в общей стилистике (рис. 82)[620].

---

[618] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 48.

[619] Об этом типе портретов см.: *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. P. 59–78.

[620] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 170. Несколько иная картина наблюдается в портретном искусстве Птолемеев, где первые цари династии продолжили чеканить портрет Птолемея I, впрочем, дополняя его собственными портретами чертами – прием хорошо известный на примере изображений эллинистических философов. См.: *Smith R.R.R.* Hellenistic Sculpture. A Handbook. London, 1991. P. 37; *Lorber C.* Cryptic portraits of Ptolemaic kings on silver coins of the second and first centuries B.C. // Numismatica e antichità classiche. 2016. P. 79–98.

Второй стилистический тип царского портрета является воплощением образа «царя-героя», который восходит к Лисиппу и его школе[621]. Imitatio Alexandri или подражание, воспроизведение, интерпретация образа Александра было одним из наиболее выразительных стилей царского портрета в период эллинизма[622] и в позже в императорском Риме[623]. Канонический образ Александра как царя-героя, созданный Лисиппом и его школой (рис. 79)[624], а также Александра-божества, созданный Апеллесом, включал сразу несколько ключевых эстетических категорий, прежде всего, «добродетель» (ἀρετή)[625] и «страсть» (πόθος). Для создания этого образа использовались различные художественные инструменты, включая один из наиболее известных элементов прически эллинистического портрета – анастоле – запрокинутые назад волосы надо лбом. Вместе с ювенильностью, так называемым «томным взглядом» и наклоном головы, анастоле считается одним из иконометрических атрибутов изображений Александра. Imitatio Alexandri было неотъемлемой частью той картины образов, в которой были воплощены многие царские эллинистические портреты. В царском портрете Селевкидов устойчиво элементы imitatio Alexandri появляются только при Антиохе IV (рис. 83)[626], хотя отдельные случаи известны по монетным портретам Антиоха Гиеракса.

На формирование еще одной разновидности образа царского портрета оказало влияние популярное в эллинистический период при царских дворах представление о зажиточности, роскоши и достатке – трюфэ. Изобилие, которое сулило царское правление, отражалось в особой иконографии, в том числе,

---

[621] *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. P. 31.

[622] *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri; *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. Die Bildnisse Alexanders des Grossen und die *Imitatio Alexandri*. Rahden, 2022.

[623] *Kühnen A.* Die *imitatio Alexandri* als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n.Chr. PhD thesis. Universität Duisburg-Essen, 2005.

[624] *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. P. 20

[625] См. *Stewart A.* Hellenistic Art. P. 51–52 – ἀρετή является частью индивидуальности портрета.

[626] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 406. Ср. *Smith R.R.R.* Kings and Philosophers // Images and Ideologies / A. Bulloch, E. Gruen, A. Long, A. Stewart (eds.). Berkley – Los Angeles – Oxford, 1994. P. 208; *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 52.

царского портрета. Наиболее ярко визуализация представлений о трюфэ встречается на монетах Птолемеев, где частым сюжетом изображения оборотной стороны крупных серебряных и золотых номиналов выступает рог изобилия, либо два рога изобилия. Все это позволило Р. Фляйшеру выделить целую категорию портретов tryphe-kings[627]. Портрет царя на таких монетах демонстрирует достаток и изобилие полнотой лица и спокойствием взгляда. Среди эллинистических царей наиболее полно этой концепции соответствуют портреты Птолемея III, Филитера и Антиоха VIII. У Селевкидов (исключая эпизод с узурпатором Молоном) трюфэ в иконографии появляется достаточно поздно, только в конце II в. до н.э. (рис. 84).

Стоит отметить, что царский монетный портрет, а также портрет на оттисках печатей и надчеканках, имел большое количество типологических разновидностей, например, портрет с драпировкой (бюст) и без (голова). Портреты с драпировкой появляются одновременно с портретами без нее. С точки зрения языка повествования, драпировка дополняла образ царя особо значимыми атрибутами, среди которых мог быть доспех, плащ, завязанные на груди лапы шкуры хищника. Все эти элементы имели особенное ситуативное прочтение. Ключевым элементом царского портрета была диадема. В некоторых случаях она дополнялась головными уборами в виде шкуры льва, слона, орла, а также шлемом, кавсией, лучевой короной. Кроме перечисленных типов царского портрета существовали портреты с божественными атрибутами (рогами, звездами), парные портреты. Особое место в системе царских образов занимают женские портреты. Обо всех этих разновидностях царского портрета речь пойдет в специальных разделах.

В отличие от монетного дела других эллинистических монархий, в государстве Селевкидов одновременно функционировали несколько десятков монетных дворов, расположенных в различных частях огромной державы. Эта

[627] *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins. P. 36; См. *de Callataÿ F.* L'iconographie des monnaies grecques. P. 50; *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 173–174; *Virgilio B.* Lancia, diadema e porpora. Il re e la regalità ellenistica. Rome, 2003. P. 73.

географическая рассеянность монетных мастерских привела к появлению локальных стилистических особенностей царского портрета. В более поздний период появились и иконографические особенности, вплоть до появления на монетах изображений локальных божеств, однако, достаточно рано царский портрет стал отличаться именно особенностями стиля. В ранний период (III в. до н.э.) можно выделить несколько центров монетного производства, чьи мастерские отличались самобытным стилем, это: Селевкия на Тигре, Ай-Ханум, чуть позже Антиохия на Оронте. В более поздний период (II в. до н.э.) это: Антиохия на Оронте, Селевкия на Тигре, монетные дворы Финикии. Кроме стилистически подчеркнутых портретных особенностей, работа мастеров-резчиков этих дворов имела свои особенности при изображении атрибутов власти, в частности диадемы. В Селевкии на Тигре ленты диадемы часто изображались развивающимися за спиной, а в Ай-Хануме одна лента изображалась лежащей за спиной, а другая поднятой вверх. Такой стиль выступал своего рода художественным идентификатором.

Можно считать, что первые царские эллинистические портреты появились при диадохах. Впервые портрет царя был отчеканен на серии золотых монет Птолемея I в 306 г. до н.э. (рис. 85). У Селевкидов царский портрет появляется либо в то же время, если считать, что на тетрадрахмах из Суз изображен Селевк I (рис. 36)[628], либо уже на рубеже 80-х и 70-х годов III в. до н.э., когда появляется коммеморативная серия Антиоха I с портретом его отца (рис. 43)[629]. Однако, за более чем двухвековую историю государства Селевкидов художественный канон царского портрета претерпел серьезные стилистические изменения[630].

---

[628] См. об этом раздел 3.1.1.

[629] О посмертных изображениях Селевка I см.: *Houghton A.* A Colossal Head in Antakya and the Portraits of Seleucus I // Antike Kunst. 1986. P. 52–62.

[630] В одной из своих недавних работ, посвященных сопоставительному анализу царских портретов Селевкидов и Птолемеев, Р. фон ден Хофф привел весьма аргументированную структуру последовательной эволюции царского портрета в III – середине I вв. до н.э. С некоторыми замечаниями мы будем придерживаться ее (*von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 165–190). Напротив, Р. Фляйшер высказывал определенный скепсис, относительно попыток проследить стилистическую эволюцию

Примечательно, что в системе царской иконографии царский портрет впервые появляется на монетах, а уже позднее на печатях и других носителях. Таким образом, канон царского портрета, в частности, портрет с диадемой, изначально созданный для монетного изображения, был перенесен на другие носители, сохранив свои ключевые элементы. Портреты Птолемея I и Селевка I отличаются наличием индивидуальных портретных черт, в частности, острых скул. Стиль прически – развивающиеся локоны, демонстрирует энергичность и витальность образа. Примечательно, что ни портрет Птолемея, ни изображение Селевка никак не подражают образам Александра. Даже отсутствие бороды нельзя считать признаком ювенильности, поскольку оба правителя изображены в зрелом возрасте. И Птолемей, и Селевк, и даже Деметрий Полиоркет, чей портрет также одним из первых появляется на монетах, воздерживаются от образа Александра[631]. Таким образом, портреты первых эллинистических царей демонстрируют изображения смертных правителей, что являлось революционным изменением в портретном жанре не только на монете, но и во всем древнегреческом искусстве.

Однако такой канон царского портрета не был заимствован наследниками диадохов. В отличие от Птолемеев, где царский портрет повторял изображение Птолемея I с чертами лица уже нового «царя Птолемея», в III в. до н.э. в иконографии правителей государства Селевкидов происходят определенные изменения. Так, портреты Антиоха I демонстрируют новый концепт царского изображения. Ровная линия волос под диадемой и на лбу, спокойный взгляд и закрытый рот формируют образ «умиротворенного, мудрого царя»[632]. Этот образ лишен божественных атрибутов. В этом стиле изображались портреты царей Антиоха II и Селевка II, при этом на монетах последнего взгляд

канона царского портрета у Селевкидов (*Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 4.), аргументируя это недостатком материала, однако, за 30 лет со времен публикации Р. Фляйшера количество материала увеличилось.

[631] *Stewart A.* Hellenistic Art. P. 54; *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 358–368.

[632] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 170; *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 74; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 19–22.

правителя был насколько отрешенным, что Г. Хафнер посчитал это признаком политической несостоятельности (рис. 82, 47)[633].

При Антиохе III стилистика царского портрета вновь меняется. Изначально его портрет стилистически соответствует портретам его отца Селевка II, однако к концу столетия сильно изменился. Новый портрет снабжен большим количеством индивидуальных черт, демонстрирует возраст царя, напряженную мимику лица, нахмуренные брови. Р. Фляйшер выделил три типа портретов Антиоха III[634]. Первый тип «подростковый» (jugenldlicher Typ) характеризуется ювенильными чертами лица, а также элементами стиля (бакенбарды), близкими портретам Селевка II и Селевка III. Данный тип чеканился до 205 г. до н.э. Второй тип «аскетичный» (asketischer Typ). Для него характерны энергичные черты портрета. Данный тип появляется после 205 г. до н.э. и только на восточных монетных дворах. Третий тип «идеальный» (idealer Typ), который чеканится на различных монетных дворах и демонстрирует молодого, вопреки возрасту, царя с идеализированными портретными чертами (рис. 86).

Стоит отметить, что второй вариант царского портрета, предложенный Р. Фляйшером, стилистически соответствует образцам «психологического портрета» афинской школы, для которых был характерен реализм, отрешенность образа и большое влияние образа политика-философа. Именно этому типу соответствует известная мраморная голова из Лувра, отождествляемая с Антиохом III (рис. 87)[635]. Дж. Поллитт сравнил мраморный портрет Антиоха III из Лувра с портретами Демосфена и Эпикура[636], а Р. фон ден Хофф с

---

[633] *Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности. С. 237.

[634] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 31–37.

[635] Проблема определения данного памятника как портретного изображения Антиоха III выходит за рамки данного исследования. См. по данной теме: *Iossif P.* Antiochos III «du Louvre» et le «souverain des Thermes»: quelques réflexions sur le portrait royal hellénistique et le portrait tardo-républicain // Numismatica e Antichità Classiche. 2002. P. 205–237; *Ma J.* Le roi et ses images. P. 152; *Вальдгауер О.Ф.* Этюды по истории античного портрета. Л., 1938. С. 194.

[636] *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. P. 70.

портретами Менандра и Хрисиппа[637]. По мнению Р. Смита, образ Антиоха III больше соответствует образу полководца[638]. Большое количество персональных черт сближает царский портрет Антиоха III с полисными портретами. Селевк IV следует художественному канону портрета отца.

При Антиохе IV происходят новые преобразования портретного канона. Первые портреты Антиоха IV соответствовали портретам Селевка IV и Антиоха III. Однако после 173/2 г. до н.э. стиль царского портрета вновь меняется (рис. 88). В целом, портрет стал пропорционально больше, появляется характерная ювенильность, а также анастоле. Таким образом, художественный канон царского портрета соответствует так называемому ‘Alexander code’[639]. При Деметрии I стилистические мотивы imitatio Alexandri все больше проникают в царский портрет[640]. Кроме четко выделенного анастоле, новым подражательным элементом становятся длинные волосы на затылке – имитация ранних македонских портретов. Портреты Александра I, который, будучи незаконным царем, очевидно, использовал имя Александра как инструмент легитимации, также изображался с анастоле, безбородым и с длинными волосами на затылке[641]. Дополнительно, Александр I впервые был изображен в шкуре льва, подражая изображениям Александра в образе юного Геракла (рис. 89).

Царские портреты поздних Селевкидов выполнены в смешанной стилистике. С одной стороны, здесь прослеживаются как типичные для Селевкидов образы «умиротворенного царя» (Александр II)[642], imitatio Alexandri (Диодот Трифон, Деметрий II, Александр II), так и эстетика трюфэ (Антиох VIII) а также образы царя-филоромея (Филипп I)[643]. Наибольшее внимание

---

[637] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 176.

[638] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 81–82.

[639] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 49; *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 406–411.

[640] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 57; *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 411–413.

[641] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 184–185; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 61.

[642] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 75.

[643] *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. S. 35; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 81; *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins. P. 37.

привлекает портрет Антиоха VIII, при котором формируется последний иконографический канон царского портрета. Для него характерен отход от реалистичного портрета, хотя некоторые элементы (в частности, выступающий нос) подчеркивают индивидуальность. По мнению Р. Фляйшера портретные черты Антиоха VIII выполнены в соответствии с эстетическим представлением о трюфэ, заимствованным Антиохом VIII у Птолемеев[644]. Похожую иконографическую модель царского портрета заимствовали сыновья Антиоха VIII, а также Антиох XIII – последний правитель государства Селевкидов.

***

Подведем итоги второй главы. Монетный портрет представлял собой композитный «публичный образ» монарха, который формировался в соответствии с эстетическими, идеологическими и мировоззренческими установками, а также как результат кросс-культурных коммуникаций. Портрет не представлял собой копию внешности царя, но был отражением идеологического образа. Для царских портретов не был характерен реализм, чаще цари изображались идеализированными с набором индивидуальных физиогномических доминант. Возраст царя на портрете не соответствовал его реальному возрасту. Портрет был выдержан в определенной стилистике. Всего выделяется три стилистических варианта царского монетного портрета: так называемый «психологический портрета», imitatio Alexandri – подражание образу Александра и трюфэ – представление о роскоши, достатке и благополучии.

Анализ царских портретов Селевкидов показывает стилистическую эволюцию. Портреты диадохов разительно отличаются от изображений Александра и демонстрируют принципиально новый художественный канон. В III в. до н.э. у Селевкидов был популярен «психологический портрет», изображающий царя-мудреца. При Антиохе III происходит индивидуализация портрета, который дополняется большим количеством индивидуальных черт. Начиная со 160-х годов до н.э. в царском портрете Селевкидов появляются

[644] *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins. P. 37.

отдельные элементы образа Александра – imitatio Alexandri. В отдельных случаях используется образ трюфэ, который чаще представляет собой заимствование из птолемеевской царской иконографии. Поздние селевкидские портреты выполнены в смешанной стилистике.

Царский портрет в эллинистический период являлся официальным символом государства. Именно в таком качестве он многократно тиражировался на монетах и печатях, подчеркивая индивидуальный характер царской власти и олицетворяя монархию. Ввиду непубличности царя в эллинистический период, его публичного присутствия только в ритуализированном контексте, постоянного перемещения царя и его двора по территории державы царский портрет на монетах и печатях выполнял функции «суррогата присутствия». Царский портрет как отражение ключевых идеологических положений и представлений о царской власти сочетал три главных компонента: этический, полководческий и божественный. Он мог выступать в качестве средства легитимации власти.

Характерной чертой царского эллинистического портрета является типологическое разнообразие. Можно выделить несколько групп царского портрета: портреты с божественными атрибутами (рога, астральные символы), портреты с царскими и воинскими символами (диадема, шлем, кавсия), портреты в шкурах животных (лев, слон, орел, бык), портреты с бородой, парные портреты и женские портреты. Каждый из этих типов портретов обладал собственным внутренним символизмом, который использовался в определенных исторических и политических обстоятельствах.

Глава 3. От Селевка I до Селевка IV (312–175 гг. до н.э.)

Государство Селевкидов образовалось в самый разгар борьбы за наследство Александра Великого в 312 г. до н.э. в Вавилонии. Рубежным событием первых лет его существования стала победа коалиции диадохов в 301 г. до н.э. в битве при Ипсе над Антигоном. Последующий раздел его владений определил западный контур державы Селевка I, который утвердил свою власть над Сирией – регионом, впоследствии ставшим сердцем всего государства. Около 300 г. до н.э. Селевк основал здесь столичное четырехградье – Тетраполис, включивший Антиохию на Оронте, где располагалась царская резиденция, два морских порта – Селевкию в Пиерии и Лаодикею у моря, а также военную базу – Апамею. На протяжении всего III в. до н.э., несмотря на медленный распад гигантского государства, Селевкиды оставались одной из наиболее могущественных держав Восточного Средиземноморья. Решающим событием всей истории Селевкидов стало поражение в войне с Римом, после чего держава вступила в полосу кризиса.

Монетное дело Селевка I характеризуется обильным производством и появлением большого количества новых монетных дворов. Основная масса выпускаемой серебряной монеты чеканилась по типу Александра. Селевк, как и остальные диадохи, сделал несколько попыток чеканить монету собственного типа, однако ни один из них смог конкурировать с монетами типа Александра. Также при Селевке I в обращение массово поступает бронзовая монета.

Изображения на монетах ранних Селевкидов и печатях являются уникальным источником по истории становления и эволюции царской идеологии, в особенности, в начальный период истории державы Селевкидов. В данной главе последовательно рассмотрены события первого столетия существования государства Селевкидов – этапа становления государства, политического подъема и последующей стагнации. В памятниках царской иконографии отражены такие процессы, как: появление государства Селевкидов в конце IV в. до

н.э., формирование отдельных институтов в первой трети III в. до н.э., политические кризисы середины и второй половины III в. до н.э. Не имея возможности осветить детально все события политической истории, мы сфокусируем внимание только на ключевых эпизодах. Структура главы традиционна, в ее основу положен хронологический принцип: правление Селевка I (3.1.), правление Антиоха I и Антиох II (3.2.), правление Селевка II и Антиоха Гиеракса (3.3.) и правление Антиоха III (3.4.).

3.1. Формирование государства Селевкидов и становление царской иконографии при Селевке I

3.1.1. «Неизвестный в шлеме» – первый селевкидский монетный тип

Серия монет с изображением головы героя в шлеме с рогами вправо на лицевой стороне и Ники, венчающей трофей, на оборотной, относится к первому оригинальному монетному типу Селевкидов (рис. 36)[645]. Именно с эмиссии серебряных монет данного типа, который получил условное наименование «Ника и трофей» либо «неизвестный в шлеме», берет начало богатая монетная иконография Селевкидов. «Ника и трофей» стал не только первым селевкидским монетным типом, но и самым ранним примером царской селевкидской иконографии, что делает данный монетный тип важнейшим источником и в исследованиях по истории монетного дела и денежного обращения первых Селевкидов, и в изучении визуальной репрезентации (в том числе, портретной) царской власти в эпоху раннего эллинизма. В истории изучения данного монетного типа принято выделять несколько дискуссионных проблем, главными из которых являются вопросы датировки и атрибуции изображения, помещенного на лицевой стороне. В истории монетного дела эпохи диадохов известны лишь несколько монетных портретов, которые принадлежат Птолемею (рис. 85) и Деметрию Полиоркету (рис. 121). Принадлежал ли портрет в рогатом

[645] SC 173

шлеме на монетах типа «Ника и трофей» Селевку I – предмет продолжительных дискуссий.

Рассматриваемый монетный тип традиционно привлекал внимание специалистов, однако, точная идентификация персонажа в шлеме до сих пор остается дискуссионной. Первоначально «неизвестный в шлеме» интерпретировался как Селевк I, представленный в образе Диониса. Впервые это предположение было высказано корифеями эллинистической нумизматики Э. Бабелоном[646] и П. Гарднером[647]. Отождествление «неизвестного» с Селевком было сделано на основании монетной легенды, где упоминалось имя царя. Несмотря на определенные иконографические трудности с такой атрибуцией, в частности, отсутствие портретного сходства между «неизвестным в шлеме» и посмертной серией монет с изображением головы Селевка I (рис. 43), интерпретация персонажа в шлеме как Селевка стала для многих исследователей середины XX в. locus communis. Так определял этого персонажа Э. Ньюэлл [648].

Новая атрибуция была предложена Р. Хэдли в работе 1974 г.[649] Он отметил, что Селевк I, как и более поздние Селевкиды, никогда не ассоциировали себя с Дионисом, и, что более важно, обожествление Селевка произошло уже после его смерти. По мнению Р. Хэдли, персонаж в шлеме – это Александр, который демонстративно ассоциировал себя с Дионисом. Эта точка зрения стала распространенной в историографии. В 1980 г. А. Хутон, разделяя предложение Р. Хэдли, добавил к этой версии несколько новых деталей[650]. В 1999 г. он опубликовал новую тетрадрахму Селевка I из Экбатан с изображением всадника в рогатом шлеме на оборотной стороне, иконография которого имеет ряд параллелей с иконографией «неизвестного в шлеме»[651]. Некоторые стилистические особенности этого изображения позволили А. Хоутону и Э.

---

[646] *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P. 42–45.

[647] *Gardner P.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of Greek Coins. The Seleucid Kings of Syria. London, 1878. P. 36.

[648] ESM 300–301.

[649] *Hadley R.* Seleucus, Dionysus, or Alexander? P. 9–13.

[650] *Houghton A.* Notes on the Early Seleucid. P. 5–14.

[651] *Houghton A., Stewart A.* The Equestrian Portrait of Alexander the Great on a New Tetradrachm of Seleucus I // SNR. 1999. P. 27–35.

Стюарту заключить, что на монете представлено изображение несохранившейся статуи Александра. Б. Критт в своей основательной работе 1997 г., посвященной монетному двору Суз, деликатно обошел проблему идентификации этого персонажа, описав его как «героя в шлеме»[652]. В 2002 г. О. Хувер предпринял новую попытку вернуться к первоначальному определению «неизвестного в шлеме» как Селевка[653]. Он подчеркнул, что Селевк был удостоен божественных почестей и по возвращении с Востока был провозглашен жителями греческих городов или армией Новым Дионисом, что нашло отражение в иконографии монет данного типа. Тип «Ника и трофей» мог играть важную роль в создании визуальной репрезентации царской власти первых Селевкидов. Подобную точку зрения разделяет и П. Иоссиф[654].

Дионисийский символизм изображения «неизвестного в шлеме», редко встречающийся на более поздних селевкидских монетах, стал причиной для поиска негреческих истоков иконографии монет данной серии. К. Эриксон предложил рассматривать дионисийский символизм «неизвестного в шлеме» в контексте влияния ближневосточных культур, где образ «неизвестного в шлеме» мог иметь синкретический характер[655]. Восточный «характер» выпусков «неизвестного в шлеме» подчеркивает и Л. Марест-Каффи[656], которая дополнила новыми материалами штемпельный анализ Б. Критта[657]. Версию о вавилонском символизме в атрибутах портрета «неизвестного» поддерживает и С. Вагнер[658]. В последние годы большое внимание проблеме атрибуции «неизвестного в шлеме» уделяется в рамках исследований античного портрета. Р.

---

[652] *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. Lancaster, 1997.

[653] *Hoover O.* The Identity of the Helmeted Head. P. 51–60.

[654] *Iossif P.* Les monnaies de Suse frappées par Séleucos Ier: une nouvelle approche // Numismatica e antichità classiche. 2004. P. 249–271.

[655] *Erickson K.* Seleucus, Zeus and Alexander // Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds / L. Mitchell, C. Melville (eds.). Leiden, 2012. P. 120–124.

[656] *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revised. P. 28–29.

[657] *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa.

[658] *Wagner C.* Herrscherrepräsentation im frühen Hellenismus: Studien zu Entstehung und Funktion königlicher Selbstdarstellung in der Diadochenzeit. PhD Thesis. Nurnberg, 2018. S. 148–149.

фон ден Хофф рассматривает этот портрет в контексте эволюции раннеэллинистческого портретного искусства, что, с одной стороны, несколько обесценивает попытки точной идентификации «неизвестного в шлеме», а с другой, весьма удачно вписывает данный монетный тип в контекст истории искусства раннего эллинизма[659].

Прежде чем перейти к анализу данного монетного типа, стоит сделать несколько предварительных ремарок относительно самой монетной серии. Монетный тип «Ника и трофей» чеканился на серебряных номиналах (тетрадрахмах[660], драхмах[661], гемидрахмах[662] и оболах[663]) монетного двора в Сузах[664]. Объемы эмиссий монет этого типа, судя по сохранившемуся материалу, были значительно меньше, чем объемы выпусков типа «слоновая колесница», начало чеканки которых было инициировано несколькими годами позже, и значительно уступали объемам эмиссий монет типа Александра. Судя по кладовым находкам, зоной обращения монет данной серии были восточные сатрапии государства Селевкидов[665]. Точное время чеканки монет данной серии неизвестно. Учитывая присутствие в легенде царского титула, принято относить начало эмиссии ко времени после 305 г. до н.э. – завершение восточной кампании Селевка I и принятие им царского титула. Однако результаты штемпельного анализа Л. Марест-Каффи, а также исследование иконографии П. Иоссифа показывают, что дату начала чеканки можно сместить на более поздний период – после битвы при Ипсе в 301 г. до н.э.

Поводом для чеканки эмиссии монет типа «Ника и трофей» считается сложная политическая ситуация, сложившаяся в начале III в. до н.э. в

---

[659] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 166–168.

[660] SC 173

[661] SC 174

[662] SC 175

[663] SC 176

[664] *Martinez-Sève L.* Suse et les Séleucides au IIIe siècle avant J.-C // Electrum. 2013. P. 47–50; *Taylor L.* Susa Mint: 311-301 // KOINON. The International Journal of Classical Numismatic Studies. 2020. P. 18–42; *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. P. 11–19; *Le Rider G.* Suse sous les Seleucides et les Parthes.

[665] *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revised. P. 22–23.

восточных областях государства Селевкидов, прежде всего, в Персиде, где местные элиты подняли восстание против центральной власти. Персидский след в чеканке монет типа «Ника и трофей» можно обнаружить и в причинах начала чеканки, и в особенностях обращения монет этой серии. Так, известны перечеканки монет данного типа, выполнявшиеся правителями персидской династии Фратарака, а также случаи варварских имитаций монет этой серии. На некоторых выпусках известны арамейские монограммы, что, как считается, позволяет отнести эти выпуски к производству монетной мастерской, локализуемой в Персиде. На некоторых экземплярах хорошо различимы граффити на арамейском. Кладовые находки также подтверждают обращение данных монет главным образом на территории Персиды: из 23 монетных кладов, содержащих монеты «Ника и трофей», 19 происходят с территории этого региона[666]. Все приведенные факты позволили Б. Критту предположить, что эти монеты были отчеканены для финансирования военной кампании Селевка в Персиде против местной мятежной элиты. Напротив, Л. Марест-Каффи полагает, что первополучателями этих монет были местные персидские элиты[667]. Отметим, что обе версии представляются весьма доказательными. С одной стороны, хорошо известно, что чаще всего монетные выпуски были связаны с военными кампаниями (подготовкой к ним, либо их завершением). С другой же, Сузы, как и ряд других монетных дворов государства Селевка I, включая Вавилон и Экбатаны, практиковали чеканку монет по двум стандартам: аттическому и локальному (вавилонскому или персидскому), что подразумевало вовлеченность продукции этих дворов в локальную экономику. Выпуски типа «Ника и трофей» соответствовали аттическому монетно-весовому стандарту, однако, можно допустить, что в условиях монетно-весового дуализма, сложившегося на эллинистическом Востоке в конце IV – начале III в. до н.э. существовал налаженный обмен монет, отчеканенных по аттической весовой системе, на

[666] *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. P. 81–83; *Iossif P.* Les monnaies de Suse frappées par Séleucos Ier. P. 252.

[667] *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revised. P. 27–28.

монеты, отчеканенные по местному стандарту. Вероятно, в этих целях монетные дворы Суз, Вавилон и Экбатан выпускали монеты различных номиналов, включая мелкие серебряные фракции – гемидрахму и обол.

С точки зрения общей стилистики изображения монетный тип «Ника и трофей» представляет собой типичный викториальный, победный сюжет. Ритуал сооружения трофея (чаще столба, украшенного вооружением противника) как символа военной победы был заимствован диадохами из воинской культуры греков. Примечательно, что македоняне долгое время не практиковали этот ритуал. Диодор сообщает о двух случаях возведения трофея Филиппом II: после побед над иллирийцами (Diod. XVI. 4.7,) и в битве при Херонее (Diod. XVI. 86.6), – в то время как диадохи, напротив, начиная с грека Евмена из Кардии, стали водружать трофей на поле сражения после победы регулярно (Diod. XVIII. 32.2). Павсаний приводит легенду, объясняющую почему «нет такого обычая у македонян, чтобы ставить трофеи» (Paus. 9.40.7-9). Л. Кинни связывает эту особенность с тем, что в тактике македонян большую роль играла конница, а традиция установки трофея появилась на полях сражений фаланг гоплитов. По ее мнению, рост значения конницы на поле боя привел к исчезновению реальных трофеев с полей сражений и перемещению этого феномена в сферу риторики и визуальных образов, где они стали символами военной мощи[668]. На монетах Селевка трофей изображен достаточно подробно, все предметы вооружения хорошо различимы[669].

Иконографический мотив «Ника и трофей» часто встречается на монетах эллинистических и постэллинистических правителей. Изображение Ники и трофея были широко распространены как на западе, в частности, на Сицилии[670], так и на Востоке. Тем не менее, этот монетный тип редко встречается в

---

[668] *Kinnee L.* The Greek and Roman Trophy. From Battlefield Marker to Icon of Power. Abingdon - New York, 2018.

[669] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Бог, герой, царь? Образ «неизвестного в шлеме» на монетах Селевка I // Stratum Plus. 2024. № 3. С. 5.

[670] Примерно одновременно с чеканкой серии типа «Ника и трофей» в Сиракузах тираном Агафоклом была санкционирована серия монет с головой Коры на лицевой стороне и Никой, венчающей трофей, на оборотной. Стилистически и композиционно изображение Ники и трофея на монетах Агафокла так близко подобному изображению на монетах

монетной чеканке Селевкидов. Его можно обнаружить на бронзовых выпусках Антиоха I[671] и Селевка II[672]. Последним известным правителем, который использовал этот мотив, был селевкидский узурпатор Молон[673]. Можно ли считать монетный выпуск «Ника и трофей» мемориальным, отчеканенным в память о какой-то военной победе Селевка I, не вполне очевидно. С одной стороны, практика коммеморации отдельных событий в монетной иконографии появляется достаточно поздно, вероятно, уже в эллинистический период, с другой же, сцены из мифов, помещенные на монетах, воспринимались как события исторического прошлого. В целом, в историографии принято считать, что победные монеты типа «Ника и трофей» были отчеканены либо в честь завершения восточного похода, либо в память о победе при Ипсе. С. Вагнер конкретизирует, что победа при Ипсе имела особое символическое значение для Селевка, поскольку означала победу над притязаниями Антигонидов на восточные сатрапии, в частности, Вавилонию[674]. По сути, именно победа при Ипсе завершала более чем десятилетний конфликт между Селевком и Антигоном за восточные области державы Александра.

Для определения «неизвестного в шлеме» весьма важно обратиться к проблеме портрета. Как отмечал О. Хувер, портретные черты изображения «неизвестного в шлеме» не дают почвы для надежной идентификации[675]. Впрочем, монетный портрет эпохи раннего эллинизма не представлял собой «реалистичной» копии, более того, идеализация образа и индивидуальные черты были неотъемлемыми элементами этого портрета, что существенно затрудняет идентификацию персонажа. Как отмечалось ранее, посмертный

Селевка, что исследователи достаточно давно задумались о возможной связи между двумя правителями, которую, впрочем, выявить не удалось. Также не удалось определить, какая серия монет была выпущена раньше (*Wagner C.* Herrscherrepräsentation im frühen Hellenismus. S. 153–155). В целом, отметим, что причиной появления этого сюжета на монетах обоих правителей могла быть его популярность, что отразилось в появлении мотива Ники с трофеем не только на монетах, но и в глиптике.

[671] SC 388–389

[672] SC 776–777

[673] SC 950

[674] *Wagner C.* Herrscherrepräsentation im frühen Hellenismus. S. 149.

[675] *Hoover O.* The Identity of the Helmeted Head. P. 52.

портрет Селевка[676], несомненно, отличается от портрета «неизвестного в шлеме» по целому ряду стилистических и физиогномических особенностей. На посмертных монетах и печатях Селевка изображена голова человека со строгим и тяжелым взглядом, глубоко запавшими глазами, под крупными бровями, наклоненными вниз, выступающими скулами. В то же время среди наиболее характерных портретных черт «неизвестного в шлеме» – сильный подбородок и прямой нос. Несмотря на столь явное различие в физиогномике, О. Хувер оптимистично относится к идее, что персонаж в шлеме имеет какое-то весьма незначительное физиогномическое сходство со знаменитым бюстом Селевка из «виллы Папирусов» в Геркулануме[677]. С одной стороны стоит признать, что между геркуланумским бюстом и «неизвестным в шлеме» действительно присутствует определенное сходство: нос, подбородок и скулы, но в остальном нет уверенности, имеем ли мы здесь дело с двумя портретами одного и того же человека или просто с более широкой иконографической традицией и более поздним изваянием неизвестного эллинистического или римского художника.

Согласно другому мнению, портретные черты «неизвестного в шлеме» тождественны портретам Александра. Можно выделить некоторые общие черты между портретом «неизвестного в шлеме» и знаменитым портретом Александра в образе юного Геракла в львиной шкуре, который помещался на лицевой стороне всех тетрадрахм Александра Великого (рис. 1). Некоторые художественные особенности передачи подбородка и носа Александра могли сильно напоминать «неизвестного в шлеме», однако, говорить об общем портретном прототипе не приходится. Ввиду стилистической близости этих изображений, в данном случае можно видеть в этом образе своего рода композиционный, идеализированный портрет, созданный независимо от индивидуальных портретных особенностей. Более того, и «неизвестный в шлеме», и

[676] SC 309
[677] *Hoover O.* The Identity of the Helmeted Head. P. 54.

Александр в образе юного Геракла демонстрируют, скорее, героический мотив или образ, а не являются конкретными портретными изображениями.

По сути, единственной причиной считать портрет «неизвестного в шлеме» портретом Селевка или Александра является наличие близкого примера «реалистичного» портрета Птолемея I, помещенного на его золотых статерах 306 г. до н.э.[678] Однако и этот портрет имеет черты идеализации. Как отметил Р. Фляйшер, общие черты портретов многих ранних эллинистических правителей слишком условны, чтобы быть реалистичными[679]. Иными словами, многие эллинистические портреты представляют собой набор схожих портретных черт, подчеркивающих строгость и активность. Прическа выполнена в динамическом стиле, а портретные доминанты гиперболизированы, что контрастирует с традицией Александра. Очевидно, что большое влияние на портреты диадохов оказала традиция изображения Геракла, чей культ был весьма популярен среди раннеэллинистических правителей. Таким образом, к сожалению, анализ портретного изображения не может дать точной информации ни об атрибуции персонажа в шлеме, ни о времени чеканки монет данной серии. В данном случае особое значение приобретает анализ отдельных элементов шлема, в котором изображен «неизвестный».

Шлем «неизвестного» относится к достаточно распространенному, так называемому аттическому, типу с округлой тульей, с открытым лицом (без козырька и наносника) и диадемой-фронтоном, снабжен подвижными нащечниками. Такие шлемы широко представлены в аттической вазописи, поэтому для их обозначения используется конвенциональный термин «аттический»[680]. Можно предполагать, что шлем «неизвестного» изготовлен из бронзы, либо вообще кожи, а фронтон является накладным металлическим элементом. Подобные шлемы широко представлены на изображениях IV – начала III в. до

[678] CPE 91-95
[679] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 31.
[680] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Бог, герой, царь? С. 7.

н.э. Несколько таких шлемов изображено на фризе со сценой кентавромахии героона в Белеви, который датируется 310–280/270 гг. до н.э.[681]

А. Хутон и Э. Стюарт анализируя тетрадрахму Селевка I из Экбатан с изображением всадника в шлеме с бычьими рогами и ушами, подобном шлему «неизвестного», назвали этот предмет защитного снаряжения «фантастической смесью», «a fantastic concoction»[682]. Наличие попоны из леопардовой шкуры на коне всадника с тетрадрахмы и леопардового покрытия на шлеме «неизвестного» позволили исследователям предположить связь с образом Диониса Тауроса. Прототипом как для монетного изображения всадника, так и «неизвестного» в шлеме, по их мнению, была некая монументальная бронзовая скульптура. Источником для вдохновения этой уникальной иконографии могли быть статуи Александра Эгиоха и Александра Ктиста в Александрии[683]. Проблемы с верификацией этой гипотезы начинаются потому, что сохранившиеся предполагаемые уменьшенные повторения статуи Александра Эгиоха не имеют ничего общего ни со всадником на рогатом коне, ни с «неизвестным»[684]. Относительно конной статуи Александра Ктиста нет никаких подробностей. Таким образом, для обоснования нового и «фантастического» образа привлекается никем не упоминаемая и нигде более себя не проявившая бронзовая статуя Александра на коне с (рогами?[685]), в шлеме с рогами.

---

[681] *Ruggendorfer P.* Das Mausoleum von Belevi. Archäologische Untersuchungen zu Chronologie, Ausstattung und Stiftung. Forschungen in Ephesos VI/2, XXXIX. Wien, 2016. S. 349–350.

[682] *Houghton A., Stewart A.* The Equestrian Portrait of Alexander the Great. P. 30.

[683] *Houghton A., Stewart A.* The Equestrian Portrait of Alexander the Great. P. 32.

[684] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Бог, герой, царь? С. 8. См.: *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. С. 258.

[685] Как аргумент в пользу того, что конь с рогами на монете изображает некоего скульптурного Букефала, исследователи привлекают известную мозаику из дома Фавна в Помпеях, предполагаемую копию картины Филоксена из Эретрии, где у коня Александра… «рогообразные» (буквально, horn-shaped) уши. *Houghton A., Stewart A.* The Equestrian Portrait of Alexander the Great. P. 31. Такая символическая иконография с буквальной визуализацией имени коня (Βουκεφάλας, «Бычьеголовый») на монете объяснима. Дополнительным доводом против такого отождествления является и эпизодическое изображение бычьих рогов на головах слонов в упряжках колесницы Афины на монетах Селевка I. См.: *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum, IV, Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne, Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 28. P, 1985. P. 50).

Изображение «неизвестного в шлеме» имеет ряд ярких дионисийских признаков. Шлем обтянут шкурой пантеры или леопарда и украшенный бычьими ушами и рогами, а также мантия, изготовленная из шкуры пантеры и повязанная на шее. В греческой мифологии Диониса почитали как завоевателя Индии. На первый взгляд очень заманчиво согласиться, что этот дионисийский символизм, который явно относится к завоеванию Индии и, в более широком смысле, Востока, мог быть адаптирован Селевком, чтобы представить Диониса как бога-покровителя его молодой династии. Но более поздние Селевкиды никогда особым образом не выделяли культ Диониса, не говоря уже о том, что они никогда не считали его богом-покровителем династии, что создает определенную проблему для такой интерпретации. Основываясь на этом противоречии, некоторые ученые склонны предполагать, что «неизвестный в шлеме» мог быть не Селевком, а напротив Александром, который ассоциировал себя с Дионисом. Стоит отметить, что дионисийскому символизму типа «Ника и трофей» подчас придается априорно ключевое значение. Так, если шкуру пантеры можно рассматривать как символ Диониса, то бычьи уши и рога могут быть связаны с разными греческими и (что более важно) негреческими божествами. Традиционная иконография Александра не была связана с Дионисом. Знаменитый рогатый портрет Александра, изображенный на монетах Лисимаха и Птолемея, сильно отличается от портрета персонажа в шлеме. Очевидно, что в отличие от персонажа в шлеме, украшенном бычьими рогами, портрет Александра украшен бараньими рогами. Единственной аналогией может быть изображение всадника в рогатом шлеме на серии тетрадрахм Селевка I[686] (рис. 175a), однако, его отождествление с Александром достаточно условно. В контексте дионисийской иконографии разница особенно значительна. Более приемлемым в данном случае представляется видеть в этих рогах не какой-то конкретный атрибут, характерный для изображений конкретного правителя, но более общий символ власти.

[686] SC 203

Украшение царского портрета бычьими рогами известно со времен диадохов. Известен портрет Деметрия Полиоркета, украшенный рогами Посейдона, прославляющий его морские успехи. В этом контексте наиболее показателен пример греко-бактрийской иконографии[687]. Хорошо известны монетные портреты бактрийских правителей, украшенные рогами и ушами быка (рис. 90b)[688]. По-видимому, нет никаких убедительных оснований полагать, что бычьи уши и рога на бактрийских портретах следует однозначно интерпретировать как божественные атрибуты Диониса. Вероятно, этот художественный элемент мог быть предметом двойной интерпретации. Здесь же стоит вспомнить о египетском победном декрете 217 г. до н.э. в честь битвы при Рафии (стелла из Пифома). В ней рядом с иероглифом диадемы стоит детерминатив (возможно, или). Д. Клотц связывает этот пассаж их с «бычьерогими тиарами» царей династии Селевкидов[689]. Очевидно, в битве при Рафии Антиох III был в шлеме, но для официального иероглифического текста такие нюансы были не столь важны[690].

Можно ли в этой «бычьей» иконографии видеть связь Селевка с Гераклом? Стоит вспомнить, что в целом визуальный образ Селевка был связан с культом быка и, вероятно, в греческой интерпретации этого символизма, также с культом Геракла. По сообщению Аппиана (App. *Syr.* 57), статуи Селевка I были украшены бычьими рогами. При этом Аппиан не связывает этот символ с культом Диониса, напротив, намекая на связь рогов с культом Геракла. Аппиан сообщает, что статуи Селевка были украшены рогами, потому что он сдержал быка, который пытался убежать во время жертвоприношения, принесенного Александром. Аппиан описывает Селевка, по примеру Геракла, как крепкого и высокого ростом, а сама история повторяет описание подвига Геракла, укротившего критского быка.

---

[687] *Wagner C.* Herrscherrepräsentation im frühen Hellenismus. S. 148.

[688] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. P. 203.

[689] *Klotz D.* Who was with Antiochos III at Raphia? Revisiting the Hieroglyphic Versions of the Raphia Decree (CG 31008 and 50048) // Chronique d'Egypte. 2013. 88. P. 52–53.

[690] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Бог, герой, царь? С. 9.

В эллинистической иконографии изображения правителя в шлеме, исключая уже упомянутые портреты бактрийских правителей, довольно редки[691]. В царской иконографии Селевкидов известно лишь несколько примеров изображений царя в шлеме, при этом каждый случай появления такого изображения был обусловлен конкретными историческими обстоятельствами, связанными с определенной военной кампанией.

Есть много причин согласиться с мнением, что атрибуция «неизвестного в шлеме» может иметь сразу несколько возможных интерпретаций. Изображение правителя в шлеме, особенно в рогатом шлеме, хорошо известно в древневосточной иконографии. Одним из самых ранних примеров такой иконографической традиции изображение аккадского правителя Нарам-Сина, датируемое III тыс. до н. э. По всей вероятности, на Ближнем Востоке существовала традиция изображать правителя в рогатом шлеме, которая позже могла оказать влияние на иконографию Селевкидов[692], хотя близких примеров из ахеменидского контекста нет.

Образ правителя в шлеме мог быть популярен на Востоке в период раннего эллинизма. В данном случае весьма уместно обратиться к монетам локального восточного династа Софита, правившего в районе Паропамисад или Бактрии в начале III в. до н.э., где Софит также изображался в шлеме (рис. 152). Как полагает О. Бопеараччи, на иконографию монет Софита сильное влияние оказали монеты типа «Ника и трофей»[693]. Однако, кроме Софита, исторические обстоятельства правления которого остаются неизвестными, ранняя иконографическая традиция не сохранила примеров портретного изображения

---

[691] Портреты греко-бактрийских правителей в шлеме конструировали особый портретный образ, опираясь на который Р. Фляйшер назвал этих правителей soldier-kings (*Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins. P. 31).

[692] Не обязательно эта традиция была непрерывной, но древние изображения правителей в рогатых головных уборах и шлемах вполне могли сохраняться в дворцах и храмах вплоть до эпохи Ахеменидов и до первых эллинистических правителей (*Iossif P.* Les “cornes” des Séleucides. P. 73–78).

[693] *Bopearachchi O.* Sophytes, the Enigmatic Ruler of Central Asia // Nomismatika chronika. 1996. P. 19–32.

в шлеме ни Александра, ни Птолемея, ни кого-либо из ранеэллинистических правителей.

При определении персонажа в шлеме стоит учитывать нарративную связь между мотивами лицевой и оборотной сторон. Викториальный символизм изображения оборотной стороны, очевидно, задает общее направление интерпретации всего повествования: перед нами визуальный рассказ о большой победе (или победах) царя Селевка. К этому же мотиву относится и портрет «неизвестного в шлеме», который, в силу жанровых особенностей раннеэллинистического портретного искусства, не представляет собой воспроизведение конкретного персонажа, но, скорее, должен пониматься как некий семиотический композит. Среди таких ипостасей этого персонажа, основой которого служил образ самого царя Селевка, безусловно, является Александр, уподобленный Дионису или даже Гераклу. Эта смесь различных атрибутов и воплощений задает общий способ интерпретации. Собрав все эти части вместе, наиболее предпочтительным представляется не отождествлять «неизвестного в шлеме» с конкретным историческим персонажем, а более нейтрально видеть в нем героическую фигуру царя Селевка, связанную с образом Диониса, Геракла, Александра как четырех покорителей Индии или востока в целом. При этом изображение не повторяет в готовом виде традиционные варианты иконографии Диониса, Геракла, Александра.

3.1.2. Якорь – династический символ Селевкидов?

Для каждого, кто имеет даже самые общие знания об эллинистической истории, государство Селевкидов ассоциируется с изображением якоря, который принято считать символом династии. Эта связка «Селевкиды-якорь» так крепко укоренилась в историографии, что давно вышла за рамки чисто научного дискурса и проникла в массовую культуру. Якорь появляется на обложках популярных изданий и научно-популярных заметок, его помещают на

сувенирной продукции вместе с фотографиями монетных профилей царей династии, этот символ можно встретить в популярных компьютерных играх.

В историографии, несмотря на общее признание якоря символом Селевкидов, идет дискуссия о семантике и происхождении, а также статусе этого знака. Среди ключевых интерпретаций можно выделить следующие: якорь – символ морских побед Селевка во время его службы навархом у Птолемея[694], символ спокойствия и божественного расположения (в контексте сообщения Аппиана)[695], символ победы Птолемея (в коалиции с Селевком) над Антигоном и Деметрием Полиоркетом[696], символ победы Селевка (при помощи Птолемея) над Антигоном[697], знак воинских выплат[698], ближневосточной символ[699].

В данном разделе мы хотели бы абстрагироваться от ставших традиционными для исследователей поиска и интерпретации семантики селевкидского якоря и сосредоточиться на случаях демонстрации его в памятниках царской иконографии. Мы также не станем обсуждать идеологический характер этого символа, что многократно делалось в литературе. Задача данного раздела – определить закономерность и системность использовании якоря, чтобы

---

[694] *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. S. 77; *Bosworth A.B.* The Legacy of Alexander: Politics, Warfare and Propaganda under the Successors. Oxford, 2002. P. 212; *Taylor L.* From Triparadeisos to Ipsos. Seleukos I Nikator's uncertain mint 6A in Babylonia // AJN. 2015. Vol. 27. P. 49.

[695] *Hadley R.* Royal propaganda of Seleucus I. P. 60; *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 49.

[696] *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P. VIII; *Antela-Bernárdez B.* The Anchor and the Crown. Seleucos' Use of the "Anchor" Coin Type in 305 B.C. // Athenaeum. 2009. 97 P. 606; *Le Rider G., de Callataÿ F.* Les Séleusides et les Ptolémées. P. 114–116.

[697] *Iossif P., Lorber C.* Alexander Elephant Headdress on Seleucid Coinage // NC. 2022. P. 63–85.

[698] *Aperghis G.* The Armed Forces of Seleukos I, with Help from Coins // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics, Studies in Honor of Getzel M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin, 2020. P. 9–10.

[699] *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides (323-64 avant J.-C.). P. 1913–1914. P. 610; *Brodersen K.* Appianis abriss der Seleukidengeschihte. Text und kommentar. München, 1989. S. 138–139; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 48; *Anagnostou-Laoutides E.* The King-Ship of the Seleukids: An Alternative Paradigm for the Anchor Symbol // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 65–92.

определить его статусное положение в системе официальных знаков и символов Селевкидов.

Нет сомнений в том, что якорь был символически связан с династией Селевкидов. Он хорошо зафиксирован источниками в селевкидском контексте. Сообщения о селевкидском якоре известны в литературной традиции: подобные свидетельства сохранились в двух достаточно полных рассказах Аппиана (*Syr*. 56) и Помпея Трога (XV. 4. 3-9), посвященных происхождению этого символа. Якорь встречается на оттисках печатей, обнаруженных в Селевкии на Тигре[700], Орхое (Уруке)[701], этолийском Каллиполе[702], на Делосе[703], в Тель-Кедеше[704], Скифополе[705] и Джебель-Халиде (рис. 153)[706]. Изображение якоря помещалось на царских весовых гирях (рис. 22-23)[707]. Также изображение якоря встречается на надчеканках, которыми в середине II века до н.э. маркировались монеты киликийских правителей, выпуски тетрадрахм Сиде, Перге и нескольких полисов юга Малой Азии, а также монеты самих Селевкидов (рис. 29). Печать с якорем, принадлежащая царице Лаодике, упоминается в недавно опубликованной надписи с острова Кос[708]. Однако, при всем видимом изобилии изображений и упоминаний якоря в качестве главного (а порой и единственного) символа Селевкидов, стоит обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое остается в историографии практически незамеченным – изображение якоря крайне редко встречается на селевкидских монетах.

---

[700] Seleucia. SU 3-19

[701] *Lindström G.* Uruk. 258-1.

[702] *Pantos P.* Τα σφραγίσματα της αιτωλικής Καλλιπόλεως. P. 116-119. № 94. Tab. *17*

[703] *Boussac M.-F.* Sceaux publics. № SP8. Tab. *2*.

[704] *Herbert S.* Snowflakes and Quicksand. A Survey of Hellenistic Sealing Practices // Hellenistic Sealings and Archives. Proceedings of the Edfu Connection an International Conference. Studies in Classical Archaeology 10 / B. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Tunhout, 2021. P. 133.

[705] *Mazor G., Atrash W.* The sealings. P. 163. Fig. *87.*

[706] JK.S.1 См. онлайн публикацию на сайте Австралийского национального университета. https://slll.cass.anu.edu.au/classics-museum/catalogue/objects/four-hellenistic-seal-impressions-jebel-khalid-201305#acton-tabs-link--tabs-0-footer-2

[707] См. раздел 1.1.3, в особенности, каталог в этом разделе.

[708] IG XII. 4. 226. παρὰ Λαοδίκης ἔχουσαν ἐπίσαμον ἄνκυραν. См.: *Bosnakis D., Hallof K.* Alte und neue Inschriften aus Kos VI // Chiron. 2020. S. 293–295.

Это утверждение лучше всего демонстрируют материалы количественного анализа. Прежде всего, стоит обратить принципиальное внимание на то, что якорь все же встречается на монетах Селевкидов. Другое дело, в какой иконографической роли его здесь можно обнаружить: в качестве самостоятельного монетного типа, либо в качестве дополнительного дифферента, то есть изображения, сопровождавшего основное изображение, относящееся к монетному типу. Действительно, монетных типов с якорем известно не так уж много. Стоит обратить внимание и на номиналы, для которых использовался тип с якорем. Крайне редко тип «якорь» встречается на тетрадрахмах, чаще на монетах мелких серебряных номиналов и еще чаще на бронзовых монетах. Однако и здесь якорь не занимает доминирующего положения. Из 103 выпусков бронзовых монет Селевка I, якорь встречается только на 22 (ок. 25% от общего числа эмиссий), из 162 выпусков Антиоха I якорь зафиксирован для 6 (3%), из 117 эмиссий Антиоха II только для одной (менее 1%). После правления Антиоха II якорь на бронзовых монетах практически перестает чеканиться. Что касается тетрадрахм, то в нашем распоряжении есть только одна серия, относящаяся к правлению Деметрия II (0,8% от общего числа эмиссий), где изображение якоря формирует сам монетный тип (рис. 154)[709]. На драхмах якорь встречается у двух правителей: Деметрий II (5,5% от общего числа эмиссий) и Александр II (7% от общего числа эмиссий). Как видно, монетные выпуски с якорем занимают незначительное место в системе монетного дела Селевкидов. Монетный тип «якорь» использовался далеко не всеми Селевкидами. «Якорь» был весьма популярным типом при Селевке I, далее появлялся лишь эпизодически при Антиохе II, после чего этот тип надолго исчез и вновь был восстановлен лишь при Деметрии II и Александре II. Совсем иную картину демонстрируют изображения якоря как дополнительного дифферента. В таком качестве якорь встречается на всех номиналах Селевка I. Дифферент в виде якоря присутствует на монетах александровского типа (рис. 155) и типа «слоновая колесница» (рис. 156), а также на многочисленных выпусках бронзовых монет.

[709] SC 1924

Использование изображения якоря в качестве дифферента на монетах также не было общим для всех Селевкидов. Чаще всего в таком качестве якорь встречается на монетах Селевка I. Далее, при Антиохе I он практически исчезает и вновь появляется на бронзовых монетах Селевка II, правда, здесь он помещается гораздо реже. После, дифферент якорь встречается лишь эпизодически – при Антиохе III, при Антиохе VII. Тем не менее в качестве дифферента якорь появляется раньше самостоятельного типа и встречается гораздо чаще. Стоит отметить, что якорь был не единственным дифферентом, использовавшимся на монетах Селевкидов. Наряду с якорем и последовательно использовались другие обозначения: голова рогатой лошади, беотийский щит, пчела, наконечник копья и прочее.

Итак, если монетный тип «якорь» был более популярен при Селевке I и у поздних Селевкидов, то дифферент в виде якоря чаще встречается на монетах основателя династии и реже его преемников. Какое же значение имел якорь как дифферент в поле монеты? Нет сомнений, что якорь выступал в качестве личного символа Селевка I. Именно в таком виде он встречается в повествовании Аппиана[710]. Появление якоря на монетах, отчеканенных от имени Александра или «львиных статерах» (рис. 66), демонстрирует их принадлежность без указания имени Селевка в легенде. При этом, оба монетных типа, на которых присутствует якорь – тип Александра и тип «львиных статеров», были заимствованы Селевком I из монетного дела его предшественников. В данном случае якорь выступает в технической роли монетного дифферента, служившего отличительным признаком для определения конкретной монетной эмиссии. К слову, на монетах типа «Ника, венчающая трофей» якорь как дифферент отсутствует.

По всей вероятности, репрезентация якоря как личного символа Селевка не была результатом продолжительного формирования династического символизма, нашедшего отражение в более поздней литературной традиции, но относящегося к событиям раннеэллинистической истории. Известны

[710] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 48.

экземпляры монет александровского типа, продукции монетного двора Вавилон II, относящиеся к чеканке Селевка I, с затертым на монетном штемпеле якорем (рис. 157)[711]. Подобные случаи затирания якоря известны и в практике другого монетного двора, располагавшегося на территории Вавилонии, так называемого «Неопределенного монетного двора 6A», предположительно локализуемого в Описе[712]. А. Хутон и К. Лорбер связывали такое намеренное затирание якоря с возможным захватом монетных дворов противниками Селевка I – Антигоном Одноглазым и Деметрием Полиоркетом в 310–309 гг. до н.э. в ходе борьбы за Вавилонию. Однако недавние исследования Л. Тейлор показывают, что случаи затирания якоря известны также в Сузах[713], которые находились в стороне от зоны конфликта Селевка с Антигоном. Л. Тейлор полагает, что монетный двор Вавилон II был закрыт около 304/303 г. до н.э. При этом наибольшая активность данной мастерской наблюдается накануне ее закрытия, что, вероятно, было связано с подготовкой к походу в Малую Азию. После завершения работы этот монетный двор был преобразован в походную мастерскую, которая сопровождала войско. Продукцию этого монетного двора ассоциируют с продукцией «Неопределенного монетного двора 6A». После завершения работы в Описе, мастера «Неопределенного монетного двора 6A» переместились в Селевкию на Тигре, где был открыт свой собственный монетный двор. Затирание же якоря Л. Тейлор связывает с принятием Селевком царского титула и появлением его собственного имени в монетной легенде. Таким образом, затирание якоря на монетах целого ряда монетных

[711] В собрании ГИМ хранится одна из таких монет. На ее оборотной стороне, в левом поле просматриваются следы изображения якоря, затертого еще на штемпеле. Данный экземпляр относится к выпуску SC 94.3b, а также группе II, согласно классификации А. Хутона, для которой были зафиксированы случаи затирания якоря (*Houghton A.* Some Alexander Coinages of Seleucus I with Anchor // Mediterranean Archaeology. 1991. Vol. 4. P. 99–117) и группе 1.15, по классификации Л. Тейлор (*Taylor L.* The Anchor Alexanders in Babylon II // AJN. 2022. Vol. 34. P. 7–9). Примечательно, что данный экземпляр отчеканен общим штемпелем лицевой стороны с экземплярами 115, 116 и 117 из каталога Л. Тейлор (штемпель A 35). Штемпель же оборотной стороны не находит прямых аналогий, однако весьма близок штемпелю P 93.

[712] О монетной чеканке так называемого «Неопределенного монетного двора 6A» подробнее см. *Taylor L.* From Triparadeisos to Ipsos. P. 41–97.

[713] *Taylor L.* Susa mint: 311–301 BC. P. 30–31.

дворов нельзя считать каким-либо идеологическим актом, но исключительно технической необходимостью, связанной изменением работы самого монетного двора и контроля за выпуском монеты, что несколько обесценивает, в принятом в историографии смысле, идеологическую функцию якоря как символа.

Итак, якорь крайне редко встречается на монетах. Однако как в таком случае можно объяснить тот факт, что в отличие от монет изображение якоря встречается на печатях, гирях и надчеканках? Есть ли корреляция между данными количественного анализа монетных изображений и изображений других иконографических источников? Для ответа на этот вопрос стоит разделить наши источники по категориям, чего не предпринималось в историографии ранее, и рассмотреть каждую группу отдельно в более широком контексте имеющегося материала.

В литературных источниках нет устойчивой традиции ассоциировать Селевкидов с якорем. Как уже было сказано ранее, и Аппиан, и Помпей Трог называют якорь лишь личным знаком царя Селевка, связывая его именно с печатью. При этом, как отмечает Е. Анагносту-Лаутидес, типологически на монетах и в литературной традиции запечатлены два разных типа якоря: на монетах изображен якорь с каменным стволом и деревянными плечами, а в традиции Аппиана и Помпея Трога каменный[714].

Общий анализ печатей показывает, что изображения на тех оттисках, которые мы можем уверенно ассоциировать с официальным чиновником, где сохранилось упоминание должности, были разнообразны: царский портрет, треножник, Аполлон, опирающийся на треножник. Присутствует среди них и якорь, который, впрочем, встречается не чаще остальных[715]. При этом, изображение якоря характерно, скорее, для печатей ранних Селевкидов, именно

[714] *Anagnostou-Laoutides E.* The King-Ship of the Seleukids. P. 66. App. *Syr.* 56: καὶ τὸν λίθον ἀνασκαφέντα ἄγκυραν ὀφθῆναι.

[715] Всего известно 29 печатей с якорем, представленные более, чем 251 оттиском, что является наиболее часто встречающимся мотивом на царских печатях. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 137. Общую статистику использования различных изображений на официальных печатях см.: *Schreiber T.* In Namen des Königs? S. 155–166.

Селевка I, времени соправительства его сына Антиоха I и царей середины III в. до н.э.[716] С точки зрения иконографии, якорь на селевкийских печатях повторяет якорь на монетах Селевка I[717]. На известных печатях из Урука он выглядит иначе. В одном случае сохранилась только нижняя часть изображения, в другом якорь вписан в круг, то есть представляет собой изображение якоря на щите. Уникальной представляется находка двух оттисков с изображением якоря в этолийском Каллиполе. Оба оттиска были выполнены одной печатью. Однако кому принадлежала сама печать и какой документ она скрепляла, неизвестно. Весьма соблазнительно связать появление в Каллиполе документа, скрепленного печатью с якорем, со взаимоотношениями этолийцев и Антиоха III периода антиоховой войны. В целом, такое объяснение выглядит весьма вероятным, но все же остается спекулятивным. Судя по особенностям иконографии самого изображения, якорь, представленный на оттисках, очевидно, типологически является селевкидским, а печать могла принадлежать члену династии. Остальные оттиски печатей с якорем (Делос, Скифополь, Тель-Кедеш, Джебель-Халид) также демонстрируют иконографическую близость изображения якоря из Селевкии и Урука.

Здесь уместно вспомнить случай с печатью царицы Лаодики с изображением якоря, который упомянут в недавно опубликованной надписи с Коса[718]. Надпись представляет собой ответ царицы жителям Коса, учредившим в 243 году до н.э. панэллинский праздник в честь Асклепия и пригласивших различных эллинистических правителей признать асилию (неприкосновенность) этого священного места и принять участие в празднике. Опуская содержание ответа Лаодики (он представляет собой типовой положительный отклик), отметим, что важным замечанием является свидетельство того, что письмо от царицы было скреплено печатью с якорем (παρὰ Λαοδίκης ἔχουσαν ἐπίσαμον ἄνκυραν). Учитывая дату учреждения праздников, речь идет о

[716] *Schreiber T.* In Namen des Königs? S. 165.
[717] Для сравнения можно привести монетную эмиссию SC 145–146.
[718] *Bosnakis D., Hallof K.* Alte und neue Inschriften aus Kos VI. S. 293–295.

хорошо известной царице Лаодике, дочери Ахея, жене Антиоха II и матери Селевка II и Антиоха Гиеракса[719]. Политический контекст этого документа представляет собой один из самых тяжелых периодов в истории государства Селевкидов. В 246 году до н.э. царь Антиох II, который на тот момент уже был женат на дочери египетского царя Птолемея II Беренике, скончался. После смерти Антиоха II Береника и их сын Антиох были убиты, а новым царем стал молодой Селевк II. Однако брат Береники и новый царь Египта Птолемей III начал войну с Селевком, которая получила название «война Лаодики» или Третья сирийская война. Война оказалась для Селевкидов тяжелой, и царь Селевк с трудом выдерживал египетский натиск, который был настолько сильным, что Птолемей даже сумел овладеть Вавилоном. При этом раздоры охватили и саму царскую семью. Лаодика сделала ставку на младшего сына Антиоха Гиеракса, спровоцировав «войну братьев»[720]. О точной дате смерти Лаодики ничего неизвестно, но очевидно, что рассматриваемый документ был составлен за несколько лет до ее смерти.

Для нас важнейшим обстоятельством является тот факт, что Лаодика, уже не будучи женой Антиоха II, продолжает использовать изображение якоря на своей печати. Таким образом и данный случай демонстрирует использование якоря как личного символа, а не универсальной государственной эмблемы. Вероятно, похожим образом печать с якорем могла оказаться в Каллиполе и на Делосе, и вполне могла принадлежать члену царской семьи Селевкидов, который использовал ее как персональный знак. В связи с этим стоит обратить внимание на то, что все известные печати с якорем имеют ряд отличий. На всех печатях якорь выступает только как генеральный иконографический тип, дополненный некоторыми дифферентами. На печатях из Селевкии изображение дополнено дифферентом с головой рогатой лошади, которое встречается

[719] См.: *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. Leiden – New York – Koln, 1997. P. 47–48.

[720] См.: *Grainger J.D.* The Syrian Wars. Leiden – Boston, 2010. P. 153–170; *Coskun A.* The War of Brothers, the Third Syrian War, and the Battle of Ankyra (246–241 BC): a Re-Appraisal // The Seleukid Empire, 281–222 BC. War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 197–252.

на монетах Селевка I и Антиоха I[721]. На печати из Каллиполя различимы два дифферента: голова рогатой лошади и голубь. В данном случае уместно вспомнить и редкую серию монет, выпущенных в самом начале правления Селевка II от имени «Антиоха спасителя», то есть обожествленного Антиоха I[722]. Изображение якоря было дополнено дифферентом в виде шапок Диоскуров. Также якорь мог быть дополнен изображением рога изобилия или женской головы[723].

Изображение якоря встречается на печатях, так же в качестве дифферента. На печатях из Селевкии на Тигре, принадлежавших полисному чиновнику, отвечавшему за взимание налога на ввоз и продажу соли, встречается дифферент в виде якоря[724]. Особый интерес вызывают шесть известных оттисков 211/210 гг. до н.э. с упоминанием «хозяйства царицы» βασιλισής ὄικου ἐπιτελῶν (рис. 9)[725]. И хотя такой якорь нередко встречается на печатях данной группы, у нас нет уверенности в том, что печати с якорем использовали исключительно царские чиновники, скорее, наоборот, он нередко был символом полисных магистратов. Нам известны оттиски печати с якорем и указанием указывающий царского чиновника в легенде – ΚΑΤΑΓΡΑΦΙΟΥ[726], а также полисных чиновников[727]. Разнообразие дифферентов, которыми дополнялись изображения якоря, может быть свидетельством использования этого символа в качестве персонального идентификатора.

Еще одной важной для нашего исследования категорией иконографических источников являются весовые гири. Изображение якоря является одним из наиболее распространенных на царских весовых гирях. Вместе с тем корреляция между иконографическими сюжетами царских гирь и монет крайне невысока, хотя в редких случаях совпадает полностью. Как кажется, ответ на

[721] SC 35
[722] SC 642
[723] SC 376
[724] См., например, Seleucia. Alk. 37.
[725] Seleucia. Alk. 25.
[726] Seleucia. Su 18.
[727] *Lindström G.* Uruk. S. 40.

вопрос почему эта корреляция столь незначительна и почему изображение якоря, редко встречающееся на монетах, занимает доминирующее положение на царских гирях, заключается в практике использовании этих весовых знаков. К сожалению, у нас нет точной информации о конкретном использовании этих гирь. Иными словами, мы не знаем, что именно взвешивали царскими гирями и для чего понадобилось выделение целого ряда весовых знаков, отличающихся, к слову, от общего массива гирь иконографически и метрологически, в отдельную группу. В качестве предположения мы можем высказать идею, что эти гири использовались в случаях каких-то экономических операций, связанных царским доменом, либо царским двором, то есть были связаны скорее с так называемой «личной царской экономикой»[728]. Таким образом иконография царских гирь также может рассматриваться в качестве персональной, а не государственной, включая якорь, который, впрочем, имеет здесь стандартизированный вид.

Надчеканки на монетах представляются одним из наиболее неоднозначных, но в то же время перспективных источников для изучения визуальной репрезентации царской идеологии эллинистической монархии. Изображения надчеканок находят параллели с другими источниками, однако, принадлежность самих надчеканок остается неизвестной. В нашем случае принципиально отличать частную надчеканку от государственной (царской). В большинстве случаев установить эмитента надчеканки невозможно, однако, в исключительных случаях мы все же можем утверждать, что надчеканка монеты была санкционирована государством. Одним из признаков такой государственной надчеканки монеты является ее серийность.

Приведем несколько примеров. Первый из них относится ко времени Шестой сирийской войны и вторжению Антиоха IV в Египет. Известны многочисленные бронзовые монеты Птолемея VI с прямоугольной надчеканкой с изображением якоря. В историографии принято считать, что такие надчеканки

[728] Начиная с конца II в. до н.э. на гирях появляются имена агораномов – полисных чиновников, ответственных в том числе за меры веса.

появились с санкции Антиоха IV, а необходимость надчеканки египетских монет заключалась в стремлении «легализовать» их и интегрировать в денежное обращение государства Селевкидов. Примечательно, что для знака этой надчеканки был выбран именно якорь, который никогда не встречается на монетах, гирях и печатях Антиоха IV[729]. Одним из уникальных примеров серийных надчеканок являются знаки, помещенные на тетрадрахмах полисов Памфилии типа Александра и типа «Афина/Ника», отчеканенные во второй половине II в. до н.э.[730] Большая часть известных экземпляров имеют надчеканки, часть из которых выполнена в форме якоря. Уникальной является надчеканка Фаселиса на которой якорь дополнен изображением восьмилучевой звезды[731].

Безусловно, нет никаких оснований полагать, что надчеканка этих монет была централизованным мероприятием, инициированным селевкидскими властями. Ровно то же справедливо и для серии бронзовых монет киликийского правителя Таркондимонта, надчеканенных изображением в виде якоря[732]. В целом, надчеканки в виде якоря встречаются не только на иностранных монетах, но и на селевкидских[733].

Анализ иконографического материала показывает, что якорь был далеко не единственным селевкидским символом. При ранних Селевкидах распространенным символом было изображение головы рогатой лошади, которое также встречается в качестве самостоятельного типа на монетах [734]. Встречаются и очевидно персональные символы, не имевшие продолжительной практики использования, как, например, шлем Диодота Трифона, помещавшийся

---

[729] *Lorber C.* The Lotus of Aphrodite on Ptolemaic bronzes // SNR. 2001. P. 46. Ser. VI.3. Примечательно, что экземпляр, опубликованный К. Лорбер, происходит из археологических раскопок Антиохии. См.: *Waage D.* Antioch-on-the-Orontes. Vol. VI. Princeton, 1952. № 982.

[730] См. *Seyrig H.* Antiquités syriennes // Syria. 1958. 3–4. P. 193–196; *Metcalf W.E.* A Late Second-Century Hoard. P. 45–47.

[731] См. *Mattingly H.B.* The Ma'Aret en-Num'an Hoard 1980 // Essays In Honour Of Robert Carson And Kenneth Jenkins / M. Price, A. Burnett, R. Bland (eds.). L., 1993. P. 69–86.

[732] *Wright N.* Tarkondimotid responses to Roman domestic politics: from Antony to Actium // Journal of the Numismatic Association of Australia. 2009. P. 73–81.

[733] Примеры надчеканок с якорем, не принадлежащие Селевкидам. *Meadows A.* Civic Countermarks on the Silver Coinage. P. 210.

[734] SC 145

на монетах[735], гирях[736] и надчеканках[737]. В целом, изображение якоря в эмблематическом и символическом значении довольно часто встречается в античности, в том числе и на монетах[738]. Селевкидский якорь послужил прообразом для целого ряда иконографических заимствований. Якорь довольно часто встречается на монетах Иудеи, Парфии и Харракены, весовых гирях Антиохии на Оронте и Селевкии в Пиерии.

Для понимания символики якоря у Селевкидов, на наш взгляд, необходимо разделить ее на личную, династическую и государственную. Нет сомнений, что с точки зрения идеологии, которую мы рассматриваем в ракурсе ее визуальной репрезентации, монарх мог представать в двойном качестве – как глава государства и как представитель династии, член царского дома. Нечто подобное мы встречаем в царской экономике, где царь выступает одновременно в роли главы государства и главы царского дома. Это выражается в существовании как царской земли, принадлежащей царю как главе государства, так и доменной земли, принадлежащей царю как представителю династии и членам царской семьи. Подобная модель могла быть характерна и для царской идеологии, где якорь (наряду с рогатой лошадью и прочими символами) мог выступать в качестве династического, а портрет правителя, был частью официальной государственной символики.

3.2. Антиох I и Антиох II: формирование иконографической модели

3.2.1. «Зевс на троне» и «Аполлон на омфале» – генезис и эволюция двух главных монетных типов государства Селевкидов

[735] SC 2031

[736] Pondera 3600

[737] *Houghton A.* Four Seleucid Notes. 4. Countermarks of Tryphon: Comments on the Circulation of Currency in Northern Syria ca. 150–140 BC // AJN. 1993–1994. P. 59–68

[738] Наиболее известный пример – монеты Аполлонии Понтийской.

Изучая царскую иконографию Селевкидов, невозможно обойти стороной одну из самых сложных и дискуссионных проблем данной темы – появление и эволюцию двух наиболее распространенных монетных типов Селевкидов – «Зевса, сидящего на троне» (рис. 2) и «Аполлона, сидящего на омфале» (рис. 44). Оба этих типа неоднократно становились предметом специальных исследований, главным образом, посвященных проблемам происхождения и интерпретации данных изображений в контексте царской идеологии Селевкидов. Большинство исследователей склонно приписывать этим монетным типам особый идеологический статус, нередко излишне идеалогизируя монетную иконографию и определяя монетное изображение как инструмент пропаганды. В результате, такой подход привел к появлению множества трактовок и интерпретаций, зачастую слабо аргументированных и весьма спорных с точки зрения методов нумизматического исследования, главной целью которых стало формирование представления о культурной универсальности и синкретичности монетной иконографии, способной одновременно апеллировать как к греческой, так и к негреческой аудитории в политических целях центральной власти[739].

---

[739] См. избранную библиографию последних лет. О типе «Зевс на троне» см.: *Erickson K.* Seleucus I, Zeus and Alexander. P. 109–127; *Erickson K.* Zeus to Apollo and Back Again: Shifts in Seleucid Policy and Iconography // Art in the Round: New Approaches to Ancient Coin Iconography / N.T. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 97–108; *Wright N.L.* Seleukos, Zeus and the Dynastic Cult in Seleukeia in Pieria // The Seleukid Empire, 281–222 BC: War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 83–99; *Wright N.* From Zeus to Apollo and Back Again: A Note on the Changing Face of Western Seleukid Coinage // Journal of Oriental Society of Australia. 2008. P. 527–539; *Nawotka K.* Seleukos I and the Origin of the Seleukid Dynastic Ideology: The Alexander Factor // Iran and Transformation of Ancient Near Eastern History: the Seleucids (ca. 312–150 BCE) / T. Daryaee, R. Rollinger, M. Canepa (eds.). Wiesbaden, 2023. P. 87–100.

О типе «Аполлон на омфале» см.: *Erickson K., Wright N.L.* The “Royal Archer” and Apollo in the East: Greco-Persian Iconography in the Seleukid Empire // Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress: Glasgow 2009 / N. Holmes (ed.). Glasgow, 2011. P. 163–168; *Erickson K.* Apollo-Nabû: The Babylonian Policy of Antiochus I // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Weisbaden, 2011. P. 75–90; *Anagnostou-Laoutides E.* Zeus and Apollo in the religious program of the Seleucids // Australian Society for Classical Studies. 33. Melbourne, 2012. P. 1–23; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 62–115; *Nawotka K.* Seleukos I and the Origin of the Seleukid Dynastic Ideology. P. 31–43; *Coşkun A*. The First Seleukid Benefactions in Miletos and the Creation of a Dynastic Ideology // Seleukid Ideology: Creation, Reception and Response / A. Coşkun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 93–111; *Iossif P.* Apollo Toxotes and the Seleukids: Comme un air de

В нашем исследовании мы придерживаемся иного, не столь категоричного понимания функционального предназначения монетного изображения, поэтому в данном разделе, как и в разделе, посвященном иконографии якоря, мы абстрагируемся от «идеологической функции» этих двух монетных типов и проследим их иконографические корни, стилистическую эволюцию, а также историю обоих типов, в контексте политической истории государства Селевкидов и, прежде всего, формирующейся династической идеологии 270-х гг. до н.э.

Монетные типы «Зевс на троне» и «Аполлон на омфале» являются самыми распространенными типами для монет Селевкидов. Как было продемонстрировано в разделе 1.3.1. доля выпусков этих монетных типов существенно превышает остальные, однако, динамика их использования не была равномерной. Из двух рассматриваемых типов «Зевс на троне» появляется на селевкидских монетах первым. Его появление в монетном деле Селевка I представляет собой не столько заимствование или подражание монетам Александра, сколько следование сложившейся к началу самостоятельной монетной чеканки Селевка I традиции использования монетного типа Александра с изображением Зевса на троне для собственных выпусков серебряных монет. Иными словами, ко времени начала монетной чеканки Селевком в 311 г. до н.э. уже существовала довольно устойчивая традиция чеканки монет типа Александра. Как предполагают А. Хутон и К. Лорбер, будучи сатрапом Вавилона в 320–315 гг. до н.э., Селевк I мог быть эмитентом нескольких монетных серий, выпущенных от имени Филиппа Арридея по типу Александра. Ровно ту же ситуацию можно наблюдать с типами золотых статеров, где тип Александра «Афина/Ника» продолжил чеканиться на монетах Селевка, а также с серией «львиных статеров» из Вавилона, Суз и Экбатан, которые начали

famille // More than Men, less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Conference organized by the Belgian School at Athens, 1-2 November 2007 / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Studia Hellenistica 51. Leuven, 2011. P. 229–291; *Nawotka K*. Apollo, the Tutelary God of the Seleucids, and Demodamas of Miletus // The Power of Individual and Community in Ancient Athens and Beyond / Z. Archibald (ed.). 2019. P. 261–284.

чеканиться еще до завоеваний Александра сатрапом Киликии, а затем Вавилонии Мазейем и продолжились при Александре, а позже и при Селевке.

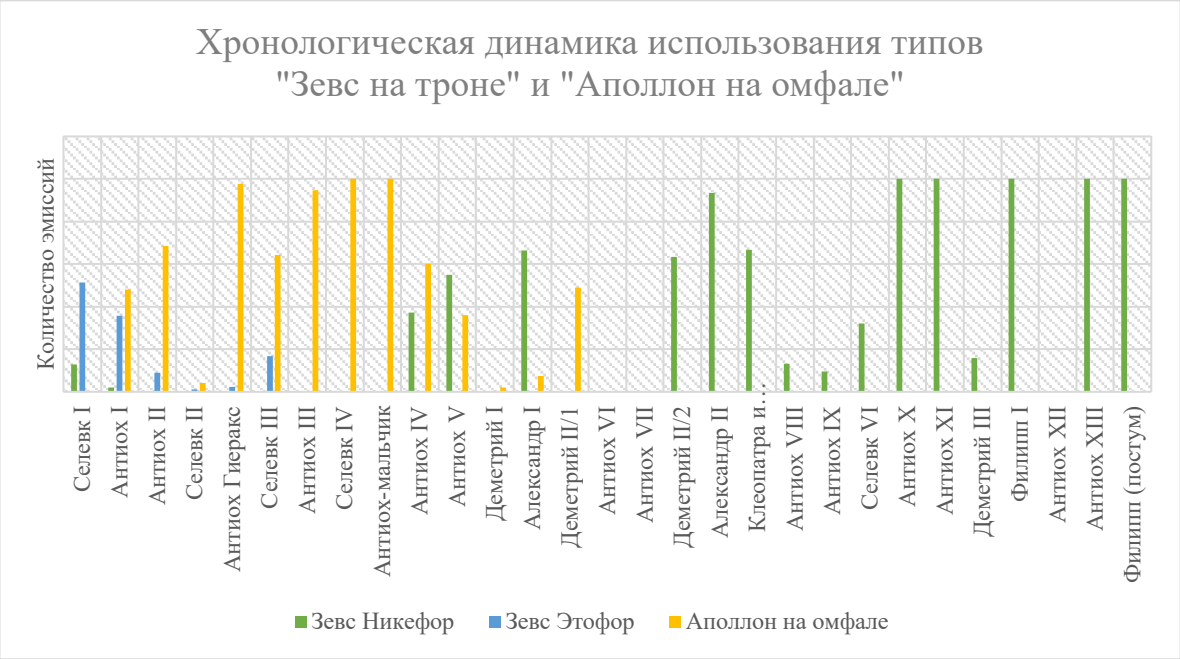
Монетный тип «Зевс на троне» присутствует в монетном деле Селевкидов в двух вариантах: Зевс Аэтофор и Зевс Никефор. Изображение Зевса Аэтофора является более ранним вариантом типа «Зевс на троне», который чеканился на монетах Александра и диадохов. Монеты с Зевсом Аэтофором занимали 52% всех выпусков тетрадрахм Селевка I. Однако в то же время Зевс на троне стал изображаться в образе Зевса Никефора. Этот тип был характерен для 13% всех выпусков тетрадрахм. При наследниках Селевка I популярность типа «Зевс на троне» начала снижаться, что было связано с появлением нового ключевого монетного типа – «Аполлон на омфале». Вновь «Зевс на троне» появляется на селевкидских монетах только при Антиохе IV в 173/2 г. до н.э. и уже после этого доминирует в монетном деле (с незначительными перерывами) до конца существования династии.

Монетный тип «Аполлон на омфале» появляется при Антиохе I и с небольшими перерывами существует до середины II в. до н.э. При этом пика своего использования он достигает к концу III в. до н.э. при Антиохе III, который использовал его для 95% всех эмиссий тетрадрахм, а если учитывать их совокупные объемы, можно полагать, что тип «Аполлон на омфале» к этому времени был безусловным лидером. Начиная с середины II в. до н.э. этот монетный тип исчезает из монетного дела Селевкидов, что связано с появлением локальных монетных типов в монетной иконографии, а также возрождением типа «Зевс на троне». Стилистически «Аполлон, сидящий на омфале» имел несколько вариантов. Прежде всего отличается набор атрибутов, которыми дополнена фигура Аполлона. В канонической версии Аполлон держит в правой руке стрелу, левой опирается на лук. В некоторых случаях положение и набор атрибутов могут меняться. Так, известны монетные изображения, на которых Аполлон держит в правой руке лук (рис. 158)[740], три (рис. 159)[741] или две

[740] SC 540
[741] SC 409

стрелы (рис. 160)[742]. Также известны бронзовые эмиссии, на которых сидящий Аполлон опирается на кифару.

Весьма примечательно, что оба типа встречаются преимущественно на монетах и практически не встречаются в других памятниках царской иконографии[743].

Оба рассматриваемых монетных типа имели свои иконографические прототипы. Фигура мужского божества, сидящего на троне, хорошо известна по монетным изображениям сатрапских выпусков позднеахеменидского времени из Тарса[744]. Впервые изображение сидящего полуобнаженного мужского божества (Баала) встречается на монетах персидского сатрапа Геллеспонтской Фригии Фарнабаза в первой половине IV в. до н.э. (рис. 161)[745] Позднее эта же фигура, но уже сидящего божества, была помещена на монеты сатрапа

[742] SC 378

[743] Изображение Аполлона на омфале известны также на селевкийских частных печатях, что демонстрирует пример адаптации царской иконографии для частных изображений. Seleucia. Ap. 157.

[744] *Mildenberg L.* On the So-called Satrapal Coinage // Mécanismes et innovations monétaires dans l'Anatolie achéménide. Numismatique et Histoire. Actes de la Table Ronde d'Istanbul, 22-23 mai 1997 / O. Casabonne (ed.). P, 2000. P. 9–20.

[745] *Bodzek J.* Achaeminid Asia Minor: Coins of the Satraps and of the Great King // Proceedings of the First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics 25-28 February 2013 / K. Dörtlük, O. Tekin, R. Boyraz Seyhan (eds.). Antalya, 2014. № 35.

Киликии Датама (рис. 162)[746], затем она встречается на монетах Мазейя (рис. 163)[747]. Уже при Александре Мазей продолжил чеканку монет с изображением сидящего божества (Мардука) в Вавилоне (рис. 164). На оборотной стороне этих монет изображался идущий лев, из-за чего в историографии эти выпуски стали именоваться «львиными статерами». Чеканка этих статеров продолжилась и после смерти Александра при диадохах и при Селевке I[748]. Примечательно, что уже при Александре в 333–332 гг. до н.э. чеканка монет с сидящим Баалом была продолжена новым сатрапом Киликии Балакром (рис. 165)[749]. Около 333 г. до н.э. монетный двор Тарса начинает чеканку новых монет – тетрадрахм с так называемым «типом Александра», на лицевой стороне которых изображалась голова Геракла в львиной шкуре, а на оборотной Зевс Аэтофор, сидящий на троне и опирающийся на скипетр (рис. 166)[750]. Как утверждает К. Шиди, какое-то время в монетном деле монетного двора Тарса и позднее Вавилона сохранялся иконографический дуализм, который заключался в том, что монетная мастерская выпускала одновременно монеты со старыми изображениями и новыми[751]. Таким образом, иконографическая преемственность между монетным изображением Баала из Тарса и Зевса Аэтофора очевидна. Проблему существования между этими изображениями какой-либо

---

[746] *Bodzek J.* Achaeminid Asia Minor. № 36.

[747] *Bodzek J.* Achaeminid Asia Minor. № 37.

[748] О «львиных статерах» см. *Nicolet-Pierre H.* Argent et or frappés en Babylonie entre 331 et 311 ou de Mazdai à Séleukos // Travaux de numismatique grecque offerts á G. Le Rider / Ed. by M. Amandry and S. Hurter. London, 1999. P. 285–305; *Iossif P., Lorber C.* Marduk and the Lion // Liber amicorum Tony Hackens / Ed. by G. Moucharte et al. (Numismatica Lovaniensia, 20). Louvain-la-Neuve, 2007. P. 345–363.

[749] *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. L., 1976. P. 284. В целом ранняя монетная чеканка Александра была продолжением ахеменидской. См.: *Sheedy K.* Following the Persians: Alexander the Great, his Mints at Tarsus and Babylon, and the Minting Practices of Persian and Greek Satraps // Byzantium to China: Religion, History and Culture on the Silk Roads. Studies in Honour of Samuel N.C. Lieu / G. Mikkelsen, K. Pary (eds.). Leiden – Boston, 2022. P. 461–482.

[750] *Le Rider. G.* Alexander the Great. P. 117–120; *Price M.* The Coinage in the name of Alexander the Great. № 2998.

[751] *Sheedy K.* Following the Persians. P. 471. Как показывает анализ монетных кладов, первые годы после вторжения Александра в пределы Персидской империи в обращении преобладали «старые» монеты, включая выпуски Афин и подражаний им, городов Финикии и малоазийских сатрапов. Картина принципиально меняется только в период с 332 по 325 гг. до н.э. *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide. P. 388.

связи, кроме исключительно прагматического стремления использовать узнаваемость монетного типа, мы оставим за рамками данного исследования.

Изображение на монетах Аполлона, сидящего на омфале, также известно до появления этого типа у Селевкидов[752]. Наиболее ярким примером являются монетные выпуски Дельфийской амфиктионии (рис. 167)[753]. Однако, при общей иконометрической схеме (сидящая мужская фигура на омфале, держащая в руках атрибут), поза Аполлона, а также некоторые детали его облачения и атрибуты отличаются от селевкидского Аполлона. Поза дельфийского Аполлона больше соответствует позе «Антиохийской Тюхе», которая изображалась в I в. до н.э. на монетах Тиграна II. Особенно отличается облачение. Если Аполлон Селевкидов изображается нагим, то дельфийский Аполлон полностью драпированным в хитоне с длинными рукавами[754]. Набор же атрибутов никак не соотносится с атрибутами селевкидского Аполлона. Другой пример монетного типа «Аполлон на омфале» относится к монетному делу Синопы конца IV в. до н.э. (рис. 168). В данном случае поза Аполлона уже совпадает с позой Аполлона Селевкидов, однако, на монетах Синопы Аполлон держит в руках лиру, а не стрелу. Также изображение Аполлона известно на монетах Элевтерны (Крит) и Кизика. Пожалуй, наиболее иконографически близким вариантом Аполлона на омфале является изображение на монетах кипрского правителя конца IV в. до н.э. Никокла (рис. 169). Иконографическая схема этого изображения полностью совпадает с селевкидской. Аполлон сидит на омфале, левой рукой опирается на лук, в правой держит стрелу. Впрочем, судить о прямом заимствовании изображения Аполлона при Антиохе I у одного из перечисленных центров чеканки не приходится. Изображение фигуры

[752] Ряд примеров еще в 1903 году был приведен А. Уэйсом, который исследовал фрагмент мраморной статуи из Александрии, который он атрибутировал как Аполлона, сидящего на омфале. См.: *Wace A.* Apollo seated on the Omphalos: a Statue at Alexandria // The Annual of the British School at Athens. 1903. P. 211–242.

[753] См.: *Kinns Ph.* The Amphictionic Coinage Reconsidered // NC. 1983. P. –22.

[754] Нагота селевкидского Аполлона является одним из наиболее проблемных художественных элементов для интерпретации этого изображения как универсального визуального символа в контексте ближневосточных культур. См.: *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 93–94.

сидящего Аполлона было весьма популярным в период раннего эллинизма. Аполлон, сидящий на носу корабля, изображен на монетах Антигона Гоната (рис. 170) [755]. Поза Аполлона и атрибут (Аполлон держит лук) совпадает с селевкидским вариантом, а единственным отличием является предмет, на котором сидит Аполлон, что, как кажется, является общим ключом к интерпретации сюжета.

Тот факт, что на монетах Селевкидов изображен Аполлон Дельфийский, не вызывает сомнений – центральный элемент изображения – омфал – символически связан именно с этим эллинским святилищем[756]. Однако кроме Аполлона, сидящего на омфале, на монетах амфиктионии также изображался омфал, обвитый змеей (рис. 171). Подобные изображения омфала и змеи хорошо известны на монетах и фресках (рис. 172, 173), где оно неразрывно связано с иконографией Аполлона и Асклепия. На монетах эллинистического Пергама изображение омфала, обвитого змеей, сопровождалось легендой ΑΣΚΛΗΠΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ (рис. 174). По всей вероятности, именно в такой же ипостаси бога Сотера изображен на омфале и селевкидский Аполлон. Культ Аполлона Сотера получил особую популярность после вторжения в центральную Грецию племен галатов и их последующего изгнания после сражения у Дельф, победа в котором, согласно античной традиции, была обеспечена путем прямого вмешательства Аполлона[757]. В системе царского династического культа Селевкидов культ Аполлона Сотера был связан с культом Антиоха I[758].

---

[755] *Panagopoulou K.* The Early Antigonids. Coinage, Money, and the Economy. New York, 2020. P. 304–310.

[756] Известны монеты Кизика с изображением омфала и двух орлов, что является иллюстрацией известного мифа о появлении святилища в Дельфах. По сообщению Иоанна Малалы (X. 8), в Антиохии на пересечении двух главных улиц города существовала площадь, которая символически называлась «омфал», где располагался характерный камень, что символизировало центральное место города. Однако, в данном случае неизвестно, были ли этот омфал связан с культом Аполлона или нет.

[757] Iust. XXIV. 8. 3-7. Подробнее об праздниках Сотериях Аполлона, учрежденных в Дельфах после отражения нашествия галатов, см.: *Nachtergael G.* Les Galates en Grèce et les Sôteria de Delphes: recherches d'histoire et d'épigraphie hellénistiques. Bruxelles: Palais des académies, 1977.

[758] См.: OGIS 245. *Suk Fong Jim T.* Saviour Gods and Soteria in Ancient Greece. Oxford, 2022. P. 196–197. См. также упоминание «Антиоха спасителя» в почетном декрете из Эг: *Malay H., Rickl M.* Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis // Epigraphica Anatolica.

Этот же эпитет носил и сам Антиох[759]. Известна посмертная монетная серия «Антиоха спасителя» с портретом Антиоха I и изображением Аполлона, сидящего на омфале, выпущенная при Селевке II (рис. 41). К слову, данная серия является первым зафиксированным случаем использования божественного эпитета в монетной легенде у Селевкидов, что подчеркивает значимость этой эпиклезы для формирования образа царя Антиоха I. Согласно античной традиции, появление эпитета Сотер в титулатуре Антиоха I связано с его победой над галатами в знаменитой «битве слонов» ок. 275 г. до н.э.[760]

Таким образом, можно предположить, что монетный тип «Аполлон на омфале» демонстрирует изображение Аполлона Сотера. Сюжет, который представлен на этих изображениях можно интерпретировать как сцену отдыхающего божества, возможно, после участия Аполлона в сражении или после стрельбы из лука. Примечательно, что отдыхающий Аполлон противопоставляется стреляющему из лука Аполлону, изображения которого также известны на монетах Селевкидов[761].

Итак, появление изображения Аполлона Сотера на монетах Антиоха I было связано с его победой над галатами[762]. Впоследствии (а возможно еще при жизни самого Антиоха I) культ Аполлона Сотера был встроен в систему царского культа[763]. Появление монетного типа «Аполлон на омфале», как и

2009. P. 39–60. Другим династическим культом, упоминаемым в той же надписи из Селевкии в Пиерии был культ Селевка Зевса Никатора, который также был распространен в южной Анатолии. Появление этого культа А. Брю относит ко времени не ранее правления Антиоха III. См.: *Brue A.* Séleukos Ier et le culte de Zeus *Nikatôr* // Electrum. 2023. P. 205. Ср. *van Nuffelen P.* Le culte royal de l'empire des Séleucides: une réinterprétation // Historia. 2004. P. 292.

[759] Об этом эпитете Антиоха см.: *Caneva S.* The Power of Naming. Studies in the Epicletic Language of Hellenistic Honours. Liège, 2023. P. 139–154.

[760] App. *Syr.* 65. Критику этой версии см.: *Coşkun A.* Deconstructing a Myth of Seleucid History: The So-Called 'Elephant Victory' // Phoenix. 2012. P. 57–73; *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. P. 161-163. Весьма любопытен сюжет с пеаном в честь победы Антиоха над галатами, недавно разобранный в работе И.Ю. Воробьева. Как показал автор, данный пеан был посвящен Аполлону (вероятно, спасителю). См. *Воробьев И.Ю.* Пеан в честь Антиоха I Сотера (Luc. *Zeux.*11): репрезентация идеологии династии Селевкидов // Via in tempore. История. Политология. 2020. 47 (2). С. 245–250.

[761] SC 1436

[762] *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 62.

[763] *Suk Fong Jim T.* Saviour Gods and Soteria. P. 193–196.

вероятно культа Аполлона Сотера как династического культа Селевкидов, совпало с оформлением династического самоопределения Селевкидов при Антиохе I. Именно в правление Антиоха I формируются основные топосы династической идеологии: династическое летосчисление, царский культ (культ предков), институт соправительства, династическая идеология, включая комплекс нарративов о божественном происхождении династии и легитимности ее правления, а также территориализации власти Селевкидов в Сирии[764]. Монетный тип «Аполлон на омфале» стал своего рода визуализацией этой династической идентичности.

Динамику визуального оформления династической идентичности позволяют проследить выпуски бронзовых монет монетной мастерской Антиохии на Оронте. Согласно распределению монетного материала, выполненному А. Хутоном и К. Лорбер, всего в производстве бронзовых монет Антиохии при Антиохе I выделяются три последовательные серии. Изображения первой серии идентичны бронзовым выпускам этого монетного двора периода правления Селевка I: «Аполлон/треножник»[765], «Аполлон/лук»[766]. Вторая серия имеет существенные иконографические отличия и демонстрирует уже набор сюжетов, связанных с «битвой слонов» и вторжением галатов, а также формированием мифологии династии и городов Тетраполиса: «щит/рогатый слон»[767], «Зевс/молния»[768], «Зевс/треножник»[769], «Аполлон/треножник»[770], «Аполлон/омфал»[771], «Аполлон/наконечник стрелы»[772]. Наконец, третья серия полностью состоит из выпусков типа «Аполлон на омфале»[773], которые можно считать одними из самых многочисленных из когда-либо выпускавшихся до

[764] *Kosmin P.J.* The Land of the Elephant Kings. P. 93–119.
[765] SC 336
[766] SC 338
[767] SC 339
[768] SC 343
[769] SC 346
[770] SC 347
[771] SC 349
[772] SC 350
[773] SC 351-353

того. Таким образом, динамика выпусков бронзовых монет Антиохии показывает отход от идеологии Селевка I в сторону новой модели, центральным визуальным элементом которой стало изображение омфала, а после Аполлона, сидящего на омфале. Появление типа «Аполлон/омфал» можно считать предшественником типа «Аполлон на омфале», при этом, примечательно, что центральным символом является не фигура Аполлона, сидящего на омфале, а сам омфал.

В контексте высказанной идеи стоит отметить, что типы «Зевс на троне» и «Аполлон на омфале» были отражением двух разных идентичностей монархии Селевкидов. «Зевс на троне» был отражением государственной идентичности, связанной с монархией Александра, а «Аполлон на омфале» – династической[774]. В более поздний период «Зевс на троне» становится знаком городов Тетраполиса, которые помещают его на свои автономные монеты. По всей вероятности, именно как результат влияния локальной (полисной) иконографии «Зевс на троне» появляется на монетах Антиоха IV в 172/3 г. до н.э. Позже, в конце II в. до н.э., когда территория государства Селевкидов сократилась до региона Северной Сирии, полисный «Зевс на троне» стал доминировать в качестве монетного изображения. В литературной традиции также Зевс больше связан с мифологией об основании Тетраполиса[775]. Именно он, а не Аполлон изображен на мозаиках III в. н.э., демонстрирующих сцены основания Антиохии на Оронте. Напротив, Аполлон в литературной традиции выступает в роли династического божества, прародителя и покровителя династии.

3.2.2. Селевкидская монетная чеканка в Бактрии: иконография соправительства

[774] См. противоположное мнение основанное, в том числе, на некорректном использовании нумизматического материала. *Debord P.* Le cult royale chez le Séleucides // L'Orient méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée (Actes du colloque international de la SOPHAU). 2003. P. 302–304.

[775] См. раздел 6.2.1.

Ранняя институциональная история государства Селевкидов ознаменована одним важным событием, оказавшим большое влияние на формирование института царской власти и ставшим ключевым для становления новой царской династии, – это появление института соправительства. Около 294 г. до н.э. Селевк I объявил своего сына и наследника царем восточной части своего государства, а его жену Стратонику царицей[776]. Учреждение соправительства, по всей вероятности, было столь важным атрибутом самоопределения царской династии Селевкидов, что заняло особое место в структуре идеологии и репрезентации власти. К сожалению, античные авторы не сохранили никаких деталей учреждения и функционирования этого института, однако, более поздняя традиция, восходящая к царской идеологии Селевкидов, для которой было характерно позиционирование данного института как фундамента формирующейся династии, сохранила упоминание о появлении соправительства в виде «легенды об Антиохе и Стратонике», составной частью которой стал брак Антиоха со Стратоникой и получение ими царского титула[777]. В целом, и Аппиан, и другие античные авторы, пересказывающие городские легенды об основании Антиохии, такие как Либаний и Иоанн Малала, чье повествование восходит к сочинениям Павсания Антиохийского, а также недавно открытые мозаики об основании городов Тетраполиса, подчеркивают этот династический союз Селевка и Антиоха. Из клинописных документов известно, что институт соправительства существовал в державе Селевкидов вплоть до начала II в. до н.э.,[778] однако, в исторической традиции сохранилась память прежде всего об учреждении соправительства и первом случае его применения, в то время как все остальные оказались забыты.

---

[776] См.: *Смирнов С.В.* Первый опыт соправительства в государстве Селевкидов // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 159–168; *Берзон Е.М.* Деятельность и полномочия соправителя царя в Селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I // Восток (Oriens). Афроазиатские общества: история и современность. 2020. № 3. С. 51–64.

[777] *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. S. 230–267; *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 207–246.

[778] *Берзон Е.М.* Политическая история и институты власти в государстве Селевкидов (по данным клинописных текстов). Дисс. на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. М., 2021. С. 177–207.

Первое соправительство интересно нам не только своей ролью в формировании новой династии, но и тем, что этот институт нашел отражение в памятниках нумизматики. Хорошо известны монеты с легендой, содержащей имена двух царей: Селевка и Антиоха. В легенде данных монет упомянуты именно Селевк I и Антиох I, на что указывают как монетные типы, характерные для ранней монетной чеканки Селевкидов, так и общий политический и региональный контекст появления данных монетных выпусков. Всего известно о двух выпусках золотых статеров[779], тетрадрахм (рис. 175)[780], драхм[781], гемидрахм[782], оболов[783] и эмиссиях бронзовых монет[784], отчеканенных от имени обоих царей.

Монеты периода соправительства не были случайным и эпизодическим явлением, но напротив, демонстрируют определенную системность и организацию. Во-первых, все монеты с именами двух царей чеканились только на монетном дворе Ай-Ханума и, судя по всему, на протяжении непродолжительного периода времени. Во-вторых, для чеканки соправительских монет были использованы все номиналы, включая бронзовые, серебряные (крупные и мелкие), а также недавно открытые золотые. В-третьих, что более существенно, золотые и серебряные соправительские монеты были отчеканены по особому монетно-весовому стандарту. Появление этого стандарта, в основе которого лежала драхма со средним весом 3,5–3,3 грамма, уже достаточно давно является предметом дискуссий в научной литературе. Одни исследователи склонны видеть в нем «индийский» стандарт, характерный для каршапанов – платежных слитков с надчеканками династии Маурьев[785], другие же именуют

---

[779] На данный момент известно четыре экземпляра, относящиеся к двум эмиссиям: Roma Numismatics ltd. XXV, lot 503; Roma Numismatics ltd. XXII, lot 420; Classical Numismatics Group ltd. 120, lot 415; Classical Numismatics Group ltd. 117, lot 263.

[780] SC 276

[781] SC 277

[782] SC 278

[783] SC 283

[784] SC 288–289

[785] *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. P. 233–235; *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. P. 29; Подробнее о каршапанах см.: *Gupta P.L., Hardaker T.R.* Punch-marked Coinage of the Indian Subcontinent. Magadha-Mayrian Series. Mumbai, 2014.

данный стандарт «бактрийским»[786], связывая соправительские выпуски с монетной чеканкой среднеазиатского правителя III в. до н.э. Софита, который также чеканил монеты по редуцированному аттическому стандарту[787]. В случае с споравительскими монетами, в нашем распоряжении имеется линейка серебряных номиналов от тетрадрахмы до обола с пониженным, относительно аттического стандарта, весом. Недавно опубликованные четыре статера с легендой от имени двух царей, без сомнения, произведенные также на монетном дворе Ай-Ханума, о чем свидетельствует характерная монограмма , также легче статеров, отчеканенных по аттической весовой системе. Вес соправительских статеров составляет ок. 7 г, в то время как средний вес статеров Селевка и Александра составляет 8,6 г.

Такая денежная система, сформировавшаяся на основе нового весового стандарта, не была «открытой», в отличие от аттической, использовавшейся большинством монетных дворов государства Селевкидов, но представляла собой эпихорическую денежную систему со своим соотношением стоимости (рацио) золота и серебра, отличавшейся от аттического в сторону удорожания стоимости золота. Одновременное сосуществование базовой аттической монетно-весовой системы и нескольких локальных надстроечных систем (вавилонской, персидской) было характерным явлением для раннего монетного дела государства Селевкидов[788]. Однако, если вавилонская и персидская весовые системы имели продолжительную историю использования, то монетно-весовая система соправительских выпусков применялась в регионе впервые.

Стоит сказать несколько слов и о монетной мастерской, в которой чеканились соправительские монеты. Судя по всему, монетная чеканка в Ай-Хануме, как и в других центрах Средней Азии была организована именно

[786] *Trundle M., de Lisle C.* Coinage and the Creation of the Seleukid Kingdom. P. 68.

[787] О метрологии монет Софита см.: *Taylor L.* Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes // AJN. 2019. P. 66-75.

[788] *Голенко В.К.* Монетно-весовой дуализм Селевка I. С. 100-117. Такую практику монетное дело Селевкидов унаследовало от монетного дела Александра.

Антиохом I[789]. По всей вероятности, для этого были задействованы серьезные ресурсы. В Ай-Ханум были перемещены несколько опытных монетных мастеров, прежде работавших на других монетных дворах. Б. Критт, проведя сопоставительный анализ дифферентов на монетах, выпущенных в Средней Азии, отмечает, что монетный магистрат, изначально принимавшей участие в работе монетного двора А, условного локализуемого в Бактрии, был задействован при создании монетного двора Ай-Ханума[790]. Также в Ай-Ханум был перемещен монетный чиновник из Экбатан, о чем свидетельствуют появившиеся здесь монограммы, ранее отмеченные на продукции мастерской Экбатан[791]. Отмечается и стилистическая связь между изображениями на монетах Ай-Ханума и других мастерских, в частности, Суз и Селевкии на Тигре.

Вероятно, появление регулярной монетной чеканки в Ай-Хануме было частью программы мероприятий по преобразованию и укреплению региона, которую осуществлял молодой правитель. Более того, военные конфликты эпохи воин диадохов, расселение греческих и македонских колонистов в Бактрии, а также передвижение царского войска требовали больших финансовых затрат, которые государству выгоднее всего было покрывать монетой. Соправительские эмиссии были возможно наиболее ранними выпусками в монетном деле Ай-Ханума. Наряду с соправительскими выпусками в Ай-Хануме чеканились и монеты от имени царя Селевка, которые соответствовали принятому аттическому стандарту. Интерпретировать это однозначно не представляется

---

[789] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 27–28; *Ртвеладзе Э.В.* Древние монеты Средней Азии. Ташкент, 1987. С. 29. Так же см. версию Е.В. Зеймаля о этапности становления денежного обращения в Средней Азии. Согласно ей, монетной чеканке Селевкидов предшествовало производство монеты-подражания афинским совам. *Зеймаль Е.В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983; *Зеймаль Е.В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978; также см. *Кошеленко Г.А.* Становление денежного обращения на эллинистическом востоке // РА. 2006. №3. С. 95–105; *Cribb J.* Money as a Marker of Cultural Continuity and Change in Central Asia // After Alexander. Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxford, 2007. P. 336–339.

[790] *Kritt B.* Seleucid Coins of Bactria. Lancaster, 1996. P. 35–40; *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. P. 27

[791] *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. P. 26–27.

возможным – либо эти выпуски предшествовали соправительским, либо они выпускались параллельно, как это было в Экбатанах и Вавилоне.

В своей недавней работе, посвященной проблемам соправительской чеканки, Л. Тейлор высказала весьма любопытную версию появления и функционального предназначения соправительского весового стандарта[792]. Согласно результатам ее метрологического исследования, введение соправительского весового стандарта при Антиохе I в Средней Азии следует той же модели, что и введение особого «птолемеевского» весового стандарта в Египте при Птолемее I. Главной причиной такого нововведения был недостаток сырья для чеканки необходимого количества серебряной монеты, а также стремление извлечь дополнительные средства, понизив вес монеты и установив обязательный равнозначный обмен монет аттического веса на монеты соправительского стандарта. Данная версия представляется весьма перспективной и обоснованной. Действительно, Птолемей I в 306 и 294 гг. до н.э. провел редукцию аттического весового стандарта, снизив вес тетрадрахмы с 17 г сначала до 15,4 г, а затем до 14,1 г[793]. При этом, первоначально вес статера не был понижен, а уже после 294 г. до н.э. стали появляться новые золотые номиналы, ориентированные на статер весом в 7,05 г. Одной из причин такой денежной реформы, действительно был отмеченный недостаток сырья для чеканки серебряных монет, в то время как в золоте у египетских правителей недостатка не было. Схожая картина наблюдается и в Средней Азии, где имелись хорошие запасы золота, а серебра было недостаточно для монетной чеканки. Более того, оба региона: и Средняя Азия, и, как ни странно, Египет хоть и были знакомы с монетой, никогда не осуществляли регулярные выпуски собственной монеты, что подчеркивало слабый уровень монетизации местной экономики.

В истории возникновения соправительского монетного стандарта, ориентированного на птолемеевскую модель, есть несколько нюансов, которые

---

[792] *Taylor L.* The Baktrian Coregency Legend Coinage of Seleukos and Antiochos: Context and Origin // KOINON. The International Journal Classical Numismatic Studies. 2023. P. 91–126.

[793] *Lorber C.* A Revised Chronology for the coinage of Ptolemy I // NC. 2005. P. 45–64; *Lorber C.* The Coinage of the Ptolemies. P. 212–214.

существенным образом отличают обстоятельства появления редуцированного стандарта в Средней Азии и Египте. Прежде всего, речь идет о статусе лица, выпускающего монеты нового стандарта. В случае с Египтом не возникает никаких вопросов – это единственный полноправный правитель. Однако насколько полномочия соправителя Антиоха позволяли ему выстроить на окраинах государства «закрытую» денежную систему, которая фактически обособляла экономическую и торговую жизнь целого региона, ответить сложно. Мы оставим за рамками данного исследования спекуляции о возможном конфликте между Селевком и Антиохом или о попытках наследника выстроить свою власть на востоке и обособиться от отца. Опираясь на имеющиеся материалы, отметим, что опыт введения соправительской монетно-весовой системы оказался неудачным и вскоре был свернут. Л. Тейлор связывает это с политической ситуацией, сложившейся в государстве Селевкидов, а именно, гибелью Селевка I и спешным отбытием Антиоха в западные области державы.

Другим существенным отличием реформы Птолемея от реформы Антиоха была монетная иконография дореформенных и постреформенных выпусков. При первом понижении весового стандарта иконография птолемеевских тетрадрахм и драхм оставалась неизменной – «голова Александра в головном уборе в виде головы слона/ Афина Промахос»[794]. Однако после проведения второго этапа понижения стандарта в 294 г. до н.э. иконография монетного типа претерпела ряд существенных изменений. На лицевой стороне стал изображаться портрет самого Птолемея, а на оборотной орел, сидящий на пучке молний – вероятный символ царской династии Птолемеев[795]. В случае же с введением соправительского весового стандарта никаких иконографических изменений не наблюдается. Золотые статеры соответствуют типу «Афина/Ника» – характерному для монет Александра и Селевка, а серебряные номиналы выпускались по типу «слоновая колесница», распространенному на

[794] См.: до 294 г. до н.э. – CPE 40, после – CPE 57.
[795] CPE 136

всем селевкидском востоке. Можно сделать аккуратное предположение, что начало чеканки серии «слоновая колесница» на восточных монетных дворах было организовано соправителем Антиохом, который, достигнув Средней Азии, инициировал здесь создание собственной «замкнутой» денежной системы. При этом, судя по монетной легенде, молодой наследник не позиционировался единственным эмитентом и, вероятно, не претендовал на единоличную власть. Таким образом, с точки зрения иконографии, новые монетные выпуски никак не отличались от старых внешне, что выглядит весьма неоднозначным решением в условиях формирования новой денежной системы.

Единственным отличием новых эмиссий от старых является монетная легенда, дополненная именем царя Антиоха. К слову, легенда серебряных монет соправительского стандарта известна в нескольких вариантах: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ[796], ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΙΟΧΟΥ[797]. На некоторых экземплярах хорошо видны следы доработки штемпеля, то есть добавление имени Антиоха к уже существующему тексту легенды, что привело к нарушению грамматической схемы легенды. На основании этого можно предположить, что для первых эмиссий новых соправительских монет использовались те же инструменты, что ранее применялись для изготовления монет, чеканившихся от имени царя Селевка. Такие особенности процесса монетной чеканки свидетельствуют либо о спешке, в которой изготавливалась первая партия соправительских монет, либо об отсутствии мастеров-резчиков, способных изготовить необходимые штемпели для монетной чеканки, что кажется маловероятным.

В отличие от золотых и серебряных соправительских монет иконография бронзовых выпусков демонстрирует особый набор сюжетов. Всего на сегодняшний день известно о пяти бронзовых монетных типах, которые отождествляются с соправительской чеканкой. Это типы: «бык с мужским

[796] SC 279
[797] SC 280

лицом/якорь» (рис. 177)[798], «бодающий бык/якорь»[799], «бык стоя/якорь» (рис. 176)[800], «голова Диониса/якорь» (рис. 178)[801], «голова Медузы/бык»[802]. Обращает внимание доминирование двух изображений: якоря и быка. В целом, для бронзовой чеканки Селевка I эти два изображения являются вполне традиционными и появляются на различных бронзовых номиналах нескольких монетных дворов, включая Антиохию на Оронте, Селевкию на Тигре, Экбатаны. Обстоятельства появления на монетах Селевка I быка уже были рассмотрены в разделе 2.1.1., где обсуждались портреты Селевка, украшенные рогами. Монетный тип «голова Медузы/бык» представляет собой копию монетного типа эмиссий Антиохии на Оронте и Селевкии на Тигре. Л. Тейлор обозначает этого быка как «индийского», однако, не приводя аргументов для такой интерпретации[803]. Появление якоря как персонального символа Селевка и символа формирующейся династии также не вызывает вопросов.

Из всего набора изображений наибольший интерес вызывают: голова Диониса, изображения стоящего быка и быка с мужским лицом. Изображение быка с мужским лицом – весьма распространенное явление, в том числе и для монетной иконографии. Однако на селевкидских монетах такое изображение встречается только один раз. Традиционно быка с мужским лицом принято определять как речного бога Ахелоя, который в таком образе изображался на монетах сицилийских полисов периода классики[804]. Как справедливо полагают Б. Критт[805] и Л. Тейлор[806], изображение быка с мужской головой на бронзовых соправительских монетах можно интерпретировать как изображение речного

[798] SC 283A
[799] SC 285-287
[800] SC 288
[801] SC 289
[802] SC 290
[803] *Taylor L.* The Oxus River God: A Man-Faced Indian Humped Bull // ΠΟΤΑΜΙΚΟΝ. Sinews of Acheloios. A Comprehensive Catalogue of the Bronze Coinage of the Man-Faced Bull, with Essays on Origin and Identity / N. Molinari, N. Sisci (eds.). Oxford, 2016. P. 299.
[804] Изображения бака с мужским лицом, чаще речного бога Ахелоя, встречаются на монетах Сицилии и Великой Греции, прежде всего, Геллы и Неаполя.
[805] *Kritt B.* New Discoveries in Bactrian Numismatics. P. 99–113.
[806] *Taylor L.* The Oxus River God: A Man-Faced Indian Humped Bull. P. 299–301.

бога Окса. Появление речного божества Окса на соправительских монетах Л. Тейлор объясняет географическим положением Ай-Ханума и большим экономическим значением реки Окс в хозяйственной жизни жителей полиса. В целом, стоит отметить, что культ Окса хорошо известен по материалам из раскопок храмового комплекса Тахти-Сангин (храма Окса)[807], в частности, по известному алтарю с греческой вотивной надписью[808] и другим надписям[809]. Как отметила Л. Тейлор, появление в поле монеты брахмийского слогового знака «па» в качестве дополнительного дифферента является ранним свидетельством греческого и бактрийского культурного взаимодействия, что, безусловно, выделяет данную монетную серию из массы соправительских монет[810]. К сожалению, в нашем распоряжении нет точных данных о культурном составе населения Ай-Ханума раннего периода, однако, иконография и дополнительные дифференты данного экземпляра показывают, что представители местного населения могли принимать участие в монетном производстве, а также выборе изображения для бронзовой монетной чеканки Ай-Ханума.

Особого внимания заслуживает серия бронзовых монет типа «голова Диониса/якорь». Изображение Диониса и дионисийских символов на ранних селевкидских монетах является большой редкостью. Рассматриваемая серия представляет собой единственный известный пример изображения Диониса на бронзовых монетах Селевка I. Справедливости ради нужно отметить, что дионисийский символизм все же встречается на уже рассмотренной серии тетрадрахм Селевка из Суз – монетный тип «неизвестный в шлеме». Здесь шлем героя, изображенного на лицевой стороне монет, обтянут шкурой пантеры, а также украшен бычьими ушами. Также герой носит плащ из шкуры пантеры.

---

[807] *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 3. М., 2010. С.180–183.

[808] *Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84–110; *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 3. С. 184–204.

[809] *Иванчик А.И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. 4. С. 110–131.

[810] *Taylor L.* The Oxus River God: A Man-Faced Indian Humped Bull. P. 299; Ср. *Kritt B.* New Discoveries in Bactrian Numismatics. P. 115–132.

В целом, в историографии столь раннее появление изображения Диониса на селевкидских монетах не получило какого-либо объяснения. Напротив, исследования культа Диониса у Селевкидов, с привлечением в том числе и нумизматического материала, посвящены событиям II в. до н.э. Отдельные попытки связать культ Диониса с ранними Селевкидами являются слабо аргументированными[811]. Как полагают П. Иоссиф и К. Лорбер, авторы едва ли не единственной работы, посвященной проблемам дионисийского символизма в идеологии Селевкидов, культ Диониса Элефантарха при Селевке I был одним из центральных культов[812]. Действительно, иконографические сюжеты, в которых центральное место отведено слону, довольно часто встречаются на монетах разных номиналов и Селевка I, и ранних Селевкидов в целом. Более того, вслед за авторами можно допустить, что для первых Селевкидов образ слона был одним из воплощений их власти, поскольку, во-первых, Селевкиды были первыми диадохами, использовавшими слонов на поле боя, а, во-вторых, потому что именно слоны сыграли ключевую роль в битве при Ипсе в 301 г. до н.э. – сражении, которое определило контуры будущих эллинистических монархий. Тем не менее продемонстрировать прочную связь между изображениями слонов на селевкидских монетах и почитанием Диониса ранними Селевкидами, на наш взгляд, П. Иоссифу и К. Лорбер не удалось. Попытка авторов определить изображение сидящего божества на бронзовом номинале из Антиохии[813] как фигуру Диониса не была подкреплена достаточным кругом аналогий. К сожалению, иконография головы Диониса, изображенной на соправительском бронзовом номинале из Ай-Ханума, не находит аналогий в

[811] См. *Amitay O.* Dionysos in Jerusalem and the Historicity of 2 Macc 6:7 // Harvard Theological Review. 2017. P. 265–279. Автор работы ссылается на полисный декрет об оказании почестей Селевку I и Антиоху I, которые воздавались в том числе и на празднике Дионисий (*Malay H., Rickl M.* Two New Hellenistic Decrees. P. 39–60). Разумеется, в данном документе речь идет о полисном культе, не связанном с царской идеологией.

[812] *Iossif P., Lorber C.* The Elephantarches Bronze of Seleucos I Nikator // Syria. 2010. P. 161–162.

[813] SC 25

искусстве Средней Азии, несмотря на то что дионисийские мотивы занимают в ней заметное место[814].

После единоличного воцарения Антиоха I монетный двор Ай-Ханума продолжил выпуск золотых и серебряных монет, чеканившихся уже по аттическому весовому стандарту вплоть до середины III в. до н.э., но демонстрирующих уникальный иконографический сюжет – изображение головы рогатой лошади. Подобное изображение встречается на серебряных монетах Селевка I и на монетах Антиоха I[815], выпущенных на монетном дворе в Сардах, однако именно в Ай-Хануме изображение головы рогатой лошади стало знаковым монетным типом для серебряных и золотых номиналов[816]. Изображение головы рогатой лощади на печатях и надчеканках, а также в качестве дополнительного дифферента на изображениях якоря может быть интерпретировано как личный династический знак, который, судя по масштабам его использования на монетах, изначально принадлежал Антиоху I и впервые был использован в период соправительства Антиоха I и его отца Селевка I.

3.3. Селевк II и Антиох Гиеракс: «война братьев» в зеркале монетной иконографии

Политический кризис 246 г. до н.э. является одним из знаковых событий ранней политической истории государства Селевкидов. Обстоятельства этого

---

[814] *Пугаченкова Г.А.* Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae.1967. P. 423–428; *Stančo L.* Greek Gods in the East Hellenistic Iconographic Schemes in Central Asia. Prague, 2012. P. 95–113.

[815] *Miller R., Walters K.* Seleucid Coinage and the Legend of the Horned Bucephalas // SNR. 2004. P. 49.

[816] Вероятно, изображение рогатой лошади восходит к догреческой иконографической традиции в Средней Азии. См.: *Мец Ф.* О возможных семантических параллелях «рогатым» лошадям Пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2013. С. 91–102. Р. Миллер и К. Вальтерс предположили, что прообразом селевкидской рогатой лошади был не Букефал, напротив, именно эти изображения на монетах стали причиной зарождения легенды о Букефале. *Miller R., Walters K.* Seleucid Coinage and the Legend of the Horned Bucephalas. P. 52–53. Иоанн Малала (VIII. 258) сообщает о статуи лошади, которую воздвиг Селевк в Антиохии, однако, в данном сообщении никак не упомянуты рога лошади. П. Иоссиф сдержанно полагает, что рогатая лошадь была символом победоносной конницы и обожествления царя. *Iossif P.* Les “cornes” des Séleucides. P. 51.

кризиса были связаны с противостоянием Селевкидов и Птолемеев, которые на тот момент уже дважды в своей истории втягивались в продолжительные войны. Условием завершения последней, которая прошла при Антиохе II (260–253 гг. до н.э.), стал брак царя с египетской принцессой Береникой, дочерью Птолемея II. Для выполнения этого условия Антиох вынужден был оформить развод со своей первой женой Лаодикой, от которой у царя уже были дети, включая двух сыновей: Селевка и Антиоха. Новая царица Береника вскоре также родила мальчика, которого нарекли Антиох. После смерти Птолемея II в 246 г. до н.э. Антиох II посчитал выполнение условий мира необязательными и вернулся к своей прежней семье, которая находилась в Эфесе. Однако вскоре, при неопределенных обстоятельствах[817], Антиох II скончался, после чего обе стороны объявили своих сыновей наследниками: Лаодика Селевка, а Береника Антиоха. Это непродолжительное противостояние закончилось довольно быстро. Осенью 246 г. до н.э. Птолемей III захватил власть в Антиохии. Вероятно, после вмешательства в конфликт Птолемея III по приказу Селевка (или Лаодики) Береника и Антиох были убиты[818]. После этого Птолемей совершил свой краткий военный поход на Вавилонию и к концу лета 245 г. до н.э. вернулся в Египет. Согласно хронологии событий, предложенной А. Чошкуном, после своего ухода из Антиохии Птолемей III оставил у власти Антиоха Гиеракса, брата Селевка II, который удерживал власть в регионе до 243 или 242 гг. до н.э.[819]

---

[817] Большинство исследователей предполагают отравление, хотя это не подтверждается источниками. См. *Grainger J.D.* The Syrian Wars. P. 155.

[818] Об этих событиях см.: App. *Syr.* 65; FGrHist 260. 43; Polyaen. 8. 50; Trog. *Prol*. 26; 1; ВСНР 10. *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 121–131. *Coskun A.* The War of Brothers. P. 197–252; *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War // The Seleukid Empire, 281–222 BC. War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 253–273; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 128–131. О «войне братьев» в контексте территориального распада державы Селевкидов недавно представил работу П. МакКечни, который предположил, что война между членами царской семьи велась на фоне процесса вассализации, что должно было сохранить целостность государства. *McKechnie P.* Wars of the Brothers: the Contested Coalescence of Seleukid Statehood in mid-Third-Century Asia Minor // Culture and Ideology under the Seleukids. Unframing a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 131–150.

[819] *Coskun A.* The War of Brothers. P. 229–230.

События политического кризиса 246 г. до н.э. нашли отражение в иконографии серии выпусков золотых, серебряных и бронзовых монет, условно обозначаемых в историографии как серия ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ или «Антиоха спасителя», а также в изменении ключевого монетного типа государства Селевкидов, произошедшем при Селевке II. Анализу этих двух монетных серий в контексте первого династического конфликта у Селевкидов посвящен данный параграф.

3.3.1. Монетная серия «Антиоха спасителя» и династический конфликт 246 г. до н.э.

Монетные выпуски с легендой ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ были отчеканены по двум типам. На золотом номинале[820] и тетрадрахмах[821] типа «Антиоха спасителя» на лицевой стороне помещен портрет Антиоха I в диадеме, на оборотной стороне Аполлон, сидящий на омфале, и легенда ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ (рис. 41). На бронзовых монетах (рис. 179)[822] на оборотной стороне помещено изображение якоря, дополненное двумя шапками Диоскуров и сопровождаемое той же легендой. Единственный известный золотой номинал весом в 34,35 г происходит из клада из Гордиона[823] и представляет собой золотую октодрахму. Примечательно, что он изготовлен штемпелем лицевой стороны А2, как и группа тетрадрахм. Никаких отклонений от весовой нормы тетрадрахм не выявлено[824].

Как отмечали Э. Ньюэлл и Ж. Ле Ридер, из всего корпуса селевкидских монет выпуски «Антиоха спасителя» являются одними из самых необычных по обстоятельствами появления[825]. Не вызывает сомнений мемориальный

[820] SC 640
[821] SC 641
[822] SC 642
[823] IGCH 1404
[824] Всего, по публикации Ж. Ле Ридера, известно 34 экземпляра, дополнительно мы можем привести неопубликованный экземпляр из собрания Государственного Эрмитажа № ОН-А-ДГ 18737.
[825] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 81.

характер этих выпусков – в легенде упомянут умерший правитель, а не правящий царь. Также особенностью этого монетного типа является первый в истории Селевкидов случай размещения в легенде монеты божественного эпитета. Интересен и портрет. Он принадлежит второму царю династии Антиоху I. Посмертные выпуски с портретом Антиоха I хорошо известны в монетной чеканке Антиоха II в Селевкии на Тигре, однако, они имеют ряд существенных стилистических отличий.

Время выпуска монет данной серии определяется условно. Д. Кокс, основываясь на данных клада из Гордиона, предполагал, что данные монеты чеканились при Селевке III (226–223 гг. до н.э.)[826], однако данное утверждение не получило достаточной аргументации. Как отметил Ж. Ле Ридер появление в составе клада золотого номинала данной серии, который был эквивалентен стоимости 20 тетрадрахм, не вызывает удивлений. Данный номинал, учитывая его покупательную способность, мог продолжительно находиться в обращении. Другое дело – отсутствие монет «Антиоха спасителя» в большом кладе из Меиданчиккале[827], относящемуся к 240–235 гг. до н.э.[828] По мнению Ж. Ле Ридера, количество штемпелей лицевой (четыре экземпляра) и оборотной сторон (22 экземпляра) свидетельствует об относительно больших объемах чеканки. Однако, учитывая, количество монет, находящихся в обращении к моменту чеканки серии «Антиоха спасителя», а также количество монет, отчеканенных на момент формирования клада из Меиданчиккале, серия «Антиоха спасителя» остается почти незаметной в массе монетных типов, а ее шансы попадания в выборку, сформированную даже столь крупным комплексом как клад из Меиданчиккале, представляются минимальными.

К. Эриксон предложил не рассматривать выпуски серебряных и бронзовых монет как единый нумизматический комплекс. Согласно этой точке зрения, серебряные монеты могли быть отчеканены ок. 246–245 гг. до н.э. в

---

[826] *Cox D.* Gordion Hoards III, IV, V and VII // American Numismatic Society Museum Notes. 1966. P. 51–55.

[827] *Davesne A., Le Rider G.* Le trésor de Meydancikkale. Gülnar II. P., 1989.

[828] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 82–83.

Северной Сирии[829], но бронзовые были выпущены в правление Антиоха II и символизировали брак царя с египетской принцессой Береникой[830]. Аргументация К. Эриксона относительно выпуска серебряных монет строится, главным образом, на уверенности автора в том, что серия «Антиоха спасителя» представляла собой важный инструмент пропаганды эмитента и исключает возможности чеканки монет данной серии не в идеологических, а чисто экономических целях. Именно поэтому главной задачей К. Эриксона ставится поиск эмитента этой серии среди известных политических деятелей эпохи, что автор успешно и делает. Тем не менее в рассуждениях о политическом контексте, сопровождавшем появление монет данной серии, сложно не согласиться с детальным анализом К. Эриксона. Однако интерпретация выпуска бронзовых номиналов как инаугурационной серии выглядит весьма спорной.

Э. Ньюэлл полагал, что обстоятельства чеканки серии были связаны с политическим кризисом 246 г. до н.э.[831] Ж. Ле Ридер, основываясь, главным образом, на данных монетных кладов, а также на последовательном использовании монограммы ΔΕΛ, предположил, что монеты серии «Антиоха спасителя» были отчеканены около 240 г. до н.э.[832]

Не менее дискуссионным остается вопрос о месте чеканки этих монет. Э. Ньюэлл полагал, что данная монетная серия была отчеканена в Апамее[833]. К. Эриксон допустил, что серебряные и золотые монеты могли быть выпущены на монетной мастерской Антиохии, а бронзовые в Киликии, возможно, в Тарсе[834]. Большинство исследователей следуют более осторожной интерпретации и называют местом чеканки монетный двор ΔΕΛ, который

---

[829] *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 262–265.

[830] *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 262–265; *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 130–131. При этом Эриксон допускает, что и серия серебряных монет также могла быть выпущена при Антиохе II и была мемориальным выпуском, увековечившим память об Антиохе I.

[831] *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints. P. 164.

[832] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 89.

[833] *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints. P. 163.

[834] *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 269; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 129–131.

функционировал в Северной Сирии. А. Хутон и К. Лорбер связывают работу этой мастерской с монетным двором Антиохии, но не объединяют их[835]. Ж. Ле Ридер также интерпретировал монетный двор ΔΕΛ как дополнительную мастерскую монетного двора Антиохии, хотя и не исключал, что первоначально эта мастерская могла быть мобильным монетным двором[836].

Важнейшим аргументом атрибуции золотых и серебряных монет серии «Антиоха спасителя» является их связь с бронзовыми выпусками этой серии. Напомним, что монограмма ΔΕΛ, зафиксирована только для бронзовых выпусков, в то время как на монетах из драгоценных металлов эта монограмма отсутствует. Для определения географии и хронологии работы монетного двора ΔΕΛ важно учитывать, что позднее эта мастерская выпускала золотые, серебряные и бронзовые монеты от имени царя Селевка II.

Пожалуй, наиболее дискуссионным вопросом является определение эмитента этой серии, которому принадлежала инициатива чеканки. Среди наиболее распространенных версий упоминаются: сторонники Селевка II в Апамее[837], Селевк II, либо его сторонники в Антиохии[838], царица Береника от имени сына Антиоха, Птолемей III от имени племянника Антиоха, либо своего собственного, Антиох Гиеракс[839], Селевк III[840]. Каждое из этих предположений базируется на авторской интерпретации событий политической истории, а также особенностей иконографии и идеологии Селевкидов.

Что же можно добавить в эту дискуссию? Прежде всего отметим, что, судя по кладовым находкам, ключевым регионом распространения монет данной серии является Сирия. В подтверждение этому можно привести находку и трех бронзовых монет типа «Антиоха спасителя» в ходе раскопок Антиохии

---

[835] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. I. P. 225; В своей работе 1980 года А. Хутон (*Houghton A.* Tarik Darreh (Kangavar) hoard // American Numismatic Society Museum Notes. 1980. P. 38–41) отождествлял монетный двор Антиохии с монетной мастерской ΔΕΛ.

[836] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 89.

[837] *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints. P. 163.

[838] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 89–90.

[839] *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 269; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 129–131.

[840] *Cox D.* Gordion Hoards III, IV, V and VII. P. 51–55.

на Оронте[841]. Монетные клады также демонстрируют весьма любопытную хронологию[842]. Три из девяти были тезаврированы не раньше правления Антиоха Гиеракса, еще четыре не раньше правления Антиоха III. Некоторые из кладов, судя по составу комплекса, представляют собой клады длительного накопления и могут использоваться только как дополнительный источник по истории денежного обращения. Тем не менее анализ монетных кладов дает весьма размытую хронологию обращения тетрадрахм этой серии – III в. до н.э. Стилистический анализ серии «Антиоха спасителя» показывает наличие элементов сходства в работе монетного мастера с продукцией монетного двора Антиохии и монетного двора ΔΕΛ периода правления Селевка II[843].

Исходя из этого можем заключить, что монеты серии «Антиоха спасителя» были изготовлены монетной мастерской, которая, судя по технологическим особенностям выпуска, была связана с монетным двором Антиохии на Оронте. Вопрос даты чеканки данной монетной серии остается открытым, однако, учитывая иконографическую, типологическую и метрологическую экстраординарность данной серии, причину начала ее чеканки можно связать с какими-то неординарными событиями политической истории. Не углубляясь в анализ политической ситуации и отсылая к исследованиям специалистов по этому вопросу, отметим, что на наш взгляд существует несколько потенциальных событий, которые могли стать триггером для начала чеканки этой серии.

Очевидный мемориальный характер серии «Антиоха спасителя» формирует дискурс династической связи между эмитентом и Антиохом I[844]. Сам

---

[841] *Waage D.* Antioch-on-the-Orontes. P. 6–8.

[842] Хронология кладов: IGCH 1401 – от Филиппа II до Селевка III, IGCH 1450 – от Александра до Антиоха III, IGCH 1531 – от Деметрия Полиоркета до Антиоха Гиеракса, IGCH 1532 – от Александра до Антиоха III, IGCH 1535 – от Александра до Антиоха III, IGCH 1764 – от Александра до Антиоха Гиеракса (2), IGCH 1769 – от Александра до Антиоха III (2), IGCH 1806 – от Александра до Гелиокла, CH I, 73 – от Александра до Антиоха Гиеракса.

[843] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 90.

[844] В монетном деле Селевкидов III в. до н.э. божественный эпитет в легенде встречается только на монетах данной серии. У Птолемеев, напротив, божественные эпитеты на монетах встречаются довольно рано и часто, что демонстрирует две различные модели использования монеты как инструмента коммеморации. См.: *Caneva S.* Traveling Epiclesis: Hellenistic Royal Epithets in Multicultural Milieus // Recerche Ellenistiche. 2021. 2. P. 94–95.

эпитет «спаситель», как отметил Ж. Ле Ридер, является отражением сложной политической ситуации в государстве. Свое прозвище «Сотер» Антиох I получил за победу на галатами (App. *Syr.* 65). Вероятно, для эмитента серии военная победа над противником была важным пунктом его идеологии[845]. В то же время внешний вид монеты не противоречил той иконографической схеме, которая была принята для чеканки тетрадрахм: на лицевой стороне помещался портрет правителя, на оборотной – Аполлон, сидящий на омфале. Монетная легенда также имела привычный вид – она располагалась вертикально справа и слева от Аполлона и отличалась от принятой легенды тетрадрахм Антиоха I и Антиоха II только тем, что вместо царского титула здесь был представлен божественный эпитет. Никаких дополнительных изобразительных элементов не отмечается, что внешне делает эту монету мало чем отличимой от привычных тетрадрахм, которые уже около 40 лет чеканились и обращались на территории Северной Сирии.

Определенную информацию дает метрологический анализ. Сравнительный анализ веса тетрадрахм Селевка II монетного двора Антиохии и тетрадрахм Селевка II монетного двора ΔΕΛ, включая серию «Антиоха спасителя», показывает минимальные расхождения в весовых нормативах[846]. Больший интерес вызывает метрология золотого номинала. Вес этой монеты составляет 34,35 г, что крайне нетипично для монетного дела Селевидов. Однако, такой вес номинала имеет параллели в монетном деле Птолемеев. Так, при Птолемее II, после 272 г. до н.э. была отчеканена серия крупных золотых номиналов (мнаэйон) с легендой ΑΔΕΛΦΩΝ ΘΕΩΝ[847]. Более близкий по хронологии материал дает монетная чеканка Эфеса периода начала Третьей Сирийской

[845] Появление в тексте легенды имени божества (обожествленного Антиоха) роднит данные выпуски с так называемыми «фестивальными монетами», речь о которых пойдет в разделе 4.1.2. «Фестивальные монеты» выпускались от имени божества, в чью честь устраивались игры и соревнования. Возможно предположить, что появление серии «Антиоха спасителя» было связано с каким-то ритуалом, частью которого была раздача денег, однако, стоит отметить, что феномен «фестивальных монет» все же характерен для более позднего времени – II–I вв. до н.э.

[846] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 91–92.

[847] CPE 307

войны. Начиная с 245 г. до н.э. в Эфесе, который попал под контроль Птолемея III, чеканились различные золотые и серебряные птолемеевские номиналы. Особое внимание стоит обратить на тетрадрахмы с портретом Птолемея III и легендой ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ[848], а также серию золотых номиналов (мнаэйон) с изображением Береники II, жены Птолемея III[849]. Примечательно, что схема построения легенды серии «Антиоха спасителя» полностью соответствует схеме монет серии «Птолемея спасителя». Золотой номинал «Антиоха спасителя» также можно рассматривать как заимствование птолемеевской практики чеканки монет номинала мнаэйон с одним отличием. Мнаэйон Птолемеев выпускался по локальному монетно-весовому стандарту при рацио золота и серебра 1:10, в то время как мнаэйон Селевкидов выпускался по аттическому стандарту с рацио 1:12.

Влияние монетного дела Птолемеев находит отражение и в иконографии бронзовых монет серии «Антиоха спасителя». Как было отмечено в начале раздела, иконография оборотной стороны бронзовых выпусков серии «Антиоха спасителя» существенно отличается от иконографии тетрадрахм. Вместо фигуры Аполлона, сидящего на омфале, на бронзовых монетах помещено изображение якоря. Это изображение выполнено в классических для Селевкидов традициях: якорь ориентирован плечами вверх, дополнен двумя кольцами и перегородкой в центре. Дополнительным элементом изображения являются шапки Диоскуров, которые расположены по обеим сторонам от якоря. В историографии не раз отмечалось сходство этого изобразительного элемента с подобным изображением шапок Диоскуров на крупных серебряных номиналах царицы Береники, жены Птолемея III (рис. 180)[850]. Изображение шапок Диоскуров на монетах царицы Береники даже позволило предположить, что данный изобразительный элемент был связан не столько с царем, сколько с царицей, что подразумевало потенциальную роль царицы Береники, жены Антиоха

[848] CPE 779–780

[849] CPE 777–778

[850] *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 266–267; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 130.

II, как эмитента серии «Антиоха спасителя». Однако стоит обратить внимание на две существенные детали. Шапки Диоскуров были не единственным элементом, которым мог быть украшен рог изобилия на монетах Береники. Известны выпуски с рогом изобилия, дополненным изображениями звезд[851]. Более того, изображения дифферента в виде якоря и шапок Диоскуров известно на оттисках налоговых печатей из Селевкии на Тигре, правда относящихся уже к концу III в. до н.э.[852] На одной из налоговых печатей, скреплявших документы по сделкам по продаже рабов, расположение элементов изображения повторяет визуальную формулу, представленную на монетах «Антиоха спасителя»: якорь расположен в центре плечами вверх, шапки Диоскуров по бокам[853]. К сожалению, дата печати не сохранилась. Впрочем, мы не склонны разделять мнение Дж. Хикс, что данные изображения на налоговых печатях принадлежали царскому, а не полисному чиновнику, и имели какое-то отношение к царской идеологии[854]. Данные дифференты выполняли технические функции, служили элементами учета. С другой стороны, такие изображения могли быть частью локальной иконографической традиции. Изображения шапок Диоскуров, на монетах Антиоха II дополненные палицей Геракла, также в больших количествах встречаются на частных печатях из Селевкии[855].

На наш взгляд, появление шапок Диоскуров на бронзовых выпусках «Антиоха спасителя» нельзя связывать с птолемеевским влиянием, которое может интерпретироваться как особый символизм брачного союза Антиоха и Береники[856], либо как указание на Беренику или даже Птолемея III как эмитента данной эмиссии. Выпуски бронзовых монет Птолемея III, отчеканенные за пределами Египта, либо отчеканенные в Египте, но предназначавшиеся для обращения вне его пределов (Коринфе), хорошо известны[857]. Их иконография

[851] CPE 737
[852] Seleucia. Alk. 33 – 207/206 гг. до н.э.; Alk. 34 – 206/205 гг. до н.э.
[853] Seleucia. Inc. 4
[854] *Hicks J.* Hollow archives. P. 42.
[855] Seleucia. Og. 102–174
[856] *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War. P. 267.
[857] CPE B 404–407

достаточно традиционна для птолемеевских монет. Напротив, якорь, дополненный изображением шапок Диоскуров, представляет собой символ иного иконографического пространства. Как уже было отмечено в разделе 3.2.1., хорошо известны сочетания якоря с различными дифферентами. Такие изображения можно интерпретировать как индивидуальные знаки членов царской династии. Изображение якоря с шапками Диоскуров, также могло принадлежать одному из таких членов царской семьи. Вопрос кому – мы оставим открытым.

Итак, подводя итог, отметим, что монетная эмиссия тетрадрахм «Антиоха спасителя» визуально практически ничем не отличалась от выпусков тетрадрахм типа «Аполлон на омфале», обращавшихся на территории Сирии на протяжении нескольких десятилетий до начала чеканки рассматриваемой серии. Единственным ее отличием был божественный эпитет, помещенный в тексте легенды вместо царского титула, однако, такая «подмена» была заметна лишь узкому кругу потенциальных держателей монеты. Напротив, золотой номинал этого типа был первым случаем чеканки мнаэйона в монетном деле Селевкидов. В появлении этого номинала, который, очевидно, был отчеканен ограниченной серией, стоит видеть египетское влияние. Впрочем, это влияние ограничилось только этим заимствованием из монетной чеканки Птолемеев и не имело идеологических причин. Бронзовые эмиссии серии «Антиоха спасителя» выпускались одним из представителей династии Селевкидов, персональным знаком которого было изображение якоря с шапками Диоскуров. К. Эриксон предположил, что возможным эмитентом всей серии «Антиоха спасителя» мог быть Антиох Гиеракс, который, по утверждению А. Чошкуна, получил власть над Антиохией после ухода Птолемея III. Порфирий сообщает (FGrH 260. 43), что, возвращаясь в Египет, Птолемей III вывез огромные богатства «царства Селевка» – 40 тысяч талантов серебра и 2,5 тысячи талантов утвари и статуй из драгоценных металлов. Вероятно, какая-то часть из них была вывезена из Антиохии, до того ни разу не переходившей в руки противника. Весьма заманчиво ассоциировать чеканку монет серии «Антиоха спасителя» с

нехваткой монеты, возникшей после ухода войска Птолемея III, однако, это предположение весьма зыбко. Также без аргументов остается и предположение, что эмитентом серии был Антиох Гиеракс. В своей монетной чеканке Антиох Гиеракс использовал тип «Аполлон на омфале», но это было вызвано экономическими, а не идеологическими причинами. Известные примеры перечеканок Антиохом Гиераксом более ранних монет свидетельствуют о нехватке серебра для монетного производства[858]. Использование же портрета Антиоха I на монетах Антиоха Гиеракса также небесспорно, а вот отсутствие в его монетной чеканке бронзовых номиналов, скорее, исключает кандидатуру Антиоха Гиеракса из числа потенциальных эмитентов серии «Антиоха спасителя». Впрочем, высказать серьезные нумизматические аргументы в пользу какого-то конкретного исторического персонажа, которого можно было бы считать эмитентом этой серии, на данный момент практически невозможно.

3.3.2. Монетный тип «стоящий Аполлон» – первая смена иконографической модели

К правлению Антиоха I можно отнести формирование комплекса идеологических топосов, которые являются отражением династической идентичности Селевкидов. Однако, закрепленная архитектура династического самоопределения была нарушена в период первого династического кризиса – разыгравшейся войны братьев: Антиоха Гиеракса и Селевка II. Этот династический конфликт, как, впрочем, и все последующие, нашел свое отражение и в иконографии. Селевк II, вопреки существующей традиции, сменил ключевой монетный тип с «Аполлона на омфале» на «стоящего Аполлона» (рис. 47), что можно признать первой в истории государства Селевкидов сменой

[858] Недавно была обнаружена тетрадрахма Антиоха Гиеракса, которая является перечеканкой монеты александровского типа, возможно, не селевкидской. См.: Leu Numismatik Web 30, lot 1006.

иконографической модели. Но можно ли считать данную смену иконографического типа признаком оформления новой модели царской идеологии?

Масштабы смены ключевого монетного типа хорошо демонстрируют результаты количественного анализа. Монетный тип «стоящий Аполлон» занимает 92% всех выпусков тетрадрахм Селевка II, 93% золотых номиналов и 52% мелких серебряных номиналов. При этом, изображение стоящего Аполлона на мелких серебряных номиналах также известны в сочетании не только с царским портретом, но и изображением Афины. Последний монетный тип дополнительно занимает 40% всех эмиссий, что в сумме дает 92% всех выпусков мелкого серебра со стоящим Аполлоном. Согласно штемпельному исследованию Ж. Ле Ридера, на монетном дворе Антиохии на Оронте для чеканки тетрадрахм типа «стоящий Аполлон» было использовано 17 штемпелей лицевой стороны, а на монетном дворе ΔΕΛ дополнительно 9 штемпелей лицевой стороны[859]. Таким образом, монетный двор Антиохии использовал в среднем 0,9 штемпеля в год, а монетный двор ΔΕΛ 0,5, хотя нужно учитывать то обстоятельство, что оба этих монетных двора не выпускали свою продукцию на протяжении всего периода правления Селевка II равномерно. По подсчетам Ф. де Каллатая, общее ежегодное количество использованных штемпелей лицевой стороны при Селевке II было незначительно больше, чем при его предшественниках и составило 1,2 штемпеля в год[860]. Примечательно, что именно при Селевке II самой производительной монетной мастерской (по объемам продукции) впервые становится Антиохия на Оронте. Главным оппонентом Антиохии в III в. до н.э. был монетный двор Селевкии на Тигре. К сожалению, штемпельного исследования, позволившего бы оценить объемы монетного производства в Селевкии, проведено не было, однако, если судить по общему количеству эмиссий, монетный двор Селевкии отчеканил при Селевке II вдвое

[859] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 58–80.

[860] *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 565. Как мы уже отмечали ранее, такой показатель как ежегодное количество использованных штемпелей нельзя признать релевантным исследовательским инструментом, прежде всего потому, что темпы и объемы монетной чеканки в древности не были равномерны.

меньше монет – 14 эмиссий Антиохии против 7 эмиссий Селевкии. Впрочем, объемы каждой из этих эмиссий остаются неизвестны.

В отличие от «Аполлона на омфале» и «Зевса на троне», которые имели очевидные иконографические прототипы, иконография стоящего Аполлона выглядит более оригинальной. При общей иконографической схеме, которая демонстрирует фигуру стоящего отдыхающего божества, изображения Аполлона на монетах Селевка отличаются набором атрибутов. В большинстве случаев Аполлон изображен опирающемся на треножник и держащим в руке стрелу. Встречаются также и изображения Аполлона со стрелой, но опирающегося на лук. На редкой эмиссии тетрадрахм из Нисибиса[861] Аполлон изображается с луком и стрелой, а за ним расположен треножник. Иконографически изображение стоящего Аполлона на монетах Селевка I восходит к бронзовым выпускам Антиоха I из Селевкии на Тигре, где также Аполлон изображался стоя[862].

Изображения стоящего Аполлона хорошо известны и на печатях. Одна печать известна из Урука (рис. 15)[863]. Весьма любопытной является печать из Йельской коллекции с изображением стоящего Аполлона, опирающегося на треножник и держащего в правой руке лук и стрелу[864]. Подобное изображение Аполлона с треножником встречается и на частных печатях из Селевкии на Тигре[865].

Сюжет, который демонстрирует изображение «стоящего Аполлона» восстановить практически невозможно, однако, можно допустить, что, как и в случае с «Аполлоном на омфале», речь идет об отдыхающем божестве. Описание статуи Аполлона Ликейского (рис. 181), которая типологически довольно близка «стоящему Аполлону», указывает именно на отдых божества. Лукиан (*Anach*. 7) так описывает статую Аполлона Ликейского: «изображение

---

[861] SC 750

[862] SC 391

[863] *Lindström G.* Uruk. 2-1; *Hameeuw H, van Overmeire S.* The Seleucid Bullae from Uruk. P. 122.

[864] *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia. P. 37. № 44.

[865] Seleucia. Ap. 163.

бога, прислонившегося к колонне, – в левой руке у него лук, правая же покоится на голове, как бы указывая на то, что он отдыхает от большой усталости». На монетах Селевка II Аполлон изображен несколько иначе, без руки на голове, однако, лук (или стрела) в руке божества, а также сама поза с опорой на некий предмет, позволяет отнести эти изображения к одному типу.

Несмотря на различия в изображении Аполлона (сидя на омфале или стоя, опираясь на треножник) на монетах Селевка II и его предшественников Антиоха I и Антиоха II, а также брата-противника Антиоха Гиеракса, оба этих изображения демонстрируют один сюжет – отдыхающего Аполлона. Также как и омфал, треножник подчеркивает дельфийское происхождение Аполлона. На редкой эмиссии статеров из Кротона (Южная Италия) встречается изображение Аполлона, стреляющего из лука в Пифона. Между двумя фигурами расположен колоссальных размеров треножник, что подчеркивает дельфийское пространство изображаемого мифа (рис. 181а). В данном случае треножник, как и омфал, выступает знаковым элементом сюжета. Таким образом, можно заключить, что изображение «стоящего Аполлона» также воспроизводит сюжет об эпифании и спасении Аполлоном Дельф.

Традиция использования монетного типа «стоящий Аполлон» оказалась недолгой. Следующий правитель Селевк III использовал этот тип лишь для 12% своих тетрадрахм. При последующих Селевкидах «стоящий Аполлон» никогда больше не появлялся на тетрадрахмах, хотя изображение стоящего Аполлона продолжали чеканить на мелких серебряных и бронзовых монетах. В таком виде «стоящий Аполлон» на два поколения царей пережил своего главного конкурента – «Аполлона на омфале». Последним, кто поместил на свои монеты «стоящего Аполлона», был Антиох VI[866].

Почему же Селевку II потребовалось ввести новый монетный тип и какие идеологические причины были для этого? Появление нового ключевого монетного типа при Селевке II можно считать первой в истории монетного дела Селевкидов сменой иконографической модели или ключевого монетного

[866] SC 2013

типа. Однако эта смена, как было показано, является не кардинальным переосмыслением сюжета, изображенного на монетах, но, скорее, его развитием. Таким образом, династическая идентичность, представленная монетным типом с изображением отдыхающего Аполлона, не была нарушена, но представлена в новом виде. По сути, новый монетный тип сохранял полный набор династических идентификаторов: портрет царя, фигуру Аполлона, держащего лук и стрелы, но представлял их в новой форме.

Политическим контекстом появления нового монетного типа «стоящий Аполлон» стала так называемая «война братьев» (246–241 гг. до н.э.). Конфликт затронул основные регионы государства Селевкидов: Сирию, Малую Азию, Месопотамию. В него был вовлечен ключевой соперник – Птолемей III. Внутриполитический конфликт перерос в борьбу за сохранение династической власти. Именно в ходе этого конфликта Селевк II впервые организовал выпуски тетрадрахм нового типа. При этом, его противник – Антиох Гиеракс, поддержанный Птолемеем III, продолжил чеканить монеты по типу «Аполлон на омфале». Возможно, введение нового монетного типа не было централизованной и последовательной мерой, поскольку не все монетные дворы Селевка II приступили к чеканке нового монетного типа, а предпочитали использовать старый тип «Аполлон на омфале», как это было на монетном дворе Экбатан[867].

Иконография бронзовых монет также демонстрирует разнообразие воинских и династических мотивов. Восточные монетные дворы, в отличие от западных, большинство из которых продолжили чеканку традиционных изображений Аполлона, треножника и Ники, в изобилии чеканили различные воинские и династические символы. Нисибис: голова слона[868], якорь[869], всадники Диоскуры[870]. Селевкия на Тигре: всадник поражает противника[871], голова

[867] SC 807
[868] SC 753
[869] SC 756–757
[870] SC 760
[871] SC 767

лошади[872], голова рогатой лошади[873], Ника, венчающая трофей[874], Ника, венчающая Селевка[875]. Сузы: Ника на биге[876], слон[877]. Появление воинской тематики также может быть связано с парфянским походом Селевка II. Пожалуй, единственным западным монетным двором, который также продолжил чеканку воинских и династических символов был уже упомянутый монетный двор ΔΕΛ. Для него характерны выпуски крупных бронзовых монет с изображением всадника[878] и лошади[879].

Особые изменения претерпел царский портрет. На некоторых монетных выпусках царь изображается с бородой[880], а также в кавсии[881], что было первым подобным иконографическим опытом у Селевкидов[882]. Наиболее существенным портретным нововведением стало появление при Селевке II драпированного портрета. Серия бронзовых монет из Селевкии на Тигре[883], а также Суз[884] демонстрируют портрет Селевка на три четверти с воинской хламидой на плечах. Эти портреты также дополнены божественными атрибутами – рогами. По мнению П. Иоссифа и К. Лорбер, данный портрет транслирует образ царя как божественного и военного покровителя царства[885]. П. Иоссиф полагает, что появление монетной серии SC 767 с бюстом обожествленного Селевка II и всадником, поражающим противника, было приурочено к изгнанию Птолемея III из Вавилонии (рис. 182)[886]. К слову, драпированный бюст

[872] SC 772
[873] SC 775
[874] SC 776
[875] SC 779
[876] SC 797
[877] SC 800
[878] SC 709
[879] SC 710
[880] Об изображениях Селевка II с бородой см. раздел 2.1.4.
[881] SC 798
[882] См. *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 25–28.
[883] SC 767
[884] SC 800
[885] *Lorber C., Iossif P.* Draped Royal Busts on the Coinage of the Early Seleucids // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics, Studies in Honor of Getzel M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin, 2020. P. 175–176.
[886] *Iossif P.* Les “cornes” des Séleucides. P. 71–73.

помещал на своих монетах и Антиох Гиеракс, однако в данном случае воинская хламида дополняла портрет с короткой бородой, что может трактоваться как образ полководца, но не божества[887].

3.4. Антиох III – унификация монетных типов

Правление Антиоха III – одна из наиболее ярких страниц истории государства Селевкидов и пик его политического могущества в Восточном Средиземноморье. За тридцать шесть лет правления Антиох III провел несколько крупных военных кампаний, противниками в которых стали ведущие политические образования своего времени: Египет Птолемеев, Парфия, Греко-Бактрия, Рим, Пергам, полисы Малой Азии. Описание всех событий политической истории эпохи Антиоха III не входит в рамки данной работы и не представляет особого значения для задач данного исследования, поскольку монетная иконография едва ли может существенно разнообразить наши знания об этом правителе и его идеологии. Как это ни удивительно, но, несмотря на активную политику и сменявшие друг друга политические взлеты и падения, иконография монет Антиоха III максимально однообразна и стабильна. По сути 95% всех выпусков его тетрадрахм занимает один тип – «Аполлон на омфале». Это обстоятельство, на наш взгляд, является важным доказательством того, что монетное изображение не воспринималось в древности в качестве агента пропаганды, но выполняло свою первоначальную функцию – сделать монету узнаваемой, выработать доверие к ней у потребителя, чтобы монета принималась по номинальной стоимости, которая была объявлена государством. Впрочем, в особых условиях, прежде всего, экономических, когда избежать использования монеты по номинальной стоимости было практически невозможно (военные походы и выплаты изолированным гарнизонам), монетная

[887] *Lorber C., Iossif P.* Draped Royal Busts. P. 176.

иконография становится более разнообразной и информативной[888]. В данном параграфе речь пойдет о двух противоположностях, во-первых, о монетной иконографии первых селевкидских узурпаторов, которые, не будучи носителями династической идентичности, оспаривали власть династии, включая территории, на которых эта власть существовала. Во-вторых, о царской иконографии Антиоха III, прежде всего, о случаях использования монетных типов, не связанных с доминантным типом «Аполлон на омфале».

3.4.1. Ахей и Молон – иконография первых селевкидских узурпаторов

Особой страницей истории государства Селевкидов являются эпизоды узурпаторского правления, случавшиеся практически регулярно, начиная со второй половины III в. до н.э. Узурпация власти происходила в периоды политического кризиса, связанного со сменой власти и приходом нового, чаще еще совсем юного царя. Вероятной причиной прихода к власти узурпаторов стоит признать постепенное угасание института царского соправительства, либо его структурную трансформацию, которая могла привести к ослаблению центральной власти и нарушению системы наследования престола[889]. Стоит отметить, что под общим термином «узурпатор» мы понимаем лишь лиц, не ассоциировавших себя с царской династией. Иными словами, из категории «узурпаторов» мы исключаем незаконных правителей, которые легитимировали свои претензии на престол, выдавая себя за членов царской семьи. Таким образом, мы говорим о четырех узурпаторах: Ахей, Молон, Тимарх и Трифон.

[888] Стоит отметить, что Селевкиды (и Антиох III в том числе) использовали изображения для формирования образа царя и династии, однако, монеты не были главным агентом царской идеологии. Можно вспомнить статуи Антиоха III установленные за пределами государства Селевкидов, например, в панэллинских святилищах. См.: *Hintzen-Bohlen B.* Herrscherrepräsentation im Hellenismus. Wien, 1992. S. 140.

[889] По всей вероятности, трансформация института соправительства началась уже при Антиохе I. Ж. Клеман в недавней работе высказал идею о возможном тройном соправительстве (триархии) Антиоха I со своими сыновьями: Селевком и Антиохом, что привело к деградации этого института. *Clement J.* L'énigmatique disparition du corégent Séleucos: expérience triarchique et conflit dynastique sous le règne d'Antiochos Ier Sôter // Historia. 2020. P. 408–440.

Практически во всех перечисленных случаях узурпацию власти можно считать локальным сепаратизмом, поскольку везде, за исключением мятежа Трифона, восстание проходило на политической периферии.

Феномен селевкидских узурпаторов вызывает особый исследовательский интерес[890], прежде всего, ввиду уникальности моделей и механизмов самопрезентации власти каждого узурпатора и, как следствие, построения уникальной идеологии, как правило, не связанной с династией Селевкидов. Эти новые идеологические модели, напротив, демонстрируют неожиданную связь власти узурпаторов с локальной политической культурой, показывая существование альтернативных центральной царской идеологии локальных идеологий, базировавшихся на комплексе региональных политических ценностей и установок. В рамках данного исследования мы затронем лишь одну частную проблему из всего комплекса проблем, связанных с репрезентацией власти селевкидских узурпаторов – конструирование модели визуальной репрезентации власти на материалах монетной иконографии. Выбор такой проблемы предопределен не только тем обстоятельством, что все четыре узурпатора чеканили монеты, но и тем, что монеты в данном случае являются уникальным источником, восполняющим наши знания о селевкидских узурпаторах в виду практически полного молчания литературной традиции. При этом отметим еще раз, что даже в случае с узурпаторами, чье правление не продолжалось более двух-трех лет и нуждалось в политической поддержке со стороны локальных элит, мы не рассматриваем монетное изображение как инструмент пропаганды, но видим в нем лишь отражение общих идеологических процессов, которые были характерны для конкретной исторической ситуации.

Иконографии монет Тимарха и Трифона посвящены отдельные разделы, а в данной части нашего исследования мы полностью сосредоточимся на монетной иконографии Ахея и Молона. Такое распределение было сделано по

[890] Узурпаторам Селевкидов отдельное исследование посвятил Б. Чрабасик. См.: *Chrubasik B.* Kings and Usurpers in the Seleukid Empire. The Men Who Would Be a King. Oxford, 2016. Также см.: *Grainger J.* The Seleukid Empire of Antiochus III (223-187 BC). Barnsley, 2015.

двум причинам. Во-первых, количество материала, относящегося к правлениям Тимарха и Трифона, значительно больше, чем Ахея и Молона, а, во-вторых, и Ахей, и Молон являются не просто современниками царя Антиоха III, но подняли свое восстание в одно и то же время, что создает хорошие условия для сравнительного анализа.

Молон

Восстание сатрапа Мидии Молона (222–220 гг. до н.э.) стало первым случаем восстания селевкидского сатрапа, претендовавшего на царскую власть. Политическая ситуация для начала восстания была сопряжена с гибелью Селевка III и восшествием на престол Антиоха III, который практически целиком находился во власти знатного вельможи Гермия. Литературная традиция, главным образом, сочинение Полибия (V. 40-54), сохранила лишь обрывочные сведения о восстании и его причинах. Еще меньше известно о характере власти самого Молона и о том, как он позиционировал свою власть. Учитывая масштабы восстания, которое охватило все «верхние сатрапии» очевидно, что в планах Молона было построение собственного государства, независимого от державы Селевкидов, как это произошло в Парфии и Бактрии тридцатью годами ранее. Из монетных легенд известно, что Молон принял царский титул, то есть позиционировал себя равным царю Антиоху. Этот политический акт имел ответную реакцию со стороны селевкидской власти, которая не признавала Молона царем. В сообщении Полибия Гермий первое время ограничивал царя Антиоха от личного вмешательства в конфликт, объясняя это тем, что с мятежниками должны сражаться полководцы, а не цари (Polyb. V. 45.6). Однако после череды поражений Антиох лично возглавил войско, в результате чего восстание было подавлено. Мятежник Молон покончил жизнь самоубийством, как и его брат Александр, сатрап Персиды, который предварительно предал смерти всю семью Молона.

Из всего корпуса источников царской иконографии в случае с Молоном нам доступны только монеты. За несколько лет существования своей власти Молон отчеканил несколько монетных серий – одну эмиссию тетрадрахм (рис. 183)[891] и две серии бронзовых монет[892]. Примечательно разнообразие монетных дворов, которое использовалось для чеканки монет Молона. В Экбатанах чеканились только бронзовые монеты серии SC 951. В Селевкии на Тигре чеканилась серия SC 949, которая состояла из трех эмиссий. Наконец, эмиссия тетрадрахм SC 950 относится к монетной мастерской Суз, что определяется появлением монограммы 𐡒, расположенной в левом внешнем поле монеты, а также монограммы 𐡓𐡒, расположенной в правом внешнем поле. Обе монограммы встречается на тетрадрахмах Селевка III и Антиоха III, отчеканенных в Сузах. Такую локализацию монетного двора подтверждает и расположение лент царской диадемы, которое представляло собой художественный инструмент, выступавший универсальным идентификатором монетной мастерской. В данном случае ленты диадемы развиваются за спиной, причем одна приподнята вверх. Аналогичное положение лент диадемы встречается на монетах Антиоха III из Суз[893].

Объемы эмиссий, судя по количеству сохранившихся экземпляров, были весьма ограниченными. Тетрадрахма известна только в одном экземпляре[894], а бронзовые выпуски представлены двумя десятками сохранившихся до наших дней монет. Трудно судить и об обращении этих монет, поскольку ни одна из них не зафиксирована в археологическом контексте или в составе клада. Здесь

---

[891] SC 950

[892] SC 949 и 951

[893] Локализации монетного двора в Сузах, где были отчеканены монеты данной группы, не противоречит сообщение Полибия о том, что Молон не смог захватить акрополь Суз (Polyb. V.48.14), оставив свой гарнизон для дальнейшей осады. Монограммы, на основании которых делается предположение об атрибуции данной серии производству мастерской Суз, представляют собой условные обозначения, использовавшиеся монетными мастерами/магистратами Суз в процессе производства. Не исключено, что эти мастера могли быть перемещены Молоном за пределы Суз, либо расположение монетного двора Суз топографически не было связано с акрополем.

[894] Этот уникальный экземпляр хранится в собрании археологического музея университета Мюнстера (инв. № LM2).

же стоит отметить, что единственная известная тетрадрахма представляет собой перечеканку[895]. Определить изначальный тип монеты, которая была использована для изготовления монеты Молона, к сожалению, не представляется возможным. В целом, можно допустить, что большая часть монет Молона, в особенности, тетрадрахмы, были изъяты из обращения после подавления восстания, однако, даже в таком случае наличие единственного сохранившегося экземпляра говорит, скорее, в пользу незначительных масштабов эмиссии. Вероятно, выплаты войску, перешедшему на сторону Молона, осуществлялись более ранними селевкидскими монетами.

Композиционно монетный тип тетрадрахмы Молона полностью соответствует устоявшейся в эллинистическом моментном деле схеме: на лицевой стороне помещен портрет царя, на оборотной сюжет с участием божества. Портрет Молона также каноничен: царь изображен в диадеме в профиль. Стилистика портрета не имеет художественных элементов, которые можно сопоставить с образом Александра. Прическа царя соответствует эпохе и типологически близка изображениям Селевка III. Однако портрет Молона все же имеет одну художественную особенность, не характерную для портретов Селевкидов. Царь изображен с округлыми чертами лица и вторым подбородком[896], что сближает данный портрет с портретами Птолемея III, выполненными в образе трюфэ. Данный разрыв с портретной традицией Селевкидов и очевидное заимствование портретной стилистики у Птолемеев можно трактовать по-разному, однако, постараемся уберечься от любых выводов о возможных политических причинах такого иконографического казуса. Изображение портрета Молона в стилистике трюфэ могло быть всего лишь попыткой избежать селевкидского портретного канона. Р. Додд выделяет еще одно заметное отличие портрета Молона от портретной иконографии Селевкидов – это

[895] *Fischer T.* Molon und seine Münzen (222–220 v. Chr). Bochum, 1988.

[896] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 39–40; *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 110. Р. Додд (*Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 90) интерпретирует второй подбородок на портрете Молона как признак возраста, что, как и в случае с портретами Ахея, выступает в качестве противопоставления портретам молодого Антиоха III. Такая интерпретация представляется слабо аргументированной.

увеличенное изображение уха. По мнению Р. Додд, такое изображение уха было отличительным признаком портретов Молона[897]. В качестве аналогии Р. Додд приводит гемму с изображением бюста правителя, также изображенного с большим ухом[898], которое она определяет как портрет Молона (рис. 184). Впрочем, данное наблюдение строится на весьма условной интерпретации источника. Сохранность единственной монеты с портретом Молона не позволяет делать аргументированные выводы о профессионализме резчика штемпеля. Более того, стоит учитывать, что данная монета является перечеканкой, что чисто технологически могло стать причиной визуальных искажений. Что касается приведенной геммы, то автор публикации Д. Плантзос, ввиду отсутствия прямых аналогий, определил ее как относящуюся к неизвестному эллинистическому монарху.

Изображение оборотной стороны представляет сюжет, хорошо известный по монетным выпускам Селевка I – Ника и трофей. Такая сюжетная близость монет Молона первому монетному типу Селевкидов, а также то обстоятельство, что и монеты Селевка данного типа, и монеты Молона были изготовлены на одном монетном дворе породило уверенность в существование идеологической преемственности, которую Молон демонстрировал на своих монетах[899]. Однако детальный сопоставительный анализ изображений показывает, что изображения на монетах Молона и Селевка имеют ряд существенных отличий. При общем наборе ключевых изобразительных элементов (Ника, трофей), а также общем викториальном мотиве данного изображения, формально перед нами две разные сцены. Так, в случае с монетами Селевка мы видим фигуру Ники, возлагающую двумя руками венок на шлем и венчающую трофей. В случае с монетами Молона мы видим Нику, прибивающую венок к столбу-трофею. К сожалению, ввиду плохой сохранности экземпляра не различимо изображение молота, находящегося в левой руке Ники, однако,

[897] *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 93–94.
[898] *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 58, pl. 20, *110*.
[899] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P.146–147.

сопоставив данное изображение с аналогичным на монетах тирана Сиракуз Агафокла, можно сделать вывод, что в опущенной левой руке Ники находится именно молот. Таким образом, прототипом для изображения монет Молона стоит считать не монеты Селевка I, которые, как это было показано в разделе 3.1.1. имели локальное обращение на территории Персиды и ряда восточных областей, а также другие иконографические источники, которые в III в. до н.э. представляли сцену с изображением Ники и трофея, включая не только монеты, но и геммы.

Серия бронзовых выпусков, ассоциированная с производством Селевкии на Тигре, представлена тремя группами номиналов[900]. На лицевой стороне этих монет изображена голова Зевса в лавровом венке, на оборотной фигура Аполлона с кифарой. На бронзовых монетах из Экбатан изображена голова Аполлона в лавровом венке и Ника с венком и пальмовой ветвью. Недавно опубликованный экземпляр из собрания ГИМ позволяет предположить, что в рамках данной серии также выпускались монеты нескольких номиналов (рис. 185)[901]. Иконография бронзовых выпусков Молона не отличается какой-то сюжетной оригинальностью. Изображения Аполлона, Зевса и Ники хорошо известны на селевкидских бронзовых монетах тех же дворов, что и выпуски Молона. Как мы уже не раз отмечали, выбор изображения бронзовых монет имел более локальный характер и одновременно зависел от политической повестки и культурных и политических особенностей региона. Поэтому изображение Ники может быть интерпретировано и как декларация победы Молона, и как отражение регионального культа Ники в Экбатанах.

Ахей

[900] SC 949

[901] *Смирнов С.В., Захаров Е.В.* Монеты государства Селевкидов из российских коллекций. № 166.

Подобный демонстративный отход от селевкидских иконографических традиций мы можем наблюдать и в случае с другим узурпатором эпохи Антиоха III – Ахеем. Ахей или Ахей Младший происходил из знатного аристократического рода македонского происхождения, закрепившегося в Лидии в начале III в. до н.э. Происхождение этого рода остается неизвестным, однако Полибий (IV. 48.5) и ряд других авторов называют Ахея Младшего родственником царя Антоха III. В историографии высказывалось предположение о родстве Ахея Старшего и Селевкидов, даже указывалось, что отцом Ахея Старшего мог быть Селевк I[902]. Во всяком случае, династические браки «дома Ахея» показывают высокий статус членов этой семьи и глубокую вовлеченность в малоазийскую международную политику. По всей вероятности, Ахей Младший был ближайшим соратником Селевка III во время его похода против Аталла I. Именно Ахей отомстил убийцам Селевка III, после чего признал власть Антиоха III и был назначен наместником малоазийских владений Селевкидов. Около 220 г. до н.э. Ахей восстал против власти Антиоха и принял царскую диадему. Восстание Ахея продлилось несколько лет, и закончилось взятием столицы владений Ахея Сард и его казнью[903]. Примечательно, что в отличие от Молона Ахей был куда глубже погружен в международную политику. Известно о попытках (вероятно, безуспешных) установить контакт с Ахеем самого Молона (Polyb. V. 41.1), противостоянии Ахея и Аталла I, браке Ахея и дочери Митридата II, а также отношениях Ахея и с Птолемеем IV[904].

В нашем распоряжении имеется разнообразный по своему составу корпус монет Ахея, включающий статеры, тетрадрахмы и бронзовые номиналы. Отличительной особенностью монетного дела Ахея от остальных селевкидских узурпаторов является четко выраженная системность в монетном производстве. Все известные монеты были произведены на единственном монетном

---

[902] *McAuley A.* The House of Achaios: Reconstructing an Early Client Dynasty of Seleukid Anatolia // The Seleukid Empire, 281–222 BC. War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 37–58.

[903] О восстании Ахея см.: *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 81–89.

[904] Об этом см.: *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 113–115.

дворе в Сардах. Статеры и тетрадрахмы отмечены обозначением монетного двора в виде головы лошади. Бронзовые монеты чеканились по нескольким номиналам и представляли собой несколько последовательных эмиссий, что свидетельствует о продолжительном характере их производства. Примечательно, что монеты Ахея крайне редки. Известен только один золотой статер и небольшое количество тетрадрахм. Монеты Ахейя редко встречаются в кладах. Известен один клад из Сард, содержащий бронзовую монету Ахея[905], а также так называемый «клад Ахея», имеющий коммерческое происхождение и включающий три тетрадрахмы Ахея[906]. Этот комплекс был тезаврирован около 204–203 гг. до н.э. на юге Ионии. Как полагает А. Мидоус, автор публикации клада, монеты Ахея были изъяты из обращения после его поражения, что объясняет их относительную редкость. Такое предположение весьма допустимо, хотя, нам не известен ни один случай перечеканки монет Ахея. С другой стороны, хорошо известны бронзовые монеты с надчеканкой в виде головы лошади. В любом случае, монетное дело Ахея имеет очевидный локальный характер и было ориентировано на удовлетворение региональных потребностей в чеканной монете. При этом штемпельный анализ имеющихся в нашем распоряжении тетерадрахм Ахея показывает, что объемы эмиссий серебряной монеты были также незначительными[907].

Портрет Ахея чеканился на статерах и тетрадрахмах. Он имеет ряд стилистических отличий от портретного канона Селевкидов конца III в. до н.э. Ахей изображен в царской диадеме с лентами, лежащими ровно за спиной (рис. 186)[908]. Не характерные для Селевкидов кудрявые волосы выступают из-под диадемы. Примечательной особенностью является короткая борода и, повязанная вокруг шеи хламида – воинский плащ, часто подчеркивающие

[905] IGCH 1300

[906] CH X.277

[907] Так, известны всего четыре эмиссии тетрадрахм Ахея, которые были отбиты общим штемпелем лицевой стороны.

[908] SC 953

военный характер персонажа[909]. Образ царя-полководца, в котором предстает Ахей, весьма близок портретным изображениям Птолемея I, греко-бактрийских царей, где, впрочем, отсутствует борода, но добавлены другие элементы данного образа: шлем, доспех и т.д. По мнению Р. Фляйшера, портрет Ахея выполнен в динамике, что сближает его с портретами диадохов[910]. Такая стилистика портрета Ахея оказалась весьма устойчивой, о чем свидетельствуют портреты Ахея на геммах[911] (рис. 187). Р. Додд отмечает, что нетипичность для Селевкидов стилистики портрета Ахея, представленного зрелым и опытным полководцем, подчеркивала контраст с молодым и неопытным Антиохом III[912].

Близкой аналогией портрету Ахея является портрет Селевка II, помещенный на тетрадрахмах из Киликии[913]. В обоих случаях мы видим общий набор стилистических дифферентов: борода и хламида. Однако прототипом портрета Ахея стоит признать портрет его современника Филиппа V царя Македонии (рис. 96). Несмотря на отсутствие у изображения Филиппа хламиды, оба этих портрета стилистически очень близки. Более того, монетные типы выпусков Ахея и Филиппа идентичны: «портрет царя с бородой/Афина Промахос». Однако такая типологическая близость не имела политических причин, как это считает А. Хутон. Ни о каких связах Ахея с Филиппом V наши источники не упоминают. Географически зоны обращения монет Ахея и Филиппа V не совпадают, что также исключает возможность гипотетической попытки селевкидского узурпатора встроить свои монеты в денежное обращение македонского царя для извлечения дополнительной прибыли[914]. По всей видимости, нет и никакой намеренной оппозиции между ранним портретом

[909] См.: *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 31; *Lorber C., Iossif P.* Draped Royal Busts. P. 173–175.

[910] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 40.

[911] *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 54, pl. 12, *72–73*.

[912] *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 83–84.

[913] SC 685

[914] Ярким примером такой интеграции являются выпуски узурпатора Тимарха, который делал ставку на обширное обращение тетрадрахм греко-бактрийского царя Евкратида, чьи монеты Тимарх стилистически копировал. См. раздел 4.2.1.

Антиоха III, изображающим юношу, и портретом Ахея, который предстает в образе зрелого мужчины[915].

Впрочем, мы можем отметить, что данный портретный образ царя-полководца в период эллинизма имел более конкретную, македонскую семантику. Такой элемент портрета, как кудрявые волосы и кудрявая борода были использованы двумя македонскими царями: Филиппом V и Персеем[916]. Оба этих элемента восходят к изобразительному канону, характерному для изображений Филиппа II. Другой важнейший компонент портрета – хламида, использовался в раннеэллинистичесикй период, чтобы подчеркнуть македонское происхождение персонажа[917]. Хламида могла изображаться как самостоятельно, так и комплексе с доспехом. Так, на монетах Птолемея I хламида дополняет портрет Александра, а после и самого Птолемея.

Македонский характер данного монетного типа подчеркивает и изображение оборотной стороны. Здесь помещена фигура Афины Промахос[918] с занесенным копьем и щитом. Изображение Афины Промахос довольно часто сопровождает портрет с хламидой. На монетах Птолемея I, Пирра, Филиппа V, а также некоторых греко-бактрийских царей изображение хламиды дополняет портрет царя, при этом на оборотной стороне помещено изображение Афины Промахос. Изображение Афины Промахос известны и на монетах Селевкидов. По мнению Б. Чрабасика, эмиссии бронзовых монет Селевкидов с изображением Афины Промахос, которые чеканились в селевкидских колониях на

---

[915] *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 108. Подобное «противостояние» портретов юного царя Антиоха и зрелого узурпатора Молона отмечал Р. Фляйшер (*Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 40), однако, на наш взгляд, подобное «противопоставление» не имело политической подосновы, но отражало особенности выбранного стиля в каждом конкретном случае.

[916] Ср. *Wünsch J.* Bärtige Seleukiden. S. 282.

[917] *Lorber C., Iossif P.* Draped Royal Busts. P. 173–175.

[918] В более ранней традиции было принято атрибутировать данную фигуру как Афину Алкидемос, названную Ливием (XLII. 51) одной из наиболее чтимых статуй богини в Пелле, однако, как показал А.В. Стрелков, для этого нет оснований. См.: *Стрелков А.В.* Fulminating Athena на афинских бронзовых монетах II в. до н.э. // Двадцать вторая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 2023. С. 9–11; *Havelock Ch.* The Archaistic Athena Promachos in Early Hellenistic Coinages // American Journal of Archaeology. 1980. P. 41–50.

востоке державы, ассоциировались с Македонией[919], что, вероятно, создавало нужный образ царской власти у македонских колонистов и их потомков[920].

Таким образом, характерная македонская иконографии тетрадрахм и статеров Ахея существенно отличает ее от традиции Селевкидов конца III в. до н.э. Эта символика, нашедшая выражение в портретном образе царя-полководца и фигуре Афины Промахос, подчеркивала особый характер власти узурпатора, не связанной с текущим поколением Селевкидов, но ассоциировалась с властью македонских царей их преемников – диадохов. Такая иконография была намеком на полководческий характер власти Ахея, который был стратегом Антиоха. Однако, македонская символика является только рамкой визуального нарратива монетной иконографии Ахея. Более существенным, на наш взгляд, можно считать символ, помещенный на оборотной стороне монетного изображения, который не просто фокусирует или заостряет интерпретацию, но имеет принципиальное значение для понимания всего сюжета. Это якорь, помещенный на щите Афины. В чем же заключается его принципиальное значение? Анализ иконографии монет Пирра, Филиппа V и Менандра, с изображением Афины Промахос, показывает, что щит Афины обладает собственной иконографией. В случае с Пирром – это «щит Ахилла» (рис. 187a)[921], щит Менандра обтянут эгидой с изображением головы горгоны Медузы в центре (рис. 187b), а в тондо щита Филиппа V помещается македонская звезда (рис. 188). Таким образом, во всех трех случаях щит является особым семиотическим пространством, символика которого имеет исключительное значение. В случае с Ахеем якорь без сомнений, демонстрирует династическую связь с Селевкидами, точнее с ее основателем – Селевком I. Более того, в контексте общей македонской символики данного изображения, щит с якорем можно понимать

[919] *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 109.

[920] Это стремление создать «македонский образ» царя-полководца будет характерен и для другого узурпатора – Трифона. Как и Трифон, Ахей, возможно, делал ставку на македонских колонистов и воинов, сохранивших македонские воинские традиции. Для этой социальной категории царь-полководец был наиболее близким идеологическим образом.

[921] Он встречается на других монетах Пирра.

как отсылку к ранним Селевкидам, при которых данный символ стал обязательным визуальным элементом династии[922].

По мнению Б. Чрабасика и К. Эриксона иконография монет Ахея, как и Молона, подчеркивала персональный характер власти узурпаторов, не связанный ни с какой царской династией, что роднило этих узурпаторов с диадохами[923]. Однако изображение якоря в рамках македонской иконографии недвусмысленно подчеркивает связь Ахея с конкретным диадохом – Селевком I. По версии некоторых авторов Ахей Старший, дед Ахея Младшего, был сыном Селевка I, что могло быть лишь отражением «мифологии рода» дома Ахея, но имело принципиальное значение для самоопределения этой локальной аристократической династии. Возможно, для Ахея это родство было принципиальным для позиционирования его власти, что и было представлено в монетной иконографии. По всей вероятности, именно эта связь с ранними Селевкидами должна была легитимировать власть Ахея, а также подчеркнуть превосходство над ключевым противником Ахея – Аталлом I, чья власть восходила к династу Селевка I Филетера.

3.4.2. Монетная иконография Антиоха III

В начале данного параграфа мы уже отмечали, что монетная иконография Антиоха III отличается почти нехарактерным для Селевкидов однообразием, во всяком случае, если обратиться к материалам тетрадрахм и драхм – самых распространенных монетных номиналов эллинистического времени. Это иконографическое однообразие выглядит еще более нетипичным, если принять во внимание продолжительность правления Антиоха III – тридцать шесть лет, а также внутри и внешнеполитический контекст его правления: наличие внутренней оппозиции, придворные заговоры, эпизоды узурпации

[922] Впервые изображения щита с якорем известны на бронзовых монетах Антиоха I (SC 339).

[923] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 145.

власти и регионального сепаратизма, военные кампании (как успешные, так и катастрофически провальные), стратегическое противостояние с Римом, последующее поражение и, как следствие, тяжелые условия заключенного мира. Все эти обстоятельства не привели к смене ключевого монетного типа или, как минимум, появлению отдельных монетных серий, изображения которых можно было бы рассматривать как агента царской идеологии. Напротив, ключевой монетный тип «Аполлон на омфале» занимал монопольное положение в продукции более чем двух десятков монетных дворов, рассредоточенных на всем пространстве гигантского государства. При этом объемы монетного производства существенно выросли и стали рекордными для государства Селевкидов.

В этом иконографическом однообразии нашлось место и нескольким исключениям. Во-первых, 5% выпусков тетрадрахм (и драхм) занимает монетный тип «слон», который крайне редко появляется в качестве самостоятельного монетного типа серебряных монет Селевкидов[924]. Во-вторых, иконография бронзовых монет демонстрирует куда большую сюжетную вариативность, что также заслуживает особого внимания. И, наконец, в-третьих, несмотря на стабильность изображения Аполлона на омфале, царский портрет на этих монетах меняется несколько раз. Все эти три «исключения» должны быть рассмотрены отдельно.

Однако, прежде чем перейти к анализу царского портрета, иконографии бронзовых выпусков и монетной серии со слоном, стоит еще раз акцентировать внимание на том, для чего, на наш взгляд, понадобилась стандартизация изображения тетрадрахм и драхм. Единственным объяснением этому можно назвать потребность центральной власти в стабильной номинальной стоимости выпускаемой монеты, которая могла быть обеспечена по большей части узнаваемостью монетного изображения, а, следовательно, доверием к монете у ее получателя. Финансовую заинтересованность центральной власти можно увидеть и в объемах монетного производства. Так, монетный двор Антиохии

[924] SC 986

использовал около 4 штемпелей лицевой стороны ежегодно в период с 223 по 209 гг. до н.э. и 2–3 штемпеля в период с 204 по 187 гг. до н.э.[925] Монетный двор Селевкии на Тигре использовал в среднем 9,6. штемпелей в год[926]. Безусловно, такие внушительные объемы монетного производства обеспечивали масштабные военные кампании Антиоха III, в условиях которых дополнительная выгода в виде переоценки (разницей между металлической и номинальной стоимостью монеты) была важна для государства.

Массивный корпус памятников нумизматики Антиоха III позволяет проследить динамику изменения царского портрета и выделить несколько ключевых типов. А. Хутон и К. Лорбер выделяют пять главных типов, которые, по их мнению, являются проявление централизованной политики (рис. 189)[927].

Тип	Описание портрета	Дата (гг. до н.э.)
Ai	Молодой с большими глазами, челка свисает на лоб, длинные волосы на щеках	223–211
Aii	То же, без волос на щеках	
B	Зрелый с меньшими глазами, челка с завышенным краем волос	211–209/8
Ci	Идеализированный, волосы взъерошены, более редкие на висках. Появляется только в Антиохии и Селевкии	204–197

[925] *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 53. Ф. де Каллатай утверждает, что за 36 лет правления Антиоха III монетный двор Антиохии всего использовал 68 штемпелей, т.е. примерно 1,9. штемпеля в год, что эквивалентно 1 360 000 тетрадрахм или ок. 1 тыс. талантов серебра. *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 565. Впрочем, такие подсчеты не вполне показательны, поскольку не учитывают динамику монетного производства и в особенности периоды, когда монет не чеканилась вовсе.

[926] *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 568.

[927] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. I. P. 357. К. Бёрингер полагал, что эволюция портрета Антиоха III была следствием процесса копирования и распространения царского портрета мастерами разных монетных дворов, квалификация которых не всегда была высокой. *Boehringer Ch.* Zur Chronologie Mittelhellenistischer Munzserien 220–160 V. Chr. Berlin, 1972.

Cii	Идеализированный, богоподобный, с широкими глазами, локон волос в виде рога поверх диадемы, вычурно динамический стиль прически и лент диадемы	
D	То же, но с более реалистичными чертами, средних лет. Кроме Антиохии везде ленты диадемы лежат ровно за спиной	197–192/90
E	Старый с изможденными чертами, поредевшие волосы, коротко стрижен. Кроме Антиохии везде ленты диадемы лежат ровно за спиной	192/90–187

Р. Фляйшер также выделил три типа портретов Антиоха III[928]. Первый тип «подростковый» (jugenldlicher Typ) характеризуется ювенильными чертами лица, а также элементами стиля (волосы на щеках), близкие портретам Селевка II и Селевка III. Данный тип чеканился до 205 г. до н.э. Второй тип «аскетичный» (asketischer Typ). Для него характерны энергичные черты портрета. Данный тип появляется после 205 г. до н.э. и только на восточных монетных дворах. Третий тип «идеальный» (idealer Typ), который чеканится на различных монетных дворах в разные периоды правления и демонстрирует молодого, вопреки возрасту, царя с идеализированными портретными чертами.

Предложенная хронологическая типология портретов Антиоха III является важным датировочным инструментом, который позволил А. Хутону и К. Лорбер пересмотреть хронологию монетных выпусков нескольких монетных дворов. Выглядит убедительным и их утверждение о централизованной смене портретной модели. Во всяком случае, контроль за выпуском монеты мы видим не только на крупных мастерских Антиохии и Селевкии на Тигре, но и на

[928] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 31–37.

периферии государства Селевкидов, где, например, предпринимались централизованные попытки унификации системы бронзовых номиналов.

Бронзовые выпуски Антиоха III из Экбатан характеризуются чеканкой серии крупных номиналов, нетипичных для монетного дела Селевкидов. При Антиохе III были отчеканены шесть серий бронзовых монет, каждая из которых подразделялась на несколько метрологических категорий, соответствовавших различным номиналам, включая наиболее крупные[929]. К этим сериям стоит добавить еще три бронзовые эмиссии, которые не имели крупных номиналов, но, тем не менее, также подразделялись на несколько метрологических категорий[930]. Такое четкое метрологическое деление внутри каждой монетной серии, полное соответствие метрологических категорий различных серий, а также строгое иконографическое ранжирование серий представляет собой выверенную систему номиналов, введенную в использование, по всей вероятности централизовано[931]. Таким образом, к каждой серии бронзовых монет, которая характеризовалась индивидуальным монетным типом, относилось несколько номиналов, заметно отличающихся друг от друга как весом, так и диаметром монетного кружка. Попытки подобной унификации бронзовых выпусков, правда, менее уверенные, мы встречаем в Селевкии на Тигре[932] и в Сузах[933].

Идеализированные портреты Антиоха III представляют особый интерес. Примечательно, что идеализация портретов Антиоха на серебряных монетах выделена исключительно стилистически и едва заметна. Эта идеализация достигается только за счет отдельных элементов внешности самого царя: волосы, глаза, возраст. Напротив, портрет на бронзовых выпусках нередко дополняется божественным атрибутом. Серия бронзовых монет из Суз демонстрирует

---

[929] SC 1246–1270

[930] SC 1237–1245

[931] Подобное преобразование, направленное на унификацию системы бронзовых номиналов, а также на создание единой метрологической системы серебряных и бронзовых номиналов будет предпринято при Антиохе IV, а затем, вероятно, при Деметрии I. См.: *Doyen C.* Le systeme monétaire et pondéral d'Antiochos IV. P. 261–299.

[932] SC 1176–1179

[933] SC 1216–1217, 1218–1219 и 1220–1221

драпированный портрет Антиоха на три четверти с рогами[934] – модель портрета соответствует модели Селевка II. Из всех известных портретов Антиоха III наибольшее внимание привлекает портрет на оттиске печати из Селевкии на Тигре. Здесь Антиох изображен в головном уборе (шкуре) в виде головы орла (рис. 141)[935]. К сожалению, данный атрибут, уникальный для селевкидской иконографии, не позволяет дать однозначной интерпретации этому портрету. Аналогичные портреты из иконографии Птолемеев[936] также не добавляют ничего нового.

Монетный тип со слоном, второй из двух монетных типов тетрадрахм и драхм Антиоха III, занимает не более 5% всего известного материала (рис. 190). Монеты со слоном чеканились на нескольких монетных дворах, включая, Сарды, так называемый монетный двор «с розой», «неопределенный монетный двор 68» (северная Месопотамия). Хронологическая дистрибуция этих выпусков также весьма широка. Наиболее ранние выпуски этого типа относятся к монетной мастерской Сард и датируются ок. 213 г. до н.э.[937] Эмиссии «неопределенного монетного двора 68» к периоду после 197 г. до н.э. Появление слона на серебряных монетах Селевкидов при Антиохе III не было новшеством. За сто лет до этого изображение слона было отчеканено на серии серебряных статеров Селевка I из Суз[938], однако, объемы выпусков этих монет не были значительны[939]. Периодически слон изображался на бронзовых монетах Селевкидов. При Антиохе III изображение слона чеканится не только на серебряных монетах. Также известна одна серия золотых статеров[940], а также несколько серий бронзовых номиналов[941]. Наиболее значительные объемы эмиссий тетрадрахм и драхм со слоном относятся к производству «неопределенного монетного двора 68» (северная Месопотамия). Всего для производства

[934] SC 1220–1222
[935] Seleucia. Se 17.
[936] *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Ed 121, 21.
[937] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. I. P. 361.
[938] SC 187
[939] *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. P. 26–27.
[940] SC 1120
[941] SC 976, 980, 1084, 1089, 1193, 1272, 1275

этих монет было использовано по шесть штемпелей лицевой стороны тетрадрахм и драхм[942]. Учитывая сжатые сроки работы этого двора, а также отсутствие четкой локации его работы мы можем допустить, что данный двор был организован специально для чеканки монет, которые предназначались для выплат воинам. По мнению А. Хутона и К. Лорбер, выпуски монет со слоном, имевшие лимитированный характер, представляли собой воинское жалование (σιταρχία)[943]. В каждом конкретном случае выпуску монет со слоном предшествовала какая-то военная кампания. Версия А. Хутона и К. Лорбер о целевом предназначении данных косвенно монет подтверждается результатами раскопок Иерусалимской цитадели, где при Антиохе III располагался селевкидский гарнизон, получавший жалование бронзовыми монетами также с изображением слона[944]. Изображение слона имело большое символическое значение для идеологии Селевкидов[945]. Однако заметим, что появление нехарактерного монетного типа было возможно лишь в той ситуации, когда первые держатели этой монеты находились в условиях временной денежной изоляции и не имели возможности искусственно изменить номинальную стоимость монеты, снизив ее до металлической. Другим возможным объяснением может быть особый исторический контекст монетного выпуска, а также строгая социальная детерминированность эмиссии. В качестве первых получателей монеты, несомненно, находились воины армии Антиоха III, которые были экономически ограничены только своим коллективом. Об использовании этих монет воинами говорит и передвижение монет со слоном на запад, далеко от места их производства, о чем свидетельствуют кладовые находки[946].

---

[942] *Houghton A.* The Elephants of Nisibis // American Numismatic Society Museum Notes. 1986. P. 107–124.

[943] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. I. P. 361

[944] *Iossif P.* Using Site Finds as Basis for Statistical Analyses. P. 277, 296.

[945] В литературной традиции селевкидский царь нередко представлен в образе элефантарха. См., например, II Mach. 11. 4. *Kosmin P.J.* The Land of the Elephant Kings. P. 2–3; *Ehling K.* Hellenistische König emit Elefantenexuvie. S. 320.

[946] Известен клад монет со слоном («неопределенный монетный двор 68») из Киликии, а также несколько кладов коммерческого происхождения, также происходящих с территории современной Турции.

***

Подведем итоги третьей главы. Правление первых монархов государства Селевкидов представлено в памятниках царской иконографии как время формирования династической символики, что отражает процесс формирования династического самоопределения. Первый монетный тип Селевкидов – так называемый «неизвестный в шлеме» подчеркивает военный характер монархии первого основателя династии – Селевка I. Изображение на лицевой стороне головы в шлеме нельзя признать индивидуальным портретом, в силу большого количества символических атрибутов, которые связаны с образом покорителя востока (Индии). Региональное обращение данной монетной серии, а также небольшие объемы монетного производства подчеркивают локальных характер эмиссии. В это же время впервые в царской иконографии появляется изображение якоря, который изначально был персональным символом Селевка I и помещался на его монетах чаще в качестве дополнительного дифферента. При наследниках Селевка этот символ стал отличительным знаком династии и использовался на печатях и весовых гирях, при этом не изображаясь на монетах. Такое распределение изображения якоря по носителям показывает статус этого символа. Монеты из драгоценных металлов демонстрировали официальную государственную символику, а печати и гири чаще династическую. К концу III в. до н.э. изображения якоря исчезают, что может быть объяснено появлением нового набора династических символов. Во второй половине II в. до н.э. якорь краткосрочно вновь появился в царской иконографии Селевкидов, однако, уже без изначального символизма.

Укрепление власти правящего дома Селевкидов при Антиохе I, акцент на институционализацию династической власти, привели к формированию династического самоопределения, частью которого были: династическое летосчисление, царский культ, институт соправительства, оформление династической идеологии (формирование комплекса нарративов о божественном

происхождении династии и легитимности ее правления), а также территориализации власти Селевкидов в Сирии – появление политического центра. Частью этого процесса стало появление ключевого монетного типа – «Аполлон на омфале», который передавал сюжет со сценой эпифании и сотерии Аполлона. Данный монетный тип стал визуальной репрезентацией власти Селевкидов. В III в. до н.э. данный тип использовался в качестве основного. О восприятии данного изображения как династического говорит его замена в период первого династического кризиса при Селевке II. Династический раскол середины III в. до н.э. заставил искать претендентов на селевкидский престол новые иконографические сюжеты, что привело к временной замене типа «Аполлон на омфале» на тип «стоящий Аполлон». Однако использование династической символики и сюжета, в центре которого находился Аполлон спаситель, не было отказом от династической иконографии и, соответственно, династического самоопределения Селевка II. Напротив, новый образ создавал обновленное видение династической идентичности.

Иконография монет первых узурпаторов Молона и Ахея демонстрирует разрыв с изобразительными традициями Селевкидов. Портрет Молона стилистически близок портретам Птолемея III, а изображение Ники и трофея копирует сцену, изображенную на монетах Агафокла. В таких заимствованиях, пожалуй, не стоит искать политической связи Молона с тиранами Сицилии или Египтом. Последнее, впрочем, нельзя исключать, учитывая, что Антиох III был противником одновременно и Молона, и Птолемея IV, однако, никакие контакты Молона с Птолемеями не зафиксированы в источниках. По всей вероятности, выбор иконографии происходил по принципу «от противного» и был ориентирован на демонстрацию сюжетов, далеких от селевкидской иконографической традиции. Монетная иконография Молона и Ахея демонстрирует особую неселевкидскую модель, что было отражением идеологии узурпаторов, для которых действующая власть Антиоха III не выглядела легитимной. Нам сложно судить о том, на каких именно идеологических принципах строилась власть Молона. В отличие от Ахея, который апеллировал к общему

с Антиохом III предку и тем самым легитимировал свою власть через общее родство, Молон не мог претендовать на родство с династией Селевкидов. К сожалению, иконография его единственной тетерадрахмы не позволяет в полной мере восстановить ту идеологическую модель, которая сопутствовала его власти. Можно предположить, что, будучи сатрапом восточных областей, Молон выстраивал свою антиселевкидскую идеологию с опорой на местные элиты с их культурными и идеологическими ценностями, однако, монетная иконография не позволяет сделать таких выводов.

Однообразная иконография монет Антиоха III демонстрирует контроль государства над производством монеты. Несмотря на активную внешнюю политику, доминирующим типом остается «Аполлон на омфале», что было вызвано необходимостью поддержки номинальной стоимости монеты. Эволюция царского портрета также подчеркивает строгий государственный контроль.

Глава 4. От Антиоха IV до Деметрия II (175–126 гг. до н.э.)

Второй век до н.э. стал для государства Селевкидов временем упадка и заката. Поражение Антиоха III и последовавшие условия Апамейского договора 187 г. до н.э., наложившие на Селевкидов гигантскую контрибуцию и ограничившие их военно-политическое присутствие в Восточном Средиземноморье, а также территориальный распад державы, привели к большому династическому расколу, в результате, обернувшемся войной за престол. Этот династический раскол начинается со времени правления Антиоха IV (175–164 гг. до н.э.), занявшего престол вместо погибшего брата – Селевка IV. Первые несколько лет Антиох правил совместно со своим племянником Антиохом – малолетним сыном Селевка IV, однако, в 173 г. до н.э. мальчик был убит по приказу Антиоха IV. Старший сын Селевка IV Деметрий, находившийся в этот момент в Риме в статусе заложника, спешно покинул место своего заточения и направился в Сирию, чтобы включиться в династическую борьбу, что ознаменовало начало открытого династического конфликта между двумя группами.

Монетное дело Селевкидов во II в. до н.э. характеризуется увеличением объемов производства, а также редукцией аттического весового стандарта. Главным монетным двором становится Антиохия на Оронте, а вторым по значимости – мастерская Ака-Птолемаиды. Большое значение приобретают и монетные дворы Финикии, прежде всего, Тир и Сидон. Монетная мастерская Селевкии на Тигре и Экбатан продолжают выпуск монет вплоть до завоевания этих территорий парфянами в сер. II в. до н.э. Начиная со 180-х годов до н.э. полисы Сирии, Финикии и Киликии[947] начинают выпуск псевдо-автономной бронзовой монеты, что знаменует новый этап истории денежного обращения в государстве Селевкидов.

[947] В это же время полисы Киликии выпускают и царские монеты серебряных номиналов. См.: *Mørkholm O.* Seleucid Coins from Cilicia ca. 220–150 BC // American Numismatic Society Museum Notes. 1964. P. 53–62.

Династический раскол и последовавшая борьба за престол нашли свое отражение в памятниках царской иконографии. В 160-х годах до н.э. произошла вторая в истории государства Селевкидов смена ключевого монетного типа. За последующие 30 лет (160–130-е годы до н.э.) он менялся еще несколько раз. Смена ключевого монетного типа стала отражением новой династической идеологии и династического самоопределения, которые формировались в ходе внутреннего конфликта. В главе 4 рассмотрена хронологическая эволюция основных сюжетов царской иконографии в промежутке между правлениями Антиоха IV и Деметрия II. Этот период можно считать апогеем внутриполитической борьбы, после которого держава Селевкидов скатилась в необратимый кризис. В данной главе последовательно рассмотрена царская иконографии времени правления Антиоха IV (4.1.), Деметрия I и Александра I (4.2.), Антиоха VI и Диодота Трифона (4.3.), а также Антиоха VII и Деметрия II (4.4.).

4.1. Монетная иконография Антиох IV

В двадцать шестой книге своей «Истории» Полибий приводит одну из наиболее известных характеристик царя Антиоха IV, которая стала хрестоматийным топосом для всей последующей историографической традиции об Антиохе Эпифане. Данный пассаж неоднократно становился предметом детального изучения и неисчислимое количество раз служил донором для цитат, эпиграфов, заглавий и прочих формальных нарративов, для которых требовалось красочно и в то же самое время с опорой на авторитетный источник привести характеристику этого неоднозначного правителя. Так, по сути, поступаем и мы, начиная тему монетной реформы Антиоха IV с цитаты из Полибия. Приведем самое начало этого довольно пространного описания личности царя Антиоха, которое и интересует нас прежде всего в свете выбранной проблемы.

Ἀντίοχος ὁ Ἐπιφανὴς μὲν κληθείς, Ἐπιμανὴς δ' ἐκ τῶν πράξεων ὀνομασθείς ...περὶ οὗ φησι Πολύβιος τάδε, ὡς ἀποδιδράσκων ἐκ τῆς αὐλῆς ἐνίοτε τοὺς θεραπεύοντας, οὗ τύχοι τῆς πόλεως, ἀλύων ἐφαίνετο δεύτερος καὶ τρίτος. μάλιστα δὲ πρὸς τοῖς ἀργυροκοπείοις εὑρίσκετο καὶ χρυσοχοείοις, εὑρησιλογῶν καὶ φιλοτεχνῶν πρὸς τοὺς τορευτὰς καὶ τοὺς ἄλλους τεχνίτας.

Антиох же, прозванный Эпифаном, и названный за свои поступки Эпиманом, о котором Полибий сообщает следующее, что он любил тайно покидать дворец и без окружения слоняться по городу, в сопровождении двух-трех приближенных. Чаще все его можно было найти на монетных дворах и в золотых мастерских, расспрашивающего мастеров и прочих об их ремесле и практикующегося в нем. (пер. Ф.Г. Мищенко)

Стоит отметить, что целиком пассаж Полибия, сохранившейся в передаче Афинея, занимает более пятидесяти строк и представляет собой очевидную компиляцию нескольких историй и отдельных сообщений, бытовавших в литературной традиции, начиная со второй половины II века до н.э., о чем свидетельствует оформившаяся традиция описания поведения Антиоха, нашедшая отражение в трудах Ливия (XLI. 20), Диодора (XXIX. 32) и Аппиана (*Syr.* 45). Однако в отличие от всех перечисленных авторов, Полибий упоминает одну важную деталь, а именно страсть царя Антиоха посещать мастерские золотых и серебряных дел и более того, интерес царя к работе этих мастерских.

Примечательно, что обозначения «мастерские золотых и серебряных дел» являются допущениями перевода. Если слово χρυσοχοεῖον чаще всего действительно встречается в значении «золотая мастерская», «мастерская мастера золотых дел» (χρυσοχόος), то термин ἀργυροκοπεῖον довольно часто обозначает именно «монетный двор»[948]. В целом, учитывая устойчивую традицию,

[948] Arist. *Prob.* 936b. 26. См.: *Flament Ch.* Contribution à l'étude des ateliers monétaires grecs. P. 5–12. В тексте Полибия ἀργυροκοπεῖον и χρυσοχοεῖον встречаются только один раз в упомянутом фрагменте. Polybios-Lexicon. Bd. I-III. Berlin, 2000. S. 212, 1091.

сложившуюся еще в архаический период, чеканить монеты преимущественно из серебра, употребление словосочетания «серебряная мастерская» применительно к монетному двору не вызывает никаких сомнений. Означает ли это, что под мастерскими по работе с золотом и серебром, которые посещал царь Антиох IV, Полибий подразумевает именно монетные, а не ювелирные мастерские? Мастера, с которыми разговаривает Антиох именуются τορευτής, то есть резчики, однако, такие резчики никак не были связаны с резчиками-изготовителями монетных штемпелей, а были, скорее, ювелирами[949]. В историографии не раз отмечалось, что мастера-ювелиры, мастера монетных дел, а также резчики гемм могли быть если не универсалами, то очевидно составлять одну корпорацию специалистов[950]. При этом речь идет именно о мастерах, чье ремесло представляло собой кропотливый труд с изображением, а не о рутинном физически тяжелом труде молотобойца, подкладывателя монетных заготовок, литейщика, держателя штемпеля и раздувателя мехов, который чаще всего выполнялся рабами. В целом, ввиду близости технологии и нюансов производственного процесса изготовления ювелирных изделий и монет, эти два производства были неразрывно связаны, что объясняет данную терминологическую близость. Однако, если считать ἀργυροκοπεῖον и χρυσοχοεῖον некими мастерскими по изготовлению монеты, возникает ряд вопросов – почему монеты из золота и серебра изготавливали разные мастерские, почему эти мастерские упомянуты во множественном числе, является ли это свидетельством существования нескольких монетных дворов, или все же царь Антиох посещал не монетный двор, а именно ювелирные мастерские?

[949] В надписях τορευτὸς, как правило, относится именно к резной посуде. Ср.: φιάλη ἀργυρῆ τορευτὴ – IDidyma 437; σκύφος ἀργυροῦς τορευτὸς ζωιωτὸς – OGIS 214. Надписи на надгробиях не дают однозначного определения. Ср.: Ἐπίκτητος Αἰζιανείτης τορευτής – CIG 3306.

[950] В одной из посвятительных надписей римского времени из Смирны (CIG 3154) упоминается такая корпорация мастеров золотых и серебряных дел – ἡ συνεργασία τῶν ἀργυροκόπων καὶ χρυσοχόων. Точная специализация этих мастеров не уточняется. О дискуссии см.: *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 64–65; *Потин В.М.* Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики. СПб, 1993. С. 76–77.

Ответить на эти вопросы однозначно весьма непросто, прежде всего из-за отсутствия аналогий и крайне фрагментарных знаний непосредственно о процессе изготовлении монеты в античности. Осторожно предположим, что ввиду эпизодичности эмиссий злотых монет их действительно могли изготавливать мастера-ювелиры, работавшие с золотом, которые включались в процесс изготовления монеты. Количественный анализ выпусков золотых монет показывает, что эмиссии золота не представляли собой систему и были скорее стихийным явлением, что предполагает и отсутствие необходимости постоянно содержать штат специалистов[951]. Несколько по-иному обстояло дело с мастерами, специализировавшимися на работе с серебром. К середине II в. до н.э. выпуск серебряной монеты становится уже более-менее регулярным явлением, для чего необходимо было иметь штат специалистов по изготовлению монетных штемпелей. Разумеется, такие специалисты могли обслуживать сразу несколько монетных дворов и перемещаться из одного центра чеканки в другой. При Антиохе IV чеканка серебряной монеты осуществлялась в двух городах сирийского Тетраполиса – Антиохии на Оронте и Селевкии в Пиерии. Вероятно, ввиду географической близости этих полисов, оба монетных двора могла обслуживать одна группа резчиков.

К сожалению, из текста Полибия невозможно заключить наверняка, был ли царь Антиох частым гостем на монетном дворе или в ювелирной мастерской, или же эти производства представляли собой единый организм. Сообщение Полибия никак не опровергает наш тезис о том, что царь не был вовлечен в процесс создания (или выбора) монетного изображения. Так или иначе, метрологический и иконографический анализ нумизматического материала, как и данные количественного анализа, демонстрируют серьезные изменения в монетном деле Селевкидов при Антиохе IV.

[951] *Duyrat F.* Wealth and Warfare. P. 241.

4.1.1. Царская иконография и денежная реформа Антиоха IV. Вторая смена иконографической модели

Правление Антиоха IV (175–164 гг. до н.э.) является переломным для истории державы Селевкидов. К этому времени относится начало династической борьбы, которая запустила механизм разрушения сирийской эллинистической монархии. Тогда же берет начало и конфликт с Иудеей, а также усугубляется территориальный распад государства, большую автономность получают политические элиты (как территориальные, так и придворные). Внешняя политика Антиоха IV была направлена на сдерживание экспансии Рима в Восточном Средиземноморье. В 170–168 гг. до н.э. Антиох совершил два успешных похода в Египет, которые фактически поставили династию Птолемеев в зависимость от Селевкидов и только прямое вмешательство Рима не позволило Антиоху IV окончательно завоевать Египет. В конце своего правления Антиох IV отправился в восточный поход, который обернулся гибелью царя. Ко времени Антиоха IV относятся и многочисленные преобразования: реформа армии, финансов, царского культа, а также придворного церемониала. Образцом для своих преобразований Антиох видел политические институты Рима, где сам провел в качестве заложника почти 16 лет[952].

В царствование Антиоха IV происходят серьезные изменения и в монетном деле Селевкидов, которые представляют собой комплекс преобразований, инициированных царской властью, что также можно квалифицировать как одну из реформ. Среди этих изменений можно назвать: редукцию весового стандарта, обновление системы крупных бронзовых и мелких серебряных номиналов, введение практики обозначения номинала на бронзовых монетах, увеличение объемов автономной полисной чеканки, появление божественной титулатуры в монетной легенде, а также смена ключевого монетного типа, что

[952] О политической истории государства Селевкидов периода правления Антиоха IV см.: *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes. 2006; *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966; *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Nancy, 1982 P. 306–355.

можно рассматривать как новый иконографический поворот[953]. Одним из признаков этого поворота является резкое снижении корреляции типов тетрадрахм и мелких серебряных номиналов. На протяжении ста пятидесяти лет с момента основания государства Селевкидов эта корреляция была весьма высокой и составляла более 90%, при Антиохе IV уровень корреляции падает до 60%, что безо всяких сомнений сигнализирует об изменениях иконографической модели и, вероятно, трансформации царской идеологии. Интерпретация этого явления возможна только в максимально широком контексте монетной политики Антиоха IV, которая показывает серьезные отклонения от курса его предшественников.

Выпуски серебряных монет двора Антиохии на Оронте при Антиохе IV были детально исследованы О. Мёркхольмом[954], а затем и Ж. Ле Ридером[955], которые выделили несколько последовательных серий тетрадрахм: 1) 175–173/2 гг. до н.э., 2) 173/2–169/8 гг. до н.э., 3) 169/8–164 гг. до н.э. Такая классификация, основанная на штемпельном анализе материала, хорошо показывает и смену монетного типа, и модификацию легенды. Однако одним из наиболее примечательных наблюдений является редукция весового стандарта. Тетрадрахма, вес которой изначально составлял 17,00–17,09 г, был в 173 г. до н.э. понижен до 16,60–16,69 г, то есть на 2%, что было характерно и для других крупных монетных центров того времени (Македония, Афины, Пергам)[956]. Как

---

[953] *Houghton A.* The Seleucids. P. 241–242. См. также: *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. Kopenhagen, 1963; *Mørkholm O.* Some Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece // Historia. 1982. 31. P. 290–305; *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire. P. 93–113; *Le Rider G.* Antiochos IV (175–164) et le monnayage de bronze séleucide // BCH. 1994. P. 17–34; *Le Rider G.* Note sur les marques de valeur des bronzes d'Antiochos IV (175–164) // RN. 1998. P. 45–48; *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes. S. 118–128; *Zahle J.* Religious Motifs on Seleucid Coins // Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom / P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L' Hannestad, J, Zahle (eds.). Aarhus, 1996. P. 130–131; *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 159–160; *Анохин А.С.* Внешняя и внутренняя политика Антиоха IV Эпифана. Дисс. На соискание канд. ист. наук. М., 2013. С. 131–134, 155–165.

[954] *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria.

[955] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 190–233.

[956] *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 125. По сути, к концу 170-х годов до н.э. государство Селевкидов оставалось крупнейшим центром все еще использовавшим «открытую» денежную систему, практикуя чеканку монет «чистого» аттического стандарта. Это, с

полагает Ш. Дуайян, причиной снижения веса серебряной монеты (вес золотой монеты остался неизменным) стало изменение переоценки, то есть увеличение разницы между металлической и номинальной стоимостью монеты. Таким образом, из одной мина серебра (436 г = 100 драхм, согласно стопе) можно было отчеканить около 105 драхм весом в 4,15 г, а не 102 драхмы в 4,27 г, как это было прежде[957].

С точки зрения монетно-весовой системы и системы номиналов, весьма любопытный опыт представляет собой «египтизированная» серия бронзовых монет. Эта серия, отчеканенная в 169–168 гг. до н.э., отличается не только нехарактерным для Селевкидов увеличенным номиналом, но и строго выстроенной системой номиналов, соответствующей метрологическим категориям, т.е. зависимость диметра монетного кружка и веса монеты, которые условно обозначаются как AAA, AA, A, B и C. Всего известно пять номиналов этой серии, а объемы выпусков были весьма значительными[958]. Оборотная сторона монет «египтизированной» серии выполнена в едином стиле – орел, стоящий на молнии, влево. На лицевой стороне каждого номинала помещалось индивидуальное изображение: номинал метрологической категории AAA – голова Зевса[959], категории AA – голова Сераписа[960], категории A – голова Исиды[961], категории B – голова Антиоха в лучевой короне (рис. 191)[962]. На основании метрологического анализа, а также иконографических особенностей к этой же серии

одной стороны, создавало условия для притока иностранной монеты, в другой, не было выгодным для государства. *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide. P. 406.

[957] *Doyen C.* Le systeme monétaire et pondéral d'Antiochos IV. P. 266–268.

[958] Количество известных экземпляров монет этой серии весьма велико. Данные монеты хранятся в нумизматических собраниях всех ведущих музеев мира. В российских музеях монеты этой серии присутствуют в собраниях Эрмитажа, ГИМа, ГМИИ, Саратовского музея, ИЭМ ДагГУ. *Смирнов С.В., Захаров Е.В.* Монеты государства Селевкидов из российских коллекций. № 261-270. Также эти монеты встречаются в кладах, в частности, совсем недавний клад бронзовых селевкидских монет из Дагестана 2021 года содержит 12 монет данной серии. *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Клад селевкидсикх бронзовых монет из Южного Дагестана // ВДИ. 2024. № 1. С. 131–148.

[959] SC 1412

[960] SC 1413

[961] SC 1414

[962] SC 1415

стоит отнести еще один бронзовый номинал категории C с изображением головы Антиоха в лучевой короне на лицевой стороне и эгидой на оборотной[963].

Египетская стилистика монет этой серии (изображение египетских Сераписа и Исиды, а также птолемеевский орел) очевидно указывает на победу Антиоха в Шестой сирийской войне. Нет сомнений, что отчеканенные на антиохийском монетном дворе стилизованные под птолемеевские, монеты от имени царя Антиоха были символом его победы и играли роль своего рода трофея, к слову, с точки зрения стоимости самой монеты, доступные именно широким слоям населения. К «египтизированной» серии Ш. Дуайян относит и небольшую эмиссию драхм[964] с изображением орла, что, впрочем, не имеет непосредственных иконографических аналогий[965]. Одновременно с «египтизированной» серией в обращение были введены две серии мелких серебряных номиналов: гемидрахм[966] и диоболов[967].

Использование Селевкидами птолемеевской монеты в ходе Шестой сирийской войны хорошо известно по бронзовым номиналам Птолемея VI с селевкидской надчеканкой в форме якоря. Считается, что эти монеты были надчеканены в ходе походов царя Антиоха в Египет и служили демонстрацией его власти, однако, вполне вероятно, что надчеканки только легитимировали обращение этих бронзовых номиналов на территории, подвластной Селевкидам[968]. Второй пример – это бронзовые номиналы Птолемея VI с выскобленным на штемпеле именем царя[969]. Эта серия монет, изготовленная штемпелями, по всей вероятности, попавшими в руки селевкидских властей. На штемпелях было затерто имя Птолемея, но сохранен царский титул. В результате

---

[963] SC 1411. *Doyen C.* Le systeme monétaire et pondéral d'Antiochos IV. P. 269–271; *Le Rider G.* Antiochos IV (175-164) et le monnayage de bronze. P. 29–31.

[964] SC 1404

[965] *Doyen C.* Le systeme monétaire et pondéral d'Antiochos IV. P. 269; *Анохин А.С.* Внешняя и внутренняя политика Антиоха IV Эпифана. С. 157-158.

[966] SC 1405

[967] SC 1406

[968] Вероятно, их хождение было ограничено той частью Египта, которая была занята сирийскими войсками, хотя известны находки таких монет на территории Сирии. *Lorber C.* The Lotus of Aphrodite. Ser. VI.3.

[969] SC C-D

легенда монет несет титул без имени. Еще один пример – выпуски бронзовых монет Антиоха IV, осуществлявшиеся на территории Египта в 169–168 гг. до н.э. на монетах этой серии изображалась голова Зевса Аммона[970] и Исиды[971].

Введение крупных бронзовых номиналов наряду с появлением нетипично мелких серебряных номиналов (гемидрахма и диобол) демонстрируют стремление выстроить комплексную систему номиналов, включающую как бронзовые, так и серебряные монеты. Вероятной причиной этой реформы стал недостаток серебра после Шестой сирийской войны, который был вызван не только военными расходами, но и выплатами репараций Риму, а также затратными праздниками в Дафне и подготовкой к восточной кампании. Как уже было отмечено, нехватку серебра в первые годы правления Антиоха IV восполняла монета из Киликии и Ионии. Проведя детальное исследование монетно-весовой системы Селевкидов при Антиохе IV, Ш. Дуайян предложил следующую схему номиналов[972].

Номинал	**Предполагаемый эквивалент**
тетрадрахма	4 драхмы
(дидрахма)	(2 драхмы)
драхма	1 драхма
гемидрахма	½ драхмы
диобол	¼ драхмы = 32 халка
категория AAA	16 халков = 1/8 драхмы
категория AA	8 халков = 1/16 драхмы
категория A	4 халка = 1/32 драхмы
категория B	2 халка = 1/64
категория C	1 халк = 1/128 драхмы

[970] SC 1497

[971] SC 1498

[972] Примечательно, что номинал категории AAA, который практически всеми исследователями именуется «диоболом», вероятно, не обменивался на серебряный диобол в пропорции 1:1. Согласно Ж. Ле Ридеру, две монеты категории AAA равнялись одному серебряному диоболу, а три гемидрахме (См.: *Le Rider G.* Antiochos IV (175–164) et le monnayage de bronze. P. 33–34). Напротив, О. Хувер полагает, что три монеты категории AAA были эквивалентом одной драхмы (*Hoover O.* Seleucid Bronze Coinage // Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue / A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover (eds.). Lancaster-London, 2008. P. 51).

Таким образом, Антиох IV предпринял попытку денежной реформы, сопровождавшейся одновременно трансформацией системы номиналов и изменением монетно-весовой системы. Вес халка унифицировался во всем государстве и должен был коррелировать с весом аттической драхмы – 4,36 г и равняться по стоимости 1/128 серебряной драхмы. Появление мелких серебряных номиналов и крупной бронзы свидетельствуют о попытке реструктуризации монетной системы. Новая монетно-весовая система, основанная на драхме, подразделялась на девять номиналов – четыре серебряных и пять бронзовых, которые определялись строгой двоичной зависимостью, в противоположность предыдущей системе 1 тетрадрахма = 4 драхмы, 1 драхма = 6 оболов, 1 обол = 8 халков.

Прототипом новой системы номиналов можно считать египетскую[973], однако, Ш. Дуайян предположил, что она восходит к римской системе, где также действовало правило определения каждого последующего номинала путем удвоения предыдущего. Сравнение этих систем лучше всего представить в виде таблицы.

эквивалент в халках	**система Антиоха IV**	**римская система**	**эквивалент в ассах**
128	драхма (4,36 г)	денарий (3,9 г)	16
64	гемидархма (2,17 г)	квинарий	8
32	диобол (1,09 г)	сестерций	4
16	категория AAA (69,6 г)	дупондий	2
8	категория AA (34,8 г)	асс (34–36 г)	1
4	категория A (17,4 г)	семис (17–18 г)	½
2	категория B (8,7 г)	квадранс (8–9 г)	¼
1	категория C (4,35 г)		

[973] Критика этой версии см.: *Анохин А.С.* Внешняя и внутренняя политика Антиоха IV Эпифана. С. 158.

Романизация отдельных государственных институтов и институциональных практик при Антиохе IV неоднократно подчеркивалась в историографии. Одним из наиболее ярких примеров является реформа армии, которая проходила с опорой на римский опыт[974]. Романофилия Антиоха IV стала одним из ключевых компонентов образа «царя Антиоха, прозванного Эпиманом». Наиболее красочно эту любовь ко всему римскому описал Ливий (XLI. 20. 6-9). В этом описании, как, впрочем, и в свидетельствах Диодора, Полибия и Афинея, любовь Антиоха ко всему римскому выглядит комичной и нелепой пародией на римский образ жизни. Царь Антиох разгуливает по городу в римской тоге, принимает участие в суде, восседая на курульном кресле, развлекает себя, организуя гладиаторские поединки, при том, что атлетов ему приходится выписывать из самого Рима[975]. Этот образ нелепого и поверхностного подражателя стал частью литературной традиции об Антиохе Эпифане. Однако, случаи использования римского опыта в военном деле и финансах демонстрируют чуть более глубокое знание римских институциональных традиций, чем поверхностное заимствование отдельных практик. Как кажется, это же демонстрирует и рассматриваемая денежная реформа. Кроме очевидного заимствования ключевого принципа построения римской системы номиналов с удвоением последующего номинала, здесь, как и в римском монетном деле, используется система обозначения номиналов на лицевой стороне монеты. Более того, если обратить внимание на монетные типы бронзовых монет «египтизированной» серии, то мы обнаружим ту же иконографическую модель, что у римских бронзовых монет. Оборотная сторона монет неизменна – в римском случае это изображение носа корабля, в селевкидском – орел на молнии. А вот изображение лицевой стороны всегда меняется в зависимости от номинала монеты.

[974] *Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. Vol. 1. The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Dewsbury, 1994.

[975] *Carter M.* The Roman Spectacles of Antiochos IV Epiphanes at Daphne 166 BC // Nikephoros. 2001. P. 45–62.

Следующим важным изменением является появление на бронзовых монетах обозначений номиналов. Монеты с обозначением номинала выпускались на трех монетных дворах: Селевкии на Тигре[976], Антиохии в Мигдонии (Нисибис)[977] и на неопределенном монетном дворе Келесирии[978], который А. Хутон и К. Лорбер локализуют в Самарии. Дифференты, обозначавшие номинал монеты, помещались на лицевой стороне, слева от изображения головы правителя. Всего известно три дифферента: 𐡲, 𐡳, 𐡴 которые можно расшифровать, как халк (𐡲), дихалк (𐡳) и тетрахалк (𐡴). Причины необходимости точного обозначения номинала бронзовой монеты неясны. Ж. Ле Ридер связывал необходимость обозначения номинала с внезапной редукцией стандарта халка – эталона бронзовой монеты, произошедшей после 168 г. до н.э.[979] Поскольку сама по себе чеканка бронзовой монеты имела во всех смыслах локальных характер (такая монета обеспечивала нужды исключительно местного рынка, ввиду фидуциарного характера выпусков, география обращения бронзовой монеты была ограниченной), то номинал определялся локальной традицией. В современной историографии классификация бронзовых монет по номиналам зачастую образна и условна. Все, чем располагает современный ученый – это знанием о соотношении веса монеты и диаметра монетного кружка, что предполагает выделение метрологических категорий, которые, вероятно, каким-то образом соотносились с реальными номиналами. На деле же, в древности определение номинала (и стоимости) бронзовой монеты происходило интуитивно, без использования специальных инструментов, руководствуясь общим правилом – чем больше номинал, тем тяжелее и больше сама монета. Система бронзовых номиналов допускала относительно большой метрологический диапазон для каждого номинала. Появление обозначений номиналов в практике сразу нескольких дворов позволяет предположить, что причиной их

[976] SC 1508-1511
[977] SC 1502-1504
[978] SC 1491-1492
[979] *Le Rider G.* Antiochos IV (175–164) et le monnayage de bronze séleucide. P. 27–28; *Le Rider G.* Notes sur les marques de Valeur des bronzed d'Antiochos IV (175–164) // RN. 1998. P. 45–48.

появления стала централизованная попытка унификации системы номиналов, с целью извлечения дополнительной выгоды от перечеканки монет. Важно обратить внимание, что монетный тип для монет с обозначением номинала также был унифицирован и представлял собой изображение головы царя в лучевой короне на лицевой стороне и сидящее на троне божество на оборотной[980].

При Антиохе IV появляется еще одно финансовое новшество – право чеканки бронзовой монеты получают 18 полисов Сирии, Киликии и Северной Месопотамии. Так появляется феномен так называемой псевдо-муниципальной или псевдо-автономной чеканки[981]. Главной особенностью этого явления принято считать именно псевдо-автономный характер чеканки монеты, то есть формально эмитентом монетных эмиссий выступал полис, о чем свидетельствует легенда, но на лицевой стороне этих монет всегда помещался портрет правителя, что подразумевает государственный статус данного платежного средства. Более того, все автономные монеты относились к одному номиналу и имели локальное обращение. Принято считать, что появление псевдо-автономной чеканки является выборочной привилегией, которой удостоился конкретный полис, возможно, после личного визита царя[982]. Объяснить выбор полисов, которым было предоставлено право такой чеканки, каким-то иным образом затруднительно. Так, право автономной чеканки получают некоторые полисы, например, киликийская Адана или Мопс, которые никогда ни прежде, ни после не чеканили монету, в то же время, крупнейший центр эллинистического востока – Селевкия на Тигре – получит право автономной чеканки

[980] См. примеры подобной практики в монетном деле Парфии при Митридате I. *Кошеленко Г.А.* Монетное дело Парфии при Митридате I // Нумизматика и эпиграфика. 1972. С. 82.

[981] Стоит отметить, что некоторые полисы Финикии – Библ, Тир, Сидон, Берит уже обладали правом автономной чеканки, что, вероятно, было частью привилегий этих городов, которые имели важное торговое и стратегическое значение. *Hoover O. Ceci n'est pas l'autonomie.* P. 485–508; *Iossif P.* The Last Seleucids in Phoenicia: Juggling Civic and Royal Identity // AJN. 2014. P. 61–87; *Le Rider G.* La politique monétaire des Séleucides en Coelé Syrie et en Phénicie après 200. Réflexions sur les monnaies d'argent lagides et sur les monnaies d'argent seleucides à l'aigle // BCH. 1995. P. 391–404; *Grainger J.D.* Hellenistic Poenicia. Oxford, 1991. P. 116–120.

[982] *Houghton A.* The Seleucids. P. 245–246.

только при парфянах. Псевдо-автономная чеканка в большинстве полисов просуществовала не долго и была свернута, хотя, при Александре I Бале, который старался всячески подчеркнут свою родственную связь с Антиохом IV, вновь была восстановлена на короткий срок.

Денежная реформа Антиоха IV затронула и область монетного изображения, что нашло отражение в смене ключевого монетного типа. Количественный анализ монетных выпусков Антиоха IV показывает, что доля монетного типа «Аполлон на омфале», занимавшего при Селевке IV 100% всех выпусков тетрадрахм, снижается до 60%, а 37% занимает возрожденный тип, близкий иконографии тетрадрахм и драхм Александра, диадохов, включая Селевка I, – «Зевс Никефор». О. Мёркхольм назвал эту смену типа «иконографической революцией»[983], однако смена главного монетного типа, пусть и достаточно резкая, не выглядела в масштабах всего государства столь революционной и даже безвозвратной. Так, монетный тип «Зевс Никефор» был введен в 173/2 г. до н.э. для новой серии редуцированных тетрадрахм, однако, ему предшествовал непродолжительный, но масштабный выпуск монет с прежним типом «Аполлон на омфале»[984]. При этом, тип «Зевс Никефор» чеканился далеко не всеми монетными дворами, а только двумя наиболее крупными: Антиохией (со 173/2 г. до н.э.) и Ака-Птолемаидой (со 169 г. до н.э.). Анализ монет мелких серебряных номиналов показывает, что для этих монет новый тип использовался крайне редко, в то время как тип «Аполлон на омфале» занимал лидирующее положение[985]. Появление нового монетного типа для тетрадрахм и сохранение

[983] *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 17.

[984] По подсчетам О. Мёркхольма, для чеканки серии монет с Аполлоном на омфале столичный монетный двор Антиохии на Оронте использовал 4 штемпеля лицевой стороны за три года. *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 8–9. См. также *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 190-192. Всего же для чеканки тетрадрахм Антиоха IV в Антиохии были использованы 57 штемпелей лицевой стороны или 5.2 штемпеля в год, что демонстрирует существенный рост среднегодовых объемов монетного производства, даже по сравнению с правлением Антиоха III. *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 565.

[985] *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. P. 162–164.

старого типа для драхм и создало ту диспропорцию в соотношении типов этих номиналов, о которой мы упомянули в начале данного раздела.

Причин того, почему монетный тип тетрадрахм был обновлен, а драхм нет можно привести несколько. Как уже было отмечено, вместе с появлением нового монетного типа наблюдается редукция весового стандарта. Нет сомнений, что старая и новая монеты обменивались из расчета 1:1 и редукция веса не была столь заметной. По сути, при таком обмене с каждой тетрадрахмы государство получало только треть обола. Редукция веса драхмы была еще менее заметной. Однако, даже такие изменения неизбежно должны были повлечь «оседание» более полновесной монеты в накоплениях, однако объемы выпуска типа «Зевс Никефор» были столь значительными (54 штемпеля лицевой стороны), что восполняли обращение большим количеством новой монеты[986]. Напротив, объемы выпуска драхм были значительно скромнее (всего 4 штемпеля лицевой стороны)[987], что создавало риски нехватки мелкой серебряной разменной монеты. Вероятно, для сохранения этой монеты в обращении тип новых эмиссий остался прежним, ввиду чего старые и новые выпуски смешивались. Впрочем, нехватка мелкой серебряной монеты все же стала ощущаться, что привело к появлению серии крупных описанных выше бронзовых номиналов, приравненных к мелкому серебру.

Появление монетного типа «Зевс Никефор», на наш взгляд, нельзя в полном смысле слова назвать реставрацией монетного типа первых Селевкидов, поскольку объемы выпуска монет этого типа были незначительными и не

[986] Данные монетных кладов показывают и обширную географию вовлеченности монет данного типа в денежное обращение эллинистического востока. IGCH 1737, 1805, 1806, 1544, 1737, 1778, 1546, 1774; CH VIII. 434; CH IX. 511. В годы правления Антиоха IV в денежном обращении Сирии находились не только монеты Селевкидов, но и различных малоазийских центров (*Neumann K.* Antioch in Syria. P. 69–78), а также уже упомянутых полисов Киликии. Весьма примечательно увеличение объемов монетного импорта из полисов, находившихся под властью пергамского царства, что может быть связано с оказанием помощи Антиоху IV пергамскими царями. *Psoma S.* War or Trade? Attic-Weight Tetradrachms from Second-Century by Attalid Asia Minor in Seleukid Syria after the Peace of Apameia and their Historical Context // Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State / P. Thonemann (ed.). Oxford, 2013. P. 265–300.

[987] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 218–220.

превышали 13% от общего числа эмиссий. Более того, последний раз, когда данный тип использовался для чеканки тетрадрахм – было правление Антиоха I, т.е. за сто лет до правления Антиоха IV. За это время большая часть монет этого типа уже вышла из обращения[988]. Выбор типа «Зевс на троне» для чеканки новых редуцированных монет можно связать с популярностью культа Зевса в Антиохии[989], а также новой волной чеканки тетрадрахм типа Александра (с изображением Зевса Аэтофора, сидящего на троне) полисами юга Малой Азии. Эти тетрадрахмы в большом количестве поступали в Антиохию, о чем свидетельствуют и монетные клады, и надчеканки с изображением якоря[990]. Напомним, что монетный тип «Зевс Никефор» чеканится практически исключительно в Антиохии, что также может свидетельствовать о локальном происхождении иконографии этих монет. Так или иначе, начало чеканки типа «Зевс Никефор» стало значительным событием в монетном деле Антиоха IV. Данный монетный тип стал важным династическим идентификатором: потомки царя Антиоха, претендовавшие на престол, а впоследствии и вообще все цари династии Селевкидов стали изображать на оборотных сторонах своих тетрадрахм Зевса Никефора.

Серьезные изменения претерпел и царский портрет. В 173/2 г. до н.э. с появлением нового монетного типа меняется и царский портрет. Царь начинает изображаться более молодым с большим количеством кудрей, а также анастоле, что подчеркивает стилистику imitatio Alexandri[991]. Такая портретная

---

[988] Это обстоятельство не позволяет рассматривать данные монеты как средство пропаганды. См. противоположную точку зрения: *Bunge J.G.* Münzen als Mittel politischer Propaganda: Antiochos IV. Epiphanes von Syrien // Stud. Clas. 1974. S. 43–52.

[989] На полисных бронзовых выпусках Антиохии времени Антиоха IV также изображался Зевс. SC 1416–1418. Новый городской квартал Антиохии, построенный при Антиохе IV получил название Эпифания. На его территории размещался храм Зевса Олимпийского. *de Giorgi A., Eger A.* Antioch. A History. London – New York. 2021. P. 42–44; *Neumann K.* Antioch in Syria. P. 60–63.

[990] IGCH 1541, 1547–1548. *Анохин А.С.* Внешняя и внутренняя политика Антиоха IV Эпифана. С. 52–53.

[991] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 178; *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 58; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 177; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 44–45; *Iossif P., Lorber C.* Celestial Imagery. P. 5; *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes. S. 128–139; *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 406–411.

стилистика появляется в селевкидской царской иконографии впервые. Вместе с ней портрет царя впервые дополняется лучевой короной, которая была заимствована из иконографии Птолемеев. Кроме обозначенных стилистических особенностей, известны варианты царского портрета Антиоха IV, которые близки портретам Александра по набору атрибутов. Из Урука происходят печати с портретом Антиоха IV в головном уборе в виде головы слона (рис. 93)[992].

Пожалуй, наиболее революционным изменением является появление в тексте легенды божественных эпитетов. Легенда царских эмиссий представляла собой наиболее устойчивый элемент структуры визуального нарратива селевкидской монеты. Случаи отступлений от этой нормы крайне редки. Так, один из наиболее известных – серия монет, выпущенных от имени Антиоха Сотера. Однако, появление царского божественного эпитета в монетной легенде изначально являлось следствием экстраординарных политических обстоятельств. Вероятно, появление божественной титулатуры в монетной легенде при Антиохе IV было вызвано схожими причины и лишь только ближе к середине II века до н.э. божественные эпитеты стали обязательным атрибутом селевкидской монеты.

Появление божественной титулатуры на монетах Антиоха IV происходило поэтапно. Как показал О. Мёркхольм, формирование монетной легенды хронологически совпадает с этапами чеканки монетных серий. Таким образом, можно выделить три последовательных варианта монетных легенд царя Антиоха IV. Первый вариант полностью соответствовал принятому у Селевкидов варианту легенды и не содержал божественных эпитетов ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Монеты с такой легендой выпускались в течение непродолжительного периода времени – 175-173/2 гг. до н.э. (рис. 103) Однако около 173/2 г. до н.э. монетная легенда была серьезно изменена – к ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ были добавлены два эпитета ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ («бога

[992] *Lindström G.* Uruk. № 94-1. *Ehling K.* Hellenistische König emit Elefantenexuvie. S. 320.

явленного»). Увеличение монетной легенды совпадает с началом чеканки типа «Зевс Никефор». (рис. 104) Появление эпитетов ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ принято считать заимствованием из титулатуры Птолемея V[993]. Около 169/8 года до н.э., вероятно, после завершения Шестой сирийской войны, произошло третье и последнее изменение монетной легенды. К легенде ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ был добавлен еще один эпитет – ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ («Победоносный») (рис. 105)[994].

Все изменения, связанные с модификациями, а порой и экспериментами в монетном деле Антиоха IV, включая иконографию, так или иначе были ответом на события Шестой сирийской войны. Примечательно, что из всех событий правления Антиоха IV только это получило отражение в нумизматике. Опираясь на штемпельное исследование Ж. Ле Ридера, можно проследить темпы монетного производства монетного двора Антиохии на Оронте, сопоставив количество штемпельных пар в интересующий нас период со 173 по 169 гг. до н.э. Как показано на графике 4.1, объемы монетной чеканки существенно увеличиваются накануне Шестой сирийской войны и сразу после ее завершения, что полностью соответствует принятой в древности традиции: чеканить монету в период подготовки к войне и после ее завершения для выплаты воинам. При этом, если обратить внимание на ежегодные выпуски, представленные на графике 4.2, то не сложно заметить рост объемов монетного производства и в промежутке между двумя походами Антиоха IV в Египет в 171–170 и 169 гг. до н.э.

[993] *Caneva S.* The Power of Naming. P. 123, 298.

[994] *Bunge J.* "Theos Epiphanes" zu den ersten fünf Regierungsjahren des Antiochos IV. Epiphanes // Historia. 1974. S. 57–85; *de Callataÿ F., Lorber C.* Pattern of Royal Epithets on Hellenistic Coinages // More than Men, less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Conference organized by the Belgian School at Athens, 1-2 November 2007 / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Studia Hellenistica 51. Leuven, 2011. P. 424; *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. P. 291–297.

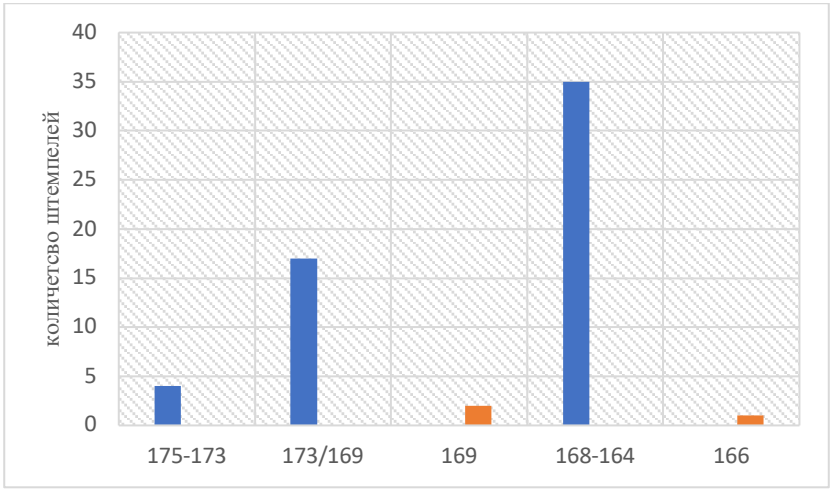

График 4.1. Объемы производства тетрадрахм монетным двором Антиохии на Оронте при Антиохе IV

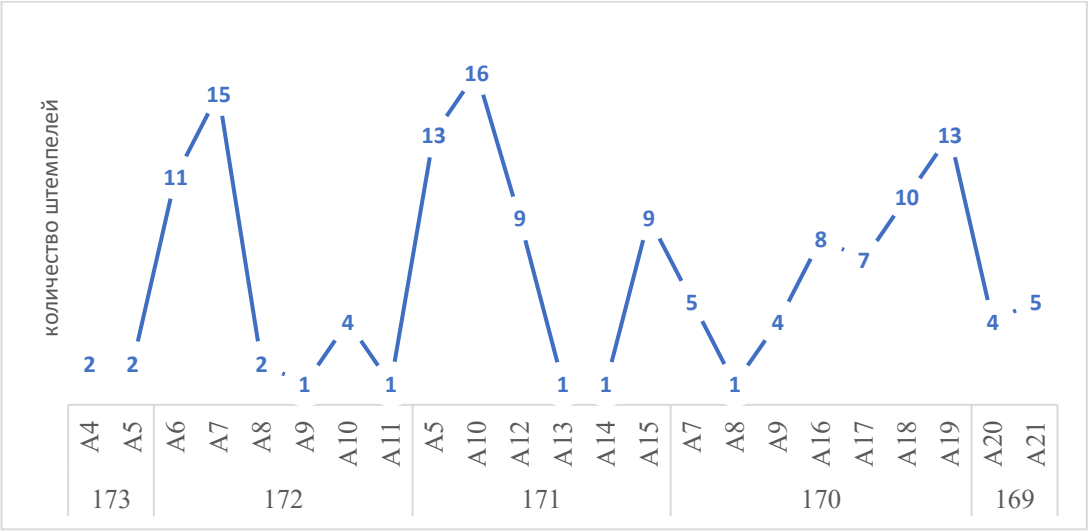

График 4.2. Динамика монетного производства монетного двора Антиохии на Оронте в 173–169 гг. до н.э.

В рассматриваемом историческом контексте более гармоничным выглядит и появление божественных эпитетов, в особенности эпитета «Победоносный». Очевидно, что экстраординарность событий Шестой сирийской войны: невероятный успех Антиоха в Египте, принятие им титула царя Египта, последовавшее дипломатическое поражение от Рима («день Элевсина») привели к идеологическому повороту и формированию новой династической

идентичности[995]. Нас сложно судить о том, как менялась царская идеология, поскольку литературная традиция не сохранила никакой информации об этом. Очевидно, что какому-то преобразованию подвергся царский культ. Появление эпитета «Победоносный» фиксируется для Селевкидов впервые. Особое место в этой новой идеологии отводилось антиохийским элитам, которые вместе с воинами были первыми получателями новой монеты. Судя по новому царскому портрету, в новой идеологической модели декларировалась связь царя Антиоха с Александром Великим, а также божественность царя. Новшества царской идеологии Антиоха IV декларировались не только посредствам монетных изображений и легенд. Обновленный образ царя был продемонстрирован публично на праздниках в Дафне.

4.1.2. Праздники в Дафне: новая династическая идентичность и ее иконографическая модель

Построение новой царской идеологии Антиоха IV связано с завершением Шестой сирийской войны в 169 г. до н.э. Это событие, которое однозначно было воспринято Селевкидами как победа, незамедлительно нашло отражение в монетой иконографии. К эпитетам царя был добавлен «победоносный», что позволяет трактовать исход Шестой сирийской войны как победу Селевкидов, во всяком случае в дискурсе царской идеологии Антиоха IV. Изменение царского портрета, появление портрета imitatio Alexandri, элементов обожествления создавали новый визуальный образ царя.

Еще одним свидетельством трансформации царской идеологии является монетная серия с новым и нетипичным для Селевкидов типом «голова Зевса/Зевс Никефор» (рис. 192)[996]. Эта монетная серия выпускалась монетным

[995] О событиях Шестой сирийской войны и ее последствиях для придворного общества см.: *Grainger J.D.* The Syrian Wars. P. 137–152; *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes. S. 159–182.

[996] SC 1398-1399

двором Антиохии, судя по количеству штемпелей (8 штук) и количеству эмиссий (также 2), год или два[997]. Именно на этих монетах впервые и появляется эпитет ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ. Примечательно, что эта монетная серия предшествовала серии 3 с изображением головы Антиоха IV на лицевой стороне, фигуры Зевса Никефора на оборотной, и эпитетом ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ в легенде, либо выпускалась с ней параллельно. Возможно, именно эти монеты стали жалованием (σιταρχία) для воинов, подобно тому, как как монеты со слоном служили выплатами для воинов Антиоха III. Главной особенностью этой монетной серии было изображение головы божества на лицевой стороне тетрадрахмы, что не встречалось в монетном деле Селевкидов со времен Селевка I, когда еще не существовало устоявшейся традиции помещать на лицевую сторону монеты портрет царя.

Появление изображений одного и того же божества на двух сторонах монеты (головы на лицевой и полной ростовой фигуры на оборотной) сближает рассматриваемую серию с так называемыми «фестивальными монетами» (Festmünzen), которые выпускались некоторыми полисными союзами Малой Азии, начиная со 188 г. до н.э.[998] Наиболее известными были монеты «Афины Илиады», выпускавшиеся полисами Северо-Западной Малой Азии для празднования местных Панафинейских игр (рис. 193). На лицевой стороне этих монет изображалась голова Афины, на оборотной статуя Афины. Легенда включала имя ответственного за выпуск магистрата, а также имя самой Афины – ΑΘΗΝΑΣ ΙΛΙΑΔΟΣ. Близкий пример происходит из Пергама, где чеканились «фестивальные монеты» с изображением головы Деметры и Диоскуров (рис. 194). Легенда ΘΕΩΝ ΣΥΡΙΩΝ ΚΑΒΕΙΡΩΝ свидетельствует о фестивальном

[997] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 201–204; *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 30–31.

[998] *Psoma S. Panegyris* Coinages // AJN. 2008. P. 227–255; *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 82–86; *Le Rider G.* Sur un aspect du comportement monétaire des villes libres d'Asie Mineure occidentale au IIe siècle // Les cités d'Asie mineure occidentale au IIe siècle a.C. / A. Bresson, R. Descat (eds.). Bordeaux, 2001. P. 37–59. О полисных панэллинских праздниках в эллинистический период см.: *Chaniotis A.* Sich selbst feiern? Städtische Feste des Hellenismus im Spannungsfeld von Religion und Politik // Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus / M. Wörrle, P. Zanker (eds.) Munich, 1995. S. 147–163.

характере этих эмиссий. Примечательно, что на монетах, отчеканенных от имени Евмена II, также изображались фигуры стоящих Диоскуров, идентичные тем, что чеканились на «фестивальных монетах»[999]. Функциональное предназначение монет данной серии остается спорным, но мы не склонны разделять идею П. Тонманна о демонстрации союзной идентичности[1000]. Более аргументированной выглядит версия С. Псома, которая предположила, что данные «фестивальные монеты» использовались для различных торговых операций на данных праздниках, что приносило эмитенту определенный доход, позволявший покрыть часть расходов на их проведение[1001].

К сожалению, на основании имеющихся аналогий нельзя утверждать, что монетная серия «голова Зевса/Зевс Никефор» относится к «фестивальным монетам»: в легенде присутствует имя царя, объемы ее выпуска весьма внушительные, в отличие от «фестивальных». Более того, «фестивальные монеты» выпускались по чистому аттическому стандарту, в то время как серия «голова Зевса/Зевс Никефор» соответствовала редуцированному стандарту серии 3 тетрадрахм Антиоха IV. И все же, неординарная иконография, подразумевавшая, с одной стороны, особые исторически обстоятельства появления монетной серии, а с другой, опасность снижения номинальной стоимости показывает, на наш взгляд, особые обстоятельства выхода монет этой серии в обращение и социальную группу первых получателей этой монеты. Мы не беремся рассуждать об особом воинском ритуале, который завершал бы военную кампанию и включал бы раздачу воинам их жалования, но именно узкосоциальная детерминированность этих выпусков и торжественный характер иконографии наводят на подобную интерпретацию. Спустя 20 лет Александр I, объявивший себя наследником Антиоха IV, выпустит также иконографически весьма необычную, но аналогичную монету с изображением головы Зевса и молнией. Стилистическая близость этих выпусков, в особенности изображение головы

[999] *Bauslaugh R.* The Unique Portrait Tetradrachm of Eumenes II // American Numismatic Society Museum Notes. 1982. P. 39–51.

[1000] *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 85.

[1001] *Psoma S. Panegyris* Coinages. P. 238–240.

Зевса, была отмечена А. Хутоном[1002]. Однако, данный выпуск хорошо соотносится с типологией «фестивальных монет», прежде всего ограниченными объемами, локальной иконографией[1003] и наличием венка – который часто использовался во II в. до н.э. в монетной чеканке полисов Восточного Средиземноморья.

Кроме серии типа «голова Зевса/Зевс Никефор» в нашем распоряжении есть еще одна необычная серия монет, выполненная по типу «голова Аполлона/Аполлон Кифаред» (рис. 42)[1004]. Данная монетная серия была немногочисленной, для ее чеканки использовался только один штемпель лицевой стороны[1005]. Половина из известных экземпляров имеет следы перечеканки, что, по мнению Ж. Ле Ридера, является признаком работы временного двора, функционировавшего, поблизости от Антиохии[1006]. К этому же можно добавить, что использование готовых монет для чеканки этой серии может быть свидетельством высоких темпов производства эмиссии, а также экономии средств для ее чеканки. Ограниченность монет данной серии и особенности иконографии[1007] типологически сближают эту серию с «фестивальными монетами», а хронология ее выпуска[1008] позволяет связать чеканку этих монет с панэллинискими праздниками, организованными Антиохом IV в пригороде Антиохии – Дафне в 166 г. до н.э.[1009]

[1002] *Houghton A.* A Tetradrachm of Seleucia Pieria at the Getty Museum: An Archaizing Zeus and the Accession of Alexander Balas in Northern Syria // The J. Paul Getty Museum Journal. 1982. P. 153–158.

[1003] Молния хорошо известна на автономных монетах Селевкии в Пиерии, где была отчеканена эта монета, а также выпусках римского времени. О молнии Зевса сообщает и Либаний (Orat. XI. 85–90), описывая основание Селевкии. *Hoover O.* Handbook of Syrian Coins. 1382, 1384, 1386–1387.

[1004] SC 1401

[1005] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 217–218.

[1006] *Le Rider G.* Antioche de Syrie. P. 228.

[1007] В историографии принято считать, что на оборотной стороне этих монет изображена статуя Аполлона работы Браксида, установленная в Дафне. *Lacroix L.* Copies des statues. P. 163–175; *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 34; *Zahle J.* Religious Motifs on Seleucid Coins. P. 131.

[1008] *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 34.

[1009] О датировке праздников в Дафне см.: *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. P. 100; *Bunge J.G.* Die Feiern Antiochos' IV in Daphne im Herbst 166 v. Chr. // Chiron. 1976. S. 53–71; *Mittag P.F.* Antiochos IV. S. 282–283; *Edelmann-Singer B.* Material Culture, Ritual Performance,

Праздники в Дафне относительно подробно описаны Полибием (XXXI. 3–4) и Диодором (XXXI.16.1). Версия Полибия была сокращена и дошла до нас в пересказе Афинея (5.24.194c – 195d). Праздники длились месяц и состояли из нескольких частей, включая соревнования и шествие. Несмотря на отсутствие упоминаний о посвящении праздников какому-то божеству, они все же были событием религиозным. Антиох IV отправил в разные греческие города своих послов и священные посольства, чтобы пригласить греков принять участие в праздниках. Б. Эдельманн-Зингер в недавней работе полагает, что приглашения к участию в праздниках были сделаны не от имени царя Антиоха IV, а от имени божеств святилища в Дафне – Аполлона и Артемиды[1010]. Однако, ни в каком контексте Аполлон в связи с праздниками в Дафне больше не упоминается.

Праздники в Дафне открывало шествие, в котором участвовали разнообразные воинские подразделения. В задачи нашего исследования не входит детальный анализ комплектования армии Селевкидов, представленный в Дафне, однако, все же стоит отметить, что парад не был абсолютно военным, поскольку наряду с воинскими подразделениями в нем принимали участие и другие, не военные, группы: гладиаторы, колесницы, жертвенные животные, эфебы, слоновые колесницы. Появление последних находит редчайшие параллели в нумизматике. Последний раз в селевкидском контексте слоновые колесницы (как и на параде в Дафне – запряженные четверкой слонов) появляются на монетах Селевка I. Мы не можем утверждать наверняка, что слоновые колесницы в Дафне были прямым заимствованием изображений монет Селевка I, однако, допустим, что слоновая колесница сама по себе являлась важным визуальным символом для Селевкидов[1011]. Особое место в шествии занимала процессия священных посольств. Ее представители несли изображения и

and Seleukid Rule: Antiochos IV and the Procession at Daphne in 166 BCE // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 117.

[1010] *Edelmann-Singer B.* Material Culture, Ritual Performance. P. 121.

[1011] *Смирнов С.В.* Слоновые колесницы Антиоха IV // ПИФК. 2009. С. 159–168.

статуи божеств и героев[1012]. Кроме торжественного шествия на праздниках устраивались соревнования, охота и пиры. О пирах наши источники – Диодор и Афиней, сообщают отдельно, описывая роскошь торжеств и неординарное поведение Антиоха IV.

Не стоит сомневаться в том, что праздники в Дафне были устроены для прославления военных побед в Египте. В начале своего повествования о праздниках Полибий отмечает, что торжества в Дафне были своего рода ответом на игры, устроенные Луцием Эмилием Павлом в Македонии после поражения Персея в битве при Пидне в 168 г. до н.э.[1013] По сообщению Афинея праздники в Дафне были частично организованы на средства, вывезенные из Египта. Перформативный характер праздников, прежде всего, торжественного шествия, демонстрирует образ победителя (Никефора), что в корне расходится с характеристикой поведения царя на праздниках, данной Полибием. Согласно античной литературной традиции, царь Антиох являлся центральной фигурой пиров. Его неординарное и безрассудное поведение больше напоминает поведение Диониса и его свиты на пиру[1014]. Царь танцует под музыку неприличные танцы, шутит с музыкантами, разыгрывает публику. При этом он находится в центре всеобщего внимания – он принимает здравицы, не снимает золотой венок, старается всячески привлечь к себе внимание. В этом случае царь не просто безучастный зритель, но часть торжеств, непременный их участник.

[1012] Подробнее об этой части процессии см.: *Iossif P.* Imago mundi: expression et representation de l'idéologie royale Séleucide. La procession de Daphné // Electrum. 2010. P. 127–157.

[1013] *Johnson S.* Antiochus IV's Procession at Daphne (166 B.C.). A Roman Triumph? A Case Study in Relations of Rome and Syria 175−164 B.C. // Journal of Associated Graduates in Near Eastern Studies. 1993. P. 23–34.

[1014] *Iossif P.* Imago mundi. P. 145–151. О дионисийском характере царского культа Антиоха IV сообщает автор Второй Маккавейской книги (6.7.). См.: *von Reden S., Strootman R.* Imperial Metropoleis and Foundation Myths. Ptolemaic and Seleucid Capitals Compared // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 45–46; *Strootman R.* Antiochos IV and Rome: The Festival at Daphne (Syria), the Treaty of Apameia and the Revival of Seleukid Expansionism in the West // Rome and the Seleukid East Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015 / A. Coskun and D. Engels (eds.). Brussels, 2019. P. 199–200.

Отсутствие упоминаний Аполлона на праздниках в Дафне не находит объяснений в историографии. Напротив, монетная серия «голова Аполлона/Аполлон Кифаред» считается единственным доказательством того, что игры в Дафне были посвящены именно Аполлону. Если рассматривать данную монетную серию как «фестивальные монеты», на что указывают и особенности иконографии, и скромные объемы эмиссии, то изображение Аполлона на лицевой и оборотной стороне монет действительно определяют Аполлона как центральное божество праздников. Однако «фестивальные монеты» выпускались от имени божества, в чью честь организовывались праздники, о чем свидетельствовала монетная легенда. В данном же случае монеты были выпущены от имени царя Антиоха. При этом, если следовать легенде, не просто царя Антиоха, а обожествленного царя Антиоха бога Эпифана Никефора. Отчасти объяснить это помогает монетный портрет. Изображение головы Аполлона на лицевой стороне этих монет имеет выраженные портретные черты Антиоха IV[1015]. В историографии в целом принято считать, что появление портретных черт Антиоха IV в данном случае произошло не намеренно, поскольку резчик, выполнявший данное изображение, по привычке дополнил его портретными чертами царя. Однако, такое объяснение не кажется удовлетворительным.

Антиох IV – главный персонаж праздников в Дафне. Он находится в центре торжества и все внимание Полибия и других авторов приковано именно к фигуре монарха, поведение которого не соответствует принятому канону поведения царя. Вместе с тем, Антиох предстает в образе победителя, удачливого полководца. На его весовых гирях появляется изображение богини Ники, а сам он принимает эпитет Никефор – «Победоносный». Эмиссия «фестивальных монет» с головой Аполлона с портретными чертами Антиоха показывает Антиоха в образе синкретического солярного божества, связанного с культами Гелиоса и Аполлона. По всей видимости, формирование нового образа царя

[1015] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 39; *Lacroix L.* Copies des statues. P. 172; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 50–51.

было связано с построением новой династической идентичности, в которой переосмыслялся традиционный для Селевкидов династический культ Аполлона, делался акцент на культ обожествленного монарха, а также культ Зевса Никефора, который был популярен у населения сирийского Тетраполиса.

4.2. от Деметрия I до Александра I

После гибели царя Антиоха IV в 164 г. до н.э. в восточном походе государство Селевкидов вступило в полосу затяжного кризиса. Династия окончательно раскололась на две противоборствующие группы, претендовавшие на престол. Несмотря на это, объемы монетной чеканки Селевкидов не уменьшаются, напротив увеличиваются, достигнув рекордных показателей для монетного двора Антиохии на Оронте: при Деметрии I – 18,7 штемпелей лицевой стороны в год и 15,2 при Александре I[1016]. Вместе с тем наблюдается облегчение весового стандарта. Распространяется практика чеканки монет с локальной иконографией, что является признаком территориального распада государства.

Время правления Деметрия I и Александра I знаменуется «борьбой изображений». Монетная иконография представителей этих двух групп демонстрирует две идеологические линии, сформировавшиеся в результате династического раскола. Первая из них – линия Антиоха IV, представители которой восприняли модель династического самоопределения Антиоха IV. Вторая – линия Селевка IV/Деметрия I, представители которой частично опирались на традиционную идентичность Селевкидов, а частично добавляли к ней новые, более актуальные компоненты, что нашло отражение в появлении нового ключевого монетного типа при Деметрии I.

В данном параграфе будет рассмотрена царская иконография двух селевкидских царей эпохи начала династической войны: Деметрия I и Александра I, а также монетная иконография узурпатора Тимарха.

[1016] *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 565.

4.2.1. Монетная иконография узурпатора Тимарха в контексте кросс-культурных традиций Ближнего Востока и Средней Азии

История эллинистической Мидии, ровно, как и всего эллинистического Ирана, остается для исследователей во многом terra incognita. Отсутствие оригинальных иранских источников, фрагментарность и субъективность греко-римской литературной традиции, а также эпизодичность археологических материалов создают заметную брешь в наших представлениях о политических, социально-экономических и идеологических процессах, происходивших в данном регионе в эпоху эллинизма. В данном контексте одним из наиболее обсуждаемых вопросов является реакция локальных иранских элит на политическую трансформацию, связанную с формированием эллинистической государственности, а также особенности взаимоотношения этих элит с центральной властью. Осложняет решение данной проблемы слабое знание исторических реалий эллинистической Мидии и, особенно, вопросов, связанных с положением местных элит, активность которых не фиксируется источниками. Именно поэтому наиболее релевантным видится анализ исторических ситуаций, связанных с кризисом центральной власти, когда можно было бы ожидать активизации деятельности национальных иранских элит.

Одним из таких кризисных моментов в истории Мидии является восстание сатрапа Тимарха, отложившегося от государства Селевкидов в середине II в. до н.э. и объявившего себя независимым царем. К сожалению, личность Тимарха, значение его правления в истории распада державы Селевкидов и истории эллинистического Ближнего Востока в целом не были в достаточной степени освещены в историографии. Единственной работой, полностью посвященной личности Тимарха, до сих пор остается статья А. Кнеппе[1017], которую

[1017] *Kneppe A.* Timarchos von Milet – ein Usurpator im Seleukidenreich // Migratio et commutatio: Studien zur alten Geschichte und deren Nachleben. Thomas Pekáry zum 60. Geburstag am 13. September 1989 dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern / H.-J. Drexhage, J. Sünskes (eds.). St. Katharinen, 1989. P. 37–49.

нельзя назвать исчерпывающей, исходя хотя бы из затрагиваемых событий политической биографии. В недавней работе Б. Чрабасика Тимарху также посвящен относительно скромный раздел[1018]. Остальные же исследователи рассматривали Тимарха контекстуально, в русле более общих проблем, чаще всего минуя подробности его правления и демонстрируя лишь сам факт отложения Тимарха от Селевкидов в качестве одного из примеров небывалого по масштабам сепаратизма, захлестнувшего государство Селевкидов во II в. до н.э.[1019]

Примечательно, что за свое непродолжительное правление (около одного года) Тимарх отчеканил внушительное количество монет. Так, нам известно о существовании одного золотого[1020], четырех серебряных[1021] и ряда бронзовых монетных[1022] выпусков. Объемы этих впусков незначительны. Так, золотой статер известен лишь в одном экземпляре[1023]. Серебряные и бронзовые монеты также немногочисленны. Бронзовые монеты изредка встречаются в археологическом контексте и кладах[1024]. С другой стороны, редкость монет Тимраха можно объяснить тем, что многие из них были перечеканены после победы Деметрия I.

Примечательно, что иконография всех этих выпусков уникальна и практически (за редким исключением) не находит общих параллелей с традиционной иконографией селевкидских монет, несмотря на то что художественное

[1018] *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 127–129.

[1019] См.: *Bellinger A.R.* The Bronze Coins of Timarchus 162–0 BC // American Numismatic Society Museum Notes. 1945. P. 37–44; *Le Rider G.* Monnais de Timarque (162–160 av. J.-C.) // Bulletin de la société française de numismatique. 19. 1964. P. 318–319; *Le Rider G.* Suse sous les Seleucides et les Parthes. P. 332; *Houghton A.* Timarchus as King in Babylonia // Revue numismatique. 6. 1979. P. 213–217; *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164-63 v. Chr.). Stuttgart, 2008. S. 124–130; *Coloru O.* Da Alessandro a Menandro. Il regno Greco di Battriana. Pisa – Roma, 2009. P. 219–223; *Olbrycht J.M.* Mithradates I of Parthia and His Conquests up to 141 BC // Hortus historiae. Studies in Honor of Professor Józeph Wolski on the 100th Anniversary of His Birthday / E. Dąbrowa, M. Dzielska, M. Salamon, S. Sprawski (eds.). Kraków, 2010. P. 229–245; *Scolnic B.* The Milesian Connection: Dan 11:23 and Antiochus IV's Rise to Power // Vetus Testamentum. 2013. P. 89–98.

[1020] SC 1604

[1021] SC1588–1593

[1022] SC1584–1608

[1023] Этот экземпляр хранится в Münzkabinett der Staatlichen Museen. Инв. № 18201382

[1024] *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Клад селевкидсикх бронзовых монет из Южного Дагестана. С. 131–148.

исполнение в целом соответствует традиции эллинистической монетной чеканки.

Среди всех монет Тимарха наибольший интерес представляет золотой статер, известный в единственном экземпляре (рис. 195). Иконографическая схема весьма традиционна для эллинистического монетного дела – на лицевой стороне помещен портрет Тимарха в диадеме вправо, а на оборотной – скачущая вправо колесница, запряженная четверкой лошадей, которой управляет божество. Монета была отчеканена на монетном дворе Экбатан. Мотив колесницы не уникален для селевкидской нумизматики[1025]. Нет сомнений, что изображение скачущей колесницы имеет определенный триумфальный, торжественный характер.

Мотив скачущей колесницы хорошо известен из восточноэллинистической нумизматики. Так, одним из наиболее близких по стилистике экземпляров является монета Андрагора, также селевкидского сатрапа, отложившегося в III в. до н.э. от Селевкидов (рис. 196)[1026]. Здесь на обороте монеты изображена колесница, также запряженная четверкой скачущих вправо лошадей. Однако на колеснице помещено изображение двух персонажей: Ники, держащей поводья и погоняющей коней, а также неизвестного ездока, облаченного в доспех. Изображение на монетах Андрагора технически исполнено гораздо лучше, чем на монете Тимарха, но общий сюжет, ровно, как и триумфальный характер, остаются одинаковыми.

Другим не менее заметным примером является монета бактрийского сатрапа времен войн диадохов Вахшувара[1027], которого традиционно ассоциируют с тестем Александра Оксиартом. Монеты Вахшувара, происходящие, как и монеты Андрагора, из «Амударьинского клада», являются уникальными образцами раннеэллинистического монетного дела. На лицевой стороне этих статеров изображен бюст правителя в кирбасии вправо, а на оборотной –

[1025] См. SC 797, 1484, 1604.

[1026] *Bellinger A.R.* Coins from the Treasure of the Oxus // American Numismatic Society Museum Notes. 1962. P. 51–67. Nos. 23.

[1027] *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад. № 0454.

колесница, запряженная четверкой лошадей, скачущих вправо. На колеснице изображен только один наездник – это человек в кирбасии, по всей видимости, тот же персонаж, что изображен на лицевой стороне. В целом, такая популярность представленного сюжета не должна вызывать удивления, поскольку триумфальный характер мотива скачущей колесницы был весьма популярным среди иранских и, в целом, многих восточных народов. Исторически он использовался в качестве прокламации победы и триумфа еще в Ассирии, а после в Мидии и Персии.

Важно обратить внимание на то, что, с точки зрения художественного исполнения, изображение на монетах Андрагора и Вахшувара имеют чрезвычайную близость. Однако существует одна, на первый взгляд, незначительная деталь, отличающая оба изображения: внешняя сторона колесницы Вахшувара покрыта хорошо заметными точками, напоминающими протектор колеса. Похожий художественный элемент мы можем встретить на многих изображениях царской ахеменидской колесницы. Изначально этими точками, по всей видимости, отмечали шляпки гвоздей, крепящих колесные спицы с внешней стороны обода. Так, в некоторых случаях, количество этих шипов примерно равняется количеству спиц. Однако со временем функциональность изображения этого элемента была утрачена, и он стал своеобразным символическим декором. На знаменитой Исской мозаике колесо колесницы Дария III буквально усеяно этими шляпками, не имеющими никакого функционального значения. Такой художественный элемент (die nagelbeschlagenen Räder)[1028] является характерным отличительным элементом царской ахеменидской колесницы. Таким образом, можно допустить, что на монетах по крайней мере Вахшувара представлена именно ахеменидская царская колесница. Однако нельзя исключать, что авторы колесниц Андрагора и Тимарха также изображали именно ахеменидскую колесницу, а семантика представленного художественного элемента ими была уже утрачена. Во всяком случае, колесница Тимарха имеет

[1028] *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie und Komposition des Alexandermosaiks. Mainz am Rhein, 1998. S. 66–67.

ряд художественных особенностей, роднящих ее с ахеменидскими царскими колесницами.

Если сопоставлять колесницу Тимарха с колесницами Андрагора и Вахшувара, то первая выглядит явно больше: размер колеса соразмерен лошади и практически выше корпуса самой колесницы. Этот художественный элемент хорошо известен при изображении царской колесницы. Наиболее яркими примерами здесь являются все та же «мозаика Александра» и золотая фигура царской колесницы из Амударьинского клада. Еще одним художественным элементом является количество спиц колеса. Колесо колесниц Андрагора и Вахшувара имеет по четыре спицы, что является явно античным влиянием, где колесо имеет четыре или максимум шесть спиц. В персидской традиции колесо состоит чаще из восьми спиц, но возможно и больше. Объясняется это, вероятно, тем, что персидская колесница была больше по размеру, что требовало больших нагрузок на колесо, которое усиливали дополнительными спицами[1029]. На статере Тимарха колесо имеет восемь спиц.

Большие трудности возникают при определении персонажа, находящегося на колеснице и управляющего лошадьми. Очевидно, что в данном случае это либо правитель, либо божество. Сюжет, представляющий божество на колеснице, представляет собой архаичный топос, широко представленный в мифологии различных народов. В эллинистической иконографии божеством на колеснице чаще становились Афина и Ника. Однако представляется немаловажным видеть в этом сюжете своеобразный композит, допускающий возможность двойной (греко-иранской) интерпретации[1030].

Кроме золотых статеров Тимарха в нашем распоряжении имеются несколько монет типа «всадники Диоскуры» (рис. 197). На лицевой стороне

[1029] *Curtis J.E., Tallis N.* Forgotten Empire: The World of Ancient Persia. L, 2005. P. 212.

[1030] В зороастрийской традиции существовали представления о женском божестве на колеснице. В тексте Авесты мы встречаем описание богини Анахиты, восседающей на колеснице и управляющей четверкой лошадей (Yt. 5, 11–13). Примечательно, что Анахита – центральное женское божество иранского пантеона, в эллинистический период отождествлялась с самыми разнообразными греческими, вавилонскими и сирийскими женскими божествами.

изображен портрет правителя в шлеме вправо, на оборотной – скачущие вправо Диоскуры, держащие копья и пальмовые ветви[1031]. Ключевая особенность данного монетного типа – это его нехарактерность для монетго дела Селевкидов. Во-первых, у Селевкидов изображение правителя в шлеме чрезвычайно редки и никогда не встречаются на монетах до Тимарха[1032]. Во-вторых, не менее редким является и само изображение Диоскуров. Диоскуры периодически появлялись на селевкидских монетах, но чаще это были не сами всадники, а их портреты или атрибуты[1033]. Главная же особенность данного типа заключается не в том, что он плохо соотносится с селевкидскими иконографическими традициями, а в том, что он практически полностью копирует знаменитый монетный тип греко-бактрийского царя Евкратида I (рис. 97)[1034]. Действительно, иконография этих монет настолько близка, что проще обозначить немногие различия между ними, чем перечислять их сходства: на лицевой стороне изображен портрет Тимарха, а на оборотной присутствует легенда с его именем.

Среди ученых нет единства мнений относительно характера отношений между Тимархом и Евкратидом. Чаще говорят о союзе, заключенном этими правителями[1035]. Хотя прямых свидетельств, указывающих на существование этого союза нет, главным косвенным аргументом является сложная геополитическая ситуация на Среднем Востоке, оформившаяся после смерти Антиоха IV. Согласно распространенному мнению, оба правителя были фактически подвигнуты на этот союз силой внешнеполитических обстоятельств в лице

[1031] SC 1589

[1032] Единственным примером изображения портрета селевкидского правителя в шлеме стоит признать серию тетрадрахм Селевка I. Впрочем, как это было отмечено выше, нет уверенность в том, что на этих монетах изображен Селевк, а не синкретический персонаж.

[1033] *Гаибов В.А.* Диоскуры Дильберджина // ПИФК. 1. 2015. 384–402.

[1034] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes. Pl. 17. Ser. 6. См. *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. 34–35.

[1035] *McDowell R.* Stamped and Inscribed Objects. P. 219; *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. P. 218; *Le Rider G.* Suse sous les Seleucides et les Parthes. P. 333; *Kneppe A*. Timarchos von Milet. S. 45–46; *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 127–129; *Coloru O.* Da Alessandro a Menandro. P. 222–223.

нарастающего могущества парфянского государства, которое возглавил Митридат I. О войнах между Евкратидом и Митрдатом сообщает Страбон (XI. 11. 2), однако, о союзе Евкратида с Тимархом, или хотя бы о войнах Тимарха с Митридатом наши источники молчат[1036].

Немного с других позиций рассматривал эту проблему П. Бернар, который не считал идентичность иконографии данных монет признаком союза Тимарха и Евкратида. В центре его внимания, прежде всего, находилась экономическая составляющая. П. Бернар настаивал на том, что Тимарх, копируя монетный тип Евкратида, использовал его исключительно в экономических интересах[1037]. Действительно, монеты с Диоскурами были одними из наиболее распространенных монет своего времени. Клады, содержащие монеты этого типа, были обнаружены на Ближнем Востоке, Кавказе, в Восточном Средиземноморье и даже на Боспоре. Именно поэтому П. Бернар говорил не о заимствовании, а скорее об имитации. При этом даже если союзнические отношения существовали, то вовсе не обязательно, что они должны были демонстрироваться посредствам иконографии, а изображение такого нетипичного для Селевкидов сюжета подчеркивало стремление Тимарха порвать с предыдущей династией. Важно отметить, что чеканка Тимархом монет типа «Аполлон на омфале» также осуществлялась в экономических целях[1038]. Как уже не раз отмечалось нами выше, ключевая функция монетной иконографии все же была экономической, поэтому вопрос А. Кнеппе, «что в данном случае может

[1036] *Olbrycht J.M.* Mithradates I of Parthia and His Conquests. P. 230–238. Пассаж Юстина «Dum haec apud Bactros geruntur, interim inter Parthos et Medos bellum oritur. Cum varius utriusque populi casus fuisset, ad postremum victoria penes Parthos fuit» (XLI. 6. 6), несмотря на отсылку к конкретным событиям истории Бактрии, все же не имеет точной хронологической привязки, в связи с чем, определить начало экспансии парфян в Мидию не представляется возможным. Однако можно допустить, что ввиду политической нестабильности региона, Мидия довольно рано (возможно еще при Антиохе IV) попала в поле зрения парфянских правителей.

[1037] *Bernard P.* Les fouilles d'Aï Khanoum IV. P. 111.

[1038] В данном случае мы не склонны отождествлять появление этого типа на монетах Тимарха с локальными (восточными) корнями данного сюжета. *Erickson K.* Apollo-Nabu: the Babylonian Policy of Antiochus I. P. 51–66, *Iossif P.* Apollo TOXOTES and the Seleukids. P. 229–291.

преобладать – экономика или идеология?»[1039] мы склонны решить в пользу экономики.

Если детально рассмотреть монетный тип Тимарха с Диоскурами, то оказывается, что различий между изображениями на монетах Тимарха и Евкратида гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Монеты Тимарха с Диоскурами чеканились на двух монетных дворах: в Экбатанах[1040] и Селевкии на Тигре[10411042]. Монета, отчеканенная в Экбатанах, практически полностью копирует тип Евкратида, за исключением лишь того, что на шлеме Тимарха нет изображения рогов и ушей. Однако монеты производства Селевкии на Тигре имеют ряд существенных изобразительных отличий. Прежде всего, портрет Тимарха здесь имеет более индивидуализированные черты. Кроме этого, как отметил А. Хутон, заметным отличием является изображение лент диадемы – у Евкратида они всегда направлены строго вниз, также как на монетах Тимарха из Экбатан, в то время как на селевкийских монетах, ленты диадемы развиваются за спиной правителя. Обращает на себя большое внимание и шлем. На экбатанских монетах шлем на голове Тимарха больше напоминает греко-бактрийский вариант беотийского шлема, как у Евкратида. Если же обратить внимание на селевкийскую чеканку, то здесь шлем имеет четко выраженные беотийские черты.

Такие расхождения свидетельствует о том, что изображение правителя в шлеме – это не простая калька уже имевшегося сюжета, а создание своего собственного образа, стилистика которого имеет ярко выраженные особенности. Более того, в принципе нет никаких весомых оснований говорить о заимствовании Тимархом монетного типа Евкрадида. Главной проблемой в данном случае является то обстоятельство, что мы не знаем точного времени начала чеканки монет Евкратида с Диоскурами. Единственное, что мы можем утверждать наверняка, так это то, что представленный монетный тип является

[1039] *Kneppe A.* Timarchos von Milet. S. 45–46.
[1040] SC 1589
[1041] SC 1588
[1042] *Houghton A.* Timarchus as King in Babylonia. 213–217.

результатом развития более раннего, на котором изображался портрет Евкратида, но без шлема[1043]. Когда же началась чеканка типа с Диоскурами неизвестно.

Для анализа взаимоотношений между Тимархом и Евкратидом следует привести и данные сфрагистики. Во-первых, стоит обратить внимание на три печати с изображением правителя в беотийском шлеме (рис. 198)[1044]. Примеров изображения правителя в шлеме на печатях из Селевкии, кроме представленных трех, нет, из чего можно заключить, что шлем как элемент иконографии представлял собой уникальный стилистический образ. Анализ селевкидской нумизматики показывает только два случая использования образа «правитель в шлеме»: Тимархом и Александром I[1045]. Однако в Селевкии на Тигре монеты с изображением «правителя в шлеме» чеканил только Тимарх. К сожалению, портретные черты не позволяют отнести данное изображение ни к одному из этих царей. Однако, как отмечают издатели корпуса печатей, исходя из стилистических особенностей, данное изображение все же ближе к портретам Тимарха. Если это предположение верно, то стоит признать, что образ «правителя в шлеме» имел для Тимарха особенное значение, почему и был помещен и на монетах, и на официальных печатях. Это в свою очередь предполагало и особый характер взаимоотношений с Евкратидом, который также придавал изображению в шлеме огромное значение.

Еще одним любопытным артефактом из Селевкии, который мог бы прояснить суть отношений Тимарха и Евкратида, является упомянутая керамическая монета с изображением неизвестного в кавсии (рис. 35). На лицевой стороне данного токена изображен портрет правителя в кавсии задранной наверх и диадемой, как на монетах бактрийского царя Амтимаха I[1046]. На оборотной стороне фигура «отдыхающего Геракла»[1047]. История происхождения данного

[1043] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes. Pl. 16. Ser. 1–2.
[1044] См. Seleucia. Se 44–46.
[1045] *Fleischer R*. Studien zur seleukidischen Kunst. S. 59.
[1046] *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes. Pl. 10. Ser. 1.
[1047] *McDowell R.* Stamped and Inscribed Objects. P. 249–250. Впрочем, такая идентификация данного изображения вызывает некоторые сомнения. Э. Янссен видит в нем фигуру

предмета загадочна. По словам автора публикации токен был обнаружен в Селевкии на Тигре. Из известных селевкидских токенов, ни на одном нет изображения «отдыхающего Геракла». Ситуацию могла бы прояснить легенда токена, но в данном случае здесь изображена не легенда, а просто набор знаков, имитирующих легенду. Ввиду этого, особое внимание опять же приобретает изображение.

Р. МакДауэлл полагал, что этот токен принадлежал Тимарху. Изображение, выполненное в бактрийском стиле, он объяснял союзом Тимарха и Евкратида. У. Тарн, наоборот полагал, что на токене изображен один из наследников династии Евтидемитидов, изгнанный Евкратидом и нашедший приют в Селевкии[1048]. Однако почему этот наследник изображен в царской диадеме и зачем он производил токены на территории другого государства, остается неясным. На наш взгляд ключом к решению является анализ стилистики изображения. Легенда токена, хотя и условна, тем не менее, состоит из четырех строк, что подразумевает существование как минимум двух эпитетов. Однако нам известно только об одном эпитете Тимарха. Кроме того, в изображении портрета правителя использован уникальный художественный прием – выступающие из-под головного убора кудри волосы, анастолэ – вероятное художественное подражание портретам Александра[1049]. Такая художественная особенность характерная для портретов Александра I, на монетах которого к тому же изображалась легенда в четыре строки[1050]. По всей видимости, если данный токен действительно относится к династии Селевкидов, то, скорее всего, он принадлежал именно Александру I.

Итак, говорить о союзе Тимарха и Евкратида опираясь лишь на данные нумизматики и сфрагистики не приходится. Монеты Тимархма являются хорошим примером различных функций монетной иконографии. С одной

Аполлона. См. *Janssen E.* Die Kausia. Symbolik und Funktion der makedonischen Kleidung. P. 55.

[1048] *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. P. 467–468.

[1049] См. *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. С. 34.

[1050] Seleucia al Tigri 2004, 38. Ср. *Janssen E.* Die Kausia. Symbolik und Funktion der makedonischen Kleidung. P. 56–57.

стороны, ставшие к середине II в. до н.э. редкими выпуски золотых монет можно считать идеологически агентными носителями информации с очень узкой и ограниченной аудиторией. Иконография золотых монет Тимарха выдержана в синкретическом греко-иранском стиле, при том, что общий мотив «победоносной колесницы» стоит признать универсальным. В 139 г. до н.э. Антиох VII после недолгого отвоевания Селевкии на Тигре у парфян также отчеканил серию «триумфальных» золотых статеров с изображением колесницы, что может быть частью общей традиции[1051]. Вместе с тем, разрыв с иконографическими традициями Селевкидов не означал, что адаптация традиций Евкратида являлась своего рода политическим высказыванием. Чеканка монетного типа с Диоскурами имела исключительно прагматические причины – интегрировать новые монеты в уже существовавшую систему денежного обращения[1052].

4.2.2. Царская иконография Деметрия I – третья смена иконографической модели.

История правления Деметрия I, сына Селевка IV, – это история начала открытой борьбы за престол в государстве Селевкидов. Несмотря на то, что одна из двух противоборствующих партий определяла себя как потомки Селевка IV, а вторая как потомки Антиоха IV, оба этих правителя закончили свое царствование без явной династической конкуренции, а пик раскола пришелся на правление Деметрия I, когда действующему царю пришлось буквально с оружием в руках отставить свое право на трон и суждено было пасть жертвой династического противостояния. Как и Антиох IV, Деметрий провел свою молодость в Риме. Именно здесь он познакомился с известным историком и интеллектуалом Полибием, который впоследствии помог Деметрию тайно

[1051] SC 2134

[1052] Вероятно, именно этим может объясняться и чеканка крупных бронзовых номиналов, что полностью соответствовало традиции монетного производства Экбатан.

покинуть Рим[1053]. Все свое правление Деметрий отстаивал либо свои права на престол, либо территориальную целостность своего государства. Вернувшись из Рима, Деметрий казнил юного Антиоха V с регентом Лисием (App. *Syr.* 47; Iust. XXXIV. 3. 5–9), а после подавил мятеж Тимарха (Diod. XXXI. 27a), обособившегося от власти Селевкидов в «верхних сатрапиях». Далее он осуществил безуспешную попытку подавить мятеж Маккавеев. После короткого перерыва у Деметрия появился новый конкурент – Александр I, который выдавал себя за сына Антиоха IV. При поддержке Гераклита, брата побежденного Тимарха, Александра признал римский Сенат. Понт, Каппадокия, Пергам, а также Птолемей VI выразили свою поддержку Александру. В результате в 150 г. до н.э. Деметрий был разбит в бою и погиб (App. *Syr.* 67; Ios. *Ant. Iud.* XIII. 58–61).

К сожалению, правление Деметрия I довольно слабо отражено в письменной традиции, а те редкие сообщения, которые все же доступны исследователю, отражают преимущественно события внешней политики и крайне редко внутриполитический курс царя Деметрия. Нам ничего не известно о политической программе Деметрия и его царской идеологии. Как позиционировал свою власть Деметрий I в условиях политической турбулентности, нарастающего внутриполитического кризиса, внешнеполитической изоляции и шаткости власти любого претендента на селевкидский престол? Династический раскол предполагает, что Деметрий должен был выбрать сторону в этом конфликте и связать свою власть с ней. Более того, умерщвление Антиоха V, который был законным царем, подавление мятежа Тимарха, оспаривавшего власть Деметрия на востоке, а также появление нового соперника – Александра I, открыто заявившего о своих претензиях на престол, требовали от Деметрия серьезного идеологического обоснования легитимности своей власти. Представить комплексный взгляд на царскую идеологию Деметрия I могут материалы царской иконографии.

[1053] О ранних годах Деметрия I см.: *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 119–121; *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 39–41.

В античной литературной традиции начало правления Деметрия I принято ассоциировать с подавлением мятежа Тимарха, провозгласившего свою власть над «верхними сатрапиями» (App. *Syr*. 45; Diod. XXXI. 27a). По всей вероятности, наиболее ранние выпуски монет Деметрия относятся к периоду после его победы над Тимархом после 161 г. до н.э. и были произведены на монетном дворе Селевкии на Тигре – восточной столице Селевкидов[1054]. На золотых и серебряных номиналах изображалась сидящая Тюхе (рис. 199). На лицевой стороне этих монет, а также некоторых бронзовых выпусков был помещен парный портрет Деметрия и Лаодики. Как мы уже отмечали в разделе 2.1.3. в данном случае парный портрет, впервые появившейся в иконографии Селевкидов, имел особое идеологическое значение. Свадьба Деметрия I и Лаодики V, которая состоялась, вероятно, там же в Селевкии после поражения Тимарха, имела принципиальное легитимирующее значение для царя, который не имел крепких позиций в державе Селевкидов. Лаодика была сестрой Деметрия и в первом браке женой македонского царя Персея. Портрет Деметрия и Лаодики выступал своего рода символом укрепления династии. Значимость этого портрета подчеркивает то обстоятельство, что он помещался не только на монетах всех номиналов, но и официальных печатях (рис. 91b)[1055], то есть выступал официальным государственным символом.

Иконография данных выпусков Селевкии на Тигре имела очевидный победный символизм. На серии золотых статеров[1056] изображение оборотной стороны помещено в венок, а не в привычный точечный ободок, а эмиссия SC 1688 имеет необычное иконографическое отличие – ножка трона Тюхе сделана в виде Ники, держащей венок. Более того, большинство тетрадрахм с парным

[1054] О раннем начале монетной чеканки Деметрия на восточных дворах можно судить по редкой эмиссии тетрадрахм из Суз (SC 1710), которая была изготовлена с использованием штемпеля лицевой стороны с портретом Антиоха IV, а также эмиссии SC 1755, не имеющая точной локализации, но относящаяся к производству восточных мастерских. В чеканке этого выпуска также был использован штемпель лицевой стороны (вероятно, переработанный) с изображением Антиоха IV. См.: *Jenkins G.K.* Notes on Seleucid Coins // The Numismatic Chronicle and Journal of Royal Numismatic Society. 1951. P. 4.

[1055] Seleucia. Se. 43.

[1056] SC1684

портретом представляют собой перечеканки монет Тимарха, что свидетельствует о необходимости ускоренного выпуска данной эмиссии и удешевлении ее производства[1057]. Напротив, хорошо известны экземпляры бронзовых монет Тимарха, с надчеканкой в виде Ники, которая, по всей вероятности, наносилась централизованно.

Таким образом, иконография монет и печатей Селевкии показывает идеологическую значимость победы Деметрия над Тимархом. Эта победа стала важным фактором легитимации власти Деметрия. С победой над Тимархом связана и свадьба Деметрия и Лаодики, что дополнительно укрепляло власть царя Деметрия. Аппиан (*Syr*. 47) сообщает, что после победы на Тимархом Деметрий принял эпитет Сотер («спаситель»), который даровали ему жители Селевкии на Тигре. Символизм этого эпитета, который не использовался Селевкидами со времен Антиоха I, подразумевал спасение династии и царства. По всей вероятности, в случае с Деметрием I угрозой династии и царству выступал узурпатор Тимарх. Эпитет Сотер появляется и на монетах Деметрия I, отчеканенных в Селевкии сразу после поражения Тимарха[1058]. Этот же эпитет использовался и для более поздних выпусков золотых[1059], серебряных[1060] и бронзовых[1061] монет Экбатан[1062].

Несмотря на триумфальную победу над Тимархом, все же главными регионами царствования Деметрия I были Сирия, Финикия и Палестина. Именно здесь в Антиохии на Оронте и Ака-Птолемаиде разворачивается масштабная чеканка основных серебряных номиналов Деметрия I.

При Деметрии I происходит смена ключевого монетного типа. Эта перемена, которую мы определяем как новую, третью по счету смену иконографической модели, имеет ряд существенных отличий, от второй смены

[1057] *Houghton A.* Timarchus as King in Babylonia. 216.

[1058] SC 1690

[1059] SC 1724-1725

[1060] SC 1726-1730, 1733-1737

[1061] SC 1740-1747

[1062] *Houghton A.* Four Seleucid Notes. 2. The Chronology of the Later Coinage of Demetrius I at Ecbatana // AJN. 1993–1994. P. 46–53; *Hadipour Moradi S., Sodaei B.* Some Unpublished Drachms of Demetrius I from the Eastern Mints // NC. 2021. P. 31–38.

иконографической модели, которая прошла двумя десятилетиями ранее при Антиохе IV. Смена иконографии тетрадрахм происходит в самом начале правления Деметрия, без каких бы то ни было подготовительных или «ранних» серий, которые бы заимствовали иконографию предшественника. Казалось бы, это обстоятельство порождает разрыв с иконографией Антиоха IV и Антиоха V. Однако, ситуация, на наш взгляд, представляется более сложной. Новый монетный тип – «голова Деметрия/Тюхе, сидящая на троне» появляется в монетном деле Селевкидов впервые, что исключает использование иконографии как средства демонстрации династической преемственности. В отличие от Антиоха IV, который воссоздавал некогда распространенный у Селевкидов тип «Зевс Никефор» и опирался на иконографические традиции Антиохии на Оронте, Деметрий конструировал принципиально новый монетный тип.

Важно отметить распространенность этого нововведения. При Антиохе IV новый монетный тип «Зевс Никефор» чеканился только на двух, хотя и весьма значимых с точки зрения производственных возможностей, монетных дворах. При Деметрии монетный тип с Тюхе чеканился на тетрадрахмах нескольких главных монетных дворов, включая Антиохию на Оронте[1063] и Селевкию на Тигре[1064]. При этом, объемы выпуска были существенно выше, чем при Антиохе IV. Результаты штемпельного анализа, проведенного А. Хутоном, показывают, что при Антиохе IV на монетном дворе Антиохии в среднем использовалось 5 штемпелей лицевой стороны в год, при Деметрии I – 17[1065].

Данные количественного анализа также показывают большие объемы производства монет Деметрия типа Тюхе. Доля этих монет составляла около 75% от общего количества эмиссий тетрадрахм, в то время как доля монет типа «Зевс Никефор» при Антиохе IV составляла только 37%. При этом,

[1063] SC 1633–1641

[1064] SC 1686–1690

[1065] *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. Tab. III, 76. В базе DSD (Die Study Database) отмечены 91 штемпель лицевой стороны. Изначальное количество штемпелей, высчитанное по формуле У. Эсти, составляет около 127, то есть 11 в год. По подсчетам Ф. де Каллатая монетный двор Антиохии использовал в среднем 18,7 штемпеля лицевой стороны в год. *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 565.

традиционный для Селевкидов тип «Аполлон на омфале» не исчезает полностью. Тетрадрахмы и драхмы с этим типом продолжали чеканиться на самых восточных монетных дворах: в Экбатанах[1066], Сузах[1067] и Антиохии на Персидском заливе[1068]. Причины сохранения в этих регионах старого монетного типа исключительно экономические. Ввиду слабой монетизации этих областей, местное население не было столь толерантно к новой монете, поэтому государство старалось избегать любых экспериментов с введением новой иконографии, а продолжало использовать хорошо знакомые иконографические модели. Напротив, в Сирии местное население, как кажется, более охотно принимало незнакомую монету, что показывают данные монетных кладов, содержащих монеты различных центров. Именно Сирия и стала территорией для «иконографических экспериментов», которые проводили и Антиох IV, и Деметрий I. Однако, доля выпусков типа «Аполлон на омфале» для тетрадрахм составляла всего 2%, а для драхм 54%, что говорит о низком уровне доверия потенциальных держателей мелких серебряных номиналов к монетам с незнакомой иконографией. Последний показатель весьма ярко подчеркивает раздел между идеологией монетного изображения и конкретной экономической выгодой, которое государство получало от использования монеты.

Появление богини Тюхе на монетах Деметрия I крайне сложно интерпретировать однозначно[1069]. На монетах Селевкидов до Деметрия I Тюхе не изображалась вовсе, однако, в эллинистическом мире Тюхе была весьма популярной богиней[1070]. Довольно часто культ Тюхе был почитаем в полисах, где существовали локальные культы этой богини. Полисный характер этого культа нашел выражение в одном изобразительном элементе, ставшем неотъемлемой частью иконографии Тюхе – башенной короне (corona muralis). Также

[1066] SC 1726–1730

[1067] SC 1710–1711

[1068] SC 1706–1707

[1069] *Fleischer R.* Die Tyche des Demetrios I von Syrien // Archäologischer Anzeiger. 1986. S. 699–706.

[1070] An obsession with fortune: Tyche in Greek and Roman art / S. Matheson (ed.). New Haven, 1994.

культ Тюхе нередко объединялся с каким-нибудь восточным божеством, например, Кибелой или Исидой. Архив печатей Селевкии на Тигре представляет богатый иконографический материал по этой теме. Здесь известны оттиски частных печатей с изображением фигуры Тюхе, объединенной с Нанаейей, Кибелой, Иштар. В целом, популярность Тюхе – богини судьбы, была приметой времени, эпохи расцвета стоической и кинической философии. В сочинении друга Деметрия I историка Полибия Тюхе – центральный персонаж всей истории, движущая сила, действие которой является одной из причин роста могущества римлян. Формирование Полибием особой эстетической картины исторического нарратива также характерно для рассматриваемой эпохи[1071].

В полисах эллинистического востока культ Тюхе имел особую популярность. В корпусе полисной иконографии, которая отличалась от царской обилием изображений локальных божеств и связанных с ними мифологических сюжетов, изображения Тюхе занимают существенное место. В Лаодикеи у моря, Селевкии в Пиерии, Селевкии на Тигре, городах Киликии выпускались монеты с изображением головы Тюхе на лицевой стороне. В Селевкии на Тигре парфянского времени изображение Тюхе появляется и на оборотной стороне[1072]. В целом, здесь Тюхе появляется так часто, что практически вытесняет остальных божеств[1073].

В Антиохии на Оронте, где в середине II в. до н.э. сосредоточилась власть селевкидских царей, культ Тюхе также был весьма популярен. В городе была хорошо известна статуя Тюхе Антиохийской, которую еще в начале III в. до н.э. изготовил ученик Лисиппа скульптор Евтихид (Paus. VI. 2. 7. Ср. Plin.

[1071] *Walbank F.W.* Fortune (Tyche) in Polybius // A Companion to Greek and Roman Historiography / in J. Marincola (ed.). Oxford, 2007. P. 349–355; *Brouwer R.* Polybius and the Stoic Tyche // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 51. 2011. P. 111–132; *Hau L.* Tyche in Polybius: Narrative Answers to a Philosophical Question // Histos. 5. 2011. P. 183–207.

[1072] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. Les monnaies séleucides et parthes. Florence, 1998. P. 14–22.

[1073] См. Исследование П. Иоссифа, где сравнивается иконографический пантеон Селевкии на Тигре на материалах глиптики нумизматики. *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids. P. 35–53.

HN. 34. 51) (рис. 200)[1074]. Эта статуя стала символом культа Тюхе в Антиохии и многократно тиражировалась на монетах Тиграна II, римских провинциальных выпусках, различных керамических изделиях, а также известна по многочисленным терракотовым и бронзовым копиям[1075]. По всей видимости, статуя располагалась в храме[1076]. Однако даже при самом поверхностном сравнении копий статуи Антиохийской Тюхе с Тюхе на монетах Деметрия I заметна существенная разница между этими изображениями.

Если сравнивать эти два изображения на уровне архетипа, то разница будет не столь велика. Общая иконографическая схема выглядит следующим образом: сидящая фигура богини Тюхе, держащей в руке символ плодородия, у ног которой расположено речное/морское божество[1077]. Однако, при общности иконографической схемы, оба изображения сильно разнятся в деталях. Одним из главных отличий является отсутствие на голове Тюхе Деметрия I башенной короны, что может подчеркивать неполисное происхождение монеты. На монетах Деметрия Тюхе изображена без головного убора, с пучком волос на затылке, либо в редких случаях с калафом. Такое изображение близко традиции изображения цариц в птолемеевской иконографии. Калаф на голове Тюхе появляется на выпусках из Селевкии на Тигре[1078]. Позже на монетах

[1074] *Downey G.* A History of Antioch in Syria. From Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1961. P. 75–77; *Balty J.C.* Antioche, centre d'art sous Séleucos I Nicator // TOPOI. Suppl. 5. 2004. P. 11–19; *Pocardi G.* Antioch and its Hellenistic Monuments // Antioch on the Orontes. History, Society, Ecology, and Visual Culture / A. de Giorgi (ed.). Oxford, 2024. P. 78–88.

[1075] Один из ярчайших памятников с изображением Тюхе «антиохийского типа» является так называемая фреска Юлия Теренция из Дура-Европос. На ней изображены сразу две Тюхе – Дура-Европос и Пальмиры, которые представляют собой стилистическую копию Тюхе из Антиохии. См. Yale University Art Gallery 1931.386.

[1076] Именно в таком виде она изображалась на римских провинциальных монетах.

[1077] Здесь уместно вспомнить об изображении Тюхе на монетах Селевкии в Периии эпохи Траяна. См.: RPC 3788. В данном случае мы также видим фигуру сидящей Тюхе в башенной короне, которая правой рукой опирается на корабельный руль, а в левой держит пучок молний. Оба символа (руль и молнии) хорошо интерпретируются в общем культурно-мифологическом контексте истории полиса. Так, руль является символом порта, а молния Зевса связана с мифом об основании полиса. См. раздел 6.2.1. Впрочем, корабельный руль на римских монетах является атрибутом Фортуны Редукс.

[1078] SC 1690

Фраата II из той же Селевкии Тюхе Никефора, изображение которой было выполнено в строгой селевкидской стилистике, также была увенчана калафом.

Следующим отличием является драпировка. Тюхе Антиохийская изображается полностью покрытой хитоном, в то время как изображения Тюхе Деметрия имеют два варианта: Тюхе покрытая по плечи и Тюхе обнаженная по пояс. Оба этих варианта не соотносятся с полной драпировкой Тюхе Антиохийской. Надо заметить, что иконография Тюхе обычно не предполагала изображение нагой богини, поэтому Тюхе на монетах Деметрия выглядит не столь традиционно. Отличаются и символы плодородия, которые держат в руке Тюхе Деметрия и Тюхе Антиохийская: в первом случае это рог изобилия, во втором колосья злаков. Антиохийская Тюхе попирает ногой Оронта – речное божество, Тюхе Деметрия сидит на троне, частью которого является изображение тритонессы. Тюхе Антиохийская сидит на скале, а на монетах Деметрия Тюхе может сидеть на троне со спинкой, на троне без спинки, на троне, опирающемся на ножку в виде лапы льва, на троне с ножкой в виде тритонессы или Ники, на циппе[1079]. В целом, для изображений Тюхе Деметрия характерна большая иконографическая вариативность, что подразумевает, что на монетах Деметрия изображена не конкретная статуя, а образ. Н. Райт подчеркивает иконографический синкретизм, характерный для изображений Тюхе Деметрия. Нагота, изображение калафа вместо башенной короны, а также фигура тритонессы, по мнению Н. Райта, находят иконографические параллели в изображениях сирийской Атаргатис[1080].

[1079] К. Элинг (*Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 124) ошибочно принял вариант изображения трона с тритонессой за трон с пророй корабля (серия SNG. Israel 1274), полагая, что данное изображение символизировало морское прибытие Деметрия в Финикию из Рима. Такое утверждение может быть опровергнуто не только внимательным анализом иконографии – на монете изображена тритонесса, но и тем обстоятельством, что в обрезе монеты располагается дата – 152 г. до н.э., то есть десять дет спустя, после воцарения Деметрия.

[1080] *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 73–74. Об отсутствии ихтиоморфных изображений Атаргатис см.: *Зинченко С.* Ихтиоморфные изображения Атаргатис: миф или реальность? // Искусствознание. 2021. С. 8–23.

Напротив, Дж. Хеллисен полагал, что Тюхе Деметрия подходит под описание статуи Тюхе Антигонии на Оронте, оставленное Иоанном Малалой (VIII. 14). Дж. Хеллисен отмечал, что культ Тюхе Антигонии был выбран Деметрием I не случайно, а чтобы подчеркнуть македонское происхождение царя[1081]. К македонскому происхождению, в частности, отсылает само имя царя – Деметрий, не характерное для селевкидских правителей, но являвшееся родовым именем Антигонидов. Не углубляясь в дискуссию о македонском происхождении Деметрия отметим, что версия Дж. Хеллисена выглядит слишком спекулятивной, особенно в свете весьма относительной ценности сообщений автора VI в. н.э. Иоанна Малалы[1082].

Как уже было отмечено, изображение Тюхе появляется преимущественно на тетрадрахмах. Выпуски золотых номиналов с Тюхе также известны. В самом конце своего правления Деметрий I выпускает в Антиохии на Оронте целую серию золотых номиналов (рис. 63). Наиболее крупный из них – золотая октодрахма[1083], изготовленная с помощью штемпеля тетрадрахмы[1084]. Данный экземпляр был отчеканен в 151/150 г. до н.э. В этом же году была произведена и другая серия золотых номиналов с Тюхе[1085]. Номиналы, которым соответствовали эти выпуски не имеют аналогий в монетном деле Селевкидов: тристатер, два с половиной статера, двойной статер, гемистатер. Некоторые номиналы были отчеканены одним штемпелем лицевой стороны. Для точного определения номинала на лицевой стороне помещалось его

[1081] *Helliesen J.M.* Demetrius I Soter: a Seleucid King with an Antigonid Name // Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 219–228; *de Giorgi A., Eger A.* Antioch. A History. P. 51.

[1082] Малала сообщает о возведении статуи Тюхе, которая была представлена в образе девы Эматы, которая была принесена в жертву по приказу Селевка. Как отмечает Д. Огден, в повествовании Иоанна Малалы об основании городов Тетраполиса мотив человеческой жертвы встречается довольно часто, что является характерным для раннехристианской литературы. *Garstad B.* The Tyche Sacrifices in John Malalas: Virgin sacrifice and fourth-century polemical history // Illinois Classical Studies. 2005. P. 83–136; *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 135.

[1083] SC 1628

[1084] Единственный экземпляр, происходящий из клада, относится к коммерческому кладу (CH. X. 301), известному как «клад Деметрия I 2003».

[1085] SC 1629, 1630, 1631, 1632

обозначение. Стилистика оборотной стороны представляла собой копию птолмеевских золотых монет с изображением двойного рога изобилия, повязанного царской диадемой и легендой, расположенной по кругу. Появление птолемеевской иконографии, а также выпуск целой серии золотых монет, использовавших птолемеевскую систему номиналов, весьма неожидан, учитывая то обстоятельство, что Птолемей VI поддерживал противника Деметрия Александра I. По мнению А. Хутона и К. Лорбер, данная серия золотых монет может быть ассоциацией с сообщением Помпея Трога (XXXV. 2. 1) о большом количестве золота, которым Деметрий I снабдил своих сыновей Деметрия и Антиоха в самом начале войны с Александром I для того, чтобы обеспечить их взросление вдали от родины[1086]. Действительно, судя по тому, что данная серия золотых монет имеет признаки скорого и непоследовательного производства, можно предположить, что задачей эмитента стояла скорейшая конвертация определенного количества нечеканного золота в монету. То, что данные монеты предназначались для обращения за пределами государства Селевкидов, которое редко выпускало свои золотые монеты, может объяснять и «птолемеевский» характер серии[1087].

Кроме золотых монет с изображением Тюхе также известны статеры с изображением Аполлона на омфале из Экбатан[1088] и рогом изобилия, отчеканенные на неопределенном дворе в Северной Сирии[1089] и Антиохии[1090]. При этом, рог изобилия в данном случае не обязательно должен ассоциироваться с образом Тюхе, а может выступать как самостоятельный иконографический элемент. Ровно в таком качестве он появляется на мелких серебряных номиналах в продукции той же Антиохии (рис. 76)[1091], а также на известной гире царя Деметрия (рис. 27)[1092]. Мы уже отмечали, что доля эмиссий драхм типа «голова

[1086] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. P. 166.

[1087] Известные кладовые находки этих монет локализуются в Малой Азии. См.: IGCH 1553, CH. X. 301.

[1088] SC 1724, 1725

[1089] SC 1623

[1090] SC 1627

[1091] SC 1642

[1092] Pondera 3556

Деметрия/тюхе» существенно ниже, чем доля эмиссий с изображением Аполлона на омфале и составляет только 13%. При этом доля драхм с изображением рога изобилия составляет 30%, что занимает второе место по распространенности монетного типа после типа «Аполлон на омфале». Драхмы с рогом изобилия выпускались на монетном дворе Антиохии на Оронте. Хорошо известны серии коммагенских имитаций этих драхм.

Отдельные иконографические изменения можно заметить и в портретных изображениях Деметрия. На тетрадрахмах, выпущенных в Антиохии на Оронте в 155/154 гг. до н.э., появляется обновленный портрет Деметрия I. До этого времени портретная стилистика изображений Деметрия I соответствовала стилистике Антиоха III[1093]. М. Ковач отмечает, что портрет Деметрия был выполнен в более реалистичной стилистике, в отличие от ювенильной идеализации портретов Антиоха IV и Антиоха V, и более тяготел к портретному стилю Антиоха III[1094]. Новый портрет характеризуется двумя главными особенностями: густыми волосами на затылке и анастоле. Оба портретных элемента характерны для изображений Александра и крайне редко до этого времени встречались на портретах Селевкидов. Как мы отмечали ранее в разделе 4.1.2., на поздних портретах Антиоха IV присутствует анастоле, но длинные волосы на затылке – элемент, который впервые появляется именно на портретах Деметрия I. Новая портретная модель наглядно демонстрирует адаптацию образа Александра (imitatio Alexandri) и используется до конца правления Деметрия. Несмотря на нововведения, портрет Деметрия сохранил и ряд черт традиционных для портрета Селевкидов. По мнению М. Ковача, это совмещение новаторских и традиционных элементов портрета было отражением разным стратегий легитимации власти Деметрия I[1095].

Объяснить такую резкую смену портретного канона довольно сложно, но, если в середине правления Деметрия появляется подчеркнутая связь с

[1093] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 56.
[1094] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 411.
[1095] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 413.

Александром, то, без сомнений, за этим жестом стояли какие-то изменения идеологии Деметрия. Кроме обновленного портрета на антиохийских тетрадрахмах впервые появляется божественный эпитет царя – «Сотер», ранее чеканившийся на монетах Селевкии на Тигре.

Для объяснения этой смены портретной стилистики обратимся к монетным выпускам из Тарса[1096], где портрет Деметрия того же времени (либо немного более раннего) был дополнен короткой бородой. Изображение Деметрия с бородой известно и на тетрадрахмах из Антиохии, которые относятся к недатированный серии[1097]. Как было показано в разделе 2.1.4., появление портрета с бородой символизировало воинский обет, который давался полководцем перед каким-то крупным и важным военным предприятием. П. Иоссиф, и К. Лорбер предположили, что появление портрета с бородой было вызвано борьбой с узурпатором Тимархом[1098]. Можно предположить и другую версию. Для Деметрия I, чей портрет с бородой появляется на монетах в середине его правления, ок. 156–154 гг. до н.э., это могло означать начало противостояния с Александром I. Впервые на политической арене Александр I появляется ок. 154 г. до н.э.[1099] В 153 г. до н.э. Александр I был представлен в римском Сенате милетским аристократом Гераклидом, братом Тимарха. Сенат, который изначально видел в Деметрии неуправляемого правителя, поддержал Александра. Для Деметрия появление нового конкурента в борьбе за престол усугублялось еще и тем, что за его спиной стоял брат Тимарха, свержение которого стало отправной точкой правления Деметрия. Вновь возникший «призрак узурпатора» возвращал Деметрия в ситуацию первого года его царствования, поэтому для борьбы с новым противником Деметрий должен был использовать все средства борьбы.

Бронзовые эмиссии Деметрия I демонстрируют все большее проникновение локальной иконографии. Хорошей иллюстрацией этого процесса

[1096] SC 1614
[1097] SC 1636
[1098] *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards. P. 98.
[1099] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S.147.

являются выпуски Селевкии на Тигре[1100]. Царские выпуски Деметрия I из Селевкии на Тигре можно сравнить с выпусками полисной бронзовой монеты, которые будут начаты в Селевкии парфянами двумя десятилетиями позже. Стилистика изображений этих двух групп иконографических памятников является близкой, а в некоторых случая идентичной. Подобное относится и к набору сюжетов. Примечательно, что царская бронзовая чеканка Деметрия I в Селевкии отличается богатым разнообразием сюжетов как с локальными божествами (Агатос Даймоном[1101], Агате Тюхе[1102], неидентифицированной богиней), так и с общегреческими божествами, которые, впрочем, судя по особенностям иконографии, представляли собой результат культурного синтеза: Аполлон[1103], Тюхе[1104], Афина[1105], Геракл[1106]. На лицевой стороне этих монет чаще размещался портрет Деметрия, который также имеет несколько вариантов: в диадеме[1107], в лучевой короне[1108], в головном уборе в виде головы слона[1109], с рогами[1110].

Подобное проникновение локальных иконографических мотивов отмечается и в чеканке полисов Финикии. Здесь портрет царя сочетается с изображениями пальмы, носа корабля и сцены похищения Европы. Продолжается использование двуязычных легенд. В Экбатанах, где иконография бронзовых выпусков остается прежней с преобладанием типа «Аполлон на омфале», локальное влияние наблюдается в сохранении традиции использования крупных номиналов, а в Антиохии на Оронте зубчатых заготовок.

[1100] *Moore W.* A serrated issue of Demetrius I from Seleucia on the Tigris // RN. 1987. P. 21–24.

[1101] SC 1694

[1102] SC 1695

[1103] SC 1692

[1104] SC 1697

[1105] SC 1696

[1106] SC 1702

[1107] SC 1692

[1108] SC 1697

[1109] SC 1696

[1110] SC 1693

4.2.3. Александр I и иконография династического противостояния

Династический кризис середины II в. до н.э. предсказуемо привел к новой волне появления узурпаторов и незаконных правителей, оспаривавших власть с представителями царского дома Селевкидов. Первым был узурпатор Тимарх, победа над которым стала ключевым пунктом политической саморепрезентации Деметрия I. По иронии судьбы царствование Деметрия началось с борьбы с одним узурпатором, а закончилось борьбой с другим. На этот раз противостояние завершилось для царя поражением и гибелью в сражении (Iust. XXXV. 1. 6-11; Ios. *Ant. Iud.* XIII. 58-61; App. *Syr*. 67). Новый противник, человек незнатного малоазийского происхождения Александр Бала, представлял собой принципиально новый тип узурпатора. В отличие от Ахея он не был членом династии Селевкидов, хотя и претендовал на родство с Антиохом IV, но, в отличие от Молона и Тимарха, претендовал на власть не в отдельной области, а над всем царством. Самозванец появился за пределами государства Селевкидов и был с самого начала проектом враждебных Селевкидам соседей – Птолемея VI и Аттала II[1111].

Когда и где Александр I впервые был объявлен царем неизвестно. Как полагает К. Элинг, главным бенефициаром этой затеи был пергамский царь Аттал II, который еще в 158 г. до н.э. перевез Александра, уроженца Смирны в Пергам и стал готовить его для захвата селевкидского престола. Все это К. Элинг рассматривает как ответ Аттала на политику Деметрия I в Каппадокии[1112]. Объявив Александра законным царем, Аттал отправил его в Киликию (Diod. XXXI. 32a; App. *Syr*. 67), что создавало серьезную напряженность в столице Антиохии, которая находилась очень близко от нового места пребывания Александра. Юстин (XXXV. 5-8) подчеркивает деятельное участие антиохийцев в приходе Александра к власти, при этом такой переход антиохийцев на сторону узурпатора был вызван общем негативным отношением к Деметрию.

[1111] *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 129–135.
[1112] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S.145.

Около 153 г. до н.э. Александр появляется уже в Риме, куда он прибыл в составе посольства милетского аристократа Гераклида. Именно здесь он был представлен римскому Сенату как сын Антиоха IV и законный наследник сирийского престола. Римский Сенат признал Александра законным царем, что позволило Гераклиду начать приготовления к возвращению Александра на селевкидский престол. Около 152 г. до н.э. Гераклид и Александр прибыли в Эфес, а после осуществили высадку в Ака-Птолемаиде. При поддержке египетского царя Птолемея VI и иудейского лидера Ионатана Александр довольно быстро захватил Финикию и Сирию, а летом 150 г. до н.э. в сражении пал Деметрий I (Iust. XXXV. 1. 8-9).

Недолгое правление Александра I (150–145 гг. до н.э.) сопровождал стремительный территориальный распад государства Селевкидов. Около 148/147 г. до н.э. парфянский царь Митридат I захватил Мидию. Также от Селевкидов отложились Элимаида и Персида, которые, впрочем, довольно быстро перешли под контроль парфян. В итоге, угроза нависла над всеми восточными владениями Селевкидов, в первую очередь, над Селевкией на Тигре. Никаких действий по восстановлению контроля над утраченными землями Александр не предпринимал. Античная традиция упрекает Александра в распутстве и праздности, которым предавался царь вместо каких-то активных действий[1113]. В результате, в 147 г. до н.э. в Сирию прибыл сын Деметрия I Деметрий II с отрядом критских наемников. В 145 г. до н.э. в пределы Келесирии вторгся Птолемей VI, который изначально поддержал Александра, однако, после раскрытого заговора, целью которого была жизнь самого Птолемея, резко сменил сторону конфликта (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 106-108). Александр был изгнан из Антиохии, а ее жители, среди которых были полководцы Александра, открыли ворота города перед Птолемеем. Однако, Птолемей передал власть уже Деметрию. В отчаянной попытке изменить ситуацию Александр набрал в Киликии войско и дал последний бой войскам Птолемея (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 112-116; Diod. XXXII. 9d). Потерпев поражение, Александр бежал к

[1113] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 6.

арабскому правителю Забдиелу, но вскоре был убит (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 117). Одновременно от ран, полученных в сражении, умер и Птолемей VI, а Деметрий II стал единоличным правителем государства.

Власть Александра I на селевкидском престоле никогда не была самостоятельной и независимой. Кроме очевидного египетского влияния, серьезной проблемой для царя была внутренняя оппозиция. Ослабление центральной власти мгновенно привело в движение локальные элиты, которые в текущих условиях приобретали больше самостоятельности. Антиохийские элиты становились реальной угрозой стабильного правления. Полисы Финикии уже достаточно давно ощущали свою автономию. Властные элиты Элимаиды, Харакены и Иудеи фактически не подчинялись царской власти. Особую роль играли придворные элиты. Античная традиция сообщает о Гиераксе и Диодоте, полководцах Александра, которые после вторжения в Сирию Птолемея VI перешли на его сторону (Diod. XXXIII. 3). Разумеется, при таком количестве сильных конкурентов, а также учитывая происхождение Александра, его царская идеология должна была представлять собой безупречный механизм, обеспечивающий весьма шаткую фигуру Александра необходимой политической поддержкой. Какой была идеология царя Александра I наглядно демонстрируют материалы царской иконографии.

Процесс политического распада державы Селевкидов при Александре I хорошо прослеживается на материалах иконографии серебряных номиналов. Кроме основного монетного типа (для тетрадрахм «Зевс Никефор» и для драхм «Аполлон на омфале»), чеканившегося преимущественно на монетном дворе Антиохии на Оронте и Селевкии на Тигре, периферийные монетные дворы демонстрировали независимость, помещая на свои монеты изображения локальных божеств. В Солах – «Тюхе Никефора» (рис. 201)[1114], в Тарсе – «Сандан»

[1114] SC 1777

(рис. 202)[1115], в Малле – «Афина Магарсия» (рис. 203)[1116], в Селевкии в Пиерии – «Зевс/молния» (рис. 204)[1117], в Тире и Сидоне – «финикийский орел» (рис. 205)[1118]. Проникновения локальных сюжетов в монетную иконографию Селевкидов можно наблюдать еще в начале II в. до н.э., однако, в то время это были редкие выпуски бронзовых монет[1119]. С середины II в. до н.э. локальные сюжеты появляются и на серебряных монетах. При этом, такое появление локальных сюжетов не было разовым явлением. Монетные дворы Киликии и Финикии продолжили выпуск царских монет с локальными сюжетами и позже, вплоть до падения государства Селевкидов. Некоторые монетные дворы продолжили монетную чеканку с локальными сюжетами и в римское время. Кроме использования локальной иконографии, монетные дворы Финикии чеканили монету по местному весовому стандарту, который был легче аттического. Это обстоятельство делало продукцию этих дворов более ориентированной на Египет Птолемеев, где также использовался подобный весовой стандарт. В период царствования Александра здесь была отчеканена серия подражаний с портретом Птолемея I и легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ[1120], что наглядно отражает неопределенную экономическую субъектность региона в этот период времени.

Иконография первых монетных выпусков Александра I демонстрирует ту же идеологическую модель, которую в свое время принял его противник Деметрий I. В Ака-Птолемаиде, которая стала для Александра первым

[1115] SC 1778. Локальное божество Сандан впервые появляется на полисных эмиссиях бронзовых номиналов Тарса еще при Антиохе IV после передачи части полисов Киликии, Сирии и Финикии права на чеканку собственной полисной бронзовой монеты. *Wright N.* Seleucid Royal Cult, Indigenous Religious Traditions. P. 72; *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 67–68. На царском серебре изображение Сандана впервые появляется при Александре I.

[1116] SC 1779. Изображение Афины Магарсии – локального божества киликийского Малла впервые появляется на царских выпусках Деметрия I и продолжалось вплоть до конца правления династии. См.: *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 68-69; *Houghton A.* The Seleucid Mint of Mallus and the Cult Figure of Athena Magarsia // Studies in Honor of Leo Mildenberg / A. Houghton, S. Hurter et al. (eds.). Wetteren, 1984. P. 91–110.

[1117] SC 1798

[1118] SC 1835

[1119] О появлении и распространении изображений локальных божеств на псевдо-автономных выпусках сирийских полисов см.: *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 69–72.

[1120] SC 1839

селевкидским полисом, перешедшим под его власть, уже в 152 г. до н.э. были выпушены эмиссии золотых монет с портретом царицы Клеопатры Теи (рис. 64) и серебряных и бронзовых монет с двойным портретом Александра и Клеопатры (рис. 92)[1121]. В Селевкии на Тигре также была выпущена серия бронзовых монет с парным портретом[1122]. В историографии появление монет с двойным портретом однозначно трактуется как стремление зафиксировать значение династического союза Селевкидов и Птолемеев[1123]. Эмиссия тетрадрахм из Ака-Птолемаиды не была велика, штемпельный анализ показывает использование только трех штемпелей лицевой стороны[1124].

Портрет супружеской пары выполнен высококвалифицированным резчиком. Несмотря на изображение обоих супругов, доминирующая роль отведена Клеопатре, которая помещена на передний план[1125]. Также портрет царицы снабжен большим количеством атрибутов. Образ, в котором изображена Клеопатра, представляет собой композит египетской и сирийской иконографии. Клеопатра изображена в образе богини Тюхе, что на первый взгляд полностью соответствует традиции Птолемеев. На ее голове калаф, голова покрыта вуалью, за спиной рог изобилия[1126]. С одной стороны, портрет царицы близок изображениям птолемеевских цариц, как это можно заметить по портрету Клеопатры на золотом статере. С другой же, общая стилистика

[1121] SC 1841. В своих ранних работах А. Хутон полагал, что все монеты «свадебной серии» были отчеканены в Селевкии в Пиерии. *Houghton A.* The double portrait coins. P. 85–93.

[1122] SC 1861

[1123] *Houghton A.* The double portrait coins. P. 92–93; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 177–178; *Dodd R. Coinage and Conflict*. P. 101. Р. фон ден Хофф подчеркивает египетское происхождение таких «брачных портретов». *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 185.

[1124] *Houghton A.* The double portrait coins. P. 89.

[1125] *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 184. Некоторые исследователи отмечают, что голова Александра изображена визуально больше, что создает впечатление доминирования именно его портрета, а не портрета Клеопатры. См.: *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 269.

[1126] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 76–77. Ср. изображения Тюхе с калафом на голове на полисных монетах Библа эпохи Антиоха IV. SC 1445; *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 267. *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. P. 299; *Llewellyn-Jones L., McAuley A.* Sister-Queens in the Hight Hellenistic Period. Kleopatra Thea and Kleopatra III. London – New York, 2023. P. 188.

изображения, включая отсутствие доминантных элементов, типа «глаз-бусинок», а также некоторые элементы декора роднят этот образ с иконографией Тюхе, более характерной для Сирии. В частности, вуаль царицы закрывает только пучок волос, завязанный на затылке, что встречается в сирийской иконографии. Н. Райт полагает, что образ Клеопатры на данной монетной серии можно рассматривать как синкретическую смесь Тюхе и сирийской Атаргатис. В иконографии этой богини калаф является одним из главных атрибутов. Совместно с изображением Зевса на оборотной стороне, который трактуется как синкретический Зевс-Хадад, Н. Райт интерпретирует общий мотив всей серии как воплощение в образе Александра и Клеопатры супружеской пары синкретических божеств Тюхе-Атаргатис и Зевса-Хадада[1127]. Напротив, С. Люке полагает, что калаф на голове Клеопатры символизирует связь царицы с Исидой, что подчеркивает египетское происхождение Клеопатры[1128]. Д. Свенсон полагал, что изображение селевкидских цариц в стефане и вуали является отсылкой к образу Геры[1129].

Весьма примечательно и изображение оборотной стороны. Прежде всего, стоит обратить внимание на фигуру Зевса Никефора. Выбор этого сюжета является недвусмысленной отсылкой к монетам Антиоха IV, которого Александр I позиционировал как своего отца. Подкрепляет эту связь и появление в монетной легенде эпитета «Теопатр» или «имеющий божественного отца». Демонстрация данного эпитета сама по себе является актом легитимации, поскольку повторяет схожий по своему значению эпитет «Евпатор», который помещался на монетах Антиоха V, сына Антиоха IV[1130].

[1127] *Wright N.* Seleucid Royal Cult, Indigenous Religious Traditions. P. 81.

[1128] *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild. S. 300; *Martin K.* Königin und Göttin. S. 404.

[1129] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 80.

[1130] Появление монетного двора Евпатрии (Финикия), к производству которого относится одна монетная серия Александра I, вызывает много споров. Появление в легенде демотикона (ΕΥΠΑΤΡΕΩΝ), возможно, никак не связано с царской идеологией Селевкидов. SC 1820. См.: *Moore W.* Four Seleucid Notes. 3. The ΕΥΠΑΤΡΕΩΝ Coinage of Alexander I Balas // AJN. 1989. P. 54–59.

Примечательно, что иконография Зевса Никефора имеет одно существенное отличие от прототипа Антиоха IV – в случае с тетрадрахмами Александра из Ака-Птолемаиды, Ника держит не венок, а молнию. Интерпретация этого сюжета неоднозначна, но возможно предположить, что изображение демонстрирует не победу, а только начало борьбы, поскольку в 152 г. до н.э. война Александра с Деметрием только началась. Впоследствии, когда эта война будет завершена, в Антиохии будет выпущена серия тетрадрахм с изображением Зевса Никефора, где Ника уже будет венчать голову Зевса.

На этом демонстрация связи Александра с Антиохом IV не заканчивается. Около 151 г. до н.э. в Апамее на Оронте, служившей ключевой базой селевкидского войска, была выпущена серия коммеморативных бронзовых монет с портретом Антиоха IV и легендой от его имени[1131]. Нужно заметить, что практика подобных коммеморативных выпусков существовала в монетном деле Селевкидов в III в. до н.э. Портрет Антиоха объединен в один монетный тип с изображением тирса. Параллельная эмиссия также демонстрирует изображение тирса, но уже в паре с головой Диониса. В целом, дионисийская символика характерна для иконографии монетных выпусков Апамеи. В правление Трифона и позже, иконография монет Апамеи, как царских, так и полисных, изобилует дионисийскими символами, что подчеркивает популярность дионисийских культов в среде апамейских воинов.

Иконография бронзовых монет «свадебной серии» весьма разнообразна. В Ака-Птолемаиде парный портрет был дополнен изображениями: Ники[1132], рога изобилия[1133], орла[1134] и головного убора Исиды[1135]. Все эти изображения, пожалуй, за исключением Ники, связаны с иконографией Птолемеев. В Селевкии на Тигре портреты Александра и Клеопатры были дополнены

[1131] SC 1883–1884. *Mørkholm O.* A Posthumous Issue of Antiochus IV of Syria // NC. 1983. P. 57–63.

[1132] SC 1844

[1133] SC 1843

[1134] SC 1845

[1135] SC 1846

изображениями Ники[1136] и Аполлона[1137]. Таким образом, монеты «свадебной серии», отчеканенные в Ака-Птолемаиде, демонстрируют как союз между Селевкидами и Птолемеями (лицевая сторона), так и связь между Александром Балой и Антиохом IV (оборотная сторона)[1138].

Несмотря на свою исключительную идеологическую значимость, «свадебная серия» была локальным и временным явлением. Основным монетным типом Александра, который использовался для тетрадрахм был «Зевс Никефор» (рис. 206). На драхмах преимущественно изображался «Аполлон на омфале» (рис. 207).

Монетный портрет Александра выполнен строго в единой стилистике. Несмотря на разнообразие атрибутов портрета: диадема, лучевая корона, шлем и шкура льва физиогномика Александра остается постоянной. А. Хутон полагает, что у Селевкидов существовала практика создания единого портретного канона для монетной иконографии каждого правителя. Право создать образцовый портрет принадлежало мастерам Антиохии[1139]. Тем не менее, несмотря на свою каноничность, портреты Александра I без сомнений являются новым словом в царской иконографии Селевкидов.

Как отмечает Р. Фляйшер, портрет Александра имел мало общих физиогномических черт с портретом Антиоха IV, что противоречит как сообщению Диодора (XXXI. 32a) о том, что Александр имел внешнее сходство с Антиохом V, так и общему тренду в иконографии Александра I на подчеркнутую связь между ним и Антиохом IV[1140]. Единственным портретным элементом, который объединяет портреты Александра и Антиоха, стоит признать прическу. Большое количество коротких завитков прически Александра является подражанием поздним идеализированным портретам Антиоха.

[1136] SC 1860

[1137] SC 1861

[1138] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 414.

[1139] *Houghton A.* The double portrait coins. P. 93. Ср. *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 60.

[1140] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 60.

Важной художественной особенностью портретов Александра является imitatio Alexandri. На некоторых портретах хорошо виден характерный атрибут портретного канона Александра – анастоле[1141], который, впрочем, сильно отличался небольшими размерами локонов, формирующих анастоле. Также на монетах Александра впервые появляются портреты в львиной шкуре, подобные изображения Александра Великого[1142]. В целом, само имя незаконного царя было претензией на связь с Александром[1143]. М. Ковач полагает, что портреты Александра, выполненные в образе imitatio Alexandri, служили важным инструментом в борьбе двух идеологий: Александра I и Деметрия I за связь с Александром. Деметрий также использовал imitatio Alexandri[1144]. С другой стороны, как отмечает тот же М. Ковач, портреты Александра imitatio Alexandri могли быть простым подражанием канону позднего портрета Антиоха IV, для которого также было характерно анастоле, и, таким образом, заимствовали черты портретного канона Александра не напрямую, а опосредованно. В появлении портрета в львиной шкуре же можно усмотреть попытку создания образа юного Геракла, а не Александра (рис. 89)[1145]. Одним из элементов этого образа можно назвать массивную нижнюю челюсть, которая намеренно выделена художником-резчиком в качестве портретной доминанты[1146]. Это утверждение М. Ковача заслуживает особого внимания. Во-первых, изображения

[1141] Анастоле характерен не только для монетных портретов Александра I. Известные предметы пластики: бронзовые и мраморные скульптуры, а также терракотовая статуэтка из Лувра демонстрируют портрет царя с анастоле. См.: *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 2022. Taf. 132, *1–3*. См.: *Charbonneaux J., Laumonier A.* Trois portraits d'Alexandre I Balas // BCH. 1955. P. 528-538.

[1142] SC 1805

[1143] Принятие столь нетипичного для представителей династии Селевкидов имени у незаконного претендента на престол вызывает много вопросов. Единственный случай, когда член царской семьи получил имя Александр, – это первое имя Селевка III (Porphyrius. FGrHist 260 F. 32.9). Р. Додд связывает принятие имени Александр с поддержкой Александра I Птолемеями, в идеологической саморепрезентации которых фигура Александра выглядела куда более значимой, чем любая фигура первых царей. Египетской поддержкой объясняется и принятие имени Александр другим селевкидским узурпатором – Александром Забиной. См.: *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 50–51.

[1144] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 414–415.

[1145] *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 40.

[1146] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 415–417.

Александра в образе Геракла известны в пластике[1147]. Во-вторых, портреты Александра I можно рассматривать как прототип для известных изображений Мелькарта на монетах Тира, которые выпускались в конце II – I вв. до н.э. (рис. 208) Характерная нижняя челюсть и затылок, а также бакенбарды полностью повторяют изображения Александра. В греческой традиции Мелькарт отождествлялся с Гераклом. При этом, портрет Александра I имеет ряд общих черт с портретами его современника Птолемеея VI, что было подмечено Р. Додд[1148]. Нижняя челюсть и нос Птолемея VI близки по форме этим портретным элементам Александра, что может свидетельствовать об общей художественной традиции (египетской?) для обоих портретов. Эта традиция могла быть воспринята и автором изображений Мелькарта. Н. Райт предлагает еще одну трактовку портрета Александра I в львиной шкуре[1149]. По его мнению, портрет в львиной шкуре был одновременно аллюзией и на Александра, и на Геракла. Использование двух этих образов было объединено идеей происхождения всех трех персонажей. Как и в случае с Гераклом, и Александром, ключевую роль в формировании образа Александра Балы играло отцовство. Александр Македонский называется в литературной традиции сыном двух отцов Зевса и Филиппа, либо подчеркнуто сыном Зевса. Геракл был «незаконным» сыном Зевса. В этой же парадигме было представлено и происхождение Александра, как незаконного сына Антиоха IV, что нашло отражение в литературной традиции.

Двумя другими типологическими разновидностями портрета Александра I являются портрет в шлеме и в лучевой короне. Портрет Александра в беотийском шлеме стоит признать первым случаям изображения селевкидского царя в шлеме (рис. 131)[1150]. Исключением можно считать лишь Тимарха, но и политический статус узурпатора, и очевидное копирование портрета

[1147] *Charbonneaux J., Laumonier A.* Trois portraits d'Alexandre I Balas. P. 528–532.

[1148] *Dodd R.* Coinage and Conflict. P. 103.

[1149] *Wright N.* The Iconography of Succession under the Late Seleukids // Coins from Asia Minor and the East: Selections from the Colin E. Pitchfork Collection / N. Wright (ed.). Sydney, 2011. P. 43–44.

[1150] SC 1790

Еквкратида делают портреты Александра первым самостоятельным изображением селевкидского царя в шлеме. Интерпретация портрета в шлеме следует создаваемому с помощью этого атрибута образу царя-полководца. Изображение Ники на оборотной стороне этого типа является дополнительным аргументом такой интерпретации. Военный характер иконографии некоторых бронзовых выпусков Антиохии можно увидеть и в типе «Дионис/слон»[1151], который также демонстрирует дионисийскую символику. Портрет Александра в лучевой короне известен как по впускам бронзовых монет, так и по одной эмиссии серебряных гемидрахм[1152]. В историографии появление лучевой короны на портретах Александра интерпретируется как подражание портретам Антиоха IV[1153]. Нет сомнений в том, что до конца II в. до н.э. только прямые потомки Антиоха IV – Александр I, Антиох VI и Александр II – использовали этот портретный атрибут. Однако появление лучевой короны в портретной галерее селевкидских царей относится к иконографии старшего брата Антиоха IV Селевка IV, чьи потомки игнорировали этот элемент. Впрочем, широкое использование лучевой короны на монетных портретах именно Антиоха IV, по всей вероятности, привело к тому, что этот атрибут стал ассоциироваться именно с ним.

Из всего иконографического корпуса монет Александра особняком стоит монетный тип «Зевс/молния», чеканившийся на тетрадрахмах Селевкии в Пиерии[1154]. Некоторые исследователи склонны видеть в изображении Зевса портретные черты Александра, что можно рассматривать как копирование способа портретной идеализации, заимствованное из монетного дела Антиоха IV, изображенного на памятных тетрадрахмах в образе Аполлона[1155]. Между тем изображение Зевса на монетах Александра из Селевкии находит ряд стилистических параллелей с изображением Зевса на монетах Антиоха IV из

[1151] SC 1791
[1152] SC 1786
[1153] *Wright N.* Seleucid Royal Cult, Indigenous Religious Traditions. P. 79.
[1154] SC 1798
[1155] *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P. 884; *Seyrig H.* Antiquités syriennes // Syria. 1939. 4. P. 296–301; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 60.

Антиохии[1156] и не имеют общих портретных черт с каноном Александра I[1157]. Более того, сюжет монетного типа с изображением Зевса и молнии является визуальной репрезентацией локального мифа об основании полиса, который неоднократно изображался на полисных выпусках Селевкии в Пиерии[1158], что не позволяет отнести иконографию данной монетной эмиссии к царской. Более того, изображение оборотной стороны, помещенное в венке, является весьма популярным художественным приемом в монетном деле малоазийских полисов II в. до н.э., откуда, по всей вероятности, он и был заимствован[1159]. Стоит отметить, что данный монетный выпуск тетрадрахм с локальной иконографией является первым в монетной чеканке Селевкии в Пиерии. Иконография данной монетной серии, в первую очередь, наличие венка, а также отсутствие царского портрета, который был заменен на изображение головы божества, роднит данную серию с так называемыми «фестивальными монетами», о которых речь шла ранее. У нас нет оснований полагать, что данная монетная серия предназначалась для организованных праздников, однако, иконографическая экстраординарность предполагает исключительные обстоятельства появления этих монет, а также особую целевую аудиторию.

Возможно предположить, что причиной появления этой эмиссии (а возможно и проведения праздников) была сложная политическая ситуация, которая сложилась в государстве Селевкидов в год выпуска монет этого типа – 147/146 г. до н.э. Наследник Деметрия I Деметрий II уже начал борьбу против Александра и лояльность элит Селевкии, учитывая весьма неоднозначную позицию элит Антиохии в отношении Александра, была необходима. С другой стороны, выпуск монет данной серии мог быть произведен уже после того, как Александр I бежал из Сирии, хотя столь ранняя дата бегства Александра едва

[1156] SC 1398–1399

[1157] *Houghton A.* A Tetradrachm of Seleucia Pieria at the Getty Museum. P. 156–157.

[1158] Подробнее об этом см. в разделе 6.2.1.

[1159] Недавние исследования монетных кладов, обнаруженных в Сирии, показывают большой приток малоазийских тетрадрахм аттического веса, поступавших в регион в период между Апамейским миром и 130-ми годами до н.э. С. Псома связывает это явление с помощью пергамских царей Антиоху IV, а затем Александру Бале. *Psoma S.* War or Trade? P. 265–300.

ли возможна. К слову, отметим, что годом позже в Антиохии была выпущена серия тетрадрахм и драхм с портретом Антиоха IV и Зевсом Никефором[1160]. Как полагают А. Хутон и К. Лорбер, время выпуска этих монет относится к периоду междуцарствия, когда Антиохия фактически управлялась только местными элитами[1161]. Однако выбор изображения в таком случае выглядит довольно странным, поскольку, как и в случае с чеканкой других полисов, на антиохийских монетах ожидалось скорее увидеть локальную символику. Единственным объяснением, которое укладывается в рамку предложенной хронологии выпусков, является использование знакомой иконографии, что могло бы интегрировать новые выпуски в обращение монет Антиоха IV.

4.3. Антиох VI и Диодот Трифон – новые иконографические идентичности

4.3.1. Антиох VI – новые иконографические сюжеты и политическая дестабилизация

Свержение незаконного царя Александра I законным представителем династии Селевкидов Деметрием II не разрешило ключевых противоречий в государстве Селевкидов, а стремление молодого царя отомстить жителям Антиохии за изгнание своего отца Деметрия I только усугубило политический кризис (Diod. XXXIII. 4). Результатом этого стал вспыхнувший практически одновременно с воцарением Деметрия II воинский мятеж, который возглавил один из полководцев Александра I Диодот Трифон. Диодор сообщает, что первоначально мятеж начался в среде всадников из сирийской Лариссы, одного из поселений, служивших военной базой селевкидского войска. А. Хутон полагает, что также к мятежу присоединилась Апамея – ключевая военная

[1160] SC 1885, 1886. *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. 25–30.
[1161] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 259.

колония Селевкидов в Сирии[1162]. Главным оружием Трифона в борьбе с Деметрием был малолетний сын Александра I (и, очевидно, Клеопатры Теи) Антиох. Ребенок был предусмотрительно укрыт у некоего Ямблиха (Ямлик, Малх) (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 131: Diod. XXXII. 9a)[1163], а после начала мятежа возвращен в Апамею, где Трифон объявил мальчика законным царем. Таким образом, царь Антиох VI, чье правление продлилось лишь несколько лет, никогда не был самостоятельным правителем, а фактическое руководство от его имени осуществлял Трифон. Данные нумизматики показывают, что какое-то время Деметрий II и Антиох VI правили параллельно, Деметрий в Антиохии, Антиох в Апамее, однако, в 144 г. до н.э. Трифону удалось вытеснить Деметрия из Антиохии[1164]. Деметрий укрылся в Селевкии в Пиерии, а после отплыл в Финикию. Судя по монетным датам, главные города Финикии Тир и Сидон сохраняли верность Деметрию до 139 г. до н.э.

Между Деметрием и Трифоном началась война, разделившая государство на две части. Под властью Трифона оставалась вся внутренняя Сирия, включая столицу Антиохию и главную базу войска Апамею, а также отдельные части Киликии, включая города Малл и Тарс. Деметрий же сохранил власть над сирийским побережьем (прежде всего, двумя важнейшими портами в Селевкии в Пиерии и Лаодикее), а также над Финикией и Месопотамией. В эту войну была втянута иудейская верхушка, продолжавшая несколько десятилетий борьбу за автономию. В сообщении Порфирия (FGrHist 260 F 32, 16) упоминается военное столкновение между войсками Деметрия и Антиоха, победа в котором осталась за Деметрием. Однако последствия этого сражения остаются неопределенными. Последний монетный выпуск, произведенный от имени Антиоха VI, датируется 142/141 г. до н.э. Он был выпущен в

[1162] *Houghton A.* The Revolt of Tryphon and the Accession of Acntiochus VI at Apamea // SNR. 1992. P. 120. См.: *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 166–167.

[1163] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 28; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. Barnsley, 2015. P. 77.

[1164] Наиболее ранний выпуск тетрадрахм Антиоха в Апамее датируется 168 СЭ – 145/4 г. до н.э., в то время как первый антиохийский выпуск датируется 169 СЭ – 144/3 г. до н.э. Последний же выпуск тетрадрахм Деметрия в Антиохии датируется 168 СЭ – 145/4 г. до н.э.

Птолемаиде, в то время как последний датированный выпуск Антиоха в Антиохии относится к 143 г. до н.э. Это обстоятельство позволяет предположить, что Трифон и Антиох были вытеснены из Антиохии и вынуждены перебраться на юг в Птолемаиду[1165]. Оказавшись в тяжелом положении, Трифон приказал убить Антиоха (Diod. XXXIII. 28; App. *Syr*. 68; Iust. 36. 1), объявив, что мальчик умер в результате неудачной операции (Ios. *Ant. Iud.* 13. 218; Liv. *Per*. 55).

Непродолжительное правление Антиоха VI тем не менее весьма хорошо представлено в памятниках царской иконографии. Монетная чеканка Антиоха VI осуществлялась несколькими монетными мастерскими, включая Антиохию на Оронте, Апамею и Ака-Птолемаиду. Монетное дело Антиоха VI и Тимарха не знает золотой монеты, однако, в изобилии представлены тетрадрахмы, драхмы и бронзовые номиналы. Монетный двор Антиохии со 144 по 139 гг. до н.э. использовал в среднем шесть штемпелей лицевой стороны в год[1166]. Примечательно, что в правление Антиоха VI и Трифона наблюдается незначительное увеличение весового стандарта монетной мастерской Антиохии, что может быть калибровкой стандарта, относительно аттической нормы, принятой в монетной чеканке полисов Малой Азии[1167], об использовании монет которых Селевкидами свидетельствуют многочисленные надчеканки Диодота Трифона[1168].

Судя по иконографии монет, в идеологии молодого царя возможно выделить сразу несколько ключевых линий. Разумеется, царская иконография и прежде отражала всю полноту царской идеологии, которая никогда не отличалась строгим единообразием целей и задач, однако, в случае с иконографией Антиоха VI, царская идеология демонстрирует две, подчас, противоположные модели. Первая из них – это преемственность династии Селевкидов, что, в целом, было продолжением идеологии его отца – Александра I и должно было

[1165] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 178.

[1166] *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities. P. 565.

[1167] *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia // Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue / A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover (eds.). Lancaster-London, 2008. P. 1.

[1168] *Houghton A.* Four Seleucid Notes. 4. Countermarks of Tryphon. P. 59–68.

легитимировать власть Антиоха VI, которая не была законной. Вторая линия царской идеологии демонстрировала связь царя с военными элитами государства Селевкидов, на которые опиралась власть его покровителя – Диодота Трифона, и должна была легитимировать власть нового царя в их глазах. При этом, если первая линия представляла собой как бы общегосударственный дискурс, акцентируя внимание на базовых идеологических компонентах, характерных для династии Селевкидов еще с начала III в. до н.э., то вторая апеллировала к локальной культуре и идеологии, дополняя царскую иконографию принципиально новыми мотивами и сюжетами.

Связь Антиоха VI с династией подчеркивается чеканкой ключевого монетного типа Селевкидов «Аполлон на омфале» (рис. 209), который использовался для производства драхм монетных дворов Антиохии и Ака-Птолемаиды. Примечательно, что данный тип использовался для выпуска только мелких серебряных номиналов и никогда не появляется на тетрадрахмах. Это обстоятельство могло бы указывать на экономические причины чеканки монет данного типа для их успешной интеграции в активное денежное обращение, прежде всего, на локальных рынках. Отчасти, это так. Однако стоит обратить внимание на то, что, исключая крайне немногочисленную эмиссию драхм Антиоха IV, царский портрет в лучевой короне – весьма заметный и броский художественный элемент – впервые массово появляется именно на монетах Антиоха VI, что делает данный монетный тип не просто шаблонным воспроизведением существовавшего монетного типа, но индивидуализированным и самостоятельным типом. Таким образом, чеканка монет типа «Аполлон на омфале» имела не только экономические причины, но и являлась отражением актуальной идеологии.

Следующая группа изображений, подчеркивающая связь Антиоха VI с династией Селевкидов – это царские портреты. Портреты Антиоха отличаются своей ювенильностью. Они представляют совсем юного царя, практически ребенка. Изображение царей-детей хорошо известны в монетной иконографии

Селевкидов, поэтому портреты Антиоха VI нельзя считать чем-то новым[1169]. Некоторые портретные элементы, включая подбородок и шею, сближают портреты Антиоха VI с портретами Деметрия II[1170]. Во всяком случае обе эти группы портретов выполнены с чертами трюфэ, характерной для эллинистического портретного жанра этого времени. В галерее монетных портретов Антиоха VI особняком стоит изображение на ранней эмиссии тетрадрахм из Апамеи на Оронте[1171]. Оно отличается отсутствием портретной ювенильности, что позволило ряду исследователей атрибутировать его как портрет Антиоха IV, деда Антиоха VI[1172]. Однако сопоставительный анализ отдельных портретных черт все же показывает существенную разницу между портретами Антиоха IV и данным портретом Антиоха VI. Вероятно, будучи самым ранним портретом Антиоха VI, отчеканенным на монете[1173], данный экземпляр демонстрирует процесс становления традиции изображений царя Антиоха VI, в связи с чем, здесь представлены не все элементы канонического портрета этого монарха[1174]. Так, портрет уже украшен лучевой короной, но все еще лишен юношеских черт. Похожая ситуация обстоит и с портретами Антиоха VI на монетах из Ака-Птолемаиды, которые исследователи сравнивают с портретами Деметрия II, опять же, из-за отсутствия ювенильных черт[1175]. Отсутствие ювеналиности портрета юноши или даже ребенка не было чем-то необычным.

[1169] Первыми портретами «царя-ребенка» можно считать выпуски тетрадрахм, произведенные от имени царя Антиоха, сына Селевка IV, в 175–174 гг. до н.э. См.: SC 1638.

[1170] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 67.

[1171] SC 2008

[1172] Полное отождествление с Антиохом IV: *Mørkholm O.* A Posthumous Issue of Antiochus IV. P. 61; отдельные портретные черты: *Le Rider G.* Un trésor de monnaies séleucides trouvé dans le Hauran en 1979 ou 1980: Antiochos VI à Ptolemaïs // Studies in Honor of Leo Mildenberg / A. Houghton, S. Hurter et al. (eds.). Wetteren, 1984. P. 169; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 67; *Houghton A.* The Revolt of Tryphon. P.124.

[1173] Эмиссия с данным портретом датируется 168 СЭ = 145/144 г. до н.э.

[1174] С. Люке полагает, что все портреты Антиоха VI были калькой портретов Антиоха IV. Рассматриваемый портрет представляет собой типологически наиболее близкий вариант. См.: *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild. S. 298. Anm. 52.

[1175] *Ben-Dor S.* Some New Seleucid Coins // PEQ. 1946. P. 47–48. Г. Вульгаридис объясняет появление таких портретов отсутствием возможности у резчиков оперативно изготовить точный портрет царя. *Voulgaridis G.* Les ateliers monétaires de Ptolémaïs-Akko et d'Ascalon sous la domination séleucide. PhD thesis. Strasbougr, 2000. P. 122–123.

Возраст в портретном искусстве – явление особенное. Хорошо известны портреты царя-подростка Антиоха V, представляющие зрелого молодого человека.

Неотъемлемым атрибутом царского портрета Антиоха VI являлась лучевая корона (рис. 48). Как уже было отмечено, Антиох VI стал первым царем династии Селевкидов, который регулярно изображался в лучевой короне не только на сериях мелкого серебра и бронзы, но и на тетрадрахмах. Без сомнений, появление лучевой короны является продолжением традиции, заложенной Антиохом IV. Более того, именно лучевая корона должна была символизировать эту связь Антиоха VI с династией, поскольку до него в лучевой короне изображались только его дед Антиох IV и его отец Александр I.

Семантика лучевой короны является предметом споров, но без сомнений, данный символ можно рассматривать как знак божественности монарха. На это указывает и царская титулатура. В монетных легендах царь именуется «Эпифан», что соответствует общему правилу сочетания данного эпитета и изображения лучевой короны[1176]. Другой эпитет, представленный в легендах, – «Дионис». Имя конкретного божества как часть царской титулатуры впервые встречается именно в монетных легендах Антиоха VI. Таким образом, монетная легенда предельно конкретно указывает на божество, с которым отождествляется молодой монарх. Стоит отметить, что в эллинистической традиции монарх мог быть представлен как воплощение различных божеств, однако, из всех божеств в титулатуре, представленной на монетах, упоминается лишь Дионис.

Появление имени этого божества в сирийском культурно-религиозном контексте весьма любопытно трактует Н. Райт. Согласно его мнению, союз Александра I и Клеопатры Теи мог восприниматься сирийским населением как воплощение «священного брака» между синкретическими божествами Тюхе-Атаргатиды и Зевса-Хадада[1177]. Символически данный брак был представлен

[1176] *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild. S. 298.

[1177] *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 81.

на монетной серии, рассмотренной в разделе 4.2.3. Сын супружеской пары – Антиох VI, будучи чадом «священного брака», также выступает в роли молодого бога – Диониса или его синкретической копии. Этот молодой Дионис, в образе которого предстает Антиох VI, представляет собой новый для иконографии и идеологии Селевкидов опыт репрезентации персоны монарха.

С. Канева полагает, что появление эпитет «Дионис» могло быть влиянием птолемеевских традиций[1178], однако, стоит отметить, что дионисийский символизм на монетах Антиоха VI не ограничивается только эпитетами и отдельными элементами царского портрета[1179]. Нередко на монетах[1180] молодой царь изображался в плющевом венке, наглядно демонстрируя тот самый образ «молодого Диониса». По мнению Д. Свенсона лучевая корона и плющевой венок представляют здесь единую символическую композицию[1181]. Аналогии можно встретить в автономной чеканке Родоса периода ранней Империи. На бронзовых номиналах этого центра в I в. н.э. изображалась голова Диониса в плющевом венке с лучевой короной[1182]. Впрочем, изображение божества в лучевой короне – Гелиоса, было характерно для родосской монетной иконографии еще с IV в. до н.э. По всей вероятности, лучевая корона могла использоваться в широком смысле как символ божества на более поздних выпусках уже без прямой ассоциации с Гелиосом.

Изображение слона (рис. 51)[1183], пантеры (рис. 52)[1184] и канфара (рис. 54)[1185] на выпусках бронзовых монет Антиоха VI также имеет дионисийское прочтение. Наиболее экзотичным элементом этой дионисийской иконографии является венок, окружающий изображение всадников Диоскуров на

[1178] *Caneva S.* The Power of Naming. P. 128.

[1179] См. *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild. S. 296.

[1180] SC 2006

[1181] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 70.

[1182] RPC I 2750

[1183] SC 2006

[1184] SC 2007

[1185] SC 2015

тетрадрахмах Антиоха VI[1186], а также монетную легенду[1187]. Этот венок представляет собой сложную художественную композицию, включающую колосья, цветы граната, лилии и листья плюща, что заметно отличает его от других типов венков на монетах, распространенных в это время, состоящих из дубовых или оливковых листьев. В историографии данный венок интерпретируется как «дионисийский»[1188].

Именно дионисийский символизм иконографии Антиоха VI, на наш взгляд, демонстрирует вторую линию царской идеологии – связь с локальными военными элитами. Культ Диониса был одним из наиболее почитаемых в воинской среде эпохи эллинизма. Следует отметить и появление дионисийских символов в воинской иконографии. Дионисийские сюжеты, близкие тем, что представлены на монетах Антиоха VI, встречаются и на автономных выпусках бронзовых монет Апамеи на Оронте, которая была родиной и опорной крепостью Диодота Трифона. Отметим, что ключевой особенностью таких автономных выпусков был их локальный характер. Выпуски санкционировались местными полисными властями для собственных экономических нужд, а иконография имела сугубо локальное значение. На монетах Апамеи встречаются изображения слона, (что кроме дионисийского прочтения могло быть памятью о царском слоновнике), Диониса в плющевом венке и тирса[1189].

Пожалуй, наиболее отчетливо связь царя с военными элитами воплощена в новом типе тетрадрахм. Этот тип «голова царя/всадники Диоскуры» нельзя назвать первым опытом использования такой пары изображений лицевой и оборотной сторон в монетном деле Селевикдов. Несколькими десятилетиями ранее данный тип чеканил узурпатор Тимарх. Однако, в случае с Тимархом заимствование данного типа было очевидной попыткой связать обращение своей монеты с обильными выпусками монет греко-бактрийского царя Евкратида, который первым использовал данный тип для своих монет. В

[1186] SC 2000
[1187] SC 2019
[1188] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 322.
[1189] *Hoover O.* Handbook of Syrian Coins. 1419, 1425.

случае же с монетами Антиоха VI мы имеем дело не с заимствованием, но, скорее, с адаптацией и переосмыслением сюжета. Прежде всего, отметим, что центры чеканки монет Антиоха и Евкратида располагались далеко друг от друга географически, а чеканка относится к разным периодам. Монеты этих двух правителей никогда не встречаются в кладах, что говорит против их совместного обращения. Заметна разница и в царских портретах. Портрет Антиоха, как было отмечено, дополнялся лучевой короной, а портрет Евкратида шлемом. Изображение всадников Диоскуров, в целом, не имеет принципиальных отличий, за исключением «дионисийского» венка, опоясывающего изображение на монетах Антиоха VI.

Появление изображения всадников Диоскуров в сочетании с дионисийскими мотивами и символами на тетрадрахмах Антиоха VI, на наш взгляд, следует понимать как комплементарный жест в адрес военных элит, отражавший суть царской идеологии Антиоха VI, построенной на заигрывании с военными элитами. На протяжении всего правления фигура царя Антиоха VI находилась в тени его регента – Диодота Трифона, могущественного полководца. Опорой власти Трифона были именно военные элиты, прежде всего, всадники, в среде которых и начался мятеж против Деметрия II. Судя по всему, Трифон очень дорожил союзом со всадниками-полководцами, а также военными элитами Апамеи на Оронте. Имя Трифона появляется и в монограмме, размещенной на оборотной стороне тетрадрахм Антиоха VI – ΤΡΥ. Персональный знак Трифона – его узнаваемый шлем с рогом – также появляется на драхмах Антиоха[1190], что может быть свидетельством его беспрецедентного влияния при царском дворе.

Появление нового монетного типа «голова царя/всадники Диоскуры» заменяет традиционные селевкидские типы. Тип «Аполлон на омфале» сохраняется только для чеканки драхм. Отдельные сюжеты, в частности изображение стоящего Аполлона, также встречается на монетах Антиоха VI, однако, на бронзовых выпусках и эмиссиях мелкого серебра. При этом, тип с Диоскурами

[1190] SC 2003

никогда не появляется ни на бронзовых монетах, ни на мелком серебре. Появление новых всаднических и дионисийских изображений на короткий период вытесняет традиционную иконографию Селевкидов. Вплоть до нового воцарения Деметрия II на престоле в 129 г. до н.э. традиционные сюжеты селевкидской иконографии остаются забытыми или отодвинутыми на второй план. В это же время усугубляется процесс «иконографического сепаратизма» – периферийные монетные центры все чаще предпочитают размещать на оборотной стороне царских монет локальные сюжеты. При Антиохе VI впервые появляются изображения алтаря Сандана – малоазийского божества. Монетные дворы Киликии и Финикии используют свою иконографию для царских выпусков, что также наглядно демонстрирует ослабление центральной власти и грядущий распад государства Селевкидов.

4.3.2. Шлем Диодота Трифона

Рубеж 40–30-х годов II в. до н.э. без преувеличения можно считать одним из наиболее кризисных периодов во всей истории государства Селевкидов. Политическая ситуация этого времени характеризуется новым обострением династической борьбы, продолжением территориального распада, а также усилением влияния локальных элит[1191]. Признаком глубокого политического кризиса стало и появление большого числа незаконных претендентов на царскую власть. Еще в 150 г. до н.э. при поддержке Птолемея VI царем стал Александр I, объявивший себя сыном Антиоха IV. В 144 г. до н.э. царем был провозглашен сын Александра I Антиох VI, который также не имел законных

[1191] Одной из наиболее влиятельных групп элит этого времени стоит считать иудейскую знать. Затянувшийся конфликт в Иудее стал обязательным пунктом повестки для каждого селевкидского правителя середины II в. до н.э., а раскол внутри иудейских элит время от времени превращал их в одну из сторон конфликта в борьбе между претендентами на селевкидский престол. Другой весьма значимой политической силой в это время становятся элиты столицы государства Селевкидов Антиохии на Оронте. См.: *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 154–178; *Wilker J.* Von Aufstandsführern zur lokalen Elite: Der Aufstieg der Makkabäer // Lokale Eliten und hellenistische Könige. Zwischen Kooperation und Konfrontation / B. Dreyer, P.F. Mittag (Hrsg.). Berlin, 2011. S. 219–252.

прав на престол, а в 125 г. до н.э. престол занял Александр II, выдававший себя за сына Антиоха VII. Критической точкой этой чехарды нелегитимных царей стал приход к власти узурпатора Диодота Трифона, который в отличие от всех предыдущих не связывал свою власть с династией, а предпринял попытку построения собственной власти, опираясь на военные элиты государства Селевкидов. Диодот – бывший военачальник Александра I (Diod. XXXIII. 3), выступил против власти Деметрия II и стал покровителем малолетнего сына Александра I Антиоха VI. После смерти Антиоха VI в 142 г. до н.э. Диодот объявил себя царем под именем Трифон. Все свое правление Диодот Трифон вел войну против Деметрия II, по сути, разделив государство на две части. В конечном итоге после пленения Деметрия II в походе против парфян, в борьбу с Трифоном вступил Антиох VII, который сумел разбить его в сражении и запереть в крепости Дора[1192]. После непродолжительной осады Трифон бежал в Апамею, где он в конечном и итоге и был захвачен в плен или, согласно другой версии, покончил жизнь самоубийством (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 220-221; Strabo. XVI. 2. 10).

Царская идеология Диодота Трифона кардинально отличалась от селевкидской[1193]. Так, одним из наиболее заметных нововведений стал отказ от использования селевкидского летосчисления. На монетах Диодота Трифона появляются даты, отсчет которых шел по годам его собственного правления[1194]. Ключевой социальной опорой его власти стало войско, прежде всего, военные колонии, расположенные на территории Сирии. Судя по недавно обнаруженным мозаикам из Апамеи на Оронте, даже в период поздней античности в коллективной памяти жителей этого поселения сохранялись представления об их македонским происхождении[1195]. Этим же стремлением обеспечить лояльность военных элит объясняется и появление новой иконографии монет Диодота Трифона.

[1192] Одним из свидетельств противостояния Трифона и Антиоха в Доре являются заряды для пращи с именем Трифона. См.: *Gera D.* Tryphon's Sling Bullet from Dor // Israel Exploration Journal. 1985. 2/3. P. 153–163.

[1193] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 69.

[1194] SC 2045–2047

[1195] *Olszewski M.T.* Memory and Ideology of the First Successors. P. 97–127.

Иконография монет Диодота Трифона неоднократно становилась предметом специального внимания исследователей, главным образом, ввиду неординарности и уникальности ключевого монетного типа – так называемого «шлема Трифона», представляющего интересный образец эллинистического вооружения – парадный шлем (рис. 98). Несмотря на более чем десяток трактовок данного монетного типа, все выводы сводились к замечаниям общего характера, прежде всего, о военном символизме данного сюжета, столь значимым для идеологии узурпатора-полководца[1196]. Между тем, идея о существовании реального прототипа для «шлема Трифона» практически никогда не поднималась исследователями, что исключало комплексный нумизматический и археологический анализ материала. В данном случае, пожалуй, наиболее ценной работой является исследование А. Сейрига, в котором авторская концепция хоть и сформулирована лишь в нескольких предложениях, но в отличие от большинства работ имеет законченный вид и, безусловно, важное научное значение[1197]. Так, А. Сейриг предположил, что «шлем Трифона» является не просто абстрактным символом воинской власти, но визуальной

[1196] Насколько мы можем судить, интерес к монетам типа «шлем Трифона» появился еще на ранних этапах изучения истории государства Селевкидов. Впервые о «шлеме Трифона» написал еще Ж. Фуа-Вайян (*Foy-Vaillant J.* Seleucidarum imperium, sive historia regum Syriae ad fidem numismatum accommodate. P. 283). Не обошел вниманием этот монетный тип и «отец нумизматики» И.-И. Эккель (*Eckel I.* Doctrina numorum veterum. III. P. 234), который видел в иконографии «шлема Трифона», в частности, рога, восточные корни. Разумеется, монеты Трифона попадали в поле зрения авторов крупнейших каталогов селевкидских монет: П. Гарднера (*Gardner P.* A Catalogue of Greek Coins in the British Museum. P. XXXIII, 68–69), Э. Бабелона (*Babelon E.* Les rois de Syrie d'Arménie et de Commagène. P. CXXXIX), Э. Ньюэлла (*Newell E.T.* Seleucid Mint of Antioch // AJN. 1917. P. 73), А. Хутона и К. Лорбер (*Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. 2002-2008. Vol. II. P. 337–338). Из всех известных нам исследований, посвященных анализу иконографии монет данного типа, стоит прежде всего выделить работы К. Элинга (*Ehling K.* Überlegungen zur Herkunft und Bedeutung des Helms auf den Münzen Antiochos' Vl. und Tryphons // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1997. S. 21–27) и Р. Фляйшера (*Fleischer R.* Studien zur seleukidischen Kunst. S. 68-70), а также наблюдения Б. Чрабасика (*Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 154–161), в которых представлен относительно полный анализ иконографии монетного типа «шлем Трифона». В остальных работах (*Baldus H.* Der Helm des Tryphon und die Seleukidische Chronologie der Jahre 146–138 // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1970. P. 217–239; *Fischer T.* Zu Tryphon // Chiron. 1972. S. 201–214; *Houghton A.* The Revolt of Tryphon. P. 119–141) данный монетный тип имеет лишь общее описание.

[1197] *Seyrig H.* Notes on Syrian Coins // American Numismatic Society Numismatic Notes and Monographs. 1950. P. 8.

репрезентацией оригинального артефакта, царского шлема, персонального символа его владельца – Трифона. К сожалению, выводы А. Сейрига не были подкреплены археологическими аналогиями и основывались лишь на компетентных предположениях самого ученого. Между тем, имеющийся в распоряжении археологический материал позволяет провести комплексный анализ «шлема Трифона» как образца царского парадного шлема эпохи эллинизма, а дополнительный анализ иконографии монетного изображения позволяет представить новую трактовку этого типа как важного идеологического инструмента в системе царской пропаганды узурпатора Диодота Трифона.

Монетный тип «шлем Трифона», с изображением головы Трифона вправо на лицевой стороне и шлема с рогом на оборотной, многократно тиражировался на монетах всех номиналов, отчеканенных от имени данного правителя, что представляет собой беспрецедентный опыт для монетного дела Селевкидов. Так, данный тип помещался на тетрадрахмах[1198], драхмах[1199], а также бронзовых номиналах[1200]. Стоит отметить, что количественно доля монет данного типа превышает 80% от общего числа монетных выпусков, что весьма нехарактерно для Селевкидов. Более того, кроме монет, изображение «шлема Трифона» помещено и на единственной известной царской весовой гире Трифона (рис. 26)[1201]. Важно заметить, что монетный тип «шлем Трифона» впервые появляется еще на монетах ставленника Трифона малолетнего царя Антиоха VI[1202], за несколько лет до узурпации власти самим Трифоном. Отдельно стоит обратить внимание на небольшую серию бронзовых монет с изображением рога горного козла, идентичного тому, что украшает шлем[1203]. Такая акцентуация, очевидно, подчеркивает не просто значимость рога как художественного элемента, но подчеркивает конкретный тип рога как особой

[1198] SC 2029–2031
[1199] SC 2032–2033
[1200] SC 2034–2035
[1201] Pondera ID 3600. О царских весовых гирях Селевкидов см.: *Смирнов С.В.* Царские весовые гири Селевкидов: обзор проблемы / ПИФК. 2. 2022. С. 142–151.
[1202] SC 2003
[1203] SC 2041

элемент-символ. Таким образом, «шлем Трифона» на протяжении всех лет правления узурпатора был не просто самым популярным, но, можно сказать, и единственным монетным типом. Монеты данного типа чеканились на главном монетном дворе в Антиохии на Оронте. Данные монетные выпуски отличаются высокой детализацией изображения, вплоть до мельчайших элементов декора шлема, а также профессиональным художественным исполнением[1204].

Подробное и детализированное изображение «шлема Трифона» позволяет представить основные особенности формы, конструкции и декора шлема. Сфероконическая тулья, украшенная рельефным фронтоном с волютами, переходит в профилированные поля, дополненные широкими вертикальными складками, как на шлемах беотийского типа. Ограниченный боковыми складками передний сегмент полей выполняет функции козырька, внутри него хорошо различим неширокий вкладыш. Шлем снабжен подвижными нащечниками сегментовидной формы, с небольшим треугольным выступом на середине стороны, обращенной к лицу. Тулья украшена сложным профилированным фигурным навершием, с декоративным обрамлением из объемных листьев. На лбу шлема размещаются крупные рога горного козла. Их гипертрофированный размер, вероятно, является художественной условностью. Вся поверхность шлема пышно украшена. На нащечниках изображен крылатый керавн. Назатыльник и фронтон украшены растительным орнаментом. О декоре козырька судить сложно, поскольку его перекрывает венок, надетый поверх шлема. На затылочной части различим декор в виде плющевого венка. Шлем также дополняет царская диадема. На тулье размещаются крупные круглые медальоны[1205]. В медальоне, расположенном на передней части тульи, можно достаточно уверенно различить силуэт орла. Во втором медальоне схематичность изображения, обусловленная размерами, не позволяет дать однозначную

[1204] *Fleischer R.* Studien zur seleukidischen Kunst. S. 68–69.

[1205] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Шлем Диодота Трифона: опыт нумизматического и археологического исследования // ВДИ. 3. 2023. С. 543.

интерпретацию образа. Это может быть и силуэт всадника, и некое фантастическое существо (Пегас, грифон, и т.д.)[1206].

В структуре царской иконографии Селевкидов монетный тип «шлем Трифона» занимает особое место. Из всего многообразия монетных изображений и символов, помещавшихся на монетах Селевкидов, только «шлем Трифона» имеет однозначную ассоциацию с конкретным правителем, в то время как остальные цари династии использовали более универсальную иконографию. Иными словами, изображение шлема данного типа встречается только на монетах Трифона, что позволяет рассматривать данный артефакт в качестве его персонального символа[1207]. Стоит отметить, что иконография монет Трифона заметно отличается от иконографии других селевкидских узурпаторов доминированием одного изображения. В отличие от Трифона, другой селевкидский узурпатор – Тимарх за свое непродолжительное правление отчеканил более восьми разнообразных монетных типов для монет различных номиналов. При этом из этого разнообразия монетных типов Тимарха сложно выделить доминирующий. Напротив, монетные типы строго сгруппированы по номиналам, в то время как «шлем Трифона» чеканился на монетах всех номиналов. Об иконографии другого узурпатора – Молона сделать какие-то обобщающие выводы сложно, ввиду малочисленности известных экземпляров его монет, но и те, что имеются в нашем распоряжении, как кажется, не объединены общим монетным типом.

[1206] А. Сейриг (*Seyrig H.* Notes on Syrian Coins. P. 8), а вслед за ним и А. Хутон и К. Лорбер (*Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. 2002–2008. Vol. II. P. 341), полагают, что во втором медальоне располагалась фигура пантеры.

[1207] Отождествление монетного типа «шлем Трифона» с его эмитентом довольно рано и крепко укоренилось в историографии, что стало полем для различных спекуляций. Так, еще в работе Ж. Фуа-Вайяна (*Foy-Vaillant J.* Seleucidarum imperium. P. 283) было сделано спекулятивное предположение, ставшее впоследствии *locus communis* для всех работ, вплоть до середины XX века, что второе имя Диодота – Трифон происходит от гомеровского τρυφάλεια (см.: *Babelon E.* Les rois de Syrie d'Arménie et de Commagène. P. CXXXIX; *Seyrig H.* Notes on Syrian Coins. P. 9). В современной трактовке имя Трифон принято соотносить с представлениями о царском τρυφή – роскоши и добродетели, которую часто приписывали себя селевкидские правители (*Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 156).

Другой особенностью монетного дела Трифона является разрыв с иконографическими традициями Селевкидов. В отличие от остальных узурпаторов и нелегитимных правителей, Трифон не использовал ни монетные типы самих Селевкидов, ни отдельные мотивы и изображения, характерные для династической царской иконографии. Для незаконных царей: Александра I, Антиоха VI и Александра II использование устоявшихся монетных типов Селевкидов было частью их легитимации. При этом выбор монетной иконографии во многом зависел от династических притязаний, декларируемых правителем. Так, и Александр I, и Александр II преимущественно чеканили монеты типа «Зевс Никефор», возрожденный царем Антиохом IV в 170/69 г. до н.э., которого оба позиционировали как своего предка, в противовес потомкам Деметрия I, которые намеренно не использовали этот монетный тип. Узурпаторы же старались не делать прямых заимствований, используя лишь общие иконографические сюжеты и мотивы. Так, единственная известная тетрадрахма Молона относится к типу «Ника, венчающая трофей»[1208], который чеканился еще Селевком I. Тимарх также использовал отдельные мотивы иконографии Селевкидов – изображение слона[1209], Артемиды, стреляющей из лука[1210], шагающей Ники[1211]. Кроме того, Тимарх намеренно заимствовал монетную иконографию ближайших соседей – правителей Греко-Бактрии. В отличие от всех предыдущих узурпаторов и незаконных претендентов на престол, Трифон чеканил монеты с абсолютно оригинальной иконографией, никогда не использовавшейся в монетном деле Селевкидов ни до него, ни после. Это обстоятельство также подчеркивает персональный характер изображения «шлема Трифона» и его структурообразующее значение для идеологии узурпатора и репрезентации его власти.

Примечательно и портретное изображение Трифона, помещенное на лицевой стороне его монет. Оно имеет несколько индивидуальных

[1208] SC 950
[1209] SC 1607
[1210] SC 1591
[1211] SC 1594

физиогномических особенностей, в частности: приоткрытый рот, длинные волосы, покрывающие затылок и часть шеи, завивающиеся локоны на лбу, что предает изображению динамичность, демонстрирует движение. По мнению Р. Фляйшера, портрет Трифона на монетах имеет очевидные сходства с портретом Александра (включая, ювенильность и анастоле), а также отдельные элементы образа «молодого Диониса», встречающиеся позже на известных изображениях Митридата VI[1212]. Кроме того, Р. Фляйшер отмечает еще два возможных прототипа портрета Трифона: изображение Александра на монетах Лисимаха и изображение Александра I[1213], а также Антиоха IV на посмертной серии монет, выпущенных Александром I[1214].

Стоит отметить, что изображение правителя в шлеме достаточно часто встречается в иконографии ранних Селевкидов. Так, первым оригинальным селевкидским монетным типом является тип «неизвестный в шлеме»[1215]. Также хорошо известна небольшая серия тетрадрахм Селевка I из Экбатан, на которых изображен всадник (Александр?) в рогатом шлеме[1216]. Редкие изображения Антиоха I в шлеме встречаются на эмиссиях бронзовых монет[1217]. Также царский портрет в шлеме чеканился на бронзовых монетах Александра I[1218] и Деметрия II[1219]. Примечательно, что в шлеме изображался на монетах и узурпатор Тимарх, впрочем, такой вариант его портрета помещался только на тетрадрахмах, в то время как на монетах других номиналов Тимарх изображался просто в царской диадеме. Кроме того, известны редкие изображения просто шлемов, исключительно на бронзовых монетах. Нет сомнений, что в каждом из этих случаев шлем выступал в качестве символа воинской доблести и полководческих талантов правителя, однако, отметим, что уровень художественного исполнения и степень детализации всех перечисленных

[1212] *Fleischer R.* Studien zur seleukidischen Kunst. S. 69.
[1213] SC 1784
[1214] SC 1885
[1215] SC 173
[1216] SC 203
[1217] SC 412
[1218] SC 1790
[1219] SC 1991

изображений существенно ниже, чем «шлем Трифона», что позволяет видеть в них прежде всего символ, а не визуализацию реального артефакта.

Особо примечательно присутствие в монетной иконографии Трифона дионисийских мотивов. Так, божественная титулатура ставленника Трифона – малолетнего Антиоха VI – включала имя бога Диониса, что никогда прежде не встречалось у Селевкидов. Дионисийские мотивы и символика были достаточно популярны в декоре воинского снаряжения эллинистической эпохи[1220]. Как уже было отмечено, шлем на монетах Диодота Трифона представляет значительный интерес как уникальный пример достоверно атрибутируемого царского доспеха II в. до н.э. Предположение А. Сейрига представляется совершенно справедливым – перед нами не некий абстрактный образ, размещенный на монете в качестве символа, а подробное, детализированное изображение конкретного предмета вооружения, каждый из элементов которого находит прямые археологические аналогии[1221].

Очевидно, что социальной опорой власти узурпатора были военно-политические элиты государства Селевкидов. Об этом можно судить, последовательно проследив роль Апамеи на Оронте (точнее, верхушки этого полиса) в политике самого Трифона. Стоит отметить, что Апамея на Оронте занимала особое место в структуре сирийского Тетраполиса – столичной агломерации государства Селевкидов. Этот город являлся крупнейшей военной базой Селевкидов в регионе, некогда располагавшей не только внушительным воинским контингентом, но и знаменитым слоновником, который, впрочем, к середине II в. до н.э. уже был ликвидирован. Судя по недавно открытым мозаикам III в. н.э., Апамея была основана как македонская катойкия, вероятно еще в период войн диадохов[1222]. Появление на одной из мозаик, посвященных основанию Апамеи, Антипатра является репрезентацией позднеантичного варианта городской легенды, которая могла быть отражением более ранней

[1220] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Шлем Диодота Трифона. С. 547–548.
[1221] *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Шлем Диодота Трифона. С. 548–551.
[1222] *Olszewski M.T., Saad H.* Pella-Apamée sur l'Oronte. P. 365–408.

традиции о македонских корнях первых ее поселенцев. Согласно сообщению Страбона (XVI. 2. 10), Диодот Трифон был уроженцем Апамеи. Именно Апамея была ключевым форпостом его власти и местом его гибели. Это обстоятельство безусловно демонстрирует высокий статус полиса, который он приобретает в этот период времени. Нет сомнений, что именно поддержка апамейцев, которые представляли собой костяк военной элиты государства Селевкидов, стала ключевым фактором прихода к власти Диодота Трифона.

4.4. Антиох VII и Деметрий II – попытка стабилизации

4.4.1. Иконография монет Антиоха VII – четвертая смена иконографической модели

Правление царя Антиоха VII (138–129 гг. до н.э.), младшего сына Деметрия I и брата Деметрия II, является рубежным в истории государства Селевкидов. С именем Антиоха VII связана последняя попытка восстановления территориальной целостности распадающейся державы, последняя восточная кампания и последняя унификации монетной иконографии, что, пожалуй, как нельзя лучше иллюстрирует общие политические намерения самого царя. Царствование Антиоха VII, несмотря на амбициозность его политики и локальные успехи, завершает период истории государства Селевкидов, который можно назвать временем «упущенных возможностей». После гибели Антиоха VII государство Селевкидов окончательно погрузилось в кризис, из которого уже не выбралось никогда.

Правление Антиоха VII, как и царствование его отца Деметрия I, началось со свержения узурпатора. Пожалуй, за два с половиной десятилетия, что отделяют правления отца и сына, все новые правители династии Селевкидов уже привыкли к тому, что их интронизация была неизбежно сопряжена с обязательным свержением самозванца, который претендовал на всю полноту царской власти, либо на какую-то ее часть. После того как старший брат Антиоха

Деметрий II попал в плен к парфянам Антиох получил возможность вернуться в Сирию, откуда был вывезен еще ребенком в малоазийский город Сиде, где и провел все юношеские годы. В 138 г. до н.э. Антиох находился на Родосе, где и получил известия о пленении своего брата (App. *Syr*. 68). Высадившись в Селевкии в Пиерии, он развернул масштабную военную кампанию против Диодота Трифона, узурпировавшего селевкидский престол.

Краткая история воцарения Антиоха VII пересказана в пятнадцатой главе Первой Маккавейской книги и удивительным образом согласуется с данными нумизматики. В тексте сказано, что Антиох вернулся на «землю отцов своих» в 174 году СЭ (I Масс. 15. 10). К этому же году (174 СЭ=139/8 г. до н.э.) относится и первый выпуск бронзовых монет в Антиохии на Оронте[1223] и Селевкии в Пиерии[1224]. Прибытие Антиоха в Сирию изменило расстановку сил. Молодой царь быстро собрал большое войско и выдвинулся против Трифона, который укрылся в финикийской крепости Дора. Как именно новый правитель сумел в столь короткие сроки собрать столь значительные силы рассказывает все та же Первая Маккавейская книга. В ней упомянуто соглашение Антиоха с иудейским первосвященником Симоном, которому взамен на поддержку были обещаны кроме политических и экономические свободы, включая самостоятельную чеканку монеты (I Масс. 15. 6), что впоследствии стало причиной разлада отношений между Антиохом и Симоном. Несмотря на продолжительную осаду Доры, Трифону все же удалось ускользнуть из крепости, вероятно, не без помощи Птолемея VIII[1225]. Преследуя Трифона, Антиох буквально шел след в след за сбежавшим узурпатором. Фронтин сообщает (*Strat*. 2.13.2), что, спасаясь от погони, Трифон разбрасывал за собой монеты, чтобы отвлечь преследователей. В итоге Трифон оказался в своей родной Апамее, где и завершил свою жизнь (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 224; App. *Syr*. 68; Strabo. 14.5.2). Власть в

[1223] SC 2066

[1224] SC 2074

[1225] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 191–192; *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. Josephus and beyond. London – Bew York, 2016. P. 40–41; *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 29; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 90.

государстве Селевкидов вновь перешла к законному представителю царской династии.

Следующим испытанием для Антиоха VII стала борьба с Иудеей. Территориальный конфликт между Антиохом и Симоном Маккавеем вылился в полноценную войну. В 135 г. до н.э. Симон был убит своим родственником Птолемеем, стремившимся занять должность первосвященника. Однако Симону наследовал его сын Гиркан. Воспользовавшись разногласиями внутри династии Хасмонеев, Антиох VII вторгся в Иудею и осадил Иерусалим. Точная дата этого вторжения неизвестна, но большинство исследователей помещают ее в промежуток между 135/4 и 130 годами до н.э.[1226] Противостояние завершилось снятием осады и заключением мира. Условия договора устраивали обе стороны. Иудея получала автономный статус в рамках государства Селевкидов (о чем свидетельствует начало чеканки в Иудее автономной бронзовой монеты)[1227], а Антиох VII получал от Иудеи поддержку в других военных кампаниях (Ios. *Ant. Iud.* XIII. 8; Diod. XXXIV/XXXV. 1. 1-5; Porphyr. FGrHist. 260. F. 32. 17).

Ключевым событием всего правления Антиоха VII стал поход на восток против Парфии, целью которого было возвращение утраченных Селевкидами территорий, прежде всего, Месопотамии и Селевкии на Тигре (Iust. XXXVIII. 10. 1 – XXXIX. 1. 6; Diod. XXXIV/XXXV. 15-18; App. *Syr.* 68; Porphyr. FGrHist. 260. F. 32. 19; Euseb. *Chron*. I. 255-257)[1228]. К. Элинг предполагает, что восточному походу предшествовала масштабная подготовка, которая включала не только набор войска и сбор средств для предстоящей кампании, но и создание

[1226] *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. P. 56; *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 195; *Dambrowa E.* The Hasmoneans and Their State. A Study in History, Ideology, and the Institutions. Kraków, 2010. P. 67–69. См. материалы последних археологических исследований: *Ariel D.T.* Archaeological Evidence for the Siege of Jerusalem by Antiochus VII Sidetes // Les derniers Séleucides et leur territoire. Actes du colloque international organisé à Nancy les 20 –22 novembre 2019 (Études nancéennes d'histoire grecque 4) / In C. Feyel, L. Graslin (eds.). Nancy-Paris. P. 232–279.

[1227] SC 2123

[1228] См. детальное исследование этого похода: *Fischer T.* Untersuchungen zum Partherkrieg Antiochos' VII. im Rahmen der Seleukidengeschichte. Tübingen, 1970.

нужной идеологической основы, включая формирование образа царя-эвергета и царя-полководца. Все это нашло отражение в организации массовых праздников, которые напоминали те, которые устраивал перед своим восточным походом Антиох IV в Дафне[1229]. По свидетельству Афинея (210d), Антиох устраивал богатые приемы и пиры, на которых кроме угощений раздавались подарки. Несмотря на то, что сам Афиней проводит недвусмысленное сравнение между пирами Антиоха IV и Антиоха VII, в отличие от праздников в Дафне, торжества Антиоха VII никак не отражены в памятниках нумизматики.

Весной 131 г. до н.э. царь Антиох во главе 80-ти тысячного войска выдвинулся на восток. Юстин (XXXVIII.10.3) упоминает о большом количестве золота и серебра, которое имелось в войске. Нет сомнений, что подготовка к походу включала и активную чеканку монеты, которую производил монетный двор Антиохии на Оронте. Стоит обратить внимание на объемы чеканки монетного двора Антиохии, которые, судя по количеству эмиссий, имели весьма внушительные масштабы и не уступали объемам чеканки Деметрия I. Штемпельный анализ свидетельствует о взрывном росте объемов монетного производства Антиохии на Оронте – всего 116 штемпелей лицевой стороны за 11 лет правления, то есть около 10,5 штемпелей в год. Штемпельное исследование К. Лобреб показывает, что большая часть штемпелей использовалась в период накануне восточного похода. Это свидетельствует о серьезной финансовой подготовке к предстоящей военной кампании, сравнимой военными кампаниями Антиоха III[1230].

Одержав победу над парфянским полководцем Индатом (Ios. *Ant. Iud*. XIII. 8. 4)[1231], Антиох занял Дура-Европос и Вавилон. После занятия Вавилонии, была предпринята попытка заключить мир с Фраатом II (Diod.

[1229] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 200; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 137.

[1230] *Lorber C.* Die Study of the Antioch Tetradrachms of Antiochus VII Euergetes // The NC. 2016. 176. P. 34–39.

[1231] *Assar. G.* The Date of the Battle at the River Lycus. Antiochus VII Defeat the Parthian General Indates on Friday 12 June 130 BC // Ancient Iranian Numismatics. In Memory of D. Sellwood / M. Faghfoury (ed.). Irvine, 2020. P. 7–57.

XXXIV/XXXV.15). Однако условия Антиоха, включавшие территориальные претензии и требования выплаты контрибуции, оказались неприемлемыми. Судя по возобновлению монетной чеканки в Сузах и Экбатанах, масштаб похода достиг невероятных размахов. Однако зимой 130/129 года парфяне неожиданно перехватили инициативу. Воспользовавшись многочленными конфликтами между расквартированными воинами селевкидского войска с местным населением, парфяне предприняли успешную попытку серии нападений на отдельные отряды. В результате большая часть армии была уничтожена, а сам царь Антиох погиб в сражении. По приказу Фраата тело царя было с высочайшими почестями отправлено в Сирию (Iust. XXXVIII. 10. 10; XXXIX. 1. 6; Diod. XXXIV/XXXV. 17).

Иконография монет Антиоха VII имеет ряд особенностей. Наиболее заметным отличием является доминирование одного монетного типа для тетрадрахм и одного для драхм. Исключая выпуски периферийных монетных дворов, которые уже довольно давно чеканили монеты с локальной иконографией, все царские монетные дворы были ориентированы на один монетный тип. При этом наблюдается переход к новому ключевому монетному типу тетрадрахм – «голова царя/Афина Никефора» (рис. 210). Эта смена ключевого монетного типа демонстрирует четвертую смену иконографической модели в истории государства Селевкидов. Доминирование этого монетного типа весьма значительно. Из пяти монетных типов, использовавшихся для чеканки тетрадрахм Антиоха VII, тип «голова царя/Афина Никефора» занимает 63% от общего количества монетных эмиссий. При этом, остальные четыре типа относятся к локальной иконографии и использовались для продукции периферийных монетных дворов. Единство монетной иконографии характерно и для драхм. Так, ключевой монетный тип драхм Антиоха VII – «голова царя/Ника» (рис. 211) – занимает 51% от всех эмиссий мелких серебряных номиналов, и также, как и в случае с тетрадрахмами, этот тип чеканится на всех центральных монетных дворах.

Такая унификация монетной иконографии может интерпретироваться как целенаправленная и централизованная акция. Данную унификацию можно сравнить с той, что наблюдается в период правления Антиоха III, с одной лишь разницей – при Антиохе III для тетрадрахм и драхм использовался один и тот же тип, а не два, как при Антиохе VII. Такое разделение типов по номиналам объясняется изменением практики обмена одних номиналов на другие и увеличением объемов чеканки бронзовой монеты, что неизбежно вело к сближению платежных возможностей бронзовых монет с мелким серебром. При этом, если введение единого типа для тетрадрахм не является уникальным, интерес вызывает то обстоятельство, что в отличие от иконографического разнообразия драхм и бронзовых номиналов, присущего для монетного дела предшественников, для драхм Антиоха VII используется лишь один тип. Данное наблюдение является свидетельством намеренного государственного контроля за выпуском монеты и использованием определенной стратегии денежной политики, отражением которой и является унификация монетной иконографии.

В чем же заключалась причина этой унификации?

Унификация монетного типа при Антиохе VII, как и при Антиохе III, была вызвана исключительно рациональным экономическим пониманием монетной чеканки. Грандиозный восточный поход, который осуществили каждый из этих правителей, нуждался в серьезном финансовом обеспечении. Чеканка монеты одного типа была необходима для того, чтобы сформировать у держателей монеты (прежде всего, воинов) доверие к данному платежному средству. Государство было заинтересовано в этом, поскольку самостоятельно объявляло номинальную стоимость монеты, дополнительно закладывая в ее стоимость расходы на ее изготовление и прибыль. Судя по метрологическому исследованию О. Хувера, средний вес тетрадрахм Антиоха VII, производства монетного двора Антиохии, не претерпел существенных изменений[1232].

[1232] *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia. P. 1.

Напротив, весовой стандарт монетных дворов Тира и Сидона снижается (в среднем на 0,44% и 0,36%), по сравнению с предыдущим правлением[1233]. Исследования состава монетного металла показывают, что доля примеси меди в тетрадрахмах Антиоха VII, выпускавшихся на монетном дворе Антиохии на Оронте, вырастает в два раза, по сравнению с правлением Деметрия I и даже Антиоха VI и достигает более 4%[1234]. Казалось бы, столь несущественное увеличение примеси недрагоценного металла можно списать на технологическую погрешность, однако, в динамике такое увеличение доли меди в монетном сплаве наблюдается только при Антиохе VII, что говорит о целенаправленном изменении сплава монетного металла. Добавление большего количества меди позволяло государству в масштабах обильного монетного производства извлечь дополнительную финансовую выгоду.

Итак, можно утверждать, что главной причиной иконографической унификации стала необходимость регулярного финансирования военных кампаний и, прежде всего, восточного похода. Использование переоценки стоимости платежного средства позволяло государству искусственно увеличить платежеспособность монеты. Унификация монетной иконографии позволяло использовать этот финансовый инструмент.

Такое целевое предназначение монет Антиоха VII подтверждается и территорией их обращения, что наглядно демонстрируют данные монетных кладов. Зона обращения монет Антиоха VII включает несколько регионов: северная Сирия[1235], Восточная Анатолия[1236], северная Месопотамия[1237], Мидия[1238], Кавказская Албания и Армения[1239]. Отчасти, география обращения тетрадрахм

[1233] *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia. P. 3–4.

[1234] *Alinezhad Z., Dehpahlavan M., Lamei Rashti M., Oliaiy P.* Elemental Analysis of Seleucid's Silver Coins from Hamadan Museum by PIXE Technique // Radiation Physics and Chemistry. 2019. P. 167–168.

[1235] IGCH 1568, 1780

[1236] IGCH 1451, 1454

[1237] IGCH 1778

[1238] IGCH 1813

[1239] IGCH 1737, 1746

Антиоха VII совпадает с маршрутом его похода. Попадание монет Антиоха в отдаленные области к северу от Мидии объясняется интенсивными культурно-экономическими контактами между этими регионами, а случаи обнаружения здесь кладов селевкидских монет как более раннего, так и более позднего времени хорошо известны. Тетрадрахмы Антиоха VII типа «голова царя/Афина Никефора» стали одним из наиболее востребованных платежных средств в регионе восточной Малой Азии, Месопотамии и Закавказья на рубеже II и I вв. до н.э. Это хорошо подтверждают многочисленные выпуски имитаций этих монет, чеканившиеся в Каппадокии на протяжении нескольких десятилетий[1240]. Фактически, эти монеты являются не столько имитациями, сколько полноценными копиями, внешне практически неотличимыми от оригинала, что стало причиной их совместного обращения. Разумеется, главной причиной выпуска этих имитаций является спрос на монеты данного типа и доверие им со стороны потенциальных держателей.

Монетный тип тетрадрахм не был нововведением Антиоха VII. Впервые у Селевкидов изображение стоящей Афины, держащей в руке Нику, в сочетании с царским портретом появляется на тетрадрахмах Александра I из Селевкии на Каликанде[1241], однако, представляло собой скорее маргинальный, хоть и весьма масштабный, опыт использования локальной иконографии. Одним из вариантов этого типа является изображение сидящей Афины Никефоры. У Селевкидов оно также появляется в середине II в. до н.э. При Антиохе VII тетрадрахмы с сидящей Афиной Никефорой чеканятся в Солах (рис. 212)[1242]. Данное изображение восходит к изображениям Афины на монетах Лисимаха, где фигура сидящей Афины Никефоры встречается впервые. Оба этих варианта изображений Афины Никефоры находят близкие аналогии в монетном деле

[1240] *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* Cappadocian Tetradrachms in the name of Antiochus VII // NC. 2006. 166. P. 49–98; *Krengel E., Lorber C.* Early Cappadocian Tetradrachms in the name of Antiochus VII // The NC. 2009. 169. P. 51–104.

[1241] SC 1776. *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Seleucia on the Calycadnus // Numismatic Studies in Memory of C.M. Kraay and O. Mørkholm / G. Le Rider, K. Jenkins, N. Waggoner, U. Westermark (eds.). Louvain-la-Neuve, 1989. P. 79–98.

[1242] SC 2050. А. Хутон склонен видеть в этом изображении проявление локальной иконографии. См.: *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Soli // NC. 1989. P. 15–32.

Киликии и Памфили IV в. до н.э. Изображение сидящей Афины, опирающейся на щит и копье, известно на монетах киликийского Малла (рис. 213)[1243]. Несмотря на идентичное положение фигуры, в данном случае Афина изображена без Ники. По всей видимости, здесь представлена локальная ипостась Афины – Афина Магарсия, хорошо известная на монетах Селевкидов из Малла. Более близким вариантом изображения Афины Никефоры стоит признать серию монетных изображений IV в. до н.э. городов Памфили: Сиде и Перге. На монетах этих центров представлено изображение Афины, держащей в руке Нику, идентичное тем, что мы можем видеть на селевкидских монетах II в. до н.э. Монетная чеканка городов Памфилии и Киликии, несмотря на долгую традицию, осуществлялась нерегулярно с большими перерывами. Тем не менее и в начале II в. до н.э. (очередной короткий период всплеска монетного производства в этом регионе) изображение Афины и Ники вновь появляются на монетах Сиде, хотя и в несколько измененном формате: голова Афины на лицевой стороне, фигура Ники на оборотной[1244].

В иконографии тетрадрахм Антиоха VII в целом заметно влияние малоазийских традиций II в. до н.э. Кроме изображения Афины Никефоры, популярной в Малой Азии, другим малоазийским компонентом изображения можно считать венок, окружающий изображение оборотной стороны. Появление этого венка является своего рода «приметой эпохи» или данью моде. Монеты с изображением оборотной стороны в венке появились в Восточном Средиземноморье в середине II в. до н.э. со времени чеканки знаменитых афинских «стефанофоров», но большую популярность они получили в Малой Азии, где такие монеты с венками чеканили на нескольких монетных дворах[1245]. До Антиоха VII отдельные попытки чеканки монет с венком предпринимали Деметрий I (нетипичное изображение царского портрета в венке), Антиох VI и Трифон, однако, по-настоящему «венценосными» можно назвать только

[1243] *Casabonne O.* La Cilicie à l 'époque achéménide. Type 12.
[1244] *Meadows A.* Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World. P. 53–63.
[1245] *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 56–61.

монеты Антиоха VII. Нумизматическая связь между Селевкидами и полисами Западной Малой Азии была неоднократно продемонстрирована выше. Вероятно, такая стилистическая и сюжетная близость монет Антиоха VII малоазийскому монетному делу стала одной из причин производства их массовых имитации в Каппадокии.

Также особенностью монетной иконографии Антиоха VII стоит назвать отсутствие изображений, которые выполняли бы функцию легитимации. Во всяком случае это утверждение справедливо для тетрадрахм и драхм. Ни изображения Афины Никефоры, ни изображения идущей Ники не имеют устойчивой традиции использования в корпусе царской иконографии Селевкидов. Изображения Ники и Афины встречаются на монетах селевкидских царей, однако, ни в одном из случаев они не являются иконографической доминантой. Не появляются на монетах Антиоха и династические символы: якорь, голова лошади и т.д. Причина этому – трансформация образов власти, которая ко второй половине II в. до н.э. привела к девальвации традиционных символов и формированию нового идеолого-иконографического канона. Весьма примечательно, что в отличие от своих предшественников Деметрия I и Александра I, Антиох VII не использует такой действенный инструмент легитимации как парный портрет. Несмотря на то, что власть Антиоха VII каким-то образом строилась на союзе с царицей Клеопатрой Теай, которая и пригласила Антиоха занять престол, никаких нумизматических свидетельств этого союза мы не находим. Исключением можно считать лишь иконографию бронзовых выпусков Антиохии на Оронте, где на оборотной стороне помещался знак Исиды – отсылка к египетскому происхождению царицы.

Удивительно, что монетные портреты Антиоха VII заслужили мало внимания исследователей. Р. Фляйшер посвятил анализу портретов Антиоха VII лишь небольшую заметку[1246]. А. Хутон и К. Лорбер называют портреты Антиоха VII идеализированными. В качестве аргумента они приводят портрет

[1246] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 71.

царя на монетах из Селевкии в Пиерии[1247] – одних из первых монет Антиоха. Здесь портрет Антиох VII лишен идеализации, характерной для портретов Антиохии на Оронте и других центров, и выглядит более натуралистичным[1248]. Между тем, М. Ковач отметил, что стилистика портрета Антиоха VII соответствовала общей портретной стилистике Селевкидов[1249], что можно было бы рассматривать как демонстрацию династической связи, легитимирующей власть Антиоха. Как отмечает Р. Фляйшер, прическа Антиоха VII имеет несколько общих стилистических элементов (а частности положение волос на лбу) с прической его отца Деметрия I[1250]. Однако общий стиль прически Антиоха VII с волосами на затылке, как, впрочем, и всех поздних Селевкидов, больше соответствует той портретной модели, которая впервые появляется на портретах узурпатора Трифона, что не противоречит идее использования портрета как инструмента легитимации. Более того, портреты Антиоха VII выполнены в стилистике трюфэ, что также было характерно для портретов Диодота Трифона или царей династии Птолемеев. Также влияние птолемеевского портрета прослеживается и при изображении глаз Антиоха VII. В отличие от портретов других Селевкидов, глаза на портретах Антиоха VII изображаются более выпуклыми, что характерно для портретного искусства эллинистического Египта. Штемпельный анализ, проведенный К. Лорбер, показывает, что внешность царя Антиоха VII намеренно постепенно изменялась от эмиссии к эмиссии[1251]. Это очень редкий прием, который практически не находит аналогий в монетном деле Селевкидов. Единственным случаем похожей возрастной динамики царского монетного портрета являются выпуски Антиоха III. Это обстоятельство, вместе с тотальной унификаций монетного типа, демонстрирует заимствование Антиохом VII опыта монетного производства Антиоха III.

[1247] SC 2075
[1248] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 352.
[1249] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 421.
[1250] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 71.
[1251] *Lorber C.* Die Study of the Antioch Tetradrachms. P. 34.

Выпуски бронзовых монет демонстрируют большую сюжетную вариативность, чем тетрадрахмы и драхмы. Монетный двор Антиохии выпустил несколько эмиссий бронзовой монеты разных типов. Одними из наиболее многочисленных были выпуски типа «бюст Эрота/знак Исиды». Очевидная египетская символика данного типа может быть отсылкой к происхождению царицы Клеопатры Теи. Подобные египетские символы (знак Исиды и орел) встречаются на бронзовых монетах, выпущенных в период совместного правления Антиоха VIII и Клеопатры Теи[1252], а также единоличного правления Антиоха VIII[1253]. Интерпретация других типов вызывает большие трудности. Так, тип «прора/трезубец»[1254] символически связан с морской тематикой. Символизирует ли он прибытие морем Антиоха в Селевкию в Пиерию, что положило начало его правлению, либо что-то принципиально иное, утверждать невозможно. Схожим образом обстоит дело и с типом «голова льва/палица»[1255], который, без сомнений, связан с культом Геракла, хотя сам Геракл ни разу не появляется на монетах Антиоха VII. Выпуски бронзовой монеты остальных монетных дворов демонстрируют окончательный разрыв с официальной иконографией и переход к локальным сюжетам. Редкий случай чеканки селевкидской монеты в Иерусалиме не является исключением. Здесь чеканились два типа: «лилия/якорь» и «шлем/афластон»[1256]. Безусловно, якорь можно было бы трактовать как символ династии Селевкидов, однако, изображаемый здесь якорь уже можно считать локальным символом. В таком виде, вплоть до нюансов иконографии, он чуть позже появляется на монетах Александра Янная.

Наиболее любопытной для исследователя является серия золотых статеров, отчеканенных от имени Антиоха VII на неопределенном восточном монетном дворе[1257]. Данные статеры отличаются от выпусков серебряных и бронзовых монет. Они отчеканены по типу «голова царя/Ника на колеснице». В

[1252] SC 2274
[1253] SC 2307–2308
[1254] SC 2063–2064
[1255] SC 2068
[1256] SC 2122
[1257] SC 2134

поле монеты стоит дата – 179 СЭ = 134/3 г. до н.э. Титулатура, помещенная в легенде, сохранила уникальный эпитет «Великий», который крайне редко встречается в титулатуре Антиоха VII[1258]. Согласно сообщению Юстина (XXXVIII.10.6), эпитет «Великий» Антиох получил после освобождения Вавилона от власти парфян, что противоречит дате, помещенной на монете, поскольку в 134/3 г. до н.э. восточный поход еще не начался. С другой стороны, сообщение Юстина о получении эпитета именно от вавилонян в знак их освобождения напоминает подобный случай с отцом Антиоха VII царем Деметрием, который, по сообщению Аппина (*Syr.* 67), также получил эпитет «Спаситель» от вавилонян в знак благодарности за освобождение их от тирании Тимарха.

Викториальный мотив данного монетного типа задает определенный вектор интерпретации. К. Элиг вслед за А. Хутоном полагает, что данная монета была выпущена в память о победе над Иоанном Гирканом[1259], однако, никак не аргументирует свою точку зрения. Изображение колесницы на статерах Антиоха VII иконографически близко изображениям на монетах селевкидского узурпатора Тимарха и раннеэллинистического правителя Бактрии Вахшувара. При этом, титулатура на монетах Тимарха также содержит эпитет «Великий». Есть ли связь между этими выпусками, утверждать не приходится ввиду отсутствия более существенных аналогий. Разделяя общий ход мыслей К. Элига и А. Хутона о победном символизме данной серии, можно предположить, что ее выпуск был связан не с победой над Иудеей, но с предстоящим походом на восток, который позиционировался как победоносный. Выпуски монеты с победной иконографией, которые предвосхищали восточный поход, известны также в монетном деле Антиоха IV. Возможно, в данном случае мы имеем дело с аналогичной практикой.

[1258] Две надписи с Делоса: OGIS 255–256, из Ака-Птолемаиды (*Landau Y.H.* A Greek Inscription Found Near Hefzibah // Israel Exploration Journal. 1961. P. 118–126).

[1259] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S.196.

4.4.2. Деметрий II – две иконографические модели?

Из общей массы селевкидских правителей Деметрий II выделяется тем, что был единственным царем из всей династии, который дважды занимал царский престол. Первый раз это произошло после свержения Александра I в 145 г. до н.э., второй раз после гибели Антиоха VII в 129 г. до н.э. Оба раза Деметрий продержался у власти недолго и в совокупности правил менее десяти лет. Оба правления Деметрия пришлись на период упадка государства Селевкидов, который заключался в территориальных потерях, внутренней борьбе за престол, ослабившей центральную власть, локальном сепаратизме и борьбе с придворными и столичными элитами. Отдельным испытанием стали военные и дипломатические поражения во внешней политике: влияние Рима и его союзников, усиление влияния Египта, а также война с Парфией, которая для Деметрия окончилась пленом. К сожалению, общим местом для исследований по истории поздних Селевкидов является слабая представленность этих событий в источниках, поэтому зачастую восстановить полную картину хода политической истории, а тем более идеологической реакции на происходящие события не представляется возможным. Царская иконография восполняет этот пробел и позволяет представить оригинальный взгляд на события и идеологию правления Деметрия II. Анализируя царскую иконографию Деметрия II, мы отступим от принятого хронологического принципа изложения материала и рассмотрим иконографический материал, сопоставив оба правления этого царя. Однако, прежде чем перейти к этому сравнению, стоит привести исторический контекст.

Деметрий II, сын Деметрия I и брат Антиоха VII, провел свои детские годы вне государства Селевкидов на Крите. Прибывание Деметрия на Крите играло для возвращения законного наследника важную роль. В 147 г. до н.э. Деметрий во главе войска наемников, костяк которых составляли критяне, высадился в Киликии. Ключевой фигурой правления Деметрия стал лидер

критских наемников Ласфен[1260]. В источниках Ласфен назван «отцом» (I Macc. 11. 31) и «сородичем» (Ios. *Ant. Iud.* 13. 4. 9) царя, что подчеркивает высокий политический статус этого персонажа. Довольно быстро в конфликт Деметрия и Александра I были вовлечены Иудея, сохранившая верность Александру, а также египетский царь Птолемей VI. Последний начал масштабное вторжение в Финикию и Келесирию. Довольно быстро Птолемею удалось занять ряд ключевых городов побережья, включая Ака-Птолемаиду, где Птолемей VI отчеканил серию собственных монет. После попытки неудачного покушения на Птолемея VI, которая могла быть провокацией с египетской стороны, войска двинулись на север в сторону Селевкии в Пиерии. Александр, отказавшийся выдавать Аммония – организатора покушения, был лишен египетской поддержки (Ios. *Ant. Iud.* 13. 4. 6). Напротив, Деметрий II был выбран в качестве нового союзника и получил в жены Клеопатру Тею, дочь Птолемея VI и первую жену Александра I, которого Клеопатра покинула сразу после начала конфликта с Деметрием (I Macc. 11. 9). В конечном итоге, антиохийцы пустили в город египетское войско[1261]. Однако перспектива правления Деметрия II была для антиохийских элит сомнительной, поскольку в памяти многих было предательство антиохийцами Деметрия I. Опасаясь грядущей мести, жители Антиохии предложили править Птолемею, однако тот, опасаясь конфликта с Римом, как утверждает К. Элинг[1262], вынудил жителей возложить диадему на голову Деметерия. Узнав об этих политических перестановках, Александр двинулся к Антиохии и дал сражение войскам Птолемея и Деметрия, из которого он вышел проигравшим. После поражения Алекасандр бежал к арабам, где был убит. В этом же сражении был смертельно ранен и Птолемей VI (Ios. *Ant. Iud.* 13. 4. 8). Таким образом, весной 145 г. до н.э. Деметрий II остался единоличным правителем Сирии.

[1260] *Paoletti L.* Cretan Soldiers at the Seleucid Court and the Enigmatic Case of Lasthenes: from μισθοφόρος to ἐπὶ τῶν πραγμάτων? // DHA. 2022. 2. P. 131–151.

[1261] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 42; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 75.

[1262] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 163.

Довольно быстро Деметрий II сумел найти общий язык с иудейским первосвященником Ионатаном, с которым было заключено соглашение, позволяющее сохранять иудейскую автономию в рамках селевкидской державы. В обмен иудеи обеспечили царю военную поддержку, которая была необходима после сокращения Деметрием выплат войску и начала открытого выступления против его власти жителей Антиохии[1263]. Иосиф Флавий (Ios. *Ant. Iud.* 13.5.3) передает детали этого мятежа, который удалось подавить лишь при помощи наемников и иудейских воинов. Последствия для города были серьезными: часть города пострадала в результате пожара, часть жителей была истреблена. Все это привело к началу более масштабного волнения, которое возглавил царский полководец Диодот Трифон.

Финалом первого царствования Деметрия II стал восточный поход царя против парфян[1264]. В 139/138 г. до н.э. Деметрий сумел отбить у Митридата I Селевкию на Тигре, однако, в конечном итоге потерпел поражение и попал в плен (App. *Syr*. 67-68). Пленение Деметрия II было сильнейшим ударом по репутации царской власти. Трон занял Диодот Трифон, который первое время правил при малолетнем Антиохе VI, а после сам узурпировал власть. Плен Деметрия можно назвать почетным. Он не был заключен под стражу, напротив, Митридат выдал за Деметрия свою дочь Родогуну. Тем не менее Деметрий предпринял минимум две попытки к бегству. В результате уже после вторжения Антиоха VII в Вавилонию Деметрий был отпущен Фраатом II в надежде на скорый конфликт между братьями, чего, впрочем, не случилось[1265].

Второе правление Деметрия II оказалось еще более тяжелым, чем первое. В восточном походе Антиоха VII вместе с царем погибла и большая часть военной аристократии Селевкидов. Юстин (XXXIX.1.1) и Диодор

[1263] *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. P. 28–29.

[1264] См. раздел 4.4.3. О восточном походе Деметрия II см.: *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 183–185; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 83–86.

[1265] Истинные причины, по которым Деметрий II был отпущен Фраатом, остаются неизвестны. Уже после освобождения Фраат предпринял безуспешно попытался вернуть Деметрия. В итоге, Фраат женился на дочери Деметрия, которая сопровождала Антиоха VII в восточном походе (Iust. XXXVIII. 10. 11).

(XXXIV/XXXV.17.1) упоминают о серьезных потерях и большой скорби антиохийцев по погибшим воинам. Последующие события политической истории показывают, что восточный поход Антиоха VII был последней крупной военной кампанией Селевкидов, что отчасти связано и с невосполнимыми потерями большей части войска и командующего состава. Несмотря на потери, Деметрий II не оставлял военных амбиций. Будучи не принятым жителями Антиохии и Апамеи (Iust. XXXIX.1.3.), Деметрий отправился в Иудею, надеясь вернуть контроль над сирийскими территориями, захваченными иудеями в период похода Антиоха VII (Ios. *Ant. Iud.* XIII.9.3). В это же время египетская царица Клеопатра II, теща Деметрия, предложила ему вмешаться во внутренний династический конфликт и выступить против царя Птолемея VIII (Iust. XXXIX.1.2). Деметрий охотно принял предложение, но не располагал достаточными силами для войны. В ответ на это Птолемей VIII решил спровоцировать внутренний конфликт в государстве Селевкидов и возвести на престол узурпатора под именем Александр, который выдавал себя за сына Александра I (Iust. XXXIX.1.4-5). Поддерживаемый египетскими войсками, Александр одержал победу над Деметрием (Ios. *Ant. Iud.* XIII.9.3). Деметрий вынужден был удалиться к своей жене в Ака-Птолемаиду, но не был принят ей. После этого Деметрий попытался высадиться в Тире, но был убит (Iust. XXXIX.1.2; Ios. *Ant. Iud.* XIII.9.3).

Монетная иконография Деметрия II типологически различается по его правлениям, но при этом довольно строго выстроена в рамках единой модели унификации монетных типов. Исключая периферийные монетные дворы, которые, как и прежде, чеканили локальные сюжеты на царских монетах, ключевым монетным типом тетрадрахм перового периода правления был «Аполлон на омфале» (рис. 214), для второго «Зевс Никефор» (рис. 215): 49% и 63% соответственно от общего числа эмиссий тетрадрахм. Объемы монетного производства известны только для второго правления. Монетный двор Антиохии

использовал за пять лет 13 штемпелей лицевой стороны, а Дамаска – 15[1266]. Учитывая тот факт, что Деметрий занимал Антиохию лишь в 129–128 гг. до н.э. можно сделать вывод, что в среднем он использовал ок. 6,5 штемпеля в год. За этот период в Антиохии были отчеканены 9 эмиссий тетрадрахм. Принимая во внимание, что в первый период правления в Антиохии было отчеканено 39 эмиссий, можно предположить, что объемы монетного производства периода первого правления Деметрия II были в несколько раз больше, чем во второй. В случае с мастерской Дамаска мы не можем сделать таких расчетов, поскольку этот монетный двор использовался только во второй период правления Деметрия II. Судя по общим монограммам с монетами антиохийского двора, а также общей стилистикой штемпелей лицевой стороны, можно предположить, что на этих дворах работали одни и те же резчики, которые после 128 г. до н.э. переместились из Антиохии в Дамаск[1267]. Метрологические исследования показывают небольшую редукцию весового стандарта монетных выпусков Дамаска.

Особенностью монетного дела Деметрия II является неожиданно высокая корреляция между типами тетрадрахм и драхм, при этом, и при первом правлении, и при втором, что исключает фактор случайного совпадения. Во время первого правления такая корреляция составляла 76%, во время второго 86%, что довольно много, по сравнению с подобными показателями других правителей. Можно найти экономическое объяснение такому единству типов, если предположить, что на момент чеканки этих монет в обращении находилось большое количество других монет данного типа. Такое предположение, вероятно, справедливо для монетных типов периода первого правления. Действительно, монетный тип «Аполлона на омфале» был самым распространенным типом у Селевикдов в III – первой половине II вв. до н.э., однако, ко времени Деметрия II он массово уже не использовался. Впрочем, это не означало

[1266] *Schwei D.* The Reactions of Mint Workers to the Tumultuous Second Reign of Demetrius II Nicator // AJN. 2016. P. 65–104.

[1267] *Schwei D.* The Reactions of Mint Workers. P. 69–71; *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 419.

того, что в обращении не оставалось достаточного количества монет данного типа, чтобы монеты с этим типом не пользовались доверием у населения. С другой стороны, обильная чеканка монеты типа «Зевс Никефор», который до начала чеканки его Деметрием II не использовался около 20 лет, могла иметь не только экономические, но идеологические причины.

Унификация типов царской монеты Деметрия II хорошо соотносится с подобной унификацией, предпринятой в годы правления его брата – Антиоха VII. Как уже было отмечено, подобные унификации были вызваны необходимостью добиться максимального доверия к монете со стороны ее держателей, что позволяло государству искусственно завышать стоимость монеты, либо сохранять стоимость при снижении затрат на производство. Решить этот вопрос помогло бы исследование состава металла монет Деметрия II и Антиоха VII, которое позволило бы подтвердить или опровергнуть системную «порчу» монеты – увеличение в сплаве доли недрагоценных металлов. К сожалению, такое исследование остается делом будущего. Тем не менее, на примере штемпельного и метрологического анализа выпусков Антиохии и Дамаска наблюдается строгая системность и последовательность выпусков, перемещение специалистов из Антиохии в Дамаск, редукция весовой нормы дамасской мастерской, что в комплексе демонстрирует существование определенной монетной политики, частью которой мог быть и выбор изображения.

Итак, появление монетных типов «Аполлона на омфале» и «Зевс Никефор» можно было бы рассматривать как отражение двух разных идеологических моделей, характерных для первого и второго правлений Деметрия II. На примере монетной чеканки Селевкии на Тигре периода конфликта Деметрия II с Митридатом I хорошо прослеживается связь монетных изображений с динамически меняющейся царской идеологией[1268]. Появление монетного типа «Аполлон на омфале», таким образом, можно было бы трактовать как способ легитимации власти нового монарха посредством обращения к традиционному селевкидскому сюжету. Действительно, монеты данного типа чеканят

[1268] См. раздел 4.4.3.

ключевые монетные дворы Деметрия II – Антиохия на Оронте и Ака-Птолемаида.

Подкрепляет это наблюдение и серия тетрадрахм Деметрия II из Селевкии на Тигре (рис. 214) с изображением сидящей Тюхе – монетный тип, иконографически полностью копирующий ключевой тип тетрадрахм его отца – Деметрия I[1269], а также серия драхм с рогом изобилия с изображениями идентичными изображениям на выпусках Деметрия I[1270]. С одной стороны, данную монетную серию с изображением Тюхе можно понимать как инструмент легитимации власти молодого царя в глазах местного населения, которое, согласно сообщением древних авторов, весьма положительно относилось к его отцу. С другой же, монеты данного типа в большом количестве находились в обращении в данном регионе, что создавало хорошую почву для интеграции новых выпусков в уже имеющееся денежное обращение.

Подобный пример появления в монетной иконографии традиционной селевкидской символики демонстрируют и монетные выпуски Селевкии в Пиерии. Здесь в период первого правления Деметрия II выпускается серия тетрадрахм[1271], драхм[1272] и бронзовых номиналов[1273] с изображением якоря (рис. 154). Появление якоря на монетах синхронных выпусков весьма нехарактерно для позднеселевкидских царей. Согласно наблюдению А. Хутона и К. Лобрбер, которые соотносят портрет серии тетрадрахм с якорем с ранним периодом правления Деметрия II, можно предположить, что данные выпуски были своего рода инаугурационной серией – традиционно первой эмиссией нового монарха, характерной практикой для поздних Селевкидов[1274]. Традиционно иконография этих выпуском имела существенные отличия и семантически легитимировала власть нового царя. Как полагает О. Хувер, выбор якоря, в качестве такого очевидно отсылал к первым царям династии, что должно было

[1269] SC 1984
[1270] SC 1934–1936, 1942–1943, 1945
[1271] SC 1924
[1272] SC 1925–1927
[1273] SC 1928
[1274] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 287–288.

укрепить власть Деметрия II, боровшегося с нелегитимным правителем Диодотом Трифоном[1275]. Наличие на оборотной стороне данных монет лаврового венка, сближает эту серию с подобными монетами Александра I[1276], а также малоазийскими «фестивальными» деньгами. Возможно допустить, что выпуск данной серии с якорем также был приурочен к какому-то торжественному событию.

Монетный тип «Зевс Никефор», который чеканится на тетрадрахмах Деметрия II во второй период его правления, также выполнял функцию легитимации. Примечательно, что тип «Зевс Никефор» чеканили Александр I, Антиох IV и, что более существенно, Александр II. Всех троих объединяет принадлежность к одной династической линии, в связи с чем выбор данного типа Деметрием II, который относился к враждебной династической партии, выглядит весьма необычным. Если оставаться в рамках теории династического распределения монетной иконографии между двумя ветвями (наследники Антиоха IV и наследники Деметрия I), то Деметрий II, относящийся к партии наследников Деметрия I, не мог бы безосновательно выбрать тип «Зевс Никефор» для своих монет, поскольку его использовали представители враждебной династической группы. Однако, если обратить внимание на то откуда на монетах Антиоха IV и его наследников появляется этот тип, то становится очевидно, что Зевс Никефор на монетах Антиоха IV и Зевс Никефор на монетах Деметрия II имеют общие корни. Этот монетный тип впервые появляется на монетах Селевка I. На монетах Антиоха IV он появляется как символическая связь с родоначальником династии, что, вероятно, было продублировано и на монетах Деметрия II. Таким образом, можно считать, что тип «Зевс Никефор» Деметрия II был отсылкой к ранним Селевкидам.

Несмотря на то, что тип «Зевс Никефор» имел продолжительную историю использования в монетной чеканке Селевкидов, его использование

[1275] *Hoover O.* Three Seleucid Notes. 2. A Unique Tetradrachm of Demetrius II Nikator at Seleucia-in-Pieria // AJN. 2000. P. 104–106.

[1276] SC 1798

Деметрием выглядит несколько неожиданным. От правителя, который сумел вернуть себе потерянное царство, можно было бы ожидать возрождение уже использовавшихся символов и образов, однако, иконография монет Деметрия периода первого правления не только отличается, но и контрастирует с иконографией монет его второго правления. В то же время, обращаясь к широкому нумизматическому контексту, можно отметить, что у поздних Селевкидов после ликвидации власти Диодота Трифона понятие «иконографической преемственности» выглядит довольно условно. Из пяти выделяемых нами смен иконографических моделей ключевого типа тетрадрахм, две последние произошли за 30 лет, в то время как первые три относятся к периоду продолжительностью 160 лет. Иными словами, практически каждый новый правитель из династии Селевкидов на рубеже II и I вв. до н.э. вводил новый ключевой монетный тип тетрадрахм. Эта потеря иконографической идентичности (или поиски новой?) являются хорошим примером того, что Д. Грейнджер называет «новым государством Селевкидов», применительно к политическим реалиями на Ближнем Востоке в конце II в. до н.э.[1277] Это иконографическое разнообразие вновь исчезает уже к концу правления династии, когда монетное изображение окончательно перестает быть отражением царской идеологии и каждый новый выпуск является иконографическим подражанием прежнему. Такое единообразие иконографии определяется исключительно экономическими причинами – формированием «закрытой» денежной системы, редукцией веса и увеличением доли недрагоценных металлов в сплаве монеты.

Монетный портрет Деметрия II также типологически имеет две разновидности, соответствующие двум периодам правления. Портрет первого периода правления принадлежит подростку. Элемент возрастного натурализма является, с одной стороны, неуникальным примером в иконографии Селевкидов (вспомним Антиоха VI), а с другой, тоже не был общим правилом – на монетных портретах Антиох V старше своих лет. Четырнадцатилетний Деметрий II на монетах изображен точно в соответствии со своим возрастом. Одним из

[1277] *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 88.

отличительных элементов портрета Деметрия II являются «глаза-бусинки» - художественный прием изображения глаз с намеренным их округлением и увеличением. Такое художественное заимствование является безусловным влиянием Птолемеевского портретного искусства[1278]. В целом, портреты Деметрия II первого царствования на серебряных монетах довольно схематичны и однотипны. Исключение составляют лишь серия тетрадрахм с портретом, помещенном в венке из Антиохии на Оронте[1279], серия финикийских тетрадрахм[1280] с портретом Деметрия, дополненным бакенбардами, а также тетрадрахмы из Селевкии на Тигре[1281], на которых Деметрий изображен уже с бородой. Появление бороды, как это было показано в разделе 2.1.4., было связано с полководческим обетом, в данном случае с войной Деметрия против Митридата I. Вероятно, с этими же событиями была связана и целая «портретная галерея», представленная на бронзовых выпусках Селевкии на Тигре: в диадеме, в шлеме, в шкуре слона и в шкуре льва (рис. 94)[1282]. Дополнительно известны оттиски печати с изображением Деметрия в кавсии.

Такое портретное разнообразие, сконцентрированное в Вавилонии в период острейшей борьбы за регион, вкупе с использованием ранних селевкидских символов и мотивов является отражением идеологии Деметрия II, прославлявшей царя-полководца, последователя Александра и ранних Селевкидов.

После возвращения из парфянского плена портрет царя был значительно изменен. Теперь, впервые в истории Селевкидов, царь постоянно изображался

[1278] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 65.

[1279] SC 1907. Э. Ньюэлл трактовал появление венка победой Деметрия над Александром I. *Newell E.T.* Seleucid Mint of Antioch. P. 60. Мы оставим появление этого элемента без комментариев, поскольку из-за отсутствия аналогичного материала можно найти множество трактовок и интерпретаций этого венка: будь то влияние малоазийских «стефанофоров», или отсылка к похожим портретам в венке отца Деметрия II – Деметрия I.

[1280] SC 1933

[1281] SC 1992

[1282] Впрочем, такое разнообразие портретных атрибутов может быть отсылкой к правлению его отца – Деметрия I, при котором также в Селевкии на Тигре была отчеканена серия бронзовых монет с несколькими различными вариантами царского портрета. SC 1694, 1696.

с длинной окладистой бородой. Неожиданное появление такой бороды породило массу интерпретаций: подражание парфянам[1283], изображение царя в образе Зевса[1284] и даже Диониса[1285]. Однако и в данном случае появление бороды на царском портрете является символом воинского обета. Стоит отметить, что не все монетные дворы чеканили портрет царя с бородой. Так, на монетах из Тарса[1286] царь изображался безбородым. Подобное можно наблюдать и на монетных дворах Тира[1287] и Сидона[1288]. Удивительно, но здесь портрет без бороды помещался на монетах, выпускавшихся по финикийскому весовому стандарту, а портрет с бородой на монетах аттического стандарта. Такое иконографическое разделение обособляло две системы денежного обращения, сосуществовавшие в Финикии в период эллинизма[1289]. Возможно, чеканка портрета без бороды была инициативой местных властей, которые старались сохранить доверие населения к монете, транслируя традиционную иконографию. Во всяком случае, царский двор в Ака-Птолемаиде чеканил монеты и аттического, и финикийского стандартов с портретом с бородой[1290].

Один из монетных портретов из Антиохии на Оронте изображает царя с небольшим рогом на виске. Интерпретация данного элемента вызвала

[1283] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 207; *Wünsch J.* Bärtige Seleukiden. S. 280.

[1284] *Mittag P.F.* Beim Barte des Demetrios. S. 373–399.

[1285] *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P.147.

[1286] SC 2154

[1287] SC 2195

[1288] SC 2188

[1289] В Южной Сирии при Селевкидах сосуществовали две денежные системы: «открытая» и «закрытая». «Открытая» была следствием влияния Селевкидов, «закрытая» – наследием Птолемеев. Существование двух систем демонстрирует два уровня использования монеты: полисный – «закрытая» система, государственный – «открытая». К сер. II в. до н.э. многие полисы Южной Сирии, в первую очередь Арад, уже перешли на выпуск собственной монеты пониженного стандарта, что обособляло обращение их монет. Царские монетные мастерские следовали правилу монетно-весового дуализма и впускали продукцию в соответствии с двумя стандартами. *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient. P. 390–393. Другим показателем птолемеевского наследия является более распространенная чеканка и использование бронзовой монеты полисами юга Сирии, о чем говорит количество кладов бронзовых монет, обнаруженных на территории региона. Соседние государства, например Хасмонеи и Набатея, заимствовали чеканку именно бронзовой монеты.

[1290] SC 2201; 2203

дискуссию[1291]. Из возможных интерпретаций наиболее аргументированной является версия Т. Фишера[1292], который отождествлял рога на портрете Деметрия с ранней портретной традицией Селевкидов и визуальным воплощением эпитета Никатор – эпитета Селевка I. В целом, появление и самого эпитета, и изображение портрета с рогами, как и в период первого царствования, было попыткой связать свою власть с образами раннеэллинистических правителей[1293].

Ничуть не меньше в портретах Деметрия II периода второго царствования заметно египетское влияние. Сохраняется доминирующий элемент «глаза-бусины», к которому также добавляется трюфэ, что хорошо видно на портретах без бороды. Кудрявые волосы добавляют больше сходства с царями династии Птолемеев, нежели Селевкидов.

4.4.3. Между Селевкидами и Парфией: иконография монет Селевкии на Тигре в середине II в. до н.э.

40–30 годы II века до н.э. стали для эллинистического Востока временем серьезных политических перемен. На смену власти Селевкидов, правивших Сузианой, Мидией и Вавилонией на протяжении ста пятидесяти лет, пришла новая сила – парфянская держава. Политические обстоятельства смены власти в этом регионе представляли собой продолжительный конфликт, в результате которого Селевкиды уступили свое присутствие на Востоке. С точки зрения идеологии, борьба с парфянской агрессией превратилась для Селевкидов в нечто большее, чем просто соперничество за территории. Она стала своего рода символом возрождения могущества династии, последним шансом восстановить практически утраченный в постоянных внутренних конфликтах

[1291] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 73–74.

[1292] *Fischer T.* The Horn of Demetrius II. P. 7–12; См. также *Dürr N.* Das Horn des Demetrios II // Schweizur Münzblätter. 1978–1982. S. 7–9.

[1293] Р. Смит полагал, что рога Деметрия являются отсылкой к портретам Деметрия Полиоркета, которого также изображали с рогами. *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 45.

авторитет царской власти. Многими древними авторами, очевидно заимствовавшими как дискурс официальной селевкидской идеологии, так и уже более поздние (римские) идеологические нарративы, эта борьба подносилась едва ли не как противостояние Александра и Персидской империи, Запада и Востока, цивилизации и варварства. Однако исход этой борьбы для Селевкидов оказался печальным – восточные сатрапии окончательно перешли под контроль Парфии.

Для многих историков, в том числе специалистов в области эллинистической истории, периоды смены власти (transition periods) являются предметом особого научного интереса. Главной причиной такого повышенного внимания можно считать, в первую очередь, неординарность происходящих событий, их, своего рода, «переломность», которая, во многом, обнажает суть текущих процессов и позволяет рассматривать привычные политические явления в качественно ином ракурсе[1294]. Трансформация идеологических практик и моделей, вызванная сменой власти, а также проблемы идеологической преемственности являются, на наш взгляд, весьма перспективной темой для изучения селевкидско-парфянских отношений.

Однако, учитывая широту проблемы, в рамках данного исследования наиболее резонным представляется остановиться на конкретном примере, отражающем идеологическую сторону процесса перехода власти от Селевкидов к Парфии. В качестве такого примера стоит рассмотреть эпизод со сменой власти в одном из политических центров эллинистического Востока – Селевкии на Тигре, где процесс перехода проходил поэтапно и относительно подробно освящен в источниках. Стоит также иметь ввиду, что Селевкия на Тигре, являлась крупнейшим эллинистический полисом селевкидского Востока. Город без преувеличения, играл ключевую роль во всей восточной политике

[1294] Такой подход к изучению не только политической истории, но и экономики, идеологии, общественных институтов давно и весьма успешно практикуется исследователями. Одним из наиболее успешных проектов такого рода является коллективный труд La transition. Entre l'empire achémenide et les royaumes hellénistiques / ed. Par P. Briant et F. Joannès. Paris, 2006.

династии Селевкидов. Селевкия была не только важнейшим экономическим центром, приносившим царской казне колоссальные доходы, не только ключевым стратегическим пунктом, местом сосредоточения военной мощи Селевкидов, и значимым административным центром, под контролем которого находилась вся восточная часть империи. Селевкия имела особое идеологическое значение, признавалась столицей государства Селевкидов, царским городом (Strabo. XVI. I. 5, 16)[1295], в каком-то смысле колыбелью царской власти всей династии[1296]. Именно поэтому возможная потеря Селевкии на Тигре ставила под вопрос присутствие Селевкидов на Востоке в целом.

Привлекательной особенностью истории Селевкии на Тигре как предмета исследования является богатство иконографического материала – важнейшего источника в данной проблеме. Иконография монет, в обилии выпускавшихся монетной мастерской Селевкии на Тигре, весьма наглядно отражает идеологический курс, как царей династии Селевкидов, так и парфянских правителей, а разнообразие серебряных и бронзовых монетных типов позволяет провести разносторонний иконографический анализ визуальных образов и мотивов. Для более детального исследования сюда же стоит добавить и селевкийский архив, содержащий более тысячи образцов оттисков официальных царских печатей.

Однако, прежде чем прейти к анализу иконографии селевкийских монетных выпусков, стоит в двух словах описать общеполитический контекст. Период смены власти в Селевкии на Тигре выпал на правление селевкидского царя Деметрия II, ставшего последним правителем династии, сохранившим

[1295] Нет сомнений, что в Селевкии на Тигре располагалась одна из царских резиденций. Клинописные таблички также часто называют Селевкию *āl šarrūti*, т.е. «царский город» (BCHP 11, 12). Подробнее о Селевкии эллинистического времени см.: *Инверницци А.* Селевкия на Тигре, греческая метрополия в Азии // ВДИ. 1990. 2. С. 174–186.

[1296] В цикле легенд о Селевке I («Роман о Селевке») Селевкия на Тигре занимает особое символическое место как один из первых городов, основанных Селевком I. Одной из причин этого можно предположить географическое расположение Селевкии, которая находилась в Вавилонии – региона, где была установлена власть Селевка I. Не исключено, что Селевк I изначально строил Селевкию на Тигре как столицу своего государства. См.: *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 157–165.

власть над городом[1297]. Через два года после начала своего правления, Деметрий, не нашедший поддержки у придворных элит и жителей Антиохии на Оронте, был изгнан из столицы своего государства в результате восстания горожан (Ios. *Ant. Iud*. XIII. 5. 3; Iust. XXXVI. 1. 1–2). Ключевую роль в данном событии сыграл один из высокопоставленных полководцев Диодот Трифон, который представлял интересы другого претендента на престол, малолетнего Антиоха VI. Очевидно, что в этой борьбе Деметрий должен был рассчитывать на военный и экономический потенциал восточных территорий, которые стремительно переходили под власть парфян. После гибели царя Антиоха IV и ослабления селевкидского влияния на Востоке парфянский правитель Митридат I начал масштабную войну в восточных селевкидских сатрапиях[1298]. К началу правления Деметрия II под контроль Парфии уже отошли Мидия и Сузиана. Главное же внимание Митридат сосредоточил на Вавилонии. Таким образом, Деметрий оказался зажат между внутриполитическим соперником с Запада и внешнеполитическим с Востока. В этом противостоянии Селевкия, несомненно, имела для Деметрия принципиальное экономическое и идеологическое значение.

Подробности противостояния Деметрия II и Митридата I остаются неизвестными. Согласно астрономическим дневникам[1299], в июле 141 года до н.э. Селевкия на Тигре была захвачена парфянами. К сожалению, нам практически ничего неизвестно о политике парфян в полисе, о том, как выстраивались отношения между полисными элитами и новой властью[1300]. В 139 году Деметрий

[1297] Исключение составляет, пожалуй, только брат Деметрия II Антиох VII, который в 131 году до н.э. в результате успешного похода против парфян на короткий период времени сумел восстановить контроль над городом. См.: Diod. XXXIV/XXXV. 15–19.

[1298] *Dambrowa E.* L'expédition de Démétrios II Nicator contre les Parthes (139–138 avant J.-C.) // Parthica. 1. 1999. P. 9–16; *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 182; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 69; *Дибвойз Н.* Политическая история Парфии. СПб., 2008. С. 44.

[1299] ADRTB –140A Rev. 1–9.

[1300] Об отношениях греческого населения Мидии, Сузианы и Вавилонии с парфянами см. серию работ Э. Дамбровы. *Dambrowa E.* Philhellen. Mitridate Ier et les Grecs // Electrum. 2. 1998. 35–44; *Dambrowa E.* Les aspects politiques et militaires de la conquête parthe de la Mésopotamie // Electrum. 10. 2005. P. 73–88; *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. S. 184–185.

предпринял масштабный восточный поход против Парфии. Есть предположения, что Деметрий даже одержал серию побед, но в итоге попал в плен к Митридату I[1301].

Таким образом, Селевкия на Тигре оказалась в центре мощного противостояния двух держав. Разумеется, все эти политические изменения должны были иметь некую идеологическую реализацию, отраженную в царской иконографии. Поэтому основное внимание мы сфокусируем на нумизматическом контексте, обратившись к монетным выпускам Селевкии периода правления Деметрия II, а затем Митридата I.

За непродолжительный период своего первого царствования, Деметрий II отчеканил в Селевкии несколько серебряных и бронзовых монетных серий различных номиналов. Обращает на себя внимание наличие нескольких последовательных этапов в селевкийской чеканке Деметрия. Согласно исследованию А. Хутона и К. Лорбер, изначально Деметрий использовал традиционный для Селевкидов монетный тип – «Аполлон, сидящий на омфале», который чеканился как на тетрадрахмах[1302], так и на драхмах[1303]. В какой-то момент в чеканке Деметрия происходит кардинальная смена иконографии: вместо «Аполлона, сидящего на омфале» новым типом для тетрадрахм становится «Тюхе с рогом изобилия» (рис. 216)[1304], а для драхм – «Зевс Аэтофор» (рис. 217)[1305]. Примечательно, что монетная легенда не претерпевает изменений и остается прежней – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ.

Безусловно, столь радикальные изменения должны были иметь веские идеологические причины. Так, за данной сменой монетных типов мы можем видеть и смену (или по крайней мере модификацию) общего идеологического курса: отход от наиболее традиционного общединастического селевкидского сюжета к узкодинастической иконографии. В историографии уже не раз

[1301] Iust. XXXVIII. 9. 1–2. О хронологии похода Деметрия II и подробностях противостояния с Митридатом см.: *Dambrowa E.* L'expédition de Démétrios II Nicator. P. 12–14.

[1302] SC 1983

[1303] SC 1985

[1304] SC 1984

[1305] SC 1986

высказывалось мнение, что в условиях перманентной династической борьбы, отдельные правители династии Селевкидов использовали те или иные иконографические модели, тем самым намеренно подчеркивая свою принадлежность к конкретной династической линии[1306]. На протяжении всего III в. до н.э. иконография селевкидских монет оставалась, в целом, единой[1307], а превалирующим монетным типом был «Аполлон на омфале». В 173/2 г. до н.э. Антиох IV произвел смену ключевого типа, введя монетный тип «Зевс Никефор»[1308].

В данном же случае мы имеем дело с похожей парадигмой. Деметрий II намеренно вводит тип «Тюхе с рогом изобилия», который был впервые использован его отцом Деметрием II, чтобы, в ситуации внутреннего противостояния с Антиохом VI, обозначить свое династическое право на власть. Необходимо также заметить, что монетный тип «Тюхе с рогом изобилия» был наиболее массовым типом, который чеканился в Селевкии на Тигре при отце Деметрия II Деметрии I[1309]. В целом, как кажется, отношения между царем Деметрием I и Селевкией складывались весьма дружелюбно. Принимая во внимание свидетельство Аппиана (*Syr*. 47), можно предположить, что в городе существовал даже культ Деметрия I спасителя, учрежденный, вероятно, после того как царь упразднил в полисе диктатуру Тимарха. Нет сомнений, что молодой Деметрий II, столь нуждавшийся в поддержке крупных полисов, использовал позитивный образ отца в собственных интересах.

Другой же монетный сюжет, выбранный Деметрием II, «Зевс Аэтофор» являлся более универсальным и представлял собой что-то вроде обращения царя к героизированному прошлому династии Селевкидов. Иконография данного монетного типа имела как ближневосточные, так и эллинистические корни. Фигуру сидящего на троне божества с орлом в руке чеканили еще

[1306] *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. P. 48–49.

[1307] В качестве исключения можно назвать некоторые сюжетные отступления Селевка II, который повсеместно ввел новый монетный тип «стоящий Аполлон», который стал доминирующим иконографическим сюжетом его монет. Однако, традиция чеканки этого типа в качестве основного не была поддержана последующими правителями династии.

[1308] *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. P. 16–17.

[1309] SC 1683, 1686, 1690

ахеменидские сатрапы, повторяя локальные иконографические традиции изображения Баала или Мардука[1310]. Изображение Зевса в данном образе повсеместно чеканил Александр Македонский, а вслед за ним и диадохи. В Селевкии на Тигре данный монетный тип не чеканился со времен Селевка I. Таким образом, возобновление традиции чеканки изображения Зевса Аэтофора, приобретало важное идеологическое значение. Иконография этого типа ясно подчеркивает, как связь Деметрия II с родоначальником династии Селевком, так и политическую преемственность Деметрия II Александру, а возможно и более ранним восточным правителям.

Большее иконографическое разнообразие демонстрирует бронзовая чеканка. Всего Деметрием было выпущено пять бронзовых монетных типов, с изображением Ники, Афины, Аполлона на омфале и Агатос Даймона на оборотной стороне. Все представленные сюжеты могли быть напрямую связаны с официальной царской идеологией (как, например, Аполлон на омфале), а могли быть воплощением каких-то местных полисных культов. Больше внимания, в этом отношении, привлекает портрет правителя, размещенный на лицевой стороне и имеющий определенные стилистические особенности. Так, главной отличительной чертой царского портрета на бронзовых выпусках Деметрия II в Селевкии было уже упомянутое в данной работе разнообразие головных уборов, покрывающих голову царя. Всего можно выделить четыре варианта царского портрета: в диадеме[1311], в львиной шкуре[1312], в головном уборе в виде головы слона[1313], в шлеме[1314]. Стоит отметить, что данный случай чеканки в рамках одного монетного выпуска всех известных вариантов царского портрета является не просто чем-то уникальным, но абсолютно беспрецедентным. За каждым из царских портретов в эллинистической нумизматике стояла особая идеологическая составляющая. Хорошо известно, что портрет царя в

[1310] *Bodzek J. Romanowski A.,* Coin and Empire. From the Achaemenids to the Hellenistic Kingdoms. Krakow, 2017. P. 40–46.

[1311] SC 1987, 1990

[1312] SC 1988

[1313] SC 1989

[1314] SC 1991

диаделе выступал в качестве наиболее распространенного и, можно сказать, повседневного изображения правителя. Портрет в шлеме, несомненно, ассоциировался с полководческими талантами и символизировал какой-то военный успех. Портрет в львином скальпе был своего рода проявлением культа Александра. Наконец, портрет в слоновьем скальпе был прерогативой правителей, совершивших успешный поход на Восток. Любопытно, что все портреты царя в скальпе льва, слона и в шлеме также имеют прямую военную коннотацию и, безусловно, демонстрируют образы, связанные с Александром, Селевком I, Деметрием I и восточным походом в целом.

Представленная смена монетных типов была уникальна для всего монетного дела Деметрия II. Остальные полисы, остававшиеся под контролем Деметрия II, сохранили прежнюю иконографию. Возможно, смена монетных типов была действительно связана с политическим событиями в Антиохии. Утрата власти в столице делала Селевкию чуть ли не единственной опорой Деметрия. Большое значение имело и приближение парфян. В контексте этих событий Деметрий начал активную идеологическую кампанию с целью заручиться поддержкой жителей Селевкии, во многом, чтобы не повторить печальный опыт с Антиохией, откуда он был изгнан своими же подданными.

В нашем распоряжении имеются еще две монетные серии, хронологическая атрибуция которых вызывает определенные сомнения. Так, известна тетрадрахма типа «Аполлон, сидящий на омфале» с нетипичной легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ[1315]. Портрет царя здесь также имеет характерную особенность – Деметрий изображен с короткой бородой. А. Хутон и К. Лорбер предположили, что данный тип мог относиться к уникальной монетной серии, выпущенной Деметрием II в период его краткого отвоевания Селевкии на Тигре, вероятно, в 139–138 годах до н.э.[1316] Предположение это весьма гипотетично, однако, все же стоит учитывать несколько

[1315] SC 1992

[1316] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 311–312. См. также: *Moore W.* The Divine Couple of Demetrius II, Nicator. P. 141–143.

принципиальных особенностей данного монетного типа. Первое, о котором уже было упомянуто, это изображение правителя с бородой – символом продолжительной военной кампании. Второе – это сам монетный тип «Аполлон, сидящий на омфале», который являлся в определенном смысле официальным символом династии Селевкидов. Его чеканка всегда имела важный легитимизирующий характер. Третий – это новый эпитет, фигурирующий в легенде, – «Теос», т.е. «бог». Мы не знаем достоверно, как и при каких обстоятельствах Деметрий II получил этот эпитет, однако, стоит обратить внимание на то, что подобные эпитеты часто даровались правителю жителями полисов, в качестве благодарности за какие-либо благодеяния со стороны царя. Вполне вероятно, что этот эпитет Деметрий мог получить от жителей Селевкии за освобождение города от парфян, которое, впрочем, продлилось не долго.

Вторая монетная серия, остающаяся без точной атрибуции, представляет собой выпуск драхм типа «Зевс Аэтофор»[1317]. По мнению А. Хутона и К. Лорбер, эта монетная серия могла быть выпущена после 141 года, т.е. также в период краткосрочного захвата города войсками Деметрия II в 139 или 138 году до н.э.[1318] Главной особенностью этого монетного типа также является легенда – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ. Появление эпитета «Теопатр», т.е. «имеющий божественного отца» может рассматриваться как отсылка к освобождению Селевкии Деметрием I от Тимарха. К сожалению, добавить что-либо относительно этих монетных сложно, однако, важно отметить факт использования иконографии монет как средства идеологической борьбы Деметрием II даже в короткий период его противостояния с Митридатом, что, в свою очередь, показывает если не высокую эффективность ее результатов, то, как минимум, ее значимость для центральной власти.

Итак, после 141 года до н.э. Селевкия на Тигре перешла под власть Парфии. Как уже было отмечено, мы не знаем деталей взаимоотношений Митридата I с этим греческим полисом. Существовал ли какой-то период

[1317] SC 1995B

[1318] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 313.

налаживания отношений между новой властью и городом, на каких условиях и принципах строились эти новые отношения? По всей вероятности, Митридат весьма лояльно отнесся к местному населению, желая завоевать его расположение. Не исключено, что парфяне, впервые столкнувшиеся с необходимостью выстраивать сложные отношения между центральной властью и греческими полисами во время завоевания восточноселевкидских областей, изначально следовали селевкидскому опыту. Так, известно о парфянском наместнике греке Энии, который руководил Вавилонией в 130-е годы (Diod. XXXIV/XXXV. 19). Из астрономических дневников узнаем о двух назначениях, которые последовали сразу после завоевания Селевкии парфянами. Должность стратега, главного над четырьмя стратегами Вавилонии занял Антиох сын Арабузаны. Также мы встречаем упоминание о некоем полководце Никаноре, действовавшем от имени парфянского царя[1319]. Как известно, позже парфяне стали присылать в крупные полисы своих наместников, что, как кажется, воспринималось местным населением несколько негативно[1320]. В целом, литературная традиция передает полярные настроения жителей полиса относительно прихода парфян. Диодор сообщает (XXXIV–XXXV. 19) о попытках полиса выстроить дружеские отношения с парфянами после неудачной попытки перейти на сторону Антиоха VII. С другой же стороны, античные авторы повествуют об открытых антипарфянских настроениях в полисной среде, которые выливались в конфликты с центральной властью. И, все же, для Митридата I Селевкия на Тигре также имела большой политический, экономический и идеологический интерес. Именно поэтому при Митридате Селевкия получает ряд привилегий, среди которых чеканка полисной бронзы, что было признаком относительной экономической и политической автономии полиса.

После перехода Селевкии под власть Аршакидов иконография парфянских монет претерпевает существенные изменения. Вместо традиционного

[1319] *van der Spek R.* New Evidence from Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleukid and Arsacid History // Archiv für Orientforschung. XLIV/XLV. 1997/1998. P. 171.

[1320] Известно о некоем Багаяше, родственнике царя и наместнике в Вавилонии. См: *Assar G.* A Revised Parthian Chronology of the Period 165–91 BC // Electrum. 11. 2006. P. 87.

сюжета «лучника, сидящего на омфале», Митридат вводит два новых сюжета: «Геракл с канфаром, дубиной и львиной шкурой» и «Зевс Аэтофор»[1321]. Оба монетных типа имеют заметные отличия от остальных типов Митридата. Во-первых, общая стилистика, в которой выполнены изображения полностью соответствует эллинистическим традициям. Кроме того, существенные изменения претерпевает и портрет правителя. Вместо идеализированного изображения головы правителя в кирбасии, появляется портрет, наделенный, персональными чертами, что также является частью эллинистической художественной традиции. Легенда монет, так же, как и прежде, писалась на греческом, однако, и в данном случае, произошли некоторые изменения. На монетах типа «Геракл с канфаром, дубиной и шкурой льва» появляется примечательный эпитет – ΦΙΛΕΛΛΗΝ, т.е. «друг греков», что, безусловно, было частью идеологической борьбы за расположение греческих элит Селевкии. Так же на парфянских монетах впервые появляются даты, которые относятся к селевкидскому летосчислению, что подчеркивает технический характер датировок на монетах, не имеющих идеологического смысла.

Интерпретировать все указанные изменения в монетной чеканке Митридата можно, главным образом, исходя из характера взаимоотношений новой парфянской власти с полисными элитами Селевкии на Тигре, а также как адаптацию уже существовавших традиций монетного производства, для поддержания номинальной стоимости монеты. С другой стороны, заметно, что ранние монеты Митридата из Селевкии изготавливаются теми же резчиками штемпелей, что работали при Селевкидах.

Анализ монетных типов демонстрирует весьма любопытную картину. Введенный Митридатом тип «Геракл с камфаром, дубиной и шкурой льва» представлял собой абсолютно новый для Селевкии сюжет. Безусловно, культ Геракла, популярный в государстве Селевкидов, находил определенное воплощение в нумизматике, однако подобный сюжет никогда не встречался на

[1321] *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London, 1980. Types 13.1–10; *Кошеленко Г.А.* Монетное дело Парфии при Митридате I. С. 91–100.

монетах селевкидских царей. С другой стороны, культа Геракла был одним из наиболее почитаемых как у Аршакидов, так и во всем иранском мире в целом. Известное зороастрийской мужское божество Веретрагна в античности ассоциировалось с Гераклом, что хорошо подтверждается надписью на знаменитой бронзовой статуе Геракла, обнаруженной в Селевкии на Тигре[1322].

Появление же в чеканке Митридата другого монетного типа, а именно, «Зевса Аэтофора» кажется весьма неожиданным. Заимствуя этот монетный тип, Митридат, по сути, продолжил использовать сюжет, который прежде использовал его непосредственный противник Деметрий II. И если для Деметрия Зевс, держащий в руках орла, был своего рода символом, восходящим к легендарным основателям его государства, то едва ли Митридат мог апеллировать к тем же самым образам. Ключ к пониманию этого, на первый взгляд, парадоксального иконографического заимствования кроется, как кажется, не в противостоянии Митридата и Деметрия, а, скорее, в стремлении обоих правителей выстроить доброжелательные отношения с элитами Селевкии на Тигре.

Как уже было отмечено, одной из привилегий, полученных Селевкией на Тигре после присоединения полиса к парфянскому царству, стало начало городской чеканки бронзовых монет. Эта, весьма распространенная в эллинистическое время форма привилегии, была важна для обеих сторон: Селевкия получала ограниченную финансовую независимость, поскольку речь шла о чеканке только мелкой разменной монеты, а Митридат, в свою очередь, расположение полисных элит, необходимое ему для укрепления своих позиций в регионе. Для нас же начало полисной монеты открывает широкие горизонты для исследования, поскольку изображения на этих монетах отражают местные иконографические традиции, которые только в самых общих чертах были связаны с общегосударственной идеологией, а в некоторых случаях даже ей

[1322] *Potter D.* The Inscription on the Bronze Heracles from Mesene: Vologeses IV's War with Rome and Date of Tacitus' Annales // ZPE. 88. 1991. P. 277–290; *Invernizzi A.* Héraclès a Séleucie du Tigre // Rev. Arch. 1989. P. 65–77.

противопоставлялись[1323]. Среди невероятного многообразия монетных типов мы встречаем изображения треножника, пальмы, рога изобилия, Аполлона Кифареда, фигур неизвестных божеств, Артемиды и многих других[1324]. Однако, среди всего этого многообразия наибольший интерес для нас представляют изображения Зевса Аэтофора и Тюхе. Оба божества встречаются в полисной чеканке часто. Если говорить о Тюхе, то стоит отметить, что, как и практически в каждом эллинистическом полисе культ Тюхе, объединенный с различными женскими культами локального происхождения, являлся одним из центральных культов Селевкии на Тигре. На лицевой стороне всех бронзовых монет Селевкии, относящихся к полисной чеканке, помещалось изображение головы Тюхе в традиционной для полисных культов corona muralis. Часто фигура Тюхе с рогом изобилия изображалась и на оборотной стороне. Однако, если появление Тюхе на полисных монетах не вызывает удивления, то чеканка монет с изображением Зевса Аэтофора выглядит неожиданностью. Анализируя полисную чеканку Селевкии, можно прийти к выводу, что изображение Зевса Аэтофора также являлось вполне традиционным сюжетом в Селевкии, как это было, например, в Антиохии на Оронте. Было ли появление Зевса Аэтофора на селевкискийских монетах связано с селевкидским наследием, или же это проявление каких-то локальных культов не столь важно. Присутствие данного сюжета на полисной бронзе подчеркивает значимость данного иконографического сюжета для города. Примечательно и то, что оба этих сюжета встречаются не только в селевкийской нумизматике. Хорошо известны оттиски селевкийских частных печатей с изображениями Зевса Аэтофора и Тюхе с рогом изобилия[1325].

[1323] Примеры такого столкновения полисной иконографической традиции с общегосударственной хорошо известны. См. *Kosmin P.* The Land of the Elephant Kings. P. 238–242

[1324] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. P. 15–21.

[1325] Seleucia. Ze 1; Tk 1, 14, 75, 162.

***

Период 170–130-х годов до н.э. стал для Селевкидов временем глубокого политического кризиса, приведшего впоследствии к закату государства. Центральным событием этого времени стала династическая борьба двух групп, идеологическое самоопределение которых наглядно представлено в памятниках царской иконографии.

На протяжении всего III и начала II вв. до н.э. мы наблюдаем весьма стабильную иконографическою модель, используемую Селевкидами, что является признаком существования устойчивой династической идеологии. Однако, с началом династической борьбы между Антиохом IV и наследниками Селевка IV, изначально его сыном Антиохом, а после и вторым сыном – Деметрием I, царская идеология претерпевает серьезные изменения. При Антиохе IV была проведена масштабная денежная реформа, которая включала: редукцию весового стандарта, унификацию системы бронзовых номиналов, начало масштабной полисной чеканки, введение обозначения номинала. Новые преобразования затронули и монетную иконографию. Для двух главных монетных дворов был введен новый монетный тип – вместо «Аполлона на омфале» был утвержден «Зевс Никефор». Царский портрет приобрел черты образа Александра (imitatio Alexandri), появились новые атрибуты портрета (лучевая корона). Впервые в монетной легенде были упомянуты божественные эпитеты царя. Все эти изменения демонстрируют поворот в династическом самоопределении царя Антиоха IV и дальнейшее развитие царского культа. Новый образ царя был продемонстрирован на праздниках в Дафне в 166 г. до н.э.

В царской иконографии Деметрия I представлены стратегии легитимации власти, которые были приоритетны для царской власти. Изначально, после победы над Тимархом, которая стала для Деметрия важной вехой построения его власти, Деметрий акцентировал связь с династией. Это прослеживается в серии парных портретов царя Деметрия и царицы Лаодики V, которые запечатлевают их свадьбу, а также в стилистическом консерватизме портрета

самого Деметрия, в котором улавливаются признаки реалистичности, отдельные черты портрета ассоциируются с портретами Антиоха III, деда Деметрия I. Появление новой иконографической модели, в основе которой находился новый монетный тип «голова Деметрия/Тюхе», демонстрирует независимую идеологию, по своей стратегии более напоминающую идеологию узурпаторов. После 155/4 г. до н.э., времени появления на политической арене Александра I, царская идеология претерпела ряд изменений. Теперь образ царя Деметрия связан с Александром Великим: портреты Деметрия дополняются художественными особенностями, характерными для imitatio Alexandri.

Иконография Александра I демонстрирует осознанное дистанцирование от иконографии его предшественника Деметрия I. Ключевой монетный тип тетрадрахм подчеркивает связь с династической линией Антиоха IV и фактически воспринимается как его символическое наследие. Монетный тип «Зевс Никефор» ассоциировался непосредственно с Антиохом IV, что показывает монетная серия, выпущенная от имени «Антиоха Эпифана». По всей видимости, отрицание иконографии Деметрия I нашло свое отражение и в портретном каноне, где хоть и были заимствованы отдельные элементы imitatio Alexandri, но центральным образом был образ юного Геракла. Судя по материалам царской иконографии, идеология самозванца Александра всячески подчеркивала легитимность его власти, делая акцент на родстве с Антиохом IV, а также на браке Александра с Клеопатрой Теей – представительницей царского дома Птолемеев, и союзе между Селевкидами и Птолемеями. Впрочем, Александр оказался весьма слабым и недальновидным правителем, не сумевший найти себе союзников ни в среде местных элит, ни за пределами государства Селевкидов, а политическая ситуация развернулась таким образом, что данная идеологическая модель оказалась неэффективной и не могла сплотить даже антиохийцев вокруг самоназванного царя. Очевидно, Деметрий II мог рассчитывать на лояльность антиохийцев уже только тем, что был потомком Селевка I.

В монетной иконографии нашла отражение и связь узурпатора Трифона с военно-политическими элитами Апамеи. Изображение шлема – не только

знака полководческой доблести, но, скорее, реального парадного шлема, ассоциировавшегося с его владельцем, очевидно, было ярким и узнаваемым символом власти Трифона. Иконографически «шлем Трифона» представляет собой композит, наполненный воинскими македонскими и дионисийскими мотивами. Важнейший элемент композиции – рог горного козла – был элементом македонской традиции, что подчеркивало македонское прошлое Апамеи на Оронте, а плющевой декор на шлеме был знаком воинского культа Диониса, также распространенного в Апамее. Таким образом, «шлем Трифона» является ярким примером «эллинистического барокко» и выдающимся образцом мастерства сирийских оружейников и чеканщиков. Изображение «шлема Трифона» на монетах узурпатора имело важное идеологическое значение, служило инструментом легитимации его власти в глазах ближайших сторонников – полководцев и воинов Апамеи на Оронте.

Унификация иконографии царских выпусков тетрадрахм и драхм Антиоха VII использовалась для извлечения максимальной выгоды из монетного производства для финансирования военных кампаний царя (прежде всего, восточной). Кардинальная смена ключевого монетного типа подчеркивает контроль центральной власти за стоимостью монеты. К сожалению, неизвестно, какими средствами осуществлялся этот контроль, но можно предположить, что частью этих мероприятий было увеличение доли недрагоценного металла в монетном сплаве, а большие объемы монетных эмиссий должны были существенно потеснить находившиеся в обращении монеты. Иконография нового типа тетрадрахм характеризуется малоазийским влиянием, в частности, сам сюжет, изображающий Афину Никефору, а также ряд дополнительных элементов изображения, включая венок, опоясывающий изображение оборотной стороны.

Царская иконография Деметрия II демонстрирует необычную для поздних Селевкидов идеологическую модель, в основе которой находится легитимация власти монарха, которая осуществляется через связь с основоположниками династии. Данная модель характерна для обоих периодов его правления.

Иконографическое постоянство хорошо иллюстрирует высокая корреляция изображений тетрадрахм и драхм, что является исключительным для поздних Селевкидов. Возрождение традиционных монетных сюжетов – Аполлон на омфале (который чеканится последний раз в истории Селевкидов именно на монетах Деметрия II), Зевс Никефор, а также некоторых раннеселевкидских символов, включая якорь, и отдельные элементы портрета подчеркивают связь с первыми представителями династии. Напротив, отсутствие общего символизма и стиля с ближайшими предшественниками, включая отца Деметрия II Деметрия I, подчеркивает не столько разрыв с традицией, сколько идеологическую самобытность и самостоятельность царя Деметрия II.

Глава 5. От Александра II до Антиоха XIII (126–64 гг. до н.э.)

Монетная иконография последних селевкидских царей постепенно стремится к унификации и использованию одного монетного типа – «Зевс Никефор», что является отражением сразу нескольких тенденций монетного дела Селевкидов этого времени. К началу I в. до н.э. денежная система Селевкидов окончательно переходит от «открытой» к «закрытой» модели. Антиохийские тетрадрахмы больше не встречаются в кладах вместе с монетами других центров, что наглядно свидетельствует о замыкании и локализации денежного обращения в регионе монетного производства[1326]. Этому способствует понижение монетно-весового стандарта[1327], а также «порча» монеты, что приводит к утрате доверия к монете со стороны ее держателей. Унификация иконографии, таким образом, представляет собой «защитный рефлекс», который должен был способствовать сохранению доверия к позднеселевкидской монете, находившейся в обращении вместе с другими, более ранними и соответственно более полновесными, монетами Селевкидов. Объемы монетного производства, судя по количеству эмиссий, все еще оставались большими, однако, возможно предположить, что реальная коммерческая стоимость такой монеты была довольно низкой. Руководствуясь законом Коперника-Грешема, можно допустить, что более ранние монеты Селевкидов, а также монеты других центров чеканки, скапливались как государством, так и частными лицами, а в

[1326] *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy. P. 61–62; *Houghton A.* The Seleucids. P. 249–250.

[1327] В рассматриваемый период снижение весового стандарта продукции Антиохии происходит несколько раз. Трижды при Антиохе VIII, при Антиохе IX, а также при Филиппе I и Антиохе XIII, что, по сути, представляет собой картину постоянной редукции весовой нормы, изменявшейся при каждом правителе. Облегчение весового стандарта свидетельствует о финансовом кризисе и нехватке сырья для изготовления монеты. *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia. P. 6–7. См. также: *Hoover O.* Time is Money? A Second Look at Production Quantification and Chronology in the Late Seleucid Period // Quantifying monetary supplies in Graeco-Roman times / F. de Callataÿ (ed.). Bari, 2011. P. 251–266; *Iossif P.* Power is Money? A Quantitative Approach of the Coin Production of the Late Seleucids. P. 53–82.

обращении оставались только новые, более дешевые монеты. Это обстоятельство не могло не сказаться на общем состоянии финансов и стать причиной экономического кризиса. Падение реальной стоимости тетрадрахмы косвенно объясняет и прекращение чеканки монет мелких серебряных номиналов. Облегчение весового стандарта и сокращение доли драгоценного металла в составе монетного сплава должны были уровнять по стоимости мелкие серебряные монеты и бронзовые номиналы.

Одной из особенностей монетной иконографии последних Селевкидов является переход отдельных стилистических элементов в элемент иконографии. Некоторые стилистические элементы селевкидского портрета середины II в. до н.э. на рубеже II–I вв. до н.э. становятся устойчивыми элементами иконографии. Одним из них являются кудрявые волосы царя. Изначально такой стилистический атрибут был характерен для поздних портретов Антиоха IV, позже был использован Александром I и Диодотом Трифоном. В конце II в. до н.э. все селевкидские цари изображались с характерной прической, стилистически оформленной большим количеством кудрей.

В главе 5 представлены ключевые сюжеты царской иконографии периода упадка государства Селевкидов: от Александра II до Антиоха XIII. Корпус памятников царской иконографии наглядно показывает политические и идеологические процессы, сопровождавшие закат и исчезновение государства Селевкидов. В данной главе последовательно рассмотрена царская иконографии времени правления Александра II, соправительства Клеопатры Теи и Антиоха VIII, периода борьбы Антиоха VIII и Антиоха IX (5.1.), времени политического противостояния новых династических сил, представленных Селевком VI, Антиохом X, Антиохом XI, Антиохом XII и Деметрием III, а также царствованием последних Селевкидов: Филиппа Филадельфа и Антиоха XIII (5.2.).

5.1. От Александра II до Антиоха IX

5.1.1. Монетная иконография Александра II

Александр II был последним незаконным царем династии Селевкидов. Его правление начинает непродолжительный период заката державы Селевкидов, длившийся вплоть до завоевания Сирии армянским царем Тиграном. Появление Александра II на политической арене связано с внутриполитической борьбой в Египте, куда оказались вовлечены и Селевкиды. В результате этого противостояния оппозиционная группа во главе с царицей Клеопатрой II покинула Египет и переместилась в Сирию, получив поддержку Деметрия II. Для дальнейшей борьбы царь Птолемей VIII отправил в Сирию нового претендента на престол – Александра Забину, который выдавал себя, по одной версии за сына Антиоха VII (Iust. XXXXIX.1.5), по другой же за сына Александра I (Porphyr. FGrHist 260 F32, 21). О реальном происхождении Александра известно мало. Юстин (XXXI.1.4) называет его сыном египетского купца. Появление Александра II в политической жизни государства Селевкидов практически полностью повторяет историю появления Александра I[1328].

Сопровождаемый египетским войском Александр II быстро сумел захватить власть. Согласно датировкам монетных эмиссий, первый выпуск от имени Александра в Антиохии состоялся уже в 129/128 г. до н.э. В это же время (128 г. до н.э.) в Антиохии были отчеканены две серии монет (тетрадрахм (рис. 218)[1329] и драхм[1330]) от имени некоего царя Антиоха Эпифана, с изображением головы молодого юноши в диадеме и фигуры стоящей Тюхе в полный рост. Атрибуция данной серии и обстоятельства чеканки этих монет вызывает ряд сложностей. А. Хутон и Ж. Ле Ридер предположили, что эмитентом был будущий царь Антиох VIII, поставленный своей матерью на престол

[1328] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 7; *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 123; *Chrubasik B.* Kings and Usurpers. P. 143–145.

[1329] SC 2208

[1330] SC 2209

в период «вакуума власти»[1331]. Однако присутствие Антиоха в этот период времени в Антиохии противоречит сообщениям о том, что Антиох находился в Афинах и вернулся в Сирию только после воцарения Александра II. Нельзя исключать, что эмитентом этих монет был сын Клеопатры от Антиоха VII, который также носил имя Антиох. В любом случае, данная серия оказалась немногочисленной (один штемпель лицевой стороны и один оборотной для тетрадрахм и два лицевых и оборотных для драхм) и локальной, что показывает непродолжительный период доминирования царя Антиоха Эпифана в Антиохии.

Наиболее ранняя дата на монетах Александра II из Аскалона (126/127 г. до н.э.) показывает, что в это время Александр осуществлял поход в Келесирию, который закончился, по свидетельству Порфирия (FGrHist 260 F32. 21), сражением у Дамаска в 125 г. до н.э. и полным разгромом Деметрия II. После поражения Деметрий предпринял безуспешную попытку найти убежище у своей жены Клеопатры Теи в Ака-Птолемаиде, но вынужден был отправиться в Тир, где и был убит. В результате в 125 г. до н.э. государство Селевкидов оказалось расколотым: в сирийской метрополии и Киликии власть перешла к Александру II, на юге, в Ака-Птолемаиде и прибрежных городах Финикии, власть сохраняла Клеопатра Теа.

В античной литературной традиции сохранилось утверждение о зависимости Александра II от Египта, что нашло отражение в прозвище, придуманным для него сирийцами – Забина, то есть «купленный» (Diod. XXXIV/XXXV. 22; Ios. *Ant. Iud.* XVI. 268). Однако, внутреннюю политику Александра можно назвать вполне самостоятельной. Одним из эпизодов его правления была осада Лаодикеи, которая подняла мятеж против Александра (Diod. XXXIV/XXXV. 22). Иосиф Флавий упоминает о хороших отношениях между Александром и Иоанном Гирканом (Ios. *Ant. Iud.* XVI. 269). Традиция Юстина обвиняет в разладе отношений самого Александра, который, получив царство, стал

[1331] *Le Rider G., Houghton A.* Un premier règne d'Antiochos VIII Épiphane à Antioche en 128 // BCH. 1988. P. 401–411.

надменным и заносчивым (Iust. XXXIX. 2. 1). В конечном итоге, Птолемей VIII резко изменил вектор своей политики, примирился с Клеопатрой II и начал оказывать поддержку Антиоху VIII. Он отправил ему войско и дал в жену свою дочь Клеопатру Трифену. Получив необходимую поддержку, Антиох VIII начал войну против Александра. В сражении, которое состоялось в 123 г. до н.э., Александр потерпел поражение и бежал в Антиохию. Здесь, нуждаясь в средствах на дельнейшее ведение войны, он, согласно сообщению Юстина (XXXIX. 2. 5; Diod. XXXIV/XXXV. 28. 1), приказал вынести из храма Зевса золотую статую Ники. После Александр попытался вывезти статую и самого Зевса, но был вынужден бежать от толпы горожан. Александр попытался бежать морем в Грецию, но жители Селевкии в Пиерии не открыли ему ворота. После онбежал в небольшой город-порт Посидий, но был схвачен и передан Антиоху VIII. Антиох распорядился казнить Александра (Diod. XXXIV/XXXV. 28. 1-3; Iust. XXXIX. 2. 6).

Монетную чеканку Александра II нельзя назвать масштабной: из 14 монетных дворов, чеканивших монеты от его имени, только семь выпускали серебряные номоналы[1332], остальные ограничивались выпусками бронзы. При этом наиболее продуктивными центрами чеканки были: Антиохия на Оронте, Дамаск и Аскалон. Объемы монетных выпусков Дамаска были сопоставимы с объемами эмиссий Антиохии. Как полагают П. Иоссиф и К. Герритсен, администрация монетного двора Дамаска, которая сохранялась со времени правления Деметрия II, была заменена новой. По всей вероятности, именно монетный двор Дамаска должен был обеспечивать монетой военные кампании Александра II против Антиоха VIII[1333]. Александр чеканил монеты из всех главных металлов: золота, серебра и бронзы. Выпуск золотых монет был единичным и вместе с современной ему эмиссией золотых номиналов (мнаэйон) Клеопатры

[1332] Тарс (SC 2210), «Неопределенный двор 112» (SC 2213), «Неопределенный двор 113» (SC 2214), Антиохия на оронте (SC 2217–2228), «Неопределенный двор 111» (SC 2244), Дамаск (SC 2248–2249), Аскалон (SC 2253–2256).

[1333] *Iossif P., Gerritsen C.* Alexander II Zabinas in Damascus: a Numismatic Reading of the Evidence // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillogaphie. 2021. P. 19–62.

Теи в Ака-Птолемаиде стал последним в истории государства Селевкидов. Монетно-весовая норма Александра II при этом не претерпела изменений и сохранялась такой, какой она была в правление Антиоха VII и Деметрия II[1334].

Иконография монет Александра II весьма однообразна. Это, с одной стороны, подчеркивает общую тенденцию использования одного монетного типа для тетрадрахм и одного для драхм, заложенного еще при Антиохе VII, с другой же, как полагает К. Элинг, является отражением Familienpropaganda[1335]. Несмотря на то, что сам термин «пропаганда» едва ли корректен в данном контексте, нельзя не согласиться с тем, что монетная иконография Александра II подчеркивала его статус как легитимного царя, демонстрируя связь с царской династией. Проблемой в данном случае является определение династической линии, с которой ассоциировалась власть Александра. Эта проблема сопряжена с двумя версиями о его возможном происхождении, представленными в источниках: сын Антиоха VII или сын Александра I[1336]. Анализ монетной иконографии демонстрирует вполне определенный выбор в пользу линии Антиоха IV и Александра I.

Главным типом тетрадрахм Александра II был выбран «Зевс Никефор» (рис. 219), который использовался для выпуска более 93% всех монет данного номинала. Чеканка данного монетного типа была продолжением иконографической традиции линии Антиоха IV, все наследники которого (реальные или самопровозглашенные) чеканили тип «Зевс Никефор». Появление этого монетного типа на тетрадрахмах Александра II может иметь и другое объяснение. Деметрий II во второй период своего правления также использовал

[1334] *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia. P. 6.

[1335] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 209.

[1336] В историографии нет единого мнения о происхождении Александра II. Часть исследователей полагают, что он выдавал себя за сына Антиоха VII (*Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 421; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 75.), другая, что за сына Александра Балы (*Mørkholm O.* A Posthumous Issue of Antiochus IV of Syria. P. 62; *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 209; *Ehling K.* Alexander II Zabinas: Ein angeblicher (Adoptiv) Sohn des Antiochos VII oder Alexander I Balas? // Schweizurische Münzblätter. 1995. S. 2–7).

данный тип для чеканки тетрадрахм, что могло послужить причиной выбора монетного типа Александром II, для которого важно было интегрировать свою монету в существовавшее денежное обращение. Впрочем, данное предположение можно рассматривать скорее как косвенное.

Связь Александра II с династической линией Антиоха IV прослеживается не только в использовании ключевого типа тетрадрахм. Само имя Александр, нетипичное для Селевкидов, должно было подчеркнуть связь Александра II с Александром I. Этому же способствовало и использование imitatio Alexandri для царских портретов – на бронзовых выпусках из Антиохии Александр II изображался в львиной шкуре. В целом, монетная иконография, выбор сюжетов и мотивов, а также некоторые технические нюансы изготовления бронзовой монеты (зубчатый край), продолжали традицию монетной чеканки Антиоха IV и Александра I. Весьма примечательным в данном контексте является серия золотых статеров[1337], выпущенных в Антиохии (рис. 220). Несмотря на сообщения Диодора и Юстина о разграблении храма Зевса и золотых сокровищах, похищенных оттуда Александром перед своим бегством, выпуск статеров относят к началу правления Александра II[1338]. Эти статеры были отчеканены по типу «Зевс Никефор», но наиболее отличительной их особенностью является царская титулатура – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ. Такая титулатура полностью повторяет титулатуру Антиоха IV, что является первым случаем полного копирования царской титулатуры предшественника. Подобный набор эпитетов известен и на бронзовых монетах из Селевкии в Пиерии[1339].

Ключевым типом мелких серебряных номиналов был выбран тип «голова правителя/два рога изобилия» (рис. 221)[1340]. Данный тип занимает 43% от общего числа эмиссий. Ранее он не встречался на монетах Селевкидов, но

[1337] SC 2215-2216
[1338] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 449.
[1339] SC 2239
[1340] SC 2221

более характерен для египетской иконографии[1341]. Можно предположить, что данная монета предназначалась главным образом для выплат египетским воинам, которые находились в войске Александра. Кроме данного типа монетный двор Антиохии выпустил несколько серий монет мелких серебряных номиналов (драхмы, гемидрахмы, диоболы) с изображениями: Афины Никефоры[1342], Ники[1343], рога изобилия[1344] и якоря[1345]. Судя по количеству эмиссий, объемы этих выпусков были значительными. Как и драхмы с двойным рогом изобилия, данные монеты также могли предназначаться для воинов войска Александра.

Портрет Александра II выполнен в характерной для Селевкидов стилистике. Примечательно, что в портрете Александра мы не находим птолемеевского трюфэ. Напротив, стилистика больше соответствует портретам Александра I, в частности, использование imitatio Alexandri[1346]. На монетах встречается портрет Александра в львиной шкуре и головном уборе в виде головы слона[1347]. Известны и изображения Александра в лучевой короне, что также может быть частью портретной традиции Антиоха IV (рис. 222). С другой стороны, М. Ковач полагает, что портрет Александра II имеет ряд общих черт с портретом Антиоха VIII, что может косвенно подтверждать их родство[1348]. Р. Фляйшер также отмечает, что портрет Александра следует традиции портретов Антиоха VII и Деметрия I[1349]. Такой портретный синкретизм – одновременно физиогномическая близость портретам одной династической линии и заимствование образов и атрибутов, характерных для портретов другой династической линии, действительно ставит в тупик. Объяснением этого

[1341] *Dahmen K.* Die verwundenen Füllhörner des Alexander II. Zabinas // Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classiche. 2003. P. 171–183.

[1342] SC 2222

[1343] SC 2224

[1344] SC 2225

[1345] SC 2228

[1346] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 75; *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. P. 186–187.

[1347] *Ehling K.* Zu einer Bronzemünze des Alexander II. Zabinas // Schweizurische Münzblätter. 1996. S. 85–59.

[1348] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 421.

[1349] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 75.

синкретизма может быть постепенная трансформация портретного канона у поздних Селевкидов, для которой были характерны: стилистическая деградация и схематизация, формирование портретного шаблона и исчезновение персональных портретных черт, преувеличение физиогномических доминант. В данном контексте, портрет уже не был продолжением художественной традиции, но все еще заимствовал отдельные атрибуты.

5.1.2. Клеопатра Тея и Антиох VIII: иконография соправительства

После гибели царя Деметрия II в 125 г. до н.э. власть в южной Сирии перешла к его жене Клеопатре Тее, несмотря на то что у Деметрия оставались прямые наследники по мужской линии – сыновья Селевк и Антиох. По всей видимости, переход власти от Деметрия к Клеопатре, политическому игроку с весьма неоднозначной репутацией и к тому же имевшему минимальные права на престол, не был безоблачным. В истории с наследованием престола после гибели Деметрия II возникает фигура его сына Селевка, который в историографии известен как Селевк V. Селевк V – крайне загадочный персонаж даже для истории Селевкидов. Согласно Евсевию (*Chron.* 255), Селевк V сопровождал Антиоха VII в походе против парфян и был взят в плен. Обстоятельства освобождения Селевка из парфянского плена остаются неизвестными. На момент гибели Деметрия II Селевк находился уже рядом с матерью. Вероятно, при передаче власти внутри семьи разразился конфликт. Юстин (XXXIX.1.9) и Аппиан (*Syr*. 69) сообщают о конфликте между Клеопатрой и Селевком за царскую диадему, в результате которого Селевк был убит[1350]. Евсевий (*Chron.* 257) указывает на то, что наследником Деметрия был именно Селевк, который пал жертвой интриг своей матери. Второй сын Клеопатры и Деметрия II – Антиох VIII – был «своей матерью возведен в цари, однако так, что сын был царем только по имени, а вся власть была в руках матери» (Iust. XXXIX.1.9).

[1350] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 65.

Таким образом, быстро расправившись с внутренней оппозицией, Клеопатра нашла компромисс в формальном соправительстве со своим сыном Антиохом VIII. Впрочем, соправительство Клеопатры и Антиоха продлилось не долго. После победы над Александром II в 123 г. до н.э. между матерью и сыном начались разногласия. Юстин отмечает (XXXIX.2.7), что Клеопатра была недовольна растущей популярностью сына, вероятно, среди воинов. В итоге Клеопатра попыталась отравить сына, но была разоблачена и вынуждена была сама принять яд. Последняя серия соправительских монет датируется 121 г. до н.э. Вероятно, тогда же и умерла царица Клеопатра[1351].

В литературной традиции Клеопатра предстает в образе властной царицы, стремящейся к единоличному господству[1352]. Клеопатра Теа – жена трех селевкидских царей (Александра I, Деметрия II и Антиоха VII), на протяжении нескольких десятилетий (в 140–120-е годы до н.э.) была влиятельнейшим политиком державы Селевкидов[1353]. Политическая активность Клеопатры, царицы египетского происхождения, совпадает со временем сильнейшего политического влияния Птолемеев в государстве Селевкидов. Приход к власти Клеопатры в 125 г. до н.э. ознаменовался кардинальным изменением отношений между Селевкидами и Птолемеями и новым витком их «сотрудничества». В результате Птолемей VIII диаметрально поменял свою внешнеполитическую позицию относительно Селевкидов, отказался от помощи незаконному правителю Александру II, обрекая его на поражение, и поддержал Антиоха VIII. Можно полагать, что это был дипломатический успех Клеопатры. Политическое лидерство Клеопатры хорошо видно на примере ее брака с Антиохом VII, который был фактически приглашен Клеопатрой «на царство» после пленения Деметрия II парфянами. Клеопатра также проявила политическую активность и по возвращении Деметрия II из плена уже после гибели Антиоха VII. Вернувшийся царь был принят своей бывшей женой, что позволило ему

[1351] *Llewellyn-Jones L., McAuley A.* Sister-Queens in the Hight Hellenistic Period. P. 145–155.

[1352] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 213.

[1353] См.: *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 45–46.

вновь получить власть. Еще один пример беспримерного политического влияния Клеопатры – эпизод с отказом Деметрию II открыть ворота Птолемаиды, после чего царь фактически лишился своей власти и был убит. Все приведенные примеры показывают, что фактически Клеопатра уже управляла государством Селевкидов еще с начала 120-х годов до н.э. и соправительство с сыном Антиохом VIII могло выглядеть, скорее, как формальный союз, являвшейся данью традиции наследования власти у Селевкидов только по мужской линии.

Большое влияние Клеопатры при дворе можно наблюдать еще в период правления Антиоха VII и во время второго правления Деметрия II. Это наглядно отражает иконография. На монетах обоих правителей постепенно появляются египетские сюжеты (знак Исиды, рог изобилия, орел), а также отдельные стилистические приемы, в частности увеличенные глаза или «глаза-бусины» на портретах Деметрия II. Конструирование образа царицы Клеопатры с использованием монетной иконографии началась рано, еще при заключении первого брака Клеопатры с селевкидским монархом – Александром I. В разделе 4.2.3. мы обращались к проблеме иконографии Клеопатры на монетах так называемой «свадебной» серии. Спустя почти 25 лет изображение Клеопатры вновь появилось на селевкидских монетах.

В 125 г. до н.э. монетный двор Ака-Птолемаиды, ставшей временной столицей для Клеопатры, выпустил две эмиссии серебряных тетрадрахм с изображением головы царицы на лицевой стороне и двойного рога изобилия на оборотной (рис. 149). Легенда, помещенная на оборотной стороне, – ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ ΘΕΑΣ ΕΥΕΤΗΡΙΑΣ. Данная монетная серия[1354] является единственным свидетельством единоличной власти Клеопатры, пусть и продлившейся непродолжительный период времени. Уже в этом же 125 г. до н.э. стали выпускаться бронзовые монеты от имени Клеопатры и Антиоха[1355].

[1354] SC 2258
[1355] SC 2263

Данная серия тетрадрахм не является единственным примером монетного выпуска, произведенного от имени царицы Клеопатры. «Свадебная» серия золотых статеров, выпущенных по случаю бракосочетания Клеопатры и Александра I (рис. 64)[1356], также содержит имя царицы. Между этой серией статеров и тетрадрахм, разница во времени чеканки которых составляет 25 лет, существует множество, в том числе, иконографических параллелей[1357]. Прежде всего, это сам монетный тип, который является общим для статеров и тетрадрахм («голова царицы/двойной рог изобилия»). Обе монеты отчеканены по аттической весовой системе, что в случае с монетной мастерской Ака-Птолемаиды выглядит скорее исключением, поскольку данный монетный двор ориентировался преимущественно на выпуск монет по финикийскому стандарту. Монеты аттического веса имели большую зону обращения, поэтому А. Хутон и К. Лорбер видят в этом намеренное стремление увеличить зону географического и социального обращения монет данной серии[1358].

Изображения на монете выдержаны в единой египетской стилистике. Двойной рог изобилия отсылает к монетному типу выпусков Арсинои Филадельфы[1359]. Потрет царицы также за 25 лет претерпел некоторые стилистические изменения. В отличие от портрета на статерах, который больше соответствовал селевкидской стилистике женского портрета, портрет на тетрадрахмах уже полностью выполнен в стилистике Птолемеев. Массивная вуаль покрывает почти всю голову, а не только пучок волос. На голове царицы массивный стефан. Из-под вуали виден колос, который Р. Фляйшер считает частью венка[1360]. Такой же венок из колосьев украшает изображения Исиды на бронзовых монетах Птолемея V. Заметны увеличенные «глаза-бусины». Волосы царицы собраны в многочисленные кудри, нависающие надо лбом и ушами,

[1356] SC 1840
[1357] *Meyer M.* Frauen für Kriesen. S. 268.
[1358] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 478.
[1359] *Llewellyn-Jones L., McAuley A.* Sister-Queens in the Hight Hellenistic Period. P. 214.
[1360] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 77.

что характерно для изображений Исиды[1361]. Данный портрет находит многочисленные птолемеевские параллели в глиптике[1362], нумизматике[1363] и пластике[1364].

Особое внимание привлекает эпитет «богиня Еветерия», который появляется в легенде. Данный эпитет также известен из посвящения Антиоху VII и его детям, выполненного до 135 г. до н.э.[1365] В Кипрской надписи Клеопатра именуется «богиня Афродита Евергетида»[1366]. Оба эпитета подчеркивают образ богини плодородия, в котором предстает Клеопатра[1367]. Культ правителя, связанный с божествами плодородия, является характерной чертой царского культа Птолемеев, что дополняется изображением рога изобилия и портретной стилистикой трюфэ. Единственным «селевкидским» элементом данных монет стоит признать направление легенды – не по кругу, как это было принято в монетном деле Птолемеев, а горизонтально. Такое положение легенды отличает серию тетрадрахм от серии статеров. Образ богини плодородия, в котором изображена Клеопатра, подчеркивают: портрет в стилистике трюфэ (на портрете отчетливо виден второй подбородок), изображение двойного рога изобилия, колоса, который выступает из-под вуали, а также эпитет «богиня Еветерия». Данный визуальный образ сформулирован в египетской стилистике[1368].

[1361] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 466. Наиболее близкой аналогией такой прически является бронзовый бюст «эллинистической царицы» из Виллы Папирусов, хранящийся в археологическом музее Неаполя (inv. No. 5598). Иногда данный бюст отождествляют с Клеопатрой Теей, что, впрочем, не подкрепляется сильной аргументацией. См.: *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 76; *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits. P. 158–159; *Llewellyn-Jones L., McAuley A.* Sister-Queens in the Hight Hellenistic Period. P. 216.

[1362] *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 47–52, pl. 7–8, 35–43; *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts auf Siegelabdrücken aus Paphos. Q 1, 2; *Plantzos D.* Femail Portrait Types from the Edfu Hoard. P. 311.

[1363] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 83.

[1364] *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 80–81.

[1365] SEG XIX. 904

[1366] SEG XVIII. 577

[1367] *Caneva S.* The Power of Naming. P. 299–306.

[1368] В некоторых случаях венок на голове царицы служит поводом для трактовки данного образа как образа Деметры. См.: *Pantos P.* Berenice II Demetre // BCH. 1987. P. 343–352. Также: *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. S. 77.

На монетах, чекинившихся в период совместного правления Клеопатры и Антиоха, царица Клеопатра также занимает доминирующее положение (рис. 100)[1369]. Ее портрет помещен на передний план, в легенде ее имя стоит на первом месте. Парный портрет Клеопатры и Антиоха является неотъемлемой частью всех монетных типов для тетрадрахм и некоторых бронзовых выпусков. Такое тиражирование парного портрета двух правителей беспрецедентно для Селевкидов и, скорее, выглядит как заимствование опыта монетной иконографии Птолемеев. Кроме периферийных монетных дворов, которые продолжали использовать локальные сюжеты для царских выпусков (например, в Тарсе изображали алтарь Сандана, а в Тире и Сидоне – финикийского орла), центральные монетные мастерские: Антиохия на Оронте, Ака-Птолемаида и Дамаск выпускали тетрадрахмы с изображением Зевса Никефора. Использование монетного типа, характерного для монетного дела Деметрия II и Алекандра I, не может рассматриваться как инструмент легитимации. Н. Райт полагает, что образ Зевса Никефора, столь часто изображаемого на позднеселевкидских монетах, приобрел черты сирийского Баала[1370], что было своего рода заигрыванием с сирийскими элитами. Использование типа «Зевс Никефор» определялось, скорее, экономически, поскольку монеты данного типа уже широко обращались в Сирии и пользовались доверим у населения.

Из всей массы эмиссий монет из драгоценных металлов особняком стоит серия золотых соправительских монет из Ака-Птолемаиды[1371]. На лицевой стороне этих монет изображался привычный парный портрет Клеопатры и Антиоха, а на оборотной двойной рог изобилия с легендой, расположенной по кругу – ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Номинал этих монет определяется как мнаэйон. Данная монета весит 27,6 г, что полностью соответствует весу мнаэйона выпускавшегося по птолемеевской весовой

[1369] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 213; *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 470; *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 78; *Llewellyn-Jones L., McAuley A.* Sister-Queens in the Hight Hellenistic Period. P. 214–215.

[1370] *Wright N.* Non-Greek Religious Iconography on the Coinage of Seleucid Syria // Mediterranean Archaeology. 2009/2010. P. 197.

[1371] SC 2270

системе. Иконография монеты, расположение легенды также полностью соответствуют традициям монетного дела эллинистического Египта, практически не оставляя никаких атрибутов (кроме имени царя) характерных для монетного дела Селевкидов. Обстоятельства чеканки монет данной серии неизвестны. Опираясь на опыт производства подобных золотых номиналов и прочих золотых мемориальных эмиссий Селевкидами, можно сделать вывод, что данный монетный выпуск предназначался для коммеморации какого-то события, связанного с интронизацией действующего монарха, возможно, в данном случае, начала совместного правления Клеопатры и Антиоха или победы над Александром II. Монетный двор Ака-Птолемаиды имел богатый опыт выпуска подобных коммеморативных эмиссий. Птолемеевская иконография мнаэйонов данной серии, а также использование птолмеевского весового стандарта могут быть основанием для предположения, что данные монеты предназначались для обращения на территории Египта и служили выплатой военным и политическим элитам египетского войска, которое было отправлено Птолемеем VIII на помощь Антиоху VIII.

Иконография бронзовых монет Клеопатры и Антиоха демонстрирует тот же идеологический курс политического доминирования царицы Клеопатры. Заметно и превалирование египетских сюжетов. На монетном дворе Ака-Птолемаиды выпускалась серия монет с изображением головного убора Исиды[1372], а на «Неопределенном монетном дворе 115» (Северная Сирия) монеты с двойным рогом изобилия[1373]. Среди сюжетов также встречаются атрибуты Артемиды[1374] и Тюхе[1375].

Из шести типов бронзовых монет, чеканившихся от имени Клеопатры и Антиоха, особый интерес представляют два: «голова Клеопатры и Антиоха/Ника»[1376] и «голова Антиоха/сова на амфоре»[1377]. Выпуск монет типа

[1372] SC 2274
[1373] SC 2266
[1374] SC 2275
[1375] SC 2264
[1376] SC 2265
[1377] SC 2263

«голова Клеопатры и Антиоха/Ника» осуществлялся на «Неопределенном монетном дворе 115», который локализуется в Северной Сирии (рис. 223). Это единственный монетный тип бронзовых монет, для которого известно парное изображение Клеопатры и Антиоха. Также в легенде этого типа присутствует и эпитет Клеопатры «Теа», чего нет на других типах бронзовых монет. Известно как минимум семь эмиссий монет данного типа, что может быть косвенным свидетельством больших объемов чеканки. В результате сопоставительного анализа монограмм и других дифферентов монет данной серии и бронзовых эмиссий монетной мастерской Антиохии на Оронте времени Александра II, А. Хутон и К. Лорбер пришли к выводу, что оба монетных двора были связаны между собой, вероятно, работой одних и тех же ответсвтенных лиц монетной мастерской, служившими сначала при мастерской Антиохии, а после при мастерской двора 115[1378]. Нельзя исключать, что «Неопределенный монетный двор 115» был военным монетным двором, обслуживавшим нужды части армии Антиоха (вероятнее всего нескольких гарнизонов). Принимая во внимание данное предположение, можно интерпретировать изображение парного портрета и Ники как общий мотив победы Клеопатры и Антиоха над Александром II и восстановление ими законной власти.

Второй монетный тип, привлекающий внимание специалистов, – это тип «голова Антиоха/сова на амфоре» (рис. 102). Монеты данного типа выпускались на монетной мастерской Антиохии на Оронте. Объемы чеканки монет данного типа, судя по количеству эмиссий, внушительные – 26 выпусков за два года, что делает данный тип бронзовых монет самым тиражируемым в монетном деле соправительства Клеопатры и Антиоха. Примечательно, что на лицевой стороне данных монет, так же как на лицевой стороне серии SC 2274 из Ака-Птолемаиды, изображена голова Антиоха в лучевой короне. В легенде же упомянуты оба правителя, причем имя Клеопатры не дополнено эпитетом. Наибольший исследовательский интерес вызывает изображение на оборотной стороне совы, сидящей на амфоре. В историографии уже достаточно давно

[1378] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 474.

отмечено сходство данного изображения с изображением оборотной стороны афинских тетрадрахм «нового стиля»[1379]. Это сходство двух изображений приводит большинство исследователей к проблеме взаимоотношений между Афинами и Селевкидами в период заката державы Селевкидов, которые всегда оставались достаточно дружескими, прежде всего из-за актов селевкидского эвергетизма[1380]. Известно, что в Афинах какое-то время жил Антиох IV перед своим возвращением в Сирию из Рима[1381], а также Антиох VIII, который был отправлен своей матерью Клеопатрой на воспитание в Афины (App. *Syr*. 68). Последнее сообщение стало поводом для интерпретации данного монетного изображения как «знака уважения эллинизированными народами востока старых центров эллинской родины, пусть и переживавшей годы упадка своего влияния»[1382].

В историографии предпринимались поиски свидетельств контактов Афин с Селевкидами в монетном деле. Так, серию тетрадрахм «нового стиля», выпущенную от имени магистрата Антиоха и дополненную дифферентом в виде головы слона, связывали с Антиохом IV и его пребыванием в Афинах. Однако исследования М. Томпсон[1383], О. Мёркхольма[1384], Г. Маттингли[1385] показывают, что хронология выпусков не соотносится со временем пребывания Антиоха в Афинах. Более того, согласно мнению сторонников «нижней

[1379] См.: *Wright N.* A note on Cleopatra Thea, Antiochus Grypus and Athens // Meditrach. 2008. P. 39–42.

[1380] См.: *Habicht Ch.* Athen und die Seleukiden // Chiron. 1989. S. 7–26; *Хабихт Г.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 218–221; *Tracy S.V.* IG II 937: Athens and the Seleucids // GRBS. 1988. P. 383–388.

[1381] *Scolnic B.* When did Future Antiochos IV Arrive in Athens // Hesperia. 2014. P. 123–142; *Хабихт Г.* Афины. С. 218–221. Отдельно о взаимоотношениях с Афинами Антиоха IV см.: *Davis G., Llewelyn S.* Antiochus IV Epiphanes in Athens // New Documents Illustrating Early Christianity: a Review of the Greek Inscriptions and Papyri Published Between 1988 and 2005 / S. Llewelyn, J. Harrison, E. Bridge (eds.). North Ryde, 2012. P. 87–91.

[1382] *Wright N.* A note on Cleopatra Thea. P. 41.

[1383] См. критику: *Thompson M.* The New Style Silver Coinage of Athens. Vol. I. New York, 1961. P. 158, *396–403*.

[1384] *Mørkholm O.* The Chronology of the New Style Coinage of Athens // American Numismatic Society Museum Notes.1984. P. 29–42.

[1385] *Mattingly H.* The beginning of Athenian new style silver coinage // NC. 1990. P. 67–78.

хронологии» выпусков тетрадрахм «нового стиля», эмиссии с именем Антиоха могли быть связаны с пребыванием в Афинах другого представителя династии – Антиоха VIII[1386]. Аргументом в пользу того, что данные выпуски были осуществлены от имени царя Антиоха, является аналогичный пример выпуска афинских тетрадрахм от имени царя Митридата (V или VI). Афинские тетрадрахмы «нового стиля» были хорошо знакомы жителям позднеэллинистической Сирии. Клады селевкидских монет, включающие афинские стефанефоры, хорошо известны[1387]. Известный даже сирийские подражания афинским тетрадрахмам «нового стиля»[1388]. Однако утверждать, что изображение совы, сидящей на амфоре, на соправительских монетах Клеопатры и Антиоха является выражением чувства уважения к центру эллинской цивилизации со стороны селевикидской власти, на наш взгляд, преждевременно. Во-первых, хронология выпусков афинских стефанофоров неясна и даже если выпуск серии от имени Антиоха относится к 130-м годам до н.э., то должен был быть санкционирован малолетним Антиохом VIII, которому не было еще и десяти лет. Во-вторых, изображение совы на монетах Клеопатры и Антиоха действительно полностью копирует афинский вариант, однако, случаи прямого копирования монетных изображений хорошо известны в древности. Более того, изображение совы, восседающей на пальмовых ветвях и прочих символах, хорошо известны в монетном деле эллинистических центров монетного производства. Изображение совы неоднократно появляется на бронзовых монетах и самих Селевкидов, что не предполагает в каждом отдельном случае связь с Афинами. Нет сомнений, что прототипом для изображения совы на монетах Клеопатры и Антиоха являются афинские стефанофоры, но семантика этого монетного типа, как кажется, никак не связана с Афинами, а имеет локальное прочтение, возможно, связанное с региональным культом Афины.

[1386] *Wright N.* A note on Cleopatra Thea. P. 40.
[1387] *Wright N.* A note on Cleopatra Thea. P. 41.
[1388] *Hoover O., McDonald D.* Syrian imitations of New Style Athenian tetradrachms struck over Myrina // Berytus. 1999. P. 109-117.

5.1.3. Антиох VIII и Антиох IX: иконография династического противостояния и пятая смена иконографической модели

Последнее десятилетие II в. до н.э. ознаменовалось для державы Селевкидов новым витком династического противостояния, которое разыгралось между двумя сводными братьями, сыновьями Клеопатры Теи: Антиохом VIII и Антиохом IX. Несмотря на общую мать, Антиох VIII был сыном Деметрия II, а Антиох IX Антиоха VII, что предопределило порядок престолонаследия. Антиох VIII был старшим братом и стал царем еще при жизни матери, а Антиох IX как младший был отправлен в город Кизик[1389]. Несколько лет после смерти Клеопатры Теи в 121 г. до н.э. Антиох VIII оставался единственным правителем государства Селевкидов. На протяжении последующих семи лет держава Селевкидов, существенно потерявшая в своей территории за последние два десятилетия, не вела ни внутренних ни внешних войн, что стало редким периодом спокойствия и мира. В фольклорной сирийской традиции, которую передает Посидоний Апамейский, эти спокойные годы ассоциировались с личностью самого царя Антиоха VIII. Историк и философ Посидоний, уроженец сирийской Апамеи и свидетель эпохи, оставил красочный образ неторопливого царя, проводившего свои дни в праздности и благоденствии, устраивавшего праздники для своих подданых (Athen. 210e-f; 540a). В то же время Посидоний упоминает о беззаботной жизни самих сирийцев, которые могли наслаждаться периодом затишья. Впрочем, описание сирийских царей как праздных гедонистов можно считать частью традиции репрезентации сирийской монархии у Посидония Апамейского. В таком же образе Посидоний рисует не только Антиоха VIII, но и его предшественников: Антиоха III, Антиоха IV, Антиоха VII, Александра I и даже соперника Антиоха VIII Антиоха IX[1390].

[1389] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 31.

[1390] Сообщения Посидония о царях династии Селевкидов суммированы и проанализированы в работе П. Чекарелли: *Ceccarelli P.* Kings, Philosphers and Drunkards: Athenaeus' Information on the Seleucids // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Weisbaden, 2011. P. 161–177.

Антиох IX был серьезным конкурентом для Антиоха VIII в борьбе за престол. Еще в детстве он был отправлен Клеопатрой Теей в Кизик, где и жил вплоть до своего возвращения в Сирию. Возможно, Антиох VIII делал попытки устранить конкурента, пока тот еще пребывал в Кизике (Iust. XXXIX. 2. 10; ср. App. *Syr.* 69), однако в 113 г. до н.э. Антиох IX сам бросил вызов своему сводному брату и высадился в Селевкии в Пиерии[1391]. Обстоятельства очередной «войны братьев» остаются практически неизвестными. Лучшим источником, помогающим реконструировать территориальные захваты каждой из сторон, являются монеты. Анализ монетных эмиссий (к этому времени практика датирования эмиссий становится постоянной) показывает, что Антиохия несколько раз переводила из рук в руки. Город был захвачен Антиохом IX сразу же после его высадки в 113 г. до н.э. Через год, около 112 г. до н.э. Антиох VIII сумел вернуть Антиохию удерживал ее до 109 г. до н.э., когда она вновь перешла в руки Антиоха IX. Однако уже в следующем 108 г. до н.э. Антиох VIII вновь завладел контролем над городом и удерживал его вплоть до своей смерти[1392].

Ошеломительный успех Антиоха IX в 113 г. до н.э. был связан с помощью извне, как полагает К. Элинг, птолемеевской[1393]. Лишенный своей столицы, а также большинства своих владений (в 113 г. до н.э. большинство монетных дворов Антиоха VIII, включая мастерские Киликии, Дамаска, Сидона, Аки и Аскалона перестали чеканить его монету), Антиох VIII вынужден был кратковременно покинуть территорию своего государства[1394]. Вероятно, в это

[1391] *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 140–141; Дискуссию о дате начала противостояния Антиоха VIII и Антиоха IX см.: *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 217.

[1392] Хронологию правления последних Селевкидов в Антиохии, составленную на материалах анализа монетных эмиссий и объемов монетного производства, см.: *Hoover O.* A Revised Chronology for the Late Seleucids at Antioch (121/0–64 BC) // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 2007. 3. P. 280–301; *Houghton A.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Antioch and Tarsus // SNR. 1993. P. 87–106.

[1393] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 218.

[1394] К. Элинг полагает, что царь отправился в памфилийский Аспенд. *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 218. Дж. Грейнджер допускает, что поддержку Антиоху IX могули оказать как Птолемеи, так и парфяне. *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 140–141; Впрочем, поддержка Птолемеев (точнее одной из противоборствующих

же время в конфликт была как-то втянута римская администрация соседних провинций. К 113 г. до н.э. относится посвящение статуи римскому консулу Гнею Папирию на острове Делос, сделанное царем Антиохом VIII[1395]. Помощь Антиоху IX, захватившему власть в Антиохии, оказала Клеопатра IV, которая прибыла к его двору для бракосочетания. По свидетельству Юстина (XXXIX.3.3) вместе с ней прибыли войска, расположенные на Кипре. Однако по версии того же Юстина эти войска не помогли Антиоху IX в сражении против брата. После захвата в 112 г. до н.э. Антиохии Клеопатра попала в плен и по приказу своей сестры Трифены, жены Антиоха VIII, была казнена. Спустя некоторое время Трифена сама оказалась в плену у Антиоха IX и также была предана смерти (Iust. XXXIX.3.12).

Война Антиоха VIII и Антиоха IX продолжила территориальный распад государства Селевкидов. Начиная со 111 г. до н.э. от государства отложился ряд полисов Сирии и Финикии, заявивших о своей независимости. Хронологию и географию этого процесса можно проследить по данным нумизматики. В 111 г. до н.э. прекращается чеканка царских монет в Сидоне. Вслед за этим независимая чеканка появляется в финикийском Триполи. В 109 автономная чеканка серебра была организована в Селевкии в Пиерии. Об автономии Селевкии в Пиерии, подаренной городу Антиохом VIII, упоминается и в царском послании Антиоха VIII к Птолемею X с Кипра[1396].

К 108 году в конфликте наступило относительное равновесие – Антиох VIII контролировал Киликию и Сирию, Антиох IX – Келесирию и Финикию (Euseb. *Chron*. 260)[1397]. Будучи правителем южных областей государства

придворных партий) выглядит более убедительным. См.: Ios. *Ant Iud.* XIII. 10. 1. Отметим, что и у Антиоха VIII, и у Антиоха IX жены были египетскими царицами, что продолжило традицию династической связи двух эллинистических династий, зародившуюся несколькими десятилетиями ранее. Борьба внутри египетской династии непременно отражалась на положении дел в державе Селевкидов. Это показывает пример Александра II.

[1395] OGIS 260

[1396] RC 71

[1397] Впрочем, как показывают исследования А. Хутона, ключевой монетный двор Южной Сирии Дамаск также несколько раз переходил из рук в руки, что не позволяет считать господство Антиоха IX в южной части Сирии абсолютным. См.: *Houghton A., Müseler*

Селевкидов, Антиох IX вступил в конфликт с иудейским правителем Иоанном Гирканом. Антиох IX выступил на стороне самаритян, которые вели продолжительную войну с Иудеей. В повествовании Иосифа Флафия (*Ant. Iud.* XIII. 10. 2-3) боевые действия со стороны Антиоха IX выглядят непродуманными и слабыми. Итогом всего конфликта стало поражение Антиоха IX и потеря им части территорий, включая Скифополь.

Дальнейшие события войны Антиоха VIII с Антиохом IX остаются не освещенными литературной традиции. Практически все авторы, включая Иосифа Флавия, переносят фокус внимания на внутреннюю борьбу в Египте. Юстин упоминает лишь, что Антиох VIII женился на Клеопатре V Селене, бывшей жене Птолемея IX. Около 102 г. до н.э. дочь Антиоха VIII Лаодика вышла замуж за царя Коммагены Митридата I[1398], что, вероятно, также должно было укрепить положение ее отца. Война двух братьев закончилась с гибелью Антиоха VIII, который, как свидетельствует Иосиф Флавий (*Ant. Iud.* XIII. 13. 4) пал от руки своего приближенного Гераклеона. Точная дата гибели Антиоха VIII вызывает споры[1399]. Вопреки традиционной дате его гибели – 96 г. до н.э.[1400], А. Хутон предложил альтернативную – 98 г. до н.э. Его главным аргументом стали результаты количественного анализа штемпелей царских эмиссий тетрадрахм сына Антиоха VIII Селевка VI, который обладал Селевкией на Каликанде – важным киликийским монетным двором – на протяжении двух лет. По мнению А. Хутона, количество известных штемпелей лицевой стороны (44 штуки, т.е. 22 штемпеля на один год) превышает среднегодовую норму расходования штемпелей[1401]. К. Элинг соглашается с этой датировкой, добавляя сообщение Порфирия (Porphyr. FrGrHist 260 F 32. 24), о том, что

W. The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Damascus // Schweizur Münzblätter. 1990. P. 57–62.

[1398] OGIS 383

[1399] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 233.

[1400] В историографии традиционно дата гибели Антиоха VIII берется из сообщения Иосифа Флавия (*Ant. Iud.* XIII. 13. 4), который сообщает, что Антиох прожил 45 лет, из которых 29 был царем.

[1401] *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Seleucia on the Calycadnus. P. 97–98; *Houghton A.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Antioch. P. 93.

Антиох VIII правил до четвертого года 170 Олимпиады (= 97/6 г. до н.э.). В издании каталога Seleucid Coins А. Хутон разделяет точку зрения К. Элинга и также приводит в качестве даты гибели Антиоха VIII 97/6 г. до н.э., а большие объемы эмиссий тетрадрахм Селевка VI из Селевкии на Каликанде интерпретируются как подготовка к походу против Антиоха IX[1402].

После смерти Антиоха VIII его сыновья: Селевк VI и Деметрий III начали войну против Антиоха IX. Около 96/95 г. до н.э. в решающем сражении против Селевка VI Антиох IX был убит. Порфирий сообщает, что, попав в гущу боевых порядков противника, Антиох покончил с собой (FGrHist 260 F 32. 24). Иосиф Флавий свидетельствует (*Ant. Iud.* XIII. 13. 4), что Антиох попал в плен и был казнен. Так или иначе, очередное поколение селевкидских царей закончило свои дни в пылу междоусобных распрей. Наследники Антиоха VIII и Антиоха IX продолжили войну за престол, которая оказалась в истории государства Селевкидов последней.

Как было отмечено ранее, монетная иконография и Антиоха VIII, и Антиоха IX строилась на демонстрации принадлежности каждого из царей к династии, что служило ключевым инструментом легитимации их власти. По наблюдению К. Элинга эта связь или, скорее, подражание предкам прослеживается и в литературной традиции. В сообщении Диодора (XXXIV/XXV. 34. 1), которое восходит к традиции Посидония, Антиох IX представлен как страстный поклонник мимов и артистов. Антиох IX был увлечен охотой и покидал царский дворец в ранний час в окружении двух-трех слуг, отправляясь на охоту. К. Элинг проводит параллель с сообщениями Афинея и Диодора о подобных пристрастиях Антиоха IV и Деметрия I, которым Антиох IX мог подражать[1403]. С другой стороны, близкие и даже одинаковые описания поведения царей династии Селевкидов, их привычек и образа жизни могут быть искаженным переложением фольклорной традиции Антиохии на Оронте, в которой цари из исторических персонажей с течением времени становились

[1402] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 483, 551.
[1403] *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte. S. 221–222.

персонажами городского фольклора, утрачивая историческую индивидуальность. Легенды и предания о царях династии Селевкидов сохранялись в устной традиции еще в римское время и дошли до нас в различных сочинениях, в том числе оратора Либания, а также историка Павсания Антиохийского, которого использовал для своей «Хронографии» уже в VI в. н.э. Иоанн Малала.

Ключевым монетным типом для тетрадрахм Антиоха IX, как и у его отца Антиоха VII, была «Афина Никефора» (рис. 224)[1404]. Этот монетный тип был введен Антиохом VII и являлся своего рода его персональным знаком. Тиражирование этого изображения как нельзя лучше подчеркивало связь Антиоха IX с его отцом[1405]. Дополнительным признаком этой связи является эпитет Φιλοπάτωρ, помещавшийся в тексте легенды[1406]. Иконография бронзовых монет Антиоха IX дублирует ключевые типы тетрадрахм – «Афина Никефора» и «Зевс Никфор».

Портреты Антиоха IX отличаются, во-первых, наличием бороды в первый и второй период его правления в Антиохии. После победы над Антиохом VIII борода на портретах Антиоха IX исчезает. Примечательна и форма бороды – это борода без усов[1407]. Такой тип бороды встречается на портретах поздних Птолемеев, в частности Птолемея IX, однако, его происхождение связано с регионом Малой Азии и династиями Вифинии (Прусий I) и Понта (Митридат III)[1408]. Во-вторых, характерным портретным атрибутом изображений Антиоха IX являются «глаза-бусины» или «глаз Птолемея», что можно рассматривать как иконографическую особенность, некогда являвшуюся стилистическим заимствованием.

Иконография монет Антиоха VIII демонстрирует более замысловатую систему взаимодействий с идеологией и иконографией предков. Эпитет,

---

[1404] SC 2363

[1405] *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 75–76.

[1406] Селевкидский контекст использования этого эпитета см.: *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. P. 226–229.

[1407] Портреты Антиоха IX с такой бородой известны не только на монетах, но и в пластике и глиптике. См.: *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. S. 83–85; *Houghton A.* The Portrait of Antiochus IX // Antike Kunst. 1984. P. 123–128.

[1408] *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. S. 83.

который встречается на монетах, – ’Επιφανής подчеркивает божественность царя и дополняется восьмилучевой звездой, размещенной на оборотной стороне. Едва ли этот эпитет стоит рассматривать как попытку связать власть Антиоха VIII с властью Антиоха IV, наследники которого относились к другой ветви династии.

Несмотря на, казалось бы, общую для двух царей демонстрацию легитимности власти и принадлежности к династии, идеология Антиоха VIII конструктивно отличается от идеологии Антиоха IX. В отличие от Антиоха IX, заимствовавшего главный монетный тип своего отца, Антиох VIII не копирует Зевса Никефора или Аполлона на омфале с монет Деметрия II, но создает свой собственный монетный тип – «Зевс Ураний» (рис. 118)[1409], тем самым меняя иконографическую модель. На оборотной стороне тетрадрахм располагалось изображение фигуры стоящего Зевса, левой рукой опирающегося на посох, а в правой держащего восьмилучевую звезду. Над головой Зевса расположен полумесяц, а изображение помещено в венок. Смене иконографической модели сопутствует и очередная редукция весовой нормы.

На периферийных монетных дворах, которые находились под слабым контролем Селевкидов, продолжали чеканиться привычные монетные типы: «Афина Магарсия»[1410], «Зевс Никефор»[1411], «Афина Никефора»[14121413]. Такое разделение на локальную и общегосударственную иконографию царских эмиссий хорошо демонстрируют выпуски монетной мастерской в Ака-Птолемаиде, где начиная со времени Деметрия II осуществлялся выпуск как тетрадрахм аттического веса, так и финикийского. Иконография этих монет была различной: для аттического стандарта использовался тип «Зевс Ураний», для финикийского – «орел». Ввиду политических обстоятельств, ограничивавших возможности царской власти, в том числе и в монетной политике, наиболее

[1409] SC 2297
[1410] SC 2290
[1411] SC 2303
[1412] SC 2279
[1413] См.: *Zahle J.* Religious Motifs on Seleucid Coins. P. 132–133.

релевантным историческим материалом для периода заката державы Селевкидов остается продукция монетного двора Антиохии на Оронте, а также данные монетных мастерских Дамаска и Ака-Птолемаиды. В рассматриваемый период в монетном деле Селевкидов происходят серьезные изменения, связанные с очередным понижением весового стандарта тетрадрахмы до 15,9 г, что не соответствовало принятому на тот момент международному стандарту в 16,5[1414]. Причиной редукции стандарта является очевидный поиск ресурсов для ведения войны. При этом отметим, что Антиох VIII снизил стандарт своих тетрадрахм довольно поздно и постепенно, сохраняя минимальный вес на уровне 16,2 г. Антиох IX напротив снизил вес до 15,9 г сразу после победы над своим братом. Итогом этого стала трансформация денежной системы Селевкидов из «открытой» в «закрытую». Этот процесс подтверждается данными монетных кладов: начиная со 110-х годов до н.э., в селевкидских кладах не встречаются иностранные монеты. Переход к «закрытой» денежной системе не создает эффект замкнутости, монеты различных центров продолжают обмениваться друг на друга, но с учетом курса, который может варьироваться в зависимости от ряда обстоятельств. Таким образом, реальная коммерческая стоимость этих денег существенно отличается от номинальной и приближается к стоимости металла.

Интерпретация монетного типа «Зевс Ураний» имеет ряд сложностей и не получила в историографии определенного решения. Не вызывает сомнений тот факт, что иконография Зевса Урания на монетах Антиоха VIII представляет собой синкретический композит, при этом сохраняя классическую греческую стилистику изображения[1415]. Н. Райт полагает, что восьмилучевая звезда на ладони Зевса является символом Астраты/Иштар, а общая астральная символика (звезда и полумесяц) позволяет отождествить это божество с Баал Шамином. В целом, популярность Зевса у населения Леванта

[1414] *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia. P. 6–7.

[1415] *Zahle J.* Religious Motifs on Seleucid Coins. P. 131.

позднеэллинистического периода сказалась на выборе сюжета оборотной стороны монет последних Селевкидов, где в большинстве случаев изображался Зевс[1416]. Изображение синкретических божеств – не новшество для царских выпусков Селевкидов, однако, все они изображались на монетах, выпущенных периферийными монетными дворами. В данном случае чеканка монет с изображением Зевса Урания – Баал Шамина на столичном монетном дворе Антиохии на Оронте является первым подобным случаем. Проникновение локальной культурно-религиозной традиции в царскую иконографию можно трактовать по-разному. Наиболее предпочтительной причиной этого, на наш взгляд, является усиление влияния локальных сирийских элит, возможно, в среде ближайших царских соратников (двор, друзья, царская администрация), которые принимали непосредственное участие в выборе монетного изображения. С другой стороны, нельзя исключать определенной семитизации царского династического пантеона. Версия с заигрыванием (‘ethno-power games’) царской власти с подданными едва ли рассматривается как основная, в силу недоступности серебряных тетрадрахм широким слоям сирийского населения[1417].

Бронзовые эмиссии Антиоха VIII демонстрируют давно наметившуюся тенденцию проникновения локальных сюжетов в царскую иконографию – процесс, который начался именно в чеканке бронзовой монеты. Столичные выпуски были отмечены типом с орлом[1418] и двумя рогами изобилия[1419], что может быть интерпретировано как влияние птолемеевой иконографии, уже достаточно прочно закрепившейся в царской иконографии Селевкидов. На периферийных дворах встречаются изображения Баала и Астарты. Особняком стоит иконография царских весовых гирь, выпущенных от имени Антиоха VIII. Всего известно пять экземпляров, каждая весом в одну мину[1420]. На всех

[1416] *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 86, 125. О синкретическом образе Зевса Урания – Баал Шамина писал еще А. Сейриг, который отмечал, что данный образ сложился именно в период позднего эллинизма и получил особое распространения в ближневосточной иконографии уже римского времени. См.: *Seyrig H.* Antiquités syriennes. P. 300.

[1417] Это же отмечал и А. Сейриг. См.: *Seyrig H.* Antiquités syriennes. P. 300.

[1418] SC 2307

[1419] SC 2313

[1420] См. каталог из раздела 1.1.3. № 11–15.

гирях Антиох имеет один и тот же эпитет – Φιλομήτωρ (рис. 225). Изображение также демонстрирует один и тот же символ – якорь. Появление якоря в данном случае можно объяснить не обращением идеологии царя Антиоха к образам ранних Селевкидов (напомним, что якорь не встречается на монетах Антиоха VIII), а скорее использованием локального антиохийского символа, которым якорь стал к концу II в. до н.э. На полисных весовых гирях из Антиохии якорь изображался довольно часто. Стилистические особенности изображения (отсутствие перекладин, конструкция лап якоря, длина веретена якоря) не позволяют соотнести данные якоря с якорем на монетах и печатях ранних Селевкидов.

Портреты Антиоха VIII известны прежде всего по монетам. Примечательно, что именно на монетах Антиох VIII изображается с карикатурно выделенной физиогномической доминантой – крючковатым носом (рис. 226)[1421]. За эту деталь его внешности жители Антиохии называли его Грип – «горбоносый». Стилистика поздних селевкидских портретов становится все более схематичной, утрачивая индивидуальные особенности, поэтому случай с портретами Антиоха VIII выглядит счастливым исключением. Как полагает Р. Фляйшер, портрет Антиоха VIII оказал большое влияние на все последующие изображения монархов династии Селевкидов и стал, своего рода типовой формой для портретов поздних правителей династии[1422]. Между тем в самом портрете Антиоха VIII можно увидеть черты изображений Антиоха IV, а также поздних Птолемеев, в частности, Птолемея X. Портретная близость изображений Антиоха VIII и Тюхе на автономных выпусках Селевкии в Пиерии, в которой Р. Фляйшер видит портрет жены Антиоха VIII Трифены[1423], на наш взгляд, является следствием распространения единой стилистической портретной модели, что объясняет и сходство портретов Антиоха VIII с последующими царями династии. На бронзовых монетах, выпущенных на монетном дворе Антиохии на

[1421] *Wright N.* The Iconography of Succession under the Late Seleukids. P. 45–46.
[1422] *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. S. 81.
[1423] *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. S. 81.

Оронте, портрет царя дополнен лучевой короной, что является единственным изображением царя, не относящегося к потомкам Антиоха IV, с этим иконографическим элементом. Н. Райт полагает, что в случае с Антиохом VIII лучевая корона является знаком священного брака, ритуально заключенного между царем и богиней Атаргатис – наиболее почитаемой богиней сирийцев II в. до н.э. – II в. н.э.[1424] Таким образом, лучевая корона демонстрировала божественность царя, которая имела также синкретический характер, как и фигура Зевса Урания. Примечательно, что сын Антиоха VIII Антиох XII носил божественный эпитет Дионис.

В период второго правления Антиоха VIII в Антиохии в монетной чеканке наблюдаются определенные изменения. Кроме типа «Зевс Ураний» монетный двор Антиохии начинает чеканить тетрадрахмы типа «Зевс Никефор» (рис. 226). Хронологическое распределение выпусков, которое стало возможным после проведения штемпельного анализа, показывает, что монеты этих типов не выпускались одновременно, как это полагали Г. Троксел и Н. Ваггонер[1425], но тип «Зевс Никефор» пришел на смену типу «Зевс Ураний». А. Хутон показал, что эта смена произошла именно в период второго правления Антиоха VIII в Антиохии около 111 г. до н.э.[1426] Вместе с тетрадрахмами типа «Зевс Никефор» в Антиохии чеканится серия мелких серебряных номиналов, также отличающаяся нехарактерной иконографией. Так, были отчеканены серия драхм – тип «треножник»[1427], серия гемидрахм – тип «Ника»[1428] и серия оболов – тип «колос»[1429].

К этому же 111 г. до н.э. (= 202 СЭ) относится серия бронзовых монет типа «голова Антиоха/орел». Отличительной особенностью этой серии является легенда. Здесь, вместо привычного эпитета Ἐπιφανής, появляется эпитет

[1424] *Wright N.* Seleucid Royal Cult. P. 79–81.

[1425] *Troxell H., Waggoner N.* The Robert F. Kelly Request // American Numismatic Society Museum Notes. 1978. P. 40–41.

[1426] *Houghton A.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Antioch. P. 105–106.

[1427] SC 2304

[1428] SC 2305

[1429] SC 2306

Φιλομήτωρ. Эпитет Антиоха VIII Φιλομήτωρ известен также в эпиграфике[1430], на весовых гирях, а также из сообщения Порфирия (FGrHist 260 F 32. 22), однако, на монетах он встречается только в данном случае. Появление этого эпитета на бронзовых монетах одновременно с началом чеканки типа «Зевс Никефор» на тетрадрахмах может свидетельствовать об изменениях в идеологии Антиоха VIII, вызванных апогеем противостояния с Антиохом IX, гибелью Клеопатры IV, а возможно и Трифены. Появление типа «Зевса Никефор» отмечено также для монетного двора Дамаска[1431]. Здесь он начинает чеканится позже, в 104/3 г. до н.э. Обращение к монетному типу «Зевс Никефор» является очевидной попыткой продолжить традицию отца и матери Антиоха VIII, которые чеканили монеты данного типа. Появление эпитета Φιλομήτωρ также недвусмысленно демонстрирует связь Антиоха VIII с династией.

5.2. От Селевка VI до Антиоха XIII

Последние четыре десятилетия существования государства Селевкидов стали настоящей агонией некогда сильнейшей державы Восточного Средиземноморья. Территория государства Селевкидов сократилась до нескольких регионов, включая Сирию, Келесирию и Киликию. Территориальный распад сопровождался сильнейшим политическим кризисом, перманентной борьбой за престол последних царей династии, частой сменой власти в столице Антиохии, а также внешним вмешательством со стороны Парфии, Армении и, наконец, Рима. Все это привело к тому, что за три десятилетия на престоле сменилось семь царей (некоторые правили ни по одному разу), а власть в Антиохии на некоторое время на рубеже 70–60 годов до н.э. сначала захватил армянский царь Тигран II, а после Рим. В 64 г. до н.э. остатки державы Селевкидов были преобразованы римским полководцем Гнеем Помпеем в провинцию Сирия.

[1430] I. Delos 1551
[1431] SC 2325

Монетное дело последних правителей династии Селевкидов наглядно отражает процесс политического упадка. Состояние монеты (ее вес и содержание драгоценного металла) неуклонно портилось, а количество функционирующих монетных дворов сокращалось. К 70-м года до н.э. вес и содержание драгоценного металла в серебряной тетрадрахме снижаются настолько, что из производства исчезают мелкие серебряные номиналы и бронзовая монета. Весовой стандарт тетрадрахмы редуцируется до 15,6 г.[1432] Несмотря на это, количество выпусков и объемы эмиссий все еще достаточно масштабны. Например, серия тетрадрахм Селевка VI, отчеканенная на монетном дворе Селевкии на Каликанде насчитывала 25 эмиссий, для изготовления которых использовалось более 44 штемпелей лицевой стороны, что сопоставимо с объемами монетного производства в Антиохии на Оронте накануне похода Антиоха III на восток. Выпуски серебряных монет бывших селевкидских владений, в частности, Селевкии в Перии и Сидона, получивших независимость при предыдущем поколении правителей, составляли серьезную конкуренцию царскому серебру на рынке денег. Нередко старые выпуски более полновесной монеты использовались как сырье для производства новой.

Иконография монет последних Селевкидов также характеризуется унификацией и единообразием ключевого монетного типа. К 70-м годам до н.э. из всего разнообразия монетных типов для тетрадрахм остается единственный «Зевс Никефор», а для драхм, которые выпускались до 70-х гг. до н.э. – «Ника»[1433]. Монетное изображение (по крайней мере оборотной стороны) уже не является зеркалом идеологии, но чеканится исключительно для поддержания экономического доверия населения к монетам данного типа. Хороший пример этого – чеканка монет типа «Зевс Никефор» от имени царя Филиппа I,

[1432] *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia. P. 6–7.

[1433] Изображение Ники можно встретить и на редком оттиске печати, обнаруженном на Делосе. См.: *Boussac M.-F.* Sceaux publics. № 16, SP 9; *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. S. 164. Печать имеет нехарактерную легенду ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ. Данная печать датируется периодом от 128/7 до 69 гг. до н.э., что не исключает ее принадлежности любому из последних царей Селевкидов с именем Антиох: Антиох VIII, Антиох IX, Антиох X, Антиох XI и Антиох XII.

так называемых «Филиппов Филадельфов», римской администрацией в Антиохии уже после падения власти Селевкидов в 60–10-е года до н.э. «Филиппы Филадельфы» должны были влиться в обращение с другими монетами данного типа, хорошо знакомого жителям полиса и его округи.

5.2.1. Иконография монет Селевка VI, Антиоха X, Антиоха XI, Деметрия III, Филиппа I, и Антиоха XII: усугубление политического кризиса и последняя смена иконографической модели?

Политическая история поздних Селевкидов отрывочно и запутанно представлена в литературной традиции. После гибели Антиоха IX в сражении с Селевком VI (или в плену), власть ненадолго перешла к победителю. Селевк VI был старшим сыном Антиоха VIII. Кроме него на власть претендовали два близнеца Антиох XI и Филипп I[1434], Деметрий III, захвативший после гибели отца власть в Дамаске и Антиох XII. Сыновьям Антиоха VIII противостоял сын Антиоха IX Антиох X. В 94 г. до н.э. он сумел вытеснить Селевка VI из Антиохии и воцариться в городе. Селевк VI, который опирался на владения в Киликии, вынужден был удалиться в Мопс, где погиб в ходе восстания местных жителей (Ios. *Ant. Iud.* 13. 13. 4; App. *Syr.* 69; Euseb. *Chron.* 259).

После гибели Селевка VI против Антиоха X начал войну Антиох XI. Война, по всей вероятности, не была продолжительной и окончилась гибелью Антиоха XI. Евсевий сообщает (*Chron.* 261), что Антиох спасаясь бегством утонул в Оронте. Дальнейшее царствование Антиоха X очень плохо отражено в литературной традиции. Юстин и Аппиан, описывая правление Антиоха X, явно путают его с его наследником Антиохом XIII. Иосиф Флафий сообщает, что против Антиоха X выступили два брата: Филипп I и Деметрий III. Данные

[1434] Близнецами их называет Евсевий (*Chron.* 261), другие авторы об этом ничего не сообщают. Возможно, какое-то время братья были соправителями. Известны несколько серий тетрадрахм, выпущенных от имени обоих правителей с парным портретом на лицевой стороне. Оба портрета выполнены в одном стиле, однако, отдельные физиогномические особенности демонстрируют внешнюю разницу между Антиохом и Филиппом. *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 65.

нумизматики показывают, что на короткий промежуток времени с 94 по 93/2 г до н.э. Антиох X оставлял власть в Антиохии, однако, подробности этого остаются неизвестными. Деметрий III – четвертый сын Антиоха VIII воцарился в южной части Сирии с центром в Дамаске[1435] сразу после гибели Антиоха XI и одновременно с Филипом I, который стал править в Киликии. Поддержку Деметрию оказал египетский царь Птолемей XI (Ios. *Ant. Iud.* 13. 13. 4). В итоге Антиох X погиб не от рук своих родственников, а бою с парфянами. После его смерти образовался вакуум власти. Возможно, в этот короткий промежуток с 92 по 91 гг. до н.э. в Антиохии вообще не было царя[1436].

Гибель Антиоха X изменила баланс сил. Деметрий III предпринял несколько успешных кампаний против Хасмонеев (Ios. *Ant. Iud.* 13. 14. 1)[1437], после чего выдвинулся против своего брата. Кульминацией их противостояния стала осада Деметрием III Беройи, в ходе которой войска Деметрия были окружены парфянами, пришедшими на помощь осажденным. Деметрий III оказался в плену и был отправлен к царскому двору. Точная дата его смерти неизвестна, но Иосиф Флавий сообщает, что Деметрий умер в парфянском плену. После пленения Деметрия антиохийский престол занял Филипп (Ios. *Ant. Iud.* 13. 14. 3). Дамаск же стал частью владений самого младшего из сыновей Антиоха VIII – Антиоха XII. Филипп и Антиох ненадолго вступили в конфликт из-за Дамаска, но в итоге каждый из них остался при своем. Около 83/2 г. до н.э. (это год последней датированный монетной серии Антиоха в Дамаске) Антиох XII начал войну против арабов, но был убит (Ios. *Ant. Iud.* 13. 15. 1)[1438].

[1435] Согласно штемпельному исследованию О. Хувера, А. Хутона и П. Весели, Деметрий III на короткий промежуток времени в 93 г. до н.э. терял контроль над городом. См.: *Hoover O., Houghton A., Veselý P.* The Silver Mint of Damascus under Demetrius III and Antiochus XII (97/6–83/2 BC) // AJN. 2008. P. 305–336.

[1436] А. Хутон сделал такое предположение основываясь на монетной серии полисной бронзы, выпущенной в это время. *Houghton A.* The Struggle for the Seleucid Succession, 94-92 BC // SNR. 1998. P. 67.

[1437] *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. P. 125–127.

[1438] *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187–75 BC. P. 183–184; *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. P. 127–130.

Конец правления Филиппа никак не зафиксирован источниками. По всей вероятности, он наступил со вторжением в Сирию войск Тиграна II, что также не имеет определенной даты. К сожалению, монетные эмиссии Филиппа I не сопровождались датами, что серьезно затрудняет построение хронологии. Первоначально в Киликии Филипп I выпускал тетрадрахмы по редуцированному аттическому стандарту с нормой в 15,85 г. После воцарения в Антиохии весовая норма была еще раз снижена до 15,65 г, что привело к перечеканке большого количества монет Антиоха XI и Деметрия III, находившихся в обращении. На некоторых монетах прослеживаются следы инкузивных изъянов штемпеля лицевой стороны, что, по мнению О. Хувера, является признаком ускоренной монетной чеканки[1439]. Анализ металла монет Дамаска показывает увеличение доли недрагоценных металлов, составляющей более 30% в правление Деметрия III[1440].

Можно допустить, что вторжение Тиграна II произошло около 76/5 г. до н.э. Иосиф Флавий сообщает, что вести о вторжении Тиграна в Сирию дошли до Иудеи в начале правления Александры Саломеи (76 г. до н.э.)[1441]. В этом же году Тигран захватил Ака-Птолемаиду, где укрывалась Клеопатра Селена, последовательно жена Антиоха VIII, Антиоха IX и Антиоха X (Ios. *Ant. Iud.* 13. 16. 4). От последнего она имела двух сыновей: Антиоха (будущего Антиоха XIII) и Селевка. Предварительно оба мальчика были отправлены в Рим с посольством (Cic. *Ver*. 4. 61), но их пребывание за границей продлилось довольно долго, что подразумевает существовавшую угрозу их возвращению. После смерти Филиппа I на несколько лет Селевкиды утратили контроль над Антиохией. Как была устроена власть Тиграна II в Сирии, неизвестно. Предположение Г. Ассара о захвате власти неким царем Гиппократом, о существовании

[1439] Связано ли это ускорение с вторжением Тиграна II или нет, неизвестно. *Hoover O.* A Clashed Seleucid Obverse Die of Philip I Philadelphus // Israel Numismatic Research. 2015, P. 105–110.

[1440] *Hoover O., Houghton A., Veselý P.* The Silver Mint of Damascus. P. 206.

[1441] *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. P. 140–141.

которого известно только по одной сохранившейся тетрадрахме сомнительного происхождения, весьма спекулятивно[1442].

Иконография монет последних селевкидских правителей, как это было отмечено, характеризуется унификацией типа, что было вызвано острой необходимостью сохранить доверие к монете у ее держателей, на фоне редукции весового стандарта и сокращения доли драгоценного металла в монетном сплаве. Ключевым изображением оборотной стороны тетрадрахм стала фигура Зевса Никефора, который чеканится преимущественно на монетном дворе Антиохии на Оронте. Второй по важности монетный двор – Дамаск – чеканил на своих монетах изображение локальных божеств, как это ранее происходило с монетными дворами Киликии. Более универсальным был общий стиль изображений, в частности, размещение изображения оборотной стороны внутри характерного венка. Монеты младших номиналов демонстрируют большее иконографическое разнообразие, хотя традиция их чеканки заканчивается в правление Деметрия III.

Ввиду унификации изображения оборотной стороны, больший интерес вызывают царские монетные портреты. Несмотря на общий стиль, в котором были выполнены монетные портреты последних Селевкидов, некоторые элементы царского портрета заслуживают особого внимания. В начале I в. до н.э. на царских портретах часто стали появляться бороды, которые, согласно разделяемому нами предположению о военной семантики данного портретного элемента, символизировал царский обет, чаще принимавший форму ритуальной мести за убитого родственника. Титулатура последних Селевкидов наглядно демонстрирует значение династических связей в системе царской идеологии. Из шести правителей, рассматриваемых в этом разделе только

[1442] Монета, отчеканенная от имени царя Гиппократа Автократора Никефора, представляет собой интереснейший исследовательский материал, однако, судя по полному отсутствию аналогий, а также известной перечеканке монеты этого правителя царями Элимаиды Камнаскиром и Анзазой, не имеет отношение к региону, а скорее всего была отчеканена на территории южной Месопотамии. *Assar G.* A New Hellenistic Ruler from Early Ist Century BC: King Hippokrates Autokrator Nikephoros // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. P. 339–341.

один Селевк VI не имел титулатуры, напрямую отсылающей к династии. Антиох X именовался Филопатором, Антиох XI – Филадельфом, Деметрий III – Филопатором, Филипп I – Филадельфом, Антиох XII – Филопатором[1443]. Использование эпитета отражало ключевую цель династической борьбы конкретного царя: месть за отца или за брата, а также демонстрацию династической линии, с которой отождествлял себя правитель. Появление бород на царских портретах также совпадает с пиками династической борьбы.

Иконография монет Селевка VI строго распределена по монетным дворам. Первый монетный двор Селевка VI – Селевкия на Каликанде, выпускавший тетрадрахмы пониженного аттического стандарта[1444], использовал в качестве изображения оборотной стороны фигуру Афины Никефоры (рис. 227)[1445]. Схожим образом обстоит дело с монетными дворами Элеусы и Тарса, где на тетрадрахмах изображались Тюхе[1446] и алтарь Сандана[1447] соответственно. Основной монетный двор Селевка VI – Антиохия – находился под его властью около года. Примечательно, что на первой серии тетрадрахм Селевк изображен с короткой бородой (рис. 228)[1448], в отличие от остальных выпусков, где борода отсутствует[1449]. Хронологически выпуск данной серии совпадает с воцарением Селевка VI в Антиохии сразу после поражения и гибели его противника – Антиоха IX, что показывает символический характер данного портретного элемента. На более ранних выпусках из Киликии Селевк VI изображен без бороды, что противоречит данному объяснению, однако, портрет царя без бороды может быть данью местной иконографической традиции, как в случае с чеканкой изображений локальных божеств.

Примечательно, что в Антиохии на Оронте, где для чеканки монет использовался обычный аттический стандарт, Селевк VI продолжил практику

[1443] *Caneva S.* The Power of Naming. P. 155–156.
[1444] *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Seleucia on the Calycadnus. P. 79–98.
[1445] SC 2405
[1446] SC 2406
[1447] SC 2407
[1448] SC 2413
[1449] SC 2414

своего отца чеканить серебряные монеты различных номиналов: тетрадрахма[1450], драхма[1451], гемидрахма[1452] и диобол[1453]. Производство серебряных монет столь мелких номиналов – нехарактерное для данного времени явление. Чаще мелкая серебряная монета заменялась бронзовой. В данном случае мы наблюдаем намеренное воспроизводство опыта своего предшественника. Подтверждает это и идентичная иконография мелких серебряных номиналов, чекинившихся Антиохом VIII и Селевком VI: драхма – Ника, гемидрахма – рог изобилия, диобол – колос.

В остальном портрет Селевка VI не имеет отличительных особенностей. А. Хутон и К. Лорбер усматривают на некоторых портретах рог, точнее локон в форме рога, что, по их мнению, может быть воспроизведением подобного элемента портрета на монетах Деметрия II[1454], однако, как мы уже отмечали в разделе 4.4.2., данный «рог» мог появиться в результате износа штемпеля и создать неверную интерпретацию царского портрета.

Монетные выпуски Антиоха X малочисленны, несмотря на то что ему удалось дважды занять Антиохию и организовать в ней монетную чеканку. По всей вероятности, хронологически первым монетным выпуском является эмиссия бронзовых монет, выпущенных им еще до воцарения в Антиохии[1455]. На монетах данной серии царь изображен с бородой. В дальнейшем портрет с бородой появляется на бронзовых монетах, отчеканенных в Антиохии. Портрет царя с бородой также символизирует обет мести за погибшего отца. Вероятно, после свержения Селевка VI в 94 г. до н.э. обет посчитался исполненным и на серебряных монетах царь изображается уже без бороды. Выпуски серебряных монет имеют строгое распределение иконографии в зависимости от

[1450] SC 2415
[1451] SC 2416
[1452] SC 2420
[1453] SC 2422–2423
[1454] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 552. Р. Фляйшер трактует этот «рог» как символ быка Диониса, что сближало Селевка VI с Селевком I. Эпитет Никатор носили все трое: Селевк I, Деметрий II и Селевк VI. См.: *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 85.
[1455] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 569.

номинала. На тетрадрахмах помещалось ставшее традиционным изображение Зевса Никефора (рис. 229)[1456]. На драхмах – Тюхе (рис. 230)[1457], на гемидрахмах – Ника[1458]. Р. Фляйшер отмечает, что прическа Антиоха X полностью копирует прическу его отца Антиоха IX и имеет ряд стилистических отличий от прически Антиоха VIII и Селевка VI[1459].

Начало борьбы Антиоха XI и Филиппа I против Антиоха X ярко фиксируется в памятниках нумизматики. В 94 г. до н.э., по всей вероятности, сразу после гибели Селевка VI монетный двор Тарса производит несколько эмиссий серебряных тетрадрахм, выпущенных от имени Антиоха и Филиппа. На лицевой стороне помещен парный портрет обоих царей. Портретная иконография демонстрирует беспрецедентный случай чеканки парного портрета двух братьев, а не супругов или родителей и детей, как это было раньше. Более того, данный портрет уникален тем, что это единственный случай парного мужского портрета[1460]. Оба правителя, по мнению Р. Фляйшера, носят прическу, стилистически характерную для изображений их отца Антиоха VIII[1461]. Примечательной особенностью данного парного портрета является, то, что Антиох на портретах всех пяти эмиссий изображен с бородой (рис. 101). Филипп же изображен с бородой только на монетах одной из пяти эмиссий[1462]. Можно предположить, что изображение Антиоха с бородой вместе с безбородым Филиппом демонстрирует положение старшего брата – Антиоха XI. Его портрет находится в доминирующем положении – на переднем плане, его имя первым расположено в монетной легенде. Согласно данным письменной традиции, именно Антиох XI начал войну против Антиоха X, чтобы отомстить за брата Селевка VI. Появление бороды у Филиппа I свидетельствует о более позднем по времени чеканке данной серии. По всей вероятности, она осуществлялась

[1456] SC 2429
[1457] SC 2430
[1458] SC 2431
[1459] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 86
[1460] *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I. P. 79–84.
[1461] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 86.
[1462] SC 2437

уже после гибели Антиоха XI. На одной серии тетрадрахм Антиоха XI из Антиохии царь изображен с бородой, на другой без. «Исчезновение» бороды можно трактовать как символ исполненного обета[1463].

Монетная иконография Филиппа I однообразна. Все его тетрадрахмы, независимо от места чеканки (Антиохия или монетные дворы Киликии), относятся к одному типу – «Зевс Никефор» (рис. 231)[1464]. В отличие от парного портрета, на одиночном Филипп изображался без бороды, что могло означать исполнение данного им обета. В чем конкретно он заключался, не вполне ясно, поскольку литературная традиция не сохранила никаких подробностей о правлении Филиппа в Антиохии. Портрет Филиппа имеет схожие черты с портретами Антиоха XI, но отличается акцентом на большом количестве кудрей, что в данном случае можно рассматривать как элемент стиля, а не особенность иконографии[1465]. В любом случае, монетный тип Филиппа стал самым тиражируемым монетным типом, выпускавшихся в Антиохии на Оронте тетрадрахм и был адоптирован римскими властями для монетных выпусков 60–10 гг. до н.э. Примечательно, что монеты Филиппа I из Антиохии нередко встречаются в монетных кладах регионов, расположенных к северо-востоку от Тетраполиса, на территориях современных: восточной Турции, Армении, Азербайджана и Ирана[1466], что, возможно, связано с вторжением, а затем отступлением из Сирии войск армянского царя Тиграна II. Напомним, что вторжение Тиграна II обрывает правление Филиппа I.

На монетах Деметрия III и Антиоха XII из Дамаска появляются новые для селевкидской иконографии божества: у Деметрия – Атаргатис (рис. 232),

[1463] А. Хутон отмечал, что стилистически изображения Антиоха XI из Антиохии отличаются от его изображения на парном портрете. См.: *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I. P. 80.

[1464] SC 2463

[1465] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 88.

[1466] Дейярбекир (IGCH 1744), Мидыат (IGCH 1782), Хинислы (IGCH 1745), Сарнакунк (IGCH 1746), Гомбад (IGCH 1814).

у Антиоха – Хадад (рис. 233)[1467]. Оба изображения имеют локальное происхождение и помещаются только на монетах, отчеканенных на монетном дворе Дамаска. Потреты Деметрия III из Дамаска дополнены бородой[1468], а на бронзовых монетах и лучевой короной[1469]. Портреты на его антиохийских монетах не имеют бороды, что также может свидетельствовать об исполнении данного им обета, связанного с победой над Антиохом X. Н. Райт полагает, что как и в случае с Антиохом VIII, лучевая корона Деметрия III является знаком священного брака, ритуально заключенного между царем и богиней Атаргатис. По наблюдению Р. Фляйшера, на монетах из Дамаска Деметрий III изображается без характерной для наследников Антиоха VIII прически[1470], что может быть проявлением локального стиля.

Нет сомнений, что появление Атаргатис и Хадада на монетах Деметрия и Антиоха является отражением популярности культа этих божеств в Сирии этого времени[1471]. Н. Райт называет Дамаск одним из трех центров почитания культа Атаргатис и Хадада[1472]. Примечательно, что в монетном деле Дамаска Атаргатис и Хадад больше никогда не встречаются. Очевидно, появление этих божеств на монетах последних Селевкидов свидетельствует об особом статусе полиса и его элит, однако, можно ли утверждать, что изображение культовых статуй Атаргатис и Хадада на оборотной стороне тетрадрахм Деметрия III и Антиоха XII является новой иконографической моделью, отражающей смену идеологического курса? Как было отмечено выше, для поздних Селевкидов характерно строгое иконографическое распределение между монетными дворами. Изображение локальных божеств на царских монетах к нач. I в. до н.э.

[1467] См.: *Houghton A., Spaer A.* New silver coins of Demetrius III and Antiochus XII at Damascus // Schweizer Münzblätter. 1990. P. 1–4; *Hoover O., Houghton A., Veselý P.* The Silver Mint of Damascus. P. 305–336.

[1468] Портреты Деметрия III с бородой известны и на геммах. См.: *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 87–88; *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 55. pl. 13, *80*.

[1469] SC 2447

[1470] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 87.

[1471] О культе Атаргатис и Хадада в Дамаске см.: *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 199–200, 241–242.

[1472] *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. P. 88.

было уже давно привычным делом, однако, наряду с локальной иконографией, к которой, как кажется, центральная власть относилась весьма толерантно, существовала царская, которая являлась визуальной репрезентацией царской идеологии. К нач. I в. до н.э. царская иконография практически вытесняется локальной, во всяком случае, с бронзовых монет и тетрадрахм. Хороший пример – монетная чеканка Деметрия III. Монетный двор Дамаска при Деметрии III чеканит монеты со статуей Атаргатис, в то время как мастерская Антиохии чеканит тетрадрахмы с изображением Зевса Никефора, который, судя по иконографии полисных выпусков, уже считался локальным полисным культом. Пожалуй, единственным случаем чеканки монеты, с иконографией отражающей царскую идеологию, является серия гемидрахм Деметрия III с диадемой[1473]. По мнению А. Хутона и А. Спеера диадема была символом принятия царского титула Деметрием III в Дамаске. Такое изображение не имеет прямых аналогий в иконографии Селевкидов, но находит примеры в монетном деле Хасмонеев[1474].

5.2.2. Иконография монет Антиоха XIII и «Филиппа Филадельфа»: на пути к римскому протекторату

Около 73 г. до н.э. Антиох XIII вернулся в Сирию, но некоторое время провел в Киликии, поскольку Антиохия все еще была занята Тиграном (Iust. XL. 2. 3). В 69 г. до н.э. римский полководец Луций Лукулл выбил Тиграна из Антиохии и восстановил на троне Антиоха XIII, которого римский Сенат признал законным царем Сирии[1475]. Вернув под свою власть Антиохию, Антиох XIII столкнулся с конкурентом на царский престол – сыном Филиппа I Филиппом II. Последний был поддержан арабским предводителем Азизом, который, впрочем, злоумышлял против обоих царей в надежде установить собственную

[1473] SC 2453
[1474] *Houghton A., Spaer A.* New silver coins of Demetrius III. P. 2–3.
[1475] *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. P. 34.

власть в Антиохии (Diod. LX. 1a-b). На каком-то этапе (вероятно, около 67 г. до н.э.) Азизу даже удалось пленить Антиоха и Филиппа, но последнему удалось бежать и воцариться в Антиохии. Последние годы существования государства Селевкидов практически не освящены в источниках. Ничего неизвестно и о кончине Филиппа II[1476]. Возможно, Антиоху XIII также удалось бежать из арабского плена. Во всяком случае, когда в 64 г. до н.э. в Сирию прибыл Гней Помпей, посольство к нему отправил именно Антиох XIII, который просил подтвердить его права на престол. Помпей отверг эту просьбу и установил в регионе римскую власть, создав на развалинах государства Селевкидов новую римскую провинцию – Сирия. О судьбе ее последнего царя Антиоха XIII неизвестно ничего. Так закончилась более, чем двухсотпятидесятилетняя истории Селевкидов.

Монеты Антиоха XIII малочисленны и однотипны, по сути, все известные монеты Антиоха XIII (только тетрадрахмы) были отчеканены двумя штемпелями лицевой стороны, изготовленными одним резчиком. На оборотной стороне этих монет представлена фигура Зевса Никефора (рис. 234), культ которого был популярен в Антиохии. Использование в качестве изображения оборотной стороны образца локальной иконографии лишает всякого смысла рассматривать это изображение в контексте царской идеологии. Напротив, портрет Антиоха XIII вызвал в историографии большой исследовательский интерес. Портрет изображает безбородого юношу с характерной для поздних Селевкидов прической, состоящей из большого количества кудрей, голова повязана диадемой, концы которой скрыты за копной волос. Несмотря на общую идеализацию в передачи внешности, Р. Смит отмечал, что нос царя передан в весьма натуралистичной манере[1477]. Напротив, Н. Дюрр приписывал портрету

[1476] Чеканил ли Филипп II свои монеты или нет, установить невозможно, даже принимая во внимание предположение О. Хувера о том, что Филипп II продолжил чеканку монет по типу своего отца и от его имени. Так, О. Хувер, на основании портретных особенностей, предполагает, что на монетной серии SC 2487A может быть изображен Филипп II. См. лекцию О. Хувера, посвященную данной проблеме. (ссылка на Youtube ANS).

[1477] Р. Смит сопоставляет портрет Антиоха XII с монетными портретами на монетах Гая Рестиона и Фраата III, которые были отчеканены в одно и то же время. Все три портрета

Антиоха XIII черты идеализации, в частности, изображение локона волос в виде рога[1478]. Однако, как и в случае с портретами Деметрия II и Селевка VI, предположение Н. Дюрра выглядит весьма спекулятивным[1479].

Несмотря на черты натурализма, приписываемые портрету Антиоха XIII Р. Смитом, действительно нетипичным выглядит изображение прически Антиоха с анастоле – элементом идеализации художественного образа царя в образе Александра[1480]. Столь неожиданное появление в царском портрете художественных компонентов imitatio Alexandri, последний раз использовавшихся в царском портретом каноне в середине II в. до н.э., вызывает справедливый вопрос – для чего необходимо было возрождать уже забытый стиль портрета? М. Ковач отмечает, что появление иконографии Александра в портрете Антиоха XIII было политически бессмысленным, поскольку государство и власть Антиоха XIII находились на грани исчезновения, ввиду чего анатосле не мог служить сколь-нибудь эффективным инструментом царской идеологии[1481]. В контексте позднеселевкидской истории можно предположить, что анатосле Антиоха XIII уже не воспринималось как часть иконографии Александра, который на закате эпохи эллинизма уже был сильно мифологизированной фигурой, родство с которым не рассматривалось как инструмент легитимации. Напротив, анастоле могло служить отсылкой к героизированным и обожествленным предкам II в. до н.э., в частности, Антиоху IV, история правления которого, очевидно, жила долго в коллективной памяти антиохийцев[1482].

Несмотря на то, что Антиох XIII был последним царствовавшим представителем династии Селевкидов, его монеты нельзя назвать последними выпусками, осуществлявшимися от имени царей династии Селевкидов. После утверждения римского господства над территорией Сирии, отдельные полисы

относятся к разным стилям, но несут черты натурализма. *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. P. 116–117.

[1478] *Dürr N.* Das Horn des Demetrios II. S. 9.

[1479] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 424.

[1480] *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. S. 89.

[1481] *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. S. 423.

[1482] В повествовании антиохийских авторов Либания (11. 112–123) и Иоанна Малалы, которые передают полисные легенды, правление Антиоха IV занимает особое место.

продолжили монетную чеканку как бронзовых, так и серебряных монет. В отличие от соседней Селевкии в Пиерии, автономная чеканка серебряных монет которой была известна еще в конце II в. до н.э., Антиохия никогда не выпускала собственных автономных серебряных монет. Тем не менее, использование для царских выпусков серебра единого локального монетного типа «Зевс Никефор», который также чеканился на полисных бронзовых номиналах, а также присутствие в обращении большого количества царских монет данного типа, создавали необходимые предпосылки для формирования иконографии будущих полисных выпусков тетрадрахм. Первым автономным выпуском тетрадрахм Антиохии стала эмиссия монет, полностью копировавших монетный тип тетрадрахм Филиппа I, которые в историографии получили название «Филиппы Филадельфы»[1483]. Эта серия была внушительной и включала восемь эмиссий, отчеканенных при помощи 26 штемпелей лицевой стороны в период с 64 по 57 гг. до н.э.[1484]

В 57 г. до н.э. проконсулом в Сирии был назначен Авл Габиний, который не стал останавливать чеканку «Филиппов Филадельфов» (рис. 235)[1485]. Позже она была продолжена Марком Крассом[1486] и Гаем Кассием Лонгином[1487]. Адаптация местной монеты вместо агрессивного введения динария было общим местом римской денежной политики в отношении новых восточных провинций[1488]. Регионы нового римского господства имели продолжительную историю использования монеты и монетной чеканки, поэтому любое неосторожное вмешательство могло обернуться серьезным «кризисом доверия» и денежными потерями для римской администрации. Именно исходя из популярности монет Филиппа Филадельфа, а не для поддержания последнего легитимного правителя Селевкидов, римские чиновники продолжили чеканку его монет. Схожая ситуация наблюдалась в Западной Малой Азии, где накануне

[1483] SC 2488
[1484] *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. Vol. II. P. 621.
[1485] SC 2489.1
[1486] SC 2489.2
[1487] SC 2489.3
[1488] *Thonemann P.* The Hellenistic World. P. 77–81.

установления римского господства в 130-е гг. до н.э. была популярна новая монета, выпускавшаяся несколькими полисами (прежде всего, Пергамом) – «кистофоры». После учреждения провинции Азия римляне продолжили выпуск «кистофоров»[1489]. Подобный сценарий был реализован и в Сирии. Единственной особенностью римских выпусков «Филиппов Филадельфов» стоит отметить стилистическую близость портретов Филиппа I на римских выпусках и портретов Антиоха XIII на его антиохийских тетрадрахмах.

Около 47 г. до н.э. в Антиохии была отчеканена новая серия «Филиппов Филадельфов» существенно отличающаяся по стилю и палеографии легенды от предыдущих выпусков[1490]. По мнению О. Хувера, она не была санкционирована римской администрацией, которая помечала свои выпуски характерной монограммой, отсутствующей на монетах данной серии[1491]. Малочисленность известных экземпляров (всего – шесть монет) определяет локальность эмиссии. Весовой стандарт отличается от принятого римского 15,3 г и соответствует 14,64 г. После 47 г. до н.э. выпуск «Филиппов Филадельфов» римской администрацией в Антиохии продолжился. Тетрадрахмы этой серии имели редуцированный вес – 14,78 г и дату года эмиссии, что подразумевало регулярную ежегодную чеканку. Примечательно, что данная серия, которая выпускалась с 47 по 14 г. до н.э. была прервана на период с 38 по 31 г. до н.э., что связывается с захватом власти в городе Антонием и Клеопатрой.

После монетной реформы Августа чеканка тетрадрахм в Антиохии продолжилась. В монетной иконографии первых пореформенных эмиссий Августа наблюдаются отчетливые следы селевкидской иконографии. На тетрадрахмах Августа (рис. 237)[1492] изображался Зевс Никефор, а также те же венки,

---

[1489] *Meadows A.* A Closed Currency System of the Attalid Kingdom // Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State / P. Thonemann (ed.). Oxford, 2013. P. 149–205; *Ashton R.* The Hellenistic World: the Cities of Mainland Greece and Asia Minor // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 196–197.

[1490] SC 2490

[1491] Термин принадлежит О. Хуверу. *Hoover O.* Anomalous Tetradrachms of Philip I Philadelphus struck by Autonomous Antioch (64–58 BC) // Schweizer Münzblätter. 2004. P. 31–35.

[1492] RPC 4150

которые опоясывали изображения лицевой и оборотной стороны. Такие же венки сохранялись и на более поздних антиохийских выпусках эпохи Юлиев-Клавдиев (рис. 238)[1493].

***

Закат государства Селевкидов нашел отражение в памятниках царской иконографии. Монетная иконография Александра II демонстрирует продолжающуюся династическую борьбу. Будучи незаконным правителем, Александр II подчеркивал преемственность династической линии Антиоха IV и использовал в качестве ключевого монетного типа изображение Зевса Никефора. Для портрета Александра II характерен набор божественных атрибутов: львиная шкура и лучевая корона. Уникальный для истории поздних Селевкидов случай совместного правления двух монархов также находит свое отражение в памятниках иконографии. Монетное дело периода соправительства Клеопатры и Антиоха показывает ведущую роль Клеопатры в оформившемся политическом тандеме со своим сыном. Частое использование эпитета царицы, доминирование ее портрета, изображенного на переднем плане, иконографическое влияние птолемеевских традиций отчетливо показывают политическое влияние царицы Клеопатры.

Царская иконография монет Антиоха VIII и Антиоха IX, выпущенных по большей части в период их противостояния, демонстрирует общую для обоих царей идеологическую модель, в основе которой был положен принцип династического превосходства над соперником. Очевидно, что оба правителя, заявляя о своих правах на власть, апеллировали к приоритетности своего происхождения, хотя достичь превосходства было крайне тяжело, поскольку оба царя имели общую мать, а их отцы были родными братьями. Идеология Антиоха IX была полностью построена на связи с отцом – Антиохом VII. Идеология Антиох VIII изначально предполагала самостоятельность и отказ от образов как Клеопатры, так и Деметрия II, что воплотилось в смене

[1493] RPC 4160, 4113

иконографической модели и появлении нового доминирующего типа тетрадрахм «Зевс Ураний». Однако уже в ходе войны Антиох VIII стал апеллировать к образам Деметрия II и Клеопатры.

Несмотря на то, что в период этого противостояния монетное изображение все еще отражало идеологическую повестку и даже остро реагировало на ее изменения, монетная иконография Селевкидов постепенно приходит к унификации, а тип «Зевс Никефор» становится единственным монетным типом. Унификация монетного типа была вызвана экономической необходимостью, связанной с понижением весового стандарта и увеличением доли недрагоценных металлов в сплаве монеты. Таким образом, стандартизация монетного изображения, характерная для монетного дела поздних Селевкидов, стала отражением двух процессов: стремления сохранить экономическое доверие к монете у населения и вытеснения царской иконографии из визуального пространства монеты. С начала I в. до н.э. иконография селевкидских тетрадрахм, мелких серебряных номиналов (за редким исключением) и бронзовых монет стала скорее проекцией локальной культуры, нежели отражением царской идеологии. Пожалуй, единственным иконографическим компонентом монетного изображения, который все еще сохранял связь с царской идеологией оставался царский портрет.

Глава 6. После Селевкидов. Рецепция селевкидской иконографии на Ближнем Востоке

Политический крах государства Селевкидов в 64 г. до н.э. не означал немедленного исчезновения экономических, политических и культурных традиций, которые на протяжении длительного времени существовали в государстве Селевкидов и были связанны с царской властью и ее саморепрезентацией. Царская иконография Селевкидов пережила династию и государство и нашла свое место в различных культурах и визуальных традициях народов и политических образований Ближнего Востока не только поздней античности, но и раннего Средневековья. Иконографическое наследие Селевкидов предстает в двух формах. Первая – *подражания* и *имитации*, которые засвидетельствованы преимущественно для современных Селевкидам культур. Вторая – *рецепция* – переосмысление и интерпретация отдельных сюжетов, мотивов и стиля, характерные для культур, существовавших, как правило, уже после исчезновения государства Селевкидов. В данной главе рассматриваются случаи подражаний и имитаций селевкидских монет (6.1.), а также рецепции царской иконографии Селевкидов в позднеантичной Сирии и, шире, на Ближнем Востоке, вплоть до XII века. (6.2.).

6.1. Подражания и имитации

Одним из наиболее заметных явлений в монетном деле эпохи эллинизма является появление большого количества так называемых «варварских подражаний», т.е. имитаций монет эллинистических государств, выпускавшихся и обращавшихся на варварской периферии. Как отмечал Е.В. Зеймаль, такие подражания являлись начальным этапом монетной чеканки для многочисленных народов, которые соприкасались с миром уже знакомым с монетой[1494].

[1494] *Зеймаль Е.В.* «Варварские подражания» как исторический источник // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1975. С. 56.

Такой пример монетного производства демонстрируют варварские народы, населявшие периферию эллинистического мира, в частности, окраины государства Селевкидов, от Геллеспонта до Средней Азии. Обильная монетная чеканка, продолженная царями династии Селевкидов после Александра, стала причиной не только активной монетизации экономик главных регионов державы (Сирия, Месопотамия, Мидия, Бактрия), но и вовлечения в процесс монетного обращения огромных территорий от Малой Азии до Индии[1495]. Очевидно, что дополнительным эффектом этих процессов стало использование монеты в торговых операциях с соседними варварскими народами и, как следствие, появление большого количества подражаний селевкидской монете. Такие подражания зафиксированы в различных периферийных для Селевкидов регионах – в Средней Азии, Закавказье, Восточной Малой Азии.

Проблемы обращения и типологии так называемых «варварских подражаний» селевкидским монетам весьма детально исследованы в современной нумизматике[1496]. Однако вопрос подражаний в монетном деле эллинизма представляет собой более сложный экономический и культурный феномен, выходящий за рамки только «варварских подражаний». Составляющей частью корпуса подражаний (или копирований) в эллинистическом монетном деле являются случаи воспроизведения монетного типа эллинистических монархий не варварскими народами, но другими эллинистическими политическими образованиями с уже существовавшей традицией монетного производства и использования монеты. Случаями такой чеканки можно считать так называемые

[1495] *Aperghis G.G.* the Seleukid Royal Economy. P. 260–261.

[1496] Наиболее полно типология подражаний и особенности их обращения рассмотрены в работах Е.В. Зеймаля – *Зеймаль Е.В.* «Варварские подражания» как исторический источник. С. 56–61; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. С. 69–91. Также см.: *Наймарк А.И.* О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. 2008. 1. С. 55–70; *Сергеев А.Я.* Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции Сергеева А.Я. в ГИМ. М, 2012. Подражания (копирования) монетных типов известны еще в архаический период. Подробнее об этом см.: *Коваленко С.А.* О проблеме подражания (копирования) в греческой нумизматике // ВДИ. 2007. 4. С. 115–123; *van Alfen P.* Problems in Ancient Imitative and Counterfeit Coinage // Making, Moving and Managing: the New World in Ancient Economies, 323–31 BC. / Z. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen (eds.). London, 2005. P. 322–354.

выпуски Сиде с легендой ΚΛΕΥΧ, поздние посмертные выпуски от имени Александра, производившиеся в полисах Малой Азии и Причерноморья во II в. до н.э., фракийские тетрадрахмы имитировавшие выпуски Фасоса, серии родосских драхм, выпускавшиеся в Македонии при царе Персее, а также знаменитые выпуски афинских тетрадрахм нового стиля от имени Марка Лукулла, выпущенные Суллой. Все эти подражания (копирования) представляли собой иной, отличный от «варварских подражаний» способ заимствования «чужой» монеты. В чем же разница между «варварскими» и «неварварскими подражаниями»? Заключается ли проблема только в стилистических различиях или имеет экономический особенности и всегда ли подражания определены экономическими причинами? Дать ответ на этот вопрос возможно, рассмотрев примеры из монетного дела государства Селевкидов, которое демонстрирует редкий пример как «варварских подражаний», так и «неварварских имитаций».

6.1.1. Подражания селевкидским монетам в Средней Азии

Экономические причины появления «варварских подражаний» не раз становились предметом специального исследования[1497], и на сегодняшний день нет никаких сомнений, что «варварские подражания» имели важное значение для локального денежного обращения в периферийных районах античной цивилизации. Хорошо известны подражания монетам Александра Македонского и его брата Филиппа Арридея[1498]. Эти подражания, как и их прототипы, являлись одними из наиболее распространенных в период эллинизма. Участие таких монет в денежном обращении подтверждается кладовыми комплексами, состоящими как из смешанного материала, так и только из

[1497] *Наймарк А.И.* О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане. С. 55–70; *Hoover O.* The Sincerest Form of Flattery: Imitation and Counterfeit Coins in the Seleucid Empire // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images. Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymeris (eds.). Liège, 2018, P. 258–259; *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. P. 35.

[1498] Об этих подражаниях см.: *Сергеев А.Я.* Монеты варварского чекана.

подражаний[1499]. Появление «варварских подражаний» селевкидским монетам стало возможным только благодаря попаданию монет Селевкидов на территорию варварской периферии и активному обращению их в периферийных контактных зонах, среди которых мы можем выделить две: Закавказье[1500] и Средняя Азия[1501]. Однако среди «варварских подражаний» селевкидским монетам мы не находим ни одного случая воспроизведения главного типа – «Аполлона, сидящего на омфале», скорее, наоборот – на варварской периферии встречаются подражания не какому-то одному, но нескольким типам селевкидских

[1499] См., например, состав кабалинского клада. *Голенко В.К.* Материалы Кабалинского клада в свете формирования денежного обращения в Кавказской Албании // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 210–224.

[1500] Об обращении монет Селевкидов в Закавказье см.: *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. 1971. Т. IX. С. 16–32; *Дадашева С.А.* Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ. 1976. № 4. С. 79–88; *Дадашева С.А.* К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977. С. 27-56; *Мушегян Х.А.* Монетные клады Армении. Т. 1. Ереван, 1973. Об обращении этих монет на территории Северного Кавказа см.: *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов) / Отв. за вып. В.Г. Котович. Махачкала, 1975. С. 63–65; *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. Р.М. Магомедов. Махачкала, 1978. С. 29–40; *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997; *Гаджиев М.С.* Шаракунский клад (Дагестан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М., 1999. С. 152–160. Также см. новейшие исследования: *Балахванцев А.С., Гаджиев М.С.* Находки селевкидских и птолемеевских монет в Дагестане и проблема Каспийского водного пути // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 4. С. 230–240; *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Клад селевкидсикх бронзовых монет из Южного Дагестана. С. 131–148.

[1501] Об обращении монет Селевкидов в Средней Азии см. избранные работы: *Горин А.Н.* Неокторые проблемы истории и нумизматики Северной Бактрии в свете новых открытий (по материалам монетных находок крепости Узундара) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 252–341; *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана; *Ртвеладзе Э.В.* Древние монеты Средней Азии; *Ртвеладзе Э.В.* Селевкидские монеты Кампыртепа // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 2. С. 47–49; *Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н.* Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 2011. № 4. С. 180–210; *Атаходжаев А.Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н.э. // Scripta Antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Т. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / Отв. ред. М.Д. Бухарин. М., 2013. С. 243–279; *Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х.* Об античных археологических горизонтах Сангиртепа (по поводу находки монеты Антиоха I) // Археология Узбекистана. 2014. № 2 (9). С. 87–98; *Zeymal E.V.* Coins from the excavations of Takht–i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road. Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayma on his 65th birthday / Ed. by K. Tanabe, J. Cribb and H. Wang (Silk Road Art and Archaeology. Special Volume). Kamakura, 1997. P. 89–110.

монет, прежде всего «голова Антиоха/голова рогатой лошади», «Зевс Аэтофор». Причиной этого, вероятно, стоит считать многообразие монетных типов у самих Селевкидов, однако, выбор конкретного типа для последующей его репликации в качестве подражания представляет собой намеренное и не случайное заимствование.

В центре нашего внимания в данном разделе находятся группа «варварских подражаний», отличавшаяся от остальных подражаний и имитаций не столько пониженным весом и содержанием драгоценного металла[1502], сколько особенностями иконографии, в которых традиционно в историографии принято видеть черты «варваризации». «Варварские подражания», будучи девиацией традиционной эллинистической монетной иконографии, представляют собой важнейший исследовательский материал, изучение которого в контексте эллинистической эстетики позволяет существенно нюансировать наши знания о визуальной культуре эллинистического мира.

На сегодняшний день известны несколько типов «варварских подражаний» монетам Селевкидов. Наиболее распространенный из них – это согдийские подражания монетам Антиоха I с изображением портрета правителя на лицевой стороне и головой рогатой лошади на оборотной (рис. 239)[1503]. Такие монеты (драхмы и более мелкие фракции) встречаются на территории Средней Азии[1504]. Время и точное место чеканки этих подражаний остаются спорными,

---

[1502] Стоит обратить внимание на то, что часть известных подражаний имела вес, близкий к оригинальному, а отсутствие серьезных исследований состава метала подражаний не позволяет утверждать, что их изготовление было ориентирована на извлечение прибыли в пользу выпускающего лица. Например, ранние монеты среднеазиатских саков (включая подражания), были отчеканены в соответствии с аттической весовой нормой: *Mitchiner M.* Early Coinage of Central Asia. L., 1973. P. 8–13; *Mitchiner M.* Ancient Trade and Early Coinage. L., 2004. P. 534–537; *Hoover O.* The Sincerest Form of Flattery. P. 259. Однако в составе кладов «варварские» монеты не редко встречаются с зарубом, что подразумевает определенное недоверие к ним со стороны их держателей. См., например, материалы кладов из Закавказья. *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад. С. 16–32; *Голенко В.К.* Материалы Кабалинского клада. С. 210–224.

[1503] SC 464

[1504] Подробнее о подражаниях данного типа см.: *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. С. 81–92; *Наймарк А.И.* О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане. С. 58–62; *Lerner J.* A Greco-Sogdian Mint of Euthydemus // Revue Numismatique. 1996. 151. P. 77–94.

но можно предположить, что они чеканились на протяжении двух сотен лет, начиная с заката селевкидской власти в Средней Азии (середина III в. до н.э.) в Мараканде (Самарканд) и Бухаре. Оригинал, с которого было выполнено подражание, относится к среднеазиатской селевкидской чеканке и выпускался на монетных дворах Бактрии[1505]. При сравнении оригинала и подражания становится очевидным, что автор подражания весьма точно копирует изображение оригинала, соблюдая основные элементы композиции. Тем не менее портрет царя Антиоха утрачивает индивидуальные черты и превращается в условное изображение головы человека. Впрочем, один элемент портрета художник все же сохраняет нетронутым – царскую диадему. Оборотная же сторона копируется достаточно точно. Изображение рогатой лошади, одного из ранних селевкидских династических символов, имевших среднеазиатское происхождение и, вероятно, проникшего в царскую селевкидскую иконографию благодаря первой жене Селевка Апаме, интересовало автора подражания в первую очередь. Нет сомнений, что мотив рогатой лошади был не просто знаком автору подражания, но и имел для него особое, вероятно, сакральное значение[1506]. Этим объясняется, почему среди всего многообразия монетных типов Селевкидов в Средней Азии для серии подражаний был выбран именно тип с изображением рогатой лошади.

Особым случаем адаптации селевкидской монетной иконографии на варварской периферии Согда является многочисленная серия монет типа «согдийский лучник» (рис. 240). В данном случае о влиянии селевкидского монетного дела говорит не столько иконография данной серии, сколько легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ, которая использовалась для наиболее ранних эмиссий данной серии[1507]. Тем не мнее общая иконографическая схема, для которой характерно изображение головы правителя на лицевой стороне и

[1505] SC 432

[1506] О мотиве рогатой лошади в культуре Евразии I тысячелетия до н.э. см.: *Мец Ф.* О возможных семантических параллелях. С. 91–102.

[1507] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. С. 270.

божества/героизированного правителя на оборотной, была очевидно заимствована с монет Селевкидов.

Ко второй группе «варварских подражаний» относятся монеты, образцом для которых стал тип «Зевс Аэтофор». Такие монеты чеканились как на территории Средней Азии (рис. 241)[1508], так и в Кавказской Албании (рис. 242)[1509]. Причинами начала чеканки данных монет называется нехватка собственного чеканного серебра в условиях интенсификации денежной торговли[1510], однако, можно предположить, что причиной начала монетной чеканки в данных регионах стало заимствование опыта эллинистических монархий – денежных выплат воинам, осуществлявшихся либо монетой, либо ее эквивалентом по стоимости. Вопрос о том, какие монеты стали прототипом для чеканки данных подражаний: Александра или ранних Селевкидов, также остается открытым[1511]. Обнаруженные в составе Кабалинского клада подражания типа «Зевс Аэтофор» В.К. Голенко, на основе анализа иконографии, определил как реплики монет Антиоха I и Селевка II из Суз[1512]. Кладовые находки «варварских подражаний» Кавказской Албании демонстрируют обращение монет данного типа исключительно на территории региона, что, как и в случае с подражаниями из Средней Азии, подчеркивает локальный характер эмиссий.

Хронология выпусков «варварских подражаний» также остается неясной[1513], однако, их динамика, которую Е.В. Зеймаль обозначил, как «редукция веса и ’редукция’ типа»[1514], очевидна. Эта «редукция» хорошо прослеживается

[1508] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. С. 77–79; *Mitchiner M.* Ancient Trade and Early Coinage. P. 533.

[1509] *Пахомов Е.А.* Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н.э. Материалы по истории Азербайджана // Труды музея истории Азербайджана, т. V. Баку, 1962. С. 74–76. См. выборку находок *Османов Ф.* История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку, 2006; *Расулова М.М.* Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 2008. С. 107–108.

[1510] *Пахомов Е.А.* Античные монеты в Албании (в пределах Азербайджанской ССР) // Вопросы истории Кавказской Албании / И. Алиев (ред.). Баку, 1962. С. 110.

[1511] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. С. 78; *Пахомов Е.А.* Чеканка в Албании подражаний. С. 74–76.

[1512] *Голенко В.К.* Материалы Кабалинского клада. С. 214.

[1513] *Mitchiner M.* Ancient Trade and Early Coinage. P. 532–539.

[1514] *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. С. 79.

на примере монетной легенды, палеографическая деградация которой хорошо заметна в динамике выпусков. По всей вероятности, если для ранних подражаний использовались оригинальные прототипы, то более поздние уже представляли собой реплику реплики. В обоих случаях резчики штемпеля-подражания копировали изображение по принципу визуальных доминант, триггеров узнаваемости, подчеркивая их доступными художественными способами. Так, для резчика портретное изображение содержало несколько важных, доминирующих элементов, которые он воспроизводил в привычной для него художественной технике. Однако стоит задуматься, насколько определение портрета как жанра и как семиотической системы для резчика оригинала и для резчика подражания было тождественным? Определялся ли резчиком подражания тот смысл, что был помещен в это изображение автором оригинала и насколько близким было символическое восприятие атрибутов портрета, в частности, диадемы? Насколько языки их визуальной коммуникации были близки и «повествуют» ли их изображения об одном и том же?

Нет сомнений, что автор подражания находился в рамках определенного семантического канона, в котором особенности художественного стиля и язык изображения могли иметь иные трактовки, отличные от оригинала. Где-то автор «варварского» штемпеля мог позволить себе пренебречь текстом легенды, а где-то выделил изображение рогатой лошади. В таком случае мы говорим не о варваризации как об упрощении, примитивизации и даже обесценивании или обнулении нарративности изображения, сколько о формировании нового нарратива на базе иной знаково-иконической системы.[1515] Развитие образа в контексте визуальной среды и формируют нарратив изображения. «Варварские подражания» – это не просто механическое копирование изображения или заимствование отдельных сюжетов и мотивов, но целая система визуальных

[1515] Р. Барт в своей заметке «Воображение знака» выделял три группы знаковых отношений и знакового воображения: символический, парадигматический и синтагматический, представляющий собой динамику образа. *Барт Р.* Воображение знака // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 246–250. С этим согласуется и утверждение М.Ю. Лотмана о языке: «язык – это код плюс его история». *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб, 2001. С. 15.

образов, обладающая собственным языком художественного повествования. Именно поэтому изучение иконографии варварских подражаний должно быть вписано в более широкий контекст исследования визуальных памятников «периферийных народов» эллинистического мира. Хотя, как отмечал Е.В. Зеймаль, история «периферийных» обществ очень скупо освещена источниками и лучшим материалом исследования «варварских подражаний» остаются сами подражания[1516].

Иконография «варварских подражаний» селевкидским монетам, как и в целом всем эллинистическим и античным, отличается весьма грубым стилем копирования оригинала. Данное наблюдение не нуждается в дополнительном комментарии и очевидно при элементарном сравнении оригинала и подражания. При сохранении общего сюжета изображения, скажем, головы лошади или фигуры, сидящей на троне, стилистические различия изображения столь существенны, что подчас не с первого раза в подражании удается распознать оригинал. Именно эта особенность подражаний позволила исследователям трактовать стиль и технику изображения на монете, как схематичную, примитивную, варварскую. Причиной этого обычно называется слабый профессиональный уровень монетных резчиков, изготавливающих штемпели для монет-подражаний. Однако стоит отметить, что сами подражания (а подчас и монеты, выпускавшиеся на официальных монетных дворах) имели разный уровень художественного исполнения. Хорошим примером такого «сближения» продукции официального монетного двора и «варварских подражаний» являются выпуски Александрии в Арейе, осуществлявшиеся от имени нескольких селевкидских царей. Выпуски тетрадрахм и драхм продукции этой монетной мастерской несут следы варваризации и схематизации изображения оборотной стороны. Лицевая же сторона с портретом правителя практическим

[1516] *Зеймаль Е.В.* «Варварские подражания» как исторический источник. С. 58.

повсеместно была изготовлена при помощи сильно изношенного штемпеля, что также характерно для чеканки «варварских подражаний»[1517].

Стиль художественного исполнения изображения на официальной селевкидской монете не был регламентирован. Существовали монетные дворы, которые выпускали монеты с высоким уровнем проработки и детализации изображения. Напротив, изображения на монетах периферийных монетных дворов были весьма грубы и стилистически близки, скорее, тем самым «варварским подражаниям». Более того, начиная со второй половины II в. до н.э. стилистическая деградация изображения коснулась и главных монетных дворов, что наглядно демонстрируют царские портреты[1518]. Производство монетного штемпеля стало частью рутинного процесса, для которого все чаще использовались специальные маточники, что сводило к минимуму индивидуальную работу мастера-резчика. Хорошим примером этому являются уже упомянутые монеты одного из последних правителей Селевкидов Филиппа I, чьи тетрадрахмы продолжили чеканиться римской администрацией в Антиохии уже после падения самой династии. На лицевой стороне этих монет представлен портрет правителя, практически лишенный индивидуальных физиогномических особенностей. На оборотной же помещается фигура Зевса Никефора, выполненная узнаваемо, но также весьма условно. Легенда монеты, ввиду технических особенностей ее нанесения на поверхность штемпеля, практически не читается. Монеты этого типа тиражировались в большом количестве на протяжении почти всего I века до н.э. На фоне этого потока однотипных монет невероятно контрастно выглядит уникальная серия тетрадрахм этого же правителя, выполненная в более традиционной «раннеэллинистической»

[1517] *Ehling K.* Eine seleukidische Münzstätte in Areia (Artakoana/Alexandreia) // SNR. 1997. S. 29–39. В собрании Государственного Эрмитажа хранится несколько экземпляров тетрадрахм (ОН-А-ДГ 18700, 18701, 3091) и драхм, относящихся к продукции данного монетного двора, которые были отчеканены при помощи ранее неизвестных штемпелей. Несмотря на большой износ этих инструментов, общее количество штемпелей свидетельствует о больших объемах и регулярности производства.

[1518] *Смирнов С.В.* «Говорящие головы»: модусы нарративности царского монетного портрета эпохи эллинизма // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2020. 2. С. 264.

стилистике[1519]. Заметим, что подобная тенденция к «упрощению» изображения, сглаживанию деталей и схематизации является общей тенденцией для монетного дела восточного эллинизма. Хорошим примером являются монеты Парфии, общее исполнение изображения которых также претерпело серьезные изменения в пользу схематизации и огрубления.

Одним из ключевых вопросов в проблеме «варварских подражаний» является проблема целевой аудитории, для которой предназначались данные монеты. Монеты Селевкидов были не единственными, которые становились прототипом для выпуска подражаний в Средней Азии. Начиная со II в. до н.э., в этом регионе активно чеканятся подражания монетам греко-бактрийских царей, прежде всего, Евкратида. Это обстоятельство показывает живую реакцию эмитента подражаний, а следовательно, и потенциального получателя монеты, на изменение состава денежного обращения соседнего региона. Тем не менее у нас нет оснований полагать, что варварские подражания имели исключительно платежную и накопительную функции. Учитывая выбор иконографии, можно предположить, что сами подражания использовались и в качестве статусных или сакральных предметов, например, оберегов. Очевидные различия в художественном исполнении изображений оригинала и подражания будто сами собой предполагают, что эти группы монет предназначались для двух разных категорий потребителей. Тем не менее, данные монетных кладов демонстрируют случаи совместной тезаврации селевкидских монет с их «варварскими подражаниями». Это обстоятельство свидетельствует об их совместном обращении, но только на территории вне владений самих Селевкидов, где подражания, без сомнений, не имели экономического доверия. Как писал Ю.М. Лотман: «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория – «своего» текста»[1520].

[1519] *Hoover O.* Anomalous Tetradrachms of Philip I Philadelphus. P. 31–35.
[1520] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. С. 203.

6.1.2. Каппадокийские имитации монет Антиоха VII. Коммагенские имитации монет Деметрия I

Другой пример подражания или копирования селевкидской монеты – это чеканка имитаций. В отличие от «варварских подражаний», которые заимствовали только общую идею монетного типа и в первое время монетно-весовую норму, имитации представляли собой «точные» копии оригинала. Имитации выпускались эллинистическими монархиями уже знакомыми с монетой и предназначались для совместного обращения с оригиналами на обширной территории. Эти «неваврварские подражания» выпускались на протяжении продолжительного периода во II–I вв. до н.э.[1521] Говоря о «неварварских» копированиях монет Селевкидов, стоит вспомнить два наиболее ярких примера: коммагенские имитации драхм Деметрия I и каппадокийские выпуски монет Антиоха VII.

Серия коммагенских подражаний[1522] стилистически близка «варварским подражаниям» и представляет собой переходный вариант от подражаний к имитациям. Копируя реальную монетную серию драхм Деметрия I, выпущенную на монетном дворе Антиохии на Оронте[1523] по типу «голова Деметрия/рог изобилия» (рис. 243), данные подражания все же имеют существенные стилистические отличия, в том числе очевидную художественную деградацию портрета, утратившего детализацию и ставшего более схематичным. Важной особенностью данных подражаний стоит признать монетную легенду, передача которой подчас не соответствовала оригиналу, что в некоторых случаях позволяет считать данные имитации не столько подражанием (копированием),

[1521] В данном случае важно отличать подражания от бытовавших в то же время имитаций и подделок, выпускавшихся, как частными лицами, так и мелкими политиями внутри государства Селевкидов для интеграции выпущенной монеты в обширное денежное обращение Селевикдов. О различных типах подделок и подражаний на примере афинской монетной чеканки см.: *van Alfen P.* Problems in Ancient Imitative. P. 322–354.

[1522] SC 1767–1775

[1523] SC 1642

сколько переосмыслением и адаптацией монет Деметрия I[1524]. Отметим, что особенностью именно «варварских подражаний» является смысловая деградация легенды, переход от текстового нарратива к бессмысленному набору графических знаков, имитировавших древнегреческий текст, бесполезный для держателя таких монет – жителя варварской периферии государства Селевкидов. Другой особенностью данной серии является вариации портрета правителя, помещенного на лицевой стороне монет. На монетах эмиссии SC 1769 портрет правителя изображен в львиной шкуре, которая ассоциируется с Александром[1525], чего не встречается на оригинальных монетах Деметрия I. Весьма любопытно, но данные выпуски коммагенских монет демонстрируют стилистическое и семиотическое развитие. Всего можно выделить четыре группы таких монет[1526]. Первые две полностью копируют драхмы Деметрия I, а третья и четвертая имеют ряд отличий: на монетах третьей группы появляется портрет Александра в образе юного Геракла в львиной шкуре, на монетах четвертой – легенды, не соответствующие монетам Деметрия I. Таким образом, так называемые коммагенские подражания монетам Деметрия I стоит отличать от «варварских подражаний» периферии государства Селевкидов. Ключевым отличием здесь является переосмысление художественного (портретного) жанра и монетной легенды, что привело к формированию собственного монетного типа.

Исторические обстоятельства чеканки данной серии имитаций остаются предметом дискуссий[1527]. Так, О. Хувер высказал предположение, что эта подражательная серия выпускалась партиями (всего, четыре) на протяжении

[1524] В некоторых случаях была сохранена оригинальная легенда – ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ, но встречаются, как и искажения данной легенды – ΒΑΞΙΛΕ... ΔΗΥΤ... ΩΤ (SC 1769), так и в принципе другие варианты, содержащие имена других правителей ΣΕΛΕΥΚΟΥ (SC 1773), и даже другой перечень титулов, не встречавшийся в монетном деле Селевкидов - ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ (SC 1772).

[1525] *Jakobsson J.* Numismatic evidence for dating the independence of Commagene to 150 BC? // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2013. P. 2–4.

[1526] *Hoover O.* Notes on Some Imitation Drachms of Demetrius I Soter from Commagene // AJN. 1998. 10. P. 73.

[1527] См.: *Hoover O.* Notes on Some Imitation Drachms. P. 71–93; *Jakobsson J.* Numismatic evidence for dating. P. 2–4.

правления первых двух правителей Коммагены: Птолемея и Митридата Калинника[1528]. Д. Джакобссон связывает выпуск этих монет с политической ситуацией, сложившейся в государстве Селевкидов в конце правления Деметрия I, и возвышением Александра Балы. Так, по мнению Д. Джакобссона, коммагенский правитель Птолемей, вероятно, уже будучи независимым от власти Селевкидов, был заинтересован в союзе с Деметрием I против Александра Балы, что и стало главной причиной для начала чеканки серии подражаний антиохийским драхмам Деметрия и должно было подчеркнуть лояльность коммагенского правителя. В целом, ввиду недостатка исторического материала, любая попытка связать выпуск монет данной серии с конкретным политическим событием выглядит спекулятивной, однако, стоит отметить, что причины для чеканки монет данной серии могли быть исключительно экономическими. Коммагена, которая никогда прежде не чеканила собственную монету, после обретения независимости вынуждена была так или иначе начать собственное монетное производство. Вполне допустимо, что первая монетная серия мелкого разменного серебра, часто предназначавшаяся для выплат воинам, копировала уже хорошо знакомый и распространенный монетный тип. К слову, с производства таких подражаний (имитаций) уже известной монеты Александра Великого начиналась чеканка и крупных эллинистических государств, включая самих Селевкидов.

Другим примером «неварварских подражаний», которые уже можно назвать именно имитациями, являются выпуски тетрадрахм Антиоха VII из Каппадокии (рис. 244). Уникальная особенность данных копий заключается в том, что они отличаются от всех остальных монет подобного типа практически точным воспроизведением оригинала, без каких-либо стилистических изменений. Действительно, данные выпуски настолько точно воспроизводят несколько серий тетрадрахм Антиоха VII из Антиохии на Оронте типа «Афина Никефора», что на протяжении довольно долго времени они атрибутировались как селевкидские. Однако появление в 2002 году монеты данного типа с

[1528] *Hoover O.* Notes on Some Imitation Drachms. P. 83.

портретом Антиоха VII, отчеканенной от имени Ариарата VII, стало поводом для масштабной ревизии имеющегося материала. Стоит отметить, что для монетного дела Каппадокии выпуск тетрадрахм был весьма нехарактерным и крайне редким явлением[1529], хотя серия тетрадрахм Ариарата VII типа «голова Ариарата/Афина» была хорошо известна[1530]. Тетрадрахма, обнаруженная в 2002 году, и известная ранее тетрадрахма Ариарата VII были отчеканены общим штемпелем оборотной стороны, что в совокупности с наличием общих монограмм позволило предположить каппадокийское происхождение монет данной серии[1531]. Сравнительный анализ монограмм на тетрадрахмах, выпущенных от имени Антиоха VII, с монограммами на каппадокийских драхмах показал масштабность и продолжительность каппадокийских подражательных эмиссий. Так, было установлено, что данные монеты чеканились на протяжении нескольких десятилетий со 129 по 78 гг. до н.э. при пяти царях династии Ариаратидов: Ариарате VI, Ариарате VII, Ариарате VIII, Ариарате IX и Ариобарзае I. При этом обычно выделяется ранняя серия имитаций[1532] и поздняя[1533]. Ранние подражания дублируют монограммы монетного двора Антиохии, напротив, поздние используют общие монограммы с царскими выпусками каппадокийских драхм. Как полагают Э. Кренгел и К. Лорбер, опираясь, главным образом, на данные так называемого клада «посмертных монет Антиоха VII», происходящего с территории Сирии, чеканка подражаний монетам Антиоха VII началась еще при Нисе, матери и регенте Ариарата VI, в самом начале его правления, то есть в начале 120-х годов до н.э. Дату начала чеканки поздней серии помогает определить клад из Кассаба (Сирия)[1534], состав которого позволяет датировать начало чеканки 105/4 годом до н.э.

[1529] *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages. P. 186–187.

[1530] *Mørkholm O.* The coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // SNR. 1978. Pl. 42, *14*.

[1531] *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* Cappadocian Tetradrachms. P. 49.

[1532] *Krengel E., Lorber C.* Early Cappadocian Tetradrachms. P. 52–53.

[1533] *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* Cappadocian Tetradrachms. P. 49–97.

[1534] IGCH 1568

Одним из ключевых вопросов, возникающих при знакомсте с данным материалом, является причина начала выпуска данных имитаций. Как уже было отмечено, чеканка тетрадрахм была крайне редким явлением для монетного дела Каппадокии, главной монетной продукцией которой оставались драхмы. Учитывая объемы и продолжительность чеканки тетрадрахм от имени Антиоха VII, можно предположить, что эти монеты были первыми постоянными выпусками монет крупных серебряных номиналов в Каппадокии. По оценкам А. Хутона и К. Лорбер общий объем выпуска каппадокийских тетрадрахм, выпущенных от имени Антиоха VII, составлял ок. 65-70% от объема оригинальных выпусков Антиохии на Оронте[1535]. Об объемах каппадокийских выпусков может говорить и их довольно обильное присутствие в музейных собраниях. Так, в российских музейных собраниях хранятся 40 тетрадрахм Антиоха VII типа «Афина Никефора», при этом 24 из них были выпущены в Каппадокии.

В качестве причины начала серийной чеканки этих имитационных тетрадрахм можно назвать сложную политическую ситуацию, связанную со вторжением вифинского царя Никомеда III в 104-103 гг. до н.э. в Каппадокию[1536]. А. Хутон и К. Лорбер предлагают несколько конкретных причин, включая: необходимость финансирования войны с Никомедом III, возможные выплаты Никомеду, если предположить, что он добился какого-то временного успеха, содержание вифинских гарнизонов, а также потребность в деньгах Ариарата VII после восстановления его власти Митридатом VI[1537]. Выпуск остальных серий каппадокийских тетрадрахм, выпущенных от имени Антиоха VII, также мог иметь конкретные политические причины: конфликт Ариарата VII с

[1535] *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* Cappadocian Tetradrachms. P. 58.

[1536] *de Callataÿ F.* L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 78–79. О.Л. Габелко (*Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб, 2005. С. 360) вслед за Д. Глью (*Glew D.G.* The Cappadocian expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia // American Numismatic Society Museum Notes. 1987. P. 43) датирует эту экспедицию 105 г. до н.э.

[1537] *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* Cappadocian Tetradrachms. P. 59.

Митридатом VI, противостояние между Ариаратом VIII и Ариаратом IX, приход к власти Ариаборзана I.

Однако главным, на наш взгляд, вопросом остается выбор каппадокийскими правителями (именно Ариаратом VII) прототипа для создания столь массовой эмиссии подражаний. Действительно, иконографически антиохийские тетрадрахмы Антиоха VII полностью соответствовали каппадокийским драхмам, выпускавшимся по тому же самому типу – «голова правителя/Афина»[1538], что могло быть эстетической и, возможно, идеологической причиной для выбора прототипа. И все же, вероятно, ключевым обстоятельством можно считать экономические причины. Монетная продукция антиохийского монетного двора, ориентировавшегося на аттический весовой стандарт вплоть до последнего десятилетия II в. до н.э., была хорошо знакома на эллинистическом Востоке. Многочисленные кладовые комплексы, включающие тетрадрахмы Антиоха VII и происходящие из Сирии, Малой Азии, Мидии, Месопотамии, а также Закавказья, хорошо подтверждают это. Однако монеты Антиоха VII, известные также в кладах, обнаруженных на территории Каппадокии, представляют собой скорее исключение, поскольку монеты Селевкидов не так часто проникали в данный регион. Это обстоятельство несколько усложняет задачу, поскольку потенциальным получателем каппадокийского подражания должен был быть тот, кто прежде был знаком с монетой самого Антиоха. Можно допустить, что первыми получателями данной монеты были наемники из Сирии, которым была знакома данная монета, однако, такое предположение все же условно и не находит подтверждения в источниках. С другой стороны, совместное обращение каппадокийских имитаций и антиохийских тетрадрахм Антиоха, засвидетельствованное монетными кладами, показывает их равное использование населением. Стоит отметить, что подражание (копирование) монет, пользовавшихся общим доверием, было

[1538] См. *Simonetta B.* The Coins of the Cappadocian Kings. Fribourg, 1997; *Simonetta A.* The Coinage of the Cappadocian Kings: a Revision and a Catalogue of the Simonetta Collection // Parthica. 2007. 89. P. 11–120.

весьма распространенной практикой в период эллинизма и не подразумевало утрату выпускающим лицом политической независимости[1539].

В целом, как это было показано на материалах монетных кладов, тетрадрахмы Антиоха VII (как оригинальные, так и каппадокийские подражания) оказались весьма популярной и распространенной валютой в восточной Малой Азии и Закавказье. У нас нет прямых указаний на то, что монеты данного типа проникали на территорию Северного Кавказа, но допустить это все же возможно. Так, в собрании музея города-курорта Сочи хранится каппадокийская тетрадрахма Антиоха VII[1540], впрочем, в музей она попала как таможенный конфискат. Изначальное ее происхождение, к сожалению, неизвестно. Также нам известно о находке плакированной подделки каппадокийской тетрадрахмы Антиоха VII на территории Воронежской области. Однако, обстоятельства находки и ее точная локализация остаются неизвестными. Косвенным подтверждением распространенности данных монет может служить воспроизведение портрета Антиоха VII на монетах средневековой восточно-малоазийской династии Артукидов (XII–XV вв.), адаптировавших для своих выпусков иконографию некоторых античных и византийских монет.

В чем же отличие «варварских» от «неварварских» подражательных выпусков? Прежде всего отметим, что, используя термины «варварский» и «неварварский», мы не подразумеваем доминирование (стилистическое, экономические и, в целом, цивилизационное) одного над другим. Термин «варварское подражание» стал общим термином в историографии для обозначения копий или имитаций античных монет в культурах, географически периферийных античной ойкумене. Под «неварварскими» мы пониманием имитации, выпущенные не на слабо эллинизированной периферии, а в политических образованиях, хорошо знакомых с монетой.

[1539] См. *Meadows A.* Money, Freedom, and Empire. P. 53–63.

[1540] МИГКС ОФ 8214/52. *Смирнов С.В., Захаров Е.В.* Монеты государства Селевкидов. № 535.

Весьма логично, что и «варварские», и «неварварские» подражания используют в качестве прототипа узнаваемую монету, к которой у целевого потребителя существует определенное доверие. Иными словами, можно считать, что эти выпуски были вызваны, прежде всего, стремлением извлечь определенную экономическую выгоду. Разница заключается лишь в том, что в случае с периферией, где оригинальные монеты обращались только эпизодически, возможны стилистические девиации, в то время как подражания, относящиеся к продукции эллинистических государств, в точности копировали оригинал.

Куда более существенное различие между этими двумя типами подражаний заключается в особенностях их обращения. Так, «варварские подражания» имеют относительно локальное хождение. Действительно, такие подражания редко встречаются в кладах вместе с оригинальными выпусками, что говорит об их относительно небольшой роли даже в локальной экономике. Судя по количеству известных экземпляров, объемы эмиссий «варварских подражаний» не были велики, а сами выпуски не были системны. Напротив, «неварварские подражания» (имитации) участвовали в обращении и вместе со своими прототипами, и самостоятельно. Они нередко и обильно присутствуют в кладах, демонстрируя весьма существенную роль в денежном обращении отдельных регионов. При этом, подражания из Коммагены не представляют собой в этом смысле единую категорию. Так, если первая группа этих подражаний соответствует аттическому весовому стандарту, то остальные три никак с ним не коррелируют, что подразумевает их локальное обращение[1541].

Как уже было отмечено, можно признать и разницу стилей «варварских» и «неварварских» подражательных выпусков, заметную даже при первом, самом поверхностном знакомстве с материалом. Однако в этой разнице не стоит, на наш взгляд, видеть художественную деградацию «варварских подражаний». Дело в том, что эти подражания не были рассчитаны на совместное обращение с оригиналом, а также не предназначались для аудитории, хорошо знакомой с монетой-прототипом. Напротив, имитации, например, монет

[1541] *Hoover O.* Notes on Some Imitation Drachms. P. 73.

Антиоха VII из Каппадокии полностью копировали оригинал, поскольку предназначались для денежного обращения, частью которого были оригинальные выпуски Антиоха VII из Антиохии[1542]. Любопытный пример демонстрируют коммагенские подражания драхмам Деметрия I. Первая группа этих подражаний полностью копирует монеты Деметрия и, вероятно, предназначалась для совместного обращения. Напротив, три остальные стилистически сильно отличаются от оригинала (искаженная легенда, упрощенное портретное изображение и т.д.), что сближает их с «варварскими подражаниями».

6.2. Рецепция

Наследие Селевкидов – заметное явление в позднеантичной и раннесредневековой культуре народов Ближнего Востока. Одним из наиболее ярких примеров этого наследия является сохранявшаяся в средневековых сирийских хрониках традиция использования селевкидского летосчисления. Другим примером является богатая топонимика, сохранившая по сей день династические имена Селевкидов: Антиох (сов. Антакья, Antakya), Селевк (сорв. Силифке, Silifke, Cevlik), Лаодика (Латакия, Lazkiye), Апама (Апамея, Afamya). В официальной и повседневной культуре населения северной Сирии память о Селевкидах сохраняли многочисленные городские легенды, статуи и мозаики, фрагментарно сохранившиеся и до наших дней. За пределами Сирии, в Иудее, Месопотамии, Средней Азии и Индии влияние селевкидского наследия ощущалось меньше, но все же встречается на монетах местных правителей в виде отдельных сюжетов и образов. Переосмыслению селевкидской иконографии в контексте локальных культур Сирии и Северной Месопотамии поздней античности и раннего Средневековья, посвящены два последующих раздела.

[1542] Объяснить появление таких подражаний только влиянием моды едва ли возможно. Как отмечает С.А. Коваленко (*Коваленко С.А.* О проблеме подражания (копирования) в греческой нумизматике. С. 118–119), в классический период, действительно, представления о престиже могли быт причиной заимствований, но, скорее, только отдельных мотивов или изображений, но лишь в редких случаях монетного типа целиком.

6.2.1. Позднеантичные мозаики об основании двух полисов Сирии и монетная иконография Селевкидов

Легенды об основании городов (Ktisissagen или foundation myths) являются неотъемлемой составляющей мифологической картины мира во многих культурах. В эпоху эллинизма миф об основании получил широкое распространение во многом благодаря активной градостроительной политике эллинистических монархов и появлению большого количества новых полисов, однако, наивысшего расцвета мифы об основании достигли в период римского доминирования на Ближнем Востоке[1543]. Пожалуй, среди всех эллинистических династий наиболее масштабную градостроительную политику вели цари державы Селевкидов, основавшие десятки полисов, среди которых доминирующее положение занимал так называемый сирийский Тетраполис – связка из четырех городов: Антиохии на Оронте, Селевкии в Пиерии, Лаодикеии у моря и Апамеи. Политическое, экономическое и стратегическое значение Тетраполиса было столь же принципиальным для государства Селевкидов, сколько и идеологическая привязанность династии к региону Северной Сирии, выбранной первыми Селевкидами в качестве центра своей державы. Тетраполис был для Селевкидов не просто сосредоточением экономического, политического и военного могущества, но своего рода символом территориализации их власти[1544]. Именно это обстоятельство определило особое место легенд об

[1543] *Hirt A.* Beyond Greece and Rome: Foundation Myths on Tyrian Coinage in the Third Century AD // Foundation Myths in Ancient Societies: Dialogues and Discourses / N. McSweeney (ed.). Pennsylvania, 2015. P. 190; *Sartre M.* La construction de l'identité des villes de la Syrie hellénistique et impériale // Idéologies et valeurs civiques dans le Monde Romain. Hommage à Claude Lepelley / H. Inglebert (ed.). Nanterre, 2002. P. 93–110.

[1544] *Kosmin P.J.* The Land of the Elephant Kings. P. 93–119. Об основании городов Тетраполиса см. также *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlement in Syria, the Red Sea Basin and North Africa. Berkley–Los Angeles–London, 2006. P. 80–93, 94–101, 111–116, 121–124, 126–135; *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. P. 64–71; *Strootman R.* The introduction of Hellenic cults in Seleukid Syria: Colonial appropriation and transcultural exchange in the creation of an imperial landscape // Colonial Geopolitics and Local Cultures in the Hellenistic and Roman East (3rd Century B.C.–3rd century A.D.) / H. Bru, A. Dumitru and N. Sekunda (eds.). Oxford, 2021. P. 73–91.

основании городов сирийского Тетраполиса в системе так называемой царской мифологии (Royal Seleukid mythology) – особой нарративной традиции, включающей целый комплекс сообщений о правителях династии Селевкидов. Наиболее полные версии легенд об основании городов Тетраполиса дошли до нас в позднеантичном изложении Либания и Иоанна Малалы и долгое время оставались единственным источником по данной проблеме. Однако, недавно обнаруженные в ходе грабительских раскопок в Сирии мозаики позволяют не просто уточнить или проиллюстрировать сообщения Либания и Малалы, но предоставляют собой визуальный вариант повествования, формирующего нарративную параллель с рассказами древних авторов.

Согласно информации М. Ольшевского, автора первой публикации, напольные мозаики были обнаружены в 2011 году в ходе грабительских раскопок одного из жилых комплексов Апамеи[1545]. Точный археологический контекст данных находок установить невозможно, поскольку вскоре после обнаружения мозаики были демонтированы и вывезены с территории памятника. Все, что на данный момент имеется в распоряжении исследователей – это несколько фотографий плохого качества, выполненных, по всей вероятности, грабителями после расчистки мозаик. На сегодняшний день обстоятельства попадания фотографий к официальным властям Сирии, а также местонахождение мозаик остаются неизвестными.

Всего в распоряжении исследователей имеются фотографии четырех мозаик. Судя по стилистике изображения, а также особенностям эпиграфики мозаики датируются IV веком н.э. Сюжет изображений определяется достаточно точно. Мозаика №1 демонстрирует сцену основания Антиохии на Оронте (рис. 120), №2 – основание катойкии Пеллы Архипом (рис. 245), №3 – повторное основание Пеллы/Апамеи Селевком (рис. 151), №4 – бытовые сцены жизни в долине Оронта (рис. 246). Сохранность мозаик различна: мозаика со сценой основания Антиохии на Оронте сохранилась полностью, о чем

[1545] *Olszewski M.T., Saad H.* Foundation of Antioch. P. 4-5; *Olszewski M.T., Saad H*. Pella-Apamée sur l'Oronte. P. 365–266.

свидетельствует целостность декоративного контура, замыкающего художественное пространство изображения. Остальные три памятника сохранились фрагментарно.

Ввиду неудовлетворительного качества фотографий, некоторые художественные детали изображений остаются практически неразличимыми, однако, общий сюжет не вызывает никаких сомнений – мозаики демонстрируют мифы об основании двух городов сирийского Тетраполиса – Антиохии на Оронте и Апамеи на Оронте. Данные мозаики представляют собой уникальный исследовательский материал, поскольку являются редчайшим для истории государства Селевкидов примером визуального изложения события, зафиксированного в письменных источниках. Анализ данного материала позволяет не просто проиллюстрировать свидетельства античных авторов об основании этих двух городов, но значительно дополнить наши знания о существовавшей в период поздней античности версии легенды об основании Антиохии и Апамеи, представленной в форме визуального повествования.

Сообщения об основании главного города сирийского Тетраполиса сохранились в сочинениях двух позднеантичных авторов: Либания и Иоанна Малалы. Стоит отметить, что Либаний сообщает только об основании Антиохии на Оронте и святилища в Дафне, в то время как Малала приводит истории об основании всех четырех городов Тетраполиса[1546]. Сообщение Малалы принято считать пересказом более раннего автора – Павсания Антиохийского жившего, согласно одной из версий, во II веке н.э., по другой – в IV веке н.э.[1547] Оба

[1546] Все четыре легенды об основании четырех городов Тетраполиса сюжетно очень близки друг другу. В основе сюжета каждой из них лежит общая схема – жертвоприношение, вмешательство божества, истолкование полученных знаков и выбор места постройки города. Такая близость и даже шаблонность сюжетов практически никак не объясняются исследователями. Единственным предположением можно считать особую экономическую, стратегическую и культурную близость всех городов Тетраполиса, основанных в одно и то же время Селевком I. Как отмечает Л. Кадетре, каждый из городов выполнял свою определенную функцию в структуре Тетраполиса. *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. P. 67. Страбон (XVI. 2. 4) называет эти города сестрами, а в период правления Александра Балы в Антиохии и Селевкии была выпущена серия бронзовых монет с легендой ΑΔΕΛΦΩΝ ΔΗΜΩΝ (*Hoover O.* Handbook of Syrian Coins. № 1394).

[1547] *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 105; *Downey G.* A History of Antioch in Syria. P. 36.

повествования сюжетно очень близки друг другу и, по вей вероятности, являются пересказом одной легенды, в основе которой находится, скорее всего, какой-то локальный фольклорный сюжет, находящийся вне исторического пространства, сфокусированный именно на сакрализации самого акта основания и, как следствие, наполненный различного рода псевдоисторическими деталями, такими, как, например, «точные» даты, имена «конкретных» исторических персонажей, которые, будучи лишь частью художественного приема, оказываются абсолютно неисторичными. Об основании Антиохии Либаний сообщает следующее:

> «85. И все происходит по воле бога. Был город, называвшийся по имени Антигона, выстроенный Антигоном. Расстояние нынешнего города до него сорок стадий. В нем Селевк, после победы, приносил жертву, и когда бык был зарезан и жертвенники приняли требуемые обрядом части, огонь уже охватывал лежавшее и сильно разгорался. 86. И вот Зевс, подтолкнув со скипетра свою птицу, своего друга и товарища, послал его на жертвенник. А та, слетев в средину пламени, подняв бедра, охваченные огнем, унесла их. 87. Так как этот случай обратил на себя взоры и мысль всех и делал ясным, что действие свершалось не без покровительства богов, Селевк приказал сыну сесть на коня, чтобы следовать с земли за полетом и направлять, держа уздечку по крылу птицы, желая знать, как использует птица взятое. 88. А тот, скача на коне и глядя вверх, доведен был полетом до Эмафии. Здесь орел, спустившись, положил свою ношу на жертвенник Зевса Боттиайя, который водрузил Александр, когда его усладил источник. И вот всем, и неискусным в догадках, представлялось, что Зевс предуказывает основание города в данном месте. И таким образом и стремление к основанию, и начало его шло со стороны Александра к завершению, и глава богов своим предзнаменованием

становится для нас основателем. 89. Тут Селевк собрал все искусство строителей, все руки на подмогу работе, блеск всех пород камня. Рубили лес для кровлей, лились потоки богатств на стройку. 90. Намечая план города, он расставлял слонов по местам будущих башен, а, определяя длину и ширину портиков и улиц, прибегал для нареза их в пшенице, подвозившие которую корабли стояли на реке». (Liban. Orat. XI. 85-90)[1548].

Кроме упоминания жертвоприношения, традиционного ритуала при основании города, которое является центральным сюжетом всего повествования, а также вмешательства в этот процесс божества, в рассказе Либания присутствует целый ряд идеологических топосов, характерных для дискурса идеологии Селевкидов. Среди них стоит отметить упоминание Антигонии – города, заложенного противником Селевка – Антигоном Одноглазым. Сообщение об Антигонии, которая стала своего рода донором для будущей Антиохии на Оронте, в контексте рассматриваемого сюжета об основании, по всей вероятности, относится к достаточно ранней традиции. Именно в таком контексте об Антигонии сообщает Диодор (XX. 47. 6). Другим топосом является образ Александра, через связь с которым легитимизируется основание нового города. Наконец, весьма важным элементом селевкидской идеологии является и упоминание алтаря Зевса Боттиэя, культ которого был распространен в Боттиэе – области в Македонии, которая называется одной из возможных исторических родин Селевкидов[1549].

В отличие от сочинения Либания, пространный рассказ Иоанна Малалы состоит из четырех частей, каждая из которых посвящена основанию одного из четырех городов Тетраполиса. В повествовании Малалы отчетливо просматривается фольклорная традиция, вобравшая большое количество местных

[1548] Русский перевод приводится по изданию: Речи Либания / Пер. С.П. Шестаков. Казань, 1914.

[1549] *Mastrocinque A.* Zeus Kretagenès seleucidico. Da Seleucia a Praeneste (e in Giudea) // Klio. 2002. Bd. 84. S. 355–372; *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlement in Syria. P. 80.

городских легенд. Как уже было отмечено, сюжет четырех легенд об основании четырех городов Тетраполиса чрезвычайно близок и, по сути, воспроизводит одну и ту же сюжетную модель. Об основании Антиохии Малала (VIII. 12) сообщает, что Селевк совершил жертвоприношение Зевсу. Во время жертвоприношения орел выхватил кусок жертвенного мяса и улетел в сторону горы Сильпий. Селевк последовал за орлом и нашел брошенное им жертвенное мясо. В этом месте он основал город, который назвал Антиохией, в честь сына.

Как и в рассказе Либания, Малала помещает в центр сюжета ритуальное жертвоприношение и вмешательство божества. Этот мотив становится своего рода доминантой всей легенды. Примечательно, что в отличие от рассказа Либания, у Малалы минимизирована роль сына Селевка Антиоха. Если у Либания Антиох является почти сооснователем Антиохии, преследуя орла, несущего куски жертвенного мяса, то у Малалы упоминание Антиоха ограничивается только сообщением о том, что Антиохия была названа в его честь. Еще одним важным нюансом является упоминание храма Зевса Боттиэя, алтарь которого также упоминает Либаний. В целом, и рассказ Либания, и рассказ Малалы структурно повторяют одну и туже легенду. Разница в деталях может объясняться либо разными источниками, которыми пользовались авторы, либо эволюцией самой легенды, поскольку Либаний жил на сто пятьдесят лет раньше Малалы.

Итак, имеющаяся в нашем распоряжении литературная традиция демонстрирует в целом согласованный рассказ об основании Антиохии. О чем же рассказывают новые мозаики? Мозаика № 1 представляет сцену жертвоприношения. В центре композиции находится алтарь с жертвенным мясом, а над ним парящий орел, держащий в лапах голову быка. Слева и справа от алтаря располагаются две мужские фигуры, судя по подписям – слева Антиох, справа Селевк – оба совершают возлияние. Дополнительный ряд персонажей представлен фигурами Ктисис (слева от Антиоха), Геракла (за спиной Селевка), а

также неизвестного женского персонажа, чья подпись не сохранилась, однако, как считают М. Ольшевский и Х. Саад, это муза Каллиопа[1550].

Безусловно, общий сюжет находит очевидные параллели с рассказами Либания и Малалы об основании Антиохии, хотя центральная сцена жертвоприношения, в котором участвуют Селевк и Антиох, не совпадает ни с одним из описаний, представленных в сочинениях древних авторов. Тем не менее совместное участие и Селевка, и Антиоха в ритуалах, связанных с основанием полиса, известно только из истории об основании Антиохии.

Основание Антиохии запечатлено еще на одном памятнике – барельефе из Бейрута. Этот барельеф был обнаружен в селении Бурж эс-Слейб в 20 километрах к северу от Латакии и впервые был опубликован более восьмидесяти лет назад А. Сейригом (рис. 123)[1551]. Композиция представляет собой сцену жертвоприношения: в центре находится алтарь, на котором горит костер, над алтарем поверх всех персонажей располагается орел, держащий в лапах куски жертвенного мяса. За алтарем стоит богиня Ника с пальмовой ветвью в левой руке, а в правой руке она держит венок, которым венчает персонажа, располагающегося слева от алтаря. Этот персонаж, мужчина облачен в хитон, на его голове диадема. В левой руке он удерживает жертвенного быка, а в правой держит чашу, из которой совершает возлияние. За спиной этого персонажа находится столб с трофеем. Справа от алтаря располагается фигура женского божества. В правой руке богиня держит чашу для возлияний, а в левой статуэтку Аполлона. А. Сейриг определил мужскую фигуру как Селевка I, а женскую как Тюхе. Барельеф, по мнению А. Сейрига, представляет сцену ритуального жертвоприношения, совершенного Селевком при основании им Антиохии на Оронте[1552].

[1550] *Olszewski M.T., Saad H*. Pella-Apamée sur l'Oronte. P. 4.

[1551] *Seyrig A.* Scène historique sur un chapiteau du Musée de Beyrouth // RÉA. 42. 1940. P. 340–344; *de Grigori A.* Ancient Antioch. From the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge, 2016. P. 35–44.

[1552] *Seyrig A.* Scène historique. P. 342.

Несмотря на сомнения некоторых исследователей [1553], все же стоит признать, что данный барельеф, как и мозаика №1, представляют именно сцену основания Антиохии на Оронте. Одним из наиболее очевидных доказательств является общий сюжет, демонстрирующий сцену жертвоприношения и вмешательство божества. Так, в обоих случаях в центре сцены располагаются алтарь и парящий над ним орел, держащий в лапах куски жертвенного мяса. На мозаике №1 отчетливо видно, что орел держит именно голову быка, в то время как на барельефе из Бейрута та часть, которую уносит с алтаря орел, не различима из-за повреждений памятника[1554].

Весьма примечательно и расположение фигур вокруг алтаря. На мозаике №1 Селевк и Антиох расположены в тех же позах, что Селевк и Тюхе на барельефе из Бейрута. При этом, в обоих случаях персонажи совершают возлияние, занимая то же самое положение вокруг алтаря. Еще одним общим местом является викториальный мотив сцены, характерный для легенды об основании Антиохии. Сообщение об этом сохранилось в сочинениях и Либания, и Малалы, которые недвусмысленно отмечают, что жертву Селевк приносил в Антигонии после своей победы над Антигоном (μετὰ τὴν νίκην ὁ Σέλευκος ἔθυε – Liban. *Orat*. XI. 85). На барельефе этот мотив подчеркнут присутствием богини Ники, а также наличием столба с трофеем за спиной у Селевка. По всей вероятности, похожий победный мотив характерен и для сюжета мозаики № 1. Безусловно, здесь нет столь отчетливых признаков недавней победы, однако стоит обратить внимание на то, что в отличие от Антиоха, который облачен в

[1553] Несмотря на то, что данная интерпретация, в целом, закрепилась в научной литературе, Д. Огдэн, изначально также разделявший эту точку зрения, все же высказывает некоторые сомнения относительно того, что данный сюжет относится к основанию Антиохии и считает, что этот барельеф воспроизводит легенду об основании Лаодикеи. *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 109.

[1554] Впрочем, Д. Огдэн все же полагает, что и в данном случае орел уносит именно голову быка. Примечательно, что в легенде об основании Антиохии орел уносит не голову быка, а бедерные части (τὰ μηρία – Liban. *Orat*. XI. 86), либо просто – жертвенное мясо (θυσία – Mal. VIII. 13). Голова быка, которую подхватывает и уносит орел упоминается в легенде об основании Апамеи (Mal. VIII. 19).

хитон, Селевк изображен в доспехе, который можно интерпретировать как символ воинской победы.

Таким образом, не остается никаких сомнений, что оба изобразительных памятника демонстрируют легенду об основании Антиохии. Впрочем, несмотря на общую сюжетную линию, которая также совпадает с повествованием Либания и Иоанна Малалы, мозаика № 1 и барельеф из Бейрута представляют разные варианты этой легенды. Восстановить сюжетные детали представленных сцен, опираясь лишь на имеющиеся источники, разумеется, не представляется возможным, однако присутствие на изображениях богини Ктисис – покровительницы градостроительства, Геракла, чей культ был весьма популярен при ранних Селевкидах, а также Тюхе и Ники может найти какое-то объяснение в контексте исследуемого сюжета. Больше вопросов вызывает женская фигура, в которой М. Ольшевский предлагает видеть музу Каллиопу. Впрочем, это утверждение до определенной степени условно и основывается лишь на косвенных доказательствах.

Примечательно, что ключевым мотивом всей легенды выступает мотив жертвоприношения, в контексте которого особое значение приобретает алтарь. Именно алтарь мы видим в центре всей композиции мозаики № 1, а также барельефа из Бейрута. В рассказе Либания алтарь, на который орел приносит куски жертвенного мяса, посвящен Зевсу Боттиэю (τοῦ Βοττιαίου Διός). У Малалы же Селевк возводит целый храм, посвященный Зевсу Боттиэю (καὶ ἱερόν, ὃ ἐκάλεσε Βωττίου Διός), по названию того места, где орел бросил унесенную им жертву. Алтарь Зевса Ботиэя в легенде об основании Антиохии является важнейшим идеологическим топосом. Как сообщает Либаний, этот алтарь был основан Александром. Таким образом, даже не будучи основанной самим Александром, Антиохия все равно имеет непосредственное отношение к нему. Кроме того, культ Зевса Боттиэя предположительно являлся родовым культом Селевка I, чей род происходил из македонской области Ботиэи. О поклонении Селевка какому-то родовому культу Зевса сообщает Павсаний (I. 16. 1. Ср. App. *Syr*. 56). Вероятно, культ Зевса Ботиэя, был запечатлен на бронзовых

монетах, выпускавшихся в этой области в период царствования Филиппа V и Персея. На лицевой стороне этих монет изображена голова Зевса, на оборотной крылатая молния[1555]. По всей вероятности, легенда об основании Антиохии представлена и на монетах самой Антиохии. Так, среди различных типов муниципальных выпусков Антиохии римского времени I века н.э. мы встречаем серию монет с головой Зевса на лицевой стороне и алтарем на оборотной (рис. 247)[1556]. Похожий алтарь можно обнаружить и на другой серии монет, выпущенной в I в. н.э., где на лицевой стороне изображена голова Тюхе в башенной короне (рис. 248)[1557]. Стоит отметить, что изображения Зевса традиционны для монетной иконографии Антиохии, однако, определить, какой именно культ изображается в каждом отдельном случае практически невозможно. Наиболее детально легенда об основании Антиохии представлена на антиохийских тетрадрахмах времени Веспасиана, где на оборотной стороне изображен орел, сидящий на алтаре (рис. 249)[1558]. Заметим, что легенды об основании полисов были распространенным сюжетом в монетной иконографии городов сирийского Тетраполиса. Так, в легенде об основании Селевкии в Пиерии, также приведенной в рассказе Малалы, символическое значение имеет культ Зевса Керавния. Об этом же повествует и Аппиан (*Syr*. 58), сообщая, что при постройке города Селевк руководствовался небесным знамением в виде молнии. На монетах Селевкии в Пиерии изображался именно этот сюжет – молния, лежащая на алтаре[1559].

Одной из уникальных особенностей повествования мозаики № 1 является неисторический характер, в котором реальные исторические персонажи – Селевк и Антиох помещены в мифологическое, вневременное пространство сюжета. Так, оба они изображены молодыми, несмотря на то что отец был очевидно старше своего сына. Более того, изображение Селевка дополнено

[1555] SNG Bar, 435
[1556] BMC 92
[1557] BMC 85
[1558] RPC 1973
[1559] *Hoover O*. Handbook of Syrian Coins. № 1382

божественным атрибутом – рогами быка, такими, какими, согласно Аппиану (*Syr*. 57), обычно украшали статуи Селевка, и какие мы встречаем на коммеморативных монетах, выпущенных Антиохом I в честь своего отца[1560]. Похожий прием характерен и для того варианта легенды, который пересказывают Либаний и Малала. Безусловно, не стоит ожидать того, что мозаика № 1 должна быть прямой иллюстрацией легенды об основании Антиохии, переданной в трудах Либания и Малалы – между сюжетом мозаики и рассказом древних авторов много расхождений. Так, на мозаике №1 представлены персонажи, которые отсутствуют в изложении древних авторов (Геракл, Ктисис, Калиоппа?), и наоборот, на мозаике нет, например, жреца Амфиона из рассказа Малалы или Аттея, Перитта и Анаксикрата из сообщения Иоанна Цеца (*Hist. Variar. Chiliades.* VII. 118. 177). В этом же случае не вполне корректно ставить вопрос о том, что могло служить первоисточником, мозаика или рассказы древних авторов. Был ли автор мозаики вообще знаком с творчеством Либания? Близость обоих нарративов, как минимум, свидетельствует о том, что Либаний и Малала, чьи сочинения восходили к Павсанию Антиохийскому, и автор мозаики были представителями одной традиции, в которой легенда об основании Антиохии, имевшая безо всяких сомнений большое количество вариантов, наполняется деталями и нюансами, сохраняя при этом общую структуру. Если разложить сюжет легенды об основании Антиохии на базовые элементы, то мы получим следующую структуру – жертвоприношение, совершаемое Селевком после победы над противником, вмешательство божества (Зевса) в ритуал, участие наследника Антиоха. Впрочем, из ряда агентов повествования: автор-зритель (слушатель, читатель)-персонаж мы невольно опускаем роль зрителей, которые должны были смотреть на эту мозаику. Если они и не были непосредственными слушателями речей Либания, то очевидно принадлежали к числу носителей того же самого культурного кода, что и авторы всех упомянутых произведений.

[1560] SC 323

Мозаики № 2, 3 и 4 посвящены основанию другого города сирийского Тетраполиса – Апамеи на Оронте. Если бать точным, то мозаики представляют собой части одного общего сюжета. Мозаика № 2 демонстрирует сцену основания македонской катойкии Пеллы, мозаика № 3 переоснование Пеллы под новым названием – Апамея и придание ей полисного статуса, мозаика № 4 изображает сцены полисной жизни, и процветания города. В своей недавней публикации М. Ольшевский и Х. Саад провели детальный анализ данных изображений как исторических источников[1561], поэтому мы не станем погружаться в проблему основания и переоснования Пеллы/Апамеи, а ограничимся только общими замечаниями, а также рассмотрим эти изображения в контексте традиции мифа об основании Апамеи.

Как и в случае с основанием Антиохии, центральным источником, излагающим миф об основании Апамеи, является сочинение Иоанна Малалы (VIII. 18). Об основании этого города он сообщает, что Селевк заложил город в Сирии и назвал в честь дочери Апамы. На месте города уже существовала деревня Фарнаке. После он принес жертву и опять орел выхватил жертвенное мясо и кровью очертил контур городских стен. Сообщение об основании Апамеи куда менее информативное, чем легенда об основании Антиохии. Малала приводит лишь самые общие сведения, при этом добавляя весьма любопытное замечание о трех названиях этого города. Первое, иранское название – Фарнаке город имел еще при персах. Затем, согласно более распространенной версии, которую транслирует Иоанн Малала, город был назван Апамеей в честь дочери Селевка, однако, как тут же отмечает автор, Селевк дал городу еще одно название – Пелла, поскольку покровительница города Тюхе «имела это имя». Иными словами, к моменту основания Апамеи центральным культом здесь был культ Тюхе из Пеллы, что подразумевает существование на этом месте еще до основания Апамеи какого-то македонского поселения.

Мозаика № 2 демонстрирует традиционную для легенды об основании Тетраполиса сцену жертвоприношения. Здесь, также, как и на мозаике № 1,

[1561] *Olszewski M.T., Saad H*. Pella-Apamée sur l'Oronte.

изображен алтарь, на котором расположена голова быка, а над алтарем парящий орел. За алтарем стоят три персонажа, чьи имена подписаны – это: Антипатр, Кассандр и Архип. Помимо этих троих здесь также присутствует пеший воин, держащий копье и щит (оруженосец Антипатра?), а также пятеро всадников. Стоит обратить внимание на то, что правый и нижний края мозаики утрачены, введу чего определить общий сюжет невозможно. Судя по сохранившемся очертаниям фигур животных и людей в правой и нижней правой частях, сюжет мозаики не ограничивался лишь сценой жертвоприношения.

Мозаика № 3 рисует сцену основания (переоснования) полиса. Ключевую роль выполняет группа персонажей, расположенная в правой части мозаики. Селевк в образе основателя полиса стоит возле возводящейся городской стены – признака и символа любого города. За трапедзой, на которой разложены деньги, сидят Антипатр и жена Селевка Апама, за их спиной стоит Архип. Справа Антиох и Кассандр. Слева от группы мы видим процесс возведения стен, работу строителей по подъему каменных блоков. На заднем плане полисные постройки – храм, ипподром. Мозаика № 4 представляет сцены полисной жизни. Здесь нет конкретных исторических личностей, а все изображенные персонажи – это жители полиса, занятые какими-то повседневными делами. Как кажется, символизм этой сцены заключается в благополучии полисной жизни[1562].

Очевидно, что мозаики представляют два эпизода ранней истории Апамеи на Оронте. Первая посвящена основанию катойкии Пеллы, а вторая повторному основанию поселения уже в статусе полиса под названием Апамея. Присутствие на первой мозаике Антипатра и Кассандра, как полагают М. Ольшевский и Х. Саад, говорит в пользу того, что катойкия Пелла, была основана после встречи в Трипарадисе около 320 года до н.э. и первоначально заселена ветеранами македонской конницы. Эта версия находит подтверждение у Страбона (XVI. 2. 10), который, судя по всему, опирался в этой части своего

[1562] Подобные бытовые сцены запечатлены на известной мозаике «Мегалопсихии и охотников» из Якто (античная Дафна близ Антиохии).

повествования на труд известного уроженца Апамеи, философа-стоика Посидония. Страбон отмечает, что первыми поселенцами в этой области были македоняне участники похода Александра. Именно они назвали свое поселение Пеллой. Нет сомнений, что речь в данном случае идет именно о катойкии.

Из всех персонажей, изображенных на этих мозаиках, наиболее загадочным представляется некий Архип, который неотъемлемо присутствует на обоих памятниках. Участие Архипа в основании Апамеи дает повод соотнести этого персонажа с «Архипом, командиром (ἡγήτωρ) священной Пеллы» из сочинения псевдо-Оппиана (к слову, также уроженца Апамеи) «О псовой охоте» (*Cyneg*. II. 114)[1563]. Этот персонаж здесь упоминается единожды и только в широком мифологическом контексте легендарного основания Пеллы/Апамеи. По мнению М. Ольшевского и Х. Саада, историчность Архипа доказывается его присутствием на мозаиках. По мнению исследователей, Архип был одним из гиппархов в армии Антипатра и был оставлен в Пелле вместе с другими ветеранами в качестве командира военной колонии[1564].

Примечательна и роль жены Селевка Апамы, отведенная ей в художественном нарративе мозаики №3. Если Селевк изображен в образе устроителя, его рука лежит на городской стене, то Апама представлена в образе эвергета. Она сидит за столом, на котором располагаются серебряные и золотые монеты, по всей вероятности, предназначенные для городского строительства. Также, как и в случае с мозаикой №1, нарратив мозаики №3 демонстрирует неисторический характер. Селевк здесь также изображен с бычьими рогами, а одновременное присутствие Антипатра, Кассандра, Селевка, Антиоха и Апамы при переосновании Апамеи, которое произошло не ранее 301 года до н.э., подчеркивает очевидную неисторичность сцены, что в целом не должно вызывать удивлений и противоречий, поскольку сама мозаика запечатлела народную

[1563] Фольклорный анализ этой легенды см.: *Ogden D.* The Legend of Seleucus. P. 127–130.

[1564] Подробнее об Архипе основателе Пеллы/Апамеи см. *Bernard P.* I. Une légende de fondation hellénistique: Apamée sur l'Oronte d'après les Cynégétiques du Pseudo-Oppien. II. Paysages et toponymie dans le Proche-Orient hellénisé // Topoi. Orient-Occident. 1995. Vol. 5/2. P. 353–408.

память об основании Апамеи, выраженную в форме городской легенды позднеантичного времени. Как отметили М. Ольшевский и Х. Саад, все мозаики выполнены в стиле так называемой «похвалы городу» - особого жанра позднеантичного риторического сочинения, восхваляющего тот или иной полис. Одним из наиболее ярких сюжетов такой «похвалы» является эпизод с основанием города.

Стоит также обратить внимание и на то, что в отличие от легенды об основании Антиохии, легенда об основании Апамеи, переданная Иоанном Малалой находит минимальное количество параллелей с сюжетом мозаик № 2 и № 3. Эпизод с жертвоприношением здесь присутствует только на мозаике № 2, где орел бросает на алтарь голову быка, о чем повествует и Малала. Однако, ни о Кассандре и Антипатре, а тем более об Архипе Малала не говорит ни слова. В другом случаем, в сочинении Малалы нет второй части легенды об основании Апамеи, воспроизведенной на мозаике № 3. Отметим, что и повествование Малалы, и сюжет мозаик следуют общему развитию событий – первоначально поселение было названо Пелла, а впоследствии переименовано в Апамею. Правда Малала упоминает третье название города – Фарнаке, которое поселение носило еще при персах, но этот эпизод не нашел отражения в художественном нарративе мозаик[1565].

Обозначенные расхождения показывают, что в данном случае мы имеем дело с двумя сюжетно разными, но структурно близкими вариантами легенды об основании Апамеи. Одна из них, переданная Малалой, повторяет общую структуру всех легенд об основании городов сирийского Тетраполиса, делая ее лишь частью общей картины появления Селевкиды – столичного региона государства Селевкидов. Другая, представленная на мозаиках № 2 и № 3, представляет собой локальный вариант легенды, основанный на какой-то местной традиции, и находит параллели с сообщениями авторов – уроженцев Апамеи. Для Иоанна Малалы, а точнее, Павсания Антиохийского, Антиохия, очевидно,

[1565] Страбон (XVI. 2. 10), Диодор (XXI. 20) и Плутарх (*Dem*. 52) называют еще одно название Пеллы/Апамеи – Херсонес.

была главным городом Тетраполиса. Легенда об основании Антиохии стоит особняком, занимая первое и центральное место в серии историй об основании этих городов, Апамея же занимает последнее место. Легенда об основании Апамеи лишена деталей и следует общему шаблону. Напротив, мозаики из Апамеи демонстрируют большое количество исторических деталей, представляя собой локальный вариант мифа об основании Апамеи.

6.2.2. Селевкидские иконографические мотивы в монетной иконографии ближневосточных государств II в. до н.э. – XII в. н.э.

Царская иконография Селевкидов стала объектом рецепции в монетном деле Ближнего Востока периода поздней античности и Средневековья. В большинстве случаев использование селевкидской иконографии в новом контексте не подразумевало осмысленной и намеренной демонстрации связи с Селевкидами. В некоторых случаях цепочка заимствований состоит из нескольких посредников и установить селевкидское происхождение изображения представляет отдельную проблему. Тем не менее в нашем распоряжении есть несколько примеров рецепции селевкидской иконографии, которые будут рассмотрены в данном разделе.

Одним из наиболее ярких заимствований царской иконографии Селевкидов является изображение якоря на монетах иудейского правителя династии Хасмонеев Иоанна Гиркана. Началу чеканки иудейских монет с изображением якоря предшествовало вторжение в Иудею Антиоха VII и осада Иерусалима, завершившаяся поражением иудеев и признанием власти селевкидского царя. Сразу после снятия осады в 134 г. до н.э. в Иерусалиме была организована чеканка бронзовой царской монеты. На лицевой стороне этих монет изображалась лилия – символ Иерусалима и царской династии Хасмонеев, на оборотной якорь – династический символ Селевикдов и легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΟΙΧΟΥ (рис. 250)[1566]. Особенностью данной серии была не только нетипичная

[1566] SC 2123

иконографическая схема – на монете отсутствовал царский портрет, что было исключением для царских выпусков, но и расположение легенды. Царский титул (ΒΑΣΙΛΕΩΣ), вопреки сложившейся норме, располагался слева от изображения, а имя царя (ΑΝΤΙΟΧΟΥ) справа. Перечисленные особенности показывают, что чеканка этих монет была организована в Иудее.

Определить статус данных монет (царский или локальный) весьма затруднительно. Появление изображения лилии вместо царского портрета может быть признаком локальности эмиссии, по типу тех полисных выпусков, что к 130-м гг. до н.э. уже практиковались в чеканки многих полисов государства Селевкидов, включая Финикию. О праве независимой чеканки монеты иудейским первосвященником Симоном Фасси, отцом Иоанна Гиркана, сообщает и автор Первой Маккавейской книги (15.6), что, впрочем, не находит нумизматических подтверждений. С другой стороны, упоминание в легенде царя Антиоха недвусмысленно свидетельствует о царском характере данных эмиссий. После гибели царя Антиоха VII производство монет с лилией и якорем было прекращено, а в Иудее была организована собственная монетная чеканка. Иконография новых монет была традиционной иудейской, а якорь и лилия никак не фигурировали на новых монетах. С приходом к власти наследника Иоанна Гиракана Александра Янная ситуация поменялась. Его монеты воспроизводили прежний тип «лилия/якорь». Данные монеты отличались двуязычной легендой – практика, которая уже была известна в монетном деле Финикии. Изображение лилии сопровождалось легендой на древнееврейском, изображение якоря – на древнегреческом. Оба текста были идентичны «царя Александра» (рис. 251)[1567]. По мнению О. Хувера, такое разграничение двух символов и сопровождающих их текстов было неслучайным, хотя сам по себе якорь мог восприниматься уже как хасмонейский, а не селевкидский символ[1568].

[1567] *Meshorer Y.* A Treasury of Jewish Coins. From the Persian Period to Bar Kohba. Jerusalem, 2001. N1-N5.

[1568] *Hoover O.* The Seleucid Coinage of John Hyrcanus I: the Transformation of a Dynastic Symbol in Hellenistic Judea // AJN. 2003. P. 35.

Якорь также появляется и на других выпусках Александра Янная, где вместо лилии изображалась звезда с диадемой, а легенда сохранялась только на древнееврейском, что показывает дальнейшую трансформацию якоря из селевкидского символа в хасмонейский. Монеты с якорем выпускались и при царе Ироде (рис. 252)[1569]. Появление якоря на монетах Ирода было уже демонстрацией хасмонейсикх символов. Выпуск монет с якорем был прекращен в 29 г. до н.э. после казни жены Ирода Мариам, которая в отличие от него самого принадлежала династии Хасмонеев. Последний раз в монетном деле Иудеи монеты с якорем появляются при Ироде Архелае в начале I в. н.э. В данном случае, как полагает О. Хувер, наблюдается вторая трансформация символа. Если изначально якорь был символом Селевкидов, после Хасмонеев, то на монетах Ирода Архелая он представлен уже как Иродиадов[1570]. Появление якоря на монетах эллинистической Иудеи объясняется миграцией символа из селевкидской идеологии в локальную. Никаких экономических причин для этого заимствования, на наш взгляд, нет, поскольку речь идет о чеканке бронзовой монеты, особенности производства и обращения которой не приносили эмитенту большой выгоды[1571].

Изображение якоря известны не только на монетах эллинистической Иудеи. Также якорь в качестве самостоятельного символа, а не дополнительного дифферента, встречается на полисных выпусках Селевкии на Тигре 13 г. до н.э. (рис. 253)[1572] В целом, появление династического селевкидского символа на полисных выпусках Селевкии, не вызывает удивления – полисы державы Селевкидов достаточно часто заимствовали как отдельные иконографические сюжеты, так и общий стиль монет Селевкидов для собственных выпусков, однако кроме Селевкии, ни один из полисов не чеканил на своих монетах изображения якоря. Изображение якоря на монетах Селевкии также, как и в случае с монетными выпусками Иудеи, не было отсылкой в династической

[1569] *Meshorer Y.* A Treasury of Jewish Coins. № 59–66.
[1570] *Hoover O.* The Seleucid Coinage of John Hyrcanus I. P. 37.
[1571] См. дискуссию. *Dambrowa E.* The Hasmoneans and Their State. P. 69. Not. 10.
[1572] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 20. P. 21.

символике Селевкидов. Разнообразие монетных типов полисных выпусков, иконография которых зачастую сформировалась под влиянием царских выпусков Селевкидов, демонстрирует близость мотивов и сюжетов. Кроме якоря на монетах Селевкии присутствуют и другие, характерные для Селевкидов, изображения: треножник[1573], бык[1574], Ника[1575] и даже Аполлон, сидящий на омфале[1576], и Тюхе, попирающая Оронта[1577]. Большинство из этих сюжетов встречаются и на частных печатях из Селевкии, что показывает переход от царской иконографии к полисной и частной.

В целом, полисная монетная чеканка довольно часто демонстрирует использование сюжетов, традиционных для царской иконографии Селевкидов. В Антиохии на Оронте уже после падения власти Селевкидов продолжилась чеканка серебряной монеты типа «Филиппа Филадельфа», которая была организована римской администрацией, а чеканка бронзовой монеты еще при поздних Селевкидах полностью перешла под контроль полисных властей. Стиль изображения и выбор сюжетов – преимущественно это было то же изображение Зевса Никефора, что и на серебряных тетрадрахмах, указывают на продолжение изобразительных традиций поздних Селевкидов. Вместе с тем, на полисных монетах появлялись и новые изображения, связанные с полисной идентичностью. Примечательно, что во всех полисах заимствование селевкидских сюжетов осуществлялось не с серебряных, а с бронзовых монет. Это имеет несколько объяснений. Во-первых, как минимум с середины II в. до н.э. выпуск царских бронзовых монет лежал в зоне ответственности полисных властей, что позволяло им манипулировать с иконографией, нередко чеканя монеты с локальными сюжетами. Во-вторых, как было заявлено в самом начале данного исследования, иконография бронзовых монет более чутко реагировала на политическую и идеологическую повестку, постоянно сюжетно

[1573] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 2
[1574] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 25–26
[1575] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 21
[1576] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 1
[1577] *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. № 12

обновляясь. Уже к концу правления Селевкидов изображения на бронзовых монетах стали отражением больше полисной идеологии, чем царской, поэтому появление тех же сюжетов на монетах этих городов после падения власти Селевкидов не является отсылкой к царской иконографии, но является продолжением иконографических традиций конкретного полиса.

В некоторых случаях использование общих с Селевкидами мотивов было результатом использования общего прототипа. Так, знаменитый «парфянский лучник» – изображение сядящего мужского персонажа на троне в диадеме и кулахе с луком и стрелой, которое массово тиражировалось на ранних парфянских монетах, является адаптацией скорее сатрапских выпусков периода поздних Ахеменидов (рис. 255)[1578]. Напротив, изображение божества, сидящего на предмете (стуле?), напоминающем греческий омфал, на монетах индийского царя V в. н.э. Кумарагупты (рис. 255a), является заимствованием монетной иконографии Селевкидов. Впрочем, использование здесь, как и в случаях с парфянскими заимствованиями[1579], селевкидских иконографических мотивов не имело идеологической подосновы.

В данном разделе уместно вспомнить еще одно и весьма необычное «заимствование» царской иконографии Селевкидов, в данном случае царского портрета. Речь идет об уникальных бронзовых монетах средневековой тюркской династии Артукидов, правившей на территории Восточной Малой Азии в XII-XV веках. Ключевой особенностью нескольких монетных серий этой династии является на первый взгляд невероятные иконографические заимствования, которые осуществляли эти правители – на своих монетах они размещали изображения, скопированные с греческих, римских и византийских монет. Появление этих заимствований на официальных монетах отмечается и для других династий Северной Месопотамии этого периода: Зенгидов,

[1578] *Зеймаль Е.В.* Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа Т. XLVII. 1982. С. 46–49.

[1579] Известны тетрадрахмы Фраата II с изображением селевкидского Аполлона на омфале (рис. 254a) и монеты Артабана I с Тюхе, сидящей на троне, Деметрия I (рис. 254b).

Данишмендидов и Бегтегинидов[1580]. В число прототипов попали и монеты некоторых Селевкидов. Так, Артукидами были заимствованы портреты Селевка II, Антиоха III, но прежде всего, Антиоха VII (рис. 254). Портреты были скопированы достаточно точно – как и в случае с оригиналом, они демонстрировали правителя в диадеме, в некоторых случаях передавая даже отдельные физиогномические черты. Однако стиль изображения несколько отличался - ряд портретных доминант (глаза, волосы, нос) были гипертрофированы, другие, наоборот, оттенены. Эта особенность демонстрирует, во-первых, механизм прочтения автором копии оригинального портрета, а во-вторых, ту траекторию интерпретации, которую он закладывает для своей аудитории.

Причины появления этих заимствований являются предметом спора. Одним из дискуссионных вопросов является возможное нарушение мусульманского запрета на изображение живых существ, что, как показал В.Н. Настич, не было строго регламентировано к моменту чеканки данных монет и находит другие примеры в мусульманской нумизматике[1581]. Адаптация греческих, римских и византийских сюжетов являются отражением культурно-эстетических тенденций в туркмено-огузских династиях, воцарившихся в данном регионе в XII в. Типологическое разнообразие этих заимствований, свидетельствует о намеренном выборе изображения, что позволило А.А. Быкову предположить, что Артукиды проявляли особый интерес к собирательству древних монет[1582]. Обращение к монетам Селевкидов может объясняться двумя обстоятельствами. Во-первых, общностью региона, в котором исторически обращались селевкидские монеты и в котором правили Артукиды – Западная Армения, Северная Месопотамия и Сирия. Во-вторых, большими объемами некоторых эмиссий селевкидских тетрадрахм, в частности, Антиоха VIII, включая

[1580] См.: *Гончаров Е.Ю.* Лица и образы мусульманских монет (Ближний Восток, XII–XIII вв.) // Нумизматика. 2017. С. 82–109; *Шагурина Г.Б.* Происхождение некоторых изображений на монетах Артукидов // Stratum plus. 2000. 6. С. 178–183.

[1581] *Настич В.Н.* Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Городская художественная культура Востока. М., 1990. С. 129–149.

[1582] *Быков А.А.* Пережитки античности на монетах Зенгидов и Ортокидов // Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. II. 1957. С. 131.

каппадокийские подражания. Заимствование портретов селевкидских царей, на наш взгляд, имело только эстетические причины и не основывалось на стремлении легитимировать власть новыми средневековыми династиями через связь с античными правителями.

***

Появление большого количества имитаций и подражаний селевкидским монетам является результатом сразу нескольких экономических и культурных процессов. К возникновению подражаний приводят, с одной стороны, большие объемы монетного производства и вовлечение народов периферии государства Селевкидов в товарно-денежные отношения, с другой же, культурные контакты между греческим населением и варварским пограничьем. Заимствование царской иконографии Селевкидов для выпуска подражаний может найти экономическое объяснение, однако, подражания никогда не обращались совместно с оригинальными монетами, что позволяет рассматривать их не столько как платежные средства, сколько в роли статусных предметов.

Анализ имитаций монет Селевкидов, выпущенных на территории древней Коммагены и Каппадокии, демонстрирует различие между так называемыми «варварскими» и «неварварскими» подражаниями не только в стилистике, но и в особенностях обращения. Для периферийных народов, слабо знакомых с монетой, выпуски подражательных серий должны были восполнить отсутствие оригинальной монеты, а также служили предметами статуса. В случае же с чеканкой имитаций эллинистическими государствами, выпуски этих монет, были только дополнением либо регулярно производившейся собственной монеты (как в Каппадокии), либо уже известной и обращавшейся иностранной монеты (как в Коммагене). Именно это обстоятельство и можно считать ключевым в разграничении двух типов подражаний. Стилистические особенности, как было показано на примере коммагенских подражаний, не всегда были признаком «варваризации». Напротив, то, что можно было бы назвать

стилистической деградацией изображения, подразумевает не общекультурный упадок, но, скорее, локальное предназначение монет с данным изображением.

Рассмотренные мозаики представляют собой уникальный исторический и иконографический источник. Несмотря на то, что мозаики демонстрируют вариант легенд об основании Антиохии на Оронте и Апамеи, несколько отличающийся от той версии, которая представлена в сочинениях Либания и Иоанна Малалы, типологически все нарративы имеют общую сюжетную структуру, а также общую семиотическую основу. Изображения таких исторических персонажей, как Селевк, Антиох, Апама, Кассандр, Антипатр и Архип являются уникальным иконографическим источником. Мозаики об основания Пеллы/Апамеи также позволяют восстановить раннюю историю поселения, вписав ее в широкий политический контекст эпохи войн диадохов.

Рецепция иконографии Селевкидов в монетном деле государств Ближнего Востока поздней античности и раннего Средневековья показывает продолжительную историю обращения селевкидских монет в данном регионе. В этом контексте иконография Селевкидов уже утратила изначальный символизм, а заимствование отдельных сюжетов, символов и мотивов царской иконографии Селевкидов не имело признаков идеологической связи.

Заключение

История государства Селевкидов – одного из наиболее крупных и влиятельных политических образований периода эллинизма, представляет собой необычный исследовательский опыт, прежде всего, ввиду особого состояния источников. Несмотря на богатую историю изучения политической, экономической и институциональной истории Селевкидов, малочисленность и фрагментарность источников всегда являлись препятствием для проведения комплексного исследования, чем объясняется отсутствие в историографии обобщающей работы по истории государства Селевкидов. В условиях дефицита источников обращение к неопубликованным материалам, а также привлечение уже опубликованных, но ранее не использовавшихся в рамках данной проблемы источников, представляется важной задачей. В представленной работе был предложен новый для истории изучения государства Селевкидов опыт комплексного исследования политической истории и династической идеологии Селевкидов, основанного на материалах уникального исторического источника – царской иконографии. Эти материалы, некоторые из которых были опубликованы сравнительно недавно и комплексно представлены только в рамках данной работы, редко становились предметом специального исследования и никогда не рассматривались в совокупности.

Памятники царской иконографии Селевкидов представляют собой корпус исторических источников, к которому относятся: монеты, печати, весовые гири, надчеканки. Для этой группы источников характерно официальное происхождение носителя изображения. Монеты, печати, гири и надчеканки выполняли ряд экономических, контрольных и административных функций, а изображение на данных предметах было знаком их государственного статуса. Памятники царской иконографии характеризуются относительно точной датировкой, строгой хронологической и географической атрибуцией.

Все указанные особенности формируют особый круг подходов и методик, используемых при изучении данных памятников как исторических источников. Функциональное предназначение памятника определяет контекст бытования и использования монет, печатей и гирь, что позволяет выявить механизмы распространения визуальной информации, принципы ее распределения в зависимости от категории носителя и группы его держателя. Массовость исследуемого материала (прежде всего, монет) позволяет изучать хронологическую и географическую динамику изменения ключевых типов, судить о «распространенности» и «популярности» того или иного монетного изображения.

Основной категорией источников, относящихся к группе памятников царской иконографии Селевкидов, являются монеты. Важным принципом использования монеты в качестве исторического источника, в том числе для изучения политической истории и монетной иконографии, является понимание монеты как продукта массового производства. Это позволяет перейти от рассмотрения отдельных памятников к анализу процессов, связанных с монетным делом и денежным обращением, что формирует нумизматический контекст исследования. Для релевантного нумизматического исследования большое значение имеет репрезентативная выборка материала, при чем базовым условием является комбинирование различных категорий выборки, в которые входят: музейные и частные собрания, археологические материалы и материалы аукционов. Для корректной интерпретации данных нумизматики необходимо учитывать территорию и время обращения монеты, объемы эмиссии, особенности ее изготовления, метрологические параметры, а также скорость обращения монеты и контекст ее находки. Все эти данные можно получить, используя полный набор нумизматических методов: штемпельный анализ, анализ кладов, анализ археологических находок монет с учетом классификации находки. Важное место среди методов нумизматического исследования имеют количественные методы, с помощью которых можно сформировать представление об оригинальных объемах монетной эмиссии. В целом, использование монеты в качестве исторического источника возможно только с учетом контекста

различных сфер ее использования: экономической, идеологической, культурной, что подразумевает применение методов различных дисциплин.

Главная функция монетной иконографии – формирование экономического доверия к монете. Отсутствие доверия к монете приводило к снижению ее меновой стоимости, что было экономически не выгодно для эмитента. Постоянство монетного изображения создавало необходимые условия для поддержания номинальной стоимости монеты. В рамках данного подхода монетное изображение рассматривается, прежде всего, как экономический инструмент, что исключает использование его в качестве средства пропаганды. Низкий уровень монетизации экономики, а также ограниченные объемы и нерегулярность монетного производства, неравномерность распространения монеты на территории государства, большие объемы монетного импорта, находящегося в обращении, низкие темпы движения монеты показывают ограниченные возможности монеты как агента распространения информации, что исключает использование монетного изображения как инструмента широкой трансляции государственной пропаганды. В то же время монетное изображение было связано с царской идеологией, ввиду своего официального статуса, и было отражением культурно-политической и идеологической идентичности эмитента.

Количественный анализ монетных эмиссий позволяет определить ключевой монетный тип, выявить динамику его использования и случаи замены. Устойчивость использования и резкая смена монетного типа отражают изменения идеологического курса. Всего в истории государства Селевкидов наблюдается пять смен ключевого типа, которые приходятся на правления Селевка II, Антиоха IV, Деметрия I, Антиоха VII, Антиоха VIII.

Монетный портрет представлял собой композитный «публичный образ» монарха, который формировался в соответствии с эстетическими, идеологическими и мировоззренческими установками, а также как результат кросс-культурных коммуникаций. Царский портрет в эллинистический период являлся официальным символом государства. Ввиду непубличности царя в эллинистический период, его присутствия только в ритуализированном контексте,

постоянного перемещения царя и его двора по территории державы, царский портрет на монетах и печатях выполнял функции «суррогата присутствия» власти. Характерной чертой царского эллинистического портрета является типологическое разнообразие. Выделяются несколько групп царского портрета: портреты с божественными атрибутами (рога, астральные символы), портреты с царскими и воинскими символами (диадема, шлем, кавсия), портреты в шкурах животных (лев, слон, орел, бык), портреты с бородой, парные портреты и женские портреты. Каждый из этих типов портретов обладал собственным внутренним символизмом, использовался в определенных политических обстоятельствах (военная кампания, интронизация).

Правление первых Селевкидов представлено в царской иконографии как период формирования династической символики, что отражает процесс становления династического самоопределения. Первый монетный тип Селевкидов – так называемый «неизвестный в шлеме» подчеркивает военный характер монархии основателя династии Селевка I. Изображение на лицевой стороне головы в шлеме нельзя признать индивидуальным портретом, в силу большого количества символических атрибутов. Региональное обращение данной монетной серии, а также небольшие объемы монетного производства подчеркивают локальных характер эмиссии. В это время впервые появляется изображение якоря, который изначально был персональным символом Селевка I и помещался на его монетах, чаще в виде монетного дифферента. При наследниках Селевка якорь стал отличительным знаком династии: его изображения встречаются на печатях и весовых гирях, при этом перестают изображаться на монетах, что показывает династический статус символа. Монеты из драгоценных металлов демонстрировали официальную государственную символику, а печати и гири чаще династическую. К концу III в. до н.э. изображения якоря исчезают вовсе, что объясняется появлением нового набора династических символов. Во второй половине II в. до н.э. якорь краткосрочно вновь появился в царской иконографии Селевкидов, однако, уже без изначального символизма.

Укрепление власти династии Селевкидов в первой четверти III в. до н.э. при Антиохе I стало началом формирования династического самоопределения, частью которого стали: царский культ, институт соправительства, династическое летосчисление, династическая идеология (включая, комплекс нарративов о божественном происхождении династии и легитимности ее правления), а также территориализации власти Селевкидов в Сирии (появление столицы, наименование всех новых полисов династическими именами). Частью этого процесса стало появление ключевого монетного типа – «Аполлон на омфале». Для всех царей династии, а также узурпаторов, данный монетный тип стал визуальной репрезентацией власти Селевкидов в III в до н.э.

Династический раскол середин III в. до н.э. привел к появлению при Селевке II нового ключевого монетного типа – «стоящий Аполлон». Несмотря на новое изображение, использование династической символики не было отказом от династической иконографии и, соответственно, династического самоопределения. Унификация монетных типов при Антиохе III является признаком особого контроля государства над производством монеты и выбором монетного изображения. Несмотря на активную внутреннюю и внешнюю политику, царская иконография Антиоха III характеризуется доминированием типа «Аполлон на омфале», что было вызвано необходимостью поддержания экономического доверия к монете.

170–130-е годы до н.э. ознаменованы временем острого политического кризиса, приведшего к закату государства. С началом борьбы между Антиохом IV и наследниками Селевка IV царская идеология претерпела определенные изменения, что нашло отражение в царской иконографии, которая ярко иллюстрирует «борьбу идеологий» претендентов на царский престол. При Антиохе IV была проведена масштабная денежная реформа, в ходе которой появился новый монетный тип «Зевс Никефор». Также был обновлен царский портрет, что было связано с появлением божественных эпитетов в царской монетной титулатуре. Все эти изменения демонстрируют поворот в

династическом самоопределении царя Антиоха IV. Новый образ царской власти был продемонстрирован на праздниках в Дафне в 166 г. до н.э.

Царская иконография времени правления Деметрия I является репрезентацией стратегий легитимации его власти: изначально через связь с династией, а после – оформление собственной идеологической модели. Последнее выразилось в появлении нового ключевого типа «голова Деметрия/Тюхе». После появления в 155/4 г. до н.э. на политической арене соперника Деметрия I – Александра I, царская идеология претерпела изменения. Портреты Деметрия были выполнены в образе Александра (imitatio Alexandri).

Иконография Александра I демонстрирует отход от иконографии его предшественника Деметрия I. Ключевой монетный тип тетрадрахм подчеркивает связь с династической линией Антиоха IV и фактически подносится как его символическое наследство. В монетной иконографии нашла отражение и связь узурпатора Трифона с военно-политическими элитами Апамеи. Изображение уникального по своему внешнему виду шлема, ассоциировавшегося с его владельцем, очевидно, было ярким и узнаваемым символом власти Трифона. Иконографически «шлем Трифона» представляет собой композит, включающий воинские македонские и дионисийские символы. Изображение «шлема Трифона» на монетах узурпатора имело важное идеологическое значение, служило средством легитимации его власти в среде ближайших сторонников – военно-политических элит Апамеи на Оронте.

Царская иконография Антиоха VII характеризуется унификацией выпусков тетрадрахм и драхм, что использовалось для извлечения максимальной выгоды из монетного производства для финансирования военных кампаний. Иконография нового типа тетрадрахм характеризуется малоазийским влиянием: сюжет, изображающий Афину Никефору, а также ряд дополнительных элементов изображения, включая венок, опоясывающий изображение оборотной стороны. Царская иконография Деметрия II демонстрирует необычную для поздних Селевкидов идеологическую модель, в основе которой находится связь монарха с основоположниками династии. Данная модель характерна для

обоих периодов его правления. Иконографическое постоянство хорошо иллюстрирует высокая корреляция изображений тетрадрахм и драхм, что является исключительным для поздних Селевкидов.

Иконография Александра II отражает дальнейшую династическую борьбу. Будучи незаконным правителем, Александр II демонстрировал преемственность династической линии Антиоха IV и использовал в качестве ключевого монетного типа изображение Зевса Никефора. Монетное дело периода соправительства Клеопатры и Антиоха VIII показывает ведущую роль Клеопатры в политическом тандеме со своим сыном. Появление эпитета царицы в монетной легенде, доминирование ее портрета, влияние птолемеевских изобразительных традиций отчетливо демонстрируют политическое лидерство царицы Клеопатры.

Иконография монет Антиоха VIII и Антиоха IX является репрезентацией общей для обоих правителей идеологической модели, в основе которой находился принцип династического превосходства. Оба правителя, оспаривая право на власть, настаивали на приоритетности своего происхождения, хотя оба царя имели общую мать, а их отцы были родными братьями. Идеология Антиоха IX была полностью построена на связи с отцом – Антиохом VII. Идеология Антиох VIII изначально предполагала самостоятельность и отказ от образов как Клеопатры, так и Деметрия II, что привело к смене иконографической модели и появлению нового доминирующего типа тетрадрахм «Зевс Ураний». Однако уже в ходе войны за престол Антиох VIII стал апеллировать к Деметрию II и Клеопатре.

К концу II в. до н.э. единственным монетным типом становится «Зевс Никефор». Доминирование одного монетного типа было связано с необходимостью сохранения экономического доверия к монете, которая чеканилась по редуцированному весовому стандарту с увеличенной долей недрагоценных металлов в сплаве монеты. Обратной стороной этого процесса стало вытеснение царской иконографии из визуального пространства монеты. С начала I в. до н.э. иконография селевкидских тетрадрахм, мелких серебряных номиналов

(за редким исключением) и бронзовых монет стала проекцией локальной культуры, нежели отражением царской идеологии. Единственным иконографическим компонентом монетного изображения, который все еще репрезентировал царскую идеологию, оставался царский портрет.

Появление большого количества имитаций и подражаний селевкидским монетам стало результатом экономических и культурных процессов, происходивших в периферийных зонах государства Селевкидов. К возникновению подражаний привели, с одной стороны, большие объемы монетного производства и вовлечение окраинных народов в товарно-денежные отношения, с другой же, культурные контакты между греческим населением и варварским пограничьем. Анализ имитаций монет Селевкидов, выпущенных на территории древней Коммагены и Каппадокии, демонстрирует различие между так называемыми «варварскими» и «неварварскими» подражаниями не только в стилистике, но и в особенностях обращения. Для периферийных народов Средней Азии и Закавказья, слабо знакомых с монетой, выпуски подражательных серий должны были восполнить отсутствие оригинальной монеты, а также служили предметами статуса. В случае же с чеканкой имитаций эллинистическими государствами, эмиссии этих монет, были только дополнением либо собственной монеты (как в Каппадокии), либо уже известной и обращавшейся иностранной монеты (как в Коммагене).

Рецепция иконографии Селевкидов в монетном деле поздней античности и раннего Средневековья на Ближнем Востоке показывает продолжительную историю обращения селевкидских монет в регионе. В данном контексте иконография Селевкидов уже была лишена изначального символизма, а заимствование отдельных сюжетов и символов царской иконографии Селевкидов не имеет признаков идеологической связи. Тем не менее богатое иконографическое наследие Селевкидов стало важным вкладом в оформление официальной иконографии ближневосточных монархий поздней античности и Средневековья от Сирии до Индии.

ВДИ – Вестник древней истории

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. Москва–Магнитогорск

ADRTB – *Sachs A.J., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. T. I. Wien, 1988

ANS – American Numismatic Society

BCH – Bulletin de correspondence hellénique

BCHP – *Finkel I., van der Spek R.J.* Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period

CH – Coin Hoards

CIG – Corpus inscriptionum graecarum. 4 vols. Berlin 1828-1877

CPE – *Lorber C.* Coins of Ptolemaic Empire. New York, 2018

CRAI – Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres

CSE – Coins of the Seleucid Empire. From the Collection of Arthur Houghton. A. Houghton (ed.). New York, 1983

DHA – Dialogues d'histoire ancienne

ESM – *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. New York., 1938

FGrHist – *Jacoby F.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin–Leiden, 1923–1958.

IDidyma – *Rehm A.* Didyma II: Die Inschriften. B., 1958

IEJ – Israel Exploration Journal

IDelos – Inscriptions de Délos. vol. 4 [6] / P. Roussel, M. Launey (eds.). Paris, 1937

IGCH – An Inventory of Greek Coin Hoards // Ed. *M. Thomson, O. Mørkholm, C.M. Kraay.* N.Y., 1973.

JHS – The Journal of Hellenic Studies

NC – Numismatic Chronicle

OGIS – *Dittenberger W.* Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Lpz, 1903–1905

RC – *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy. L., 1934.

RE – *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschft. 1984–1978

RÉA – Revue des études anciennes

RIC – Roman Imperial Coinage

RN – Revue de numismatique

RPC – Roman Provincial Coinage

SC – *Houghton A., Lorber C., Kritt B.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. I. Lancaster-London, 2002; *Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. II. Lancaster-London, 2008.

Seleucia	–	Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi / A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.
SNG Israel	–	Sylloge Nummorum Graecorum. Israel I. The Arnold Spaer Collection of Seleucid Coins. A. Houghton, A. Spaer, C. Lorber (eds.). Jerusalem–London, 1998.
SNR	–	Schweizerische Numismatische Rundschau
$Syll^3$		Sylloge inscriptionum graecarum // W. Dittenberger (ed.). 3rd ed., F. Hiller von Gaertringen, J. Kirchner, H. Rudolf Pomtow, E. Ziebarth (eds.). Leipzig 1915-1924
WSM	–	*Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. New York., 1941
ZPE	–	Zeitschift für Papyrologie und Epigraphik

Список использованных источников и литературы

Источники

Ключевые иконографические источники:

1. *Смирнов С.В., Захаров Е.В.* Монеты государства Селевкидов из российских коллекций. Каталог и исследование. Музейные собрания. Т. 1. М., 2024.
2. Coins of the Seleucid Empire. From the Collection of Arthur Houghton. A. Houghton (ed.). New York, 1983.
3. *Golenko V.K.* Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. I. The Reign of Seleucus I // Mesopotamia. 1993. Vol. XXVIII. P. 71–161.
4. *Golenko V.K.* Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. II. The Reigns of Antiochus I and Antiochus II (280–261 and 261–246 BC). III. The Reigns of Seleucus II, Antiochus Hierax and Seleucus III. IV. The Reign of Antiochus III (223–287 BC) // Mesopotamia. 1995. Vol. XXX. P. 51–203.
5. *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Bd. I. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein, 1991.
6. *Lorber C.* Coins of Ptolemaic Empire. New York, 2018.
7. *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. New York., 1938.
8. *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints: from Seleucus I to Antiochus III. New York., 1941.
9. *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Vol. I-II. Lancaster–London, 2002–2008.
10. *Kritt B.* Seleucid Coins of Bactria. Lancaster, 1996.
11. *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. Lancaster, 1997.
12. *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. Lancaster, 2016.
13. *Lindström G.* Uruk. Siegelabdrücke auf hellenistischen Tonbullen und Tontafeln. Mainz am Rhein, 2003.
14. *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxford, 1999.

15. Seleucia al Tigri. Le impronte di sigillo dagli Archivi / A. Invernizzi (ed.). Alessandria, 2004.
16. *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige // Chiron. 2006. 36. S. 369–378.
17. *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige II // Chiron. 2007. 37. S. 495–500.

ОНЛАЙН БАЗЫ ДАННЫХ И БАЗЫ АУКЦИОННЫХ КАТАЛОГОВ:

18. Seleucid Coins Online – http://numismatics.org/sco/
19. Ptolemaic Coins Online – https://numismatics.org/pco/
20. Pella. Coinage of the Kings of Macedonia – https://numismatics.org/pella/
21. Coin Hoards – https://coinhoards.org
22. Pondera Online – https://pondera.uclouvain.be
23. Silver – https://silver.kbr.be/SILVER
24. https://recherche.smb.museum
25. https://gallica.bnf.fr/services
26. https://leunumismatik.com/en/home
27. www.romanumismatics.com
28. https://www.cngcoins.com
29. https://www.biddr.com

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

30. Aristoteles. Oeconomica / Ed. B.A. van Groningen and A. Wartelle, Aristotle. Économique. Paris, 1968.
31. Aristoteles. Physiognomonica / Hrsg. S. Vogt. Berlin, 1999.
32. Aristotle. Parts of Animals, Movements of Animals, Progression of Animals / Transl. by A.L. Peck, E.S. Forster. Loeb Classical Library. Cambridge, 1998.
33. Flavius Arrianus. Alexandri anabasis / Ed. A.G. Roos, G. Wirth. Lpz, 1967.

34. Appiani historia Romana. Syriaca / Ed. P. Viereck et A. G. Roos. Editio stereotypa correctior addenda et corrigenda adiecit E. Gabba. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1962. P. 352–418.
35. Athenaeus. The Deipnosophists / With an Engl. Transl. by Ch.B. Gulick. Vol. 2. Books III from 106e–V. Cambridge– London, 1987; Vol. 3. Books VI–VII. Cambridge–London, 1983; Vol. 6. Books XIII–XIV to 635b. Cambridge– London, 1980.
36. Q. Curti Rufi Historiae Alexandri Magni / Rec. E. Hedicke. Lipsiae: Teubner, 1912.
37. Diodorus of Sicily. Library of History. Vol. 10. Books XIX. 66. 110 and XX / Transl. by R.M. Geer. Cambridge–London, 1983; Vol. 11. Fragm. of books XXI–XXXII / Transl. by F.R. Walton. Cambridge–London, 1980.
38. Die Fragmente der Griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Tl. 3. Geschichte von Städten und Völkern. Bd. B. Leiden: Brill, 1956.
39. Josephus. Collected Works. Vol. 9. Jewish Antiquites. Books. XII–XIII / Transl. by R. Marcus. Cambridge, 1998.
40. Iustinus. Trogi Pompei Historiarum Philippicarum Epitoma / Rec. I. Ieep. Lipsiae: Teubner, 1859; Prologi Historiarum Philippicarum Pompei Trogi // ibid. P. 221–233.
41. Ioannis Malalae chronographia / Ed. J. Thurn // Series Beroliensis. Vol. XXXV. B., 2000.
42. Libanii Opera / Ed. R. Foerster. Vol. II, fasc. 2: Orationes VI-XI. Leipzig, 1903.
43. Pausaniae Graeciae descriptio / Ed. F. Spiro. Vol. 1–3. Lipsiae, 1903.
44. Pliny. Natural History. Vol. IX: Books 33-35 / Transl. by H. Rackham. Loeb Classical Library 394. Cambridge, 1952.
45. Plutarchi Moralia. Vol. 2 / Ed. W. Nachstädt, W. Sieveking, J.B. Titchener. Lipsiae, 1971; Vol. 3 / Ed. W.R. Paton, M. Pohlenz, W. Sieveking. Lipsiae: Teubner, 1972.
46. Plutarchi Vitae parallelae / Rec. C. Sintenis. Vol. 2. Lipsiae: Teubner, 1867.

47. Plutarchi Vitae parallelae / Rec. Cl. Lindskog, K. Ziegler. Vol. 2. Fasc. 2. Lipsiae, 1968; Vol. 3. Fasc. 1. Lipsiae, 1971.
48. Polybius. Historiae / Ed. Th. Büttner-Wobst after L. Dindorf. Leipzig. 1893.
49. Strabo. The Geography of Strabo / With an Engl. Transl. by H.L. Jones. Vol. 5. Books X–XII. Cambridge–London, 1969.
50. Suidae Lexicon / Ed. A. Adler. Vol. 1. Lipsiae, 1928; Vol. 2. Lipsiae, 1931; Vol. 3. Lipsiae, 1933; Vol. 4. Lipsiae, 1935.
51. Арриан. Поход Александра / Пер. М.Е. Сергеенко. СПб., 1993.
52. Аристотель. Политика / Пер. С.А. Жебелева // Сочинения М., 1984.
53. Аппиан. Римская история / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1998.
54. Ксенофонт. Анабасис / Пер. М.И. Максимовой. М.–Л., 1951.
55. Курций Руф, Квинт. История Александра Македонского / Отв. ред. А.А. Вигасин. М., 1993.
56. Ливий Тит. История Рима от основания города / Пер. С.М. Смирина. М., 1989.
57. Лукиан Самосатский. Сочинения / Под. ред. А.И. Зайцева. СПб., 2001.
58. Павсаний. Описание Эллады / Пер. С.П. Кондратьева. Т. 1–2. М., 1994.
59. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Изд. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. Т. 1–2. М., 1994.
60. Плутарх. Застольные беседы / Под ред. Я.М. Боровского, М.Л. Гаспарова. Л., 1990.
61. Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф.Г. Мищенко. Т. 1–2. СПб., 1994–1997.
62. Полиэн. Стратегемы / Пер. А.К. Нефедкина. СПб, 2021.
63. Иоанн Стобей. Наставления о царской власти. Антология IV. 7. / Пер. И.Е. Суриков // Исторический Вестник. 2018. 26.
64. Страбон. География в 17 книгах / Пер. Г.А. Стратановского. М., 1994.
65. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши Цзи). Т. IX / Пер. А.Р. Вяткина. М., 2010.
66. Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г.Г. Генкеля. Т. 1. М., 1994.

67. Четыре Книги Маккавеев / Пер. Н.В. Брагинской, А.Н. Коваля, А.И. Шмаиной-Великановой. М., 2014.
68. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского // ВДИ. 1954. № 4. С. 187–239;
69. Прологи сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / Пер. А.А. Деконского, М.И. Рижского // ВДИ. 1955. № 1. С. 235–243.
70. Клавдий Элиан. Пестрые рассказы / Пер. С.В. Поляковой. М.-Л., 1963.

КЛИНОПИСНЫЕ ТЕКСТЫ:

71. *Sachs A.J., Hunger H.* Astronomical Diaries and Related Texts from Babylonia. T. I. Wien, 1988.
72. *Finkel I., van der Spek R.J.* Babylonian Chronicles of the Hellenistic Period (in print).

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ:

73. Sylloge inscriptionum graecarum // W. Dittenberger (ed.). 3rd ed., F. Hiller von Gaertringen, J. Kirchner, H. Rudolf Pomtow, E. Ziebarth (eds.). Leipzig 1915–1924
74. *Dittenberger W.* Orientis Graeci inscriptiones selectae. Vol. 1. Lipsiae: Hirzelium, 1903.
75. *Dittenberger W.* Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Vol. 1–2. Hildesheim–Zürich–New York, 1982.
76. *Rehm A., Wiegand Th.* Didyma. 2. Teil. Die Inschriften. B., 1958.
77. Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden.
78. *Welles C.B.* Royal Correspondence in the Hellenistic Period: A Study in Greek Epigraphy. L., 1934.
79. *Frisch P.* Die Inschriften von Ilion. Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien, 3. Bonn, 1975.

Список литературы

1. *Анохин А.С.* Внешняя и внутренняя политика Антиоха IV Эпифана. Дисс. На соискание канд. ист. наук. М., 2013.
2. *Атаходжаев А.Х.* Нумизматические данные к политической истории Согдианы IV–II вв. до н.э. // Scripta Antiqua. Древняя история, филология, искусство и материальная культура. Альманах. Т. 3. К юбилею Эдварда Васильевича Ртвеладзе / Отв. ред. М.Д. Бухарин. М., 2013. С. 243–279.
3. *Атаходжаев А.Х., Рапен К., Хасанов М.Х.* Об античных археологических горизонтах Сангиртепа (по поводу находки монеты Антиоха I) // Археология Узбекистана. 2014. № 2 (9). С. 87–98.
4. *Бабаев И.А., Казиев С.М.* Кабалинский клад монет эллинистической эпохи // Нумизматика и эпиграфика. 1971. Т. IX. С. 16–32.
5. *Балахванцев А.С., Гаджиев М.С.* Находки селевкидских и птолемеевских монет в Дагестане и проблема Каспийского водного пути // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 4. С. 230–240.
6. *Барт Р.* Риторика образа // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», 1994.
7. *Барт Р.* Воображение знака // Р. Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. Издательская группа «Прогресс», 1994. С. 246-250
8. *Берзон Е.М.* Деятельность и полномочия соправителя царя в Селевкидской Вавилонии: пример Антиоха I // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 3. С. 51–64
9. *Берзон Е.М.* Политическая история и институты власти в государстве Селевкидов (по данным клинописных текстов). Дисс. на соиск. ученой степени кандидата исторических наук. М., 2021.
10. *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М.: Наука, 1985.
11. *Быков А.А.* Пережитки античности на монетах Зенгидов и Ортокидов // Труды ГИМ. Нумизматический сборник. Ч. II. 1957. С.120–134.
12. *Бычков В.В.* Эстетика поздней античности (II–III века). М.: Наука, 1981.

13. *Вальдгауер О.Ф.* Этюды по истории античного портрета. Л.: ОГИЗ–ИЗОГИЗ, 1938.
14. *Васильева Т.М.* Александр в образе Гелиоса или Гелиос в образе Александра (к вопросу об интерпретации и атрибуции одного неизвестного памятника) // ВДИ. 2004. № 4. С. 136–153.
15. *Воробьев И.Ю.* Пеан в честь Антиоха I Сотера (Luc. Zeux.11): репрезентация идеологии династии Селевкидов // Via in tempore. История. Политология. 2020. 47 (2). С. 245–250.
16. *Габелко О.Л.* История Вифинского царства. СПб.: Гуманитарная академия, 2005.
17. *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1997.
18. *Гаджиев М.С.* Шаракунский клад (Дагестан) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М., 1999. С. 152–160.
19. *Гаибов В.А.* Диоскуры Дильберджина // ПИФК. 1. 2015. 384–402.
20. *Гончаров Е.Ю.* Лица и образы мусульманских монет (Ближний Восток, XII-XIII вв.) // Нумизматика. 2017. С. 82–109.
21. *Голенко В.К.* Монеты ранних Селевкидов в собрании Государственного исторического музея // ВДИ. 1985. № 1. С. 47–56.
22. *Голенко В.К.* Редкая медная монета Антиоха III в собрании государственного Эрмитажа // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 14–17.
23. *Голенко В.К.* Монетно-весовой дуализм Селевка I // ВДИ. 1996. 1. С. 100–117.
24. *Голенко В.К.* Материалы Кабалинского клада в свете формирования денежного обращения в Кавказской Албании // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 210–224.
25. *Горин А.Н.* Некоторые проблемы истории и нумизматики Северной Бактрии в свете новых открытий (по материалам монетных находок крепости

Узундара) // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 252–341.

26. *Дадашева С.А.* Основные черты денежного обращения Кавказской Албании // ВДИ. 1976. № 4. С. 79–88
27. *Дадашева С.А.* К проблеме изучения торговых связей Кавказской Албании // Нумизматический сборник. Тбилиси, 1977. С. 27–56.
28. *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Шлем Диодота Трифона: опыт нумизматического и археологического исследования // ВДИ. 3. 2023. С. 539–555.
29. *Дедюлькин А.В., Смирнов С.В.* Бог, герой, царь? Образ «неизвестного в шлеме» на монетах Селевка I // Stratum Plus. 2024. № 3. С. 291–307.
30. *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха IV Эпифана в Дагестане // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа (тезисы докладов) / Отв. за вып. В.Г. Котович. Махачкала, 1975. С. 63–65.
31. *Дзагурова В.П.* Монеты Антиоха Эпифана в Дагестане // Проблемы социально-экономического и политического развития Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. Р.М. Магомедов. Махачкала, 1978. С. 29–40.
32. *Дибвойз Н.* Политическая история Парфии. СПб.: Филологический факультет СПБГУ, 2008.
33. *Дорофеев Д.Ю., Савчук В.В., Светлов Р.В.* Иконография античных философов: история и антропология образов. СПб.: Платоновское философское общество, 2017.
34. *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н.э. Казань: Издательство казанского университета, 1980.
35. *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Новые бронзовые монеты государства Селевкидов из собрания Государственного исторического музея // ВДИ. 2021. № 4. С. 981–1014.
36. *Захаров Е.В., Смирнов С.В.* Клад селевкидсикх бронзовых монет из Южного Дагестана // ВДИ. 2024. № 1. С. 131–148.
37. *Зеймаль Е.В.* «Варварские подражания» как исторический источник // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XL. 1976. С. 56–61.

38. *Зеймаль Е.В.* Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 192–214.
39. *Зеймаль Е.В.* Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979.
40. *Зеймаль Е.В.* Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1983.
41. *Зеймаль Е.В.* Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 61–80.
42. *Зинченко С.* Ихтиоморфные изображения Атаргатис: миф или реальность? // Искусствознание. 2021. С. 8–23.
43. *Зограф А.Н.* Эволюция монетного типа и статуи на монетах // Труды Отделения искусствознания научно-исследовательского института искусств и археологии РАНИОН. Т. I. 1926.
44. *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.-Л.: Издательство академии наук СССР, 1950.
45. *Иванчик А.И.* Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. 4. С. 110–131.
46. *Инверницци А.* Селевкия на Тигре, греческая метрополия в Азии // ВДИ. 1990. 2. С. 174–186.
47. *Канторович Э.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Пер. англ. М.А. Бойцова и А.Ю. Серегиной. М.: Издательство института Гайдара, 2015.
48. *Кнапп Г.Ф.* Государственная теория денег. М.: Издательство института Гайдара, 2024.
49. *Коваленко С.А.* О проблеме подражания (копирования) в греческой нумизматике // ВДИ. 2007. 4. С. 115–123.
50. *Кошеленко Г.А.* Монетное дело Парфии при Митридате I // Нумизматика и эпиграфика. 1972. С. 79–102.
51. *Кошеленко Г.А.* Становление денежного обращения на эллинистическом востоке // РА. 2006. №3. С. 95–105.

52. *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии. Т. 3. М.: Восточная литература, 2010.
53. *Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р.* Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 84–110.
54. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001.
55. *Лотман Ю.М.* Портрет // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПБ, 2005.
56. *Мец Ф.* О возможных семантических параллелях «рогатым» лошадям Пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2013. С. 91–102.
57. *Мушегян Х.А.* Монетные клады Армении. Т. 1. Ереван: Издательство армянской АН СССР, 1973.
58. *Наймарк А.И.* О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. 2008. 1. С. 55–70.
59. *Настич В.Н.* Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Городская художественная культура Востока. М., 1990. С. 129–149.
60. *Наумова Е.С.* Аполлон и Гелиос в греческом мире: к проблеме отождествления богов в античной мифологии и религии. М.: Кнорус, 2024.
61. *Никитин А.Б., Гаибов В.А.* Селевкидские буллы в Эрмитаже // Hyranis. Труды Отдела классической археологии ИА РАН. Вып. 1. 2019. С. 119–141.
62. *Никоноров В.П.* Македонская кавсия на индо-иранском пограничье // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). СПб, 2019. С. 130–136.
63. *Новиков С.В.* Юго-Западный Иран в античное время. М.: Издательство московского государственного университета, 1989. С. 85–96.
64. *Османов Ф.* История и культура Кавказской Албании IV в. до н.э. – III в. н.э. (на основании археологических материалов). Баку: Тахсил, 2006.

65. *Пахомов Е.А.* Чеканка в Албании подражаний монетам македонским или селевкидским в I в. до н.э. Материалы по истории Азербайджана // Труды музея истории Азербайджана, т. V. Баку, 1962. С. 74–76.
66. *Пахомов Е.А.* Античные монеты в Албании (в пределах Азербайджанской ССР) // Вопросы истории Кавказской Албании / И. Алиев (ред.). Баку, 1962. С. 105–113.
67. *Панофский Э.* Этюды по иконологии. СПб: Азбука-классика, 2009.
68. *Потин В.М.* Монеты, клады, коллекции. Очерки нумизматики. СПб.: Искусство-СПБ, 1993.
69. *Пугаченкова Г.А.* Дионисийская тема в античном искусстве Средней Азии // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae.1967. P. 423–428.
70. *Ртвеладзе Э.В.* Селевкидские монеты Кампыртепа // Общественные науки в Узбекистане. 1989. № 2. С. 47–49.
71. *Ртвеладзе Э.В.* Древние монеты Средней Азии. Ташкент: Издетельство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1987.
72. *Ртвеладзе Э.В., Горин А.Н.* Эллинистические монеты Кампыртепа // ВДИ. 2011. № 4. С. 180–210.
73. *Расулова М.М.* Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку: Мутарджим, 2008.
74. *Сергеев А.Я.* Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции Сергеева А.Я. в ГИМ. М.: Издательство ГИМ, 2012.
75. *Смирнов С.В.* Первый опыт соправительства в государстве Селевкидов // Вестник древней истории. 2009. № 4. С. 159–168.
76. *Смирнов С.В.* «Говорящие головы»: модусы нарративности царского монетного портрета эпохи эллинизма // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2020. 2. С. 251–266.
77. *Смирнов С.В.* Царские весовые гири Селевкидов: обзор проблемы / ПИФК. 2. 2022. С. 142–151.

78. *Смирнов С.В., Захаров Е.В.* Монеты государства Селевкидов из российских коллекций. Каталог и исследование. Музейные собрания. Т. 1. М.: АНО МНК, 2024.
79. *Стрелков А.В.* Fulminating Athena на афинских бронзовых монетах II в. до н.э. // Двадцать вторая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. Смоленск, 2023. С. 9–11.
80. *Трофимова А.А.* Imitatio Alexandri. Портреты Александра Македонского и мифологические образы в искусстве эллинизма. СПб.: Издательство государственного Эрмитажа, 2012.
81. *Трофимова А.А.* Существовал ли портрет в античном мире? К проблеме жанра // Актуальные проблемы теории и истории искусства. Вып. 7. СПб, 2017. С. 39–50.
82. *Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987.
83. *Хабихт Г.* Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.: Ладомир, 1999.
84. *Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе / Пер. В.А. Сеферьянц. М.: Прогресс, 1984.
85. *Шагурина Г.Б.* Происхождение некоторых изображений на монетах Артукидов // Stratum plus. 2000. 6. С. 178–183.
86. *Ager S.* the Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // Antropologica. 2006. 2. P. 165–186.
87. *Ager S., Hardiman C.* Femail Seleukid Portraits: Where Are They? // Seleukid Royal Women. Creation, Representation and Distortion of Hellenistic Queenship in the Seleukid Empire / A. Coskun, A. McAuley (eds.). Stuttgart, 2016. P. 143–172.
88. *van Alfen P.* Problems in Ancient Imitative and Counterfeit Coinage // Making, Moving and Managing: the New World in Ancient Economies, 323-31 BC. / Z. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen (eds.). London, 2005. P. 322–354.

89. *Alföldy M.* Antike Numismatik. Main am Rhein: Verlag Phipipp von Zabern, 1978.
90. *Alinezhad Z., Dehpahlavan M., Lamei Rashti M., Oliaiy P.* Elemental Analysis of Seleucid's Silver Coins from Hamadan Museum by PIXE Technique // Radiation Physics and Chemistry. 2019. P. 165–174.
91. *Amitay O.* Dionysos in Jerusalem and the Historicity of 2 Macc 6:7 // Harvard Theological Review. 2017. P. 265–279.
92. *Anagnostou-Laoutides E.* Zeus and Apollo in the religious program of the Seleucids // Australian Society for Classical Studies. 33. Melbourne, 2012. P. 1–23.
93. *Anagnostou-Laoutides E.* The King-Ship of the Seleukids: An Alternative Paradigm for the Anchor Symbol // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 65–92.
94. *Anagnostou-Laoutides E., Pfeiffer S.* Introduction. Un-Framing Seleukid Ideology // Culture and Ideology under the Seleukids. Unfraiming a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 1–20.
95. *Antela-Bernárdez B.* The Anchor and the Crown. Seleucos' Use of the "Anchor" Coin Type in 305 B.C. // Athenaeum. 2009. 97 P. 294–297.
96. *Aperghis G.G.* the Seleukid Royal Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
97. *Aperghis G.G.* The Armed Forces of Seleukos I, with Help from Coins // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics, Studies in Honor of Getzel M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin, 2020. P. 1–30.
98. *Ariel D.T.* Archaeological Evidence for the Siege of Jerusalem by Antiochus VII Sidetes // Les derniers Séleucides et leur territoire. Actes du colloque international organisé à Nancy les 20 -22 novembre 2019 (Études nancéennes d'histoire grecque 4) / In C. Feyel, L. Graslin (eds.). Nancy-Paris. P. 232–279.
99. *Ashton R.* The Hellenistic World: the Cities of Mainland Greece and Asia Minor // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 191-210.

100. *Assar G.* A Revised Parthian Chronology of the Period 165–91 BC // Electrum. 11. 2006. P. 87–158.
101. *Assar. G.* The Date of the Battle at the River Lycus. Antiochus VII Defeat the Parthian General Indates on Friday 12 June 130 BC // Ancient Iranian Numismatics. In Memory of D. Sellwood / M. Faghfoury (ed.). Irvine, 2020. P. 7–57.
102. *Assar G.* A New Hellenistic Ruler from Early Ist Century BC: King Hippokrates Autokrator Nikephoros // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. P. 339–341.
103. *Atkinson K.* A History of Hasmonean State. Josephus and beyond. L. – N.Y.: Bloomsbury T&T Clark, 2016.
104. *Babelon E.* Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène. P.: Rollin & Feuardent, 1890.
105. *Baldus H.* Der Helm des Tryphon und die Seleukidische Chronologie der Jahre 146–138 // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1970. P. 217–239.
106. *Balty* J.C. Antioche, centre d'art sous Séleucos I Nicator // TOPOI. Occident–Orient. Suppl. 5. 2004. P. 11–19.
107. *Barkay R.* Coinage of the Nabateans. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem, 2019.
108. *Bauslaugh R.* The Unique Portrait Tetradrachm of Eumenes II // American Numismatic Society Museum Notes. 1982. P. 39–51.
109. *Beckmann M.* Trajan and Hadrian // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 405–422.
110. *Bellinger A.R.* The Bronze Coins of Timarchus 162-0 BC // American Numismatic Society Museum Notes. 1945. P. 37–44.
111. *Bellinger A.R.* The Excavations at Dura Europos: Final Report VI, The Coins. New Haven: Yale University Press, 1949.
112. *Bellinger A.R.* Coins from the Treasure of the Oxus // American Numismatic Society Museum Notes. 1962. P. 51–67.
113. *Ben-Dor S.* Some New Seleucid Coins // PEQ. 1946. P.

114. *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum, IV, Les monnaies hors trésors. Questions d'histoire gréco-bactrienne. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan, 28. P.: De Boccard, 1985.
115. *Bernard P.* I. Une légende de fondation hellénistique: Apamée sur l'Oronte d'après les Cynégétiques du Pseudo-Oppien. II. Paysages et toponymie dans le Proche-Orient hellénisé // TOPOI. Orient-Occident. 1995. Vol. 5/2. P. 353–408.
116. *Billows R.* Kings and Colonists. Aspects of Macedonian Imperialism. L.: Brill, 1995.
117. *Billows R.* Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkley–Los Angeles–Oxford: University of California Press, 1997.
118. *Bodzek J.* Achaeminid Asia Minor: Coins of the Satraps and of the Great King // Proceedings of the First International Congress of the Anatolian Monetary History and Numismatics 25-28 Fenruary 2013 / K. Dörtlük, O. Tekin, R. Boyraz Seyhan (eds.). Antalya, 2014. P. 59–78.
119. *Bodzek J. Romanowski A.,* Coin and Empire. From the Achaemenids to the Hellenistic Kingdoms. Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie, 2017.
120. *Boehringer Ch.* Zur Chronologie Mittelhellenistischer Munzserien 220–160 V. Chr. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1972.
121. *Boehringer Ch.* Immobilisierte Münztypen // Nomisma. La circulation monétaire dans le monde grec antique. Actes du colloque international, Athènes, 14 – 17 avril 2010 / Th. Faucher, M.-Ch. Marcellesi, O. Picard (eds.). Athens – Paris, 2011. S. 15–25.
122. *Boillet P.-Y.* Ecbatane et la Médie d'Alexandre aux Arsacides (c. 331 a.C. - c. 224 p.C.). Histoire monétaire et économique. PhD dissertation. Bordeaux, 2009.
123. *Boiy T.* Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven: Peeters, 2004
124. *Boiy T., Mittag P.F.* Die localen Eliten in Babylonien // Lokale Eliten und hellenistische Könige / B. Dreyer, P.F. Mittag (Hrsg.). Berlin, 2011. S. 105–131.
125. *Bosnakis D., Hallof K.* Alte und neue Inschriften aus Kos VI // Chiron. 2020. S. 287–326.

126. *Boussac M.-F.* Sceaux publics, Apollon, Helios, Arternis, Hecate. Les Sceaux de Délos I. P.: École française d'Athènes, 1992.
127. *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. Paris: Bibliothèque nationale, 1993.
128. *Bopearachchi O.* Sophytes, the Enigmatic Ruler of Central Asia // Nomismatika chronika. 1996. P. 19–32.
129. *Bosworth A.B.* The Legacy of Alexander: Politics, Warfare and Propaganda under the Successors. Oxford: Oxford University Press, 2002.
130. *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides (323-64 avant J.-C.). P.: Leroux, 1913–1914.
131. *Briant P.* L'Asie mineur en transition // La transition entre l'empire achéménide at les royaumes hellénistiques / P. Briant, F. Joannès (eds.). P., 2006. P. 309–351.
132. *Brodersen K.* Appianis abriss der Seleukidengeschichte. Text und kommentar. München: Editio Maris, 1989.
133. *Brouwer R.* Polybius and the Stoic Tyche // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 51. 2011. P. 111–132.
134. *Brown B.* Ptolemaic Paintings and Mosaics and the Alexandrian Style. Cambridge: Archaeological Institute of America, 1957.
135. *Brue A.* Séleukos Ier et le culte de Zeus *Nikatôr* // Electrum. 2023. P. 197–209.
136. *Bunge J.G.* Münzen als Mittel politischer Propaganda: Antiochos IV. Epiphanes von Syrien // Studii Classice. 1974. S. 43–52.
137. *Bunge J.G.* "Theos Epiphanes" zu den ersten fünf Regierungsjahren des Antiochos IV. Epiphanes // Historia. 1974. S. 57–85.
138. *Bunge J.G.* Antiochos Helios: Methoden und Ergebnisse der Reichspolitik Antiochos' IV. Epiphanes von Syrien im Spiegel seiner Münzen // Historia. 1975. 24. S. 164–188.
139. *de Callataÿ F.* À propos du volume des émissions monétaires dans l'Antiquité // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillographie. 1984. P. 37–48.

140. *de Callataÿ F.* Les trésors achéménides et les monnayages d'Alexandre: espèces immobilisées et espèces circulantes? // Revue des Études Anciennes. 1989. 2. P. 259–274.
141. *de Callataÿ F.* Calculating Ancient Coin Production: Seeking a Balance // NC. 1995. P. 289–312.
142. *de Callataÿ F.* Recueil quantitatif des émissions monétaires hellénistiques. Wetteren: Éditions numismatique romaine, 1997.
143. *de Callataÿ F.* L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve: Departement d'archeologie et d'histoire de l'art, 1997.
144. *de Callataÿ F.* Royal Hellenistic Coinages: From Alexander to Mithradates // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 175–190.
145. *de Callataÿ F.* Control Marks on Hellenistic Royal Coinages: Use, and Evolution towards Simplification? // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillographie. 2012. P. 39–62.
146. *de Callataÿ F.* Problèmes de terminologie en numismatique Grecque: la classification en périodes, séries, classes, émissions, etc. // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillographie. 2013. P. 1–32.
147. *de Callataÿ F.* Greek Coin Types in Context: A Short State of the Arts // Pharos. 2016. 1. P. 115–141.
148. *de Callataÿ F.* De quoi les monnaies grecques trouvées en fouilles sont-elles le reflet? Propos diachroniques de méthode // Les monnaies de fouille du monde grec (VI-I s. a. C.). Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjen (eds.). Bordeaux, 2016. P. 239–261.
149. *de Callataÿ F.* L'iconographie des monnaies grecques: brève historiographie et présentation des principales problématiques // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liege, 2018. P. 29–56.

150. *de Callataÿ F.* Money and its Ideas. State Control and Military Expenses // A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019. P. 43–61.
151. *de Callataÿ F.* Did the Seleucids Found New Cities to Promote Coinage? // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics. Studies in Honor of G.M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin – Boston, 2020. P. 561–573.
152. *de Callataÿ F., Lorber C.* Pattern of Royal Epithets on Hellenistic Coinages // More than Men, less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Conference organized by the Belgian School at Athens, 1-2 November 2007 / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Studia Hellenistica 51. Leuven, 2011. P. 417–455.
153. *Caltabiano M.* Image as Word and Decoding Coin Images. The Lexicon Iconographicum Numismaticae Classicae et Mediae Aetatis (LIN) // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liege, 2018. P. 77–97.
154. *Caltabiano M., Salamone G., Puglisi M., Carroccio B., Sisalli B., Celesti A., Nucita A.* DIANA: an Approach to Coin Iconography According to Time and Space Through Digital Maps // Proceedings of Digital Heritage International Congress, Marseille, France, Oct. 28 – Nov. 1, 2013. Marseille, 2013. P. 413–416.
155. *Caneva S.* Traveling Epiclesis: Hellenistic Royal Epithets in Multicultural Milieus // Recerche Ellenistiche. 2021. 2. P. 77–106.
156. *Caneva S.* The Power of Naming. Studies in the Epicletic Language of Hellenistic Honours. Liège: Presses universitaires de Liège, 2023.
157. *Capdetrey L.* Le pouvoir séleucide. Territoire, administration, finances d'un royaume hellénistique (312–126 avant J.–C.). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2007.
158. *Carter M.* The Roman Spectacles of Antiochos IV Epiphanes at Daphne 166 BC // Nikephoros. 2001. P. 45–62.

159. *Ceccarelli P.* Kings, Philosphers and Drunkards: Athenaeus' Information on the Seleucids // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Weisbaden, 2011. P. 161–177.
160. *Chaniotis A.* Sich selbst feiern? Städtische Feste des Hellenismus im Spannungsfeld von Religion und Politik // Stadtbild und Bürgerbild im Hellenismus / M. Wörrle, P. Zanker (eds.) Munich, 1995. S. 147–163.
161. *Charbonneaux J., Laumonier A.* Trois portraits d'Alexandre I Balas // BCH. 1955. P. 528–538.
162. *Chrubasik B.* Kings and Usurpers in the Seleukid Empire. The Men Who Would Be a King. Oxford: Oxford University Press, 2016.
163. *Chrubasik B.* Power and Politics // A Cultural History of Memory in Antiquity / B. Dignas (ed.). 2022. P. 17–50.
164. *Clement J.* L'énigmatique disparition du corégent Séleucos: expérience triarchique et conflit dynastique sous le règne d'Antiochos Ier Sôter // Historia. 2020. P. 408–440.
165. *Cohen G.M.* The Hellenistic Settlement in Syria, the Red Sea Basin and North Africa. Berkley–Los Angeles–London: University if Chicago Press, 2006.
166. *Cole S.* Negotiating Identity through the Architecture and Interior Decoration of Elite Households in Ptolemaic Egypt // Arts. 2022. P. 19–23.
167. *Cole S.* Seleucid and Ptolemaic Imperial Iconography in the Syrian Wars (274-168 BCE): The Role of Dynastic Women // Iran and Transformation of Ancient Near Eastern History: the Seleucids (ca. 312-150 BCE) / T. Daryaee, R. Rollinger, M. Canepa (eds.). Wiesbaden, 2023. P. 49–85.
168. *Coloru O.* Da Alessandro a Menandro. Il regno Greco di Battriana. Pisa – Roma: Fabrizio Serra Editore, 2009.
169. *Coqueugniot G.* Archival Practices of the 'Chreophylakes' at Dura-Europos // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 179–192.

170. *Coşkun A.* Deconstructing a Myth of Seleucid History: The So-Called ‘Elephant Victory’ // Phoenix. 2012. P. 57–73.
171. *Coşkun A.* The War of Brothers, the Third Syrian War, and the Battle of Ankyra (246–241 BC): a Re-Appraisal // The Seleukid Empire, 281-222 BC. War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 197–252.
172. *Coşkun A*. The First Seleukid Benefactions in Miletos and the Creation of a Dynastic Ideology // Seleukid Ideology: Creation, Reception and Response / A. Coşkun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 93–111.
173. *Cox D.* Gordion hoards III, IV, V and VII // American Numismatic Society Museum Notes. 1966. P. 51–55.
174. *Crawford M.* Roman Republican Coinage. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
175. *Cribb J.* Money as a Marker of Cultural Continuity and Change in Central Asia // After Alexander. Central Asia before Islam / J. Cribb, G. Herrmann (eds.). Oxford, 2007. P. 332–375.
176. *Cribb J.* Money as Metaphor 4a // NC. 2009. P. 461–529.
177. *Curtis J.E., Tallis N.* Forgotten Empire: The World of Ancient Persia. L.: The British Museum Press, 2005.
178. *Dahmen K.* Die verwundenen Füllhörner des Alexander II. Zabinas // Quaderni ticinesi di numismatica e antichità classiche. 2003. P. 171–183.
179. *Dahmen K.* Alexander und das Diadem. Die archäologische und numismatische Perspektive // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 281–292.
180. *Dahmen K.* The Legend of Alexander the Great on Greek and Roman Coins. London – New York: Routledge, 2016.
181. *Dambrowa E.* Philhellen. Mitridate Ier et les Grecs // Electrum. 2. 1998. 35–44.
182. *Dambrowa E.* L’expédition de Démétrios II Nicator contre les Parthes (139–138 avant J.-C.) // Parthica. 1. 1999. P. 9–16.

183. *Dambrowa E.* Les aspects politiques et militaires de la conquête parthe de la Mésopotamie // Electrum. 10. 2005. P. 73–88.
184. *Dambrowa E.* The Hasmoneans and Their State. A Study in History, Ideology, and the Institutions. Kraków: Jagellonian University Press, 2010.
185. *Davesne A., Le Rider G.* Le trésor de Meydancikkale. Gülnar II. P.: Édition Recherche sur les Civilisations, 1989.
186. *Davis G., Llewelyn S.* Antiochus IV Epiphanes in Athens // New documents illustrating early Christianity: a review of the Greek inscriptions and papyri published between 1988 and 2005 / S. Llewelyn, J. Harrison, E. Bridge (eds.). North Ryde, 2012. P. 87–91.
187. *Debord P.* Le cult royale chez le Séleucides // L'Orient méditerranéen de la mort d'Alexandre aux campagnes de Pompée (Actes du colloque international de la SOPHAU). 2003. P. 281-308.
188. *Dillon S.* Ancient Greek Portrait Sculpture. Contexts, Subjects and Styles. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
189. *Dodd R. Coinage and Conflict: The Manipulation of Seleucid Political Imagery.* PhD thesis. University of Glasgow, 2009.
190. *Downey G.* A History of Antioch in Syria. From Seleucus to the Arab Conquest. Princeton: Princeton University Press, 1961.
191. *Doyen C.* Le système monétaire et ponderal d'Antiochos IV // Le projet politique d'Antiochos IV. Actes des journées d'études francoallemandes. Nancy, 17–19 juin 2013 / C. Feyel, L. Graslin-Thomé (eds.). Nancy-Paris, 2014. P. 261–299.
192. *Duncan-Jones R.* Implications of Roman Coinage: Debates and Differences // Klio. 2005. P. 459–487.
193. *Dürr N.* Das Horn des Demetrios II // Schweizur Münzblätter. 1978–1982. S. 7–9.
194. *Duyrat F.* La circulation monétaire dans l'Orient séleucide (Syrie, Phénicie, Mésopotamie, Iran) // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 381–424.

195. *Duyrat F.* Wealth and Warfare: The Archaeology of Money in Ancient Syria. Numismatic studies 34. New York: American Numismatic Society, 2016.
196. *Eckhel J.H.* Doctrina Numorum Veterum. Vol. III. Vindobonae: Sumptibus J. Camesina, 1792.
197. *Edelmann-Singer B.* Material Culture, Ritual Performance, and Seleukid Rule: Antiochos IV and the Procession at Daphne in 166 BCE // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 115–134.
198. *Ehling K.* Alexander II Zabinas: Ein angeblicher (Adoptiv) Sohn des Antiochos VII oder Alexander I Balas? // Schweizurische Münzblätter. 1995. S. 2–7.
199. *Ehling K.* Zu einer Bronzemünze des Alexander II. Zabinas // Schweizurische Münzblätter. 1996. S. 85–89.
200. *Ehling K.* Überlegungen zur Herkunft und Bedeutung des Helms auf den Münzen Antiochos' Vl. und Tryphons // Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. 1997. S. 21–27.
201. *Ehling K.* Eine seleukidische Münzstätte in Areia (Artakoana/Alexandreia) // SNR. 1997. S. 29–39.
202. *Ehling K.* Untersuchungen zur Geschichte der späten Seleukiden (164-63 v. Chr.). Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2008.
203. *Ehling K.* Hellenistische König emit Elefantenexuvie // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 316–323.
204. *Elkins N.* Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century // Coin in Context I. New perspectives for the interpretation of coin find / H.-M. von Kaenel, F. Kemmers (eds.). Mainz am Rhein, 2009. P. 25–46.
205. *Elkins N.* Monuments in Miniature. Architecture on Roman Coinage. New York: American Numismatic Society, 2015.
206. *Elkins N.* Money, Art and Representation: A Look at the Roman World //A Cultural History of Money in Antiquity / S. Krmnicek (ed.). New York, 2019. P. 105–121.

207. *Erickson K.* Apollo-Nabû: The Babylonian Policy of Antiochus I // Seleucid Dissolution: The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Weisbaden, 2011. P. 75–90.
208. *Erickson K.* Seleucus I, Zeus and Alexander // Every Inch a King. Comparative Studies on Kings and Kingship in the Ancient and Medieval Worlds / L. Mitchell, Ch. Melville (eds.). Leiden, 2013. P. 109–127.
209. *Erickson K.* Zeus to Apollo and Back Again: Shifts in Seleucid Policy and Iconography // Art in the Round: New Approaches to Ancient Coin Iconography / N.T. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 97–108.
210. *Erikson K.* Antiochus Soter and the Third Syrian War // The Seleukid Empire, 281-222 BC. War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 253–273.
211. *Erickson K.* Where are the Wives? Royal Women in Seleukid Cult Documents // Rome and the Seleukid East Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015 / A. Coskun and D. Engels (eds.). Brussels, 2019. P. 135–156.
212. *Erickson K.* The Early Seleukids, their Gods and their Coins. London – New York: Routledge, 2019.
213. *Erickson K.* Royal Propaganda and Creation of Royal Status for Seleukos I // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 33–60.
214. *Erickson K.* Finance and Coinage // A Cambridge Companion to Alexander the Great / D. Ogden (ed.). Cambridge, 2024. P. 273–289.
215. *Erickson K., Wright N.L.* The “Royal Archer” and Apollo in the East: Greco-Persian Iconography in the Seleukid Empire // Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress: Glasgow 2009 / N. Holmes (ed.). Glasgow, 2011. P. 163–168.
216. *Esty W.W.* How to Estimate the Original Number of Dies and the Coverage of a Sample // NC. 2006. 166. P. 359–364.

217. *Esty W.W.* The Geometric Model for Estimating the Number of Dies // Quantifying Monetary Supplies in Greco-Roman Times / F. de Callataÿ (ed.). Bari, 2011. P. 43–58.
218. *Faucher T., Téreygeol F., Brousseau L., Arles A.* À la recherche des ateliers monétaires grecs: l'apport de l'expérimentation // RN. 2009. P. 43–80.
219. *Faust S.* Image and Authority. Imperial Art and Authority: Rome // The Oxford Handbook of Roman Imagery and Iconography / L. Cline, N. Elkins (eds.). Oxford, 2022. P. 114–138.
220. *Finkielsztejn G.* Témoignages sur les agoranomes du Levant à l'époque hellénistique // Agoranomes et édiles Institutions des marchés antiques / L. Capdetrey, C. Hasenohr (eds.). Bordeaux, 2012. P. 131–154.
221. *Finkielsztejn G.* The Weight Standards of the Hellenistic Levant I. The Evidence of the Syrian Scale Weights // Israel Numismatic Research. 2014. 9. P. 61–94.
222. *Fischer T.* Untersuchungen zum Partherkrieg Antiochos' VII. im Rahmen der Seleukidengeschichte. PhD Dissertation. Tübingen, 1970.
223. *Fischer Th.* Zu Tryphon // Chiron. 1972. S. 201–214.
224. *Fischer Th.* The Horn of Demetrius II, Seleucid King in Syria // Coins and Antiquities. 1976. 53. P. 7–12.
225. *Fischer T.* Molon und seine Münzen (222–220 v. Chr). Bochum: Studienverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1988.
226. *Fischer-Bossert W.* The Athenian Decadrachm. New York: American Numismatic Society, 2008.
227. *Fischer-Bossert W.* Hermeneutik griechischer Münzbilder // Jahrbuch für Numismatik und Geldeschichte. 2019. 69. S. 49–61.
228. *von Fritze H.* Die Elektronprägung von Kyzikos: eine chronologische Studie // Nomisma. 1912. S. 1–38.
229. *Flament Ch.* Contribution à l'étude des ateliers monétaires grecs. Étude comparée des conditions de fabrication de la monnaie à Athènes, dans le

Péloponnèse et dans le royaume de Macédoine à l'époque classique. Louvain-la-Neuve: Association de numismatique Marcel Hoc, 2010.

230. *Fleischer R.* Die Tyche des Demetrios I von Syrien // Archäologischer Anzeiger. 1986. S. 699–706.
231. *Fleischer R.* Physiognomie, Ideologie, dynastische Politik. Porträts seleukidischer Könige // Akten des XIII. Internationalen Kongress für klassische Archäologie, Berlin 1988. Mainz, 1990. S. 33–36.
232. *Fleischer R.* Portraits of Hellenistic rulers on bullae // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 312–326.
233. *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Bd. I. Herrscherbildnisse. Mainz am Rhein: Deutsches Archàologisches Institut, Verlag Philipp von Zabern, 1991.
234. *Fleischer R.* Hellenistic Royal Iconography on Coins // Aspects of Hellenistic Kingship / P. Bilde (ed.). Aarchus, 1996. P. 28–40.
235. *Foldvari P., Iossif P., van Leeuwen B.* Coin Diffusion Patterns in the Seleucid Empire: A Statistical Analysis // Archaeological and Anthropological Sciences. 2022. P. 1–8.
236. *Fowler R., Hekster O.* Imaging Kings: From Persia to Rome // Imaginary Kings: Royal Images in the Ancient Near East, Greece and Rome / O. Hekster, R. Fowler (eds.). Stuttgart, 2005. P. 11–38.
237. *Foy-Vaillant J.* Seleucidarum imperium, sive historia regum Syriae ad fidem numismatum accommodate. Lutetia Parisiorum: Excudebat Ludovicus Billaine, 1681.
238. *Franchi E.* Media and Technology: Mediatic Frameworks of Memories in Ancient Times // A Cultural History of Memory in Antiquity / B. Dignas (ed.). 2022. P. 51–64.
239. *Fredricksmeyer E.A.* Alexander the Great and the Macedonian Kausia // Transactions of the American Philological Association. 1986. P. 215–227.

240. *Fredricksmeyer E.A.* The Kausia: Macedonian or Indian? // Ventures into Greek History / Worthington I. (ed.). Oxford – New York, 1994. P. 135–158.
241. *Fredricksmeyer E.A.* The Origin of Alexander's Royal Insignia // Transactions of the American Philological Association. 1997. P. 97–109.
242. *Gardner P.* A Catalogue of the Greek Coins in the British Museum. Catalogue of Greek Coins. The Seleucid Kings of Syria. L.: Longmans and Co., 1878.
243. *Garstad B.* The Tyche Sacrifices in John Malalas: Virgin sacrifice and fourth-century polemical history // Illinois Classical Studies. 2005. P. 83–136.
244. *Gatier P.-L.* Poids et vie civique du Proche-Orient hellénistique et romain // DHA. 2014. Suppl. 12. P. 125–162.
245. *Gell A.* Art and Agency. An Anthropological Theory. Oxford: Clarendon Press, 1998.
246. *Gera D.* Tryphon's Sling Bullet from Dor // Israel Exploration Journal. 1985. 2/3. P. 153–163.
247. *de Grigori A.* Ancient Antioch. From the Seleucid Era to the Islamic Conquest. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
248. *de Giorgi A., Eger A.* Antioch. A History. London – New York: Routledge. 2021.
249. *Glenn S.* Money and Power in Hellenistic Bactria. New York: American Numismatic Society, 2020.
250. *Glew D.G.* The Cappadocian expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia // American Numismatic Society Museum Notes. 1987. P. 23–55.
251. *Göbl R.* Antike Numismatik. München: Battenberg Verlag, 1978.
252. *Golenko V.K.* Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. I. The Reign of Seleucus I // Mesopotamia. 1993. Vol. XXVIII. P. 71–161.
253. *Golenko V.K.* Notes on the Coinage and Currency of the Early Seleucid State. II. The Reigns of Antiochus I and Antiochus II (280–261 and 261–246 BC). III. The Reigns of Seleucus II, Antiochus Hierax and Seleucus III. IV. The Reign of Antiochus III (223–287 BC) // Mesopotamia. 1995. Vol. XXX. P. 51–203.

254. *Gombrich E.* Art and Illusion. A Study of Psychology of Pictorial Representation. L.: Pantheon Books, 1984.
255. *Grainger J.D.* Hellenistic Poenicia. Oxford: Clarendon Press, 1991.
256. *Grainger J.D.* Seleukid Prosopography and Gazetter. Leiden – New York – Koln: Brill, 1997.
257. *Grainger J.D.* The Syrian Wars. Leiden – Boston: Brill, 2010.
258. *Grainger J.D.* The Seleukid Empire of Antiochus III (223-187 BC). Barnsley: Pen and Sword Military, 2015.
259. *Grainger J.D.* The Fall of the Seleukid Empire 187-75 BC. Barnsley: Pen and Sword Military, 2015.
260. *Gross R.* Hellenistic Royal Iconography in Glyptics. PhD thesis. New Jersey, 2008.
261. *Gupta P.L., Hardaker T.R.* Punchmarked Coinage of the Indian Subcontinent. Magadha-Mayrian Series. Mumbai: IIRNS Publications LLP, 2014.
262. *Haake M.* Diadem und *basileus*. Überlegungen zu einer insignie und einem titel in hellenistischer Zeit // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 293–313.
263. *Habicht Ch.* Athen und die Seleukiden // Chiron. 1989. S. 7–26.
264. *Hadipour Moradi S., Sodaei B.* Some Unpublished Drachms of Demetrius I from the Eastern Mints // NC. 2021. P. 31–38.
265. *Hadley* R.A. Hieronymus of Cardia and early Seleucid mythology // Historia. 1969. P. 142–152.
266. *Hadley R.* Royal propaganda of Seleucus I and Lysimachus // JHS. 1974. P. 50–65.
267. *Hadley R.* Seleucus, Dionysos, or Alexander // NC. 1974. P. 9–13.
268. *Hameeuw H, van Overmeire S.* The Seleucid bullae from Uruk in the Royal Museums of Art and History, Brussels // Mesopotamia. 59. 2014. P. 113-142

269. *Hau L.* Tyche in Polybius: Narrative Answers to a Philosophical Question // Histos. 5. 2011. P. 183–207.
270. *Havelock Ch.* The Archaistic Athena Promachos in Early Hellenistic Coinages // American Journal of Archaeology. 1980. P. 41–50.
271. *Hekster O.* Coins and Messages. Audience and Targeting on Coins of Different Denominations? // The Representation and Perception of Roman Imperial Power / L. de Bois, P. Erdkamp, O. Hekster, G. de Kleijn, S. Mols (eds.). Amsterdam, 2003. P. 20–35.
272. *Helliesen J.M.* Demetrius I Soter: a Seleucid King with an Antigonid Name // Ancient Macedonian Studies in Honor of Charles F. Edson. Thessaloniki, 1981. P. 219–228.
273. *Herbert S.* Snowflakes and Quicksand. A Survey of Hellenistic Sealing Practices // Hellenistic Sealings and Archives. Proceedings of the Edfu Connection an International Conference. Studies in Classical Archaeology 10 / B. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Tunhout, 2021. P. 131–148.
274. *Hermann A.A.* Hellenistic Portrait Head // The J. Paul Getty Museum Journal. 1993. P. 29–42.
275. *Hicks J.* Hollow archives: Bullae as a source for understanding administrative structures in the Seleukid Empire. PhD Thesis. London, 2016.
276. *Hintzen-Bohlen B.* Herrscherrepräsentation im Hellenismus. Wien: Böhlau, 1992.
277. *Hirt A.* Beyond Greece and Rome: Foundation Myths on Tyrian Coinage in the Third Century AD // Foundation Myths in Ancient Societies: Dialogues and Discourses / N. McSweeney (ed.). Pennsylvania, 2015. P. 191–226.
278. *von den Hoff R.* Naturalism and Classicism. Style and Perception of Early Hellenistic Portraits // Early Hellenistic Portraiture. Image, Style, Context / P. Schultz, R. von den Hoff (eds.). Cambridge, 2007. P. 49–62.
279. *von den Hoff R.* The Visual Representation of Ptolemaic and Seleucid Kings. A Comparative Approach to Portrait Concepts // Comparing the Ptolemaic and

Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 165–190.

280. *Holt F.L.* The So-Called ‘Pedigree Coins’ of the Bactrian Greek // Ancient Coins of Greco-Roman World. The Nickle Numismatic Papers. 1984. P. 69–91.
281. *Holt F.L.* The Treasures of Alexander the Great: How One Man’s Wealth Shaped the World. Oxford: Oxford University Press, 2016.
282. *Hoover O.* Notes on Some Imitation Drachms of Demetrius I Soter from Commagene // AJN. 1998. 10. P. 71–94.
283. *Hoover O.* Three Seleucid Notes. 2. A Unique Tetradrachm of Demetrius II Nikator at Seleucia-in-Pieria // AJN. 2000. P. 102–107.
284. *Hoover O.* Quasi-municipal coinage in Seleucid Apamea: Countermarks and counterrevolution // SNR. 2001. 21–34.
285. *Hoover O.* The Identity of the Helmeted Head on the ‘Victory’ Coinage of Susa // SNR. 2002. 81. P. 51–60.
286. *Hoover O.* The Seleucid Coinage of John Hyrcanus I: the Transformation of a Dynastic Symbol in Hellenistic Judea // AJN. 2003. P. 29–39.
287. *Hoover O. Ceci n’est pas l’autonomie.* The coinage of Seleucid Phoenicia as royal and civic power discourse // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 485–508.
288. *Hoover O.* Anomalous Tetradrachms of Philip I Philadelphus struck by Autonomous Antioch (64-58 BC) // Schweizer Münzblätter. 2004. P. 31–35.
289. *Hoover O.* A Revised Chronology for the Late Seleucids at Antioch (121/0-64 BC) // Historia. 2007. 3. P. 280–301.
290. *Hoover O.* Seleucid Bronze Coinage // Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue / A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover (eds.). Lancaster-London, 2008.
291. *Hoover O.* Metrological Study of Seleucid Tetradrachms of Antioch and Phoenicia // Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue / A. Houghton, C. Lorber, O. Hoover (eds.). Lancaster-London, 2008.
292. *Hoover O.* Handbook of Syrian Coins. Lancaster – London: Classical Numismatic Group, 2009.

293. *Hoover O.* Never Mind the Bullocks: Taurine Imagery as a Multicultural Expression of Royal and Divine Power under Seleukos I Nikator // More than Men, less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship / P. Iossif, A. Chankowski, C. Lorber (eds.). Leuven, 2011. P. 197–228.
294. *Hoover O.* Time is Money? A Second Look at Production Quantification and Chronology in the Late Seleucid Period // *Quantifying monetary supplies in Graeco-Roman times* / F. de Callataÿ (ed.). Bari, 2011. P. 251–266.
295. *Hoover O.* A Clashed Seleucid Obverse Die of Philip I Philadelphus // Israel Numismatic Research. 2015. P. 105–110.
296. *Hoover O.* The Sincerest Form of Flattery: Imitation and Counterfeit Coins in the Seleucid Empire // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images. Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymeris (eds.). Liège, 2018. P. 258–259.
297. *Hoover O., Houghton A., Veselý P.* The Silver Mint of Damascus under Demetrius III and Antiochus XII (97/6 – 83/2 BC) // AJN. 2008. P. 305–336.
298. *Hoover O., McDonald D.* Syrian imitations of New Style Athenian tetradrachms struck over Myrina // Berytus. 1999. P. 109–117.
299. *Hopkins C.* Topography and Architecture of Seleucia on the Tigris. Ann Arbor: University of Michigan, 1972.
300. *Houghton A.* Timarchus as King in Babylonia // RN. 6. 1979. P. 213–217.
301. *Houghton A.* Notes on the Early Seleucid Victory Coinage of ‘Persepolis’ // SNR. 1980. 59. P. 5–14.
302. *Houghton A.* Tarik Darreh (Kangavar) hoard // American Numismatic Society Museum Notes. 1980. P. 38–41.
303. *Houghton A.* A Tetradrachm of Seleucia Pieria at the Getty Museum: An Archaizing Zeus and the Accession of Alexander Balas in Northern Syria // The J. Paul Getty Museum Journal. 1982. P. 153–158.
304. *Houghton A.* The Seleucid Mint of Mallus and the Cult Figure of Athena Magarsia // Studies in Honor of Leo Mildenberg / A. Houghton, S. Hurter et al. (eds.). Wetteren, 1984. P. 91–110.

305. *Houghton A.* The Portrait of Antiochus IX // Antike Kunst. 1984. P. 123–128.
306. *Houghton A.* A Colossal Head in Antakya and the Portraits of Seleucus I // Antike Kunst. 1986. P. 52–62.
307. *Houghton A.* The Elephants of Nisibis // American Numismatic Society Museum Notes. 1986. P. 107–124.
308. *Houghton A.* The double portrait coins of Antiochus XI and Philip I: A Seleucid Mint at Beroea // SNR. 1987. P. 79–84.
309. *Houghton A.* The double portrait coins of Alexander I Balas and Cleopatra Thea // SNR. 1988. P. 85–95.
310. *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Seleucia on the Calycadnus // Numismatic Studies in Memory of C.M. Kraay and O. Mørkholm / G. Le Rider, K. Jenkins, N. Waggoner, U. Westermark (eds.). Louvain-la-Neuve, 1989. P. 79–98.
311. *Houghton A.* The Royal Seleucid Mint of Soli // NC. 1989. P. 15–32.
312. *Houghton A.* Some Alexander Coinages of Seleucus I with Anchor // Mediterranean Archaeology. 1991. Vol. 4. P. 99–117.
313. *Houghton A.* The Revolt of Tryphon and the Accession of Acntiochus VI at Apamea // SNR. 1992. P. 119–141.
314. *Houghton A.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Antioch and Tarsus // SNR. 1993. P. 87–106.
315. *Houghton A.* Four Seleucid Notes. 2. The Chronology of the Later Coinage of Demetrius I at Ecbatana // AJN. 1993-1994. P. 46–53.
316. *Houghton A.* Four Seleucid Notes. 4. Countermarks of Tryphon: Comments on the Circulation of Currency in Northern Syria ca. 150-140 BC // AJN. 1993-1994. P. 59–68.
317. *Houghton A.* The Struggle for the Seleucid Succession, 94-92 BC // SNR. 1998. P. 65-71
318. *Houghton A.* Seleucid Coinage and Monetary Policy of the 2nd c. B.C. Reflections on the Monetization of the Seleucid Economy // TOPOI. Orient-Occident. 2004. Suppl. 6. P. 49–79.

319. *Houghton A.* The Seleucids // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 235–251.
320. *Houghton A., Lorber C., Kritt B.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. I. Lancaster-London: American Numismatic Society, 2002.
321. *Houghton A., Lorber C., Hoover O.* Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. II. Lancaster-London: American Numismatic Society, 2008.
322. *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* Cappadocian Tetradrachms in the name of Antiochus VII // NC. 2006. 166. P. 49–98.
323. *Houghton A., Müseler W.* The reigns of Antiochus VIII and Antiochus IX at Damascus // Schweizur Münzblätter. 1990. P. 57–62.
324. *Houghton A., Spaer A.* New silver coins of Demetrius III and Antiochus XII at Damascus // Schweizer Münzblätter. 1990. P. 1–5.
325. *Houghton A., Stewart A.* The Equestrian Portrait of Alexander the Great on a New Tetradrachm of Seleucus I // SNR. 1999. P. 27–35.
326. *Howgego Ch.* Ancient History from Coins. London – New York: Routledge, 1995.
327. *Hunter D.* The Influence of Seleukid Coinage upon the Bithynian and Pontic Monarchies to the Reign of Mithridates VI // Culture and Ideology under the Seleukids. Unfraiming a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 269–296.
328. *Invernizzi A.* Héraclès a Séleucie du Tigre // Rev. Arch. 1989. P. 65–77.
329. *Invernizzi A.* Gli archivi pubblici di Seleucia sul Tigri // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 131–143.
330. *Invernizzi A.* Portraits of the Seleucid Kings on the Sealing from Seleucia-on-the-Tigris: A Reassessment // Bulletin of the Asia Institute. 1998. P. 105–112.
331. *Iossif P.* Antiochos III «du Louvre» et le «souverain des Thermes»: quelques réflexions sur le portrait royal hellénistique et le portrait tardo-républicain // Numismatica e antichità classiche. 2002. P. 205–237.

332. *Iossif P.* Les monnaies de Suse frappées par Séleucos Ier: une nouvelle approche // Numismatica e antichità classiche. 2004. P. 249–271.
333. *Iossif P.* Laodikai and the goddess Nikephoros // L'Antiquité Classique. 76. 2007. P. 63–88.
334. *Iossif P.* Imago mundi: expression et representation de l'idéologie royale Séleucide. La procession de Daphné // Electrum. 2010. P. 127-157.
335. *Iossif P.* Seleucid Religion Through Coins: Is It Possible to Quantify 'Iconography' and 'Religion'? // Quantifying monetary supplies in Graeco-Roman times / F. de Callataÿ (ed.). Bari, 2011. P. 213–249.
336. *Iossif P.* Seleucid 'Eagles' from Tyre and Sidon: Preliminary Results of a Die-Study // Proceedings of the XIVth International Numismatic Congress, Glasgow 2009. Glasgow, 2011 / N. Holmes (ed.). P. 213–229.
337. *Iossif P.* Apollo Toxotes and the Seleukids: Comme un air de famille // More than Men, less than Gods. Studies in Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Conference organized by the Belgian School at Athens, 1-2 November 2007 / P.P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber (eds.). Studia Hellenistica 51. Leuven, 2011. P. 229–291.
338. *Iossif P.* Les "cornes" des Séleucides: vers une divinisation "discrete" // Cahiers des études anciennes. 2012. 49. P. 43–127.
339. *Iossif P.* Seleucia on the Tigris under the Seleucids: 'monetary' pantheon vs. 'glyptic' pantheon // Mythos. 2014. P. 35–53.
340. *Iossif P.* The Last Seleucids in Phoenicia: Juggling Civic and Royal Identity // AJN. 2014. P. 61–87.
341. *Iossif P.* Using Site Finds as Basis for Statistical Analyses of the Seleucid Numismatic Production and Circulation. An Introduction to the Method // Les monnaies de fouille du monde grec (VIe-Ier s. a.C.). Apports, approches et méthodes / F. Duyrat, C. Grandjean (eds.). Bordeaux, 2016. P. 263–296.
342. *Iossif P.* Power is Money? A Quantitative Approach of the Coin Production of the Late Seleucids. Metal Numismatic Production Seen Through Hoard Data. A Quantitative Perspective // Les derniers Séleucides et leur territoire. Actes du

colloque international organisé à Nancy les 20 -22 novembre 2019 (Études nancéennes d'histoire grecque 4) / In C. Feyel, L. Graslin (eds.). Nancy-Paris, 2021. P. 53–82.

343. *Iossif P., Gerritsen C.* Alexander II Zabinas in Damascus: a Numismatic Reading of the Evidence // Revue Bèlge de Numismatique et de Sigillogaphie. 2021. P. 19–62.
344. *Iossif P., Lorber C.* Marduk and the Lion // Liber amicorum Tony Hackens / G. Moucharte (ed.). (Numismatica Lovaniensia, 20). Louvain-la-Neuve, 2007. P. 345–363.
345. *Iossif P., Lorber C.* The Cult of Helios in the Seleucid East // Topoi. Occident-Orient. 2008/2009. P. 19–42.
346. *Iossif P., Lorber C.* Celestial Imagery on the Eastern Coinage of Antiochus IV // Mesopotamia. 2009. P. 129–146.
347. *Iossif P., Lorber C.* Seleucid Campaign Beards // L'Antiquité Classique. 2009. P. 87–115.
348. *Iossif P., Lorber C.* The Elephantarches Bronze of Seleucos I Nikator // Syria. 2010. P. 147–164.
349. *Iossif P., Lorber C.* The Rays of the Ptolemies // RN. 2012. P. 197–224.
350. *Iossif P., Lorber C.* Monetary Policies, Coin Production, and Currency Supply in the Seleucid and Ptolemaic Empires // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 191–230.
351. *Iossif P., Lorber C.* Alexander Elephant Headdress on Seleucid Coinage // NC. 2022. P. 63–85.
352. *Iossif P., van de Put W.* Greek Iconographies: Meandering Paths to Understanding Images // Pharos. 2016. 1. P. 2–6.
353. *Jackson A.E.* The Bronze Coinage of Gortyn // NC. 11. 1971. P. 37–51.
354. *Jakobsson J.* Numismatic evidence for dating the independence of Commagene to 150 BC? // Journal of the Oriental Numismatic Society. 2013. P. 2–4.

355. *Janssen E.* Die Kausia. Symbolik und Funktion der makedonischen Kleidung. PhD thesis. Göttingen, 2007.

356. *Jenkins G.K.* Notes on Seleucid Coins // The Numismatic Chronicle and Journal of Royal Numismatic Society. 1951. P. 19–21.

357. *Johnson S.* Antiochus IV's Procession at Daphne (166 B.C.). A Roman Triumph? A Case Study in Relations of Rome and Syria 175−164 B.C. // Journal of Associated Graduates in Near Eastern Studies. 1993. P. 23-34.

358. *von Kaenel H.M.* Stempelkatalog versus Sammlungskatalog. Die Diskussion um das Konzept des Corpus Nummorum 1885/86 // Proceedings of the 12th International Numismatic Congress / B. Kluge, B. Weisser (eds.), B., 2000. P. 104–108.

359. *Kaye N.* The Silver Tetradrachms of Prousias II of Bithynia // AJN. 2013. P. 21–48.

360. *Kiilerich B.* The Public Image of Alexander the Great // Alexander the Great. Reality and Myth Analecta Inst. Danici Rom. Suppl. 20. 1993. P. 83–92.

361. *Kinnee L.* The Greek and Roman Trophy. From Battlefield Marker to Icon of Power. Abingdon – New York: Routledge, 2018.

362. *Kinns Ph.* The Amphictionic Coinage Reconsidered // NC. 1983. P. 1–22.

363. *Kingsley B.M.* The Cap that Survived Alexander // American Journal of Archaeology. 1981. P. 39–46.

364. *Kingsley B.M.* The Kausia Diadematophoros // American Journal of Archaeology.1984. P. 66–68.

365. *Klotz D.* Who was with Antiochos III at Raphia? Revisiting the Hieroglyphic Versions of the Raphia Decree (CG 31008 and 50048) // Chronique d'Egypte. 2013. 88. P. 45–59.

366. *Kneppe A.* Timarchos von Milet – ein Usurpator im Seleukidenreich // Migratio et commutatio: Studien zur alten Geschichte und deren Nachleben. Thomas Pekáry zum 60. Geburstag am 13. September 1989 dargebracht von Freunden, Kollegen und Schülern / H.-J. Drexhage, J. Sünskes (eds.). St. Katharinen, 1989. P. 37–49.

367. *Kosmin P.J.* The Land of the Elephant Kings: Space, Territory, and Ideology in the Seleucid Empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
368. *Kovacs F.* Armenian Coinage in the Classical Period. Lancaster-London: Classical Numismatic Group, 2016.
369. *Kovac M.* Vom Herrscher zum Heros. Die Bildnisse Alexanders des Grossen und die *Imitatio Alexandri*. Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2022.
370. *Kovalenko S.* Die spätklassische Münzprägung von Chersonesos Taurica. Berlin: Akademie Verlag, 2008.
371. *Kraay C.M.* Archaic and Classical Greek Coins. L.: Methuen, 1976.
372. *Krengel E., Lorber C.* Early Cappadocian Tetradrachms in the name of Antiochus VII // NC. 2009. 169. P. 51–104.
373. *Kritt B.* Seleucid Coins of Bactria. Lancaster: Classical Numismatic Group, 1996.
374. *Kritt B.* The Early Seleucid Mint of Susa. Lancaster: Classical Numismatic Group, 1997.
375. *Kritt B.* New Discoveries in Bactrian Numismatics. Lancaster: Classical Numismatic Group, 2015.
376. *Kritt B.* The Seleucid Mint of Ai Khanoum. Lancaster: Classical Numismatic Group, 2016.
377. *Krmnicek S., Elkins N.* Dinosaurs, Cocks, and Coins: An Introduction to ‘Art in the Round’ // Art in the Round. New Approaches to Ancient Coin Iconography / N. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 7–17.
378. *Kroll J.* The Emergence of Ruler Portraiture on Early Hellenistic Coins // Early Hellenistic Portraiture. Image, Style, Context / P. Schultz, R. von den Hoff (eds.). Cambridge, 2007. P. 113–122.
379. *Kroll J.* Reconstructing the Chronology of Athenian Balance Weights on the "Solonian" Trade Standard // Pondera antiqua et midiaevalia I / C. Doyen, L. Willocx (eds.). Louvain, 2020. P. 47–72.

380. *Kühnen A.* Die *imitatio Alexandri* als politisches Instrument römischer Feldherren und Kaiser in der Zeit von der ausgehenden Republik bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n.Chr. PhD thesis. Universität Duisburg-Essen, 2005.
381. *Kyrieleis H.* Theoi horatoi. Sternsymbolik hellenistischer Herrscherbildnisse // Studien zur Klassischen Archäologie. Festschrift F Hiler. Saarbrücken, 1986. S. 55–72.
382. *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts auf Siegelabdrücken aus Paphos (Paphos IV B). Wiesbaden: Reichert Verlag, 2015.
383. *Lacroix L.* Copies des statues sur les monnaies des Séleucides // BCH. 1949. P. 163–175.
384. *Lannin M.* A Window into Seleucid Regional Mints: Reuse of Obverse Dies in the 3rd – 2nd Century BC // XV International Numismatic Congress. Taormina 2015. Proceedings / M. Caltabiano (ed.). Roma – Messina, 2017. P. 493–496.
385. *Landau Y.H.* A Greek Inscription Found Near Hefzibah // Israel Exploration Journal. 1961. P. 118–126.
386. *van Leeuwen B., Iossif P., Foldvari P.* The introduction of coinage in the Seleucid Empire and the Euro in the European Union: a comparison of stock and velocity // Money, currency and crisis: in search of trust, 2000 BC to AD 2000 / R. van der Spek, B. van Leeuwen, J. van Zanden (eds.). Oxon – New York, 2018. P. 149–164.
387. *Leriche P.* Le Chreophylakeion de Doura-Europos et la mise en place du plan hippodamien de la ville // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 157–169.
388. *Le Rider G.* Monnais de Timarque (162-160 av. J.-C.) // Bulletin de la société française de numismatique. 19. 1964. P. 318–319.
389. *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes (Mémoires de la mission archéologique en Iran, t. XXXVIII). P.: Paul Geuthner, 1965.
390. *Le Rider G.* Code pour l'analyse des monnaies. Paris: CNRS, 1975

391. *Le Rider G.* Un trésor de monnaies séleucides trouvé dans le Hauran en 1979 ou 1980: Antiochos VI à Ptolemaïs // Studies in Honor of Leo Mildenberg / A. Houghton, S. Hurter et al. (eds.). Wetteren, 1984. P. 165–169.
392. *Le Rider G.* Les alexandres d'argent en Asie Mineure et dans l'orient séleucide au IIIe siècle av. J.-C. (c. 275- c. 225). Remarques sur le système monétaire des Séleucides et des Ptolémées // Journal des Savants. 1986. P. 14–32.
393. *Le Rider G.* L'enfant-roi Antiochos et la reine Laodice // BCH. 1986. P. 410–415.
394. *Le Rider G.* Les voyage des monnaies d'argent, proncipalement dans le royaume Séleucide // Anatolia Antiqua. Esli Anadolu. 1991. P. 209–215.
395. *Le Rider G.* Antiochos IV (175-164) et le monnayage de bronze séleucide // BCH. 1994. P. 29–31.
396. *Le Rider G.* La politique monétaire des Séleucides en Coelé Syrie et en Phénicie après 200. Réflexions sur les monnaies d'argent lagides et sur les monnaies d'argent seleucides à l'aigle // BCH. 1995. P. 391–404.
397. *Le Rider G.* Sur un passage du papyrus de Zénon 59021 // Commerce et artisanat dans l'Alexandrie hellénistique et romaine / J.-Y. Empereur (ed.). Paris, 1998. P. 203–207.
398. *Le Rider G.* Séleucie du Tigre. Les monnaies séleucides et parthes. Florence: Centro ricerche archeologiche e scavi di Torino per il Medio Oriente e l'Asia, 1998.
399. *Le Rider G.* Notes sur les marques de Valeur des bronzed d'Antiochos IV (175-164) // RN. 1998. P. 45-48.
400. *Le Rider G.* Antioche de Syrie sous les Séleucides. Corpus des monnaies d'or et d'argent, I: de Séleucos I à Antiochos V, c. 300–161 (Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XIX). Paris: l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1999.
401. *Le Rider G.* Sur un aspect du comportement monétaire des villes libres d'Asie Mineure occidentale au IIe siècle // Les cités d'Asie mineure occidentale au IIe siècle a.C. / A. Bresson, R. Descat (eds.). Bordeaux, 2001. P. 37–59.

402. *Le Rider. G.* Alexander the Great. Coinage, Finances, and Policy. Philadelphia: American Philosophical Society, 2007.
403. *Le Rider G., de Callataÿ F.* Les Séleucides et les Ptolémées. L'héritage monétaire et financier d'Alexandre le Grand. Monaco: Éditions du Rocher, 2006.
404. *Le Rider G., Houghton A.* Un premier règne d'Antiochos VIII Épiphane à Antioche en 128 // BCH. 1988. P. 401–411.
405. *Lerner J.* A Greco-Sogdian Mint of Euthydemus // Revue Numismatique. 1996. 151. P. 77–94.
406. *Levick B.* Propaganda and the Imperial Coinage // Antichthon. 1982. P. 104–116.
407. *Lindström G.* Uruk. Siegelabdrücke auf hellenistischen Tonbullen und Tontafeln. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2003.
408. *Linfert A.* Bärtige Herrscher // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1976. S. 157–174.
409. *Llewellyn-Jones L., McAuley A.* Sister-Queens in the Hight Hellenistic Period. Kleopatra Thea and Kleopatra III. London – New York: Routledge, 2023.
410. *Lorber C.* Large Ptolemaic Bronzes in Third-Century Egyptian Hoards // AJN. 2000. P. 67–92.
411. *Lorber C.* The Lotus of Aphrodite on Ptolemaic bronzes // SNR. 2001. P. 39–52.
412. *Lorber C.* A Revised Chronology for the coinage of Ptolemy I // NC. 2005. P. 45–64.
413. *Lorber C.* The Coinage of Ptolemies // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 211–234.
414. *Lorber C.* Cryptic portraits of Ptolemaic kings on silver coins of the second and first centuries B.C. // Numismatica e antichità classiche. 2016. P. 79–98.
415. *Lorber C.* Die Study of the Antioch Tetradrachms of Antiochus VII Euergetes // NC. 2016. 176. P. 21–82.

416. *Lorber C.* Honoring the King in the Seleukid and Ptolemaic Empires. Part. II // Electrum. 2023. P. 103–191.
417. *Lorber C., Houghton A.* Cappadocian Tetradrachms in the Name of Antiochus VII // NC. 2006. 166. P. 49–97.
418. *Lorber C., Iossif P.* Draped Royal Busts on the Coinage of the Early Seleucids // New Perspectives in Seleucid History, Archaeology and Numismatics, Studies in Honor of Getzel M. Cohen / R. Oetjen (ed.). Berlin, 2020. P. 158–180.
419. *Lücke S.* Darstellungen hellenistischer Herrscher mit Götterattributen im Münzbild // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 293–312.
420. *Ma J.* Antiochos III and the Cities of Western Asia Minor. Oxford: Oxford University Press, 2005.
421. *Ma J.* Le roi et ses images: essai sur les représentations du pouvoir monarchique dans le monde hellénistique // Des rois au prince. Pratiques du pouvoir monarchique dans l'Orient hellénistique et romain (IV siècle avant J.C. – II siècle après J.C.) / I. Savalli-Lestrade, I. Cogitor (eds.). Grenoble, 2010. P. 147–164.
422. *Ma J.* Statues and Cities. Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World. Oxford: Oxford University Press, 2013.
423. *Ma J.* Lire les portrait hellénistique: pistes // Bilder der Macht. Das grichische Porträt und seine Verwendung in der Antiken Welt / D. Boschung, F. Queyrel (Hrsg.). Paderborn, 2017. P. 49–64.
424. *Malay H., Rickl M.* Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis // Epigraphica Anatolica. 2009. P. 39–60.
425. *Marest L.* Patterns of Use of Royal Portraits in Hellenistic Archives // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 163–178.
426. *Marest-Caffey L.* Seleukos I's Victory Coinage of Susa Revisited // AJN. 2016. P. 1–63.

427. *Martin K.* Königin und Göttin. Zur Präsenz des Diadems auf hellenistischen Königinnen-münzen // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 395–423.
428. *Martinez-Sève L.* Suse et les Séleucides au IIIe siècle avant J.-C // Electrum. 2013. P. 47–50.
429. *Mastrocinque A.* Zeus Kretagenès seleucidico. Da Seleucia a Praeneste (e in Giudea) // Klio. 84. 2002. S. 355–372.
430. *Mattingly H.* The beginning of Athenian new style silver coinage // NC. 1990. P. 67–78.
431. *Mattingly H.* The Ma'Aret en-Num'an Hoard 1980 // Essays in Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins / M. Price, A. Burnett, R. Bland (eds.). L., 1993. P. 69–86.
432. *Mattingly H.* The second century B.C. Seleucid countermarks: anchor and Helios head // Numismaticà e Antiquita Classiche. 1998. 27. P. 237–243.
433. *Mazor G., Atrash W.* The Sealings // Hellenistic Nysa-Scythopolis. The Amphora Stamps and Sealings from Tel Itzabba, Bet She'an IV / G. Mazor, W. Atrash, G. Finkielstejn (eds.). Jerusalem, 2018. P. 127–168.
434. *McAuley A.* The House of Achaios: Reconstructing an Early Client Dynasty of Seleukid Anatolia // The Seleukid Empire, 281-222 BC. War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 37–58.
435. *McDonald G.* Early Seleucid portraits (I) // JHS. 1903. P. 92–116.
436. *McDonald G.* Early Seleucid portraits (II) // JHS. 1907. P. 145–159.
437. *McDowell R.* Stamped and Inscribed Objects from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1935.
438. *McKechnie P.* Wars of the Brothers: the Contested Coalescence of Seleukid Statehood in mid-Third-Century Asia Minor // Culture and Ideology under the Seleukids. Unframing a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 131–150.

439. *Meadows A.* Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World // Money and its Uses in the Ancient Greek World / A. Meadows, K. Shipton (eds.). Oxford, 2001. P. 53–63.
440. *Meadows A.* A Closed Currency System of the Attalid Kingdom // Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State / P. Thonemann (ed.). Oxford, 2013. P. 149–205.
441. *Meadows A.* The spread of coins in the Hellenistic world // Explaining Monetary and Financial Innovation: A Historical Analysis / P. Bernholz, R. Vaubel (eds.). Heidelberg, 2014. P. 169–195.
442. *Meadows A.* Civic Countermarks on the Silver Coinage of Asia Minor in the 2nd Century B.C. // Proceedings of the Second International Congress on the History of Money and Numismatics in the Mediterranean World 5-7 Jan. 2017 / O. Tekin (ed.). Antalya, 2018. P. 185–219.
443. *Mehl A.* ΔΟΡΙΚΤΗΤΟΣ ΧΩΡΑ // Ancient Society 1980/1981. 11/12. S. 173–212.
444. *Mehl A.* Seleukos Nikator und sein Reich. I. Seleukos' Leben und die Entwiklung seiner Machtposition. Leuven: Studia Hellenistica, 1986.
445. *Meshorer Y.* A Treasury of Jewish Coins. From the Persian Period to Bar Kohba. Jerusalem: Yad ben-Zvi Press, 2001.
446. *Messina V.* «Presto sarò re»: Seleuco IV come Helios sulle cretule da Seleucia al Tigri // Parthica. 2001. 3. P. 9–23.
447. *Messina V.* Different media to different subjects? Royal propaganda and iconography in Seleucid Babylonia // Proceedings of the Third International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Paris, 2002 / J.C. Margueron, P. de Miroschedji, J.P. Thalmann (eds.). Winona Lake, 2004.
448. *Messina V.* Seleucia al Tigri. L'edificio degli archivi. Lo scavo e le fasi architettoniche. Firenze: Le Lettere, 2006.
449. *Messina V.* Hellenistic Sealings in Context: The City Archive of Seleucia-on-the-Tigris // Hellenistic Sealing and Archives. Proceedings of the Edfu

Connections an International Conference / B.F. van Oppen de Ruiter, R. Wallenfels (eds.). Turnhout, 2011. P. 149–162.

450. *Messina V.* Aspects of Seleucid Iconography and Kingship // With Alexander in India and Central Asia. Moving East and Back to West / C. Antonetti, P. Biagi (eds.). Oxford – Philadelphia, 2017. P. 17–34.
451. *Metcalf W.E.* A Late Second-Century Hoard of Posthumous Alexanders // SNR. 1994. P. 19–53.
452. *Meyer M.* Frauen für Kriesen: Die raren Münzbildnisse der Seleukidinenn // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 264–267.
453. *Mildenberg L.* On the So-called Satrapal Coinage // Mécanismes et innovations monétaires dans l'Anatolie achéménide. Numismatique et Histoire. Actes de la Table Ronde d'Istanbul, 22-23 mai 1997 / O. Casabonne (ed.). P, 2000. P. 9–20.
454. *Miller R., Walters K.* Seleucid Coinage and the Legend of the Horned Bucephalas // SNR. 2004. P. 45–55.
455. *Milne J.G.* Local Currencies of East Syria under the Roman Empire // Ancient Egypt. 1934. P. 24–27.
456. *Mitchiner M.* Early Coinage of Central Asia. L.: Hawkins Publications, 1973.
457. *Mitchiner M.* Ancient Trade and Early Coinage. L.: Hawkins Publications, 2004.
458. *Mittag P.F.* Beim Barte des Demetrios: Überlegungen zur parthischen Gefangenschaft Demetrios' II // Klio. 2002. 84.2. S. 389–398.
459. *Mittag P.F.* Antiochos IV. Epiphanes: Eine politische Biographie. Berlin: Akademie Verlag, 2006.
460. *Mollo P.* Il problema dell'άλική Seleucide alla luce dei materiali degli archivi di Seleucia sul Tigri // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 145–156.

461. *Moore W.* The divine couple of Demetrius II Nicator, and his coinage at Nisibis // American Numismatic Society Museum Notes. 1986. P. 124–141.
462. *Moore W.* A serrated issue of Demetrius I from Seleucia on the Tigris // RN. 1987. P. 21–24.
463. *Moore W.* Four Seleucid Notes. 3. The ΕΥΠΑΤΡΕΩΝ Coinage of Alexander I Balas // AJN. 1989. P. 54–59.
464. *Mørkholm O.* Studies in the Coinage of Antiochus IV of Syria. København: Ejnar Munksgaard, 1963.
465. *Mørkholm O.* Seleucid Coins from Cilicia ca. 220-150 BC // American Numismatic Society Museum Notes. 1964. P. 53–62.
466. *Mørkholm O.* Antiochus IV of Syria. København: Gyldendal, 1966
467. *Mørkholm O.* The Seleucid Mint at Antioch on the Persian Gulf // American Numismatic Society Museum Notes. 1970. P. 31–44.
468. *Mørkholm O.* The coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // SNR. 1978. P. 144–163.
469. *Mørkholm O.* Some Reflections on the Production and Use of Coinage in Ancient Greece // Historia. 1982. 31. P. 290-305.
470. *Mørkholm O.* A Posthumous Issue of Antiochus IV of Syria // NC. 1983. P. 57–63.
471. *Mørkholm O.* The Chronology of the New Style Coinage of Athens // American Numismatic Society Museum Notes.1984. P. 29–42.
472. *Mørkholm O.* The Monetary System in the Seleucid Empire after 187 B.C. // Ancient Coins from the Greco-Roman World. The Nickle Numismatic Papers / W. Haeckel, R. Sullivan (eds.). Waterloo, 1984. P. 93–113.
473. *Mørkholm O.* Early Hellenistic Coinage. From the Accession of Alexander to the Peace of Apamea (336–188 B.C.). Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
474. *Muccioli F.* Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2013.

475. *Nachtergael G.* Les Galates en Grèce et les Sôteria de Delphes: recherches d'histoire et d'épigraphie hellénistiques. Bruxelles: Palais des académies, 1977.
476. *Nawotka K.* Seleucus I and the Origin of the Seleucid Dynastic Ideology // Scripta Classica Israelica. 2017. P. 31–44.
477. *Nawotka K*. Apollo, the Tutelary God of the Seleucids, and Demodamas of Miletus // The Power of Individual and Community in Ancient Athens and Beyond / Z. Archibald (ed.). 2019. P. 261–284.
478. *Nawotka K.* Seleukos I and the Origin of the Seleukid Dynastic Ideology: The Alexander Factor // Iran and Transformation of Ancient Near Eastern History: the Seleucids (ca. 312-150 BCE) / T. Daryaee, R. Rollinger, M. Canepa (eds.). Wiesbaden, 2023. P. 87–100.
479. *Neumann K.* Antioch in Syria. A History from Coins (3000 BCE – 450 CE). Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
480. *Newell E.T.* Seleucid Mint of Antioch. New York: American Numismatic Society, 1917.
481. *Newell E.*T. The first Seleucid coinage of Tyre. New York: American Numismatic Society, 1921.
482. *Newell E.T.* Alexander Hoards II. Demanhur, 1905. New York: American Numismatic Society, 1923.
483. *Newell E.* The Coinage of Demetrius Poliorcetes. London: American Numismatic Society, 1927.
484. *Newell E.T.* Royal Greek Portrait Coins. NY, 1937.
485. *Newell E.T.* The Coinage of the Eastern Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York: American Numismatic Society, 1938.
486. *Newell E.T.* The Coinage of the Western Seleucid Mints from Seleucus I to Antiochus III. New York: American Numismatic Society, 1941.
487. *Newell E.T.* The Late Seleucid Mints in Ake-Ptolemais and Damascus // Numismatic Notes and Monographs. 1939. P. 1–107.

488. *Nicolet-Pierre H.* Argent et or frappés en Babylonie entre 331 et 311 ou de Mazdai à Séleukos // Travaux de numismatique grecque offerts á G. Le Rider / Ed. by M. Amandry and S. Hurter. London, 1999. P. 285–305.
489. *Noreña C.* Coins and Communication // The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World / M. Peachin (ed.). 2011, Oxford. P. 248–268.
490. *Noreña C.* Imperial Ideals in the Roman West. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
491. *van Nuffelen P.* Le culte royal de l'empire des Séleucides: une réinterprétation // Historia. 2004. P. 278–301.
492. *Novak M.* Diadem und Königtum im alten Orient // Das Diadem der hellenistischer Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschartszeichens? / A. Lichtengerger, K. Martin, H.-H. Niswandt, D. Salzman (Hrsg.). Bonn, 2012. S. 9–34.
493. *Oelsner J.* Sielung und Archivierung von Dokumenten im Hellenistischen Babylonien // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 101–112.
494. *Ogden D.* Seleucid Dynastic Foundation Myths: Antioch and Seleuceia-in-Pieria // Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor / K. Erickson, G. Ramsey (eds.). Wiesbaden, 2011. P. 149–160.
495. *Ogden D.* The Legend of Seleucus. Kingship, Narrative and Mythmaking in the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
496. *Ogden D.* Seleucus and the Typology of Heracles // Culture and Ideology under the Seleukids. Unfraiming a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 77–96.
497. *Olbrycht J.M.* Mithradates I of Parthia and His Conquests up to 141 BC // Hortus historiae. Studies in Honor of Professor Józeph Wolski on the 100th Anniversary of His Birthday / E. Dąbrowa, M. Dzielska, M. Salamon, S. Sprawski (eds.). Kraków, 2010. P. 229–245.
498. *Olszewski M.T.* Memory and Ideology of the First Successors of Alexander the Great as inscribed on Roman Mosaics from Apameia of Syria // Culture and

Ideology under the Seleukids. Unframing a Dynasty / E. Anagnostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin – Boston, 2022. P. 97–127.

499. *Olszewski M.T., Saad H.* Pella-Apamée sur l'Oronte et ses héros fondateurs à la lumière d'une source historique inconnue une mosaïque d'Apamée // Héros fondateurs et indentités communautaires dans l'Antiquité entre mythe, rite et politique / M. Castiglioni, R. Carboni et al. (eds.). Perugia, 2018. P. 365–408.
500. *Onians J.* Art and Thought in the Hellenistic Age. The Greek World View 350-50 BC. L.: Thames and Hudson, 1979.
501. *Panagopoulou K.* Gold in Ptolemaic Egypt: Exchange Practices in Light of P.Cair.Zen. I 59021 // ZPE. 2016. P. 179–190.
502. *Panagopoulou K.* The Early Antigonids. Coinage, Money, and the Economy. New York: American Numismatic Society, 2020.
503. *Pantos P.* Τα σφραγίσματα της αιτωλικής Καλλιπόλεως. Athens: Φιλοσοφική Σχολή του Πανεπιστημίου Αθηνών, 1985.
504. *Pantos P.* Berenice II Demetre // BCH. 1987. P. 343–352.
505. *Pantos A.* Porträtsiegel in Kallipolis. Einege methodologische Bemerkungen // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 185–194.
506. *Paoletti L.* Cretan Soldiers at the Seleucid Court and the Enigmatic Case of Lasthenes: from μισθοφόρος to ἐπὶ τῶν πραγμάτων? // DHA. 2022. 2. P. 131–151.
507. *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie und Komposition des Alexandermosaiks. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1998.
508. *Plantzos D.* Femail Portrait Types from the Edfu Hoard of Clay Seal Impressions // Archives et sceaux du monde hellénistique / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1993. P. 307–313.
509. *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxford: Oxford University Press, 1999.
510. *Plantzos D.* Alexander's Gaze: Peripatetic Concepts of Vision and their Influence on Hellenistic Royal Portraiture // Archaiognosia. 1999. № 10. P. 65–86.

511. *Plantzos D.* “For good ye are and bad, and like to coins”: Why Bother with Seal-impressions // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images Noble Issuers, Humble Users? Proceedings of the International Conference Organized by the Belgian and French Schools at Athens, 26-28 September 2012 / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymiers (eds.). Liège, 2018. P. 481–490.
512. *Plischke S.* Die Seleukiden und Iran: Die seleukidische Herrschaftspolitik in den östlichen Satrapien. Wiesbaden: Verlag Otto Harrassowitz, 2013.
513. *Pocardi G.* Antioch and its Hellenistic Monuments // Antioch on the Orontes. History, Society, Ecology, and Visual Culture / A. de Giorgi (ed.). Oxford, 2024. P. 78–88.
514. *Pollitt J.J.* Art in the Hellenistic Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
515. *Potter D.* The Inscription on the Bronze Heracles from Mesene: Vologeses IV’s War with Rome and Date of Tacitus’ Annales // ZPE. 88. 1991. P. 277–290.
516. *Price M.J.* The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue. Zurich: British Museum Press, 1991.
517. *Primo A.* La storiografia sui Seleucidi da Megastene a Eusebio di Cesarea. Pisa: Fabrizio Serra Editore, 2009.
518. *Psoma S. Panegyris* Coinages // AJN. 2008. P. 227–255.
519. *Psoma S.* War or Trade? Attic-Weight Tetradrachms from Second-Century by Attalid Asia Minor in Seleukid Syria after the Peace of Apameia and their Historical Context // Attalid Asia Minor: Money, International Relations, and the State / P. Thonemann (ed.). Oxford, 2013. P. 265–300.
520. *Puglisi M.* An Iconographic Approach to Coins through the DIANA Atlas: The Case Study of the Subject 'Shell' on Greek Coins // Art in the Round. New Approaches to Ancient Coin Iconography / N. Elkins, S. Krmnicek (eds.). Rahden, 2014. P. 69–88.
521. *Queyrel F.* Portraits princiers hellénistiques: chronique bibliographique // Revue archéologique. 1990. P. 97–172.

522. *von Reden S., Strootman R.* Imperial Metropoleis and Foundation Myths. Ptolemaic and Seleucid Capitals Compared // Comparing the Ptolemaic and Seleucid Empires. Integration, Communication, and Resistance / Ch. Fischer-Bovet, S. von Reden (eds.). Cambridge, 2021. P. 17–47.
523. *Reger G.* The Economy // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine (ed.). Oxford, 2003. P. 347–349.
524. *Rostovtzeff M.* Seleucid Babylonia: Bullae and Seals of Clay with Greek Inscriptions // Yale Classical Studies. 1932. P. 3–114.
525. *Rostovtzeff M.* Some Remarks on the Monetary and Commercial Policy of the Seleucids and Attalids // Anatolian Studies presented to William Helburn Buckler / W. Calder (ed.). Manchester, 1939. P. 277–298.
526. *Ruggendorfer P.* Das Mausoleum von Belevi. Archäologische Untersuchungen zu Chronologie, Ausstattung und Stiftung. Forschungen in Ephesos VI/2, XXXIX. Wien: Austrian Academy of Sciences Press, 2016.
527. *Sartre M.* La construction de l'identité des villes de la Syrie hellénistique et impériale // Idéologies et valeurs civiques dans le Monde Romain. Hommage à Claude Lepelley / H. Inglebert (ed.). Nanterre, 2002. P. 93–110.
528. *Schaps D.* The Invention of Coinage and the Monetization of Ancient Greece. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
529. *Schreiber T.* In Namen des Königs? Überlegungen zur Bedeutung und Funktion hellenistischer Siehel mit Herrscherporträts // Gesiegelt, Versiegelt, Entsiegelt. Studien zum Siegel(n) als Kulturtechnik von der Antike bis zum frühen Mittelalter / J. Auenmüller, N. Moustakis (hrsg.). Münster, 2022. S. 153–210.
530. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Untersuchung auf Grundlage quantitativer und qualitativer Merkmale von Siegelabdrücken aus Archivkontexten. Paderborn: Brill, 2023.
531. *Schwei D.* The Reactions of Mint Workers to the Tumultuous Second Reign of Demetrius II Nicator // AJN. 2016. P. 65–104.
532. *Scolnic B.* The Milesian Connection: Dan 11:23 and Antiochus IV's Rise to Power // Vetus Testamentum. 2013. P. 89–98.

533. *Scolnic B.* When did Future Antiochos IV Arrive in Athens // Hesperia. 2014. P. 123–142.
534. *Sekunda N.* Seleucid and Ptolemaic Reformed Armies. Vol. 1. The Seleucid Army under Antiochus IV Epiphanes. Dewsbury: Montvert, 1994.
535. *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London: Spink, 1980.
536. *Seyrig H.* Antiquités syriennes // Syria. 1939. 4. P. 296–301.
537. *Seyrig H.* Scène historique sur un chapiteau du Musée de Beyrouth // Revue des Études Anciennes. 1940. P. 340–344.
538. *Seyrig H.* Poids antiques de la Syrie et de la Phénicie // Bulletin du Musée de Beyrouth. 1946-1948. 8. P. 37–79.
539. *Seyrig H.* Notes on Syrian Coins // American Numismatic Society Numismatic Notes and Monographs. 1950. P. 1–35.
540. *Seyrig H.* Antiquités syriennes // Syria. 1958. 3-4. P. 193–196.
541. *Shearer J.* The specific and the ambiguous: what can we say of royal ideology of bronze coin types of the earliest Seleucid kings? // Journal of Ancient History. 2023. 1. P. 76–91.
542. *Sheedy K.* Magically back to life: Some Thoughts on Ancient Coins and the Study of Hellenistic Royal Portraits // K. Sheedy (ed.). Alexander and the Hellenistic Kingdoms. The Westmoreland Collection. Ancient Coins in Australian Collections. Vol. 1. Sydney, 2007. P. 11–16.
543. *Sheedy K.* Following the Persians: Alexander the Great, his Mints at Tarsus and Babylon, and the Minting Practices of Persian and Greek Satraps // Byzantium to China: Religion, History and Culture on the Silk Roads. Studies in Honour of Samuel N.C. Lieu / G. Mikkelsen, K. Pary (eds.). Leiden – Boston, 2022. P. 461–482.
544. *Sherwin-White S., Kuhrt A.* From Samarkhand to Sardis: A New Approaches to the Seleucid Empire. Berkeley–Los Angeles: Duckworth, 1993.
545. *Simonetta A.* The Coinage of the Cappadocian Kings: a Revision and a Catalogue of the Simonetta Collection // Parthica. 2007. 89. P. 11–120.

546. *Simonetta B.* The Coins of the Cappadocian Kings. Fribourg: Office du Livre, 1997.

547. *Smith R.R.R.* Hellenistic Royal Portraits. Oxford: Oxford University Press, 1989.

548. *Smith R.R.R.* Hellenistic Sculpture. A Handbook. London: Thames and Hudson, 1991.

549. *Smith R.R.R.* Kings and Philosophers // Images and Ideologies / A. Bulloch, E. Gruen, A. Long, A. Stewart (eds.). Berkley – Los Angeles – Oxford, 1994. P. 202–211.

550. *Smith R.R.R.* Diadems, Royal Hairstyles, and the Berlin Attalos // Art of the Hellenistic Kingdom. From Pergamon to Rome / S. Hemingway, K. Karoglou (eds.). New York, 2019. P. 75–82.

551. *van der Spek R.* The Babylonian City // Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia / A. Kuhrt, S. Sherwin-White (eds.). London, 1987. P. 57–74.

552. *van der Spek R.* The Astronomical Diaries as a Source for Achaemenid and Seleucid History // BiOr. 1993. P. 92–101.

553. *van der Spek R.* New Evidence from Babylonian Astronomical Diaries Concerning Seleukid and Arsacid History // Archiv für Orientforschung. XLIV/XLV. 1997/1998. P. 167–175.

554. *van der Spek R.* The Hellenistic Near East // The Economic History of the Greco-Roman World / W. Scheidel, I. Morris, R. Saller. Cambridge, 2008. P. 407–433.

555. *Stančo L.* Greek Gods in the East Hellenistic Iconographic Schemes in Central Asia. Prague: Karolinum Press, 2012.

556. *Stewart A.* Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics Hellenistic Culture and Society. Berkley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1993.

557. *Stewart A.* Hellenistic Art. Two Dozen Innovations // The Cambridge Companion to the Hellenistic World / G. Bugh (ed.). Cambridge, 2007. P. 158–185.

558. *Stewart A.* Art in the Hellenistic World. An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
559. *Strootman R.* Antiochos IV and Rome: The Festival at Daphne (Syria), the Treaty of Apameia and the Revival of Seleukid Expansionism in the West // Rome and the Seleukid East Selected Papers from Seleukid Study Day V, Brussels, 21–23 August 2015 / A. Coskun and D. Engels (eds.). Brussels, 2019. P. 173–216.
560. *Strootman R.* The introduction of Hellenic cults in Seleukid Syria: Colonial appropriation and transcultural exchange in the creation of an imperial landscape // Colonial Geopolitics and Local Cultures in the Hellenistic and Roman East (3rd Century B.C.–3rd century A.D.) / H. Bru, A. Dumitru and N. Sekunda (eds.). Oxford, 2021. P. 73–91.
561. *Suk Fong Jim T.* Saviour Gods and Soteria in Ancient Greece. Oxford: Oxford University Press, 2022.
562. *Svenson D.* Darstellungen hellenistischer Könige mit Götterattributen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995.
563. *Tarn W.W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
564. *Taylor L.* From Triparadeisos to Ipsos. Seleukos I Nikator's uncertain mint 6A in Babylonia // AJN. 2015. 27. P. 41–97.
565. *Taylor L.* The Oxus River God: A Man-Faced Indian Humped Bull // ΠΟΤΑΜΙΚΟΝ. Sinews of Acheloios. A Comprehensive Catalogue of the Bronze Coinage of the Man-Faced Bull, with Essays on Origin and Identity / N. Molinari, N. Sisci (eds.). Oxford, 2016. P. 299–303.
566. *Taylor L.* Birds of Feather, Brothers in Arms: The Coinage of Andragoras and Sophytes // AJN. 2019. P. 66–75.
567. *Taylor L.* Susa Mint: 311-301 // KOINON. The International Journal of Classical Numismatic Studies. 2020. P. 18–42.
568. *Taylor L.* The Anchor Alexanders of Babylon II // AJN. 2022. 34. P. 1–38.

569. *Taylor L.* The Baktrian Coregency Legend Coinage of Seleukos and Antiochos: Context and Origin // KOINON. The International Journal Classical Numismatic Studies. 2023. P. 91–126.
570. *Thompson M.* The New Style Silver Coinage of Athens. Vol. I. New York: American Numismatic Society, 1961.
571. *Thomson M.* The Cavalla Hoard (IGCH 450) // American Numismatic Society Museum Notes. 1981. P. 33–49.
572. *Thonemann P.* The Hellenistic World. Using Coins as Sources. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
573. *Tracy S.V.* IG II 937: Athens and the Seleucids // GRBS. 1988. P. 383–388.
574. *Trundle M., de Lisle C.* Coinage and the Creation of the Seleukid Kingdom // Culture and Ideology under the Seleukids / E. Anangostou-Laoutides, S. Pfeiffer (eds.). Berlin-Boston, 2022. P. 63–66.
575. *Troncoso V.A.* The Zoology of Kingship: From Alexander the Great to the Epigoni (335 – c. 250 BC) // Anabasis. 2014. P. 53–75.
576. *Troxell H., Waggoner N.* The Robert F. Kelly Request // American Numismatic Society Museum Notes. 1978. P. 3–41.
577. *Visscher M.* Beyond Alexandria. Literature and Empire in the Seleucid World. Oxford: Oxford University Press, 2016.
578. *Virgilio B.* Lancia, diadema e porpora. Il re e la regalità ellenistica. Rome: Studi Ellenistici, 2003.
579. *Voulgaridis G.* Les ateliers monétaires de Ptolémaïs-Akko et d'Ascalon sous la domination séleucide. PhD thesis. Strasbougr, 2000.
580. *Waage D.* Antioch-on-the-Orontes. Vol. VI. Princeton: Princeton University Press, 1952.
581. *Wace A.* Apollo seated on the Omphalos: a Statue at Alexandria // The Annual of the British School at Athens. 1903. P. 211–242.
582. *Wagner C.* Herrscherrepräsentation im frühen Hellenismus: Studien zu Entstehung und Funktion königlicher Selbstdarstellung in der Diadochenzeit. PhD Thesis. Nurnberg, 2018.

583. *Walbank F.W.* Monarchies and Monarchic Ideas // Cambridge Ancient History. Vol. VII. Pt. 1. Cambridge, 1984. P. 76–119.
584. *Walbank F.W.* Fortune (Tyche) in Polybius // A Companion to Greek and Roman Historiography / J. Marincola (ed.). Oxford, 2007. P. 349–355.
585. *Wallenfels R.* Uruk. Hellenistic Seal Impressions in the Yale Babylonian Collection. I. Cuneiform Tablets. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 1994.
586. *Wallenfels R.* Private seals and sealing practices at hellenistic Uruk // Archives et sceaux du monde hellénistique. Actes du colloque de Turin 1993 / M.-F. Boussac, A. Invernizzi (eds.). Athens, 1996. P. 113–123.
587. *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige // Chiron. 2006. 36. S. 369–378.
588. *Weiß P., Ehling K.* Marktgewichte im Namen seleukidischer Könige II // Chiron. 2007. 37. S. 495–500.
589. *Wenghofer R., Coskun A.* Introduction: The Dialectics of Seleukid Ideology // Seleukid Ideology. Creation, Reception and Response / A. Coskun, R. Wenghofer (eds.). Stuttgart, 2023. P. 13–29.
590. *Whitley J.* Agency in Greek Art // A Companion to Greek Art / T. Smith, D. Plantzos (eds.). Malden, 2018. P. 579–595.
591. *Wheatley P., Dann C.* Coinage as propaganda. Alexander and his Successors // Alexander the Great and Propaganda / J. Walsh, E. Baynham (eds.). London, 2021. P. 162–198.
592. *Wilker J.* Von Aufstandsführern zur lokalen Elite: Der Aufstieg der Makkabäer // Lokale Eliten und hellenistische Könige. Zwischen Kooperation und Konfrontation / B. Dreyer, P.F. Mittag (Hrsg.). Berlin, 2011. S. 219–252.
593. *Will É.* Histoire politique du monde hellénistique (323–30 av. J.-C.). T. 2. Nancy: Faculté des lettres et sciences humaines de l'Université de Nancy, 1982.
594. *Wolters R.* Die Wiener Schule und der ‘Aufbau’ // Numismatische Zeitschrift. 2005. 113-114. S. 95–106.
595. *Wolters R.* The Julio-Claudians // The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage / W.F. Metcalf (ed.). Oxford, 2012. P. 333–355.

596. *Wojcikowsky R.* The Horned Horse and Bow on Bronze Coins of Antiochus I Soter from Europos (Dura) in the Context of Early Seleucid Royal Ideology // Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. 2020. P. 119–141.
597. *Wojcikowsky R.* The Horned Horse on the Coinage of Seleucus I Nicator. The Iconography of Power // Studies in Ancient Art and Civilization. 2021. P. 123–143.
598. *Woytek B.* Coin Iconography and Social Practice in the Roman Republic // The Oxford Handbook of Roman Imagery and Iconography / L. Cline, N. Elkins (eds.). Oxford, 2022. P. 315–338.
599. *Wright N.* Seleucid Royal Cult, Indigenous Religious Traditions, and Radiate Crowns: The Numismatic Evidence // Mediterranean Archaeology. 2005. 18. P. 67–82.
600. *Wright N.* From Zeus to Apollo and Back Again: A Note on the Changing Face of Western Seleukid Coinage // Journal of Oriental Society of Australia. 2008. P. 527–539.
601. *Wright N.* A note on Cleopatra Thea, Antiochus Grypus and Athens // Meditrach. 2008. P. 39–42.
602. *Wright N.* Tarkondimotid responses to Roman domestic politics: from Antony to Actium // Journal of the Numismatic Association of Australia. 2009. P. 73–81.
603. *Wright N.* Non-Greek Religious Iconography on the Coinage of Seleucid Syria // Mediterranean Archaeology. 2009/2010. P. 193–206.
604. *Wright N.* Religion in Seleukid Syria. Gods and Crossroads (301-64 BC). PhD Thesis. 2010, Sydney.
605. *Wright N.* The Iconography of Succession under the Late Seleukids // Coins from Asia Minor and the East: Selections from the Colin E. Pitchfork Collection / N. Wright (ed.). Sydney, 2011. P. 41–46.
606. *Wright N.L.* Seleukos, Zeus and the Dynastic Cult in Seleukeia in Pieria // The Seleukid Empire, 281–222 BC: War within the Family / K. Erickson (ed.). Swansea, 2018. P. 83–99.

607. *Wünsch J.* Bärtige Seleukiden // Portraits. 400 Jahre hellenistische Portraits / A. Pangerl (Hrsg.) München, 2020. S. 277–292.
608. *Yarrow L.* The Roman Republic to 49 BC. Using Coins as Sources. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.
609. *Zahle J.* Religious Motifs on Seleucid Coins // Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom / P. Bilde, T. Engberg-Pedersen, L' Hannestad, J, Zahle (eds.). Aarhus, 1996. P. 125–139.
610. *Zeymal E.V.* Coins from the excavations of Takht–i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road. Coins and Culture. Papers in honour of Professor Ikuo Hirayma on his 65th birthday / Ed. by K. Tanabe, J. Cribb and H. Wang (Silk Road Art and Archaeology. Special Volume). Kamakura, 1997. P. 89–110.
611. *Zolotnikova O.* Visual Evidence for the Cult of Antiochus IV // Numismatica e antichità classiche. 2002. P. 239–257.

Приложение

Иллюстративный материал

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

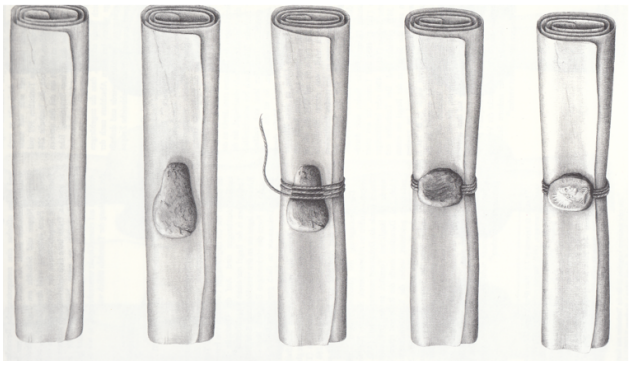

Рис. 4

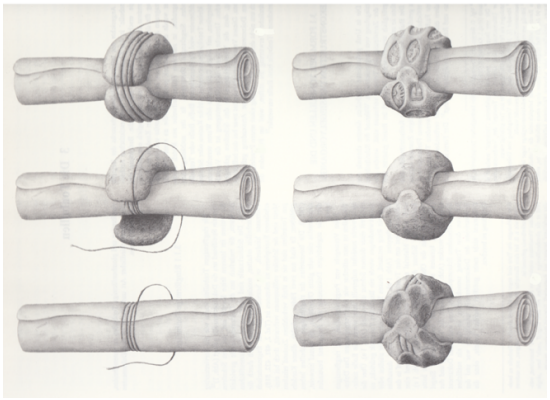

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7a

Рис. 7b

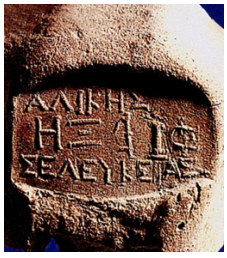

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Рис. 24

Рис. 25

Рис. 26

Рис. 27

Рис. 28-29

Рис. 30

Рис. 31

Рис. 32

Рис. 33

Рис. 34

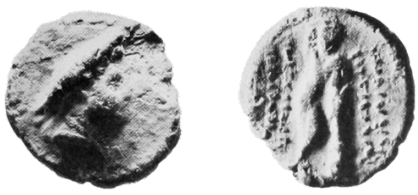

Рис. 35

Рис. 36

Рис. 37

Рис. 38

Рис. 39

Рис. 40

Рис. 41

Рис. 42

Рис. 43

Рис. 44

Рис. 45

Рис. 46

Рис. 47

Рис. 48

Рис. 49

Рис. 50

Рис. 51

Рис. 52

Рис. 53

Рис. 54

Рис. 55

Рис. 56

Рис. 57

Рис. 58

Рис. 59

Рис. 60

Рис. 61

Рис. 62

Рис. 63

Рис. 64

Рис. 65

Рис. 66

Рис. 67

Рис. 68

Рис. 69

Рис. 70

Рис. 71

Рис. 72

Рис. 73

Рис. 74

Рис. 75

Рис. 76

Рис. 77

Рис. 78

Рис. 79

Рис. 80

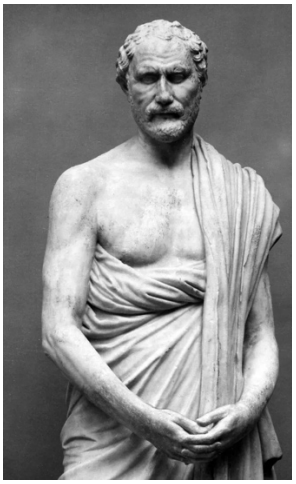

Рис. 81

Рис. 82

Рис. 83

Рис. 84a

Рис. 84b

Рис. 85

Рис. 86

Рис. 86a

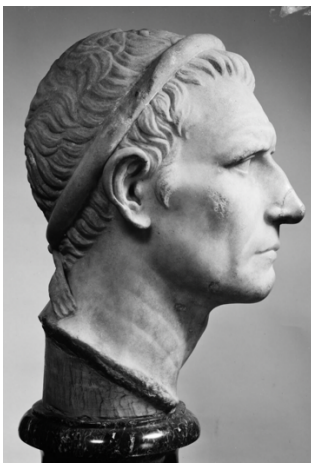

Рис. 87

Рис. 87a

Рис. 88

Рис. 89

Рис. 90

Рис. 91a

Рис. 91b

Рис. 92

Рис. 93

Рис. 94

Рис. 95a

Рис. 95b

Рис. 96a

Рис. 96b

Рис. 97a

Рис. 97b

Рис. 98

Рис. 99

Рис. 100

Рис. 101

Рис. 102

Рис. 103

Рис. 104

Рис. 105

Рис. 106

Рис. 107

Рис. 108

Рис. 109

Рис. 110

Рис. 111

Рис. 112

Рис. 113

Рис. 114

Рис. 115

Рис. 116

Рис. 117

Рис. 118

Рис. 119

Рис. 120

Рис. 121

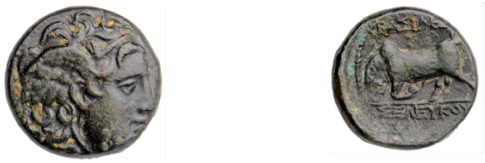

Рис. 122

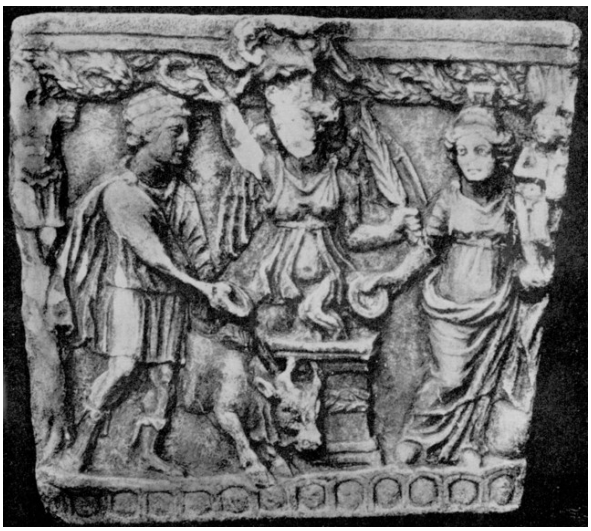

Рис. 123

Рис. 124

Рис. 125

Рис. 126

Рис. 127

Рис. 128

Рис. 129a

Рис. 129b

Рис. 130

Рис. 131

Рис. 132

Рис. 133

Рис. 134a

Рис. 134b

Рис. 135

Рис. 136

Рис. 137

Рис. 138

Рис. 139

Рис. 139a

Рис. 139b

a

b

c

d

Рис. 140

Рис. 141

Рис. 142a

Рис. 142b

Рис. 143

Рис. 144a

Рис. 144b

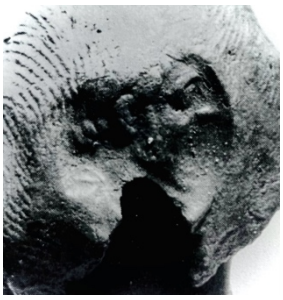

Рис. 145a

Рис. 145b

Рис. 146a

Рис. 146b

Рис. 147a

Рис. 147b

Рис. 148

Рис. 149

Рис. 150

Рис. 151

Рис. 152

a b c d

Рис. 153

Рис. 154

Рис. 155

Рис. 156

Рис. 157

Рис. 158

Рис. 159

Рис. 160

Рис. 161

Рис. 162

Рис. 163

Рис. 164

Рис. 165

Рис. 166

Рис. 167

Рис. 168

Рис. 169

Рис. 170

Рис. 171

Рис. 172

Рис. 173

Рис. 174

Рис. 175

Рис. 175а

Рис. 176

Рис. 177

Рис. 178

Рис. 179

Рис. 180

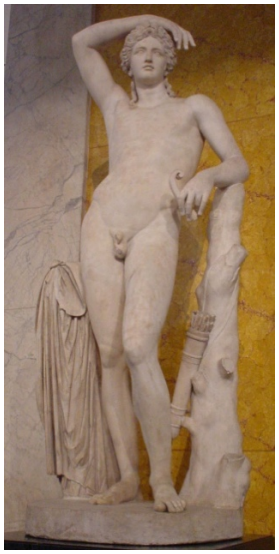

Рис. 181

Рис. 181а

Рис. 182

Рис. 183

Рис. 184

Рис. 185

Рис. 186

Рис. 187

Рис. 187a

Рис. 187b

Рис. 188

Рис. 189

Рис. 190

Рис. 192

Рис. 193

Рис. 194

Рис. 195

Рис. 191

Рис. 196

Рис. 197

Рис. 198

Рис. 199

Рис. 200

Рис. 201

Рис. 202

Рис. 203

Рис. 204

Рис. 205

Рис. 206

Рис 207

Рис. 208

Рис. 209

Рис. 210

Рис. 211

Рис. 212

Рис. 213

Рис. 214

Рис. 215

Рис. 216

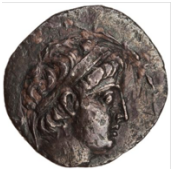

Рис. 217

Рис. 218

Рис. 219

Рис. 220

Рис. 221

Рис. 222a

Рис. 222b

Рис. 223

Рис. 224

Рис. 225

Рис. 226

Рис. 227

Рис. 228

Рис. 229

Рис. 230

Рис. 231

Рис. 232

Рис. 233

Рис. 234

Рис. 235

Рис. 236

Рис. 237

Рис. 238

Рис. 239

Рис. 240

Рис. 241

Рис. 242

Рис. 243

Рис. 244

Рис. 245

Рис. 246

Рис. 247

Рис. 248

Рис. 249

Рис. 250

Рис. 251

Рис. 252

Рис. 253

Рис. 254

Рис. 254a

Рис. 254b

Рис. 255

Рис. 256

Подписи под рисунками

Рис. 1. AR. Тетрадрахма. Александр III. Амфиполь. 336-323 гг. до н.э. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Легенда: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ	Рис. 2. AR. Тетрадрахма. Антигон от имени Александр III. Сузы. 316-311 гг. до н.э. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ
Рис. 3. AV. Статер. Селевк I от имени Александр III. Вавилон. 311-300 гг. до н.э. Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. О.с. Ника с венком влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ	Рис. 4. Запечатывание документа одиночной печатью. Реконструкция Г. Линдстрём. *Lindström G.* Uruk. Siegelabdrücke auf hellenistischen Tonbullen und Tontaflen. Mainz am Rhein, 2003.
Рис. 5. Запечатывание документа буллой. Реконструкция Г. Линдстрём. *Lindström G.* Uruk. Siegelabdrücke auf hellenistischen Tonbullen und Tontaflen. Mainz am Rhein, 2003.	Рис. 6. Оттиск печати с «монограммой хреофилака». Происхождение не известно (Сирия?). Позднеэллинистическое или раннеримское время.
Рис. 7. *a)* «Печать царя»?, выполненная на клинописной табличке, с изображением лошади и якоря. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Or 29 *b)* печать из архива Селевкии на Тигре. Seleucia. SU 2.	Рис. 8. Оттиск печати с упоминанием соляного налога. Селевкия на Тигре. Seleucia. Alk. 3.
Рис. 9. Оттиск печати с упоминанием «хозяйства царицы». Селевкия на Тигре. Seleucia. Alk. 25.	Рис. 10. Фрагмент оттиска печати с изображением якоря. Легенда: ΚΑΤΓ[ΡΑΦΙΟΥ]. Селевкия на Тигре. Seleucia. SU 18.
Рис. 11. Оттиск печати с изображением якоря в круге. Легенда: [ΧΡΕ]ΟΦΥΛΑΚΙΚ[ΟΣ] [Ο]ΡΧΩ[Ν]. Урук. *Lindström G.* Uruk. S. 40.	Рис. 12. Оттиск печати с изображением якоря и протомы рогатой лощади. Урук. *Lindström G.* Uruk. S. 38.
Рис. 13. Оттиск печати с портретом Селевка I и упоминанием должности хреофилака. Легенда: [ΚΡ]ΕΟΦΥΛΑΚ[ΩΝ]. Селевкия на Тигре. Seleucia. Se. 1.	Рис. 14. Оттиск печати с портретом Селевка I и «монограммой хреофилака» (?). Селевкия на Тигре. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Se A55
Рис. 15. Оттиск печати с изображением стоящего Аполлона со стрелой. Легенда: ΧΡΕΟΦΥΛΑΚΙΚΟΣ ΟΡΧΩΝ. Урук. *Lindström G.* Uruk. S. 42.	Рис. 16. Оттиск печати с изображением треножника. Легенда: ΒΙΒΙΛΙΟΦΥΛΑΚΙΚΟΣ. Селевкия на Тигре. Seleucia. SU 20.
Рис. 17. Оттиски частных и официальных печатей на ребре клинописной таблички. II в. до н.э. Музей МакКензи. Инв. 1983-031-080.	Рис. 18. Весовая гиря Антиоха VIII. Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ / ΑΝΤΙΟΧΟΥ – ΦΙΛΟ[ΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ] / ΑΓΟΡΑΝΟ[ΜΟΥΝΤΟΣ] / ΠΟΛΕΜΟΥ ΕΤΟΥΣ О.с. сетка ромбов Pondera 14434; Leu Numismatik 2021M, lot 4059.
Рис. 19. Экзагий Антиоха I (?). Л.с. Аполлона, сидящий на омфале. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ О.с. в центре круг с семью расходящимися лучами. Pondera 12845; Leu Numismatik 2020, lot 1992.	Рис. 20. Экзагий Антиоха IV. Л.с. Голова Исиды, право. О.с. Орел, вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ. Pondera 3745; SNG Greece 7, 1056.
Рис. 21. Весовая гиря Александра I. Л.с. Щит с якорем. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΟΝΤΟΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. дельфин. Легенда: ΡΩΠΙΚΟΝ Pondera 12849; Auction Nomos 2020, lot 268.	Рис. 22. Весовая гиря Антиоха X. Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΟΧΟΥ (sic!) О.с. сетка ромбов. Pondera 12807.
Рис. 23. Весовая гиря царя Антиоха. Л.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ	Рис. 24. Весовая гиря Антиохии на Оронте Л.с. Якорь.

О.с. сетка ромбов. Pondera 14410; Leu Numismatik 2021F, lot 2600.	Легенда: ΑΝΤΙΟΧΕΙΑ ΘΙΡ ΕΠΙ ΑΓΑΘΟΚΛΕΟΥΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов.
Рис. 25. Весовая гиря Антиоха IV. Л.с. Ника, идущая влево. Справа и слева звезды. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΜΝΑ О.с. сетка ромбов. Pondera 3591	Рис. 26. Весовая гиря Диодота Трифона. Л.с. Шлем. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΡΥΦΩΝΟΣ ΤΕΤΑΡΤΟΝ О.с. сетка ромбов Pondera 3600.
Рис. 27. Весовая гиря Деметрия I. Л.с. Рог изобилия. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ ΔΙΜΝΟΥΝ О.с. повреждена Pondera 3556.	Рис. 28–29. AR. Тетрадрахма. Сиде. 205–100 гг. до н.э. Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. На шлеме надчеканка в виде якоря. О.с. ника, идущая влево. 28 – ΣΤΗ, 29 – ΚΛΕΥΧ.
Рис. 30. AR. Тетрадрахма. Аспенд. 205-100 гг. до н.э. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Легенда: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ. Надчеканка в виде головы Гелиоса в овале.	Рис. 31. AR. Тетрадрахма. II в. до н.э. Гераклея. Л.с. голова Афина вправо. Надчеканка в виде шлема в прямоугольнике.
Рис. 32. AE. Бронзовый номинал. Птолемей VI. Кипр. Л.с. Голова Зевса-Аммона вправо. О.с. Орел, сидящий на молнии влево. Надчеканка в виде якоря в прямоугольнике.	Рис. 33. AE. Бронзовый номинал. Ахей. Сарды. Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. О.с. Орел вправо. Надчеканка в виде головы лошади в овале. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΧΑΙΟΥ.
Рис. 34. Керамическая «монета». Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Зевса в лавровом венке вправо. О.с. Афина на квадриге слонов вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ANS 1944.100.44991	Рис. 35. Керамическая «монета». Селевкия на Тигре. Л.с. Мужской бюст в кавсии вправо. О.с. Мужская фигура, стоя опирается на колонну. Легенда: не читается.
Рис. 36. AR. Тетрадрахма. Селевк I. 301–295 гг. до н.э. Сузы. Л.с. Голова неизвестного в шлеме вправо. О.с. Ника, венчающая трофей. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 173	Рис. 37. AR. Тетрадрахма. Антиох I. Ай-Ханум. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Голова рогатой лошади. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 428
Рис. 38. AV. Статер. Антиох I. Ай-Ханум. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Голова рогатой лошади. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 427	Рис. 39. AE. Бронзовый номинал. Селевк I. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова рогатой лошади вправо. О.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 145
Рис. 40. Надчеканка в форме головы рогатой лощади в прямоугольнике на бронзовой монете Антиоха I. Рис. 41. AR. Тетрадрахма. Селевк II (?). Монетный двор ΔΕΛ. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΣΩΤΗΡΟΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 641	Рис. 42. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Дафна. Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. О.с. Аполлон Кифарет вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ SC 1401
Рис. 43. AR. Тетрадрахма. Антиох I. Сарды. Л.с. Голова Селевка I с рогами вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 323	Рис. 44. AR. Тетрадрахма. Антиох II. Лисимахия. Л.с. Голова Антиоха I вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 482
Рис. 45. AR. Тетрадрахма. Антиох Гиеракс. Лампсак. Л.с. Голова Антиоха I вправо.	Рис. 46. AR. Тетрадрахма. Антиох Гиеракс. Александрия в Троаде.

О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 848	Л.с. Голова Антиоха Гиеракса в крылатой диадеме вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 877
Рис. 47. AR. Тетрадрахма. Селевк II. Антиохия на Оронте Л.с. Голова Селевка вправо. О.с. Аполлон стоя, опирается на треножник. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 689	Рис. 48. AR. Тетрадрахма. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Всадники Диоскуры скачут влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2000
Рис. 49. AR. Гемидрахма. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Пантера влево Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2004	Рис. 50. AR. Диобол. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Тирс Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2005
Рис. 51. AE. Бронзовый номинал. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Слон влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2006	Рис. 52. AE. Бронзовый номинал. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Пантера влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2007
Рис. 53. AE. Бронзовый номинал. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Дионис с тирсом и канфаром влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2014	Рис. 54. AE. Бронзовый номинал. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Канфар. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2016
Рис. 55. AE. Бронзовый номинал. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Протома пантеры. О.с. Легенда в венке. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2019	Рис. 56. AV. Мнаэйон. Александрия. Птолемей II. Л.с. Бюсты Птолемея II и Арсинои II вправо. О.с. Бюсты Птолемея I и Береники I. Легенда: ΑΔΕΛΦΩΝ ΘΕΩΝ CPE 307
Рис. 57. AR. Тетрадрахма. Евкратид. Л.с. Бюст Евкратида в шлеме вправо. О.с. Бюсты Гелиокла и Лаодики вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΗΣ ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ ΚΑΙ ΛΑΟΔΙΚΗΣ	Рис. 58. AV. Статер. Селевк I. Сузы. Л.с. Голова Аполлона в лавровом венке вправо. О.с. Артемида на биге слонов. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 163
Рис. 59 AV. Статер. Антиох II. Ай-Ханум. Л.с. Голова Антиоха I вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 617 Собрание музея МНК. Инв. № НП 4600	Рис. 60. AV. Статер. Антиох II. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 570 Собрание музея МНК. Инв. № НП 4720
Рис. 61. AV. Статер. Селевк II. Антиохия на Оронте Л.с. Голова Селевка вправо. О.с. Аполлон стоя, опирается на лук. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 687	Рис. 62. AV. Статер. Антиох III. Монетный двор «с розой». Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Слон в право. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1120

Рис. 63. AV. 2,5 статера. Деметрий I. Антиохия на Оронте. Л.с. Тюхе на троне О.с. Два рога изобилия. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ SC 1630	Рис. 64. AV. Статер. Александр I и Клеопатра Теа. Ака-Птолемаида. Л.с. Голова Клеопатры вправо. О.с. два рога изобилия. Легенда: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ SC 1840
Рис. 65. AV. Статер. Антиох VII. Л.с. голова Антиоха вправо О.с. Колесница Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΜΕΓΑΛΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2134	Рис. 66. AR. Статер. Селевк I. Вавилон. Л.с. Баал на троне О.с. Лев влево. Якорь SC 88 Из собрания ГИМ. Инв. № КР ОН 4541114
Рис. 67. AR. Тетрадрахма. Антиох II. Кимы. Л.с. Голова Антиоха II вправо. О.с. Геракл, сидящий на скале, влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 505	Рис. 68. AR. Тетрадрахма. Антиох II. Бактрия. Л.с. Голова Диодота вправо. О.с. Зевс с пучком молнийвлево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 632
Рис. 69. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Антиохия на Оронте. 169-164 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ SC 1400	Рис. 70. AR. Тетрадрахма. Деметрий I. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Тюхе на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ SC 1638
Рис. 71. AR. Тетрадрахма. Антиох VII. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Афина Никефора влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2061	Рис. 72. AR. Тетрадрахма. Антиох VII. Тир. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Орел влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 2109
Рис. 73. AR. Тетрадрахма. Антиох VII. Малл. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Статуя Афины Магарсии. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2059	Рис. 74. AR. Тетрадрахма. Антиох VII. Тарс. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Алтарь Сандана. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2053
Рис. 75. AR. Тетрадрахма. Селевк III. Селевкия на Каликанде. Л.с. Голова Селевка вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, опирается на треножник влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 916	Рис. 76. AR. Драхма. Деметрий I. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Рог изобилия. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ SC 1642
Рис. 77. AR. Драхма. Антиох VII. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2062	Рис. 78. AV. Медальон из Абукира. III в. н.э. Египет. О.с. Погрудное изображение Александра с копьем и щитом.
Рис. 79. «Герма Азара». Римская копия бюста Александра I–II вв. н.э. с оригинала Лисиппа.	Рис. 80. AR. Тетрадрахма. Антиох V. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΠΑΤΟΡΟΣ SC 1575
Рис. 81. Скульптура Демосфена. Римская копия. Копенгаген. Новая Карлсбергская глиптотека.	Рис. 82. Монетные портреты Антиоха I и Селевка II. «Психологический портрет».
Рис. 83. Монетные портреты Антиоха IV и Деметрия I с анастоле. Imitatio Alexandri.	Рис. 84. Монетные портреты (a) Антиоха VIII и (b) Молона в образе трюфэ.
Рис. 85. AV. Статер. Птолемей I. Александрия. Л.с. Голова Птолемея вправо. О.с. Александр на биге слонов влево. Легенда: ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ	Рис. 86. Художественная эволюция царского портрета Антиоха III по Р. Фляйшеру

CPE 91	
Рис. 86a AV. Ауреус. Калигула. 37-38 гг. н.э. Лугдунум. Л.с. Голова Калигулы вправо. О.с. Голова Августа в лучевой короне, справа и слева звезда. Легенда. C CAESAR AVG GERM P M TR POT COS RIC. Caligula 1.	Рис. 87 Мраморная голова Антиоха III (?). Лувр. Инв. № MNE 909
Рис. 87a. Посмертный портрет Селевка I в «скрученной» диадеме на монете Филетера (ок. 282-263 гг. до н.э.).	Рис. 88. Художественная эволюция портрета Антиоха IV
Рис. 89 Монетные портреты Александра I	Рис. 90. Портреты греко-бактрийских царей Антимаха и Евкратида в образе царя-полководца.
Рис. 91. Парный портрет царя Деметрия I и Лаодики на (a) монетах и (b) печатей из Селевкии на Тигре. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ.	Рис. 92. AR. Тетрадрахма. Александр I. Ака-Птолемаида. Л.с. Парный портрет Александра I и Клеопатры Теи вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 1841
Рис. 93. Оттиск печати с изображением Антиоха IV в слоновьей шкуре. Урук. *Lindström G.* Uruk. № 94-1	Рис. 94. Разновидности царского портрета Деметрия II. Бронзовые выпуски Селевкии на Тигре. a – в шлеме b – в шкуре слона c – в диадеме d – в шкуре льва
Рис. 95. Монетные портреты (a) Птолемея III и (b) Молона.	Рис. 96. Монетный портрет (a) Ахея и (b) Филиппа V.
Рис. 97. Монетные портреты (a) Тимарха и (b) Евкратида.	Рис. 98. AR. Тетрадрахма. Диодот Трифон. Апамея. Л.с. Голова Трифона вправо. О.с. Шлем с рогом. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΡΥΦΩΝΟΣ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ SC 2031
Рис. 99. AR. Тетрадрахма. Антиох I от имени Селевка I. Лаодикея у моря. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 357	Рис. 100. AR. Тетрадрахма. Клеопатра Теа и Антиох VIII. Антиохия на Оронте. Л.с. Парный портрет Клеопатры и Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 2262
Рис. 101. AR. Тетрадрахма. Антиох XI и Филип I. Неопределенный монетный двор 127. Л.с. Парный портрет Антиоха и Филиппа вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΙΛΙΠΠΟΥ SC 2435	Рис. 102. AE. Бронзовый номинал. Клеопатра Теа и Антиох VIII. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Сова на амфоре. Легенда: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 2263
Рис. 103. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Антиохия на Оронте. 175-173/2 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Аполлона на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1395	Рис. 104. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Антиохия на Оронте. 173/2-169 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 1397
Рис. 105. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Антиохия на Оронте. 169-164 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ	Рис. 106. Весовая гиря Антиоха IV. Л.с. Звезда. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΤΕ[ΤΑΡΤΟΝ] О.с. сетка ромбов. Pondera 16395

SC 1400	
Рис. 107. AE. Бронзовый номинал. Антиох IV. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Антиоха вправо. Над головой звезда. О.с. Богиня Никефора на троне влево. Над головой звезда. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 1513	Рис. 108. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Ака-Птолемаида. 170-168 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Аполлона на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1472
Рис. 109. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Селевкия в Пиерии. Л.с. Голова Антиоха вправо. Над головой звезда. О.с. Аполлона на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1424	Рис. 110. AE. Бронзовый номинал. Антиох IV. Тир. Л.с. Голова Антиоха вправо. Над головой звезда. О.с. Нос корабля вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΤΥΡΙΩΝ SC 1463
Рис. 111. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Антиохия на Оронте. 173/2-169 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 1396	Рис. 112. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Ака-Птолемаида. 170-168 гг. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ SC 1476
Рис. 113. AR. Гемидрахма. Антиох IV. Антиохия на Оронте. 169 г. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Эгида. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 1405	Рис. 114. AR. Тетрадрахма. Антиох IV. Неопределенный монетный двор (Сирия). Л.с. Голова Антиоха вправо. Над головой звезда. О.с. Аполлон на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1517
Рис. 115. AR. Драхма. Антиох IV. Неопределенный монетный двор (Сирия). Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Аполлон на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1520	Рис. 116. Оттиски печатей с изображением Антиоха IV в лучевой короне из Урука. *Lindström G.* Uruk. № 242-1.
Рис. 117. AE. Бронзовый номинал. Антиох IV. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Антиоха в лучевой короне вправо. О.с. Богиня Никефора на троне влево. Над головой звезда. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1508	Рис. 118. AR. Тетрадрахма. Антиох VIII. Антиохия на Оронте Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Ураний со звездой влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 2298
Рис. 119. Оттиск печати с изображением обожествленного Селевка I. Селевкия на Тигре. Seleucia. Se 2.	Рис. 120. Мозаика римского времени (III в. н.э.) со сценой основания Апамеи на Оронте. Апамея.
Рис. 121. AR. Тетрдрахма. Деметрий Полиоркет. Л.с. Голова Деметрия с рогами вправо. О.с. Посейдон на скале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ *Newell E.* The Coinage of Demetrius Poliorcetes. London, 1927. № 90.	Рис. 122. AE. Бронзовый номинал. Селевк I. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Горгоны медузы вправо. О.с. Бык вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 24
Рис. 123. Барельеф из Бейрута (Бурж эс-Слейб) с изображением сцены жертвоприношения. Слева – Селевк I, в центре – Ника, справа – Тюхе.	Рис. 124. AE. Бронзовый номинал. Юлиан II. Антиохия. 361-363 гг. Л.с. Бюст императора вправо. О.с. Бык вправо. RIC VIII. 216-218
Рис. 125. Весовая гиря Антиохии с изображением быка. Легенда: ANTIOXEON TETARTON	Рис. 126. Оттиск печати с изображением обожествленного (?) Антиоха IV. Селевкия на Тигре. Seleucia. Se 40.
Рис. 127. Оттиск печати с изображением Селевка IV в лучевой короне. Селевкия на Тигре.	Рис. 128. AV. Мнаэйон. Александрия. Птолемей III. Л.с. Бюст Птолемея III вправо. О.с. Рог изобилия.

Seleucia. Se 30.	Легенда: ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ CPE 887
Рис. 129. Оттиск печати с изображением Птолемея VIII в лучевой короне. (a) Эдфу, (b) Неос Пафос. (a) *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Ed 35. (b) *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts. C 29.	Рис. 130. Александр-космократор. Фрагмент сосуда. Амис. II в. н.э.
Рис. 131. AE. Бронзовый номинал. Александр I. Селевкия в Пиерии. Л.с. Голова Александра в шлеме вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ SC 1790	Рис. 132. Оттиск печати с изображением Птолемея VIII в кавсии. Неос Пафос. *Kyrieleis H.* Hellenistische Herrscherporträts. E 1.
Рис. 133. AE. Бронзовый номинал. Селевк II. Сузы. Л.с. Голова Селевка в кавсии вправо. О.с. Колесница влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 798	Рис. 134. Оттиски печатей с изображением Деметрия II из Селевкия на Тигре. (a) с бородой в кавсии. Seleucia. Se 48. (b) с бородой. Seleucia. Se 47.
Рис. 135. AR. Тетрадрахма. Кос. 380-350 гг. до н.э. Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре. О.с. Краб. Легенда: ΚΩΙΟΝ ΛΑΚΩΝ	Рис. 136. Александр в шлеме в виде львиной шкуры. «Сидонский саркофаг» (фрагмент). Стамбульский археологический музей.
Рис. 137. AR. Тетрдрахма. Агафокл. Л.с. Голова Александра в образе Геракла вправо. О.с. Зевс Аэтофор влево. Легенда на л.с.: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΟΥ ΦΙΛΙΠΠΟΥ *Bopearachchi O.* Monnaies Gréco-Bactiennes et Indo-Greques. Ag. 21-22.	Рис. 138. Оттиск печати с изображением Александра в львиной шкуре. Селевкия на Тигре. Seleucia. Al 1.
Рис. 139. AV. Статер. Вавилон. Селевк I. Л.с. Голова Александра в шкуре слона вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 101	Рис. 139a. AE. Сузы. Селевк I. Л.с. Голова Александра в шкуре слона вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ SC 222
Рис. 139b AE. Сузы. Антиох IV. Л.с. Голова Антиоха в шкуре слона вправо. О.с. Богиня Никефора на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 1533	Рис. 140. Бронзовые номиналы с портретами селевкидских царей в шкуре слона a – Антиох IV b – Деметрий I c – Деметрий II d – Александр II
Рис. 141. Оттиск печати с изображением Антиоха III в шкуре орла. Селевкия на Тигре. Seleucia. Se 17.	Рис. 142. Оттиски печатей (a) Птолемея XII и (b) Птолемея VI в шкуре орла. Эдфу. *Schreiber T.* Form und Funktion hellenistischer Siegel. Ed 121, 21.
Рис. 143. Гемма с изображением Деметрия II (?) в шкуре быка. *Fleischer R.* Studien zur Seleukidischen Kunst. Taf. 36, *b-c*	Рис. 144. Портреты с бородой Селевка II a – Нисибис b – Киликия
Рис. 145. Портреты царя Селевка II с бородой и бакенбардами из Селевкии на Тигре. a – Seleucia. Se 10 b – SC 764	Рис. 146. Портреты Деметрия I с бородой a – Тарс b – Антиохия на Оронте
Рис. 147. Парные портреты a – Лаодика и Антиох SC 1368 b – Антиоха XI и Филиппа I SC 2435	Рис. 148. Оттиск печати из Селевкии на Тигре с парным портретом Антиоха III и Лаодики III. Seleucia. Se 27.
Рис. 149. AR. Тетрадрахма. Клеопатра Теа. Ака-Птолемаида.	Рис. 150. «Рельеф Архелая» (фрагмент). Антиох VIII и Клеопатра Теа?

Л.с. Голова Клеопатры вправо. О.с. Два рога изобилия. Легенда: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ ΘΕΑΣ ΕΥΕΤΗΡΙΑΣ SC 2258	BM 1819. 0812.1
Рис. 151. Фрагмент мозаики с сюжетом основания Апамеи. Апамея.	Рис. 152. AR. Тетрадрахма. Софит. Пенджаб(?). Л.с. Голова правителя в шлеме вправо. О.с. Петух вправо. Кадуцей. Легенда: ΣΩΦΥΤΟΥ
Рис. 153. Оттиски печатей с изображением якоря. a – Каллиполь b - Скифополь c – Урук d – Селевкия на Тигре	Рис. 154. AR. Тетрадрахма. Деметрий II. Селевкия в Пиерии. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 1924
Рис. 155. AR. Тетрадрахма. Селевк I. Вавилон. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ SC 80	Рис. 156. AR. Тетрадрахма. Селевк. Неопределенный монетный двор 9. Л.с. Голова Зевса вправо. О.с. Афина на колеснице слонов влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 156
Рис. 157. AR. Тетрадрахма. Селевк I. Вавилон II. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Затертое изображение якоря. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ Собрание ГИМ. Инв. № КР ОН 452426 SC 80	Рис. 158. AR. Тетрадрахма. Антиох II. Магнесия на Меандре. Л.с. Голова Антиоха II вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Лук в правой руке. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 540
Рис. 159. AR. Тетрадрахма. Антиох I. Экбатаны. Л.с. Голова Антиоха I вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Три стрелы. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 409	Рис. 160. AR. Тетрадрахма. Антиох I. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Антиоха I вправо. О.с. Аполлон, сидящий на омфале, влево. Две стрелы. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 378
Рис. 161. AR. Статер. Киликия. Фарнабаз. Л.с. Баал на троне влево О.с. Голова Ареса влево	Рис. 162. AR. Статер. Киликия. Датам. Л.с. Баал на троне влево О.с. Сатрап на троне влево
Рис. 163. AR. Статер. Киликия. Мазей. Л.с. Баал на троне с орлом влево. О.с. Лев, терзающий быка.	Рис. 164. AR. Статер. Вавилон. Мазей. Л.с. Баал на троне с орлом влево. О.с. Лев влево. Звезда.
Рис. 165. AR. Статер. Киликия. Балакр. После 333 г. до н.э. Л.с. Баал на троне влево. О.с. Бюст Афины.	Рис. 166. AR. Тетрадрахма. Александр III. Тарс. 333-332 гг. до н.э. Л.с. Голова юного Геракла в львином скальпе вправо. О.с. Зевс Аэтофор на троне влево. Легенда: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ
Рис. 167. AR. Статер. Дельфы. IV в. до н.э. Л.с. Голова Деметры влево. О.с. Аполлон на омфале с кифарой влево. Легенда: ΑΜΦΙΚΤΙΟΝΩΝ	Рис. 168. AR. Тетрадрахма. Синопа. IV в. до н.э. Л.с. Голова богини города вправо. О.с. Аполлон на омфале с лирой вправо. Легенда: ΣΙΝΩΠΕΩΝ
Рис. 169. AR. Дидрахма. Кипр. Пафос. IV в. до н.э. Л.с. Голова Афродиты влево. О.с. Аполлон на омфале с луком и стрелой влево. Легенда: ΝΙΚΟΚΛΕΟΥΣ ΠΑΦΙΟΝ	Рис. 170. AR. Тетрадрахма. IV в. до н.э. Л.с. Голова Посейдона вправо. О.с. Аполлон на носу корабля вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΓΟΝΟΥ
рис. 171. AR. Гемидрахма. Дельфы. IV в. до н.э. Л.с. Голова Деметры влево. О.с. Омфал, обвитый змеей. Легенда: ΑΜΦΙΚΤΙΟΝΩΝ	Рис. 172. Аполлон и Елена. Фреска. Помпеи.
Рис. 173. Сцена победы Аполлона над Пифоном. Омфал, обвитый змеей. Фреска. Помпеи.	Рис. 174. AE. Бронзовый номинал. Пергам. II в. до н.э.

	Л.с. Голова Зевса впарво. О.с. Омфал, обвитый змеей. Легенда: ΑΣΚΛΗΠΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ
Рис. 175. AR. Тетрадрахма. Селевк I. Ай-Ханум Л.с. Голова Зевса вправо. О.с. Афина на колеснице слонов влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 279	Рис. 175a. AR. Тетрадрахма. Селевк I. Экбатаны Л.с. Голова Геракла в львиной шкуре вправо. О.с. Всадник в рогатом шлеме вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 203
Рис. 176. AE. Бронзовый номинал. Селевк I и Антиох I. Ай-Ханум. Л.с. Бык вправо. О.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 288	Рис. 177. AE. Бронзовый номинал. Селевк I и Антиох I. Ай-Ханум. Л.с. Бык с мужским лицом вправо. О.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 283A
Рис. 178. AE. Бронзовый номинал. Селевк I и Антиох I. Ай-Ханум. Л.с. Голова Диониса вправо. О.с. Якорь. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 289	Рис. 179. AE. Бронзовый номинал. Селевк II (?). Монетный двор ΔΕΛ. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Якорь и шапки Диоскуров. Легенда: ΣΩΤΗΡΟΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 642
Рис. 180. AR. Пенкадекадрахма. Птолемей III. Александрия. 245 г. до н.э. Л.с. Голова Береника вправо О.с. Рог изобилия с лентами и шапками Диоскуров Легенда: ΒΕΡΕΝΙΚΗΣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ CPE 734	Рис. 181. Аполлон Ликейский. Лувр.
Рис. 181a. AE. Статер. Кротон. IV в. до н.э. Л.с. Геракл, сидящий на скале, с палицей и лавром влево. О.с. Треножник, слева Аполлон, справа Пифон. Легенда: ΟΙΚΙΜΤΑΜ ϟΡΟΤΟΝ	Рис. 182. AE. Бронзовый номинал. Селевк II. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Селевка с рогами на три четверти. О.с. Всадник поражает противника. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ SC 676
Рис. 183. AR. Тетрадрахма. Сузы? Молон. Л.с. Голова Молона вправо. О.с. Ника, венчающая трофей. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΟΛΩΝΟΣ SC 950	Рис. 184. Гемма с портретом Молона? *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 58, pl. 20, *110*.
Рис. 185. AE. Бронзовый номинал. Экбатаны. Молон. Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΟΛΩΝΟΣ SC 949 Собрание ГИМ. Инв. № КР ОН 871765	Рис. 186. AR. Тетрадрахма. Сарды. Ахей. Л.с. Бюст Ахея вправо. О.с. Афина Промахос влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΧΑΙΟΥ SC 953
Рис. 187. Гемма с портретом Ахея. *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. P. 54, pl. 12, *72*	Рис. 187a. AR. Тетрадрахма. Эпир. Пирр. Л.с. Голова Коры влево. О.с. Афина Промахос влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΥΡΡΟΥ
Рис. 187b. AR. Драхма. Пенджаб? Менандр. Л.с. Бюст Менандра с копьем влево. О.с. Афина Промахос влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΩΤΗΡΟΣ ΜΕΝΑΝΔΡΟΥ	Рис. 188. AR. Тетрадрахма. Филипп V. Македония. Л.с. Голова Филиппа вправо. О.с. Афина Промахос влево. Легенда: ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΒΑΣΙΛΕΩΣ
Рис. 189. Хронлогическая типология монетных портретов Антиоха III	Рис. 190. AR. Тетрадрахма. Неопределенный монетный двор 56. Антиох III. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Слон вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 985
Рис. 191. Выпуски «египтизированной» серии SC 1412–1415	Рис. 192. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Антиох IV. Л.с. Голова Зевса в венке вправо. О.с. Зевс Никефор влево

	Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΗΦΟΡΟΥ SC 1398
Рис. 193. AR. Тетрадрахма. Троада. II в. до н.э. Л.с. Голова Афины Илиады вправо. О.с. Фигура Афины Илиады вправо. Легенда: ΑΘΗΝΑΣ ΙΛΙΑΔΟΣ ΦΟΙΝΙΚΟΣ	Рис. 194. AR. Тетрадрахма. Пергам. II в. до н.э. Л.с. Голова Деметры вправо. О.с. Фигуры Диоскуров Легенда: ΘΕΩΝ ΣΥΡΙΩΝ ΚΑΒΕΙΡΩΝ
Рис. 195. AV. Статер. Экбатаны? Тимарх. Л.с. Голова Тимарха вправо. О.с. Колесница вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΤΙΜΑΡΧΟΥ SC 1604	Рис. 196. AV. Статер. Андрагор. Л.с. Голова Андрагора вправо. О.с. Колесница вправо. Легенда: ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ
Рис. 197. AR. Тетрадрахма. Экбатаны. Тимарх. Л.с. Голова Тимарха в шлеме вправо. О.с. Всадники Диоскуры вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΤΙΜΑΡΧΟΥ SC 1589	Рис. 198. Оттиски печатей из Селевкии на Тигре с портретом в шлеме. Seleucia. Se 44–46
Рис. 199. AR. Тетрадрахма. Деметрий I. Селевкия на Тигре. Л.с. Парный портрет Деметрия и Лаодики вправо. О.с. Тюхе на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ SC 1687	Рис. 200. Статуя Тюхе Антиохийской. Римская копия.
Рис. 201. AR. Тетрадрахма. Александр I. Солы. Л.с. Голова Александр вправо. О.с. Тюхе Никефора влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 1777	Рис. 202. AR. Драхма. Александр I. Тарс. Л.с. Голова Александр вправо. О.с. Сандан вправо. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 1778
Рис. 203. AR. Тетрадрахма. Александр I. Мал. Л.с. Голова Александр вправо. О.с. Афина Магарсия. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 1779	Рис. 204. AR. Тетрадрахма. Александр I. Селевкия в Пиерии. Л.с. Голова Зевса вправо. О.с. Молния. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ SC 1798
Рис. 205. AR. Тетрадрахма. Александр I. Тир. Л.с. Голова Александра вправо. О.с. Орел. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ SC 1835	Рис. 206. AR. Тетрадрахма. Александр I. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Александра вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 1784
Рис. 207. AR. Драхма. Александр I. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Александра вправо. О.с. Аполлон на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 1785	Рис. 208. AR. Тетрадрахма. Тир. Л.с. Голова Мелькарта вправо. О.с. Орел. Легенда: ΤΥΡΙΩΝ
Рис. 209. AR. Драхма. Антиох VI. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Аполлон на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΔΙΟΝΥΣΟΥ SC 2002	Рис. 210. AR. Тетрадрахма. Антиох VII. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Афина Никефора влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2061
Рис. 211. AR. Драхма. Антиох VII. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2062	Рис. 212. AR. Тетрадрахма. Антиох VII. Солы. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Афина Никефора сидит влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΥΕΡΓΕΤΟΥ SC 2050

Рис. 213. AR. Статер. Малл. IV в. до н.э. Л.с. Афина сидит влево. О.с. Гермес и Афродита. Легенда: ΜΑΛ	Рис. 214. AR. Тетрадрахма. Деметрий II. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Аполлон на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 1906
Рис. 215. AR. Тетрадрахма. Деметрий II. Антиохия на Оронте. Л.с. Голова Деметрия с бородой вправо. О.с. Аполлон на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 2166	Рис. 216. AR. Тетрадрахма. Деметрий II. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Тюхе на троне влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 1984
Рис. 217. AR. Драхма. Деметрий II. Селевкия на Тигре. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Зевс Аэтофор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 1986	Рис. 218. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. 128 г. до н.э. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Тюхе с рогом изобилия влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 2208
Рис. 219. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Александр II. Л.с. Голова Александра вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΧΑΝΔΡΟΥ SC 2219	Рис. 220. AV. Статер. Антиохия на Оронте. Александр II. Л.с. Голова Александра вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΧΑΝΔΡΟΥ ΘΕΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 2215
Рис. 221. AR. Драхма. Антиохия на Оронте. Александр II. Л.с. Голова Александра вправо. О.с. Два рога изобилия влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΧΑΝΔΡΟΥ SC 2221	Рис. 222. Монетные портреты Александра II. (a) – в шкуре слона, (b) – в лучевой короне.
Рис. 223. AE. Бронзовый номинал. Неопределенный монетный двор 115. Л.с. Парный портрет Клеопатры и Антиоха VIII вправо. О.с. Ника влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ ΘΕΑΣ ΚΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ SC 2265	Рис. 224. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Антиох IX. Л.с. Голова Антиоха с бородой вправо. О.с. Афина Никефора влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ SC 2363
Рис. 225. Весовая гиря Антиоха VIII. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΟΜΗΤΟΡΟΣ ΜΝΑ	Рис. 226. AR. Тетрадрахма. Селевкия в Пиерии. Антиох IX. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 2309
Рис. 227. AR. Тетрадрахма. Селевкия на Каликанде. Селевк VI. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Афина Никефора влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 2405	Рис. 228. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Селевк VI. Л.с. Голова Селевка вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΣΕΛΕΥΚΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ SC 2413
Рис. 229. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Антиох X. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟV ΕVΣΕΒΟVΣ ΦΙΑΛΟΠΑΤΟΡΟΣ SC 2429	Рис. 230. AR. Драхма. Антиохия на Оронте. Антиох X. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Тюхе с рогом изобилия влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟV ΕVΣΕΒΟVΣ ΦΙΑΛΟΠΑΤΟΡΟΣ SC 2430

Рис. 231. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Филипп I. Л.с. Голова Филипп вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 2463	Рис. 232. AR. Тетрадрахма. Дамаск. Деметрий III. Л.с. Голова Деметрия вправо. О.с. Атаргатис. Легенда: ΒΑCΙΛΕΩC ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΘΕΟΥ ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟC CΩΤΗΡΟC SC 2451
Рис. 233. AR. Тетрадрахма. Дамаск. Антиох XII. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Хаддад. Легенда: ΒΑCΙΛΕΩC ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥC ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟC ΚΑΛΛΙΝΙΚΟΥ SC 2471	Рис. 234. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Антиох XIII. Л.с. Голова Антиоха вправо. О.с. Хаддад. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ SC 2487
Рис. 235. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Филипп I. После 64 г. до н.э. Л.с. Голова Филипп вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΦΙΛΙΠΠΟΥ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ ΕΠΙΦΑΝΟΥΣ SC 2488	Рис. 236. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Тигран II. Л.с. Голова Филипп вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΤΙΓΡΑΝΟΥ
Рис. 237. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Август. Л.с. Голова Августа вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда л.с.: ΣΕΒΑΣΤΟΥ Легенда о.с.: ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΘΕΟΥ ΥΙΟΥ	Рис. 238. AR. Тетрадрахма. Антиохия на Оронте. Клавдий. Л.с. Голова Клавдия вправо. О.с. Зевс Никефор влево. Легенда л.с.: ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΚΛΑΥΔΙΟΣ ΚΑΙΣΑΡ Легенда о.с.: ΣΕΒΑΣΤΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΣ
Рис. 239. Согдийское подражание монетам Антиоха I с головой лошади.	Рис. 240. Раннесогдийская монета типа «Согдийский лучник» и подражание монетам Евтидема (?) III в.э.
Рис. 241. Подражания типу «Зевс Аэтофор» (Средняя Азия)	Рис. 242. Подражания типу «Зевс Аэтофор» (Кавказская Албания)
Рис. 243. Коммагенские имитации монет Деметрия I	Рис. 244. Каппадокийская имитация монет Антиоха VII
Рис. 245. Мозаика со ценой основания катойки Пеллы Архипом	Рис. 246. Мозаика с бытовыми сценами жизни в долине Оронта
Рис. 247. Бронзовый номинал. Антиохия на Оронте. Полисный выпуск.	Рис. 248. Бронзовый номинал. Антиохия на Оронте. Полисный выпуск.
Рис. 249. AR. Тетрадрахма. Веспасиан. Антиохия. Л.с. Бюст Веспасиана в лавровом венке влево. О.с. Орел, сидящий на алтаре.	Рис. 250. AE. Бронзовый номинал. Иерусалим. 132-131 гг. до н.э. Л.с. Лилия. SC 2123
Рис. 251. Монета Александра Янная. Дидема/якорь Л.с. Звезда внутри царской диадемы. О.с. Якорь.	Рис. 252. Монета Ирода с якорем. Л.с. Два рога изобилия. О.с. Якорь.
Рис. 253. Селевкия на Тигре. I в. н.э. Полисный выпуск. Л.с. Голова Тюхе в башенной короне. О.с. Якорь.	Рис. 254. Артукиды. Бронзовый номинал. XII в. Л.с. Голова Антиоха VII. О.с. Легенда.
Рис. 254a. AR. Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. Фраат II. Л.с. Бюст Фраата вправо. О.с. Аполлона на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ	Рис. 254b. AR. Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. Артвбан I. Л.с. Бюст Артабана вправо. О.с. Аполлона на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ
Рис. 255 AR. Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. Артвбан I. Л.с. Бюст Артабана влево. О.с. Лучник на омфале влево. Легенда: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ	Рис. 256. AV. Золотой номинал. Кумарагупта. Индия. V в. Л.с. Царь на лошади влево. О.с. Лучник на стуле влево.